

· БЕЛЫЕ ВОИНЫ ·

II

Александр

верная
ГВАРДИЯ

МОСКВА «ПОСЕВ» 2008

Военно-историческая серия «Белые войны»

*Издается по благословению
Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси
Алексия II*

Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов

М.: НП «Посев», 2008

Автор проекта серии – *А.Н. Алекаев*

Научный редактор серии – кандидат исторических наук *В.Ж. Цветков*

Координатор проекта – кандидат исторических наук *Р.Г. Гакжуев*

Шестая книга серии «Белые войны» посвящена трем русским гвардейским офицерам-монархистам, полковникам Ф.В. Винбергу, Ф.Н. Безаку и А.С. Гершельману. Этим людям объединяет много общего: все они происходили из известных генеральских семейств, служили в гвардейских полках Русской Императорской армии, были единомышленниками графа Ф.А. Келлера, принимали активное участие в деятельности монархических организаций, и, несмотря на свои немецкие фамилии, были глубоко верующими православными русскими патриотами, верными Царю и Отечеству.

Основу книги составили недоступные ранее широкому читателю дневники и воспоминания этих офицеров, рассказывающие о Русской смуте: революции 1917 года и Гражданской войне, а также первых годах жизни в эмиграции. Публикуемые свидетельства извлечены из зарубежных книгохранилищ и семейных архивов. Тексты мемуаров превращают обстоятельные биографические очерки, написанные А.А. Ивановым и С.Г. Зириным, которые впервые дают развернутое представление о судьбах и взглядах героев книги.

Книга иллюстрирована фотографиями из раритетных эмигрантских изданий, частных коллекций и семейных архивов, часть из которых публикуется впервые.

Составитель и редактор книги – А.А. Иванов при участии С.Г. Зирина

Художественное оформление – Е.Г. Клодт, В.Н. Карпухин

Заказы и отзывы направлять по адресу:
107497, г. Москва, а/я 4, В.Ж. Цветкову,
тел. (495) 625-92-48 , e-mail: posevru@online.ru;
Р.Г. Гакжуеву – rg@rusk.ru

- © Некоммерческое партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"», 2008
- © А.Н. Алекаев, проект серии, 2008
- © А.А. Иванов, составление книги, публикация текстов, редакция, вступительные очерки, примечания и комментарии, биографический словарь, 2008
- © С.Г. Зирин, публикация текста, вступительный очерк, примечания и комментарии, биографический словарь, 2008
- © К.Ф. Безак, рукопись Ф.Н. Безака «Воспоминания и Киеве и о гетманском перевороте», 2008
- © И.А. Муханова, М.А. Гершельман, А.С. Муханов, И.С. Маршева, рукопись А.С. Гершельмана «Эмиграция», 2008
- © Е.Г. Клодт, В.Н. Карпухин, оформление, 2008
- © Р.В. Былинская, портрет Императора Николая II, 2008

Любое переиздание воспоминаний Ф.Н. Безака и А.С. Гершельмана, равно как и воспроизведение в печатном или электронном виде фрагментов из них (за исключением исследовательских трудов), возможно только с разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85824-179-9

Предисловие редактора

«Бога бойтесь, Царя чтите».

1 Пет. 2, 17

Военные традиции десятков государств включают в себя одно емкое, значимое, одинаково звучащее на многих языках слово – Гвардия. Это не просто «охрана» главы государства, пышные церемонии развода караула или парные часовые на похоронах, венчаниях представителей Царствующих Династий. Это не набор ярких форм, украшенные золотым и серебряным шитьем мундиры, сверкающие на солнце каски и кирасы. Тем более, это не исторический анахронизм или привлекательная для туристов местная «экзотика». Гвардия всегда, во все времена, – это верность долгу, присяге, честь и доблесть, бдительное охранение исторической памяти, на которой только и может строиться здоровая, Национальная Государственность. Гвардия – это особый отбор самых верных, преданных воинов.

Российская Императорская Гвардия – подлинный символ, образец убежденности, верности Престолу и Отечеству. Увы, но столетие назад, в бурную эпоху начинавшегося «века войн и революций», всепоглощающего материализма и маловерия, такие понятия, как честь, верность долгу стали стремительно терять свою ценность. На смену этим, как казалось многим, «устаревшим» идеям или «прогрессивные теории» социализма, «классовой борьбы», «раскрепощенного человека». Все чаще и чаще (особенно после 1905–1907 гг.) словосочетание Императорская Гвардия стало использоваться с эпитетами «реакционная», «антинародная».

Во время Великой войны такими же нелепыми выглядели героические, нередко «в полный рост», атаки гвардейцев в Восточной Пруссии, в Галиции. Бессмысленными считались огромные потери Гвардейского корпуса. Непонятными становились воля к победе и беспримерная жертвенность во имя победы...

«Русская Смута» поставила перед Гвардией новые испытания. С одной стороны, вынужденное отречение Государя, формально освобождавшее от Присяги. Великий соблазн, страшное искушение свободой выдержали не все. Еще труднее стал кровавый искус октябрьского переворота большевиков, начавшаяся Гражданская война.

Но Русская Гвардия сохранила свою Веру и верность. Сражалась за Монархию, хотя и без Монарха. Тысячи гвардейцев, рассеянные по фронтам Белого движения, не изменяли святому для них триединству «За Веру, Царя и Отечество». И в боях Добровольческой, Сибирской, Северной, Северо-Западной армий, и в политических спорах Русского Зарубежья гвардейцы оставались верны своим идеалам и продолжали борьбу.

Представленные воспоминания написаны именно такими, верными долгу воинами Российской Императорской Гвардии. Это полковники Ф.В. Винберг, Ф.Н. Безак и А.С. Гершельман. Их объединяет не только служба в Гвардии, военная родословная (их отцы были известными русскими генералами), но и принадлежность к монархической антибольшевистской организации «Союз верных», цель которой заключалась в «свержении большевизма» и восстановлении прерванной 1917 годом преемственности от России исторической, Царской России...

Очередная книга серии «Белые воины» основана на неопубликованных источниках, неизвестных в России. Это фамильные ценности – рукописные материалы, переданные в нашу страну наследниками Безака и Гершельмана. В качестве иллюстраций приведены не публиковавшиеся ранее фотоматериалы из частных коллекций. Книга снабжена кратким биографическим справочником, содержащим сведения об упоминаемых в документах исторических персоналиях.

*Василий Цветков,
главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
кандидат исторических наук*

часть первая

Ф.В. ВИНБЕРГ

УЛАН ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКОВНИК ФЕДОР ВИКТОРОВИЧ ВИНБЕРГ

*Лицея сын благословенный,
Царицы-Скорбницы улан!..*

Федор Викторович Винберг родился летом 1869 года¹ в богатой дворянской семье Санкт-Петербургской губернии шведско-германского происхождения. Его отец, Виктор Федорович Винберг (1832 – не позже 1920) был флигель-адъютантом (1871) и генералом от кавалерии (1895). Начав офицерскую службу в Кирасирском Его Величества полку, в составе которого он принял участие в подавлении польского мятежа 1863 года, за годы своей долгой и беспорочной службы В.Ф. Винберг последовательно занимал должности командира 3-го гусарского Елисаветградского полка (1865–1872), командовал 2-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии (1873–1874), был начальником Николаевского кавалерийского училища (1874–1878). После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в которой В.Ф. Винберг принял участие, он служил начальником 12-й (1878–1886) и 2-й гвардейской (1886–1890) кавалерийских дивизий, а с 1890 по 1901 год занимал должность командира 10-го армейского корпуса. Последним местом его армейской службы стала работа в Военном Совете (1901–1911), после чего Виктор Федорович вышел в отставку, но продолжил свою полезную для Отечества деятельность, приняв назначение почетным опекуном в Петербургском присутствии Опекунского Совета учреждений Императрицы Марии². По свидетельству военного министра А.Ф. Редигера, В.Ф. Винберг «был человек очень почитаемый и симпатичный, но военного

в нем было мало...»³ Впрочем, это не помешало Виктору Федоровичу сделать блестящую военную карьеру и быть награжденным российскими орденами до ордена св. Александра Невского с алмазными знаками включительно. А один из лично знавших В.Ф. Винберга генералов оставил о нем такой отзыв: «[он] был святым человеком, которого я высоко почитал и горячо любил»⁴.

«С уверенным пожеланием дальнейших столь заслуженных служебных успехов, с искренним пожеланием, чтобы те сердечные отношения, кои установились у нас с Вами, не прерывались в будущем; с горячим пожеланием счастья, здоровья и долгоденствия, приветствуя своего любимого начальника и его глубокоуважаемое семейство, – смеем уверить, что из самой глубины наших благодарных сердец невольно вырвется, сливаясь воедино, тот восторженный клик, которым мы привыкли чествовать дорогих и близких нам людей, и который в простоте нашего сердца выражается единодушным восторженным и громким Ура!...» – с такими словами обращались чины 10-го армейского корпуса к покидавшему его генералу Винбергу⁵.

«Я имею высокую честь чтить в священной и дорогой не для одного меня, но и для всех, его знавших, памяти моего покойного отца одного из тех редких метеоров, который чистоту и благородство своей жизни пронесит через нашу земную юдоль без сучка и задоринки, озаряя все, к чему в жизни имел прикосновение, светом своего высокого духа, дарами очищенного от всех низин жизни ума и сокровищами большого, любвеобильного, отзывчивого горячего сердца. Почти всю свою шестидесятишестилетнюю службу в Русской армии отец мой числился в Генеральном штабе и носил его мундир. Служил он всегда в строю, не любя штабной службы и избегая ее...» – писал о своем отце в 1920 году полковник Ф.В. Винберг⁶.

Матерью Ф.В. Винберга была Ольга Иосифовна, урожденная Вельц, дочь самарского дворянина, члена Бугурусланской уездной управы Иосифа Августовича Вельца. Она происходила из старинного германского рода, представители которого в XIII–XIV веках «были бургграфами в Каринтии, Крайне и, кажется, в Баварии, откуда идет ее род»⁷. «В те времена, – писал Ф.В. Винберг, – императоры Священной Римской Империи вели ожесточенную борьбу против своеволия и антигосударственных выступлений своих непокорных бургграфов, но графы Вельцы (род моей матери) и в смутное время заслужили от своих императоров-сюзеренов наименование “Die treue Welzen” (верные Вельцы. – А.И.)»⁸.

В уже цитировавшемся нами адресе, преподнесенном генералу В.Ф. Винбергу, говорилось и о заслугах его жены Ольги Иосифовны: «Наряду с Вами трудно обойти молчанием и благотворительную деятельность Вашей супруги, трудами и попечительством которой значительно расширена местная “Община сестер Красного Креста” и вновь организована постоянная при ней больница, где нередко находили приют, уход и бесплатное лечение близкие нам люди. Непосильная, конечно, задача, в кратких словах охарактеризовать эту самоотверженную деятельность, отмеченную Высочайшим вниманием и награждением вновь учрежденным орденом “Красного Креста”»⁹.

В послужном списке (1909) Винберга, равно как и в «Списке полковников по старшинству» (СПб., 1912), говорится, что Федор Викторович по вероисповеданию был лютеранином, однако это обстоятельство нуждается в дополнительном комментарии. Не вызывает сомнения, что его родители были лютеранами; видимо, долгое время и сам Винберг был верен религиозной традиции семьи. Однако представляется более чем вероятным (хотя прямых свидетельств этому пока нет), что со временем Федор Викторович перешел в Православие. Косвенными свидетельствами этому предположению служат многочисленные размышления его на страницах приводящегося ниже дневника о первенствующем значении Святого Православия, а также определенно не лестные отзывы о протестантизме, данные им уже в эмиграции. Ратуя в то время за объединение католиков и православных в борьбе с нарастающим безбожием и антихристианством, Винберг, говоря о лютеранстве, в частности, писал: «Протестантство, по-видимому, отколовшись от своего корня, так далеко от него отошло, что вряд ли возможен возврат к нему. Самое полное, цельное и распространенное выражение свое протестантство явило в лютеранской религии, судьба которой, вместе с тем, более или менее точно определяет и судьбу этого реформационного движения XIV и XV веков, бывшего одним из этапов масонского похода против Церкви Христа [...] В Германии можно воочию наблюдать за процессом вырождения протестантской религии. Северная Германия в настоящее время, строго говоря, уже не может быть названа христианской страной»¹⁰. Едва ли такая оценка учения Лютера могла выйти из-под пера лютеранина-протестанта...

Есть и другие свидетельства того, что полковник Винберг закончил свой земной путь православным христианином. Так, генерал А.Д. Нечволодов свидетельствовал, что у Федора Викторовича «была необычайно сильна уверенность в конечном заступничестве за

Русскую Землю Царицы Небесной, Которой он непрестанно молился перед святыми иконами Ее – “Скоропослушницы” и “Песчанской”, памятуя слова святого Иоасафа Белгородского, обретшего икону Песчанской Божией Матери, что “в иконе сей находится источник благодати и спасения России”¹¹. Всякого навещавшего Федора Викторовича, он благословлял при прощании крестным знаменем [...] Большую нравственную поддержку черпал Федор Викторович в переписке и молитвах современного горячего молитвенника за Русскую Землю – благодатного старца Денасия*, инока русского монастыря святого Пантелеймона на Святой Афонской горе»¹².

«Федор Викторович особенно чтит Божию Матерь, – отмечал другой современник. – И если бы кто только мог слышать, как красива, как чиста была его ежедневная долгая молитва перед святыми образами. В ней он находил себе оплот во все тяжелые моменты жизни. И первыми, за кого он всегда молился, это были: Пресветлый Государь Николай Александрович и Его Святая Семья»¹³.

Известно также, что панихида по полковнику Винбергу служилась в православном соборе св. блгв. кн. Александра Невского на рю Дарю, а прах его был упокоен «под сенью Православного Креста»¹⁴. Поэтому смеем предположить, что уже в зрелом возрасте, возможно, в годы Первой мировой войны Федор Викторович принял Православие подобно другим русским немцам – генералам П.К. фон Ренненкампуф и графу Ф.А. Келлеру.

Первоначальное образование Винберг получил в Киевской 2-й классической гимназии. О своих гимназических годах Ф.В. Винберг оставил красочные воспоминания, наглядно характеризующие как его самого, так и духовные болезни, которыми уже тогда были заражены его сверстники.

«1883-й год. Мне 14 лет, и я только что поступил в 5-й класс Киевской 2-й классической гимназии [...] Мое положение в классе – довольно сносное. От природы я был добродушным и веселым; ничего особенно скверного во мне мои новые товарищи не замечали. Но... были у меня прирожденные пороки, от меня не зависящие, и, тем не менее, заставившие относиться ко мне если и снисходительно, то все-таки сдержанно и немножко предубежденно. Дело

---

* Схимонах Денасий (в миру Д.И. Юшков), происходил из мещан г. Сарапула Вятской губ. В 1872 г. он был принят в братию Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. Собирал материалы о подвижниках Святой горы, публикуя их в журнале «Душеполезный собеседник». Скончался в 1928 г.

в том, что происхождение мое и ближайшее родство оставляли желать много лучшего во мнении гимназистов: мой отец был генерал и командовал кавалерийской дивизией в городе. У этих юных русских граждан было определено отрицательное отношение ко всему военному, которое отмечалось общей презрительной кличкой – “военщина”. А “военщина” – это было олицетворение всего “отсталого”, “неразвитого”, “нелиберального” [...] Кроме того, считали меня очень неразвитым потому, во-первых, что я не читал Дарвина и Бокля, а во-вторых, и потому, что еще сохранял религиозные верования (по мнению “ученых” гимназистов и некоторых учителей, в моем возрасте смешно было верить “детским сказкам”). Затем я, по-видимому, был еще и патриотом, но совсем не интересовался “народом” и... почитал Государя. Они, впрочем, не знали еще и того, что два года раньше я плакал, когда убили Царя-Освободителя. Наконец, и это, пожалуй, было главным пунктом, роняющим меня в глазах моих умудренных товарищей, я был еще настолько неразвит, что не имел никаких политических убеждений. В четырнадцать-то лет – и не иметь никаких политических убеждений – это ли не было зазорно!»¹⁵

Впрочем, политические убеждения вскоре у Федора Викторовича появились. Как вспоминал его приятель по Киевской гимназии А.Т. Васильев, повзрослев, Винберг стал живо интересоваться политикой. «Широко образованный, много читавший, чутко следивший за ходом политической жизни и искренно сочувствовавший правильному бытовому развитию России, [...] [Винберг] являлся выразителем лучших наших заветов»¹⁶.

В мае 1890 года Винберг окончил элитарный Императорский Александровский лицей в Царском Селе, из стен которого вышла целая плеяда выдающихся русских людей, включая А.С. Пушкина и князя А.М. Горчакова.

*Пролетело, прошло, пронеслося сто лет
И немало в России свершалось,
Ты один лишь стоял, охраняя завет,
И измена тебя не касалась!*

*Ты один лишь стоял, неподкупен и тверд:
Создан был ты Рукою Державной!
И сознанием Святыни был счастлив и горд,
Наш Лицей на Руси Православной!¹⁷*

Приказом по Министерству внутренних дел от 8 июня 1890 года молодой человек был принят на службу в министерство, а вскоре (с лета 1891 года) постановлением Московского губернского правления стал старшим чиновником для особых поручений при губернаторе. Как следует из послужного списка Винберга, на этой должности в его обязанности входила работа в особой комиссии, образованной для выяснения семейного и имущественного положения евреев, подлежащих выселению из Московской губернии. Помимо этого Винберга командировали в уезды Московской губернии «для осмотра на месте сельских хлебозапасных продовольственных магазинов».

Несмотря на полученное престижное гражданское образование, обеспечивавшее быстрое продвижение, чиновничья служба явно не привлекала сына генерала. Он решил пойти по стопам отца и посвятить себя службе в Русской Императорской Армии. 30 декабря 1892 года, отдав гражданской службе два с половиной года, согласно собственному прошению Федор Викторович был уволен из МВД и поступил вольноопределяющимся в 30-й драгунский Ингерманландский Великого герцога Саксон-Веймарского полк. Проходя действительную строевую службу рядовым солдатом, через год Винберг был произведен в унтер-офицеры и вскоре, решив связать свою судьбу с армией на долгие годы, был прикомандирован к Елисаветградскому кавалерийскому училищу для сдачи офицерского экзамена. Экзамен был сдан блестяще – по первому разряду – и, будучи переименованным в эстандарт-юнкера, а затем произведенным в корнеты, Винберг был откомандирован «для испытания по службе» в Лейб-гвардии Уланский полк (1894), в котором с 1895 года он и был оставлен с правом дальнейшего продвижения по службе.

Этот гвардейский полк имел славные традиции и принадлежал к элитным частям Русской Императорской Армии. Образованный в 1803 году как Одесский гусарский полк, он в том же году был преобразован в Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полк, вскоре отличившийся в сражениях с наполеоновской армией под Аустерлицем (1805) и Фридландом (1807). За свои боевые заслуги полк в 1809 году получил наименование лейб-гвардейского и права старой гвардии. Как пелось в полковой песне лейб-улан:

*Ура, гвардейские уланы!
Кто не слышал про молодцов?
Не даром помнят басурманы
Про наших дедов и отцов.*

*Не даром, кровью и трудами,
Мы заслужили у Царя
Штандарты с белыми крестами
И трубы – все из серебра*¹⁸.

Попасть офицером в такой полк «с улицы» было невозможно, и тут, конечно, большую роль сыграл авторитет генерала Винберга, командовавшего в то время кавалерийской дивизией, в состав которой входил Лейб-гвардии Уланский полк. Впрочем, авторитет отца играл если и важную, но не решающую роль, поскольку, как отмечал один из офицеров-гвардейцев князь В.С. Трубецкой, «случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»¹⁹. «В каждом гвардейском полку общество господ офицеров составляло замкнутую, сплоченную корпорацию, которая, во главе со старшим полковником, хранила и поддерживала дух, заветы, традиции, дававшие свою особую индивидуальность каждому полку и отличавшие его от других. Таким образом, полк не был только одним из номеров дивизии, но представлял определенную, самодовлеющую, индивидуальную величину, – позже вспоминал Ф.В. Винберг. – Этот порядок обеспечивал высокие качества гвардии и преемственно поддерживался тем, что каждая такая офицерская корпорация самостоятельно решала вопросы о приеме в полк новых своих членов, т. е. – что никто из молодых офицеров, выпускаемых из военных училищ, не мог по своему желанию выйти в любой из гвардейских полков, но должен был для того удостоиться согласия господ офицеров его принять в свою среду. Такой порядок был [...] особенно обязателен для гвардии, на которой лежит долг охранять оплот России – Царский Престол и Императорское правительство»²⁰.

С восшествием на престол Императора Николая II Александровича и Императрицы Александры Федоровны молодая Государыня пожелала стать шефом Лейб-гвардии Уланского полка, присвоив ему свое имя.

Высочайшим приказом 14 ноября 1894 года чином полка, среди которых находился корнет Ф.В. Винберг, было объявлено, что «Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна назначается шефом Лейб-гвардии Уланского полка, коему и именоваться впредь Лейб-гвардии Уланским Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полком»²¹.

Известие о такой Высочайшей милости принято было лейб-уланами с величайшим восторгом. В тот же день из-под пера офицера полка Н.Н. Федорова вышли следующие строки:

*Любовью пламенной горя,
Я пью за Батюшку Царя,
Царицу-Шефа, пью за всю
Нам дорогую Их семью
И за моих однополчан
Ее Величества Улан!*²²

А командир полка генерал-майор П.П. Баранов завершил свой приказ по полку следующими словами: «Драгоценнейшая монаршая милость глубоко запечатлется в наших сердцах, преисполненных чувствами беспредельного счастья и самого горячего восторга. Я уверен, что каждый из нас, проникнутый беззаветной любовью и преданностью к нашему Августейшему Шефу, помня, чье имя он носит, сумеет всегда и везде свято хранить незыблемые предания полка, основанные на непоколебимой верности и честной службе Царю и Отечеству»²³.

Слова, сказанные генералом Барановым, Ф.В. Винберг не забывал всю свою жизнь. Имя Шефа полка – Государыни Императрицы было для него священо.

В 1897 году корнет Винберг предпринял попытку поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, но не прошел по конкурсу. На следующий год он вновь выдержал приемный экзамен и был зачислен в Академию. Однако стать офицером Генштаба Винбергу было не суждено – уже через год, 19 мая 1899 года, он был отчислен из числа слушателей Академии «по невыдержанию экзамена» и вернулся в родной полк. На протяжении 1903 года Винберг временно командовал эскадрой Ее Величества, был командиром 3-го эскадрона (временно), а затем 2-го (с 1907 года – «на законном основании»).

В годы революционной смуты 1905–1907 годов в звании штабс-ротмистра в составе своего полка Ф.В. Винбергу довелось принять участие в карательных экспедициях в Прибалтийском крае.

*Кольхался лес дремучий,
Разговаривал с полком:
«Ты, смотри, улан могучий,
Бей повстанцев молодцом»
[...]*

*А в ответ ему уланы,
Осенив себя крестом:
«Полетим на басурмана,
Зададим ему разгром!»²⁴*

Как подчеркивал сам Винберг уже на обвинительном процессе, устроенном над ним в 1918 году большевиками, совесть его в этом отношении была совершенно чиста: «я этого прошлого не стыжусь, в противоположность вам [большевикам], так злобно говорящим о мщени и расплате [...] ни я, ни мои товарищи не относились [так] к побежденным революционерам: исполнив свой воинский долг, мы делали все возможное, чтобы не усугубить тяжести положения попадавших к нам революционеров»²⁵.

К реформам государственного устройства, вызванным революцией 1905–1907 годов, Ф.В. Винберг отнесся однозначно негативно. За несколько дней до открытия I Государственной Думы в беседе с Государыней Александрой Федоровной он откровенно выразил свое настроение, «грустное и тревожное», по поводу предстоящего открытия российского «парламента». «Даже утешая себя розовыми надеждами на будущее, хотя бы оно и не грозило нам многими осложнениями, надо признать, что целый прошлый мир, с которым мы сжились и в сфере понятий которого мы выросли и сложили убеждения, уходит в область истории, и ему на смену надвигается что-то новое, к чему надо еще привыкнуть в лучшем случае, если это новое окажется действительно хорошим», – вспомнил Федор Викторович слова, сказанные им тогда Государыне²⁶.

«Государыня с живостью возразила мне следующими словами. “Не надо так думать и так настраивать себя”, – сказала Ее Величество – “Вас смущает слово ‘конституция’; но не надо преувеличивать значения слов, а лучше всегда вникать без предвзятой мысли в сущность понятия, выражаемого этим словом. И Государь, и лично Я – оба Мы очень довольны, что пришло время, когда Россия может дать помощь своему Государю в лице парламента, в лице избранных представителей всей Русской Земли” [...] Так вначале относились Их Величества к Государственной Думе, к тому новому органу законодательства и контроля, в котором Государь надеялся найти “богатырей мысли и духа”.

Через несколько дней после этого, памятного мне, разговора я видел, как шли по залам Зимнего Дворца с торжествующими, наглыми лицами собравшиеся члены первой Думы, начинавшие с злобными, враждебными мыслями свои дикие, невежественные

готтентотские выступления. Четыре раза сменялся состав Государственной Думы, с первых своих шагов обратившейся в общественную говорильню, в очаг агитации, в место сборища митинговых ораторов, в рассадник сплетен, интриг, партийных счетов и раздоров, столкновения мелких честолюбий и крупных преступных замыслов, приведших Россию к падению.

За все время существования Государственной Думы абсолютно ничего созидательного, творческого, государственного не вышло из пустых словоизвержений недобросовестных и мелочных людей, принесших в здание, долженствовавшее быть средоточием народной совести и народной правды, свой мелкий круг обывательских интересов и свою обывательскую же психологию [...] Увы, и Государю, и Государыне скоро пришлось разочароваться в светлых надеждах, возлагавшихся Ими на “русский парламент”»²⁷.

В 1908 году Винберг Высочайшим приказом был произведен за выслугу лет в ротмистры (с указанием числиться в этом звании с 1906 года) и был назначен членом полкового суда, некоторое время даже временно исполняя должность его председателя.

В конце 1913 года, желая заняться хозяйством в своем имении и мечтая уделять больше времени жене и детям, Винберг покинул армию и в звании полковника (1911) вышел в запас. К этому времени полковник Винберг был награжден рядом российских и иностранных орденов – греческим орденом Спасителя (1901), болгарским «За военные заслуги» (1903), персидским «Льва и Солнца» III степени (1906) российскими Св. Святослава (1905) и Св. Анны III степени (1906). Строки, написанные в конце XIX века полковым поэтом Н.Н. Федоровым, также покидавшим родной Уланский полк, можно в полной мере отнести и к Федору Викторовичу:

*Скажу я людям, вспоминая,
Как сам с тобою смерть встречал.
«Вот стая соколов, та стая,
К которой я принадлежал!»²⁸*

Поселившись в собственном имении Сильковичи Калужской губернии, он занялся ведением молочного хозяйства, но особым его увлечением стал созданный им при имении небольшой конный завод. Вместе со своей супругой Винберг также активно занялся просвещением местного крестьянства – он был попечителем нескольких школ, создал народную библиотеку для крестьян окрестных де-

ревень, организовал за свой счет бесплатные завтраки для учащихся деревенских детей.

Помимо воинского звания, в знак благодарности за верную и долготлетнюю службу, Государь пожаловал Винберга придворным званием шталмейстера Высочайшего Двора. Кроме того, оставив воинскую службу, Ф.В. Винберг стал еще и активным участником монархического движения. Он состоял членом старейшей элитарной монархической организации Санкт-Петербурга – Русского собрания, входил в состав Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА). Будучи близким знакомым одного из вождей черносотенного движения В.М. Пуришкевича, Федор Викторович участвовал во многих инициативах лидера РНСМА – он состоял членом комиссии по изданию мартиролага жертв революционного террора «Книги русской скорби»; был среди членов-учредителей консервативного Всероссийского Филаретовского общества народного образования, ставившего своей целью «постановку образования по всей России на исконных началах преданности Церкви Православной, Самодержавию Царскому и народности Русской».

Однако справедливости ради следует отметить, что Самодержавная монархия понималась Винбергом не столь бескомпромиссно, как большинством участников русских монархических организаций. С одной стороны, он отмечал: «Я, как Русский, являюсь убежденным поклонником идеи Русского Самодержавия, но не закрываю глаз перед действительностью и знаю, что совершенства на земле не бывает. А потому сознаю, что и при Самодержавном строе много неправды творилось в России, много непорядков и внутренних недугов омрачало ее жизнь, много злых, несправедливых людей совершало беззакония и чинило обиды по отношению к ближним своим. [...] Но я сознаю и уверен [...], что без Царя, без Самодержавия, все эти отрицательные стороны русской жизни усугубляются, по крайней мере, в сто раз»²⁹. И в то же время он констатировал: «[Я] являюсь убежденным поклонником Английской конституции, всей истории этого царственного народа и всего строя его политической и общественной жизни, но для России настоящего времени монархизм понимаю иначе, ибо думаю, что нельзя “с суконным рылом лезть в калашный ряд”, и что, дабы иметь право и возможность жить по человечески, надо раньше очеловечиться»³⁰.

Впрочем, спешим оговориться, что вместе с этим Винберг на примерах из русской и европейской истории доказывал, что каждый народ должен иметь свою самобытную индивидуальность, «продукт собст-

венной истории», «свою особую статью», и та страна, которая принимает навязанные «беспочвенными доктринерами» несоответственные ей формы, либо погибает, либо ценою огромных потрясений и жертв все равно возвращается на «круги своя». «Общим лекалом нельзя разрешать задачи жизни. То, что приемлемо или даже благотворно для Англии, может оказаться гибельным для Франции, неприемлемым для Германии, совершенно непереваримым для России; и наоборот. «Suum cuique» («Каждому свое». – А.И.) – вот мудрая старая истина, которую знали и понимали великие римляне» – писал он в 1920 году³¹.

Мирная жизнь в отставке продолжалась недолго. И Федору Викторовичу, желавшему всецело посвятить себя семье, пришлось опять возвращаться в строй, к тяготам армейской жизни. Из своей деревни он тотчас поспешил в Петербург, чтобы вновь поступить в действующую армию. По мобилизации Винберг был назначен командиром запасного пехотного полка, так как родной его полк был уже отправлен на фронт, да и недостатка в штаб-офицерах в начале войны не испытывал. Поскольку назначение состоялось не в кавалерийскую часть, а в пехоту, с которой по собственному признанию Винберга он был «совсем мало знаком», он начал хлопотать о своем переводе в кавалерию, но хлопоты эти не увенчались успехом.

Тогда Ф.В. Винберг отправился просить Императрицу Александру Федоровну – шефа своего родного гвардейского Уланского полка, службе в котором он отдал 20 лет, посодействовать его определению в кавалерию. Вот как вспоминал он свою встречу с Царицей:

«Видя, что в штабах дело не ладится, я поехал в Петергоф, где имела пребывание Ее Величество Государыня Императрица, и, зная Ее всегда милостивое ко мне отношение, позволил себе, ввиду спешности, поступить совсем против придворного этикета. Я написал Государыне письмо, прося Ее Величество принять меня по спешному делу, и послал его с нарочным во дворец. Через час ко мне пришел камер-лакей и сообщил, что в то же утро, в 11 часов, Государыня мне назначила прием. Глубоко тронутый такой милостивой отзывчивостью Ее Величества к моей просьбе, сделанной в совершенно некорректной форме, при появлении Ее Величества в гостиной, где я ожидал приема, я склонил колено, доложив, что не могу иначе выразить, насколько я растроган таким многомилостивым вниманием Ее Величества, а особенно в такое время. Просьба моя была исполнена, и я через неделю уже был на Западной границе»³².

Назначение состоялось, и в качестве командира 2-го конного Прибалтийского полка Винберг прошел всю Великую войну. Не

осталась в стороне от нужд, вызванных войной, и его супруга, Анна Павловна, урожденная Лихачева (по первому мужу княгиня Борятинская), устроившая в имении Винбергов лазарет имени Ее Величества для раненых воинов, Высочайшее покровительство над которым взяла лично Государыня Александра Федоровна.

«После этой памятной для меня встречи [...] я не имел счастья видеть Ее Величества в течение полутора лет. За это время Государыня видела несколько раз мою жену, и каждый раз расспрашивала подробности о том, как идут дела в ее лазарете, и каждый раз давала снова какие-нибудь полезные советы и указания». «Я знаю, что ваша жена очень практична и разумна, – продолжала Государыня, – и меня поймет», – позже вспоминал слова Императрицы Винберг³³.

Как уже говорилось выше, Федор Викторович относился к Императрице Александре Федоровне с особым пиететом. «Я имел счастье знать Государыню с первых дней Ее воцарения. Часто видел Ее Величество близко и имел счастье удаиваться Ее разговора и в немногие светлые, и во многие горькие минуты Ее жизни. Смею верить – и этой уверенности у меня никто не отнимет – что знаю свою Государыню хорошо. И какой Ее знаю, я Ее глубоко и благоговейно чту и как Царицу, и как Русскую Женщину, и как Мать, и как Супругу моего Царя», – писал он о своей Государыне³⁴.

Последняя встреча Ф.В. Винберга с Царицей состоялась за год до революции: «В феврале 1916 года, приехав в отпуск с фронта в Петроград, я через Двор Императрицы (на этот раз я был корректен и, конечно, соблюдал все нужные правила) обратился с просьбой осчастливить меня приемом, на что тотчас и последовало согласие [...] И в этот раз аудиенция длилась больше часа [...] Больше, до сих пор, я не имел счастья видеть Ее Величество; но уповаю, что Господом Богом это счастье мне будет еще дано»³⁵. Отмечена эта встреча и в дневнике Государыни, правда, увы, без подробностей: «Вчера приняла Шебеко и долго с ним беседовала, – потом моего бывшего улана Винберга»³⁶.

Доводилось Винбергу общаться и с Императором Николаем II: «Я имел счастье, во все продолжение Царствования Государя Императора, сравнительно часто видеть Его Величество в интимной обстановке, за стаканом вина, когда Государь, вполне доверяя окружавшей его среде, совершенно просто и задушевно вел длинные, непринужденные беседы, вне парадного этикета придворной обстановки [...] Видал я Государя в хорошем настроении духа; видал и в озабоченном, а не то и просто грустном, печальном, углубленном

в собственные Свои думы», – позже вспоминал полковник Винберг эти счастливые для него дни³⁷.

Но вернемся к Первой мировой войне. Свой долг Ф.В. Винберг выполнил перед Родиной честно и безупречно, охраняя западную границу Российской Империи. Однако, как и многие монархисты, он воспринимал эту войну как «германо-русскую ошибку», заключавшуюся в том, что «вопреки истории, вопреки национальным задачам нашим, вопреки интересам наших государственных, вопреки, наконец, здравому смыслу, Россия и Германия ринулись друг на друга в ожесточенную борьбу, которой самоубийственно друг друга разрушили»³⁸. «В Германии желала войны, преисполненная надменности и самомнения, военная партия [...] Люди этого склада мыслей восторженно и многозначительно распевали свою традиционную песню “Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt” (Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете. – А.И.). Они забывали, к сожалению, или, вернее, не понимали, что эта прекрасная, вдохновенная песня только тогда может быть спета с полным успехом и в полной гармонии, когда для ее исполнения соединятся два хора, два объединенных и дружных народа, германский и русский; и тогда они ее будут петь с некоторым изменением или, вернее, с прибавлением нескольких слов. Будет тогда звучать эта песня следующим образом: “Rußland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!” (Россия и Германия превыше всего... – А.И.) И тогда, под вдохновляющие аккорды этой песни, оба народа найдут свое настоящее призвание и обретут всечеловеческое, великодушное и благодатное стремление к “миру всего мира”, о котором неустанно, но до сих пор несбыточно, молится Христианская Церковь. Но этот хор еще был бы неполон и не мог бы всецело обеспечить за собой того мирового значения, о котором я только что упомянул, если б к нему не присоединился третий голос – Страны Восходящего Солнца. Таким образом, я проповедую для моей Родины союз с теми двумя народами, с которыми Россия, на уклоне своей ныне павшей (но временно) государственности, так неудачно воевала», – писал он, анализируя причины Первой мировой войны, приведшей к гибели как Российской, так и Германской Империй»³⁹.

«Если, – продолжал Винберг, – многие русские люди, носившие не только немецкие, но равно и русские фамилии, встретили русско-германскую войну несочувственно, предвидя или предчувствуя ее опасные для нашей Родины последствия, то исходили они одинаково из русской точки зрения и из более чуткого и вдумчиво-

го уразумения наших государственных задач. Дальнейшие события вполне подтвердили правильность такой точки зрения, внушенной искренней и разумной преданностью Родине»⁴⁰.

Конечно, отчасти в Винберге говорил немец, но это был русский немец, беззаветно преданный Царю и России. Развязанная в годы Первой мировой войны борьба с «немецким засильем» сильно коробила Федора Викторовича, равно как и многих других искренне верных нашему Отечеству обладателей немецких фамилий, честно выполнявших перед Россией свой долг на полях сражений.

«...Глубоко разумна и высокопатриотична была политика Русских Царей, привлекавших немцев на русскую государственную службу, – подчеркивал Винберг, справедливо возмущаясь развязанной в годы войны националистическими кругами травли всего немецкого. – Офицеры немецкого происхождения были первыми пионерами, создававшими мощь, стройность, дух и красоту былой, бесподобной Русской армии [...] Во всех отраслях русской жизни так называемые “русские немцы” внесли дух дисциплины, трудолюбия, отчетливость в исполнении своего долга и планомерность работы, добросовестность и честность, организованность и порядок. Эти ценные, не достававшие нам качества слились с широтой и даровитостью русской народной души и своим взаимодействием дали благотворные результаты, повлиявшие на совершенствование и культурный подъем русской жизни»⁴¹.

Кстати, раз уж мы заговорили о русских немцах, стоит, пожалуй, привести высказывание Ф.В. Винберга и о русском народе, к которому он себя всегда относил. Несмотря на свои немецкие корни, Винберг, восторгаясь или беспощадно, но почти всегда справедливо ругая русских, неизменно говорил о них – «мой народ».

«...Между двумя крайностями [...] находится масса нашего народа и, поочередно подпадая то под одно, то под другое влияние, колеблется, как ковыль по ветру, между двумя течениями: одно из них исходит из светлых чертогов одухотворенных идеалов; другое – из бездны хаоса надвигается сатанинским наваждением и торжеством адовых сил. Весь народ наш состоит из возможностей, чреватых и светлыми, и мрачными произрастаниями. Эти потенциальности народа очень разнообразны и широки, а потому велико бывает благо, когда их властно захватывают хорошие влияния в свой угол зрения и под свое водительство. И настает ужас, когда происходит обратное...»⁴² «Мой бедный народ! – восклицал Винберг в октябре 1917 года. – Я с детства своего Тобою так гордился! Так любил Те-

бя и так в тебя верил! Так дорожил светлой памятью доблестных подвигов Твоего прошлого! Что **они** сделали с Тобой!»⁴³ При этом, рассуждая о врагах русского народа, Федор Викторович самокритично считал, что первый наш враг «это мы сами, русские»⁴⁴.

В дни Февральской революции Винберг находился со своим полком в Прибалтике. Говоря об этих днях, которые Государь Император охарактеризовал в своем дневнике горькими словами: «кругом измена, и трусость и обман», Винберг, подчеркивая безынициативность высшего начальства в первые дни бунта, отмечал: «Пишущий эти строки, командовавший тогда полком под Ригой, удостоверяет, что 1-го марта, когда стали доходить сведения о смуте, он мог с рвучательством повести в Петроград все эскадроны и команды своего полка, кроме одного эскадрона, бывшего под сомнением; но уже 2-го марта, когда пришла весть об отречении, настроения стали меняться... И много было таких полков, которые можно было смело двинуть на “красный Петроград”, где в первые два-три дня господствовали трусость и растерянность»⁴⁵.

«Когда начиналась революция, полк, которым я командовал, отнесся к петербургским беспорядкам несочувственно, – вспоминал позже Винберг. – Эскадроны мои были раскинuty на несколько верст и перемешаны с пехотой, местами уже очень распропагандированной. Но полк сохранял все время хороший дух. Только со второй половины 1916 года среди пришедших пополнений оказалось некоторое количество отвратительных солдат из петербургских фабричных. Началась агитация; незаметно для постороннего, но очень ясно для меня, стала шататься дисциплина, вследствие чего я из гуманного, очень любимого командира, превратился в очень строгого, порой даже “свиrepствовавшего”».

Когда пришли известия о подлых петербургских волнениях, я собрал все команды и эскадроны, какие мог собрать экстренно, и, при полковом штандарте, под звуки трубачей, игравших наш гимн, все восторженно клялись умереть за Царя, если понадобится. На следующий день пришло известие об отречении; настроение стало падать, но в первый день многие солдаты плакали; на следующий день начались “митинги”. Всюду стали распространяться тучи агитаторов; нашлись в полку и доморощенные. Вообще господа революционеры мне сделали честь обратить особое внимание на полк, мной командуемый. Во всей нашей двенадцатой армии я делался особенно подозрительным и ненавистным; то та, то другая пехота, соприкасавшаяся с моими эскадронами, тщетно просила выдать ей меня для

расправы. Без моего Царя, не веря в возможность продолжения войны, я продолжать службу не хотел и, тотчас после отречения, доложил моему начальству, что через восемь дней прошу меня уволить в отпуск, со сдачей полка; сразу уехать я не хотел, чтобы мой отъезд не был похож на бегство. В течение этих проклятых, мучительнейших дней я разъезжал из одного эскадрона в другой, разясняя, успокаивая и наставляя. Было ужасно трудно [...] Оглядываясь назад и вспоминая то мрачное время, я беспристрастно отдаю себе отчет, что за эти дни вел себя прилично и с достоинством. Упрекнуть меня не в чем. Как-то один раз, перед неожиданностью одного выступления скопом, я на мгновение растерялся; но тотчас оправился и ответил резкой строгостью. В общем, я вел себя не зазорно»⁴⁶.

Не считая возможным изменить присяге, в «черном марте» 1917 года Федор Викторович оставил действующую армию и был зачислен в резерв чинов Петроградского военного округа. «С грустью провожал своего любимого командира 2-й Прибалтийский конный полк. “Храните как зеницу ока вашу верность Государю Николаю Александровичу, – говорил Федор Викторович офицерам. – Беснуется Россия, предала Государя Императора. Но будет время, когда Он [придет] к нам в сиянии Своей правоты и на коленях тогда будет встречать Его столь виноватый перед Ним русский народ. Верность Ему в наших сердцах да живет неизменно”»⁴⁷.

Хорошо характеризует Винберга следующий эпизод. Получив однажды приказ произвести дознание по поводу пения в казармах нижними чинами Лейб-гвардии Преображенского полка Русского народного гимна «Боже, Царя храни», Федор Викторович отказался его выполнять, отметив в рапорте, что «можно только горячо приветствовать этот случай, и я сам бы пел “Боже, Царя храни”, если бы тогда был там»⁴⁸. Рапорт полковника Винберга вызвал в штабе округа переполох. «Долго его упрасивали взять этот рапорт обратно и подчиниться приказанию. “Вас ждут очень большие неприятности, если Вы этого не сделаете. Это приказание Керенского расследовать этот случай. А Вы слышали, какой это мелочный, ничтожный господин? О, полковник, лучше возьмите Ваш рапорт обратно!” – “Что Вы меня пугаете этим шутком гороховым?! Рапорта своего я назад не возьму”. Кое как нашли выход: расследование поручили другому штаб-офицеру, а рапорт Федора Викторовича каким-то образом ликвидировали»⁴⁹.

«За пять лет (с 1914 по 1918 год. – А.И.) вся личная жизнь оказалась обездоленной и разрушенной; можно было прийти в отчая-

ние; но меня спасают вера в Бога и Его Справедливость, вера в конечное торжество Правды и светлое сознание чистой совести перед моим Царем, – писал Винберг. – За эти пять лет мне выпало такое счастье, что удалось никогда не быть перед Государем грешным: ни словом, ни помыслом, ни компромиссом, ни вынужденным малодушным отказом от Него»⁵⁰.

Что же касается отношения полковника Винберга к старому русскому солдату и солдату, рожденному революцией, то, сравнивая былых «чудо-богатырей» с народившимися «чудо-дезертирами», он писал: «...Наша дореволюционная армия славна и сильна была не только дисциплиной, но и крепким духом, сознательным пониманием своего воинского долга, преданностью высоким религиозным, государственным и гражданским идеалам. Революция вырвала из души солдата эти священные начала, и усталую, измученную долгой войной душу его, смущенную и растерянную, хотела вдохновить новыми лозунгами “спасения революции”, “углубления и расширения ее”, “торжества интернационала” [...] А поверх всех этих высокопарных, но для солдата пустых слов, разожгла алчность и жадность его приманкой аграрных насилий. Неудивительно, что в результате всей этой вакханалии [...] наша армия, уже потерявшая в честных боях лучших и самых стойких сынов своих и пополненная малоподготовленной молодежью, нравственно и духовно рухнула с высокого своего пьедестала в грязь и слякоть мелких, хищнических, себялюбивых вожделиний и страстей»⁵¹. Однако надежда на возрождение бывлой Русской Армии его не оставляла. «...Остаток совести и у нынешнего солдата – я верю в это – сохранился, как он ни старается заглушить неумолчный голос этой совести, – писал Винберг накануне большевистского переворота. – Тем и объясняется его неожиданное и несправедливое озлобление против своих офицеров, что он в них видит олицетворение всех священных воинских заветов, которым он изменил, но о которых неумолимо напоминает ему совесть. Сумейте разбудить эту совесть, поддержите ее праведный голос, – и вы сами диву дадитесь, как быстро исчезнет опозоривший Россию “чудо-дезертир” и каким блеском славы, каким светом патриотизма засияет возродившийся “чудо-богатырь” Россию возвеличивший!»⁵²

В мае 1917 года Винберг оказался среди организаторов, а затем стал председателем Союза воинского долга, созданного с целью «восстановления благородного духа Русской армии», также поддерживая связи с «Республиканским центром». Название последнего сильно смущало полковника-монархиста, однако после заверений,

данных Винбергу участниками организации, что ее название не определяет сути и что главная цель Центра довести войну до победы, он согласился на сотрудничество, сохранив, однако, за собой полную самостоятельность в действиях. В августе 1917 года Винберг принял участие в неудавшейся попытке генерала Л.Г. Корнилова установить в стране диктатуру. Совместно с другими офицерами он должен был поддержать выступление генерала А.М. Крымова из Петрограда, однако в связи с полным провалом планов Корнилова Винбергу так и не пришлось выступить в поддержку генерала.

Не прерывал Винберг и связей с В.М. Пуришкевичем, хотя стремительное полевение последнего в 1915–1917 годах оттолкнуло от бывшего лидера Союза Михаила Архангела многих монархистов. «Талантливый, блестяще даровитый, редко образованный и начитанный, большого ума и больших творческих способностей, одинакового со мной [...] политического склада мыслей, Владимир Митрофанович мне очень нравился, и я был горячим его сторонником, – так писал Винберг о своем отношении к Пуришкевичу до начала Мировой войны, в то же время отмечая, что «действия и линия Пуришкевича во время войны и революции меня уже от него отвращали»⁵³.

Хотя Винберга уже многое возмущало в действиях Пуришкевича (участие в убийстве Г.Е. Распутина, злобная критика в адрес отрешившегося от Престола Государя и Государыни и др.) он продолжал с ним определенное сотрудничество. В сентябре 1917 года Винберг опубликовал несколько своих статей в газете «Народный трибун: орган Пуришкевича», а также наряду с другими офицерами и деятелями монархического движения участвовал на политических собраниях, которые организовывал в то время Пуришкевич. Поэтому вскоре после захвата власти большевиками, 6 декабря 1917 года, Винберг был арестован новой властью по обвинению в принадлежности к так называемой «монархической организации В.М. Пуришкевича» и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости (19 декабря 1917 г. переведен в тюрьму «Кресты»).

«В 1917-м году, во время господства эсеров, я еще ни разу не подвергался аресту и в тюрьму не попадал. Начал я свои тюремные скитания уже во время господства большевиков. Сначала я сидел в Петропавловской крепости: там было очень скверно; обращение караульных и вообще служащих – сурово, но корректно. Затем я попал в “Кресты”: там также было скверно; но отношение смотрителей и сторожей – очень доброжелательное, тайно-сочувствующее, внимательное и участливое. Когда я был переведен в тюремный

госпиталь той же тюрьмы, то, в смысле комфорта, чистоты, относительного удобства жизни – нельзя было жаловаться. Всегда было, правда, голодно, но голод тогда уже давал себя чувствовать и на свободе. Караульные солдаты везде состояли преимущественно из подлых и злых зверей: но их к нам близко не подпускали. Была также опасность самосудов, и несколько раз мои товарищи и я были очень близки от того, что нас чуть не покончили. Но каждый раз и тюремная администрация, и большевистские власти принимали энергичные меры, ограждавшие нас от гибели.

Однажды было особенно опасно положение нашего отделения госпиталя, в котором все вместе содержались Царские Министры, министры “временного правительства”, несколько видных эсеров и участники моего процесса. В тот день караул, от бывшего Л[ейб]-Гв[ардии] Московского полка, составил заговор ночью ворваться в наше отделение и всех нас прикончить. Уже вечером начальник тюрьмы узнал о готовящейся “операции” и тотчас помчался в Смольный, чтобы предупредить Ленина. По экстренному распоряжению последнего, около 1 часа ночи, была произведена смена нашего караула латышами, в то время наиболее дисциплинированными войсками большевиков, неспособными на самоуправство», – позже описывал Федор Викторович свои тюремные злоключения⁵⁴.

В «Крестах» Винберг оказался в одной камере с молодым офицером Петром Николаевичем Поповым, более известным как П.Н. Шабельский-Борк (свою новую, более звучную фамилию, он взял в память о своей крестной матери, видной деятельнице монархического движения, Е.А. Шабельской-Борк) с которым близко сошелся и сохранял дружеские отношения до конца своей жизни. Попов также проходил по «делу Пуришкевича», как и Винберг, он был кавалерийским офицером, корнетом славной «Дикой дивизии», имел за годы войны три ранения и был награжден Георгиевским крестом.

На обвинительном процессе, устроенном большевиками в январе 1918 года, Винберг, несмотря на поступавшие ему предложения от защиты профессиональных адвокатов отказался, предпочтя защищать себя самостоятельно. Выдвинутых в его адрес обвинений в участии в «монархическом заговоре В.М. Пуришкевича» он не признал, отметив, что, будучи крайне возмущенным действиями Временного правительства, он непременно вступил бы в подобный заговор, если бы действительно видел наличие надежной организации. К тому же Винберг справедливо отмечал всю нелепость судебного процесса, поскольку захватившие власть большевики устрои-

ли суд над теми, кто, исходя из их обвинений, также пытался свергнуть Временное правительство для установления в стране диктатуры. Федор Викторович отклонил и выдвинутое против него обвинение в организации юнкерского восстания, отметив, что если бы он решился рисковать жизнями юнкеров, то «почел бы своим долгом пойти вместе с ними умирать, а не стал бы из-за безопасного рубежа наблюдать за гибелью жертв моих»⁵⁵, как поступил один из руководителей восстания полковник Г.П. Полковников.

Однако на требование обвинителей изложить свои политические взгляды Винберг честно и открыто заявил: «Я монархист: был им всегда и всегда останусь. [...] Я всю жизнь до сих пор прожил и прослужил в верноподданных чувствах к нашему Государю Императору, и чувства такие я хранил не потому, что так мне лично было выгодно, а вследствие вдумчивого понимания их и знания истории моей Родины. [...] Я теперь такой же убежденный монархист, как был и раньше. [...] Я сознательно и любовно признавал тогда власть Государя и был бы подлым рабом, если бы теперь от Него оттрекся»⁵⁶.

Уже в эмиграции, вспоминая дни Русской смуты, Винберг следующими словами свидетельствовал о выполнении им долга верноподданного перед Государем Императором: «Если Господь приведет меня к счастью снова Его увидеть, когда, коленопреклоненно, я буду покрывать поцелуями Его руки, я смогу открыто смотреть Ему прямо в глаза»⁵⁷.

Признать перед большевиками какую-либо вину Винберг отказался, открыто заявив, что свое участие в карательных операциях 1905–1907 годов и свою монархическую позицию считает прямым выполнением офицерского долга. «Да, я не изменил своей Присяге, – я верен и в несчастьи своему Царю. Голова моя может скатиться на Вашей плахе, но перед Вами не преклонится», – заявил Винберг в своей речи⁵⁸.

«...Никакой вины за собой не признаю. Говорил очень откровенно много правды о самом себе и знаю, что это может даже и повредить мне. [...] Но правду [...] я считал нужным сказать, и не “страха ради Иудейского” [...] и не под влиянием наших прокуроров, зловеще вызывавших перед нами кровавый призрак возможных самосудов, а прежде всего из уважения к себе самому, а затем также из уважения, которое я хочу сохранить к суду моей родной страны. [...] “Мне отмщение, и Аз воздам”... сказал Господь Бог наш Иисус Христос, Спаситель мой и ваш, господя судьбы, и Твой, мой несчастный, больной и истерзанный, обманутый и обольщенный,

разоренный и расхищенный, преданный и проданный, Русский Народ!» – такими словами закончил полковник-монархист свое выступление на суде⁵⁹. Во время перерыва в заседании суда к Винбергу подошел один из адвокатов Пуришкевича А.В. Бобрищев-Пушкин и сказал: «Приветствую вас за удивительно смелую и благородную речь; но должен сказать, что вы себя ею потопили...»⁶⁰

*Я помню Вас в советском трибунале,
Когда с поднятой гордо головой,
Вы речь о верности Царю держали,
И голос Ваш звучал как громовой*⁶¹

Тем не менее, решение Революционного трибунала было сравнительно мягким для всех участников «заговора Пуришкевича» – красный террор еще не начался и большевики некоторое время играли в законность, что и спасло жизни монархистов. Винберг был приговорен к принудительным общественным работам сроком на три года условно, с освобождением через год. Но уже в мае 1918 года, как и другие политические заключенные, он неожиданно попал под амнистию, объявленную по случаю дня «международной пролетарской солидарности», однако освобожден был несколько позже остальных, поскольку отверг требование большевиков дать подписку, что отказывается от дальнейшей борьбы с ними.

«Зима 1918 года. Я сижу в тюрьме, приговоренный к каторге за монархический заговор. Мне очень посчастливилось попасть под суд “верховного революционного трибунала” как раз в эпоху начала большевистского торжества: несколькими месяцами раньше, при Керенском, и несколькими месяцами позже, при тех же большевиках, за гораздо меньшие “провинности”, чем мои, нас не судили, но упрощенным порядком, без суда, предавали истязаниям и мучительной смерти», – писал позже Винберг⁶².

Находясь в заключении, Винберг имел возможность близко узнать многих политических деятелей тогдашней России – от знакомых ему ранее монархистов (И.Г. Щегловитова, А.Н. Хвостова, С.П. Белецкого, В.А. Сухомлинова), до либералов (А.И. Коновалова, С.Н. Третьякова и др.) и эсеров (В.Л. Бурцева, П.М. Рутенберга), яркие характеристики которых составил в своем тюремном дневнике «В плену у “обезьян”», публикуемом ниже. Здесь стоит отметить, что заключенные, сидевшие вместе с полковником Винбергом очень боялись, что дневник доведет его автора до расстрела и уговаривали не писать в тюрьме подобных произведений, однако

Федор Викторович наотрез отказался считаться с этими предупреждениями и продолжал вести свои записи.

Утешением в заключении для Винберга стали полученные им слова Высочайшего привета и благодарности от Царственных узников из Тобольска. «В феврале 1918 года, в тюрьму, где я сидел, из Тобольского заточения, в котором находился Его Величество, Государю Императору Всемилостивейше благоугодно было меня удостоить величайшей Монаршей Милостью, о которой может мечтать верноподданный. Арестанту доставили бесконечно дорогой Высочайший Привет и бесконечно дорогую Высочайшую Благодарность. Исполняя только-только свой верноподданнический долг, я гораздо менее заслужил такой Милости, чем многие настоящие герои долга. Но... так случилось, что именно мне выпало это счастье»⁶³.

Видимо, им же была получена и весточка от Государыни: «Май 1918 года. Частная петербургская квартира, разгромленная красноармейцами. В комнате собралось несколько близких между собой людей: близких по пережитым испытаниям, близких по переживаемым чувствам, близких по надеждам, упованиям и чаяниям.

По рукам ходит какая-то открытка, на которой написано несколько строк... Эти дорогие строки читаются с благоговением, ибо написаны они Государыней Императрицей Александрой Федоровной и, через верную “оказию”, только что пересланы из Тобольска. На открытке – фотография с домом, который отмечен крестиком. Содержание этой записки очень кратко:

“Думаем о вас всех и о страданиях, которые вы претерпеваете. Недавно мой сын был очень болен: теперь, слава Богу, поправляется. Среди испытаний стараемся сохранить силы духа. Молитва нас много подкрепляет и поддерживает... Молю Господа Бога, да спасет Он Россию и наш несчастный, обманутый народ. Молитесь и вы, молитесь за народ наш и не злобствуйте на него: он не так виноват, как вам кажется, его самого обманули, и он тоже много страдает. Христос с Вами! А[лександра]”»⁶⁴.

После освобождения Винберг уехал на Украину, где под началом генерала графа Ф.А. Келлера принял деятельное участие в формировании воинских подразделений для борьбы с «самостийниками». Как отмечает современный исследователь С.В. Фомин, «эта близость (с графом Келлером. – А.И.) была предопределена не только тем, что оба были кавалеристами, монархистами, особо почитали Государыню, Которая была милостива к каждому из них, не приняли присягу “временщикам”, но и тем немаловажным обстоя-

тельством, что и тот и другой принимали посильное участие в попытках освободить Царственных Узников, в облегчении Их вынужденного заключения»⁶⁵. Кроме того, Федор Викторович входил в состав так называемой «Южной группы», ставшей вскоре частью законспирированной монархической организации «Союз верных».

В октябре – декабре 1918 года Винберг командовал 4-м (по другим данным – 2-м) отделом офицерской дружины генерала Л.Н. Кирпичева, приняв участие в боях с петлюровцами. «В декабре 1918, – свидетельствовал позже полковник В.М. Андроников, – он отличается упорной и доблестной обороной Педагогического музея [...] при взятии Киева войсками Петлюры»⁶⁶. Вместе со многими другими русскими офицерами, самоотверженно сражавшимися против значительно превосходивших их числом банд С.В. Петлюры, Федор Викторович оказался под арестом в Педагогическом музее «под свирепым владычеством не менее гнусных, чем более глупых петлюровцев»⁶⁷.

Здесь полковник Винберг был назначен комендантом. Однажды в музее, где томились русские офицеры, произошел взрыв складированных в вестибюле пироксилиновых шашек, в результате которого было много раненых и контуженных. Через полчаса после взрыва в музей ворвались гайдамаки с истовыми криками: «Всех перебьем! Знаем: сами взрыв учинили к побегу». Лишь исключительная выдержка и энергия Федора Викторович, отмечал очевидец, предотвратила тогда резню офицеров⁶⁸. «С полковником Ф.В. Винбергом я вместе сидел в киевском Педагогическом музее под арестом у петлюровцев в декабре 1918 года. Должен сказать, что при переговорах с петлюровцами в музее Ф.В. Винберг держал себя с исключительным достоинством», – отмечал участник обороны Киева Р.Б. Гуль⁶⁹.

А в ночь на 21 декабря в комнату, где находились арестованные штаб-офицеры, ворвалось полтора десятка петлюровцев. «Лица их не предвещали ничего доброго. Большей частью они были пьяны. “А кто тут из вас генералы или полковники?” Одни притворились спящими, другие молчали. Тогда отозвался Федор Викторович: “Я полковник. Что надо?” – “А, полковник! Ну, пожалуйста-ка за нами!” Федор Викторович на это спокойно заметил: “Знаю, куда вы меня ведете. Ну, умирать, так умирать! Прощайте, господа!” Затем встал и пошел с петлюровцами. Одному из офицеров, через сестру милосердия, тотчас же удалось дать знать о происшедшем начальнику немецкого караула. В это время Федора Викторовича уже вывели во двор против главного входа, и поставили возле стены.

Вдруг неожиданно с половинным патрулем появляется немецкий обер-лейтенант: “В шеренгу стройся! К бою!” Петлюровцы отхлынули. “Полковник, прошу Вас следовать за мной!”»⁷⁰

*Я знаю, как петлюровские звери
Вас повели однажды на расстрел.
Вы смело встали у заgrabной двери,
Но Бог Вас спас, и Вы остались цел.*

*И знают все, как в черный год измены
Своей Вы не склонили головы,
Служа Святой Присяге неизменно.
И было мало Царских слуг как Вы!*⁷¹

Тем временем, предпринятые друзьями хлопоты об освобождении Винберга увенчались успехом. Он был освобожден из-под ареста в музее, но тотчас вновь был арестован и заключен в Лукьяновскую тюрьму. Вскоре, впрочем, как вспоминал позже сам Винберг, «почти накануне расстрела, я был спасен уезжавшими на родину немецкими войсками, побежденными не Антантой, но своей же революцией»⁷². Вместе с немцами полковник Винберг, наряду с другими русскими офицерами, отбыл в Германию. «Неожиданно, вечером, в конце декабря 1918 года, я был выведен из тюрьмы, доставлен на вокзал и привезен в Берлин, в числе нескольких сотен других русских, охранявшихся в дороге немецкой командой в четырнадцать человек, при одном офицере. Несколько раз, в трудные минуты, эта команда выказала полную готовность, для охраны нашей жизни, пожертвовать своей. Честь и слава доблестным воинам!»⁷³

Обосновавшись в Берлине, Федор Викторович приступил к изданию монархической газеты «Призыв», поддерживавшей, пока шла Гражданская война, предприятие князя П.М. Бермондт-Авалова в Прибалтике, и журнала «Луч света», которые издавал при активном участии своего друга П.Н. Шабельского-Борка. Название и кредо издаваемого им журнала Винберг пояснял следующим образом: «Все партии в России имеют право высказываться откровенно и выставлять свое “credo” краеугольным камнем своей деятельности, кроме монархистов, в большинстве случаев считающих нужным затаить свои чувства. [...] Нельзя молчать! Довольно молчали и скрывались! Наш народ, преступив все Заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа, запятнавший себя подлой изменой и кровавыми злодеяниями, расхитивший и разоривший все достояние отцов сво-

их, за тысячу лет скопленное, дошел до последних пределов своего наносного безумия и ныне находится на краю окончательной гибели. Он должен услышать правду и увидеть хотя бы проблески того Света, которого мы мечтаем быть верными носителями»⁷⁴.

«Все, что писалось в газете “Призыв”, продержавшейся восемь месяцев [...], что писалось в выпуске “Луча Света” – все это дышит ненавистью, негодованием и презрением к вам всем, творцам русской революции [...] Для того, чтобы вести атаку против всего этого отброса человеческого рода, и “Призыв”, и “Луч Света” вооружены были правдой, одной только правдой, оказывающейся убийственным оружием в чистых руках. Мы – не вы, и не можем пользоваться клеветой; да против вас она оказалась бы и лишней: вас убивает правда [...] Но у вас против нас – нет такой правды, которая могла бы наносить удары. Вам остается только одно – клевета, инсинуации, подлоги и передержки», – разъяснял Винберг политическим противникам свою позицию⁷⁵.

*Света неземного блеском озаренные,
Мы земным зарницам веры не даем
И, мечтой нездешней тайно вдохновенные,
От людских расчетов ничего не ждем.*

*Именем Христовым сильные и властные,
В Нем спасенье мира ищем и найдем!
Веруем глубоко – минут дни ненастные,
Просветленье близко! К свету мы идем!*⁷⁶

Настоящей сенсацией стала публикация в третьей книге «Луча света» (1920) произведения С.А. Нилуса «Великое в малом», содержащего «Протоколы Сионских мудрецов». Винберг становится популяризатором «Сионских протоколов» и именно с его переиздания книги «Протоколы» переводятся на немецкий, а затем и на другие европейские языки.

В эмиграции, желая в меру своих сил и возможностей послужить Царскому делу, Винберг начинает активно заниматься издательской деятельностью. Помимо газеты «Призыв» и журнала «Луч света» им были изданы первые два тома воспоминаний товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова, переиздана книга А.С. Шмакова «Свобода и еврейство», выпущен сборник стихотворений «царского гуслира», известного поэта-монархиста С.С. Бехтеева и другие книги. «Чтобы оценить такую энергию Фе-

дора Викторovichа, достаточно сказать, что материальное положение по временам было у него исключительно тяжелым. Однажды в течение восьми дней у него не было ни пфеннига на еду, и силы он поддерживал только чаем»⁷⁷.

Хорошо знавший Винберга Бехтеев, тоже гвардейский офицер-кавалерист (кавалергард), посвятил Федору Викторovichу стихотворение «Пойдем за ним!», в котором, в частности, были следующие строки:

*Он нас зовет к воздвиженью Престола,
Как Минин звал великих предков встарь.
Он нам гласит: «Изжила срок крамола,
И жив с Семей Пресветлый Государь.
Ко мне, орлы! Ко мне, бойцы Царевы!
Да будет мне ниспослано судьбой
Сорвать с рабов кровавые оковы,
Для блага родины пожертвовав собой».
Так нам звучит в изгнанье голос милый,
Суля мечтам желанный, светлый миг...⁷⁸*

В свое время Винберг предложил бывшему военному министру (а в недавнем прошлом своему сокамернику по «Крестам») генералу В.А. Сухомлинову издать написанные им мемуары, однако тот уже заключил договор с другим издательством. Стараниями Федора Викторovichа были выпущены и известные всем историкам русского флота воспоминания Г.К. Графа «На “Новике”». Вот что вспоминал о своем знакомстве с Винбергом бывший морской офицер, в будущем секретарь Великого князя Кирилла Владимировича Г.К. Граф, которому порекомендовали обратиться к Федору Викторovichу как к возможному издателю его книги: «Со слов Сухомлинова знали, что Винберг полковник и когда-то был его адъютантом, в России был очень богат, выйдя в отставку, стал предводителем дворянства и получил придворное звание шталмейстера. Сухомлинов отзывался о нем очень хорошо [...] Шабельский повел меня знакомиться с Винбергом. Тот произвел очень симпатичное впечатление. Но, несомненно, он был, как и Шабельский, несколько человеком не от мира сего [...] Его политические взгляды были “крайне правые”. Он винил в революции главным образом евреев и масонов, но и интеллигенцию, был монархистом и ярым защитником Императора Николая Александровича и, особенно, Императрицы Александры Федоровны. В своей новой книге он ее сравнивал с Марией-Антуанеттой и ставил

на высокий пьедестал. Вообще же это был милейший человек, мечтатель, фантазер и в некоторых областях фанатик...»⁷⁹

Раз уж речь зашла о евреях, следует отметить, что полковник Винберг вовсе не был «зоологическим антисемитом», как его нередко пытаются представить недобросовестные авторы. Действительно, в двух его книгах (в публикуемом ниже дневнике и «Крестном пути») немало мест, в которых нелицеприятно говорится о многих его современниках-евреях и о жидовстве (в религиозном значении этого слова) как таковом (впрочем, внимательный читатель без труда обнаружит, что и русским, отрекшимся от Бога и Царя, от Федора Викторовича досталось, как говорится, «по полной»). Но при этом Винберг отмечал, что «бывают среди евреев поразительно хорошие люди: честные, добрые, сердечные, гуманные, в высшей степени благородные по чувствам и побуждениям, одним словом – настоящие праведники, именно такие, каких с любовью отыскивал Лесков [...] И в начале нашей эры у евреев были праведники, и в большем количестве, чем теперь: но все они тогда ушли от евреев, пойдя за Спасителем нашим Иисусом Христом и за святыми Его Апостолами, бывшими также евреями»⁸⁰.

«Среди моих жизненных встреч с разными людьми мне приходилось более или менее близко знакомиться со многими евреями, причем некоторые из них оказывались очень порядочными людьми, к которым я отношусь с глубоким уважением и искренним сочувствием. Имел я среди евреев и близких друзей. Скажу более того: среди немногих, исключительно добрых, благородных, идейных, истинно хороших людей, приближающихся почти к разряду праведников – каких вообще в жизни каждый человек встречает очень редко и очень мало – в памяти моей числится и несколько евреев, правда, не мозаистов, но обращенных уже в нашу веру»⁸¹.

В своем обращении, напечатанном в газете «Вера и верность», он напрямую обращался к честным евреям, призывая их содействовать «Русскому Государеву Делу». «Если б кто из господ израильтян пожелал [...] приобрести мной издаваемые книги, – писал Ф.В. Винберг, – то я был бы и им очень признателен. Мое предположение – отнюдь не ирония, ибо я думаю, что для тех из них, кто добросовестен и честен, было бы в высшей степени полезно ознакомиться с истиной, которую я исповедую и о которой кричу (и кричал) в сей давно наступивший “Двенадцатый Час”. Более того, я думаю, что добросовестные и честные израильтяне нравственно обязаны помогать нам в воссоздании нашего одухотворенного, светлого, благостного и

счастливого Прошлого, разрушенного их недобросовестными и нечестными, фанатичными и злыми соплеменниками»⁸².

В марте 1920 года Винберг, будучи в близких отношениях с немецкими монархистами, принял участие в Капповском путче, и в связи с его провалом был вынужден перебраться из Берлина в Мюнхен. Здесь Федор Викторович вошел в состав Баварской монархической группы, делегатом от которой в мае – июне 1921 года принял участие в работе объединительного съезда русской правой эмиграции, проходившего в курортном баварском городке Бад-Рейхенгалль (Съезд хозяйственного восстановления России); был также тесно связан с избранным на съезде Высшим монархическим советом. Помимо этого Винберг был членом Русско-немецкого клуба, Русско-немецкого торгового объединения и правой организации «Балтикум».

В том же 1920 году в Мюнхене выходит его книга «Крестный путь. Часть 1. Корни зла» (вторая часть так и не появилась на свет), в которой Винберг постарался объяснить причины происшедшей с Россией катастрофы, делая особый упор на еврейский и масонский факторы. Однако не слагал он вины за падение самодержавной монархии и с русского народа. «Воистину справедлив Гнев Божий, поразивший страну, виновную в величайшем преступлении – в измене своему Монарху, восприявшему власть по Воле Господней, Милостью Божией, – писал он. – Велика ответственность русского народа за все горе, все страдания, все муки, обрушившиеся на нашего Государя. Виноваты и преступны все сословия, все классы народа, от низа до верха, и чем выше, тем преступнее [...] Все виноваты! И высшие дворянские круги, и крупное, и мелкое купечество, и представители науки, и служилые классы, а в особенности прелюбодеи слова, растлители мысли, многие русские писатели последних десятилетий, адвокаты, профессора: всем этим категориям русских граждан не может быть прощения в великом их преступлении [...] По отношению к Царю оказались одинаково виновными и грубый зверь-солдат-красноармеец, и злобное полуживотное, развращенный до мозга костей рабочий, и эгоист стяжатель, аморальный мужик, с одной стороны, а с другой: и ученый профессор, и мелкий интеллигент, и видный влиятельный финансист, и средний купец, и мелкий торговец, и крупный земец, и какой-нибудь безвестный бухгалтер – на всех ступенях иерархической лестницы современного общества измена, предательство и беспринципный оппортунизм торжествовали победу над редкими проявлениями верности, чести и честности [...] “Благородное российское дворянство”, может быть, дало меньше примеров преда-

тельства и измены в активном смысле. Однако, хотя бы и реже, но примеры такие были [...], чтобы каменной глыбой лечь на совесть и несмываемым пятном на честь дворянства, больше всякого другого сословия или класса обязанного и честь свою, и совесть, в отношении верности присяге, оберегать от малейшего нареkania»⁸³.

Касаясь в книге вопросов русской истории и особенностей русского народного характера, Винберг считал естественным для русского человека быть монархистом, полагая, что только при наличии монархии народ в России способен максимально реализоваться, поскольку «мягкая, вялая, женственная природа славянского [...] племени, неспособного к самостоятельной активности [...] по указаниям свыше приобретает и нужную энергию, и упорство, необходимые для многообразных препятствий, встречающихся на пути [...] постепенного шествия нации к заветным идеалам своих исторических предначертаний». «При наличии у кормила правления обаяния и страха власти все русские силы сосредотачиваются вокруг такого центра и дают тому, кто способен в себе самом олицетворить всю действительность власти, широкое поприще для использования их на дело государственного строительства», – считал Федор Викторович⁸⁴.

Идеи социализма, «земного рая», победившие в России, Винберг однозначно характеризовал как «могучее оружие в руках еврейства для продолжения вековой борьбы против христианства и христианской культуры», пытаясь также убедить европейские народы в том, что под маской социализма «против христианских народов по всему фронту ведет наступление общий враг». «Социализм, чисто материалистическое учение, основанное на потакании низменным, животным, корыстным, личным, стяжательным инстинктам человеческой природы, заменил христианство, одухотворенное учение Духа, любви, самоотвержения, подчинения плоти и вознесения в культе высших, благороднейших, сверхчеловеческих порывов и стремлений души»⁸⁵. При этом, как полагал Винберг, три четверти христианских народов таковыми уже не являются и могут именоваться лишь бывшими христианами или потомками христиан. Поэтому он призывал все народы, именующие себя христианскими, к покаянию в своем отступничестве от Христа, объединению всех здоровых сил Православной и Католической церковью к сближению для сопротивления богоборчеству и создания единого антииудейского фронта, призванного отсрочить приход антихриста, иудейского «мессии».

В марте 1922 года ближайшее сотрудницы Винберга по издательской деятельности офицеры П.Н. Шабельский-Борк и

С.В. Таборицкий организовали покушение на бывшего лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, в ходе которого был застрелен другой кадет и масон – В.Д. Набоков, отец известного американского писателя. После ареста и осуждения Шабельского и Таборицкого Винберг переехал к друзьям во Францию, где 14 февраля 1927 года скоропостижно скончался от разрыва сердца и был погребен на кладбище г. Шель.

*Без упрёка и без страха,
Чести Рыцарь легендарный,
Мощь дворянского размаха
Сохранивший в век кошмарный,
Непонятный блюдолизам,
Уважая взгляды чести,
Вы горды своим девизом:
«Предан верно и без лести».
И идя неустрашимо,
Презирая все наветы,
Вы блюдете нерушимо
Старой гвардии заветы...»⁸⁶*

«С чистой совестью, – писал в некрологе сослуживец Ф.В. Винберга полковник князь В.М. Андроников, – он может предстать в Чертоге Господнем перед Светлым Ликом своего Государя. Здесь же, на брэнной земле, как последний аккорд красивой песни, не скоро замрет память об офицере-рыцаре с открытым забралом, отважном борце за идею и правду, и Уланы Ее Величества, которых он так горячо любил в течение всей своей жизни и имя которых так высоко держал, никогда его не забудут»⁸⁷. «Умер великий христианин», «русский великан духа» – такими словами отозвался на смерть Винберга товарищ Обер-прокурора Святейшего Синода князь Н.Д. Жевахов⁸⁸. А 10 лет спустя, в 1937 году, бывший лидер Союза русского народа и активный деятель монархического движения за рубежом Н.Е. Марков в своем докладе по случаю 10-летия кончины Ф.В. Винберга отмечал: «Если бы все, как Винберг, не мудрствуя лукаво, выполняли свой долг, великая, мощная, цветущая Россия существовала бы и доныне...»⁸⁹

Закончить очерк жизни Федора Викторовича Винберга хотелось бы замечательным, но малоизвестным стихотворением его единомышленника, уже упоминавшегося нами поэта Сергея Сергеевича Бехтеева «Луч света. На смерть Ф.В. Винберга».

*Мой друг! Мой брат! Земля сырая
От нас навек тебя взяла,
Достойный сын родного края,
Поборник правды, недруг зла,
В разгаре битвы сон могильный
Тебя безвременно сковал,
И голос твой прямой и сильный
В полночь смуты замолчал.
Прости, подвижник беспримерный,
Наш монархический гигант,
Ты не зарыл, как раб неверный,
Тебе доверенный талант.
Свой дар великий, дар священный,
Ты преумножил, как титан,
Лицея сын благословенный,
Царицы-Скорбницы улан!...
Измерив жизнь пытливым взглядом
И не склоняясь перед злом,
Ты вышел в бой с масонским гадом
С высоко поднятым челом.
Свершая подвиг благородный,
Ты шел бесстрашно впереди,
Храня в изгнание дух народный
И крест Господень на груди.
И предвещая час рассвета,
В борьбе с сомнением и тоской,
Ты был «лучом» желанным «света»
Во мраке пошлости людской.
Ты нас будил, родной глашатель,
Ты звал нас с смертного одра,
Бессмертной правды соглядатель,
Носитель света и добра.
Ты звал туда в страну страданий,
В страну застенков и гробов,
В оковах гибнущих рабов...
Во мгле бездонной русской ночи
В тумане бедствий, мук и зол,
Ты отверзал безумцам очи
На зверский красный произвол.
Огнем пророческим объятый,
Подняв из склепов мертвецов,
Ты нам раскрыл язык проклятый
Сионских тайных мудрецов...
В дни тревожений и печалей,*

*Омыв поруганный Престол,
Слова предательских скрижалей
Ты нам бесстрашно перевел...
И нет тебя! В сырой могиле
Ты спишь невидимый очам,
На радость темной вражьей силе,
На скорбь Царю и горе нам!⁹⁰*

* * *

*Звучал «Призыв», сверкали «Лучи Света»,
Гремит Ваш труд «В плену у “обезьян”». ⁹¹*

*« Изображая в настоящем бывших кумиров народных,
я хочу предостеречь русских людей от возможности
снова стать всеобщим посмешищем»⁹²*

Предлагаемая читателю книга «В плену у “обезьян” (Записки “контрреволюционера”)» представляет собой первую (но вполне законченную) часть тюремного дневника Ф.В. Винберга. «В 1917-м и 1918-м годах, в Трубецком Бастионе Петропавловской крепости, а также в тюрьме “Кресты”, я писал дневник, записывая почти ежедневно свои текущие мысли и впечатления. Летом 1918-го года я издал первую часть этого дневника в Киеве, дав моей книге название – “В плену у ‘обезьян’”, – вспоминал уже в эмиграции полковник Винберг⁹³. Книга эта была издана в гетманском Киеве небольшим тиражом и уже в начале 1920-х годов, как свидетельствовал сам автор, стала библиографической редкостью. Как писал в 1920 году сам Винберг, изданная первая часть его книги яростно уничтожалась захватившими Киев большевиками.

Что же касается второй части дневника, то судьба ее неизвестна⁹⁴. «...Со шемящей болью сердца вспоминаю, что второй части, самой интересной и содержательной, не дано было увидеть свет: манускрипт мой погиб в Киеве, в то время как я сидел в Лукьяновской тюрьме под свирепым владычеством не менее гнусных, чем глупых петлюровцев [...] Разумеется, вместе со всеми моими вещами пропала и рукопись», – сокрушался ее автор⁹⁵.

«За эту историю, – писал дальше Винберг, – я, однако, не виню никого из революционеров: их враждебные действия по отношению к моей книге были бы естественны и логичны. Я виню моих единомышленников, русских “монархистов”, в большом количестве собравшихся в Киеве, где они много “заседали”, горячо ораторств-

вовали и... палец о палец не ударили, чтобы помочь мне в настоящем монархическом деле.

Я попал в Киев в июне 1918 года и тотчас ознакомил с содержанием моей рукописи нескольких очень богатых “монархистов”, ублаженных шутовской комедией, каковую представляла собой жизнь “Державной Украины” [...] под “булавой” (имевшей робкую, но недвусмысленную тенденцию постепенно превращаться в скипетр) “Ясновельможного Пана Гетмана Павло Скоропадского”. В то время все эти люди купались в золоте, наводили порядок в возвращенных им имениях и считали себя спасенными под покровительством Германской армии, вследствие роковой ошибки попавшей в Киев вместо Петербурга.

Мне тогда в голову не приходила мысль, чтобы эти люди, всем своим благосостоянием обязанные нашим Царям, за много миллионов рублей собиравшиеся [...] прикупать новые имения, могли бы мне отказать в сравнительных грошах для издания монархической книги...

Находясь в такой обманчивой уверенности, я стал печатать “обезьян”, заручившись неопределенными, туманными обещаниями. Время шло; подходил срок первой, частичной уплаты; а денег мне никто не давал, несмотря на мои усиленные просьбы, несмотря на отказ от всякой личной выгоды, несмотря на мое предложение все эти выгоды предоставить тем, кто даст 70 тысяч рублей, нужных для всего издания. Когда была напечатана первая часть, наступил критический момент: надо было во что бы то ни стало платить типографии; а денег не было, и никто не хотел их дать.

Нашелся-таки один великодушный человек, с очень ограниченными средствами, но сколотивший себе трудом и усердием небольшой капитал. Он уплатил 35 тысяч за первую часть, уже напечатанную, но отказался, по невозможности, оплатить и вторую.

Добавлю, что я раньше совсем не был знаком с ним, в то время как давно знал тех знатных “монархистов”, которые для идейного дела туго жали свои кошельки, несколько месяцев позже, под гнетом панического ужаса, покорно сданные петлюровцам и большевикам.

Давая мне деньги, верноподданный “хохол” сказал следующее:

“Я получил образование на медные гроши; упорным трудом создал себе скромное, но обеспеченное положение. Я – сын простого мужика, да и сам – мужик. Книга ваша – хорошая, полезная книга; она служит интересам Государя нашего, а потому я не хочу, чтобы она могла пропасть. Вот почему, как мне ни трудно, но я делаю большую для себя жертву и помогу вам выпустить первую часть. Но семидеся-

ти тысяч для всей книги я дать не могу: не имею права так поступить из-за моей семьи, ибо эта сумма составила бы все мое состояние.

Об одном прошу вас: скажите вашим графам и князьям, что простой русский мужик им доказал, что он больше и действеннее умеет любить и чтить Царя и Ему верно служить, чем вот эти бары, так много взысканные Его милостями”.

Насколько я знаю, этот хороший человек уже умер, расстрелянный большевиками. Растроганно чтя его память, я исполняю его наказ и сообщаю то, что он так презрительно говорил о людях, и не умеющих, и не желающих действительно служить во славу и пользу Государева Дела. И эти же люди, угодливой толпой, собираются переполнить залы Царского Дворца, когда придет благодатное время возрождения России и когда служить Царю будет не только безопасно, но и выгодно»⁹⁶.

Текст дневника Ф.В. Винберга публикуется в настоящем издании с незначительными сокращениями, сделанными за счет встречающихся повторов, отдельных стихотворений, дающихся в первом издании целыми блоками, и общих мест, более подробно раскрытых в доступной ныне читателю книге Винберга «Крестный путь», выпущенной репринтным изданием в Санкт-Петербурге в 1997 году. Все опущенные места отмечены многоточиями в угловых скобках, многочисленные отточия автора, присутствующие в тексте, не должны восприниматься читателем как пропуски текста. Постраничные примечания к тексту дневника даны его автором – Ф.В. Винбергом, комментарии публикатора приводятся в конце текста. Поскольку первая публикация дневника Винберга в 1918 году была сделана наспех, без какой-либо редактуры, нынешнее издание подверглось незначительной стилистической правке, несколько не повлиявшей на содержание книги.

Автор вступительного очерка о Ф.В. Винберге, публикатор и автор комментариев к его дневнику А.А. Иванов выражает чувства самой глубокой благодарности и признательности всем тем, чьими стараниями, советами, помощью, предоставлением ценных и редких материалов он пользовался при работе над этой статьей и книгой Винберга, а именно: Тимуру Валерьевичу Кальченко (Киев), Александру Николаевичу Алекаеву, Григорию Борисовичу Кремневу, Руслану Григорьевичу Гагкуеву (Москва), Анатолию Дмитриевичу Степанову, Сергею Михайловичу Григорьеву, Неонилле Дмитриевне Голубятниковой (Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Относительно точной даты рождения Ф.В. Винберга до сих пор нет устоявшегося в исследовательской литературе мнения. Согласно «Списку полковников по старшинству» (Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1912 г. СПб., 1912. С. 1552) Винберг родился 7 июня 1869 г., однако в его послужном списке датой рождения указано 27 июля 1869 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 27172. П/с 3574. – сообщил Р.Г. Гагкуев). Наиболее часто встречающаяся дата в исследовательской и справочной литературе – 1861 г. (см., к примеру: *Фомин С.[В.]* Винберг Федор Викторович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М., 2003. С. 133; *Он же*. Золотой клинок Империи. Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер. М., 2007. С. 847), является ошибочной, поскольку совершенно не стыкуется с воспоминаниями самого Винберга («1883-й год. Мне 14 лет...» или в дневниковой записи от 11 дек. 1917 г.: «...Возраст мой 47 лет»). По другим данным Ф.В. Винберг родился 27 июня 1868 г. (см.: *Платонов О.А.* Винберг Ф.В. // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Сост. О.А. Платонов. М., 2000. С. 127). На этом основании в более раннем нашем очерке мы указывали дату рождения Винберга как 1868 или 1869 г. (см.: *Иванов А.А.* «Я не изменил своей присяге». Гвардии полковник Федор Викторович Винберг (1868 или 1869–1927) // Воинство святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века. / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 532–542).
- 2 *Федорченко В.И.* Свита Российских Императоров. Кн. 1. Красноярск; Москва, 2005. С. 159.
- 3 Цит. по: *Федорченко В.И.* Указ. соч.
- 4 Цит. по: *Нечволодов А.* Светлой памяти в Бозе почившего 1/14 февраля 1927 года Рыцаря без страха и упрека Федора

Викторовича Винберга // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга. Париж, 1927. С. 28.

- 5 Адрес генералу от кавалерии Виктору Федоровичу Винбергу от чинов 10-го армейского корпуса. 29 ноября 1901 г., Харьков, [1901].
- 6 *Винберг Ф.В.* Крестный путь. Часть первая. Корни зла. Репринтное издание. СПб., 1997. С. 122–123.
- 7 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера»). Киев, 1918. С. 136.
- 8 Там же.
- 9 Адрес генералу от кавалерии Виктору Федоровичу Винбергу...
- 10 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 347.
- 11 Образ Божией Матери, именуемый «Песчанский», был явлен святителю Иоасафу, еп. Белгородскому. В год своей блаженной кончины (1754) свт. Иоасаф увидел сон, будто бы он осматривал церкви и в одной из них в притворе на куче мусора узрел сияющую икону Богородицы; и раздался глас: «Смотри, что сделали с ликом Моим служители сего храма. Образ Мой назначен для страны сей источником благодати, а они повергли его в сор». При посещении Воскресенской церкви г. Изюма (Харьковской губ.) еп. Иоасаф обнаружил увиденный во сне образ, используемый в углу притвора как перегородка, за которой ссыпали уголь для кадила. Помолившись перед образом свт. Иоасаф повелел поместить икону в большой киот и поставить на подобающее ей место. В 1792 г. Воскресенская церковь была перенесена из Замостья в более высокую местность на Пески, где началось народное почитание чудотворной иконы.

По рассказу тов. Обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д. Жевахова (издателем воспоминаний которого был Ф.В. Винберг), в годы Первой мировой войны св. Иоасаф Белгородский явился в видениях одновременно благочестивому старцу, живущему в с. Песках, и некоему полковнику. Он повелел обойти с Песчанской иконой линию фронта, предупреждая, что лишь заступничество Божией Матери может спасти Россию от надвигающейся катастрофы. Несмотря на личное распоряжение Императрицы и стараниям кн. Жевахова, доставившего святыню на фронт, Государю о прибытии иконы не было доложено, а князю заявлено, что в ставке некогда заниматься «пустяками»... «И как ясно, что все обрушившиеся на Россию беды яви-

- лись следствием того послушания воли Божией, так ясно и то, что Господь простит этот грех лишь после того, как повеление св. Иоасафа будет выполнено», – писал в своих воспоминаниях кн. Жевахов. – «Так думают те, кто [...] безуспешно разыскивали Песчанский образ Богоматери по всей Европе и не находили его, так думают и те, кто верил афонским старцам, связывавшим спасение России с обретением этого образа – *«источника благодати для всей России»*, и твердившим, что момент обретения этого чудотворного образа явится первым реальным моментом на пути к спасению России» // Воспоминания товарища Обер-прокурора Св. синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 904.
- 12 Нечволодов А. Светлой памяти... С. 28.
  - 13 Брандербуржцы. Quand t'ême! // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга... С. 22–23.
  - 14 Шабельский-Борк П.Н. Царскому паладину. Посвящается светлой памяти Федора Викторовича Винберга // Там же. С. 15.
  - 15 Винберг Ф.В. Крестный путь... С. 230–231.
  - 16 Васильев А.Т. Памяти Ф.В. Винберга // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга... С. 9.
  - 17 Черкасский Н.Н., кн. «На 19-е октября 1911 года». К столетию Императорского Александровского Лицея // Столетний юбилей Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, лицея / сост. А.А. Рубец. СПб., 1912. С. 29.
  - 18 Ура, гвардейские уланы // Сборник стихов и песен Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка / Сост. С.А. Дребязин. СПб., 1903. С. 4.
  - 19 Цит. по: Фомин С.В. Золотой клинок Империи... С. 239. Автор ссылается на: Трубецкой В.С. Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. № 11. С. 58.
  - 20 Там же. С. 114–115.
  - 21 Боровский П.О. История Лейб-гвардии Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Т. 2. С. 469.
  - 22 Федоров Н.Н. Лейб-уланам по случаю назначения их Шефом Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // Сборник стихов и песен Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка... С. 39.

- 23 *Боровский П.О.* Указ. соч. С. 470.
- 24 *Тутомлин И.Ф.* Выступление в поход в 1863 г. // Сборник стихов и песен Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка... С. 8–9.
- 25 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян»... С. 77.
- 26 *Винберг Ф.В.* Царь-Освободитель и освобожденные рабы // Луч света. Книга IV. Мюнхен, 1922. С. 188.
- 27 Там же. С. 188–189.
- 28 *Федоров Н.Н.* Прости родному полку // Сборник стихов и песен Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка... С. 38.
- 29 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 239–240.
- 30 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян»... С. 8.
- 31 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 315–316.
- 32 Там же. С. 182.
- 33 Там же. С. 184.
- 34 Там же. С. 181.
- 35 Там же. С. 184–186.
- 36 *Платонов О.А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 429.
- 37 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 177.
- 38 Там же. С. 38.
- 39 Там же. С. 49–50.
- 40 Там же. С. 99.
- 41 Там же. С. 96, 98–99.
- 42 Там же. С. 73.
- 43 *Винберг Ф.В.* Контрасты // Народный трибун. 1917. 22 окт. № 40.
- 44 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 40.
- 45 Там же. С. 134–135.
- 46 *Винберг Ф.В.* Открытое письмо // Луч света. Книга IV. Берлин, 1920. С. 387.
- 47 *Брандербуржцы. Quand même!..* С. 16.
- 48 Там же; *Фомин С.[В].* Винберг Федор Викторович // Святая Русь... С. 133.
- 49 *Брандербуржцы. Quand même!..* С. 16–17.
- 50 *Винберг Ф.В.* Открытое письмо... С. 386.
- 51 *Винберг Ф.В.* Боеспособность // Народный трибун. 1917. 19 окт. № 37.
- 52 Там же.

- 53 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... (Мюнхен, 1922). С. 83.
- 54 *Винберг Ф.В.* Берлинские письма // Луч света. Книга III. Берлин, 1920. С. 59.
- 55 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян»... С. 75.
- 56 Там же. С. 76.
- 57 *Винберг Ф.В.* Открытое письмо... С. 386.
- 58 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян»... С. 79.
- 59 Там же. С. 80.
- 60 Там же.
- 61 *Шабельский-Борк П.Н.* Царскому паладину. С. 15.
- 62 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... (СПб., 1997). С. 232.
- 63 *Винберг Ф.В.* Открытое письмо... С. 386.
- 64 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 191.
- 65 *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 847.
- 66 *Андроников В.* Памяти полковника Ф.В. Винберга // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга... С. 8; См. также: *Фомин С.[В.]* Винберг Федор Викторович... С. 133.
- 67 *Винберг Ф.В.* Fecit cui prodest (отрывок из дневника). Предисловие // Луч света. Книга IV. Мюнхен, 1922. С. 239. Характерна реакция Ф.В. Винберга на революцию в Германии: «...После того, через полтора года, когда ясно всем было, что сделалось с обезумевшей Россией, этих же приемов хватило и на обман глупых немцев [...]. И этот народ, как и русский, лишившись Императорской Власти, оказался растерянным, ничего не могущим, ничего не умеющим, сбродом ни к чему не способных, метущихся в закоулках и тупиках, беспомощных людишек, еще недавно удивлявших мир своей организованностью, свой симптоматичностью, своим трудолюбием, выдержкой и сплоченной силой» // *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 229.
- 68 *Брандербуржцы.* Quand même!.. С. 18.
- 69 *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. М., 2001. С. 99 (примечание).
- 70 *Брандербуржцы.* Quand même!.. С. 19.
- 71 *Шабельский-Борк П.Н.* Царскому паладину. С. 15.
- 72 *Винберг Ф.В.* Fecit cui prodest... С. 239.
- 73 Там же.
- 74 *Винберг Ф.В.* Перед рассветом // Луч света. Книга I. Берлин, 1919. С. 11 – 12.
- 75 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 154.
- 76 *Ф[едор] В[инберг]* // Луч света. Книга I. Берлин, 1919.

- 77 *Брандербуржцы. Quand même!..* С. 22.
- 78 *Бехтеев С.С.* Пойдем за ним! // *Грядущее. Стихотворения.* СПб., 2002. С. 172.
- 79 *Граф Г.К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. / Вст. ст., подготовка текста, библиографический справочник и коммент. В.Ю. Черняева. СПб., 2004. С. 42–43.
- 80 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 72.
- 81 *Винберг Ф.В.* Берлинские письма... С. 29.
- 82 «Вера и верность». 1923. № 19. С. 4.
- 83 *Винберг Ф.В.* Крестный путь... С. 2–8.
- 84 Там же. С. 16.
- 85 Там же. С. 319.
- 86 *А.М. Ф.В. Винбергу* // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга... С. 10.
- 87 Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 848–849. Автор ссылается на: *Андроников В., кн.* Памяти полковника Ф.В. Винберга // *Новое время.* (Белград). 1927. 4 марта (№ 1752). С. 2.
- 88 *Жевахов Н.* Светлой памяти Федора Викторовича Винберга († 1/14 февраля 1927 года) // Светлой памяти Федора Викторовича Винберга... С. 11, 14.
- 89 *Марков Н.Е.* История еврейского штурма России. Доклад, прочитанный на собрании, посвященном памяти полковника Ф.В. Винберга в Берлине // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. и вступ. ст. М.Б. Смолин. М., 2002. С. 505.
- 90 *Русский стяг* (Белград). 1927. 30 июля / 8 августа (№ 23).
- 91 *Шабельский-Борк П.Н.* Царскому паладину... С. 15.
- 92 *Винберг Ф.В.* Жив курилка! (Из записок контрреволюционера). Киев, 1918. С. 10.
- 93 *Винберг Ф.В.* Fecit cui prodest (отрывок из дневника)... С. 239.
- 94 «Увы, вторая часть, редчайшая по таланту, красоте и силе изда-на быть не могла за неимением средств. На помощь ему не пришли, и вторая часть труда погибла после взятия Киева петлюровцами» // *Брандербуржцы. Quand même!..* С. 18.
- 95 *Винберг Ф.В.* Fecit cui prodest (отрывок из дневника)... С. 239.
- 96 Там же. С. 240–241.

В ПЛЕНУ У «ОБЕЗЬЯН» (Записки «контрреволюционера»)

«Для общей пользы»

(Девиз моей Alma Mater¹, Императорского Александровского Лицея)

«Quand même!»²

(Мой девиз)

«There are more things in heaven
and earth, Horatio,

Than are dreamt of in our philosophy».

(Hamlet)

Shakespeare³

Труд свой посвящаю дорогим родителям моим, отцу и незабвенной моей матери, воспитавшим меня в уважении к славным традициям прошлого и благородным заветам предков, и бесценному другу моему Эрасту Львовичу Вернеру, еще в молодые годы раскрывшему предо мной двери в лучезарные чертоги Идеализма и вдохновенных порывов Духа, не довлеющих «злобе мира сего».

*Боже правый, будь нам силой
В эти тягостные дни,
Заступи, спаси, помилуй,
Благодатью сохрани.
Воскреси Ты край родимый,
Необъятный Русский край.
Добрым кров дай невредимый,
Злых нещадно покарай.
Тех, кто внес к нам лжи отраву,
Кто в зловредной болтовне
Придушил родную славу,
Как в дурманящем огне.
Появися, Бог отмщенья,
Судия земли – восстань.*

*Нечестивым нет прощенья
Их погибель – честным дань!
Возроди Ты в нас былое,
То, чем Русь творили мы;
Все бесчестное и злое
Отгони в пределы тьмы.
Пусть опять польются песни
Торжествующей Руси...
Русь, опомнись! Русь воскресни!
Боже, родину спаси!*

*Кн. Голицын-Муравлин
15 мая 1918 г., Ялта*

МОЙ ДНЕВНИК

---

*Петропавловская крепость
Трубецкой бастион. Камера № 57*

11 декабря 1917 г.

Итак, вот уже пять дней я провожу в новой и необычной для меня обстановке одиночного заключения. Помимо беспокойства за моих родных, о которых первые дни я не имел никаких известий, время проходит довольно быстро, и пока лишение свободы и обречение на полное одиночество меня тяготит не очень сильно. Может быть, отчасти потому, что за время командования мною на фронте полком я привык вне служебных отношений и дел, в той глуши, где я жил со штабом полка, быть почти всегда один с собой, хотя, разумеется, никогда не приходилось раньше так радикально быть отрешенным от остального мира, как теперь. Думаю, что человеку вообще полезно иногда оставаться в своем собственном *tetê à tetê*⁴, если только такой *tetê à tetê* не продолжается чрезмерно долго: он может быть содержательным и для души, и для ума, и для характера, и для нервов, особенно теперь, после десятимесячной непрерывной революционной страды, измотавшей и душу, и нервы. Я чувствую даже себя как будто спокойнее теперь, очутившись вне жизни, и муки страдания за истерзанную, преданную и проданную Родину как будто стали менее остры. Если б можно было отказаться и от чтения газет, было бы, может быть, еще лучше: все равно сделать для спасения России

я ничего не могу, так не лучше ли погрузиться временно в полную нирвану, в состояние безнадежного спокойствия отчаяния. Но газеты я могу получать каждое утро – их приносят в мою «келью» – а при таких условиях я не могу отрешиться вполне от общих интересов, и каждое утро посвящаю ознакомлению с позорными и мрачными подробностями русской действительности. Зато остальное время, которого у меня так много в течение всего долгого дня и части ночи, я вместо брома или другого какого-нибудь успокаивающего нервы лекарства, прибегаю к давно испытанному мной средству – возвращаюсь к годам юности и читаю английские романы: ничто не действует на меня так успокоительно и отвлекающе, как чтение книжек из “Collection of British Authors”⁵. Кроме того, с сегодняшнего дня я решил приступить к писанию своего дневника. Жизнь и всякие дела житейские настолько заполняют все стороны души и ума человека, что мне никогда не удавалось исполнить этого давнишнего моего желания, – запечатлевать *au jour le jour*⁶ свои впечатления и переживания: надо было достукаться до «одиночного заключения», чтобы, наконец, на старости лет начать то, что представляло бы уже некоторый интерес, если б было начато мной в годы юности. Жизнь так скоро пробурлила и промчалась, что я и оглянуться не успел, как наступил уже по меньшей мере зрелый возраст; а, может быть, и начало старости, так как возраст мой, 47 лет, для русского человека нашего, нельзя сказать, чтобы счастливого поколения, – обнимает собой такой длинный ряд тяжелых испытаний, разочарований и утрат поруганных идеалов, что очень многие из прожитых годов должны каждый считаться, по крайней мере, за два.

Пишу, как на душу приходится: если в результате окажется, что мой дневник будет иметь слишком определенно личный характер, я сохраню его для услаждения собственной старости и для собственного своего потомства. Если же выявится в нем более или менее значительный общественный интерес, то ничего не буду иметь против, чтобы он попал в печать.

Насколько я знаю, один из моих предков по прямой линии 230–240 лет тому назад был заточен в тюрьму каким-то шведским королем и, кажется, казнен*. По одной из боковых линий, мой прапрапрадед погиб на эшафоте в кровавые и мрачные, но не такие по-

---

* К стыду моему, этот эпизод не был мною исторически проверен, что, конечно, не делает чести моей любознательности, поэтому передаю его как семейное предание (*примеч. Ф.В. Винберга*).

зорные, как у нас, дни Французской революции. Больше таких случаев сидения в тюрьме я среди предков моих не знаю, так что мое приключение для рода моего является не особенно обычным, а потому если не для общества, то для моего потомства может представить некоторый интерес.

Кто знает, какие сюрпризы ожидают нас в будущем: как ныне тюремный стаж, — хотя бы и в колонии малолетних преступников, — является лучшим средством для быстрой и видной политической карьеры, так, может быть впоследствии, факт сидения в крепости отца или деда за то, что в роковую минуту страшных испытаний Родины сохранил любовь к ней и верность священным воинским и гражданским заветам, даст детям, внукам и правнукам моим некоторое нравственное удовлетворение.

12 декабря

6-го сего декабря, в 8 ½ часов вечера, я сидел у кровати моей младшей дочери и читал ей на сон грядущий какую-то книжку из "Bibliothèque Rose"⁷, когда мне пришли доложить, что на кухне спрашивает меня какой-то солдат. Ко мне всегда приходило и приходит еще и теперь много разных солдат из бывших моих подчиненных, особенно из моих улан 2-го эскадрона, которым я командовал, так что известие это несколько меня не удивило, и я тотчас пошел посмотреть, в чем дело. На кухне я встретил совершенно незнакомого солдата, который с таинственным видом мне показал ордер военно-следственной комиссии, предписывающей ему произвести у меня обыск и, если окажется нужным, то и арестовать меня. Будучи совершенно непричастен к какому-нибудь заговору против правительства большевиков, я был очень удивлен таким оборотом дела, но предложил ему пройти в мой кабинет и осмотреть мои бумаги. По знаку первого солдата вошло еще несколько солдат его команды, а снаружи заняты были все входы и выходы из моей квартиры.

Должен упомянуть, что первый солдат, бывший начальником команды, вел себя по отношению ко мне и всем членам моей семьи вполне учтиво и корректно и произвел на меня скорее симпатичное впечатление. По примеру начальника своего вели себя прилично и остальные солдаты; однако не хочу обойти здесь одного ничтожного самого по себе обстоятельства, но представляющего характерный штрих, обрисовывающий не особенно красиво так называемую «красу и гордость русской революции».

В то время как старший занялся моим письменным столом, некоторые люди его команды расползлись по моей квартире, на что я обратил внимание их начальника, высказав опасение за целостность моего имущества, но он уверенно мне ответил, что я могу быть совершенно спокоен – «революционные солдаты» ничего не тронут. Однако, как позже я узнал от жены, приехавшей ко мне в крепость на свидание, не все обошлось вполне благополучно: моя жена этих солдат оставила одних не больше как минуты на три около своей кладовой, но этого было достаточно, чтобы исчезли 40 яблок и 2 бутылки вина. Пропажа яблок очень огорчила мою жену, так как она очень дорожит ими для детей, а в настоящее время они стоят очень дорого даже для таких состоятельных или даже богатых «буржуев», как мы, у которых имущества ограблены, дома захвачены, а вдобавок и из банков трудно получить деньги. Эта мелочь наводит меня на грустные размышления: воинская команда неожиданно явилась в дом для ареста главы семьи; люди эти не могут не понимать, что, исполняя свой долг, вносят в семью большое огорчение и расстройство; казалось бы, что самая элементарная деликатность и чуткость должны были их заставить очень бережно и щепетильно исполнить свою обязанность. Уверен, что солдат француз, англичанин и всякий другой европеец понял бы это чувство. Может быть, понял бы и наш прежний солдат, нами воспитанный и нами руководимый, но для революционного солдата такие вполне обыкновенные, отнюдь не героические (где тут героизма ожидать), простые человеческие, человечные чувства – совершенно чужды: чувство чести – “le point d'honneur” – совершенно у него отсутствует. Да, нищий духом и тупой души кажется мне наш народ, каким он представился за эти десять месяцев. Как печально это сознание для тех из нас (в этом числе и для меня), кто в него верил, любил его, возился с ним, так слепо обольщался и так жестоко разочаровался.

А все-таки в наших, офицерских руках наш солдат был хорошим солдатом. Оказалось, что мы не умели с ним обращаться, и наше дорогое для нас и близкое, такое знакомое дело вырвали из наших рук адвокатишки и юркие еврейчики, – и ныне мы видим результаты их идиотской работы по «углублению и расширению революции»...

До 12 часов ночи рылись мои незваные гости в моих бумагах, из которых некоторые были отложены в особый пакет для взятия с собой: по моему мнению, компрометирующего меня в этих бума-

гах вряд ли что можно найти. За сим, к большому удивлению моему, мне объявили, что я арестован и должен сейчас вместе с моим конвоем отправляться в заточение. Такого оборота я никак не ожидал: за мысли, чувства, убеждения и надежды мои – я никак не мог быть ответственен перед нашими предержавшими властями, а ни в каком прямом заговоре против большевистского правительтва я не состоял. Но нечего делать, «ехать, так ехать» – сказал попугай, которого кошка тащила из клетки; и я отправился. Не желая пользоваться всем моим «почетным конвоем» чуть ли не из десяти чело- век, я предложил начальнику команды поехать с ним вдвоем на из- возчике, на что он согласился, и мы поехали в Петропавловскую крепость. Дорогой мы благодушно разговаривали. Мой спутник оказался очень неглупым солдатиком, пулеметчиком, бывшим ра- бочим где-то на заводе, старым социалистом, несмотря на свой мо- лодой возраст, имеющим уже тюремный ценз, заслуженный во вре- мена «Старого режима». Оба мы возмущались свирепствующими в Петрограде «пьяными погромами» и сошлись на том мнении, что следует против погромщиков действовать решительно и беспощад- но. На его вопрос, не монархист ли я, я ответил ему что да: был им всегда и всегда и останусь.

В крепость мы приехали около часа ночи, и долго еще длилась процедура моего принятия в гостеприимное лоно и назначения мне камеры: именно ввиду большого гостеприимства и наплыва гостей довольно долго возились, пока нашли мне помещение. Все это вре- мя я выжидал в канцелярии, где за письменным столом сидел моло- дой черноусый солдат, полуинтеллигентный, как оказалось, лито- вец, и с ним мы разговорились. Началось с того, что он задал мне тот же самый вопрос, что мой спутник, – не монархист ли я, на что получил такой же определенный, утвердительный ответ. Он заин- тересовался подробнее и спросил: «Разумеется, Вы понимаете мо- нархизм в смысле английского образца?» Я пояснил, что с тех пор как стал сознательно относиться к окружающему меня миру, явля- юсь убежденным поклонником английской конституции, всей ис- тории этого царственного народа и всего строя его политической и общественной жизни, но для России настоящего времени монар- хизм понимаю иначе, ибо думаю, что нельзя «с суконным рылом лезть в калашный ряд», и что, дабы иметь право и возможность жить по-человечески, надо раньше очеловечиться. «Вот если, – прибавил я, – Вы дадите возможность мне и моим единомышленни- кам заняться воспитанием и подготовкой нашего народа согласно

нашим идеалам, то буду счастлив, лет через полтора, в следующем моем воплощении, найти в России английское устройство русской жизни».

Во время нашей беседы в комнату вошел развязный самоуверенный молодой человек в офицерской форме, тип, созданный войной, которая все шире распространяла этот тип одетых в наш мундир «молодых людей», по мере того, как кадровое наше офицерство, как всегда стойкое и верное, доблестно погибало под пулями внешнего, честного врага, и бесчестного и низкого врага внутреннего, предателя и убийцы, пресловутого «чудо-дезертира». Молодой человек, оказавшийся моим следователем, предложил мне вынуть всякие бумажки, бывшие у меня в карманах, и затем спросил меня, сознаюсь ли я в том, что принимал у себя Пуришкевича и его друзей. В этом тяжком преступлении я немедленно сознался и признал, что давно знаю, люблю и глубоко уважаю Владимира Митрофановича и всегда за удовольствие считаю принять у себя этого смелого и талантливого «гражданина» в лучшем, совсем не опошленном значении этого слова.

«Молодой человек» удовлетворился этим коротким разговором и вышел, и так я его с тех пор и не видел и до сих пор, – вот уж семь дней, – не знаю, за что меня арестовали и в чем я обвиняюсь.

Я продолжил мою беседу с литовцем, который горько пожаловался, что во времена монархии много пришлось перетерпеть его родному краю, Литве; я высказал свое мнение, что в этом был виноват не монарх, и не самый факт бытия в России монархии, а та узко национальная, близорукая точка зрения, которой держалось, под большим влиянием «Нового времени»⁸, большинство русских влиятельных кругов, – с чем он вполне согласился. В это время пришли меня уводить, и я на прощание спросил моего милого литовца, как он думает, что будет теперь с Россией. «Будет анархия», – сказал он. «Она уже есть, а потом что будет?» – повторил я. «Будет монархия» был его уверенный ответ⁹, с чем я согласился и пожелал ему спокойной ночи...

Камера моя оказалась вполне чистой комнатой, с крашеными стенами, что предохраняет от клопов, без крыс и мышей, длиною в 10 шагов, шириною 5 шагов, довольно сырой и холодной, с очень примитивной обстановкой: кровать, около нее привинченный столик, над ним в стене электрический фонарь, ни одного стула или табурета, ватерклозет, кран с раковиной, очень неудобный, так что приходится прибегать к массе ухищрений, чтобы прилично вы-

мыться, – и все. К счастью для меня, будучи вообще довольно избалован жизнью и очень ценя комфорт, а особенно хорошую кухню, в случае надобности я умею спокойно применяться к любой обстановке, а потому не могу сказать, чтобы особенно страдал когда-либо от физических лишений, перепадавших в жизни. Обладая всегда хорошим аппетитом, я не могу довольствоваться казенной пищей, выдаваемой в очень скудном количестве и, очевидно, из остатков господ-солдат. Судя по толстомордым ромам этих воинов-санкюлотов¹⁰, они сами должны питаться сытно, но, очевидно, арестованным «подлым буржуям» [они] предоставляют только свои объедки: тут опять сказывается отсутствие чувства чести, о чем упомянуто мною вчера. В дополнение к казенной пище мне приносят обед и ужин из офицерской столовой, не качеством, а только количеством восполняющие недочеты моего стола. Вообще в «Новом клубе»¹¹ кормят вкуснее, но, хотя я очень ценю кулинарные наслаждения, доставляемые милым «Клубом», я и к этому лишению отношусь стоически, памятуя изречение мольеровского Гарпагона: “on ne vit pas pour manger, mais on mange pour vivre”¹².

Освещается моя камера маленьким окном (вернее, *une grande lucarne*¹³), помещенным высоко у потолка и, как в тюрьме полагается, снаружи защищенным решеткой. Само собой разумеется, что в нынешнее время года такое окно дает очень мало света, так что кроме вечера, когда от 5 до 12 часов зажигается электричество, я обречен на темноту или полутемноту. Спасают меня свечи, привезенные женой, но их приходится беречь, так как доставать их очень трудно – почти нигде они больше не продаются в столице того удивительного государства, где «все должно бы быть, но ничего нету», в то время как в Германии, говорят, где на четвертой год войны действительно ничего не должно было бы остаться, все можно доставать, и по гораздо более доступной цене, чем у нас.

Кстати, любопытная подробность: какую бы пищу мне ни давали, жидкую, мягкую или твердую, я должен обходиться одной деревянной ложкой, ибо ни ножей, ни вилок, ни вообще каких-либо острых предметов мне не дают, очевидно опасаясь, как бы я, смертельно напуганный грозной властью наших большевистских правителей, не вздумал покуситься на собственную жизнь. Спрашивается, какое им до этого дело? Эта мелочь, являющаяся опять-таки характерно русской чертой, меня несказанно бесит. Как ни один народ в мире, мы способны на массу крупных и мелких гадостей и мерзостей, не говоря уже о хамстве, составляющем нашу позорную при-

вилегию; мы очень способны также и на большую жестокость и на глупую, бессмысленную, но беспощадную злобность; а вместе с тем в каждое дело мы всюду вносим какую-то слащавую, мелочную сентиментальность, дешевое гуманизание, которому грош цена. По этому поводу вспоминаю случай, бывший с какой-то нашей ученой делегацией на тюремном конгрессе в Англии. Осматривали каторжную тюрьму, и наши делегаты приходили в восторг от всего, что видели, так как все было устроено очень рационально, комфортабельно и умно. Но вот приходят они в столовую во время обеда каторжан и поражены священным ужасом, видя полное поругание своих принципов тюремоведения: заключенные держат в руках ножи и вилки! Они обратились за разъяснениями к своим любезным хозяевам, и тут пришел черед англичанам удивляться: «Что же вы тут видите такого ужасного? – спросили они. – Нужны же им и ножи, и вилки, чтобы обедать». «Как же это можно» – недоумевали наши гуманисты – «а если вдруг вздумает кто-нибудь из них зарезаться этим ножом, или проколоть себе горло этой вилкой?» «Так туда ему и дорога, – был английский спокойный ответ, – неужели вы думаете, что нас интересует, будет ли одним мерзавцем больше или меньше на свете; общество от его смерти ничего не потеряет, и это останется только его личным делом».

13 декабря

С большим интересом присматриваюсь к моим тюремщикам – караульным солдатам, довольно часто меняющимся. Лыщу себя мнением, что хорошо знал прежнего, такого еще недавнего нашего солдата, но теперь народился другой солдат – «краса и гордость» и т. д., и к этому-то революционному солдату я и присматриваюсь. Кроме того, раньше я имел дело с солдатами при совершенно других условиях их подчинения мне, а теперь я нахожусь в некотором роде под их началом: подлый буржуй – раз; злостный контрреволюционер – два; да еще и заточенный в Трубецком бастионе – три. Тут-то и есть случай увидеть наш народ-богоносец во всей его неприкосновенной красоте, и еще припомнить при этом некоторых наших поэтов, которыми я и многие другие увлекались, и которые, хотя невольно, но так жестоко нас надули: «умом Россию не понять, аршином общим не измерить – у нас особенная статья! В Россию можно только верить!»¹⁴ Вот мы, по простоте нашей, и доверились...

Или другое (конец стихотворения Тютчева):

*...Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...¹⁵*

И как же мы над этим умилялись. И как спешили помогать и усердствовать для милого, доброго мужичка нашего.

Мужичок долго молчал, а вот теперь и показал себя: церковь разрушил, священника выгнал, крест свой растоптал, помещика, где мог, разгромил и разграбил, а «Рассею-Матушку» единым духом, не моргнув, предал и продал. Нас отовсюду разогнал, частью замучил, и один мил-другок у него и оказался, как раз тот немец, которого мы считали врагом нашей Родины. Правда, этот немец умеет больно бить мужичка, а мужичок Родину свою защищать не желает и единственно только дорожит поганой своей жизнью: как же и не пойти к немцу на поклон.

Возвращаюсь к моим наблюдениям. Перед временно (надеюсь) бесправным арестантом за эти дни промелькнули солдаты разных наших национальностей, и вот к какой я пришел оценке: лучше всех, приятнее, милее мне показались эстонцы, а также и татары; хороши и поляки, и малороссы, – не настоящие, вероятно, так как те уже все потянули на свою «Украину»; очень неважны латыши; но хуже, гнуснее всех – великороссы: в тупик становишься перед этой грубой, жестоко тупой и холодной, беспросветно толстокожей злобностью. Я уверен, что в большинстве случаев именно они должны были истязать и растерзывать наших братьев офицеров, святых мучеников, тысячами павших жертвами этого зверя. Такой вывод – сильный удар моему самолюбию, ибо как раз этой народностью я особенно интересовался, считая ее основой и надеждой грядущих судеб России.

Как могли мы, культурные классы, проморгать то обстоятельство, что имеем дело со зверем, притаившимся, скрывавшим свои инстинкты, но при первом случае бывшим наготове вцепиться нам в горло... Как мало людей думало о том, что его надо очеловечивать; как мало сочувствия и интереса встретило начинание В.М. Пуришкевича – как всегда чутко и верно понимавшего нужду момента и основавшего «Филаретовское общество»¹⁶.

Так вот я окончательно и пришел к грустному заключению, что из всех пород человекообразных обезьян, населяющих наше отечество (*Homangus Ruthenicus vulgaris*), эта порода самая опасная.

Придет, вероятно, скоро время, когда вопрос очеловечивания нашего народа будет на спешной и первейшей очереди, но какой большой и долгий, ответственный труд предстоит.

Yes, "it is a very long way to Tipperary, it is a very very very long one"¹⁷...

Припомнился мне подходящий к этому же вопросу случай. Есть у моей жены племянница, живущая круглый год у себя в имении и бывшая всегда в отличных отношениях с окрестными крестьянами, которые ее любили и жаловали. Не так давно, в конце этого лета, был у нее разговор с одной хорошо ей знакомой крестьянкой. «И дожили же мы, матушка барыня, до каких времен, – причитала баба, – всюду все режут, грабят, убивают, Бога люди забыли. Тяжело вам, господам, приходится. И за что вам все это терпеть: окромя хорошего, ничего от вас мы не видали. А теперь уж, само собой, что ж делать, надо довести до конца – вам красного житья уж не видать». «Как так, – удивилась наша племянница, – за что же нас еще и приканчивать, ведь ты сама говоришь, что мы напрасно и несправедливо терпим теперь». «А уж что и говорить, – продолжались причитания, – истинно понапрасну вы терпите, и не по-божески все дело делается, а все же надо с вами теперь уже прикончить, чтобы никого и в живых-то не оставить. Уж больно подлецами и скотами мы перед вами оказались, и вы, ведь, ничего забыть не можете. Так надо теперь уже так сделать, чтобы и воспоминаний никаких не было».

Какое наивное простодушие соединяется здесь с тонким, рафинированным расчетом. Многие упрямые народники все хотят свалить на темноту народную, отсутствие школ и просвещения, на грехи старого режима, благо с ним не стесняются и каждый, во что горазд, все вины, и свои и чужие на него сбрасывает. Но это неверно. Итальянцы, турки, испанцы в отношении просвещенности стоят приблизительно на одном уровне с нами, а у них не найдете такого общего отсутствия морального чутья, такой общей низости, нечестности, нелояльности; такого отчуждения от чувства Отечества. Раньше народ наш был гораздо темнее умственно, а между тем умел крепко любить свою Родину и понимать святость долга защиты ее. Притом же народ наш теперь оказался темен только для всего светлого, высокого, благородного, одухотворенного; а там, где дело касается личного расчета, личной выгоды, он тонко умеет все рассчитать, оценить и сообразно действовать. Дело тут не в темноте умственной, а в какой-то грозной и опасной, чисто скотской аморальности, признаки которой указывают на какую-то сложную, поваль-

ную душевную болезнь всего народа. Я еще возвращусь ниже к этому вопросу, меня крайне волнующему, ибо кажется мне, что я догадываюсь, где кроются корни этой роковой болезни, поставившей Россию у грани гибели.

Вспоминаю еще гнев и негодование покровного Скальковского, во время революции 1905 года кричавшего с остервенением: «С., мерзавцы, не умеете, а конституции, с. дети, требуете. Раньше с. научитесь так, чтобы не портить все кругом себя и не отравлять жизни культурным людям, а потом уже начнем с вами другие разговоры». Говорят, вероятно в шутку, что бедный Скальковский, изъездивший вдоль и поперек всю Россию и много перестрадавший от отсутствия в ней благ цивилизации, завещал даже довольно крупные суммы на две премии двум будущим русским революционерам-созидателям, в противоположность, увы, так теперь хорошо нам знакомым разрушителям. Одна премия предназначена, будто бы, тому, кто сумеет революционизировать и твердо обосновать на началах прогресса ватерклозетное дело в России; а другая тому, кто уничтожит клопов в нашем Отечестве.

В моей камере я могу находиться только в одном из следующих трех положений: или ходить взад и вперед, как зверь в клетке; или сидеть у стола на моей койке (как я уже говорил, стульев у меня нет); или на той же убогой койке лежать. Ходить целый день нельзя, но нельзя целый день и сидеть, так как сидеть на стуле или – это уже роскошь – в удобном мягком кресле совсем не то, что моя койка: от сидения на ней долго, скрючившись, заболевает спина, а потому приходится и днем и ночью иногда применять и третье положение, т. е. лежать. Сегодня днем я как раз лежал, когда открылась дверь и вошли два очень благообразных посетителя, отрекомендовавшиеся один членом Комитета Красного Креста по Обществу помощи политическим заключенным, а другой – врачом при том же Обществе. Они очень подробно расспрашивали меня, не имею ли я каких-либо жалоб о состоянии здоровья, посещает ли меня кто-нибудь из близких, не имею ли каких-либо нужд. Я ответил, что все со мной обстоит благополучно, и что очень их благодарю за любезное внимание, после чего они продолжали свой обход других арестантов. Хотя мне ничего и не надо было от них (я здесь решил держать привычек покойника Диогена¹⁸), но был очень тронут этим проявлением. Все, кто находился в нашем здесь положении, поймут, какой хорошей затеей в смысле хотя бы только нравственной поддержки является такая организация.

Сегодня прочитал свое имя в газете «Наш век» (сi-devant «Речь»¹⁹). Там пишется, что на днях будет разбираться в революционном трибунале дело В.М. Пуришкевича, обвиняемого в составлении контрреволюционного заговора, ныне вместе со своими соучастниками, в числе которых значусь и я, содержащегося в Петропавловской крепости. Дальше упоминается, будто мы обвиняемся и в организации так трагически кончившегося в дни большевистского торжества сопротивления юнкеров²⁰. Эта последняя заметка меня очень чувствительно взволновала: обвинение в контрреволюционном заговоре, по крайней мере, насколько это касается лично меня, кажется мне покушением с негодными средствами, но к этому я отношусь вполне спокойно. Что же касается подозрения в моем участии в деле юнкеров, то против этого я протестую самым горячим образом прежде всего потому, что я, по чести и совести, не счел бы себя вправе впутывать этих юношей и жертвовать их молодыми жизнями ради сомнительного дела; а если б я такую оплошность сделал, то счел бы своим долгом умереть вместе с ними. Другое дело, если бы для блага России я считал это нужным, и от меня зависело бы решение этого вопроса: тогда я, не дрогнув, этих же юношей спокойно послал бы в опасное дело. Но в данном случае, когда, по-видимому, ломались копыя ради сохранения у власти Керенского, этого преступного и ничтожного красnobая, малодушного человечка с мелкой душонкой, без чести и без всяких серьезных данных для той крупной роли, которую ему захотелось разыграть, но с огромным тщеславием и завистливой ревностью бездарного рекламиста – к такому недостойному делу я никак не мог приложить руки. За эти десять месяцев много презренных гадких личностей промелькнуло перед нами, но из них всех я отношусь с особливым презрением, с особливо брезгливым омерзением именно к Керенскому. С удовлетворением имею право подчеркнуть, что к такому мнению я пришел не теперь, когда его разделяет все русское общество, но то же самое я высказывал еще в апреле сего года, когда многие из тех, кто вполне теперь со мной согласен, но в то время еще принадлежали к стадному классу обожателей «душки Керенского», яростно спорили со мной, упрекая меня в слепом «контрреволюционном» фанатизме.

Да, за последние десятилетия не везет русскому народу в его увлечениях. Насколько помнится, последним народным героем, своей выдающейся даровитостью оправдывавшим надежды и чая-

ния народа и восторженное увлечение им, был Михаил Дмитриевич Скобелев. На моей памяти прошло несколько увлечений народных, и каждое было неудачно. Избирались почему-то всегда все более или менее крупные бездарности, но, правда, люди скорее порядочные, имена которых нельзя ставить рядом с последним увлечением кереноманией. Вместе с тем такой паладин русской чести, благородства, патриотизма, верности, как Петр Аркадьевич Столыпин, так творчески поработавший на пользу России, прошел, очень мало отмеченный, мимо сердца народного.

14 декабря

Сегодня меня допросил следователь, и я, наконец, определенно узнал, за что меня арестовали.

Я обвиняюсь в том, будто, под главенством В.М. Пуришкевича, участвовал в контрреволюционном заговоре, имевшим целью ниспровержение правительства Керенского и утверждение в России твердой власти в лице диктатора²¹. Помилуй Бог, такая перспектива была бы не так уже плоха, но дело в том, что до высказанной мне сегодня такой точной формулировки характеристики моего преступного деяния я бы не мог ясно представить себе, что действительно был у нас такой определенно выявившийся заговор. Может быть, я еще не в курсе дела и не знаком со всеми подробностями его, но, по крайней мере в отношении лично меня самого, я в разговорах, которые велись мной с Пуришкевичем и другими лицами, «соучастниками» нашими, не вижу ясных признаков того преступления, в котором нас хотят обвинить.

Но если даже допустить, что есть налицо такое преступление, то ведь оно имело своим объектом правительство Керенского, т. е. то правительство, которое не нами только, но и большевиками было признано несостоятельным, и которое они в октябрьские дни свалили и заменили собой. Следовательно, они сделали именно то, в намерении чего они нас обвиняют; только им это удалось, а нам – нет. «Победителя не судят», – говорила Великая Царица²², – но и победитель должен сохранять чувство меры и не судить за поступки, эквивалентные своим собственным.

Далее, нас обвиняют в намерении утвердить в России твердую власть, но к тому же стремились и большевики, достигшие своей цели. Вся разница в том, что мы понимали твердую власть в личной диктатуре, а они – в диктатуре пролетариата. Думается мне, что ес-

ли б даже доказано было наше преступление, логичнее было бы оставить нас в покое.

Представим себе, что какой-нибудь большевик и я участвуем в скачке на какой-нибудь приз, причем скачка проходит вполне правильно, без всякой фальши, и большевик приходит к флагу первым и выигрывает. Логично ли было бы, если бы, не удовольствовавшись своим торжеством, он еще потащил бы меня к мировому судье, жалуясь, что я имел намерение получить как раз тот же приз, который ему достался, и что лошадь, на которой я скакал, совершенно других кровей, чем его лошадь?

На отношениях моих с Пуришкевичем остановлюсь подробно. Владимира Митрофановича я знаю давно, лет двенадцать; благородством души, искренностью, своей прямолинейной идейностью и верностью своим идеалам он давно меня к себе привлекал; чем ближе видел я его за тем или другим делом, чем яснее оценивал его выдающуюся даровитость и самоотверженную работоспособность, тем крепче становилось мое чувство уважения к нему, большого доверия и дружественного участия. В большой степени из-за него я был членом Русского собрания²³, «Палаты Михаила Архангела»²⁴, наконец, одним из первых членов Филаретовского общества, результата ума и трудов Пуришкевича, увы, слишком мало известного широким общественным кругам нашим. Это общество имело в виду просветительные задачи в низах народных, в религиозно-нравственном и патриотическом, истинно государственном духе, и должно было сетью своих агентур широко распространиться по всей России. К сожалению, оно не успело крепко пустить корни своих в почву, отчасти вследствие начавшейся войны, а также вследствие инертности и тупой, узкой, непримиримой партийности наших интеллигентных классов.

С объявлением войны Владимир Митрофанович в горячем, как всегда у него бывает, порыве своего патриотического чувства весь отдался своей энергичной, самоотверженной, высокоплодотворной деятельности. Я думаю, что за три года войны он не знал, что такое отдых, что такое жизнь личная²⁵. Я видел его в Варшаве, в Люблине, в Риге, еще где-то, и всегда он кипел, как в котле, отдав весь свой крупный организаторский и административный талант, все свои силы, все помыслы святому делу войны. Я видел его питательные пункты, его поезда, где так радушно встречали его милые сестры милосердия, где так уютно угощали и давали отдохнуть и от однообразия, и от трудов походной и боевой жизни. Всюду как

офицеры, так и нижние чины с горячей благодарностью отзывались о помощи, доставляемой Пуришкевичем и его образцовыми отрядами. На что уже Александр Иванович Гучков был обеспечен в односторонней своей деятельности широкой общественной популярностью и более крупным масштабом своей роли; а между тем мне вочью приходилось убеждаться, насколько результаты его работы уступают творческому, жизненному труду Пуришкевича, у которого дело горело в руках и спорилось удивительно успешно.

Если б этот человек снизошел к тому, чтобы думать о практической своей выгоде и увлекаться карьеристическими вожделениями, каких крупных и больших житейских благ мог бы он достигнуть. Но этого никогда не было: бескорыстный и не умеющий приспособляться к мелочам жизни, он всегда остается верен своим идеалам и беззаветной любви к России.

Нынешним летом я встретился с ним в Петрограде: он волновался, негодовал, и, конечно, ужасно страдал, как и я и все те, кто еще любит нашу несчастную, свыше всякой меры испытанную Родину. Само собою разумеется, что мы говорили и советовались о том, что можно было бы сделать, чтобы спасти Россию от власти беспочвенных доктринеров и теоретиков, этих политических импотентов, возглавляемых бездарным, безвольным и малодушным Керенским.

Тут скоро началась нелепая и бесталанная авантюра Корнилова²⁶, затеянная наивными, не искушенными в изнанках и подвохах революционной жизни людьми, бывшими игрушками в руках подлых провокаторов и авантюристов. В некоторой подчиненной и мало осведомленной, но значительной степени и я в этом несчастном деле принял участие. Затем Пуришкевич был арестован в Крестах, по освобождении откуда он со мной мельком виделся, затем уезжал в Москву, а по возвращении своем в Петроград вместе с братом своим Михаилом Митрофановичем открыл свою газету «Народный трибун»²⁷, успехом которой я живо интересовался и принимал сильное участие в ней несколькими статьями²⁸, а также старался ее пропагандировать.

В сентябре Пуришкевич очень часто был в отсутствии, так что газетой всецело занят был не он, а его брат, которому немного помогала жена его, Елена Викторовна. Никакой политикой ни она, ни Михаил Митрофанович, помимо своей газеты, не занимались, так что арестованы они были вместе с Владимиром Митрофановичем совершенно неосновательно.

В конце сентября собрались у Владимира Митрофановича, оставившегося тогда на Николаевской улице у своего приятеля И. Д. Парфенова, несколько человек, в том числе и я, для разговоров о текущих событиях. В этот вечер все мы, собравшиеся, настроенные приблизительно в одном и том же духе, высказывали те или другие мысли, предлагали те или другие проекты сплочения сильной группы, могущей составить оппозицию преступному и легкомысленному правительству, верными шагами ведущему Россию к анархии и конечному развалу. У Парфенова нас было человек 7-8. Пуришкевич предложил, нельзя ли нам на тех же днях собраться в большем количестве, и спросил меня, могу ли я на своей квартире устроить такое собрание. Вполне сочувствуя мысли Владимира Митрофановича, а также и не считая для себя возможным отступить от правил гостеприимства, я выразил свое согласие, и на тех же днях, вечером, собралось у меня около 25 человек, между которыми, как и у Парфеновых, велись такого же рода разговоры и рассуждения о планах и предложениях наших по тому большому вопросу, которым не мы одни болеем. Все мнения, разумеется, сходились на необходимости иметь сильную власть, т. е. диктатора: но наши чаяния, надежды и намерения были еще настолько неопределенны, что даже личность диктатора у нас не выявлялась ясно, — разбирались только те или другие личности²⁹.

После этого собрания я уже потерял связь с дальнейшими действиями в этом направлении Пуришкевича и даже не знаю, были ли такого рода новые собрания и какие-либо решения. Видел я его два раза после этого, но говорил с ним только по делам «Народного трибуна». Михаила Митрофановича видел несколько раз, но с ним мы разговаривали только о «Трибуне».

Настали двадцатые числа октября, дни выступления большевиков, юнкерской трагедии и торжества нашего нынешнего правительства. Как-то вечером, в один из этих дней, я позвонил по телефону к Михаилу Митрофановичу. Мне ответил голос, как мне показалось, его собственный: он сообщил мне, что в эту ночь была разгромлена красногвардейцами типография «Народного трибуна» и реквизирована; я знал это уже и спросил его, могу ли его видеть, на что он ответил, что он дома, сидит один и очень будет рад поговорить со мной за стаканом чая; я почти сейчас же пошел к нему. Жил я в Кузнечном переулке, а Михаил Митрофанович — на Колокольной, так что через десять минут я был уже у него и очень удивился, когда швейцар сообщил мне, что Михаила Митрофановича вот уже

третий день, как нет на квартире, и что уже в его отсутствие был проведен обыск. Ввиду того, что только что я с ним говорил по телефону, я не поверил, думая, что тут какое-нибудь недоразумение, и поднялся до его квартиры, где дверь мне открыла его жена, очень взволнованная, которая подтвердила слова швейцара и объяснила, что и она у себя не живет, всякую минуту ожидая ареста, и пришла домой только на время. Когда я ей рассказал, что только что звонил по телефону ее мужу и говорил с ним, и он позвал меня к себе, она еще более заволновалась, объяснила, что телефон в их квартире уже три дня не действует, что она предполагает в этой истории какую-то провокацию и просит меня скорее уходить, для моей же собственной безопасности. Так этот таинственный эпизод до сих пор еще не выяснен. Перед самым моим арестом, узнав, что Елена Викторовна освобождена из крепости, я заходил к ней и вспомнил об этом случае, но она по-прежнему никакого объяснения этой тайны не знала. Недавно я встретил случайно на улице знакомого мне члена Городской управы Александра Осиповича Маттео, имеющего отношение к упомянутому мной выше «Обществу помощи политическим заключенным», который рассказал, что Елена Викторовна Пуришкевич может быть освобождена, когда найдется за нее поручитель. Я тотчас попросил его записать меня в качестве такового; мне не пришлось выяснять, освобождена ли она была за моим поручительством или иначе.

С типографией Пуришкевича дела налаживались: я говорил с заведующим типографией Михаилом Михайловичем Берновым, охраняющим интересы братьев, и даже условился с ним, что на время отсутствия Михаила Митрофановича я буду продолжать издание его газеты. Через два дня после этого разговора последовал мой неожиданный арест, поставивший, пожалуй – я опасюсь этого – Бернова в трудное положение, так как я обещал ему к 15 декабря дать 5 тысяч рублей для расплаты с рабочими. Нечего делать, я не виноват: «*Impossibillium nulla est obligatio*» – говорит кодекс Юстиниана³⁰.

Вспоминаю, кто был у меня тогда вместе с Владимиром Митрофановичем... Всех не упомяну, особенно среди молодых, мало, а некоторых совсем мне незнакомых офицеров. Был Борис Борисович Глинский, редактор «Исторического вестника», на этих днях скончавшийся: его сердце не выдержало всех испытаний проклятого года. Летом он был в течение нескольких недель арестован; волнения ареста и испытания, сопряженные с одиночным заключением

(à présent je suis a même d'en juger³¹), были очень вредны для больного сердца; а кроме того, он очень чутко переживал весь ужас, со всех сторон охвативший Россию, и очень сильно страдал за Родину.

Был маститый старик, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов. Генералы Сербинович, А.А. Павлов, мой бывший командир полка в уланах Ее Величества; жандармский генерал Комиссаров Михаил Степанович, бывший ростовский градоначальник.

Был еще полковник Ив. Дм. Капустин, казначей «Союза воинского долга», офицерской организации, которой я состою председателем. Теперь этот союз заглох: его цель была воссоздание в Армии старого духа; увы, какой разговор может быть о духе, когда самой Армии больше не существует. Еще был мой старый полковой товарищ, генерал Дмитрий Иванович Аничков; ротмистр барон Боде, Парфенов, капитан Шатилов, прапорщик Золотницкий, прекрасный юноша, бывший вольноопределяющимся в моем полку; ротмистр Амбразанцев, с каким-то интересным проектом, содержание которого, к стыду моему, совершенно не помню³²: за эти десять месяцев столько пришлось слышать речей и красивых слов, что все перепуталось; да я и не жалею об этом, ибо, если слов было изобилие, зато действий умелых, удачных и своевременных оказалось очень мало.

Остальных моих гостей не могу припомнить.

Вкратце мной описаны все мое знакомство с Пуришкевичем и вся моя связь с ним. Я бы думал, что этого было недостаточно, чтобы меня арестовать и предавать суду Революционного трибунала.

Наше дело уносит меня на семьдесят лет назад и напоминает дело Петрашевского³³, бывшее в 1848 году, о котором мне, кроме того, что пришлось читать, много рассказывал мой покойный дядя, Егор Федорович Винберг, знавший Петрашевского по Лицею.

Еще лицеистом Петрашевский отличался большой любовью к чтению и собирал вокруг себя кружок товарищей, которые вместе читали разные книги и делились своими впечатлениями. По выходе из Лицея Петрашевский дома у себя продолжал собирать такого рода кружок из своих товарищей и хороших знакомых, которые один или два раза в неделю собирались у него для общего чтения и целых дебатов по поводу прочитанного. Интересовались они и беллетристикой, и науками, и политикой, и философией. В то время в моде было сочинение Фурье, с его оригинальной и занимательной социалистической утопией. Кружок Петрашевского фурьериз-

мом³⁴ заинтересовался очень сильно: изучали его, подробно разбирали и по этому поводу даже некоторые члены кружка составили особые доклады со своими собственными проектами и планами государственного устройства. К несчастью, в числе членов, прочитавших свои доклады, был и молодой офицер, Федор Михайлович Достоевский, наша гордость и наша слава, один из величайших писателей нашей Земли, который должен быть особенно дорог русскому сердцу.

Дальше квартиры Петрашевского это невинное и симпатичное занятие молодых людей, кутежам и картам предпочитавших умственные и духовные увлечения, не шло: никакого практического применения ни в смысле пропаганды, ни тем более составления какого-либо заговора, оно не имело. Если б теперь наши сыновья таким образом проводили свои вечера, мы были бы довольны. Но тогда время было другое: III Отделение³⁵, разузнав об этих собраниях, произвело следствие, нашло заговор, имевший будто бы целью ниспровержение существовавшего государственного строя, и в результате многие молодые люди поплатились более или менее тяжело, а признанные главными виновниками Петрашевский, Достоевский и, кажется, Кашкин, также бывший лицеист, были приговорены к смертной казни: уже по приведении их на эшафот было объявлено помилование и казнь заменена каторгой.

Мой дядя только раза два или три посетил эти собрания, будучи еще лицеистом, но его потом долго и много раз вызывали на допросы в III Отделение. Окончив курс Лицея в 1851 г. первым, с большой золотой медалью, он сразу же выдвинулся по службе и стал быстро делать блестящую административную карьеру, но, как он мне рассказывал, он долго еще оставался под негласным надзором полиции, несмотря на то, что убеждений и взглядов был самых определенно верноподданнических и лояльных.

Из-за того вздора мы чуть не лишились Достоевского. Да и то он десять лет промучился на каторге, сколько-то лет еще прослужил где-то на окраине рядовым... Кстати, удивительно должно быть нынешним тюремным цензовикам, что Федор Михайлович в их компанию совсем не годился бы: его любовь к Родине, верность Царю и глубокая религиозность были слишком сильны, слишком твердо обоснованы его провидящим гением, его проникновенным русским духом, чтобы он мог найти удовлетворение в наших горе-реформаторах революционного пошиба. Не хочу в данном случае очень нападать на революционеров того времени, так

как нашей молодежи восьмидесятых годов я кое-что готов простить за то, что она, несмотря даже на «Бесы»³⁶, сумела найти в себе настолько чуткого идеализма, что из похорон Достоевского устроила национальное торжество.

Как же вы, нынешние, рассуждаете об этом инциденте? Пожалуй, фыркаете, считая его противоречащим правилам партийной дисциплины? Ничтожные межеумки, рабы своей партийности и нетерпимой, безнадежной ограниченности вашего кругозора!

Вспомнив так называемый «бунт Петрашевского», я отвлекся в сторону от моей темы; но думаю, что «дело Пуришкевича» до некоторой степени напоминает «дело Петрашевского».

Но ведь то было время другое, другие нравы.

Другое было понимание функций государственной власти, другое отношение к священным правам и достоинству ныне якобы свободной человеческой личности...

Возвращаясь к учиненному мне сегодня допросу, я думаю и надеюсь, что моими объяснениями никого не подвел, так как говорил очень мало и только подтверждал или отрицал те или другие вопросы, по которым видел, что следователь уже вполне осведомлен об интересующих его фактах.

Должен отметить, что следователь был сегодня вежлив и корректен. Только, к сожалению, не хочет освободить меня от моего заточения, которое стало уже крепко меня тяготить. Я бы думал, что раз допрос уже сделан, меня до суда могли бы оставить на свободе.

Только тогда вполне и понимаешь, что за хорошее слово эта «свобода», когда ее лишен...

15 декабря

Каждый день нам полагается прогулка в маленьком внутреннем дворике нашего помещения: прогулка длится около двадцати минут.

В первый день моего пребывания здесь я вышел в сопровождении конвойного, но затем целую неделю не выходил, и на то было у меня несколько причин, в сущности вздорных. Во-первых, мне неприятно и скучно, что водят меня одного: я как раз рассчитывал, что на прогулках встречу с разными моими товарищами по заключению, которых здесь так много, и хоть живым словом обмолвлюсь с ними... Оказалось, что меня, вероятно, как опасного преступника, водят одного, и мне показалось таким ужасно глупым и мрач-

ным это первое гулянье, что минут через пять я уже пошел обратно к себе. У меня дома, у детей моих, есть английский бульдог, милейшее, чистокровнейшее создание, прекрасное в своем стильном уродстве: его, разумеется, предусмотрительно, несколько раз в течение дня выводят гулять во двор; и вот, мое гуляние почему-то очень напомнило мне вынужденные и необходимые прогулки нашего «Бутуза» (таково его домашнее имя, хотя в свой stud-book³⁷ он записан «Нероном»). Кроме того, был я предубежден против моих прогулок и теми прелиминарными обстоятельствами, с которыми они связаны: обыкновенно, в разное время дня, с шумом открывается моя дверь, и я слышу начальственный окрик какого-нибудь солдата: «одевайтесь на прогулку»; такой прием во всех отношениях мне не нравится, и я в течение нескольких дней на такое решительное приглашение отвечал также решительным и сердитым: «не хочу»! Наконец, вчера явился какой-то более обходительный «товарищ» и сказал более любезно: «пожалуйста на прогулку»; вот я и пошел, тем более что надо же подышать свежим воздухом бедному арестанту, день-деньской запертому в своей камере.

Сегодня я тоже пошел и имел удовольствие встретиться с Пуришкевичем: он мрачно разгребал снег лопатой. Мы обмолвились несколькими словами. Он уверенно мне сообщил, что сидим мы все по доносу К., т. е. в таком случае по моей невольной вине, так как я его пригласил на наше собрание. Об этом был разговор еще во времена нашей свободы: и тогда Пуришкевич уверял, что я сделал ошибку, пригласив К., ибо он будто бы имел сведения о службе его у большевиков. Я плохо этому верил в то время: познакомил меня с К., по желанию и просьбе его самого, прапорщик Золотницкий, которому я вполне доверяю, а К. знает Золотницкого с детских его лет. У К. я видел моего старого друга и полкового товарища Павла Петровича Шкота, генерала Сербиновича, все людей безусловно верных. Теперь, когда я более ориентировался в большевистской обстановке, я отношусь к такому слуху с меньшим доверием, и когда сегодня Пуришкевич снова подтвердил свои слова, я ему ответил: «если только это так, как Вы говорите, то я ничего не имею против моего ареста; очевидно, так нужно было сделать, и все делается к лучшему». Пуришкевич как будто мало реагировал на мое утешение, но и то надо сказать, что он на две недели раньше меня попал в крепость; а я эти две недели прогулял на свободе и насмотрелся и наслушался такого, что, пожалуй, Пуришкевичу и не снилось...

Когда мне приходилось уже уходить, вывели пастись на наш дворик целое стадо арестантов, человек сорок, из которых несколько оказалось мне знакомых: Терещенко, Бурцев, генерал Баградуни, бывший начальник штаба Петроградского военного округа. Тут были и штатские, и военные, и молодые, и старые, профессора, земцы, офицеры, чиновники. Под риском de faire une effraction aux règles de la maison³⁸ я попридержался немного, чтобы подробнее их рассмотреть, и не мог удержаться от смеха: такой был смешной вид этой прогулки парами – точно будто институтки чинно гуляют под строгим надзором классной дамы. Проходившему мимо меня Терещенко я сказал: «какая смесь народов, лиц, племен, наречий, состояний»... «А Вы подумайте, – ответил он, – что это всего только одна определенная группа гуляет, а сколько еще разных других групп здесь имеется»...

С Терещенко я познакомился здесь, в канцелярии, в час свиданий, причем он любезно оказал мне большую услугу: это было мое первое свидание с семьей, и я просил жену мою поскорее прислать мне свечек, так как три четверти суток я нахожусь в потемках. Он услышал это и очень мило предложил мне две свечки, пока я из дома не получу. Это было для меня большое благодеяние.

К сведению чиновников Министерства иностранных дел могу отметить, что Терещенко здесь очень похорошел: раньше он был весь бритый, а теперь у него отросла черная бородка, которая очень ему идет. Я понимаю, что он пользуется большим успехом в свете; но... для обязанностей канцлера Российской республики не слишком ли он молод?

Пожалуй, он мог бы ответить: “Je suis jeune, il est vrai, mais dans une âme bien née, la valeur n’attend pas le nombre des années”³⁹.

La valeur – non, bien certainement, mais l’expérience et la haute clairvoyance – si, tout de meme⁴⁰.

Все-таки я очень был тронут его любезностью и благодарен ему.

За все одиннадцать дней моего сидения только и пришлось мне перемолвиться несколькими словами с Терещенко и Пуришкевичем.

Сегодня день свиданий (всего их два в неделю – вторник и пятница), и жена моя привезла с собой Юрия Христиановича Стенге, управляющего нашими именьями, которого, еще в дни моей свободы, мы выписали в Петроград, дабы иметь более подробные сведения о том, что происходит в «бывших» наших владениях, и чтобы он привез денег: у него накопилось их около десяти тысяч; посылать их по почте опасно – могут реквизируют; а деньги нам очень

нужны как раз теперь, когда отняли право пользоваться доходами со своих домов и национализировали банки, пресекая, таким образом, подлым буржуйам всякую возможность попыток к дальнейшему продолжению своего ненавистного и вредного существования.

Кроме того, важно было для нас, что Стенге привезет с собой много провизии. Получение провизии из деревни по почте до сих пор было существенным, очень ценным подспорьем в домашнем хозяйстве жены; но последняя посылка, к ее большому огорчению, пропала в пути. А какая это была ценная посылка: одна индейка, окорок ветчины, несколько кур, 1 пуд масла, несколько голов сыра – *horribile dietu!*⁴¹

Стенге действительно удалось провезти; как он рассказывает, ему в этом отношении исключительно посчастливилось: у большинства пассажиров всякое продовольствие, которое у них находилось, отбиралось. И деньги ему удалось благополучно уберечь в своих сапогах от «товарищей».

От управляющего я узнал, что в деревне у нас все обстоит так, как и должно быть в наше сумасшедшее время, но сравнительно лучше, нежели у многих других. Правда, санкюлоты всюду у нас распоряжаются, как у себя дома; леса сильно опустошили, поля отобрали, но усадьбу пока, слава Богу, еще не сожгли и не разграбили. Боюсь и радоваться, так как неизвестно, надолго ли такое сравнительное благополучие.

Было у меня порядочное молочное хозяйство – сто отличных коров сementальной породы. Управляющий успел часть распродать, так что осталось только 50 коров; но теперь крестьяне остановили продажу, считая, что все – принадлежит им. Они поговаривают, по словам управляющего, что, может быть, еще распродадут часть скота и лошадей; но сделают это уже сами и вырученные деньги себе возьмут, как неотъемлемую свою собственность.

Я готов еще понять, что социалистическая агитация могла смутить крестьянские головы в отношении владения лугов, полей, лесов; но каким образом молчит у них совесть, не воспринимается чувство справедливости, когда они налагают свою руку на наше достояние, совершенно идущее вне всякого спора, хотя бы с социалистической точки зрения: на наши усадьбы, на наш инвентарь живой и мертвый...

Пусть их защитники не объясняют такое явление темной крестьянской, их пассивным подчинением чужим мнениям, чужим проискам: это будет вопиющая неправда! В отношении всего того,

что принадлежит им самим, крестьяне отлично разбираются в праве собственности и зубами вцепятся в того, кто на их достояние посягнет. Темнота их начинается только с того момента, когда глаза их разгораются жадностью и завистью на чужую собственность, и вовсе тут не эта пресловутая темнота действует, а полное отсутствие честности и добросовестности, полное отчуждение от каких-либо моральных директив и полное подчинение шкурным, алчным, низким инстинктам и вождениям.

Вспомним только несколько пословиц, созданных этим народом и характеризующих его духовное богатство: «деньги не пахнут»; «не бей мужика дубьем, а бей его рублем»; «велика честь, коли нечего есть»; «не пойман – не вор»; «от трудов праведных не наживешь палат каменных»; «не обманешь – не продашь»; «украл, никто не видал – Бог дал»; и т. д. и т. д. Можно еще нанизать целый ряд таких пословиц: все сводится к поклонению рублю, наживе, плутне, еде, ублажению утробы, всем низким и подлым сторонам человеческой жизни.

Особенно мне больно было слышать, что они хотят распоряжаться моими лошадьми. Должен оговориться, что мое прежнее отношение к сильковичским крестьянам дает мне право питать к этому неблагодарному народу особенное презрение. Всякое мое начинание в деревне я корректировал мыслью о том, какую пользу, какое благо оно может принести, кроме меня, и крестьянам. Я убежден, что без меня им было бы гораздо менее выгодно жить, чем со мной, тем более что в земле они, в сущности, не нуждаются: и своюто они не хотят и не умеют как следует обрабатывать. Жена моя состоит попечительницей церковной школы в нашем селе «Сильковичи»; я – попечитель министерской. Видя, как детям тяжело оставаться голодными с раннего утра до пяти-шести часов вечера, особенно тем, которые приходят из более далеких деревень, мы им устроили ежедневные завтраки из двух блюд (суп с мясом и какая-нибудь каша). Мы сердечно радовались, наблюдая, насколько дети поправились физически от такой поддержки; матери расточали свои благодарственные причитания и уверяли, что никогда дома такой пищи дети не получали, чему я охотно верю. Устроил я им библиотеку из двух тысяч книг, по образцу той, которую когда-то я устроил своему эскадрону. Эта библиотека представляла собой маленький народный университет: от самых элементарных до очень серьезных книг, с отделами по сельскому хозяйству, ремеслам, животноводству, истории, географии, математике, беллетристике, в це-

лом она желающему ей пользоваться давала возможность сделать-ся из малограмотного образованным человеком.

Я радовался, видя, как в целом ряде окрестных деревень с помощью наших быков крестьянский скот делался крупнее и молочнее.

Могу с чистой совестью сказать, что все, что я старался сделать для крестьян (и имел в виду после войны еще более широкие планы) – я это делал не напоказ, не для популярничания, а из сознания, что этим я способствую общему русскому, государеву делу.

С особой любовью я интересовался устроенным мной маленьким конским заводиком. Отец мне подарил свою лошадь – великолепного чистопородного рысака девяти лет; из коннозаводства я взял также очень хорошего горного ардена⁴². Я агитировал среди крестьян, убеждая, что они получают много выгоды улучшением своего коневодства, и они все более охотно стали водить ко мне своих кобыл. Я от души радовался успеху моего начинания, а также видя, что крестьяне с жеребьятами от моих производителей стали обращаться более заботливо и бережливо, чем обыкновенно у них это ведется, и все более заинтересовываются этим делом. Зная, что крестьяне настоящим образом ценят только то, что стоит денег, а также чтоб отвадить привод неподходящих кобыл, я за случку с моими жеребцами назначил 5 рублей; за казенного жеребца, разумеется, бралось то, что полагается вносить в Государственное коннозаводство. Я помню, – один богатый купец из Мосальска, моего уездного города, смеялся над назначенной мной платой и говорил, что он за худшего жеребца, чем мой, берет 25 руб. Я ему объяснил, что вопрос о наживе в данном случае исключался (на будущее время таким сентементальничанием заниматься не буду).

Само собой разумеется, что мои собственные, у меня рожденные жеребята представляли для меня что-то особенно близкое и родное. Даже во время войны, когда от всего этого пришлось отвлечься, я раз в год улучал возможность приехать полюбоваться на моих лошадок.

И вот теперь, среди крупных лишений, нравственных и материальных жертв, связанных с революцией, мне особенно больно, что к этим лошадам моим протягивается грубая, стяжательная лапа хищного мужика.

Меня все еще продолжает удивлять и поражать та неблагодарность, которая является отличительным свойством нашего народа. Я заметил, что за добро, которое ему делается, он с особенно злорадным упоением платит вам каким-нибудь злом, какой-нибудь гнусностью.

У других народов этого нет; сильнее скажу – у многих, наиболее развитых животных, у слона, собаки и других, живет чувство благодарности; а у русского мужика его совсем нет. Я не люблю евреев, особенно теперь, когда им удалось нанести нам столько вреда, но уважаю в них ту черту, что в большинстве случаев еврей никогда не забывает добро, ему сделанное, и даже доброе слово, ему сказанное.

Бедный, глупый, одураченный и одурманенный народ. Но злой, но бездушный, но бесчувственный, но совершенно бесчестный народ! Какие муки голода тебе придется испытать, чтобы заплатить за все твои безумные выходки! Сколько крови твоей прольется в возмездие за все твои злодеяния!

16 декабря

Очевидно, вчера была какая-то счастливая случайность, что я кого-нибудь встретил во время моей прогулки. Сегодня я снова, как раньше, гулял в полном одиночестве, и только когда я уже возвращался, то встретился в коридоре с кем-то другим, которого вели на очередную прогулку после меня. Меня немного смущает, почему некоторых, в том числе и меня, подвергают одному режиму, а других иному; ведь вчера я видел целую группу, гулявшую вместе. Может быть, я причислен здесь к разряду особо тяжких и опасных преступников, которых держат в более строгих условиях? Поживем – увидим...

17 декабря

Сегодня, в первый раз за мое сиденье, двое караульных солдат завели со мной частные разговоры, более или менее интересные, а потому я их и отмечаю.

Утром вошел ко мне сегодняшней новый дежурный по моему коридору, с открытым добродушным лицом, и сразу выразил свое удивление: «ото-ж, господин, а кто Вы будете? кажись, я Вас еще не бачил?» Оказывается, что он уже две недели не дежурил в этом коридоре, а потому меня и не мог знать. Удовлетворив его любопытство, я, в свою очередь, его спросил, почему он здесь, а не на своей Украине, так как с первых же слов его ясна была его национальность. Он, как рассказывал мне, сначала очень стремился в украинские войска, но опоздал и пропустил момент, ибо теперь уже никого не отпускают отсюда в «неприятельскую страну». Он не тузил об этом, пото-

му что все равно на днях будет отпущен совсем домой; как приедет домой, так постарается понять всю теперешнюю неразбериху, а пока он даже доволен спокойно оставаться в крепости. «И Каледин, и Украина, и Сибирь, и Петроград, и немцы – ничего не понимаю, что делается», – уныло разводил он руками: «И кто прав, кто виноват, кто настоящий заступник Отечества – ничего не понимаю»...

Днем, во время моей прогулки кругом нашего дворика, все время пытливым глазом всматривался в меня мой конвойный. Я сначала погрешил против него мыслью, – думал, что он злобно смотрит: что делать, пришлось уже привыкнуть к злобности петроградских «товарищей», так что иногда и несправедливо относишься к людям, с предубеждением. Оказалось, что я ошибся. После нескольких сделанных уже мной кругов он решился, наконец, заговорить и начал, странное дело, с того же вопроса, как и добродушный хохол: «позвольте Вас спросить, кто Вы будете, штатский или военный?» Я ответил. «А какую Вы должность занимали?» Я ответил, что командовал полком. «Нельзя ли узнать, кто прав, кто виноват: столько здесь в крепости сидит арестованных, и все за разные дела; а я думаю, что [вы] все не преступники, а просто и сами не знаете, куда повернуться: сегодня угодил одному, а другому не угодил; а смотришь, завтра тот в начальники попал и злобствует на вас; а послезавтра еще новый, и опять новые аресты. Ничего понять нельзя»...

Я ему объяснил, что лично я за эти десять месяцев ни к кому не поворачивался и не переворачивался, никому не угождал и никому из нынешних угождать не намерен; а действую все время напрямик, так, как велят мне честь, совесть и понимание пользы и счастья России, т. е. так, чтобы мог смело и правильно отдать мой отчет Господу Богу, от Которого несчастный русский народ ныне отвернулся, на погубу свою и горе. Ему очень понравилось мое объяснение: «вот это хорошо, когда по совести поступать; а нынче совести почти ни у кого нет. Я только две недели, как с позиции приехал, с Румынского фронта. У нас все раньше было хорошо, и еще весной мы с немцами покончили бы, а вот как отменили дисциплину, так и пошел весь развал. А теперь что уж и говорить – погубили нашу Россию!» Я готов был расцеловать этого милого солдатика 3-го гвардейского стрелкового полка⁴³.

Сегодня была в городе грандиозная, как говорят, манифестация-шествие, организованная большевиками для празднования и ликования по случаю заключаемого мира. Стрелок и по этому поводу высказал очень правильные мысли: «теперь что же, – разуме-

ется, войны вести уже нельзя и надо мир делать поскорей, а только чему радуются! Другое дело, если б мы войну честно, по-хорошему кончили, победили бы, – а мы могли победить, – тогда и надо было бы праздновать всюю; а это что же – прощенный мир! И почему это только дисциплину отменили!..» Кончилось мое время прогулки, и он довел меня до моей камеры.

В один день два однородных разговора... За проклятые десять месяцев я не избалован приятными впечатлениями и тем более ценю сегодняшнее маленькое утешение, благотворно подействовавшее на мои душевные раны.

Как будто живет и теплится еще что-то такое в душе солдата!

Господа революционеры, обратите внимание! Опасное брожение умов. Из растерянности и сомнений создается ведь недовольство. А растущее недовольство может, того и гляди, дать массовый взрыв негодования, стихийного, бурного и неукротимого негодования народа, обманутого и преданного!

Как бы не показалась обратная сторона медали, государи мои, виноват, «товарищи». Не приближается ли, не растет ли грозная опасность? Скорее принимайте энергичные меры! Увеличивайте число ваших тюрем; расширяйте и укрепляйте их! Ройте казематы! Воздвигайте эшафоты! Душите свободное слово!

Чудится мне, что готовится час расплаты; что идет Божий Суд; что Божья Правда спускается благодатно на грешную страну...

18 декабря

Уже две субботы и два воскресенья прошли с тех пор, как я сижу в крепости: очевидно, в крепостном соборе отслужены были и всенощные, и обедни; но никому из здешнего начальства и в голову не пришло принять меры к тому, чтобы желающим из заключенных доставлена была возможность пойти помолиться. В первую субботу я высказал свое желание, чтобы меня провели на всенощную; сказал об этом одному из здешних служителей, который отнесся к моей просьбе с большим удивлением и совершенно явной враждебностью; хотя он и старался скрыть *принципиально* недоброжелательное отношение отговоркой, будто бы никому не хватает времени водить заключенных в церковь. Я знаю, что в прежние времена, во времена, как нас хотят уверить, угнетения народного, все государственные преступники, содержащиеся в Петропавловской крепости, имели полную возможность, при малейшем желании своем,

посещать церковное богослужение. Впрочем, такое отношение к священному для всех верующих, самому неприкосновенному залогу прав и свободы личности, нисколько меня не удивило, ибо протекшие проклятые десять месяцев меня вполне убедили, что тут в основе своей действуют не небрежность, непонимание, халатность или недосуг, но проводится вполне определенная система пренебрежения ко всему, имеющему отношение к учению и вере Христа, Спасителя нашего. Я склонен идти даже дальше и нахожу в этой тенденции, которой так ревниво придерживаются наши современные политические и общественные деятели, элементы какой-то особой боязни, какого-то страха перед символами и основами нашей религии.

Ни в декретах своих, ни в манифестах, ни в многословных, бесодержательных речах, ни в даже в речах нелепой «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской, старухи, стоящей уже так близко к роковому несению ответа за содеянное в жизни перед Престолом Всевышнего, ни одно из революционных правительств никогда не упомянуло Божьего Имени, не молило о Божьем благословении на начинания свои, якобы стремясь к благу народному.

[...]*

На этих днях я читал в газетах, что в Кузнечном переулке прохожий матрос под предлогом контрреволюционности арестовал мальчика-книгоношу, торговавшего книгами Священного Писания.

Эти и многие другие подобные же факты ясно указывают, какое предубеждение питает наша революция к вере Христовой, к Церкви Христовой и к служителям Христова Алтаря.

Невольно напрашивается вопрос: откуда эта злоба, эта ненависть к христианству? Не евреи ли, руководящие революцией и так широко ее использовавшие, вносят в нее эту характерную черту?

А что же народ, считавшийся таким преданным своей Церкви, что же наше образованное общество?

Неужели его широкий либерализм не смущен тем, что нарушена сама основа свободы – свобода совести?

И простой народ, и образованные классы по-прежнему погружены в безмолвие, спокойствие, покорность и... равнодушие. Вид-

---

* Опущенные наблюдения Винберга, касающиеся враждебного отношения революции к христианству, развиваются более подробно на тех же примерах ниже. См. дневниковую запись от 14–15 янв. 1918 г. (*примеч. публикатора*).

но, весь запас негодования был партийно использован на возмущение некоторыми недочетами царских министров (какими невинными они теперь кажутся), на размазывание и смакование распутинских сплетен. Видно, не изготовлена еще та оглобля необычайной тяжести, которая могучим ударом своим выведет их из оцепенения?..

19 декабря

Сегодня неожиданно прервалось мое пребывание в Трубецком бастионе. В 12 часов, – только что я кончил мой скудный обед, – ко мне пришел надзиратель объявить, что я с целой партией других арестованных перевожусь в «Кресты»⁴⁴, а потому должен собрать все свои вещи и идти в канцелярию.

В канцелярии собралась вся наша партия, состоявшая из следующих лиц: генерал Болдырев, бывший командующий 5-й армией, арестованный и уже присужденный к трем годам общественных работ за то, что между двумя своими верховными главнокомандующими – законным (формально), Керенским, и самочинным, прапорщиком Крыленко, продолжал признавать первого и игнорировать второго; полковник Муффель, командир батальона Николаевского инженерного училища, юнкера которого выступали против большевиков; журналист Шипов, виновный только в том, что жил в квартире рядом с Громовым, выпустившим контрреволюционные прокламации; наконец, «соучастники» Пуришкевича – капитан Лейб-гвардии Измайловского полка А.А. Кованько, корнет П.Н. Попов, штабс-ротмистр А.П. Заустинский, И.Д. Парфенов и я.

Мы ждали в канцелярии около часа, пока выправляли наши документы и пока наш конвой, состоявший из десяти солдат, обедал.

Когда все было готово, нагрузившись нашими вещами, мы пустились в путь по направлению из Крепости в «Кресты». Во время нашего печального шествия по улицам Петроградской стороны у генерала Болдырева вырвалось восклицание: «вот она благодарность страны и русского народа своим боевым офицерам, на 3 ½ года войны забывшим свои личные интересы и жившим исключительно мечтой о благе Родины, работавшим на защиту этой Родины»... Болдырев и я скоро нашли проезжавший частный автомобиль, пустой, причем шофер согласился за 40 руб. довезти нас в «Кресты». Мы забрали вещи всех наших спутников и приехали

в новую нашу тюрьму, где нас провели в канцелярию. Там мы ожидали около часа прибытия всей нашей партии. Когда все были в сборе, начали нас записывать в свои книги очень любезные и предупредительные тюремные чиновники и служившие их помощниками две не менее любезные барышни.

Когда очередь дошла до меня, и один из чиновников, одетый в солдатскую форму с унтер-офицерскими нашивками, спросил меня, под каким званием меня записать, я ответил: «совсем не знаю, как определить могу свое звание; я – бывший человек, и все звания мои – бывшие; напишите – бывший дворянин, или бывший полковник, или бывший шталмейстер Высочайшего Двора». «С Вашего разрешения, Ваше превосходительство, ответил мой неожиданный доброжелатель, – я запишу Вас полковником, причем надеюсь, что скверные времена приходят к концу, и скоро мы вернемся ко всему старому». Большинство служителей и должностных лиц «Крестов» вообще относятся ко всем нам, «контрреволюционерам», очень доброжелательно и сочувственно, гораздо любезнее, чем то было в Крепости. Для политических заключенных они предоставили отдельный этаж, где мы совершенно отделены от «уголовных». Тем не менее, на нас произвел тяжелое впечатление факт перевода нас в такое место заключения, где в громадном большинстве заключены мелкие воришки и хулиганы, а также более крупные преступники по разным уголовным делам.

Было очень тяжело выносить одиночное заключение в Крепости, но там мы чувствовали себя на более почетном, более ответственном для нас положении⁴⁵. Здесь же, окруженные подонками столичного населения, мы все чувствуем сильнее нашу, как мне кажется, умышленную приниженность.

Хотя всем нам и полагаются одиночные камеры, но в течение всего дня нас не запирают, и мы свободно гуляем по коридорам и общаемся друг с другом, что после двух недель крепостного одиночества доставило нам большое утешение и удовлетворение.

20 декабря

Первая ночь, проведенная в «Крестах», останется мне памятной: до того она была мучительной. Здесь все камеры очень холодные, но особенно холодной оказалась моя, которую я вчера выбрал на самом краю коридора и до 11 часов вечера в нее не входил, весь отдавшись общению с людьми.

Некоторые устроились по двое в камере, но я предпочел быть один. С 11 часов вечера до 7 часов утра наши камеры обязательно должны быть заперты на ключ снаружи; собственно говоря, как и в Крепости, камеры с заключенными в них должны бы всегда быть запертыми, и так обстоит во всех отделениях, где содержатся «уголовные»; но из любезности и, видимо, сочувствуя нам, тюремная администрация делает исключение для «политических» и предоставляет нам полную свободу в течение всего дня. Но в 11 часов вечера правило быть запертым входит в силу и для нас, а потому к этому часу пришел сторож и запер каждого из нас в своей камере. В моей несчастной камере оказалось так холодно, что я тотчас надел свое зимнее пальто, нахлобучил на голову меховую шапку и, дрожа, провел всю ночь, сидя на стуле, ни единой минуты не заснув. Было очень тяжело протерпеть до 7 часов утра, когда комнату мою отперли и я, совсем промерзший, вышел в коридор, где, сравнительно, мне показалось даже тепло, хотя до 12 часов утра я и не снимал пальто и все не мог согреться, настолько я был пронизан стужей. На следующую ночь я уже устроился в более теплой камере, с двумя офицерами, полковником Вакуловским и корнетом Поповым, где я до сей поры остаюсь, и устроился более или менее уютно. В новой тюрьме наши камеры вдвое меньше, чем в крепости.

31 декабря
«Кресты» камера № 537

11 ½ часов ночи. Дневник мой прервался совершенно новой жизнью в «Крестах», среди оживленного общества. Начнется наш процесс, окончания которого ожидали (вчера был назначен перерыв) послезавтра, 2-го января.

Надеюсь в будущем году дневник свой продолжать, а пока молю Господа, да ниспошлет Он свое благословение на грядущий 1918 год для моей всей семьи, для нашего Царя со всей Его Семьей и для России. Дай Бог мне в течение этого года исполнить правильно и производительно мой долг верноподданного, русского воина, гражданина и мужа, отца, сына, брата. Дай-то Бог.

С помощью Божьей надеюсь вступить в этот год. И да дарует Он его нам счастливым, светлым, радостным и благотворным. Аминь.

С тяжелым чувством входил я в знакомое мне здание. В последний раз до того я был в нем зимою рокового для России и для всех нас 1914 года. Этот новенький дворец, великолепно, с большим вкусом и комфортом отделанный внутри, сиял огнями, и нас принимал у себя за обедом бедный Августейший хозяин дворца. Не помню, кто был тогда приглашен к Великому Князю: не то все офицеры нашего Л.-гв. Уланского Ее Величества полка, не то все штаб-офицеры и ротмистры нашей дивизии; одно хорошо помню, что никому из участников этого обеда, прошедшего очень оживленно и приятно, не приходило в голову тогда, что мы находились накануне великих, трагических событий, потрясших Россию до основания, и что радушный хозяин наш, не далее как три года спустя, окажется лишенным всех благ жизни и всех прав своих, не только великокняжеских, но и общечеловеческих. Дворец мало походил на то, что вспоминалось мне при входе в него: все было загажено, заплевано; сновала серая толпа людей более или менее подозрительной наружности; всюду суетились юркие господчики Иудова племени, своей самоуверенностью и наглостью еще более оттенявшие все мерзкие черты своей отвратительной народности. С начальственным апломбом распоряжались грубые, разнузданные солдаты, потерявшие все признаки былого шегольского вида и молодечества. В зале трибунала, в большой, со стеклянным куполом зале Великого Князя, сидело много публики, большею частью из числа наших родственников и знакомых, но частью и из враждебной нам среды нынешних вершителей судеб несчастной России – рабочих и солдат, и, конечно, много жидов.

Мы долго ждали в отведенной нам комнате (бывшей столовой Великого Князя), пока началось заседание трибунала. Я забыл упомянуть, что в числе подсудимых по нашему делу были еще два юнца, герцог Дмитрий Георгиевич Лейхтенбергский и студент Гескет, также притянутые к делу о нашем пресловутом заговоре. Мать этого юного Лейхтенбергского, урожденную княжну Репнину⁴⁷, я помню с детства, по Киеву, где ее отец, князь Николай Васильевич⁴⁸, был губернским предводителем, а мой отец командовал 12-й Кавалерийской дивизией. В течение нескольких зим мы вместе брали уроки танцев в казенном доме Репниных. Брат ее, Вадим⁴⁹, скончавшийся пять лет тому назад, и я оба в то время были увлечены страстью к голубям и вообще к птицам и разным мелким зверькам. Целые комнаты в наших квартирах были нами превращены в маленькие зверинцы, наполненные клетками. Никак не предполагал я

в то время, что с сыном «Лели Репниной» я буду когда-либо шествовать по улицам Петрограда, окруженный конвоем.

Заседание открылось около 2-х часов дня. Конвойные красногвардейцы ввели нас в зал, где мы заняли скамью подсудимых. На скамье адвокатов сидели два защитника Пуришкевича, отец и сын Бобрицеры-Пушкины, предложившие Пуришкевичу безвозмездно свою защиту, а также взявшие на себя и защиту Кованько, Парфенова, Душкина, Попова, Боды и Графа; были еще три защитника Лейхтенбергского и Гескета.

7 января

Сегодня за весь день не удалось записать ни одной строчки. Надеюсь, что завтра примусь за продолжение описания подробностей нашего процесса, а теперь, уже поздно вечером, ограничусь описанием сегодняшнего дня.

Живем мы здесь, в хирургическом отделении госпиталя нашей тюрьмы, очень дружной группой политических арестантов, за исключением одного, бывшего главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова, к которому все относятся неприязненно: слишком уж усердно приспособлялся он ко всякому веянию и ко всякому начальству. Живет он в отдельной комнате, встречаемся мы только в коридоре, где он мрачно расхаживает, и от общения взаимно уклоняемся. Все остальные живем общей жизнью, в полном согласии. Надо заметить, что все мы вполне здоровы и попали в лазарет благодаря любезному сочувствию тюремного начальства, с целью создать более сносные условия жизни и избежать холода, грязи и других неудобств общего тюремного режима. Пока удастся так жить, можно сравнительно быть довольным и надеяться, что какой-нибудь каприз начальства не внесет изменения. В этом отношении угрожает некоторая опасность тем из нас, кто, как например, я и другие, уже осуждены трибуналом к тюремному заключению с исполнением принудительных работ⁵⁰. Откровенно сознаюсь, что эти «принудительные работы» являются для меня перспективой мало соблазнительной: дал бы Бог, чтобы миновала меня чаша сия; если же суждено пройти еще и через это испытание, постараюсь quand même бодрости духа не терять.

Но какую невообразимую смесь составляет наше посылно сплотившееся общество в отношении политической окраски. Как только я впервые вошел в наше отделение, меня встретил старый ли-

цейский товарищ (моложе на три года выпуска), Алексей Николаевич Хвостов, бывший член IV Государственной Думы, бывший министр внутренних дел и бывшая, а может быть, и будущая черносотенная гроза всех наших либералов. Хвостов пригласил меня выпить чаю в его комнате. Немного осмотревшись и устроившись в своей палате, я пошел к нему и застал его за столом, мирно распивающим чай и дружно беседующим с социалистом-революционером-террористом Владимиром Львовичем Бурцевым и с бывшим директором Департамента полиции, а затем товарищем министра внутренних дел, много повлиявшим на отставку Хвостова еще во время «старого режима», Степаном Петровичем Белецким. Тюрьма сгладила таким образом не только диаметрально противоположные политические убеждения, но и чисто личные старые неприязненные счеты.

Особенно странно наблюдать за трогательным сожитием Белецкого и Бурцева, так долго выслеживавших друг друга и непрерывно между собой борющихся. Теперь они здесь очень любят вести между собой нескончаемые беседы. Вспоминая былые дни борьбы, сообщая друг другу и проверяя те или другие сведения, которыми определялись те или другие их действия. Для меня не представляет никакого сомнения, что Белецкий и умом, и более широким пониманием общественных явлений, и опытностью, и практической сметкой – является несравненно более крупной величиной, нежели его еще недавний противник. Он привлекает к себе и своей любезностью, участливостью, отзывчивостью. Впрочем, Бурцев также приятный в общении человек, добродушный и довольно симпатичный, но влюбленный в собственную свою особу и тщеславный до крайности старичок. Однако, избрав своей специальностью все дело политического сыска, будучи чем-то вроде начальника полиции и осведомителя от революции, он, как мне кажется, излишне специализировался на увлекшем его деле, а потому производит впечатление человека крайне одностороннего, «ходящего в шорах», что, принимая во внимание его несомненную партийность и связанные с ней пристрастие и предвзятость в оценке событий, сильно умаляет его фигуру, сравнительно с той громкой и немного рекламной популярностью, которой он пользовался не только в революционных, но и вообще в интеллигентских кругах. Разумеется, такое мнение мое несколько не исключает, а только значительно умаляет интерес к личности Бурцева: беседа с ним занимательна ввиду его специальных сведений и широкого знакомства с революционной средой. Его выступление в печати против Керенского, в защиту Корнилова,

бывшее причиной его ареста, обеспечивает за ним уважение, независимо от несогласия с направлением всей его деятельности.

Должен откровенно сознаться, что мне было приятно найти в Бурцеве человека, стоящего ниже своей репутации, ибо в его лагере, мне враждебном, он выставляется как выдающаяся сила. Отраднее удостовериться, что эта сила противника оказывается много слабее нашей силы, в лице Белецкого, да и большинства других. Коробит меня цинизм его, когда Бурцев с пафосом и самовосхвалением описывает разные подлейшие террористические свои воспоминания, не чувствуя всей их гнусности.

Вчера, 6-го января, в день Крещения, случился у меня с Бурцевым забавный эпизод. Наше отделение обходил тюремный священник⁵¹, кстати сказать, чрезвычайно добрый и хороший духовный пастырь, и окроплял святой водой все наши помещения. Прощаясь с ним, я попросил его налить мне стакан святой воды, выпил глоток и затем обошел всех товарищей по заключению, предлагая отпить: все благодарили и воспользовались моим предложением. Sans penser malice⁵², подошел я и к Бурцеву, который с кем-то ходил по коридору, и что-то оживленно рассказывал. К большому моему удивлению, он обеими руками отмахнулся и отстранился от протянутого мной стакана и отказался. До сих пор я думал, что только нечистая сила боится Креста Господнего, Божьего Имени и святых атрибутов нашей веры; вижу теперь, что такие же чувства проявляет и революционная нетерпимость и узость партийного кругозора. Поражаюсь, как это люди, стремящиеся взять в свои руки управление русским народом и мечтающие его осчастливить по своей утопической и доктринерской программе, не понимают, что нельзя с пренебрежением относиться к уставам веры народной и к самобытно сложившимся обычаям и верованиям своего народа. В этом непонимании кроется трагедия, которую неминуемо переживут отколовшиеся от родной почвы и заблудившиеся в туманах отвлеченных теорий наши либеральные партии.

При вступлении моем в наш лазарет, он мне, по представившимся удобствам и комфорту, показался роскошным дворцом после жития моего в крепости, а затем в тюрьме «Крестов». К великой моей отраде, здесь оказалась даже и ванная комната, которой можно пользоваться каждое утро. Казенная пища, здесь нами получаемая и состоящая из супа, вареного картофеля и вечерней каши, вполне удовлетворительна; в общей тюрьме обеды были настолько плохи, что есть их мы были не в состоянии и жертвовали в пользу уголовных арестантов.

Как и там, кроме казенных обедов, специально для политических заключенных ежедневно привозятся от Общества Красного Креста вполне хорошие обеды из двух блюд: эти обеды мы здесь оставляем на вечер, разогреваем в лазаретной кухне и таким образом получаем хороший ужин. Сверх этого, мы образовали общую артель нашего общежития, вносим денежные взносы и продукты натурой и ежедневно, около 4-х часов дня, собираемся вместе еще на одну трапезу, состоящую из одного или двух блюд, изготовленных из «подручного материала» – картофеля, крупы, чего-нибудь мясного (иногда) и тому подобного, кофе и чая. Все заботы об артели и самое изготовление блюд, очень искусное и вкусное, любезно взял на себя наш же сиделец, бывший земский начальник, а ныне мировой судья, Николай Дмитриевич Кормилицын, которому в трудах его помогают корнет Попов и И.Д. Парфенов. Кормилицын сидит здесь тоже как «контрреволюционер», хотя прямого обвинения против него не предъявлено, да и предполагаемая вина его никак до сих пор не сформулирована, а, следовательно, нет и никакой мотивировки ареста; в этом отношении большевики поступают чрезвычайно независимо и смело, не считаясь ни с какими формами.

Из участников моего процесса сидят здесь со мной Кованько, Парфенов и Попов.

Степан Петрович Белецкий представляет собой очень интересную личность. До сих пор приходилось о нем только слышать и читать в газетах более или менее враждебные отзывы – совершенно неправильно и односторонне его рисующие. При знакомстве с ним, таком близком в наших условиях совместной жизни, выносишь о нем, прежде всего, впечатление, как об очень приятном, доброжелательном человеке. Из первого же с ним разговора я понял, что он очень умный, вдумчивый человек, с основательным образованием, громадным опытом, большим знанием людей, умеющий охватить события и явления политической жизни ясной концепцией государственной мысли.

Белецкий принадлежит к почтенному разряду “self made men”⁵³; почти всю службу свою провел в провинции: окончив Киевский университет, поступил в канцелярию Киевского генерал-губернатора, служил при Игнатеве и Драгомирове, затем был недолго где-то вице-губернатором, изучил за этот свой стаж очень вдумчиво революционные течения русского общества, а потому, попав на высокий и ответственный пост директора Департамента полиции, оказался на своем месте. Жаль, что интриги отдалили такого

нужного, твердого человека от дела, так хорошо ему знакомого. При всей любезности и обходительности своей, Белецкий должен быть очень хитрым человеком, и «пальца в рот ему класть не рекомендуется». Жена его, Ольга Константиновна, урожденная Дуроп⁵⁴, приезжает к мужу почти ежедневно; она мне понравилась и кажется умной, энергичной женщиной.

Другой сожитель наш по хирургическому отделению, социал-демократ Сергей Николаевич Салтыков, прямо из каторжан, после февральского переворота, превращен был Временным правительством в Иркутского генерал-губернатора, а затем назначен был товарищем министра внутренних дел. Салтыков производит впечатление образованного человека, с университетским образованием. Он бывший секретарь губернской земской управы (не помню какой), добросовестный, скромный и, по-видимому, добрый и мягкий; как большинство партийных людей страдает большой односторонностью. В политических своих идеалах Салтыков кажется мне, сравнительно с большинством людей, выдвинутых революцией, человеком умеренным: хотя кажущаяся умеренность, может быть, объясняется скрытностью и осторожностью травленной лисицы.

Алексей Николаевич Хвостов, крайнего правого направления, энергичного, стремительного и решительного нрава, умный, хитрый и несколько лукавый, с большой выдержкой переносит свое тяжелое положение, но не сомневаюсь, что цепи неволи очень сильно его давят; когда наступит его час торжества и возмездия, не поздравляю тех из его нынешних поработителей, которые встретятся на его пути.

Алексей Алексеевич Кованько, чрезвычайно начитанный и образованный офицер, пишет стихи и даже целые поэмы, причем обнаруживает дарование. Очень сдержанный, спокойный и тихий. Душа его вся проникнута мистицизмом, черпающим основу свою в глубокой религиозности.

Иван Дмитриевич Парфенов, гражданский инженер, петроградский домовладелец, из почтенной купеческой семьи, представляется мне неглупым человеком.

В одной комнате со мной живут генерал Болдырев, Александр Михайлович Кондратьев и корнет Попов.

Василий Георгиевич Болдырев, сын простого крестьянина, личным трудом и выдержкой пробил себе жизненный путь. Когда его арестовали, он [в свои] 43 года был командующим 5-й армией, а начал войну в должности начальника штаба 2-й гвардейской пе-

хотной дивизии. Такое быстрое движение по службе в настоящее время не может особенно удивлять, когда революция выдвигает на высшие командные посты полуграмотных рядовых; однако служебное продвижение Болдырева капризами революции объяснено всецело быть не должно. Болдырев имеет несомненные личные заслуги и впоследствии, когда будет возрождаться ныне уничтоженная Русская Армия, по справедливости может сохранить в ней подчиненное, но не самостоятельное место.

Без всякого ложного стыда Болдырев вспоминает охотно о своем скромном происхождении, любит рассказывать, как исключительно трудом и силой воли, среди лишений и материальных затруднений, без всякой помощи от родителей или кого бы то ни было другого, он учился в реальном училище, перебиваясь уроками, затем поступил в Топографическое училище, начал службу в армейском пехотном полку и, по истечении обязательных трех лет строевой службы, попал в Академию Генерального штаба, которую окончил первым.

В нем нет несимпатичных черт, часто характеризующих так называемых "parvenus"⁵⁵, а потому общение с ним приятно и несколько не нарушает диссонансом сплоченности нашего общежития.

Политических взглядов держится он либеральных, и я думаю, что первые приступы революции были встречены им не без сочувствия, однако теперь он вполне сознает ужас создавшегося положения и горько сетует на обстоятельства, воспрепятствовавшие России с достоинством и честью выполнить свой государственный долг, свою очередную государственную задачу. Тяжело – говорит он – попасть в плен и зависимость племени «Ням-Ням» – так называет он наш взбесившийся народ. Горячо любя Родину, он очень страдает за Россию. Он участник двух войн: в Японскую войну он, будучи уже офицером Генерального штаба, много раз был в огне, два раза ранен; был ранен и контужен и в эту войну. В противоположность моим отношениям к генералу Черемисову, которого избегаю, я очень доволен моим знакомством с Болдыревым, и отношусь к нему с искренним уважением, несмотря на различные наши политические «платформы».

Александр Михайлович Кондратьев, чиновник Министерства внутренних дел и земледелия, ныне председатель Союза Союзов, т. е. стоящий во главе чиновничьего саботажа⁵⁶, что и было причиной его ареста, окончил чуть ли не пять высших учебных заведений: юридический факультет Московского университета, петербургские институты: Технологический, Горный и Археологический и Поли-

техническую школу в Карлсруэ. Ему в настоящее время 42 года. Он много работал по статистике, по которой, как кажется, может называться выдающимся специалистом; вообще он даровитый работник, очень энергичный человек, приятный в общении с ним.

«Нет худа без добра» – говорит пословица. Она вполне применима к моему тюремному заключению, ибо здесь мне пришлось сделать много интересных знакомств и узнать людей, на разных поприщах выделяющихся из общей массы. Явление это вполне естественно, так как большинство политических арестантов состоит из людей с цельными характерами, которые не клонят покорно выи перед деспотизмом и крайностями революции, но смело отстаивают свои убеждения и свою самобытность, не желая подчиняться позорным инстинктам бараньего стада и сохраняя свое достоинство и свою индивидуальность.

Третий мой милый сожитель и товарищ по процессу, Петр Николаевич Попов, 25 лет, является типичным, лихим корнетом, храбрым, бывшим три раза раненным, участником нескольких славных атак доблестной «Туземной» дивизии. Он обладает редко покладистым, мягким характером, но, вместе с тем, в стойкости своих монархических убеждений выказывает большую твердость и последовательность. На суде он держал себя превосходно.

Я к нему питаю особенно нежные чувства, так как, по особенностям склада ума и души моего корнетика, мне, старому кавалеристу, он представляется особенно близким и родным. Из его рассказов я узнал, что на него имела большое влияние его крестная мать, Елизавета Александровна Шабельская, по мужу Борк. Я с нею не был знаком. Но, прочитав ее роман «Красные и Черные», был с тех пор очень заинтересован ее личностью и очень жалею, что недавняя ее кончина лишает меня возможности в этом мире с нею встретиться.

Упомянутый мною роман имеет своим сюжетом революционную смуту 1905–1907 годов⁵⁷, чрезвычайно верно характеризует главных деятелей русской революции, ярко описывает зависимость ее от злобствующего еврейства, стремящегося к порабощению России, смело выставляет к позорному столбу дряблую немощь и слепоту нашей интеллигенции и, проникнутый глубоко религиозным чувством автора, знакомит с закулисными сторонами так называемого «освободительного движения», возглавляемого мрачными оккультными силами масонства⁵⁸ или, точнее, иудаизма.

Этот роман печатался в газете Дубровина «Русское знамя»⁵⁹, а затем вышел отдельным изданием⁶⁰, но необыкновенно быстро

был раскуплен и ныне совершенно исчез с книжного рынка. Удивительно, как ловко умеют евреи ликвидировать всякое неудобное им литературное произведение...

Сегодня, в десятом часу вечера, в то время как все мы, собравшись в одной палате, заняты были оживленным разговором, к нам неожиданно явились посетители. В сопровождении помощника начальника тюрьмы, Митрофана Ивановича Томилина, всегда очень с нами любезного, два черных бородатых господина, довольно представительного вида, обошли все наше отделение, подробно осматривая каждую палату и таинственно между собой перешептываясь. Томилин успел кому-то из нас сообщить, что один из посетителей есть помощник комиссара юстиции Шнейдер, а другой – сенатор Соколов, автор Приказа № 161, бывшего первым этапом и поворотным пунктом в деле разложения и гибели нашей Армии. Явились они предтечами перемещения к нам из лечебницы Герзони четырех министров Временного правительства: Коновалова, Третьякова, Смирнова и Карташева. В лечебнице боялись их оставить, ибо только что по Петрограду распространилась весть, что в Мариинской больнице зверски убиты красногвардейцами бывшие министры того же Временного правительства Шингарев и Кокошкин⁶² – крупные лидеры кадетской партии⁶³. Опасаясь такой же судьбы и для остальных арестованных бывших министров, Правительство спешит их перевести в менее опасное, или, по крайней мере, лучше охраняемое место.

Вскоре, часов около 11 вечера, появились наши новые сидельцы, нервные, усталые, напуганные, растерянные. Мы, старожилы, стали их угощать чаем: по случаю такого экстренного происшествия мы не были еще заперты по нашим палатам, как обыкновенно полагается, к 10 часам вечера.

Неудивительно, что бывшие министры имели измученный вид: в течение нескольких дней с ними произошел целый ряд перемен. Сначала переведенные из Петропавловской крепости в лечебницу Герзони, они не успели еще как следует отдохнуть и оправиться под влиянием более комфортабельного и свободного режима, как узнают они сегодня вечером о трагической гибели двух своих товарищей и спешно, на трех автомобилях, под охраной грубых, разнузданных солдат, перевозятся в новую тюрьму, при полной неизвестности и неопределенности в отношении дальнейшей своей безопасности не только ближайших дней, но и часов.

8 января

Все наши новые товарищи по заключению и сегодня утром еще не вполне оправились от перенесенных потрясений: ночью спали плохо и вид имеют утомленный и подавленный. Их очень жалко, особенно когда вспомнишь, как они, скрепя сердце, поддавшись уговариваниям Керенского, согласились вступить в ряды министерства на последние три недели власти бывшего в агонии Временного правительства. Нет сомнения, что в то время ими уже не могло руководить никакое честолюбивое соображение или чувство личного тщеславия, ибо было уже вполне ясно, что дело Керенского безнадежно скомпрометировано и будущего иметь не может. Тем не менее, они согласились сделать последнюю попытку спасения их общего дела и, вступив в коалицию с министрами-социалистами, своим участием в кабинете испробовали последний козырь бесталанной ставки: пойдя на такой компромисс, они, очевидно, руководствовались сознанием необходимости исполнить свой гражданский долг и тем совершить акт доблести и мужества. Тем более жалко их теперь, когда, в воздаяние за свою идейность, им приходится претерпевать жестокие испытания.

Воздавая им должное, не следует, впрочем, закрывать глаза и на оборотную сторону медали. Я не могу не вспомнить, что трое из этих четырех министров, Коновалов, Третьяков и Смирнов, увлеченные общим революционным настроением русского общества, нашедшим живой отклик в московской крупной промышленной среде, жертвовали широко свои миллионы на дело подготовлявшегося Февральского переворота. Революционная действительность жестоко обманула их чаяния и иллюзии, показала им, каково бывает тем, кто, не зная и не понимая достаточно умно общей государственной обстановки и сути своего народа, берется за ломку государства и управление путями народной жизни. Роковое легкомыслие ныне превратило бывших честолюбивых финансистов в разочарованных, потрясенных, виноватых и кающихся грешников, перед самими собой и перед Родиной. В такую минуту, увидя их на развалинах разрушенных надежд, попранных честолюбивых мечтаний, было бы невеликодушно с моей стороны злорадствовать, а потому не хочу дальше развивать в этом смысле мои рассуждения.

Сергей Николаевич Третьяков – внук знаменитого мецената Сергея Михайловича Третьякова, которого я знал, будучи еще лицеистом, в Петергофе: его и жену его Елену Андреевну часто видел

у Антона Григорьевича и Веры Александровны Рубинштейн; помню, был у него раз на роскошном вечере, для меня, молодого мальчика, очень интересном. Там я в первый раз в жизни видел и слышал цыган, а за ужином говорил свои несравненные рассказы Иван Федорович Горбунов. Сергей Николаевич Третьяков очень интересно рассказывал, как они, все министры Временного правительства, в дни Октябрьского переворота собрались в Зимнем дворце, готовые там к противодействию, а в случае неудачи к гибели от насилия большевиков. Бегство Керенского окончательно подорвало в министрах доверие к этому пустому авантюристу. По всем рассказам видно, что министры сначала не отдавали себе полного отчета в том, как примитивно и детски наивно организовывалось сопротивление Зимнего дворца против большевиков. Юноши юнкера и женские батальоны – вот все, что смог и сумел собрать Керенский для защиты своей власти. И в то время как подлый временщик улепетывал на автомобиле от грозившей опасности гнева и кары обманутого народа, юноши и слабые женщины гибли на штыках озверевших солдат и падали под пулями большевиков. Жалкий и мерзкий финал ничтожного человека, бывшего, тем не менее, в течение шести месяцев кумиром нашего легкомысленного, поверхностного, глупого общественного мнения.

Третьяков рассказывает о совещании министров во дворце, состоявшемся уже тогда, когда большевистские суда грозили начать обстрел Зимнего дворца, а сопротивление защитников, как уже выяснилось, признано было безнадежным. Он отмечает характерную подробность, что на том совещании представители военной силы, генерал Маниковский и адмирал Вердеревский, сразу определили безысходность положения и необходимость сдаться победителям или найти путь к спасению, в то время как штатские министры, вполне отдавая себе отчет в безнадежности своего дела, все же решили единогласно оставаться на своих постах и стойко идти хотя бы навстречу смерти.

В некоторое оправдание меньшей стойкости, обнаруженной военными сравнительно со штатскими, мне приходит на ум то соображение, что, ведь, эти генерал и адмирал защищали не дело рук своих, но были втянуты потоком событий в чужое, им наверно несимпатичное дело, в то время как остальные министры защищали как раз свое собственное детище, – ту мечту, которой увлеклись и которую так неумело и легкомысленно старались проводить в жизнь.

Пассивная готовность министров умирать на своих постах нашла отклик и в Петроградской городской думе, которая, узнав о кри-

тическом положении министров, вынесла было неосуществимое решение идти также к Зимнему дворцу и там умереть вместе с ними.

Отдавая должное уважение такому героическому, но оставшемуся, правда, платоническим, решению, нельзя не обратить внимание на однородную черту пассивности, проявленную людьми, прямой обязанностью которых должна бы быть не пассивная, но активная деятельность. Это наблюдение чрезвычайно характерно и в отношении кадет, и в отношении социал-революционеров⁶⁴, так как эти люди как раз исключительно и принадлежат к обеим этим партиям.

Хочется сказать этим жалким людишкам, взявшимся за дело, которое им, разумеется, оказалось не по плечу: «Не для того вас русский народ избрал и призвал вас к власти, чтобы вы, все разрушив, расстроив всю культурную жизнь огромного государства, приводя это государство к угрозе распада, развала и рабства, просто-душно признали свое бессилие и единственный исход из тупика нашли в своей смерти. Не нужна России ваша бесславная смерть, как ненужной оказалась и ваша дряблая, обанкротившаяся жизнь. Но что сделали вы с недавно еще могучей, великодержавной нашей Родиной, грядущую будущность которой мы видели озаренной светом величия и славой высокого исторического призвания.

Как смели вы, умеющие только разрушать, ломать и портить, взяться за ответственное дело созидания! Как смели вы, узкие бездарные фанатики книжки и мертвой доктрины, вылезшие из нор своего мрачного подполья ничего не знающими, ничего не умеющими и ничего не понимающими, как дерзнули вы избрать предметом своего идиотского опыта судьбу и счастье своего народа...»

Продолжаю дальше рассказы Третьякова. Когда сломлено было в Зимнем дворце сопротивление юнкеров и женского батальона, понесших значительные потери убитыми и ранеными, и толпы большевиков стали быстро наполнять помещения дворца, министры вышли из залы своего заседания навстречу врагам своим. Бурно ворвалась разгоряченная и злобная толпа матросов, красногвардейцев и солдат и остановилась перед сборищем министров, по-видимому, с достоинством переживавших роковой момент. Впереди толпы оказался нынешней главнокомандующий Петроградского военного округа Антонов, очень маленький, невзрачный человек, показавшийся Третьякову каким-то мрачным и зловещим исчадием ада: маленькие, злые глазки его сверкали торжеством победы и презрительно глядели из-под низко спустившегося на носу *pinse-nez*⁶⁵; широкополая шляпа сбилась набок; одежда его была в беспорядке.

Хриплым голосом он объявил, что всякое сопротивление бесполезно, и предложил беспрекословно подчиняться дальнейшим распоряжениям его и воинских команд.

Вскоре всех их повели по набережной, под конвоем солдат в Петропавловскую крепость, среди разъяренных криков и угроз толпы. На Троицком мосту они попали под обстрел какого-то пулемета, так что пришлось лечь и выждать прекращения огня. Весь свой путь до крепости они совершили, находясь все время под страхом самосуда.

Как известно, арестованы были в ту ночь все министры, находившиеся в Зимнем дворце – как социалисты, так и коалиционные⁶⁶. Но в скором времени министры-социалисты были освобождены: таким актом новое правительство большевиков сразу показало настоящее лицо свое, воочию дало убедиться всем, насколько произвольны и пристрастны его действия. Раз признано было нужным арестовать министров, то самая элементарная справедливость предполагала бы, что нельзя между ними делать разницы в зависимости от принадлежности их к той или другой партии.

С большой горечью рассказывал Третьяков, как его коллеги, министры-социалисты, во главе с министром земледелия Масловым, поторопились воспользоваться предоставленной им свободой, даже не сочтя нужным проститься со своими менее привилегированными, с точки зрения революционного бесправия, товарищами.

Если б эти люди имели в душе мало-мальски благородные чувства и сознание своего нравственного долга, они, разумеется, не использовали бы кривобокую снисходительность к ним большевиков и поняли бы нравственную обязанность свою разделить общую участь остальных министров; они объявили бы, что могут стать свободными только в том случае, если освободят всех. Но даже такого элементарного чувства порядочности в них не оказалось, и они поспешили покинуть свою тюрьму. Меня такой поступок их несколько не удивляет: среди людей нашей революции идейные, благородные деятели чрезвычайно редки, и на них приходится указывать, как на совершенно исключительное явление.

Ни разу, по рассказу Третьякова, министры-социалисты не справились о судьбе заключенных; ни разу не позаботились послать им слово приветия, особенно утешительное для тюремных сидельцев; ни разу не справились, не могут ли они чем-нибудь быть полезными им.

Александр Иванович Коновалов кажется мне самым потрясенным из всех: чувствуется, как глубоко Третьяков и он разочарованы. Он рассказывал мне, сколько добра им было сделано своим рабочим на принадлежащих ему фабриках, какие дворцы были им построены для них, с какой заботой он обставил их всем возможным комфортом, всеми мерами обеспечив счастливое существование их и их семейств. Как везде, и его заботы были оплачены черной неблагодарностью.

Бывший государственный контролер Смирнов, тоже крупный московский богач-промышленник, по-видимому, настроен одинаково со своими товарищами. Из этих трех бывших министров мне понравился больше других Третьяков, еще совсем молодой человек с красивым, выразительным, энергичным лицом.

Очень меня интересует бывший министр исповеданий Антон Владимирович Карташев, профессор Духовной академии, немного аскетического вида, с глубокими, вдумчивыми, одухотворенными глазами. Он очень ученый, начитанный человек, удивительно ярко отдает себе отчет в совершающихся событиях и понимает их, по моему мнению, всесторонне. Что особенно чарует меня и находит живой отклик в моей душе, это его проникновенная, крепкая вера, чисто ортодоксальная, но широко освещенная его обширными знаниями.

По поводу революции и деятелей ее он никаких иллюзий себе не делает. Ошибки и заблуждения объясняет тем, что действуют люди одноглазые, по его собственному выражению, т. е. такие, которые видят перед собой только материальную сторону жизни, а между тем для того, чтобы правильно ориентироваться в жизни, надо видеть ее обоими глазами, т. е. отдавать себе отчет в одинаково существующей действительности, рядом с материальной и духовной стороны. Увлечения людей нашего времени революционными идеями, под кажущимися светлыми идеалами добра, правды, красоты и справедливости, скрывают соблазны и гибельные пути сатанизма. Таким образом, человечество, воодушевившись сначала красотой и чистотой своих альтруистических, но проникнутых материалистической философией, стремлений, постепенно и незаметно для себя самого выходило из области Света и вступало роковым образом в области мрака и зла.

Несмотря на то, что в его душе и в исканиях ее имеются многие элементы, клонящие к аскетической жизни, Карташев не считал полезным и годным для себя ограничить свое призвание монастыр-

ской кельей, а остался в миру для более широкой и творческой деятельности. Привлеченный к участию в деле Временного правительства, он сначала надеялся, что сможет в своей области принести сильную помощь. Позже, разочаровавшись в своих надеждах, он уже не хотел покидать своих товарищей по кабинету в такое время, когда его уход мог уподобиться дезертирству. По всему полученному мной впечатлению от разговора с ним мне кажется, что он, как и остальные, жалеет о своей связи с павшим так бесславно правительством.

Еще упомянул он мне, что он считал возможным оставаться во главе церковного ведомства только при Керенском, а не при других революционерах, ибо этот человек, как он мне говорил, не порвал окончательно связи с Церковью и скрытно, в тайниках своей души, сохранял к ней некоторое чувство уважения и близости. Притом же, Керенский предоставлял ему полную свободу действий и даже говорил, что, пока во главе власти будет стоять он, он не потерпит какого-либо умаления или обиды Церкви. Со всякими другими из революционеров вряд ли Карташев согласился бы продолжать свою службу. Я лично думаю, что и в данном случае Керенский пустил очередную, никакого реального значения не имеющую, фразу.

Вскоре после нашего обеда, как раз во время моего разговора с Карташевым, явился к нам старший надзиратель с приказом своего начальства о немедленном переводе четырех бывших министров в другое помещение. Оказывается, что мы переживаем тревожный день, и тюремное начальство очень озабочено опасением, как бы не произошло какого-либо насилия над политическими заключенными вообще, а над бывшими министрами в особенности. Такое опасение, как нам казалось, получало основание в том факте, что как раз сегодня несколько солдат от нашего караула, из которого обыкновенно никто в наше отделение не входит, все время находятся на нашей кухне и то и дело входят с нами в разные корректные, правда, но, пожалуй, несколько подозрительные разговоры. Неожиданное убийство, совершенное накануне, давало вообще почву для таких опасений.

Бедные наши непристанные странники быстро собрали свои пожитки и, вместе с надзирателем, отправились в какое-то другое помещение нашей тюрьмы. Зашедший по этому случаю помощник начальника, Томилин, предупредил и нас о возможности экстренного нашего перевода, причем заверил, что приняты все меры, могущие обеспечить нашу сохранность.

9 января

Вчерашний вечер и ночь прошли для нас вполне спокойно. Тотчас по уходе министров ушли от нас и караульные солдаты, *se qui donne à penser*⁶⁷. Ночью, правда, стреляли под нашими окнами (мы находимся на втором этаже) довольно часто, но такая стрельба является у нас самым обыкновенным явлением: часовые на постах, для развлечения, нередко стреляют в воздух, иногда караул забавляется стрельбой в какую-нибудь цель, бывает также, что солдаты разводят костер, бросают в него патроны и забавляются происходящими взрывами. Когда подумаешь, как у нас, во время существования образцовой, мощной Русской Армии бережно относились к казенным патронам, как каждый боевой патрон был на строгом учете – приходит в голову, не спим ли мы и не во сне ли видим все, вокруг нас происходящее, ибо слишком уже разнится нынешняя действительность от всего того, к чему мы привыкли и что, во всяком случае, имело гораздо более близкую связь со здравым смыслом, нежели явления, происходящие в свободной «Российской республике».

Около 12 часов дня привели к нам обратно наших министров: они утомлены и измучены. Им пришлось провести ночь в каком-то очень грязном, сыром и вонючем подвале, всем вместе, в тесноте, без сна и в непрерывном беспокойстве за свою участь. Надеюсь, что их больше не будут тревожить, и что сегодня им удастся как следует отдохнуть.

Сегодня опять беспокойный день: в городе происходят похороны жертв 5-го января, участников манифестаций в честь открытия Учредительного собрания, убитых большевиками⁶⁸. Кроме того, убийство Шингарева и Кокошкина переположило весь город и вызвало общее озлобление против правительства. Как рассказывают и как можно судить и из газет, совершенное злодеяние сильно взволновало и большевистские власти, выражающие свое неодобрение этому дикому самосуду. Думали ли когда-нибудь убитые, так много поработавшие для пропаганды революционного духа среди народа, но вместе с тем и искренно преданные этому народу и сделавшие ему, со своей точки зрения, много добра, что им суждена такая мученическая кончина от руки как раз революционного народа. «Пути Господни неисповедимы». Не думаю, чтобы при жизни их, хотя знаю их только понаслышке, я питал бы какую-либо симпатию к ним; но, тем не менее, мне очень жаль, что кончить свой земной путь им пришлось так трагически и преждевременно, в полном расцвете своих сил.

К вечеру выяснилось, что день прошел вполне спокойно и благополучно; большая толпа, провожавшая гробы до кладбища, вела себя тихо и сдержанно.

Бедный Шингарев, умирая, перед самой своей агонией, выразил большое беспокойство за детей своих, которых у него семь человек. Семья его находится где-то в провинции. Две недели назад в доме, где жила эта семья, случился пожар, и жена Шингарева, спасая одного из детей своих, погибла сама, задохнувшись в огне. Таким образом, бедные дети остались теперь круглыми сиротами и, как я слышал, без всяких материальных средств. Мне сердечно их жаль. Дай Бог им устроиться возможно лучше. Надеюсь, что кадетская партия, в которой так много и бескорыстно работал Шингарев, придет им на помощь.

И Шингарев и Кокошкин были, по направлению своей деятельности и по своим убеждениям, моими политическими врагами, ибо я убежден, что, способствуя русскому освободительному движению со своей партийной, а, следовательно, и однобокой, точки зрения, не учитывая собственных сил и не уразумев настоящих исторических условий развития России и уровня народной культуры, они являются одними из пособников того кромешного зла, которое стряслось над нашей Родиной. Несмотря на это, судя о них уже не объективно, а субъективно, я вполне признаю, что обе жертвы собственного своего дела могли быть людьми высокопорядочными, благородными, честными, доблестными идеалистами, жизнь свою положившими «за други своя». Как понимали и чувствовали, они бескорыстно и самоотверженно любили свой народ и, по мере понимания своего, все силы свои положили на служение ему. От души желаю, чтобы был легок их переход в им неведомый, вероятно, но, тем не менее, реально существующий духовный мир, и да простит им Господь Бог все их грехи вольные и невольные, а особенно их великий грех перед Родиной.

12 января

Вчера опять ожидали беспорядков в городе ввиду похорон Шингарева и Кокошкина, но все обошлось вполне спокойно, хотя, как рассказывают, на похороны собралось очень много народа.

Все эти дни шли аресты социалистов-революционеров – членов разогнанного Учредительного собрания; большинство арестованных вскоре были и освобождены. В Москве, 9-го января, произошло

побоище между большевиками и эсерами⁶⁹: говорят, с обеих сторон много жертв. Как одна, так и другая, обе партии для меня лично одинаково являются враждебными, и одинаково, по моему мнению, вредными и гибельными для России. Потому, со времени «воцарения» большевиков, я более хладнокровно, чем когда-либо раньше, наблюдаю за взаимным раздиранием друг друга этих партий, сложа руки, и одинаково удовлетворяюсь ошибками и неудачами и тех, и других. Я иду дальше, и должен откровенно признаться, что из двух зол предпочитаю, пожалуй, большевиков, более сильную, более действенную, а потому и отколовшуюся от остальных социалистов группу: доводя до крайних пределов проведения в жизнь своих утопических теорий, большевики, пожалуй, подрывают все основы и всю популярность своей доктрины лучше, чем мог бы это сделать злейший и сильнейший враг социализма. Я рассчитываю и надеюсь, что после падения большевиков социализм потеряет свое обаяние и значение среди народных масс не только в России, но и во всем мире. Будучи убежденным индивидуалистом, я не могу не радоваться такой перспективе, обещающей крах социализма. Может быть, я и ошибаюсь, но я думаю, что это учение главным образом сильно примитивной простотой своей структуры, легкостью восприятия ее для масс и соблазном потакания свойственным человеческой природе инстинктам лени, инертности и стремления к легкости достижения житейских благ. На деле это учение должно вести к застою, апатии и понижению творческих начал человеческого духа, к обезличению и порабощению лучших людей под игом косной бездарности, к уничтожению порывов духа ввысь, к принижению его к земле, к его измельчанию и приведению на низменную плоскость материальных вожделений и материалистического мировоззрения.

Если бы, вместо большевиков, победили их противники, партия социалистов-революционеров, то эти политические импотенты, стремящиеся к тем же целям, но безнадежно бездарные и мелкие, мелочные, узкофанатичные, дряблые и нерешительные доктринеры, которым «и хочется, и колется, и маменька не велит», долго тянули бы свою томительную канитель и довели бы разруху России до крайних ее пределов, раньше, чем сгнуть в трясинах своей мелочной партийности, и, хотя и им суждена бесславная гибель, но они успели бы совершить еще несравненно больше зла, чем наглый, грабительский, стремительный, но короткий удар большевиков.

Между тем развал России быстро развивается. Сегодняшние газеты говорят о полном отделении Украины, о готовящемся появ-

лении в Финляндии не то шведской, не то немецкой армии, о все расширяющемся театре войны между Советом народных комиссаров и Калединым⁷⁰. Я все еще надеюсь, что наша Родина не погибнет, что Божия Помощь не оставит нас в последнюю минуту, уже близкую к агонии, что каким-либо чудом Россия восстанет от ложа позорной болезни, от ужасов сокрушительных потрясений; найдет в себе еще силы, обновленные спасительным выздоровлением, для дальнейшего исторического шествования по пути к росту, могуществу и счастью, к свету Добра, Разума и Правды. Хочется надеяться, ибо без такой надежды делается невыносимо тяжело жить; но не скрываю от себя, что надежда эта противна всей очевидности развертывающихся перед нами событий.

13 января

Газеты с каждым днем делаются все более и более бессодержательными. Только особенное какое-нибудь убийство, из ряда выходящее злодеяние выводят нашу прессу из того состояния маразма и покорной забитости, которые очень верно отпечатлевают действительный фазис нашей общественной жизни. Мы стоим в тупике: набезобразничали до конца-края; дальше идти некуда; зловещие сообщения газет о появившемся уже голоде, о свирепствующем голодном и сыпном тифе, вести о приближении к нам новой страшной гостыи – чумы; рядом со всеми угрозами продолжается общая всенародная говорильня; по всей России зарева пожаров помещичьих усадеб доканчивают великое зло, совершенное над Родиной. Сегодня печать говорит почти уже определенно о мирном договоре, будто бы окончательно заключенном между центральными державами и Украиной⁷¹. Румыния захватывает Бессарабию⁷². Разговор о «священной войне» и о формировании какой-то новой социалистической армии никого уже не тешит и не поднимает угнетенного настроения, распространяющегося уже по всем слоям населения и нашедшего себе дорогу и в рабочую среду, т. е. в среду так еще недавно торжествовавшего свою победу пролетариата. Выхода нет из тупика внутри нас, и это сознание проникло уже почти в каждого россиянина, и в тайниках каждого ума гнездится и копошится мысль, сначала устрашающая позорностью своей, но завлекающая катастрофической неизбежностью своей логики. Внутри нас нету спасения, – так пусть же скорее приходит этот немец, сокрушивший былую мощь страны нашей и былую доблесть народа,

нашедший отклик в темных массах, уставших под бременем тяжелой войны и недостаточно стойких для дела чести и мужества. Пусть приходит скорей и спасет нас от собственной нашей разлуки; пусть даст возможность дряблему обывателю не дрожать ежечасно за свою жизнь; пусть введет порядок в нашу, ставшую нестерпимой, анархию; пусть сократит и уничтожит ту самую низкую и скверную часть населения нашего, которая так нагло подняла голову и не дает жить всем честным людям. Вот с каким тайным желанием кончат русский народ ту войну, которую начал в восторге воинственно-воодушевления, в самоотверженных клятвах верности своему Царю и своей Родине. Каюсь, что и я, уставший и разбитый душевно, жестоко потрясенный незаслуженными обидами и оскорблениями, которые родной народ всем нам нанес, с разбитою жизнью, с поруганными идеалами моими, с оскверненною верою в этот же народ, я теперь смотрю на карающую неизбежность иностранного нашествия не с теми чувствами, которые, при других условиях, несомненно, мной владели бы.

До войны, когда еще не определилось сближение Англии с Франко-русским союзом, и когда Германия еще не закрепила окончательно своего проникновения в Турцию, то есть до того момента, когда Гольц-Паша стал распорядителем всех военных сил Стамбула и совершилась аннексия Боснии и Герцеговины⁷³, до того рокового поворота колеса истории, когда сама собой отпала всякая возможность сближения, я был горячим защитником тесного союза с Германией, правда, при условии корректива русско-германского торгового договора, уже слишком для нас невыгодного и разорительного⁷⁴. Я исходил из того убеждения, что взаимное страхование военной мощи обеих наших стран могло совершенно обеспечивать внутренний рост России от каких бы то ни было международных случайностей; кроме того, союз монархической России с монархической Германией являлся для обоих народов гарантией против козней и посягательств внутренней крамолы.

По этому вопросу мне случалось неоднократно вступать в споры со многими влиятельными лицами, большею частью военными, державшимися как раз обратного мнения и мечтавшими о разгроме германской мощи соединенными усилиями с Францией и Англией. Если не ошибаюсь, такого же мнения придерживался и Великий Князь Николай Николаевич. Вспоминаю характерный разговор, случившийся зимой 1907 или 1908 года, когда я был еще штабс-ротмистром Л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Как раз в ту зиму у нас в ди-

визии действовало правило, что один раз в неделю все офицеры полков дивизии собирались поочередно в офицерском собрании одного из наших полков, и кто-либо из офицеров делал доклад по любому вопросу, имеющему отношение к военной службе или вообще к военной жизни. На таких докладах присутствовало и все начальство, начиная с начальника дивизии, которым был у нас в то время Алексей Алексеевич Брусилов. В один из этих дней, который пришелся на собрание Конно-гренадерского полка, сделал свой доклад и я, по вопросу воспитания солдата, в целях создания из него могучего оплота государственности, законности и порядка и развития в нем тех качеств, которые впоследствии, по окончании службы, могли бы дать возможность на него рассчитывать, как на действенную и производительную силу в области деятельности его уже как гражданина.

Я дал заглавие моему докладу «Казарма-школа»: он вскоре, той же весной, был напечатан в «Вестнике русской конницы».

В этом докладе я изложил мои соображения о необходимости расширить умственный кругозор солдата, укрепить и просветить сознательность его в исполнении своего долга по отношению к Родине и присяге, утвердить в нем чувство чести, честности и верности. Указывая на опасность, которая угрожала нам в лице подготовлявшегося революционными партиями «сознательного рабочего», я имел в виду поставить в противовес сознательного же солдата, на содействие которого могло бы рассчитывать государство не только за время его призыва в войска, но и в дальнейшей жизненной деятельности такого солдата-гражданина. Осуществления этой задачи я рекомендовал достигнуть путем обильного создания солдатских библиотек, постоянного воспитательного усилия начальников и возможно тесного сближения офицера со своим меньшим братом-солдатом. Я считал также необходимым, чтобы, по окончании службы его, солдату была широко предоставлена возможность поступать на соответственные гражданские должности, и чтобы сверхсрочные унтер-офицеры пользовались правом определять своих детей на казенный счет в кадетские корпуса, ибо сыновей этих сверхсрочных я считал отличным элементом для комплектования офицерского состава.

Должен оговориться, что высказанные мной мысли не были теоретическими измышлениями, вроде начинаний Керенского или ленинских декретов, но основывались на опыте многих лет, в течение которых я был в большой близости к солдату и к его казарменной жизни.

Я на деле удостоверился в наших больших результатах нравственного влияния и воздействия, которых, с развитием корпоративного духа, приучением к чтению и проч. можно достигнуть за время отбывания солдатом воинской повинности. наших, прощавшихся с нами, при уходе их на родину, молодцов лейб-улан нельзя было сравнить с теми же людьми, какими приходили они к нам в образе неловких, обыкновенно темных, мало развитых новобранцев.

Мой доклад имел большой успех, и я выслушал от всех много слов одобрения и сочувствия моим взглядам. Генерал Брусилов также высказал мне много лестного, однако не согласился со мною в одном вопросе, которого я коснулся побочно, вскользь, вне прямой темы моего изложения. Я как-то упомянул о правильной постановке военного дела в Германии, о желательности для нас использовать некоторые их приемы, а затем я высказал мое мнение о пользе, которую могла бы извлечь Россия от союза с Германией. Против идеи этого союза ополчился Брусилов и мотивировал свой протест так: я и многие другие, на которых импонирует видимая мощь Германии, переоцениваем эту мощь. Он, Брусилов, уверен, что нам, в союзе с Францией, в случае войны нетрудно будет сломить германские армии и нанести им поражение, а потому такая война была бы для нас наиболее легким способом сгладить воспоминание о неудачах Японской войны, оставившей горький осадок в сознании народа.

По тогдашнему мнению Брусилова, надо считаться с тем, что, чем народ культурнее, чем масса его более привыкла к комфорту, изнеженности и усовершенствованиям жизненной обстановки, дающимся более тонкой цивилизацией, тем такой народ менее способен к трудностям, лишениям и испытаниям походной и боевой жизни. Тем-то и объяснял А.А. Брусилов успехи японцев, что наше культурное превосходство над ними понижало нашу боеспособность. Другое дело будет с немцами, гораздо более изнеженными и избалованными в своих жизненных потребностях, нежели наши солдаты, а потому и неспособными оказать достаточно стойкого сопротивления боевому пылу нашей доблестной Армии.

Теперь, когда Брусилов видел, как наши «готтентоты»⁷⁵ углубляют и расширяют свою революцию, он вряд ли стал бы настаивать на культурном нашем превосходстве над японцами. С другой стороны, примеры доблестно исполняющих свой воинский долг французов, англичан, германцев, народов несравненно более культур-

ных, чем мы, должны окончательно расшатать и опровергнуть всю систему хитроумных соображений, Брусиловым изложенную.

Бывший сторонником нашего тесного единения с Германией, спешу оговориться, что я не имел в виду такой союз, какой существовал между обеими сторонами в течение первых трех четвертей XIX века, когда всеми выгодами союза главным образом пользовалась Пруссия, а затем Германия, иногда часто в прямой ущерб нашим собственным интересам. Я мечтал, что из горького опыта прошлого мы сумеем вывести практические заключения и создадим такое положение вещей, когда на первом плане будет стоять действительная выгода и польза России, и будет обеспечено развитие всех ее творческих, созидательных сил.

Разразившаяся война вызвала во мне страстное патриотическое воодушевление и заставила забыть все мои теории. Многочисленные проявления грубости, жестокости, насильничества немцев пробудили во мне к ним, кроме естественных чувств как к врагу Родины, еще и крайнее озлобление и негодование. В течение первых трех лет войны я весь отдался ей. Не только личные интересы мои, но даже и все интересы семьи моей и близких остались для меня на втором плане. Не было жертв, которые я не готов был бы легко принести ради святого, великого дела, представлявшегося мне преддверием к всенародному величайшему благу и счастью. Я жил всеми волнениями войны, ее печалью и радостями, ее горькими разочарованиями и светлыми надеждами. Одна мысль о том, что немцы могут выйти из этой войны торжествующими победителями, заставляла меня сверх всякой меры страдать.

После многих тяжелых переживаний и разочарований, которые я перестрадал вместе со всеми русскими людьми, я вступал в 1917 год с большими надеждами; гнет сомнений и опасений слабел, крепла почти уверенность в нашем конечном торжестве, чувствовалось, что и немцы стали сознавать свое критическое положение.

Предполагавшееся весной 1917 года одновременное наступление наших армий с Востока и французов и англичан с Запада как будто уже предопределяло грядущий разгром Германии.

Но немцы недаром удивили мир чудесами своей гениальной подготовленности к войне, могучей выдержкой своей железной организации, мощной силой своей техники, творческими напряжениями своей патриотической сплоченности, проникновенным пониманием и угадыванием психологии войны и народов. Стоя перед неизбежным, как тогда казалось, крахом, немцы не растерялись: они до

последнего момента борьбы сохраняли еще свой последний козырь и смело бросили свою последнюю ставку. Эта ставка имела в виду внутренний распад России, развращение и разложение ее Армии.

Роковая ставка оказалась для врагов наших якорем спасения, и дело России погубило: и нравственно, и духовно, и культурно русский народ оказался несравненно ниже той великой, исполинской, громадной по ответственности своей задачи, которую история выставила на разрешение Европы. Национальный дух и национальные силы России малодушно сдали все свои позиции. Рухнул «колосс на глиняных ногах», и совершившееся финансовое наше банкротство, над которым плачется наша пресса, ничтожно сравнительно с банкротством духовным, чреватым бедствиями неисчислимыми и унижениями невыносимыми, для предавшего и продавшего себя самого народа.

Дрожью бешенства замирает сердце и пламенем бессильного негодования закипает помутившаяся кровь, когда с безысходным отчаянием и раздирающей скорбью вспоминаешь, что немцам помогли в достижении небывалого, мирового успеха, построенного на крови и чести нашей Родины, не только легионы собственных агентов провокаторов, не только ныне торжествующие русские евреи, на позоре России строившие свое благополучие и вершившие проклятое дело всемирного идеала иудаизма, но рыли вместе с ними могилу Матери-Родины и наши сограждане, партийные рабы беспочвенных доктрин, слепые исполнители чужих велений, скудоумные строители чужого здания.

А потому мне противно и мерзко читать и слышать теперь слезливые жалобы этих преступных партий, сетующих на то, что не сумели удержать, выпустили из своих рук свое злое дело, и решающихся взывать к таким святым словам, как Родина, национальность, между тем как сами же они одухотворяющую силу этих слов систематически разрушали. И как смеют они теперь, все, сколько их ни есть, участники пресловутого «освободительного движения», сваливать всю вину на большевиков, не то злобных фанатиков, не то немецких или жидовских наймитов, когда сами же виноваты во всей катастрофе, когда сами же они подготовили возможность для большевиков стать у власти.

Пожалуй, они станут оправдываться своими торгашескими доводами, что, если они и хотели кое-чего, то рассчитывали своевременно суметь остановиться, что они хотели брать только «поскольку-постольку» и идти «дотуда, покуда»... Такие дряблые оправда-

ния еще только усугубляют их неотмолимый грех, их чудовищное преступление перед Родиной. Они, изволите ли видеть, были только врагами царизма, и для его сокрушения не брезговали никакими средствами, ни клеветой, ни подкупом, ни какой угодно другой подлостью. Они хотели свалить Царя, но развала России – не хотели, а если нечаянно работали на достижение обеих этих целей, то против воли, сдуру да сослепу.

Зимой 1916 года уже достаточно убедительно выяснилось ожидавшееся летом 1917 года торжество держав Согласия. Оно сулило России обеспечение благосостояния народного, расцвет национальной идеи и широкое развитие империалистической политики, т. е. перспективу, неудобную евреям, но для русской интеллигенции приемлемую. Но рядом, в неразрывной связи с нею, должно было идти и укрепление Царского Престола, усиление обаяния Монаршей Власти. Вот этой последней перспективе и испугались наши «освободители» и решили рискованным революционным ударом, совершенным в разгаре Отечественной войны, защитить целостность и сохранность своей доктрины, которой слишком непосредственно стала угрожать сама жизнь, сама действительная правда этой жизни.

Совершая свое крошечное дело, идя на риск погубить дело войны, они успокаивали и утешали себя тем, что сумеют довести войну до победного конца и сохранить целостность действующей Армии, что, обездушив народ и отняв от него исторически сложившиеся и веками освященные идеалы, они сумеют его вдохновить новыми животворными лозунгами, из жидовских книжек вычитанными. Началось словоизвержение Керенского, уговаривавшего «великую революционную армию» «спасти честь и славу Великой Революции».

Проклятие и позор большевикам, на немецкие и жидовские деньги торгующим Россией оптом и в розницу. Но первое и сугубое проклятие, несмываемый позор нам, всем без меры преступным русским людям, нанесшим первые удары, поведшие к развалу и гибели родной страны.

Когда на нас обрушился февральский государственный переворот, я почувствовал себя брошенным в какую-то бездну, в которую летели все мои идеалы, все, во что я верил, что я любил, все заветы, которым я служил и посвятил лучшие силы души моей. Вспоминая все прожитое, великим утешением и удовлетворением служит мне сознание, что изменившиеся так круто все обстоятельства личной и политической жизни ни в чем не затронули цельности моего духов-

ного багажа: ни разу я не покривил душой за этот проклятый год, ни в чем не изменилось мое мировоззрение; пьедестал, на котором высились все мои идеалы, остался нетронутым и незабываемым.

Первые вести о совершившемся в Петрограде великом преступлении заставили меня готовиться к смерти, ибо я полагал вымолить у Господа нужные твердость и силу, чтобы не склонить позорно голову перед победителями и суметь умереть с честью, верным своей присяге. Очень скоро к нам на фронт пришло известие об отречении Государя Императора, дополненное подобным же актом Великого Князя Михаила Александровича, и известие это спасло меня от надвигавшейся на меня трагедии.

Такой поворот, вызванный всем известным мягкостью души, добротой и гуманностью нашего Государя, желавшего избежать пролития крови своих верноподданных, вполне определенно и ясно начертал мне дальнейший образ действий. «Для Царя и России» – эти два лозунга являлись для меня всегда священными и неотделимыми руководителями всякой моей служебной и общественной деятельности. В годину страшной и грозной войны Государь сам соизволил отделить первый лозунг и приказал оставаться верному второму. Пока длилась война, я считал своим долгом вполне подчиниться такого рода пониманию своих обязанностей и первые дни вполне добросовестно старался примениться к новым условиям. Как ни было мне тяжело, но я первоначально решил продолжать свою службу и командование Высочайше вверенным мне полком не сдавать. Эти дни были одними из самых тяжелых в моей жизни: с разбитой душой, я старался подбодрить свои нервы и по целым дням разъезжал по эскадронам, разбросанным на десятки верст друг от друга, разъясняя солдатам новое положение и новые условия службы. Только ночью сон давал мне отдых и забвение совершившейся катастрофы, но зато еще долго, недели три, по утрам, просыпаясь, я испытывал тягостное чувство возвращения к сознанию того, что стряслось над Россией. Я так был далек от возможности пережить это крушение, что каждое утро в те дни мне приходилось прибегать к некоторому усилию, чтобы вспомнить все происшедшее и снова начинать мою страдную дневную работу.

Уже с самого первого дня я был охвачен опасением, что святое дело великой войны, которым два с половиной года я жил и руководился, проиграно, что и высказывал с горечью моим офицерам, из которых многие, сгоряча, на первых порах, мне не верили. Появ-

ление Приказа № 1 превратило мои опасения в скорбную уверенность и подкосило все мои душевные силы: больше не веря своему делу, я ушел от него, но все еще стремился сохранить надежду на то, что честь России не окончательно будет опозорена, что какое-либо чудо сможет спасти нас от бесчестия народного. Искусственно цепляясь за несбыточные надежды, я, тем не менее, с каждым днем все увереннее убеждался в правоте моих мрачных предвидений, и мысль о нашем неизбежном поражении, сначала нестерпимая, становилась совершающимся, а, в конце концов, совершившимся фактом. Вместе с тем злоба к нашим врагам, немцам, стала ослабевать по мере того, как наш собственный, родной народ, бывший для меня так долго родным, дорогим и любимым, ныне, сбросив с себя все сдерживавшие его благотворные начала, гнусным предательством, продажностью, насилиями и подлостями заставлял слабеть, при сравнении, память о «немецких зверствах» и вел нас вместе с собой к небывалому, неслыханному и невиданному позору.

Для меня – я думаю – и для других, одинаково со мной думающих и чувствующих русских людей, все это пережитое время, начиная с марта прошлого года, является непрерывным рядом страданий и нравственных мучений. Мой народ вытравил во мне своими действиями всякое былое чувство к нему; не только материально, но и главным образом духовно он разрушил все то, чем я дорожил и чем жил; теперь, замученный, с истерзанной, но оставшейся русской душой, я так устал от всех пережитых страданий, что отношусь апатично к предстоящему нам ужасу как к позорной, но неотвратимой неизбежности, – увидеть победоносного врага торжествующе вступающим в нашу столицу.

14 января

Сегодняшние газеты полны сведениями о строгих мерах, предпринимаемых правительством большевиков против Церкви. Типография религиозного журнала, отредактированного священником отцом Павлом Лахотским, бывшим духовником и другом моей покойной тещи, достойнейшей и благороднейшей Александры Ивановны Лихачевой, разгромлена, обыскана и реквизирована. Подверглась обыску Александро-Невская Лавра, где большевики начали поиски всех монастырских сумм, которым назначена ревизия. Вполне понятно, что результатом такой ревизии будет конфискация, для каковой грабительской цели и предпринята вся эта

операция. На днях обещают декрет, которым капиталы всех столичных церквей будут объявлены собственностью государства и, как таковые, тоже реквизированы. Права контроля и полномочия низших церковных служителей, т. е. попросту сторожей, с каждым днем все более расширяются в ущерб правам и положению священнослужителей. На этих днях была ограблена так чтившаяся всегда петербуржцами часовня Спасителя, причем на одном из паникадил грабителями была оставлена целая груда папирос. Как видно, нет больше ничего святого для русского человека; видно, он радикально порвал со всем тем, что раньше очеловечивало и облагораживало его.

А народ безмолвствует. Покорно и безропотно сносит он все удары, все оскорбления, все насилия большевиков на всем, что этому народу было когда-то дорого и священо. Невольно приходишь к заключению, что российские обыватели представляют собой стадо необыкновенно смиренной и покорной, толстокожей скотины, которую, по-видимому, никаким ударом большевистской оглобли не выведешь из состояния рабьей трусливости, приниженного прозябания. Даже голод, на который он обречен, обыватель терпит безропотно. Видно, все снесет, все стерпит рабский народ от своих большевистских владык.

А помню я еще недавнее время – то было год тому назад, – когда все русские люди, начиная с нашего высшего света, с жадностью ловили всякую пошлую сплетню, всякую бессмысленную и неправдоподобную, наглую клевету на Царя и Царицу и широко разносили по градам и весям губительный яд осуждения и злобного навета. В те дни все общественные круги наши не были охвачены ни апатией маразма, ни духом смиренной и послушной подчиненности. Все дружно работали над ломкой старого, исторически сложившегося, величественного здания, не понимая и не зная, в глупой и бессмысленной злобе своей, что шага не сумеют ступить, чтобы построить новое здание, и что сами будут погребены под развалинами исторически разрушенной старой твердыни.

В том же явлении, что нынче большевики предприняли ряд энергичных натисков против Церкви народной и служителей Божьего Алтаря, я не вижу ничего нового и неожиданного: с первых дней революции, наблюдая за отношением революционных деятелей к вере Христовой и к Божьему Имени, нисколько не удивляюсь, что большевики, как и во всех других областях политической и общественной жизни страны, ставя точки над «i» там, где

прежние правители наши боязливо жались и творили гадости исподтишка, и здесь довершают дело, начатое их менее решительными, но не менее преступными предшественниками*.

Поход на Церковь начался с первых дней Февральской революции, но постепенность и осторожность проявления враждебных Христианской вере чувств делали на первых порах незаметной скрытую тактику наших революционных деятелей. Я только что приехал с фронта в Петроград, когда была организована здесь первая публичная демонстрация: сделан был первый смотр столичных революционных сил, для чего воспользовались похоронами пресловутых жертв произведенного переворота. Казалось мне тогда, а теперь еще более ясно кажется, что притянутый за волосы предлог для демонстрации представлял большую натяжку, ибо вряд ли могли быть сознательные жертвы своих убеждений и своего революционного порыва там, где все было заранее предусмотрительно приготовлено, и где с ног до головы вооруженные люди избивали ни в чем неповинных офицеров и попавшихся в протопоповские западни чинов полиции⁷⁶, преимущественно городских, мужественно выполнивших до конца свой служебный долг. Говорили тогда, что организаторы демонстрации были в большом затруднении, не имея в своем распоряжении достаточно внушительного количества трупов, а потому, для большего эффекта задуманной затеи, им будто бы пришлось использовать многие тела зверски замученных городских, да еще каких-то китайцев, умерших в то время от какой-то эпидемии. Как бы то ни было, но было собрано известное количество трупов и приступлено к организации торжественной процессии, должноствовавшей удивить весь мир стройностью этого парада и дисциплинированностью и численностью революционных масс. Торжество все время откладывалось со дня на день, так что трупы оставались непогребенными, если не ошибаюсь, больше месяца. Наконец, состоялось представление, причем парад удался на славу, все было чинно,

---

* Тех, кто будет читать мои записки, прошу извинить, что я вторично буду приводить некоторые факты, выше мной уже описанные: здесь я даю им более подробное освещение и привожу их вместе с другими наблюдениями, о которых я раньше еще не упоминал. Эти повторения я допускаю ввиду громадной важности разбираемого вопроса, касающегося систематических покушений против вековой, первой Святыни человечества – веры Христианской и Святой Церкви Спасителя Нашего Иисуса Христа (*примеч. Ф.В. Винберга*).

отлично инсценировано: красные тряпки, исправлявшие должность знамен и штандартов, вызывали восторг. Зрелище простодушной толпы было прямо-таки умирительно: на лицах видно было такое непосредственное сознание исполнения какого-то высокого дела, такая наивная вера в непогрешимость и творческую гениальность своих вождей, тогдашних, с позволения сказать, государственных людей, взявших в свои руки спасение России.

Это, кажется, были первые похороны на улицах Петрограда, в которых не принимало участия духовенство: отпевания и панихид также не было. На предложение представителей духовенства служить заупокойные службы и следовать на похоронах за гробами было отвечено решительным отказом, ибо как раз имелось в виду устроить «гражданские похороны». С желаниями родственников погибших также не считались. Говорят, эта и была причина большого недостатка гробов, которых пришлось комплектовать из многочисленных тел городских и китайцев; многие родственники умерших, не желавшие предоставлять земные останки своих родных распорядителям церемонии и тем лишить души умерших заупокойной молитвы, за долгое время, пока возились с устройством всего представления, выкрадывали тела своих близких. Тел было и без того мало, преимущественно из числа случайно убитых прохожих, а потому и пришлось допустить некоторую подтасовку⁷⁷.

Публика в то время настолько еще слепо доверяла своим вождям, что пропустила без внимания тенденциозное, нарочитое нарушение христианских обрядов и обычаев. Я в данном случае вспоминал аналогичные примеры из французской жизни последних десятилетий, когда масонство, достаточно оперившееся там, вступило на арену более или менее открытого преследования христианства, и записал в своей памяти этот эпизод как «революционное наблюдение № 1».

Вскоре после того пришлось мне пробить несколько дней в моем губернском городе, Калуге, причем один из дней моего пребывания там совпал с открытием первого губернского крестьянского съезда, на котором я, как калужский дворянин, счел нужным присутствовать, раз случай давал мне к тому возможность. К удивлению моему, кроме меня, на этом собрании не оказалось ни одного нашего дворянина-помещика. Я же думал, что для пользы общего дела было бы очень полезно им здесь ознакомиться с общим настроением нашего крестьянства и, может быть, при благоприятных условиях, и помочь им тем или другим советом и указанием, пожа-

луй, даже и приобрести некоторое влияние; как люди более просвещенные и лучше ориентирующиеся в новой обстановке, помещики могли оказать серьезную помощь для шатающейся и колеблющейся, в общем достаточно растерянной, крестьянской среды. В Калуге и в окрестностях числится много дворян, часто и подолгу живущих в ней, и им, казалось бы, было еще более оснований, чем мне, редко туда наезжающему, заинтересоваться новым фазисом крестьянской жизни. Этот абсентеизм подтвердил только уже к тому времени определившееся мое впечатление; наши дворяне, после свершившегося государственного краха, сразу причисли себя к партии «и.и.» («испуганных интеллигентов»), забились каждый в своем углу и встретили, ошеломленные, забитые, растерянные, бездейственные, тот исторический момент, который требовал сплоченности, объединения, организации и борьбы.

Калужский крестьянский съезд начался с приветственных речей разных, приехавших из Петрограда и Москвы, личностей и представителей обществ. Я также, в качестве калужского помещика, сказал приветственную речь, имевшую успех среди большинства собрания, которое состояло приблизительно из тысячи человек. Впрочем, все вообще речи, самого противоположного содержания, приветствовались почти одинаково шумными аплодисментами. В своей короткой речи я упомянул о начавшейся разрухе в Армии и попросил крестьян повлиять своим авторитетом на своих сыновей, братьев и внуков, которым волею судьбы вручено дело защиты Родины. Несмотря на бешеные выкрикивания приехавших агитаторов, крестьяне тогда еще высказали сочувствие моим словам.

Меня крайне удивило, что собрание открылось сразу с речей, и что не было отслужено перед началом молебствия. Кто только немного знаком с бытом нашего народа, тот знает, что крестьянин наш вообще привык к тому, чтобы каждое дело свое начинать с молитвы. Тем более мне казалось в данном случае существенно уместным, если не необходимым, чтобы перед началом работы съезда, открывавшего новую эру в жизни нашего крестьянства, имевшего целью определить новые пути к этой жизни, было отслужено торжественное благодарственное молебствие, с призывом Божьего благословения на предстоящие труды.

Встретив нескольких знакомых мне крестьян (я впрочем, много и оживленно разговаривал и с незнакомыми), я поделился с ними своим недоумением, на что крестьяне, видимо, очень сконфузились и смутились, и объяснили мне, что им самим приходила мысль о не-

обходимости предварительно помолиться, и что они рады были бы, если б был приглашен священник; но они не решились высказать своего пожелания, опасаясь, как бы не огорчить или рассердить организаторов съезда. Странно, почему эти крестьяне так догадливо подметили, что появление священника могло оказаться неприятным для их вождей, и грустно, что так легко и податливо отказались они от соблюдения хорошего обычая, имеющего связь с их религиозными верованиями. Калужский случай составил мое «наблюдение № 2».

В августе, в Белокаменной Москве, совершилось событие, предназначенное иметь для России огромное историческое значение: открывался Духовный Собор⁷⁸. Как раз в то время, по случившемуся совпадению, вследствие тогда же состоявшегося Московского совещания⁷⁹, в Москве собрались все члены тогдашнего нашего Временного правительства, во главе с Керенским, историческими воплями открывшего это совещание, оказавшееся горой, родившей мышь.

На торжественном молебствии по случаю открытия Духовного Собора не только не присутствовало ни одного члена правительства, но не было ни представителей от воинских частей, ни кого-либо вообще из должностных лиц⁸⁰, за исключением Московского городского головы Руднева, который не считал возможным, как представитель города, не присутствовать на знаменательном духовном торжестве. Как потом писали газеты, Руднев после того претерпел неприятности: коллеги его по Московскому городскому самоуправлению, правда, принадлежавшие в большинстве своем к нехристианским вероисповеданиям, выразили свое крайнее неудовольствие по поводу появления их представителя, хозяина города Москвы, на торжественном, имеющим всероссийское значение, молебствии.

Не прав ли я, когда мне кажется, что мы во сне видели все происходящее перед нами. В Москве, в сердце России, городской голова не смеет участвовать на русском церковном торжестве, ибо это не нравится его каким-то иноверцам коллегам!

Таким образом, готово было и мое «наблюдение № 3».

С начала революции сменилось у нас несколько правительств, и все эти горе-правительства выпустили множество актов, воззваний, манифестов, декретов и проч. Ни в одном из этих документов никогда ни разу не было упомянуто Имя Божие, никогда не призывалось Божье благословение ни на несчастный, преступный и обманутый русский народ, ни на меры, предпринимавшиеся нашими правителями для неудавшейся цели этот народ осчастливить.

Такое знаменательное упущение, едва ли нечаянное, мною учтено как «наблюдение № 4».

Когда Керенский спасался от народного гнева, и, вместо заслуженной казни преступного проходимца, пожертвовали своими молодыми жизнями его защитники, юноши-юнкера и женщины-ударницы⁸¹, во время происшедших тогда междоусобных распрей и столкновений русских солдат с русскими же солдатами, большевистский отряд, завладев Царским Селом, арестовал, под пустяшным предлогом, ни в чем неповинного местного священника, достойнейшего духовного пастыря, и, после быстрой судебной пародии, расстрелял его, причем, для большей пикантности, применил утонченную жестокость и совершил свое гнусное преступление в присутствии родного сына-подростка своей жертвы⁸². Не думаю, чтобы можно было меня обвинить в какой-либо пристрастной натяжке относительно выбора моих наблюдений, а потому считаю себя в полном праве причислить мученическую кончину Царскосельского священника как мое «наблюдение № 5».

15 января

Продолжаю на ту же тему.

22-го октября прошедшего проклятого 1917 года, в день Казанской Божией Матери, казачьи части, стоявшие в Петрограде, и представители других казачьих частей решили собраться на общее молебствие, но рано утром того же дня правительством господина Керенского было объявлено строжайшее воспрещение являться к месту сбора. Между тем инициаторы молебствия не имели в виду в этот день большого русского праздника организовывать какую-либо политическую демонстрацию, а хотели только подчеркнуть существующую еще в русском народе преданность Христовой вере и приверженность к своей Православной Церкви. Этот случай подводится под мое «наблюдение № 6».

Сегодня в газетах я прочитал известие, что Александро-Невская Лавра уже секвестрована правительством, занята красногвардейцами и поступила в распоряжение комиссаров. Митрополит, Высокпреосвященный Вениамин, покинул Лавру, где его помещение уже предназначено большевиками для какого-то другого применения.

Этим «наблюдением № 7» я закончу серию моих наблюдений, взятых из жизни совсем поверхностно, совершенно случайно под-

вернувшихся моему вниманию. Думаю, что, если б я вздумал специально выискивать подобные же случаи, то их набралось бы великое множество.

До сих пор мы всегда знали, что народ наш относится к вере и вообще ко всем религиозным вопросам с ревнивой любовью и подчас даже с крайним пристрастием. Разгар политических страстей мог, пожалуй, вызвать временно некоторую забывчивость, леность по отношению к посещению Церкви и исполнению церковных обрядов. Но в приведенных мною примерах видно со стороны всех лиц, соприкасающихся с революцией, нечто совсем другое: тут не одно равнодушие, но явно сквозят не только недоброжелательство, но злоба и враждебность в отношении к Христианской вере, определенное стремление оскорбить, унижить, обездолить народную Церковь, и страх, положительный страх Божьего Имени, которое господа революционеры избегают даже произносить. Откуда эта злоба? И почему этот страх? Не совесть ли заглушенная в помутившейся русской душе старается пробудить эту душу и вселяет этот священный страх людям, все презревшим и все предавшим?

Для человека непосвященного следует вдумчиво остановиться на этом явлении и постараться уяснить себе, почему проявился этот страх Божьего Имени, эта враждебность к Христовой Церкви? Совершенный революционерами переворот касается всецело политической жизни народа и нисколько не должен бы касаться его религиозных верований, обрядов, обычаев, традиций.

Святого Имени Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа боятся только темные силы, да еще люди с отягощенной преступленьями и грехами совестью, да еще только одна отверженная, изверская нация, живущая в злобе и ненависти ко всему остальному миру, – нация иудейская.

Я думаю, из предыдущего ясно, какое я даю объяснение в высшей степени меня интересующему явлению: русские люди, попавшие на революционный путь, боятся Христова Имени потому, что души их связаны чарами злобы и ненависти и омрачены тягчайшими и жесточайшими злодействами; они чувствуют, что с их темного пути им нет возврата к чистому прошлому; вернее, стоя по горло в пролитой ими крови, они не видят этого пути Света, Благодати и Раскаяния.

Что же касается враждебности всей революции нашей к христианству, к заветам Церкви Христовой, то эта тенденциозная и очень характерная черта революции объясняется тем, что подготовлена

она, начата, «расширена» и «углублена» заклетыми врагами Христа, евреями, которые одни исключительно использовали и далее используют для затаенных и мрачных целей все благоприятные для них последствия «Великой Российской Революции», как называл ее, захлебываясь от идиотского восторга, шут гороховый Керенский.

Многие факты уже и теперь подтверждают правильность моей мысли, ибо мы уже дошли до того позора, что жида управляют Россией, что всюду на первый план попали представители этого проклятого народа, что одни только жида радуются и торжествуют, в то время как вся Россия изнемогает под игом непосильных страданий и стонет в предсмертных судорогах своих.

Иудаизм – есть наш заклятый, многовековой враг. Это враг всего христианского мира, враг всей культуры, всех традиций, всего строя Европы. Тайная цель иудаизма – разрушить до основания европейскую цивилизацию и на развалинах ее воцариться могучим и властным владыкой и утвердить свою израильскую культуру.

Я знаю, что такого рода движение существует, и что оно необыкновенно могущественно. Им управляет высший орган еврейской мировой организации, Тайный Синедрион, в составе умнейших и мудрейших вождей иудаизма, знающих никому неизвестные, сокровенные тайны, и руководящих событиями, которых непосредственные творцы, хотя бы и были сами евреями, с полной ясностью не сознают и не понимают, не подозревая даже, каких широких замыслов [они] являются исполнителями.

В низших и второстепенных проявлениях иудаизма творящими агентами работают масонские организации, в высших степенях своих приближающиеся к главному штабу вездесущего иудаизма и, наконец, сливающиеся с главенствующим направлением его.

Для иудаизма было выгодно в данный момент вызвать пожар мировой войны, которая отдаст ему в жертву обессиленную и порабощенную Россию. Вместе с тем, лозунг о мире «без аннексий и контрибуций», такой неожиданный и нелепый финал великой войны, великих жертв, великих потрясений, также объясняется исключительно тем, что соответствует тайным видам и планам иудаизма: не должно быть ни победителя, ни побежденного, чтобы ни один народ чрезмерно не превылся, но чтобы все были потрясены и ослаблены, так как попутно будет ослаблено и противодействие еврейскому натиску. Читатель не «посвященный» может смеяться над моими объяснениями. Я же, хоть и немного, в частях, но несколько «посвященный» и знаю, что при таком освещении событий

приближаюсь к истине, реально существующей, и, хотя бы наполовину приподнимаю завесу, скрывающую тайны мира сего.

Сегодняшние газеты передают речь Троцкого о мире, сказанную на объединенном съезде крестьянских и солдатских депутатов⁸³. Надо только вдуматься в этот позор. Еврею русский народ поручил представительство своей Родины, вверил ему защиту чести и достоинства ее, поручил решение ее настоящей судьбы и уполномочил определить и обусловить ее будущность.

Троцкий сегодня объявил «своему народу», что честного мира от России обеспечить не смог, а между тем именно такой мир и был им сначала уверенно обещан. Зато «похабный мир» Троцким почти уже дан, и на заявление его об этом несказанном посрамлении и разорении было отвечено бурными рукоплесканиями всего съезда.

Несчастный, помутившийся народ! Не могу решить, чем ты более богат – глупостью или подлостью...

16 января

Сегодня день национального траура: Россия начинает реагировать на последние речи Троцкого, раскрывшего, наконец, свои карты и признавшегося в том, что мы находимся накануне «похабного мира». Газеты выпустили скорбные статьи с плачем и стенаниями по поводу нас в конец опутавшего позора.

Для меня, как можно видеть из содержания этого дневника, речь Троцкого ничего нового не принесла. С самого начала революции я сознавал и понимал, куда мы идем. Но и я, несмотря на всю мою подготовленность, перед совершившимся фактом чувствую себя душевно разбитым и подавленным. Сегодня всю ночь мне снились торжествующие немцы и картины гибели России. Я дошел до такого недоверия к чувству и чутью русского народа, что унылый и скорбный тон газет, вызванный предстоящей катастрофой, меня даже удивляет. Почему же так поздно поняли вы, русские люди, куда и зачем вас ведут, когда надо было год тому назад понимать, что другого исхода быть не могло. Увы, в то время вы ничего не понимали. Вы радостно, восторженно встретили первые вспышки зарева, охватившего Родину вашу и бешеным и безумным пламенем своим пожравшего и уничтожившего все ее устои. Вельможи, придворные, дворяне, отвернувшись от пути, предназначенного основами долга, присяги и чести, спешили проявить свою солидарность с новыми лозунгами. Командующие генералы, ревниво занятые вопросом

о сохранении своего высокого положения и крупных окладов своих, быстро повернулись в сторону нового «начальства» и низкопоклонством, угодничеством, компромиссами старались обеспечить личное свое благополучие. Никогда не поверю, чтоб эти господа могли страдать таким недомыслием и скудоумием, чтобы не понимать, что тот разврат, которым отравлялась наша Армия, неминуемо, бесповоротно вел ее к гибели, к гибели дела войны, к ныне во всей своей полноте выяснившемуся для всех позору России. Как смели Гучковы, Родзянки допустить и потворствовать тому, против чего должны были бороться с отчаянной, смертельною схваткой!

С того момента, как определились торжество и победа гибельного дела, эти люди, сами безумными своими действиями помогавшие общему развалу, не имели нравственного права дальше влачить опозоренные жизни свои.

А купечество! Высшие слои его раскрывали свои карманы для поддержки рокового преступления, а остальные продолжали мародерствовать, грабить, эксплуатировать и пользоваться всем тем, что было доступно их алчным стремлениям к хищной наживе.

Образ растерзанной, окровавленной Родины не вызвал в русских людях подъема патриотизма и духа самопожертвования, но произошло совершенно другое явление: у большинства глаза на лоб выскакивали от алчных вожделений и сознания возможности крупной и безнаказанной наживы, и почти все – кто во что горазд – старались протиснуться в первые ряды, чтобы принять участие в общем празднике распинания, продажи, предательства, разорения и расхищения России.

Раз таковыми оказались высшие классы, не стоит и говорить о мужике, рабочем и солдате, об этом подлом быдле, занятом только личными своими, утробными, шкурными чувствами, отдавшемся с хищным увлечением безнаказанному грабежу, насилию и злодейству. Мне, старому солдату, тяжело сознавать, что русский солдат стал синонимом трусости и подлости, но перед всеобщим народным преступлением бледнеют частичные чувства, и растет, и крепнет, и ширится одно могучее чувство презрения и ненависти к родному своему народу-самоубийце, и с трудом сдерживаешь тяжелое проклятье, готовое сорваться кощунственным взрывом безысходного отчаяния...

Я верю, что в предопределениях законов кармы не прощаются акты клятвопреступления и предательства, а потому тем мрачнее смотрю на будущее, нас, русских людей, ожидающее.

Газеты, кадетские и социал-революционные, ужасаясь перспективами «похабного» мира, не жалеют красок и негодующих слов, чтобы клеймить большевиков.

Считая их всех, и большевиков, и эсеров, и кадет, виновными в развале и гибели России, меня несказанно бесит это непонимание своей тяжелой вины и самообольщение партий, стоящих правее большевиков. К нашему национальному позору все вы руки приложили, государи мои, одни по незнанию и неумению, другие по глупости и злобности, третьи по пристрастью к немецким подкупам, четвертые по дикости и невежеству – все виноваты общей вашей круговой порукой и партийной косностью, а потому – «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, мой друг, оборотиться?»⁸⁴

К нам в лазарет, но не в наше отделение, привели арестованного актера Мамонта Дальского, с простреленной ногой. Он, как говорят, состоит в числе главарей партии анархистов, еще более левых «товарищей», готовящих, будто бы на этих днях, выступление против большевиков. Анархисты, видимо, еще более упростили свое политическое “credo”⁸⁵, нежели их противники, и в культ возвели, не мудрствуя лукаво и не приукрашивая своих разбойничьих инстинктов красивыми фразами, обыкновенное грабительство. Пожалуй, оно и лучше, коли уж совсем будет проще – ближе к концу.

Отделение, в которое попал Мамонт Дальский, недалеко от моего отделения: на днях постараюсь туда попасть, чтобы посмотреть на это чудище.

Приступаю к продолжению прерванного моего процесса. Много дней я откладывал эту тему, прежде всего потому, что относится она уже к прошедшему времени, правда, очень недавнему, а каждый день рождаются новые, более занимающие меня мысли, в зависимости от дневных впечатлений, и их-то я и спешу записывать; а затем также мое нежелание снова припоминать все подробности процесса происходило и вследствие моего органического отвращения ко всякой пошлости и глупости, а как раз и той, и другой весь процесс мой обильно пропитан. Между тем в хронике моего заключения картина процесса должна непременно фигурировать, хотя бы для назидания потомства, а потому не хочу пропустить времени, чтобы не перезабывать каких-либо ценных подробностей и, скрепя сердце, заставляю себя припомнить главное.

Никогда в жизни не был в таком глупом и смешном положении. Приговором Революционного трибунала я присужден к трем годам тюрьмы и к принудительным работам за участие в монархи-

ческом заговоре Пуришкевича, а между тем самим судом в приговоре своем признано, что никакого заговора не было⁸⁶. Таким образом, дело сводится к тому, что я присужден к тяжелому и долгому лишению свободы за преступление, которого, по собственному признанию суда, не было, но могло бы быть, при благоприятных обстоятельствах. Думаю, что ни в одном правовом государстве ни один суд никогда не выносил более бессмысленного решения.

Кроме того, и по данным следствия, и во время судебного разбирательства достаточно выяснилось, что мое касательство к мнимому заговору Пуришкевича ограничилось моим давнишним знакомством с Пуришкевичем и тем, что двоекратно, на вечере у Парфенова, а затем на моей квартире, я встречался с ним и с другими моими знакомыми, причем много внимания на этих вечерах всеми участниками было уделено разговорам на политические темы, т. е. на обсуждение общего политического положения страны. Когда страна попадает в такое исключительно безысходное положение, в каком до сих пор находится Россия, то ничего естественнее не может быть, что каждый русский человек, встретившись со своим знакомым, неизбежно заговорит о политике, ибо это есть наше общее дело, близко и чрезмерно чувствительно нас касающееся, от которого мы все нещадно страдаем. Думаю, что нет квартиры в Петрограде, где бы собравшиеся 2-3 человека не заговорили по этому, волнующему каждого, вопросу.

Как я уже раньше писал, в то время как состоялись эти вечера, «царствовал» еще Керенский, и я был крайне возбужден против Временного правительства, а потому, если бы мне представился случай выступить против этой власти с серьезными шансами на успех, я бы непременно примкнул к такому движению. Но как раз никакой надежной организации я вокруг себя не видел, а между тем, памятуя корниловскую авантюру, стал очень осторожен и разборчив; идти к какой-либо цели с Пуришкевичем не имел в виду, да и он сам интересовался политикой только для ориентировки. Как я раньше писал, после моего вечера ни с Пуришкевичем, ни с кем-либо из его друзей никаких политических разговоров, ни свиданий я не имел, так что, очутившись на скамье подсудимых, я только тут и познакомился с большинством участников нашего процесса; из тех же, кого раньше знал, ни одного близкого знакомого, кроме Пуришкевича, у меня не было. Какой ж это мог быть разговор о моем участии в какой-то организации? Это обстоятельство достаточно выяснилось уже из следствия, а также из самого судебного разбирательства.

На суде выяснилось еще другое: оказалось, что Пуришкевич и некоторые другие были арестованы следователем Тарасовым-Родионовым по доносу некоего прапорщика Зелинского, сыгравшего в этом деле роль провокатора⁸⁷. На вид Зелинский производит впечатление дегенерата и даже психически ненормального человека: такое мнение на суде было подтверждено родным дядей его, профессором Зелинским и экспертом, профессором психиатрии Розенбахом. Кстати, сегодня в газетах помещено известие, что вчера вечером этот профессор Розенбах был тяжело ранен каким-то неизвестным, выстрелившим в него на улице. Не был ли этот случай революционным актом мести за его честные и правдивые показания на суде?

И еще другое выяснилось на суде: из прений сторон и показаний свидетелей следователь наш, поручик Тарасов-Родионов, вышел до такой степени загрязненным и скомпрометированным в отношении своей чести и нравственной репутации, что провокаторская роль его в процессе нашем стала очевидной для всех. Не далее как вчера я читал в какой-то газете об interview⁸⁸ с председателем Революционного трибунала рабочим Жуковым: на замечание корреспондента, что ходят в революционных кругах слухи, будто суд, возглавляемый Жуковым, выносит часто слишком мягкие приговоры, Жуков опровергал такое мнение и в пример привел как раз процесс Пуришкевича, в котором мягкость приговора⁸⁹ (?) сам же Жуков объяснил явной провокационностью всего процесса.

Почему же нас не оправдали в таком случае? Боялись ли господ кронштадтских матросов и красногвардейцев?

В настоящее время самим же большевистским правительством действия следственной комиссии, от которой зависело наше предание суду, признаны преступными, установлены случаи взяточничества, так что почти все члены комиссии, в том числе Тарасов-Родионов, Красиков, Козловский, матрос Алексеевский, бывшие главными распорядителями нашей судьбы, арестованы и преданы суду. Казалось бы, что всех этих факторов достаточно, чтобы понять, что и процесс наш, и осуждение, и отбывание ныне назначенных нам наказаний – теряют всякое правовое, юридическое значение и переносят всецело в область бесправия, произвола и насилия Шемякина суда⁹⁰.

В записи моей от 6-го января я привел описание нашего процесса с того момента, когда 22 декабря прошлого года мы впервые поместились на скамье подсудимых. Против нас, на скамье обвинителей, сидело пятеро человек, из которых четверо являли собой резко

очерченный еврейский тип и назывались Фрид, Мануильский, Со-сновский и Васильев, а пятый – что-то вроде цивилизованного рабо-чего, Евдокимов, высокий, в черном скюртуке, с длинным, желчным лицом и злобными, умными глазами. За судейским столом сидело семеро судей. О председателе, Жукове, я сохранил хорошее воспо-минание: простой рабочий, с простым, но честным, хорошим лицом; очевидно малограмотный, судя по тому, как трудно давалось ему произносить некоторые ученые, а особенно иностранные слова; но от природы, видно, неглупый человек, старающийся к своей необыч-ной и неожиданной роли относиться возможно добросовестнее и беспристрастнее. Мне он представляется вполне порядочным чело-веком, не чрезмерно тронутым партийностью. Мог быть хорошим, честным, полезным слесарем, если бы остался на своем месте. Что касается остальных судей, впечатление они производили самое пла-чевное и вместе с тем отталкивающее: сидеть-то они за судейским столом сидели, но видно было, что они ничего не понимают, что к высокому призванию своему, если не все, то большинство отно-сятся или с глупой злобностью, не считающейся с обстоятельствами дела, или, в лучшем случае, с полной апатией и равнодушием.

На предложение председателя подсудимым назвать своих за-щитников и свидетелей Пуришкевич просил, между прочим, разре-шения выставить свидетелей с фронта, солдат, санитаров, сестер милосердия, видевших и знающих по личному опыту его энергич-ную деятельность за время войны. Председатель согласился, но со стороны обвинителей посыпались горячие и страстные протесты: они находили, что заслуги подсудимого на фронте не имеют ника-кого отношения к его контрреволюционной деятельности. Предсе-датель отстаивал свою точку зрения и настоял на данном ими со-гласии. Я вынес такое впечатление, как будто Жукову трудно было противоречить обвинителям, да и в дальнейшем мне казалось то же самое. Я склонен думать, что могли быть правильны ходившие слу-хи, будто обвинители явились не из среды посторонних лиц, добро-вольцев, как полагается даже по нынешним правилам большевист-ской юстиции, но посланы были incognito⁹¹ Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов⁹², из числа членов Совета. Такое толкова-ние объясняло бы чувствуемую председателем по отношению к ним некоторую неловкость, как бы подчиненность.

В дальнейшем ходе процесса обвинители ставили такие пре-пятствия заявлениям очень многочисленных солдат и сестер милосердия, с фронта явившихся свидетельствовать в пользу Пуришке-

вича, что защитники его, Бобрицевы-Пушкины, выведенные из терпения явно недобросовестными и вопиюще пристрастными придирками обвинителей, с согласия своего доверителя, отказались от дальнейшего выступления свидетелей.

Когда уже все подобные, предварительные, организационные вопросы были более или менее разъяснены, довольно-таки бестолково и смутно, как и следовало быть в такой сплошной бутафории и пародии на суд, сделано было эффектное открытие, что никто из нас, подсудимых, не получил обвинительного акта, так что мы были в полном неведении, в чем заключается обвинение нас в целом и каждого из нас в отдельности. Жуков был чрезвычайно смущен этим обстоятельством и сконфужен; его коллеги отнеслись также невозмутимо, как и ко всему происходящему вокруг них: они были в святом неведении того, что и как должно делаться на суде. Объявлен был перерыв для совещания судей, после чего Жуковым, при открытии заседания, [было] заявлено, что слушание дела откладывается на 3-е января.

17 января

3-го января мы снова сидели на скамье подсудимых. Доставляли нас в трибунал из «Крестов» и обратно поздно вечером под конвоем солдат или красногвардейцев. Да, никак не ожидал я, что когда-нибудь окажусь в таких условиях.

Прошел перед судом длинный ряд экспертов, свидетелей, сделан был опрос подсудимых. Все яснее становилось для здравомыслящих людей, что никакой организации Пуришкевич не образовывал, никакого заговора не составлял, а тем более ясна была моя непричастность ко всему этому делу, так как на суде из всех данных подтвердилось, что я, кроме вечера у Парфенова и вечера у меня, ни с Пуришкевичем, ни с кем-либо из его друзей никаких встреч не имел, кроме двух-трех чисто случайных с самим Пуришкевичем. Я нисколько не сомневался, что, если предположить справедливость и законность в решении судей, я должен был быть оправданным. Тем не менее, я сознавал, что держусь на суде так, что могу, в конце концов, рисковать и неприятными последствиями.

Лично мое обвинение сводилось к тому, что, во-первых, я принимал у себя один раз Пуришкевича и его друзей и, во-вторых, участвовал в монархическом заговоре. Предположение о монархическом заговоре упало само собой в течение судопроизводства, так что

только при явном лицепрятии возможно было его поддерживать. Однако, раз уже я в это дело попался как «кур во щи», совершенно без достаточного основания, ибо я действительно, за время правления большевиков, ни разу против них ничего не предпринимал, – я все-таки не мог дать кому-либо из этих санкюлотов мысль, будто я отлыниваю и стараюсь замести след, т. е. веду себя трусливо. Необходимо было в этом первом монархическом процессе вести себя так гордо и с достоинством, хотя бы для примера и урока всем нашим перепуганным «буржуям», так легко и трусливо отказавшимся от принципов, ими ранее разделяемых, и покорно склонившимся перед силой революции. Не мог я также обойти вопроса о моих монархических убеждениях и скрыть их «страха ради иудейского».

Вот почему, вполне понимая опасность для меня такого образа действий и очень досадуя, что попал под суд по такому идиотски нелепому и вздорному поводу, я, стоя перед судом, полагал необходимым не считаться с возможными последствиями и выдержать стойко испытание, не поступившись ни своей честью, ни своим достоинством. “Fais ce que dois, – advienne que pourra”⁹³: этот девиз и раньше часто руководил мною в жизни, и я не захотел изменить ему и в этом случае. Знаю, что этим я навлек на себя лишение свободы и ежеминутный риск самосуда, ибо само собой разумеется, что темные и мелкопробные «санкюлоты» не могли оценить откровенной, гордой речи; однако я не жалею о сделанном, ибо утешением и поддержкой мне служат нравственное удовлетворение и сознание, что я поступил так, как следовало поступить Дворянину и Офицеру.

Мне было очень отраднo узнать, что и отец мой, жена и вообще родные и многие друзья вполне со мной согласны и одобряют мое поведение.

Я забыл упомянуть, что в наш процесс были впутаны и перемешаны различные группы подсудимых, с различными пунктами обвинений. Так, например, Пуришкевич и некоторые другие обвинялись в составлении монархического заговора и участии в вооруженном сопротивлении юнкеров в дни большевистского переворота; я же обвинялся только в первой части. Кроме того, против Пуришкевича приводили какое-то его письмо к Каледину⁹⁴, о котором я узнал лишь на суде.

Других, как полковника Муффеля и юнкера герцога Лейхтенбергского, обвиняли в юнкерском восстании. Участие Пуришкевича в этом восстании было категорически опровергнуто, что же касается Муффеля и Лейхтенбергского, то они не скрывали участия

своего, хотя оба этой затее Полковникова не сочувствовали, считая невозможным и нечестным рисковать жизнью юношей-юнкеров ради проблематического, смутного дела, но, как военнослужащие, обязаны были повиноваться приказаниям начальников своих. Здесь же, в суде, присутствовал в штатском одеянии начальник Николаевского инженерного училища, у которого не хватило мужества заявить открыто, публично, суду, что он отдал соответственные приказания своему подчиненному, полковнику Муффелю, а потому не Муффель, а он должен нести ответственность. Очевидно, что сохранностью своею он дорожил больше, нежели другими, более смелыми побуждениями.

Полной противоположностью этому генералу оказался того же училища капитан Фильденкрейц, который явился в суд, чтобы заявить, что он отдал соответствующее приказание Муффелю, бывшему только исполнителем. Имя доблестного капитана на следствии прошло незамеченным; Муффель, разумеется, его не выдал бы: таким образом он мог свободно остаться в стороне, но, очевидно, он понимал требования своей чести и совести более чутко. Ввиду большого благоприятного впечатления, произведенного на публику поступком Фильденкрейца, суд, отдав сначала приказ о его аресте, не счел уместным поддерживать обвинение, и вскоре его освободили. И Муффель, и Лейхтенбергский были оправданы.

В этой части процесса чрезвычайно неприглядно обрисовалась личность ставленника Керенского, бывшего главнокомандующего Петроградским военным округом, полковника Полковникова.

В день переворота он явился в Инженерное училище, переодетый в какое-то штатское платье красногвардейского типа, вместе со всем своим штабом, приказал вооружить всех юнкеров, отдал приказы о нарядах и назначениях отдельных групп юнкеров и затем, когда выяснилось, что его вздорная, противоречившая обстановке затея провалилась, и юнкера умирали вместе со своими офицерами мученической смертью в разных концах города, взял в руку винтовку и удрал, поспешив скрыться в толпе красногвардейцев, уже осаждавших училище. Вместе с ним скрылись и его штабные офицеры.

К нашему процессу еще был примазан, неисповедимыми путями следственного усмотрения, какой-то социал-революционер, еврей Брудерер, обвинявшийся в участии в юнкерском восстании. Этот подсудимый на суд не явился: от его имени выступил [член] его же партии, член Учредительного собрания от Сибири, некий Пумпянский, который объявил, что его партия не допускает воз-

возможности появления «честного, благородного» Брудерера, «друга народа», на одной скамье с Пуришкевичем и другими «монархистами», ибо такое соседство было бы для означенного израильтянина бесчестьем, его марающим.

Бобрищев-Пушкин просил суд оградить нас от таких оскорблений. Эта злобная выходка оскорбить нас не могла, ибо нельзя же ждать рыцарства, благородства, деликатности или великодушия от партийного фанатика-революционера, да еще принадлежащего к иудейскому племени. Я словами этими не хочу сказать, что такие качества среди этой партии вполне невозможны, но думаю, что они могут проявиться только как редкое и тем более отрадное исключение, а потому ожидать чего-либо менее гадкого от них мы и не могли.

Свое заявление господин Пумпянский облек в очень высокопарную, претенциозную, пошлую речь, вызвавшую во мне отнюдь не гнев, а только гадливость и глубокое презрение, как к чему-то очень мелкому и неблагородному, вполне свойственному партийным «обезьянам».

18 января

Заседания трибунала по нашему делу длились четыре или пять дней (точно не помню) и привели к приговору, по которому Пуришкевич, Парфенов, Кованько, Попов, Граф и я были присуждены к заключению в тюрьме и к принудительным работам на разные сроки: Пуришкевич – на 4 года, Парфенов и я – 3, остальные на различные меньшие сроки. Срок был определен условно: если, по истечении года, наше поведение окажется не внушающим опасности для общественного спокойствия, мы можем рассчитывать и на досрочное освобождение.

Прапорщик Делль, обыкновенный спекулянт и мелкий жулик, пристегнутый к нашему процессу, по моему мнению, специально для дискредитирования нашего, во всяком случае, чистого и идейного общества, был приговорен к заключению на два или три месяца. Прапорщик Зелинский – отдан на лечение в психиатрическую больницу. Муффель, герцог Лейхтенбергский и Гескет – оправданы.

Два последние, совсем еще юные мальчики, придавали трагикомический характер всему нашему сумбурному процессу, в основании которого отсутствовало всякое правовое начало. Эти два ребенка, сидящие с нами, зрелыми людьми, на скамье подсудимых,

должны были производить кошмарное впечатление на всякого, не зараженного острой душевной болезнью, которой болеет русский народ. И следственная комиссия, и наши обвинители попробовали было использовать юного герцога Лейхтенбергского, родственника нашего Императорского Дома, чтобы провести сумасбродную мысль, будто он нами подготовлялся в претенденты на Всероссийский Престол, но не решились поддерживать своего слишком уж идиотского предположения: так этот цветок, взрощенный было злобой, темнотой и невежеством, и поблек, не успев расцвести и не одарив мир новым перлом революционной глупости.

Интересно отметить, что и агенты следствия, и обвинители, пользовались каждым удобным случаем, чтобы выпытать у нас точнее, в чем же заключаются наши монархические убеждения. На вопросы, делавшиеся довольно некстати и неумело, отвечали совершенно различно. Можно было и ничего не отвечать, ибо эти вопросы, касающиеся выпытывания убеждений и мыслей подсудимых, были недопустимы с точки зрения и юридической, и общечеловеческой этики. Но я откровенно высказал все свои взгляды и убеждения, дабы расхрабрившимся жидкам не могла прийти в голову дерзкая мысль, что я могу их бояться и скрывать от них то, что в действительности чувствую. Хотя вопросы были и чисто по-еврейски нахальны и вызывались предвзятой мыслью подловить подсудимого, но рассчитаны были по собственной мерке. Нельзя было, по моему мнению, дать им возможность хвалиться, что они нас заставили отвиливать от ответа.

Владимир Митрофанович Пуришкевич заявил, что, будучи монархистом, в настоящее время не считает возможным восстановление монархии, да и никого не имеет в виду, кто мог бы занять престол. В речи же своей он бывшему Государю Императору, Государыне Императрице и Наследнику Цесаревичу прямо высказал несочувствие. Другой подсудимый обошел этот вопрос; третий развивал общую свою теорию о «народной монархии». Я определенно высказался, что остаюсь верен присяге моей и точно стою, в надеждах своих, на ее основах. Такой же ответ дал и корнет Попов.

Одним словом, что ни подсудимый, каждый откровенно и правдиво высказывал свой взгляд, и взгляды эти все между собой не сходились, а подчас и были прямо друг другу противоположны. Спрашивается, – мог ли быть, при такой разногласии, достаточным серьезный повод подозревать в устройстве монархического заговора людей, сидящих на нашей скамье подсудимых. Да ведь если

бы мы действительно собрались вместе, чтобы замышлять какое-нибудь монархическое движение, то в первый же день мы между собой рассорились бы «не на живот, а на смерть» – настолько разны наши взгляды и расходятся наши чаяния. Если б нас судил суд компетентный, трезво и умно вникающий в дело, а не невежественные, темные рабочие и солдаты, то вся несообразность такого обвинения была бы очевидна, и не могло бы быть и речи о нашем осуждении.

Когда кончились показания свидетелей, очень укороченные вследствие отказа Пуришкевича от многочисленных свидетелей своих с фронта, желавших заявить о своем уважении и сочувствии к нему, начались речи обвинителей наших. Каждый из них использовал сполна возможность вылить на нас весь тот яд злобы, стародавней ненависти и зависти, которыми были обуреваемы их души. Каждый говорил два раза: до речей защитников и после них; защитники от второго слова отказались. Пуришкевич в своем последнем слове, длившемся три часа, произнес одну из лучших и наиболее блестящих речей, которые пришлось мне от него слышать⁹⁵. Он произвел большое впечатление не только на единомышленников своих, которых в публике было много, но, видимо, и на судей и враждебную ему часть публики.

Вполне сочувствуя его речи и одобряя большинство высказанных им положений, двумя местами в ней я был озадачен и жалею, что он ими испортил, по крайней мере для меня, прекрасное впечатление. Говоря о своих монархических убеждениях, он выразил несочувствие нашему Государю, а по отношению к Государыне Императрице выразился еще резче, назвав ее женщиной, которую он ненавидит, а потому и не желал бы восшествия на свой прародительский престол ее сына⁹⁶. Не говоря о том, что такое публичное оглашение подобных чувств резко противоречит всем моим взглядам по этому поводу, связанным с присягой и с искренно мной исповедуемыми чувствами, а потому крайне меня раздражило и взволновало, но кроме того Пуришкевич, как мне кажется, должен был помнить, что говорил о павшем величии, об Августейшей Семье, находящейся ныне в несчастьи, окруженной врагами, беззащитной, а следовательно, более «неприкосновенной», чем когда бы то ни было раньше.

Это место речи меня возмутило. Было в речи еще одно место, гораздо менее меня затронувшее, но которому я также не сочувствую: оно касается убийства Распутина. Будь я в положении Пуришкевича, я бы этот вопрос обошел. Правда, и то надо сказать, что почти каждый обвинитель в своих филиппиках упоминал об этом убий-

ность трибунала, но шире – является отпечатком всех действий революционеров, практикующих право силы, произвол победителей и бесправие побежденных.

Чего только не наговорили обвинители в своих яростных нападениях на нас! Не имея никакого веского обвинительного материала, основанного на фактах и удостоверенных доказательствах, они все время жонглировали подозрениями, намеками и предположениями; переходя на общеполитические вопросы, злобно выкрикивали свои митинговые словоизвержения.

Жидки все больше обвиняли нас в ненависти к евреям и в устроительстве еврейских погромов. Откуда могут они знать наши чувства к их народу или наше погромное прошлое? Что до меня касается, я никогда и близко ни к одному из погромов не стоял, а чувства мои к евреям были самые обыкновенные, общечеловеческие и, во всяком случае, человеческие; до революции я совсем не был юдофобом.

Кроме того, они упрекали нас, что мы питаем ненависть к солдату, не знаем его и не умеем с ним разговаривать, и что мы солдат пороли. Опять-таки, откуда могут они знать эти обстоятельства? Не говоря о том, что все это так непроходимо глупо и неверно, можно ли на таких нелепых, ничем решительно не подтвержденных положениях строить обвинения людей, которых не знаешь и видишь в первый раз в жизни. Говорили еще о карательных отрядах, производивших по их словам неслыханные жестокости и в которых мы, вероятно, по их мнению, принимали участие. Кроме меня, никто из сидевших на скамье подсудимых никогда в карательных экспедициях не участвовал. Про меня, разумеется, жидки также ничего не знали, как и про других. Но я решил поднять этот вызов и в речи своей заявил о карательных отрядах свои воспоминания, дабы знали жидки, как мало я боюсь их инсинуаций и как смело могу смотреть в глаза всем, как прошлым, так и настоящим фазисам моей службы.

Жидки еще позволили себе назвать меня «врагом народа», «врагом всех обездоленных классов» и «врагом свободы». Эти ни на чем не основанные обвинения я уже принял как личное оскорбление и, не имея в положении моем других способов действий, решил отметить и эту злостную клевету в своей речи.

В своем обвинительном порыве и полном презрении ко всем правовым принципам новоявленные прокуроры наши, ссылаясь на то, что я с давних пор состоял в рядах [таких] «черносотенных», по их словам, организаций, как «Союз Михаила Архангела», «Филаретовское общество» и проч., то, следовательно, без всяких даже

данных фактического свойства должен быть «врагом народа». Несмотря на мое отрицание какого-либо участия в казачьих организациях и полное отсутствие фактов, могущих удостоверить такое мое участие, по теории вероятности жидки считали несомненным, что я находился в связи с генералом Калединым. Таким образом, они ввели новое обвинение против меня, не формулированное обвинительным актом, в котором значились только мой прием на моей квартире, один раз, в конце сентября, Пуришкевича и его друзей, и мое касательство к несуществовавшему «монархическому» заговору. Из всего, относящегося только лично ко мне, уже видно, до какой степени Фемида на этом суде позорилась и протитировалась.

Таким образом «прокуроры» присочинили и еще одно дополнительное обвинение против меня, причем, должен оговориться, как о предыдущем, так и об этом обвинении, на допросе моем следователь Тарасов-Родионов, все же хоть сколько-нибудь изучивший мое дело, на мой вопрос ответил, что нет никаких сомнений, что эти обвинения не могут относиться ко мне.

Обвинители черпали свои основания из следующего факта. Когда, при моем аресте, делали обыск, на моем письменном столе нашли записку, выданную мне в день переворота 25 октября от действовавшей тогда комендатуры при Петроградской городской думе, по которой я назначался комендантом Московской части, в районе которой жил. Происхождение этой записки было такого рода.

Я был в то время членом-учредителем и членом совета вновь созданного, по инициативе старого моего знакомого, Николая Ивановича Тура и Алексея Алексеевича Суворина, «Центрального Союза домовых комитетов», имеющего широкие задачи обнять в деятельности своей все функции городского самоуправления, так нелепо искаженные Думой социал-революционного состава, а ныне, при составе большевистском, совершенно обреченные на застой и разруху. Для того чтобы быть членом совета, мне надо было быть уполномоченным своего домового комитета, в доме жены моей в Кузнечном переулке, а потому я, по избранию жильцов, и взял на себя эти обязанности. В качестве уполномоченного мне пришлось быть на собрании уполномоченных в здании Московской городской районной управы, помещавшейся под боком около меня, в том же Кузнечном переулке. Как раз в то время все мы были озабочены отсутствием охраны наших домов, ибо несостоятельность, ненадежность и малочисленность так называемых «милицейских», как все, сопутствующее Временному правительству, были всеми при-

знаны. В районной управе также были очень озабочены этим вопросом и мечтали организовать охрану, состоящую из самих жильцов каждого дома. Для этой цели при управе было организовано специальное Исполнительное бюро из некоторых членов управы и выборных из среды домовых уполномоченных; в числе последних находился и я, выбранный на общем собрании уполномоченных. Войдя таким образом в некоторый контакт с учреждением городского самоуправления, сплошь составленного из социал-революционеров, я предупредил всех членов управы и председателя управы, входящих в наше Исполнительное бюро, что я могу вместе с ними действовать и работать только как обыватель, заботящийся об обеспечении сохранности и благополучия своей семьи, своего жилища, своего дома, вне всякой политической деятельности, ибо в политическом отношении я ними расхожусь радикальным образом и на этой почве могу с ними встречаться только как противник и заклятый враг. Ввиду того, что деятельность Исполнительного бюро оказалась совершенно вне какой-либо политической окраски и касалась только интересов безопасности обывателей, я счел возможным и нужным работать в этом бюро, что длилось 2 1/2 недели.

Председатель нашего бюро, он же председатель Московской районной управы, бывший рабочий-печатник, социал-революционер, отбывший несколько лет каторги, меня очень заинтересовал: прилично одевается, очень прилично и тактично себя держит, много и довольно дельно работает, умный, образованный, начитанный, при всем при том несколько излишне партийный. Такое первое мое в жизни знакомство с общественным деятелем из рабочих меня крайне удивило, да и обрадовало мое русское чувство; слава Богу, что из народных слоев выходят такие самородки, только жалею, что они почти неминуемо обесцвечиваются партийным межеумием. Ближе познакомившись со средой революционеров, я увидел, что, встречаясь с ними в повседневной жизни, в отношениях общечеловеческих интересов, я уже не вижу в них тех монстров, тех опасных и злобных врагов, какими их себе раньше представлял. Напротив того, они казались уже мне добродушными, благожелательными обывателями. В отношении ко мне все были очень любезными и терпимыми, хотя я сам предупредил их о противоположности моих политических взглядов. Как-то раз председатель Антипов, говоря в собрании о затруднительном, почти безвыходном положении, в котором находится Россия, с отчаянием добавил: «Ведь что же нас теперь ожидает в будущем: мы верными шагами приближаемся к восстановлению

монархии». Слыша такое признание из уст революционера, я широко перекрестился и воскликнул: «Дай-то, Господи, скорей». Все засмеялись, а Антипов, улыбаясь, заметил: «Вот господин полковник крестится и радуется; ему-то такая перспектива радостна, а для нас она означает полный крах всех наших надежд».

19 января

Среди временных, случайных и совсем-таки неожиданных знакомств, мне пришлось много разговаривать с неким Б-ским, бывшим тоже домовым уполномоченным, избранным вместе со мною в бюро. Он мне очень понравился: это был типичный старый русский интеллигент-идеалист, по общему моему впечатлению человек очень чистый и благородный, по убеждениям своим социалист-революционер, но подкупавший редкой в этой среде любовью и преданностью России: он глубоко скорбел и печаловался по поводу падения Родины нашей. Как-то он спросил меня: «Как объясните Вы себе, полковник, что мы с Вами люди таких диаметрально разных убеждений, с удовольствием встречаемся, оживленно от души делимся мыслями и чувствуем друг к другу симпатию?» – «А это от того происходит, – ответил я ему, – что, во-первых, оба мы горячо и бескорыстно любим Россию, дорожим ее светлым будущим, и, на этом чистом начале, встречи наши чужды партийных накипей. Кроме того, я как человек, верящий в законы перевоплощения духа нашего по пути постоянного совершенствования и стремления к Правде, Истине и Добру, думаю, что наши души сродственные и старые знакомые; что мы уже встречались с Вами раньше, в других воплощениях, и что Вы тогда, вероятно, не были заражены ошибками и заблуждениями нынешнего Вашего социалистического направления».

Этот самый Б-ский, по поводу совершающихся событий с дрожью в голосе и слезами на глазах говорил мне: «Я, полковник, переживаю большую душевную драму. С юности моей я был всегда убежденным социалистом и верил, что мои идеалы, осуществленные в жизни, составят счастье России. Я провел несколько лет в Германии со специальной целью изучать социалистические учения на месте их возникновения и развития. Я уже старый человек, мне за 50 лет; я не ожидал дожить до времен освобождения Родины и возможности для нее возрождения к новой жизни, соответствующей моим верованиям. И вдруг – государственный переворот поставил меня перед свершившимся фактом, перед исполнением всех моих

надежд и мечтаний. Но, вместо радостей и удовлетворения, новый строй русской жизни принес мне нескончаемый ряд страданий и разочарований. Я увидел, как люди, произведшие революцию, оказались совершенно неспособными к жизненной, творческой, благотворной государственной деятельности, и как много среди них людей, пристроившихся к новым владыкам только из личных, мелочных, эгоистических побуждений, как много нашлось среди нас людей, не достойных уважения. Я познал слишком поздно, что народ наш оказался не только неспособным воспринять свободу в благородном смысле ее, но и не достойным ее. С отчаянием я увидел, что Армия наша, расшатанная и развращенная негодьями нашего же толка, лишившись дисциплины и порядка, оказалась сбродом злодеев, мерзавцев, грабителей. Мне ясна гибель нашего военного могущества, неизбежность нашего небывалого мирового позора, грядущего расчленения или, в лучшем случае, разорения и территориального расхищения России, и это сознание невыразимо тягостно.

Вы, полковник, тоже страдаете, но вы предвидите скорое восстановление монархии, и это должно поднимать Ваш дух надеждой и радовать Вас, как возвращение к Вашим попорченным идеалам. Но поймите, какую драму переживаю я, убежденный социал-революционер, идейный противник монархического начала, который, как и Вы, желает возвращения этой монархии, ибо в ней вижу единственный путь к спасению России. Каково мне, пламенному ненавистнику смертной казни, мечтать о том времени, когда установится твердая власть, и я смог бы предложить свои услуги, чтобы исполнять должность палача при казни этих позорных трусов, этих подлых негодяев-солдат, погубивших Родину мою: ибо я почту за честь принять участие в их казнях...»

Какое характерное признание...

Из затеи районной управы организовать домовую добровольческую охрану ничего не вышло: желание было хорошее, но умения проводить его в жизнь – никакого, да, кроме того, не было и того императивного постулата, той силы принуждения и того страха ответственности за неподчинение требованию, которые для нашего обывателя, совершенно до сих пор политически и общественно невоспитанного, являются обязательным условием успеха всякого начинания.

Пробовали учредить наемную стражу, но не вышло ничего и из этого. Вообще, если в смысле личных сношений и общечеловеческих отношений с моими социал-революционерами я вынес о них впечатление лучшее, чем ожидал, то в смысле способности их

к производительной работе и политической или общественной серьезности и дельности их начинаний я нашел их даже гораздо ниже, чем думал. Все они оказывались, в лучших случаях, доброжелательными мечтателями, утопистами-доктринерами, крайне непрактичными, крайне растерянными перед коллизией сложившихся обстоятельств, способными только словоизвергать громкие и звучные фразы, строить несбыточные планы, мало отвечающие общей обстановке. Они являются в полном смысле слова неудачниками, горе-политиками, такими деятелями, от которых всякое дело должно непременно разваливаться и разрушаться.

В день большевистского переворота и первые дни после него несостоятельность их была для меня особенно очевидна. В день столкновения юнкеров с солдатами до меня случайно, на улице, около 1 часа дня, дошли слухи, что офицеры подвергаются на улице нападениям солдат, что по всему городу происходят беспорядки и насилия, и что в здании Городской думы открыта деятельность комендатуры, где собираются офицеры, желающие спасти жизни своих товарищей от насилий и город от грабежей и смуты.

Несмотря на полное мое несочувствие какой бы то ни было революционной партии, так же точно, как я считал нужным не отказываться работать в районной управе, я не мог представить себе, что я, офицер, буду спокойно сидеть у себя дома, в то время как на улицах избивают офицеров; поэтому я немедленно поехал на Невский в Городскую думу, вокруг которой сновали матросы и солдаты, и была довольно зловещая атмосфера, разыскал помещение комендатуры и объяснил, что предлагаю свои услуги для защиты порядка и законности.

Мне тотчас какой-то обмызванный прапорщик предложил быть комендантом моего Московского района и выдал соответствующее удостоверение. Когда я спросил, на кого же я могу рассчитывать при исполнении таких временных моих обязанностей, мне ответили с растерянным видом, что ничего не знают, и на полки моего района, Семеновский и Егерский, не надеются.

Вообще, все в Думе имели чрезвычайно растерянный и перепуганный вид. Я сразу понял, что ни на что серьезное и дельное от этих людей нельзя рассчитывать, и поехал домой, завернув по дороге в районную управу, где показал Антипову мое удостоверение. Мы оба посмеялись над моим платоническим комендантством, не имевшим никакого практического смысла, при неимении ни одного человека и ни одной организации, которые были бы подчинены

такому удивительному коменданту, без всякой возможности в чем-нибудь проявить свою деятельность.

Дома я бросил удостоверение на мой письменный стол и забыл думать об этом трагикомическом фарсе. Я был очень удивлен, когда услышал от обвинителей, что на этой вздорной бумажке они хотят строить свое обвинение в моем участии в юнкерском восстании, о котором я узнал совершенно случайно из случайного разговора на улице. Что я не придавал значения этому клочку бумажки, доказывает то обстоятельство, что я спокойно оставил ее валяться на моем письменном столе, не допуская и мысли, что она может меня чем-либо скомпрометировать.

Вскоре после того я вышел из исполнительного бюро районной управы, убедившись, что никакого дела касательно личной охраны и имущественной неприкосновенности нашей с этими безнадежными импотентами сделать нельзя

На суде я все эти обстоятельства подробно и вполне откровенно разъяснил, как и вообще откровенно рассказал все, касающееся меня в процессе; не стал же бы я унижаться скрыванием чего-нибудь, как будто бы я мог бояться моих санкюлотов. Ничего преступного или противозаконного в моих действиях нельзя было найти, но, кажется, судившие меня идиоты или по собственной мерке не могли поверить такой полной откровенности *et cherchament une anguille sous roche*⁹⁷, или даже просто и не понимали того, что все действия мои вполне легальны.

Пятый наш обвинитель, Евдокимов, произнес речь, представлявшую вспышку ненавидящего и мстительного плебея, торжествующего свою победу над сверженным врагом. Фактических данных он почти не касался, а напирал на то, что победивший пролетариат, не считаясь с отжившими буржуазными предрассудками, толкующими о справедливости, законности, равноправии, должен стоять твердо на почве классово-войны, и нас, дворян и вообще буржуев, признавать за бесправного, побежденного врага, которого надо добивать и сводить к полному уничтожению.

Митинговая речь Евдокимова, дышавшая бешеной, непримиримой ненавистью, имела целью разжечь низкие инстинкты толпы и прямо обрекала нас, если б только не спасая нас Божья милость, на самосуд и насилия хотя бы тех же солдат или красногвардейцев конвоя, которые поздно вечером отводили нас по пустынным, темным улицам в нашу тюрьму и которые присутствовали на судебном заседании

Между прочим, Евдокимову очень не нравился тот спокойный, гордый вид, который мы сохраняли на суде, и те улыбки, которыми мы встречали чересчур уж вздорные, нелепые или глупые выпады против нас наших обвинителей. «Взгляните на них, – вопил Евдокимов, – как развязно держат они себя на своей скамье подсудимых, эти враги народа; как они насмешливо улыбаются; как мало в них видно покорности, страха перед судом народа, судящего их в нашем лице! Не следует ли из этого заключить, что режим, которому они подвергаются в тюрьме, слишком мягкий и снисходительный?»

Говорил он долго, но в этих нескольких словах я приблизительно изложил весь конспект его ненавистнической речи.

Бобрищевы-Пушкины предлагали защищать меня: я очень их поблагодарил за внимание и участие, но отказался, желая защищаться сам. Речь свою я предварительно не записывал, ограничившись составлением себе маленькой программы главных пунктов, на которые хотел обратить внимание судей. Приблизительно я ее помню, в главных чертах, и постараюсь ниже восстановить в своей памяти.

20 января

Сегодня постараюсь, хотя бы приблизительно, припомнить мою речь, если не дословно, то близко к тому: поможет мне сохранившаяся у меня в кармане шпаргалка. Очень буду рад закончить этим воспоминания о процессе, ибо за эти дни накопилось и большей частью испарилось много животрепещущих, свежих, дневных впечатлений, которые теперь, к досаде моей, не все попадут в эту тетрадку.

«Господа судьи, – начал я, верный своему правилу никогда не произносить опошленного, режущего ухо слово «товарищи». – Вполне сознаю, что мои слова будут звучать особенно нескладно после блестящих, вдохновенных речей Владимира Михайловича и Александра⁹⁸ Владимировича Бобрищевых-Пушкиных и Владимира Митрофановича Пуришкевича, но, тем не менее, я отказался от предложения защитников говорить за меня, ибо думаю, что слово правды, при полном сознании моей правоты, которое безусловно мною Вам будет сказано, не нуждается в особом блеске и витиеватости.

Вполне определенно и решительно заявляю, что не было оснований меня арестовывать и ныне держать на скамье подсудимых, ибо как ни стараюсь я добросовестно и беспристрастно обсудить и

припомнить мои поступки и образ действий, не могу, по чистой совести, найти признаков того преступного деяния, в котором я обвиняюсь – участия в заговоре, имевшем целью ниспровержение существующего строя. Не могу признать своего участия уже по той причине, что никакого заговора, в обычно понимаемом смысле этого понятия, не существовало ни в мыслях Пуришкевича, ни в моих, ни в мыслях тех участников злополучного вечера, собравшего в моем доме около 20–25 человек за чайным столом, соединенных главным образом давним знакомством и дружбой, а также общностью убеждений и чувств своих. Для уяснения всех обстоятельств дела моего мне необходимо более подробно остановиться на отношениях моих с Пуришкевичем».

Здесь пропускаю фактическое изложение обстоятельств, оказавшихся причиной моего ареста и уже описанных выше, и продолжаю дальше.

«Я убежден, что ежедневно, в сотнях и тысячах домов Петрограда, где только соберется несколько человек, говорится то же и о том же, о чем мы говорили. Думаю, что с таким уже основанием предержавшие власти могли бы произвести аресты во всех этих домах, если бы позволила только вместимость и без того перегруженных тюрем.

Повторяю, что в наших разговорах невозможно найти признаков преступления, ибо не только о каком-либо заговоре нашем не может быть и речи, но нельзя даже собрания наши назвать более мягким, но все же напоминающим политическую уголовщину термином организации или сообщества. Вся цель наших бесед заключалась в том, чтобы собрать вместе всех, одинаково с нами думающих и чувствующих, вместе в беседах отвести наболевшие души и искать средств, чтобы сплоченной общностью наших страданий оборудовать течение, могущее влиять на те или другие круги общества.

Я никак не ожидал, что результатом этих обстоятельств, совершенно незначительных, особенно в сравнении с громадной сложностью современной политической нашей жизни, происходивших, кстати сказать, еще до времен «воцарения» вашего правительства, а в пору власти Керенского, – окажется превращение мое в бесправного арестанта; что мне придется испытать все прелести одиночного заключения в Крепости, и что на долгие дни будет надломлена и расстроена моя семейная и личная жизнь. Совершенно невинно подвергшись такому неслыханному попранию всех священных прав свободы и неприкосновенности, я имею полное основание тре-

бовать от власти, допустившей такое нарушение законности и справедливости, признания вины своей передо мной, хотя и вполне допускаю обратное, а именно возможность моего осуждения. Больше говорить о пресловутом «заговоре» я не стану, ибо на суде вполне ясно обозначилась несостоятельность такого обвинения, а тем самым определяется несостоятельность обоих обвинений, сформулированных против меня в доставленном мне обвинительном акте: участие в монархическом заговоре, не существовавшем, и приема у себя Пуришкевича и других для совещаний по этому заговору. Но раз заговор не существует, то и осуществление мною права и долга гостеприимства теряет всякое преступное значение.

Казалось бы, обвинительным актом исчерпываются мои мнимые преступления, но обвинители наши, против всех правил и основ, выработанных судебными традициями, взводят на меня еще два обвинения – участие в юнкерском восстании и подозрение в связях моих с казачьим движением генерала Каледина. Второе обвинение, скорее смахивающее на инсинуацию, они обосновывают на теории вероятности: по складу моих политических убеждений я должен был, по их мнению, вступить в сношения с Калединым, а что я не поехал на Дон, а остался здесь, так это тоже, вероятно неспроста, а с какой-нибудь затаенной целью. Не признавая какой-либо ценности за такого рода доказательствами, я бы мог оставить совершенно без внимания это обвинение, но могу и тут откровенно заявить, что «прокуроры» наши ошибаются: я действительно никакой связи с Калединым не имел и даже более того – только здесь на суде узнал о письме В.М. Пуришкевича к генералу Каледину, письме, бывшем предметом таких оживленных и подробных комментариев на скамье обвинителей. Могу даже объяснить, почему я не поехал на Дон: потому, что имел слишком мало сведений, и притом недостаточно точных, о действительной сущности этого движения, да притом же участие в нем, как я слышал, Савинкова не внушало мне ни доверия, ни сочувствия. По такой же причине неопределенности той каши, которую ныне должна расхлебывать Россия, я, за время власти вашего правительства, ни разу не злоумышлял против него ни одного заговора: плохо понимая окружающую меня обстановку, я предпочитаю оставаться в стороне, сложив руки, и наблюдать в качестве более или менее объективного зрителя.

О движении среди юнкеров я решительно ничего не знал до наступления этой кошмарной трагедии. Знаю наверное за себя самого, что, если б я решился рисковать молодыми жизнями этих юно-

шей, я почел бы своим долгом пойти вместе с ними умирать, а не стал бы из-за безопасного рубежа наблюдать за гибелью жертв моих: я полковник, но не полковник Полковников.

Особенно в данном случае немыслимо было бы мое участие, когда, по-видимому, ломались копья ради сохранения власти Керенского, этого преступного и ничтожного краснобая, малодушного человечка с мелкой душонкой, без чести и без всяких серьезных данных для той крупной роли, которую ему захотелось разыграть, но с огромным тщеславием и завистливой ревностью бездарного рекламиста. За эти десять месяцев много презренных, дрянных личностей промелькнуло перед нами, но с особливым презрением, с особенно брезгливым омерзением я отношусь, конечно, к Керенскому, – так не мог же я хлопотать и стремиться к поддержанию и сохранению его власти, составившей позорнейшую страницу Русской истории.

И пусть не занимаются наши обвинители намеками, как это было на основании данных моего допроса, будто я теперь только стал нападать на «павшего человека»: то же самое я говорил и в марте, и в апреле, и в мае 1917 года, когда этот человек был на вершине своей популярности.

Мне приходится далее умерить торжество моих обвинителей по поводу удостоверения Городской думы, найденного у меня при обыске и будто бы уличающего меня в соучастии – и с кем – с социал-революционерами (!) в юнкерском восстании».

Далее следует фактическое изложение моей кратковременной связи с Московской районной управой и истории происхождения думской бумажки, мною в дневнике уже описанное.

«Так вот, господа судьи, и весь мой обвинительный материал, из-за которого меня лишили свободы, нарушили все условия моей семейной и личной жизни, водят по улицам Петрограда под конвоем солдат, как какого-нибудь хулигана, посадили на скамью подсудимых, сделали бесправным человеком, с которым позволяют себе, в злобном торжестве своем, разные совершенно незнакомые мне люди недопустимые вольности. Все помнят, какое отвратительное впечатление произвели на первом заседании трибунала злобные и истерические выкрики господина Пумпянского, позволившего себе, в уверенности своей безнаказанности – надеюсь временной – оскорблять нас, беззащитных, обезоруженных, связанных вынужденным молчанием и сидящих на этой, обыкновенно позорной, но для нас почетной скамье подсудимых, только за то, что мы умеем

крепко любить нашу погибающую Родину и стойко до конца всегда готовых за нее постоять. Пользуясь нашей беззащитностью, нас решаются оскорблять господа Пумпянские, люди той пресловутой партии социал-революционеров, которые дерзнули посягнуть на незыблемую твердыню веры Христианской, на священную неприкосновенность и целость Церкви Православной, которые разрушили величие духа народного, развратили и разложили нашу незабвенную, доблестную, победоносную, великую Армию, привели на край гибели нашу Родину.

Не во имя моих личных, частных и семейных прав, вами поправных, взываю я, ибо привык не обращать внимания на личные мои интересы, когда разыгрывается общее драгоценное дело целости и спасения России; но в данном случае, на моем примере, я вижу нечто неизмеримо большее, я вижу нарушение и попрание прав законности и справедливости всей нашей страны.

Разобравшись во всех взведенных на меня так неудачно обвинениях, перехожу к вопросу о моих личных политических убеждениях, о моих идеалах, как русского гражданина. Этот вопрос чрезвычайно интересует моих обвинителей, ибо они все время вертелись вокруг него, но вместе с тем вопрос этот обсуждению суда и не подлежит, ибо убеждения и идеалы каждого человека составляют “святая святых” его свободного духа, до которой власть действительно свободного государства не смеет прикасаться. Но я не имею ничего против того, чтобы удовлетворить любопытствующих, так как убеждений своих не считаю нужным скрывать: их не стыжусь, но, наоборот, с гордостью их исповедую.

Вы совершенно верно говорите, что я монархист: был им всегда и всегда останусь, ибо таково мое коренное убеждение. Я всю жизнь до сих пор прожил и прослужил в верноподданнических чувствах к нашему Государю Императору, и чувства такие я сохранил не потому, что так мне лично было выгодно, а вследствие вдумчивого понимания их и знания истории моей Родины. От Государя я видел много милостивого и доброго внимания к себе. В те времена, если бы изменились мои взгляды, я бы не продолжал службы, а отошел бы. Теперь же, когда Государь Император потерял и власть, и могущество Свое, и значение, я считал бы себя неразрывно связанным, если бы даже изменились мои убеждения, но этого нет – спешу оговорить – я теперь такой же убежденный монархист, как был и раньше, когда все действия свои определял строго очерченными рамками принесенной мною присяги. Я сознательно и любовно признавал

власть Государя и был бы подлым рабом, если б теперь от Него отрялся. Когда произошла революция, я в молитве искал в себе нужную бодрость духа для того, чтобы по-прежнему оставаться непоколебимо верным присяге и суметь принять смерть, сохранив достоинство свое и свою честь, ибо было очевидно, что командиру полка, таким образом настроенному, было неизбежно готовиться к смерти. Но от этой смерти спас меня Государь Император: в доброте и мягкости Своего любвеобильного сердца, Его Величество почел для себя лучшим выходом, во избежание гибели своих верноподданных и смуты в государстве, отречение от Престола: мне оставалось только поклониться воле Государя, временно, на время войны.

Перехожу теперь к некоторым частным вопросам, выдвинутым перипетиями нашего процесса. Прежде всего, меня поразило, что в речах наших обвинителей, вместо беспристрастного освещения всех доказательств нашей виновности, сказалось столько злобы, ненависти и страстного, мстительного чувства, основанного на классовом антагонизме. Казалось, что, досадуя на бедность и убогость обвинительного материала, они старались митинговыми речами и широко использованными политическими темами разжечь и возбудить предубежденное, партийное настроение среди судей. Некоторые затронутые темы имеют ко мне более близкое касательство: так, например, вспоминались карательные экспедиции прежнего режима, вспоминались злобно и с пристрастной окраской. Из всех, сидящих на нашей скамье, я один принимал участие в чинах поручика и штабс-ротмистра в карательных экспедициях. Поэтому эти упоминания о них я могу принять на свое имя как вызов. Обвинители меня лично не знают, не знают и прохождения моей службы, так что я мог оставить их вызов без ответа, но я его поднимаю, ибо скрываться в прошлых моих действиях мне не для чего: я этого прошлого не стыжусь.

Да, в составе Л.-гв. Уланского Ее Величества полка я участвовал в подавлении революции и 9 января 1905 года⁹⁹, и во многих случаях в течение двух лет. Участвовал и в карательных экспедициях в Прибалтийском крае. Но, в противоположность вам, так злобно говорящим о мщении и расплате и наслаждающимся своим невеликодушным торжеством над сломленным врагом, ни я, ни мои товарищи так не относились к побежденным революционерам: исполнив свой тяжелый и суровый, но необходимый воинский долг, мы делали все возможное, чтобы не усугубить тяжести положения попадавших к нам революционеров.

После 9-го января, помню, я в течение трех суток не снимал амуниции, спал урывками, где-нибудь на подъезде какого-нибудь дома или в углу первого попавшегося магазина, и, несмотря на усталость, все время занят был заботой спасти от самосудов попадавших в руки наших солдат разбитых революционеров. Вероятно, судя по его речи, господин Евдокимов на моем месте поступал бы совершенно иначе, так как, видимо, рыцарских чувств по отношению к побежденным он не признает.

Далее, только что вспоминаю, в Лифляндской губернии, в одном маленьком городке, был со мной случай, где я спас от смерти очень порядочного человека, попавшего в то же положение, в каком теперь я нахожусь по отношению к вам. Этот человек, местный врач, очень любимый и уважаемый всем окрестным населением, был по убеждениям своим социалистом, но только теоретически; ни в какой революционной деятельности он не был замешан. Один местный помещик, пользовавшийся подмоченной репутацией, был его личным врагом за то, что упомянутый врач мешал ему эксплуатировать крестьян разными неблагоприятными приемами. Воспользовавшись приходом в городок карательного отряда моего полкового товарища, командира эскадрона, к которому я был прислан с полуэскадрона на подкрепление, помещик рассказал моему ротмистру разные неверные обвинения против врача, последствием чего он был арестован и предан полковому суду, что грозило ему смертью, ибо мой товарищ, очень порядочный и честный человек, был почти такой же фанатик, только в другом направлении, как и г. Евдокимов.

Случайно узнав о невиновности врача и не считая возможным его карать только за те или другие им исповедуемые принципы, я целый день возился с этим делом, стараясь убедить моего друга и начальника в верности моих суждений, и побудил его всесторонне исследовать и разобрать этого доктора. К вечеру невиновность его была выяснена, к большой моей радости, и я имел удовольствие сам ему объявить о его освобождении.

Вот как поступали мы в свое время; верные присяге, воинскому долгу и сознанию государственной необходимости, мы исполняли свой долг и мы за это ни перед кем не считаем себя в ответе, будучи правыми и смело каждому смотря в глаза, но мы не преступали принципов справедливости, великодушия, рыцарства и беспристрастия.

Дальнейшая судьба указанного мной ротмистра была печальна: вскоре после возвращения нашего из этой экспедиции, усомнившись, прав ли он был, применяя суровую строгость, не вкралась ли ошибки

в некоторые его решения, он затосковал и кончил тем, что застрелился. Вот как добросовестно и щепетильно относились мы к нашему долгу и как бережливо и осторожно относились к крови народной.

Я теперь нахожусь в том же положении, в каком был мой доктор: кроме моих контрреволюционных убеждений, не выявленных ни в какие внешние действия, меня ни в чем нельзя обвинить. Но думается мне, что Евдокимов ко мне относится совсем иначе, чем я относился к доктору.

Один из обвинителей, кажется Мануильский, назвал меня “врагом народа, врагом угнетенных классов”; он пошел даже дальше и назвал меня также “врагом солдата”. Такие инсинуации, хотя и сказанные человеком, очевидно, совершенно меня не знающим, для меня звучат оскорблениями и клеветой, всей моей жизнью и характером моим опровергаемой, и я их оставить без ответа не могу.

Враг народа! Как надо абсолютно меня не знать, чтобы так охарактеризовать меня. Если бы предложили Мануильскому вызвать всех тех, кому я в жизни помог, кого поддержал, кого иногда спас от тяжелого, критического момента жизни, в том числе и крестьян, и особенно крестьянских детей из близких к моему имени деревень, здесь прошла бы довольно внушительная вереница лиц, принадлежащих преимущественно как раз к тем «угнетенным классам», которых врагом выставляет меня так неосторожно и легкомысленно г. Мануильский.

Но еще сильнее вышла другая характеристика моя: “враг солдата”. Всю жизнь я связал с нашим русским солдатом; настаиваю на слове “нашим”, а не нынешним, революционным, которого в лучшем случае я не знаю и чуждаюсь. Помимо моей семьи, вся любовь, все увлечение моей жизни сосредотачивались как раз на этом солдате, с которым, наверное, мы лучше понимали друг друга, нежели г. Мануильский, если б он вздумал с ним вступать в сношения. У меня сохранился целый ящик писем, писанных мне моими солдатами, и из этих писем к “врагу солдата” можно было бы вывести правильное заключение о словах г. Мануильского.

Я терпеть не могу говорить о себе и очень жалею, что к этому был вынужден явной несообразностью определений моих обвинителей.

Я должен еще раз остановиться на словах г. Евдокимова, которого раздражают наш развязный, веселый вид на скамье подсудимых, наши поднятые головы, и беспокоит мысль, не слишком ли слаб и мягок наш тюремный режим.

С опущенной головой вы меня не увидите, ибо чувствую себя вполне чистым и перед моей совестью, и перед моим народом, которого представителем почему-то называют себя наши обвинители. Поэтому никакой режим и никакие угрозы не заставят меня опустить голову. Эта голова может скатиться на вашу плаху, но она никогда пред вами не преклонится.

Господа судьи Революционного трибунала, за время моего вынужденного уединения мне приходится читать очень много газет. Все они очень интересуются вашим трибуналом и все дружно на него нападают: они считают ваш трибунал судом скорым, но не правым и не милостивым, проникнутым духом партийной нетерпимости, пристрастия, злобы и мстительности. Если б это было действительно так, если б действительно все основы законности и права оказались здесь забытыми и помянутыми, то весь наш процесс, все наше судоговоренье были бы непроизводительной тратой времени.

Но я, по природе своей, оптимист и не хочу верить, чтобы суд моей родной страны мог опуститься на такую степень падения. Я хочу верить, что вы искренно воодушевлены стремлением к правде и справедливости, и только потому я решил говорить, что не верю, будто ожидающий нас приговор заранее предрешен и предписан.

Кончаю тем же, чем начал: никакой вины своей не признаю. Говорил очень откровенно много правды о самом себе и знаю, что это может даже и повредить мне, если справедливость суда здесь не установлена краеугольным камнем. Но правду, и так подробно, я считал нужным сказать, и не “страха ради иудейского”, разумеется, очевидно и не под влиянием наших прокуроров, зловеще вызывавших перед нами кровавый призрак возможных самосудов, а прежде всего из уважения к себе самому, а затем также и из уважения, которое я хочу сохранить к суду моей родной страны.

Обвинители наши говорили, что вам считается надо не с принципами законности и справедливости, но с партийными интересами и классовыми предубеждениями по отношению к иначе мыслящим, могущим для вас когда-либо быть опасными, людям. С пошлой, мелкой, житейской, утилитарной точки зрения такой способ действий мог бы быть практически выгодным и удобным, если бы...

Есть одно “если”. Если бы не было Божьего Суда, Божьей Правды. Если б не существовал непреложный мировой закон, по которому ни одно злое деяние не остается без возмездия, ни одна обида понапрасну, бесследно не терпится.

“Мне отмщение, и Аз воздам”... Сказал Господь Бог наш Иисус Христос, Спаситель мой и ваш, господя судьи, и твоей, мой несчастный, больной и истерзанный, обманутый и обольщенный, разоренный и расхищенный, преданный и проданный, Русский Народ!»

21 января

Во время перерыва, после моей речи, ко мне подошел младший Бобрищев-Пушкин, Александр Владимирович, и сказал: «Приветствую Вас за удивительно смелую и благородную речь; но должен сказать, что Вы себя ею потопили. Я думал, что Вы имеете все шансы быть оправданным, так как Вы ведь совсем уже не замешаны в это дело, но теперь – Ваш приговор неизбежен». Я поблагодарил его, пожал плечами и ответил, что делать нечего, буду нести последствия моей речи возможно бодрее, но считаю, что иначе я не мог поступить, раз уж попал под суд. Как известно, предсказание Бобрищева-Пушкина вполне оправдалось.

Для более широкой обрисовки нашего процесса приведу еще в заключение отрывок из письма к своему приятелю корнета Петра Николаевича Попова, ныне находящегося в одной со мной палате.

«Отшумел наш процесс. Сидя на скамье подсудимых, я, нельзя сказать, чтобы чувствовал на себе пятно позора. Все мы держались с достоинством. Иначе, собственно говоря, и быть не могло. Нам первым выпало на долю в анархической России громко назваться монархистами. Нелепыми и жалкими казались нам истерические призывы наших обвинителей... к самосуду. Да, это было именно так. Среди них было четыре пятых несомненных иудеев. Но, вдумываясь теперь во все, строя выводы, порой мне кажется, что Пуришкевича судили не за «правизну», а за левизну. Речь его во время последнего слова была шедевром митингового ораторства, но местами мне не понравилась. Мне было грустно, когда он завел волюнку об Императрице Александре Феодоровне и Распутине. Какой это монархизм! Каким контрастом явились, например слова полковника Винберга: “Да, я не изменил своей присяге – я верен в несчастье своему Царю. Голова моя может скатиться на Вашей плахе, но пред Вами не преклонится”...

Моя роль в процессе. Обвинение мое было построено на дезертирстве и участии в монархическом заговоре. О, если б они могли знать про мой разговор с одним из командующих лиц в действующей Армии, перед моим отъездом оттуда. Я приехал к нему верхом:

«Что Вы хотите мне сказать?» – спросил он, когда мы остались наедине. – «Вы верите в мою трусость?» – задал вопрос я. – «Абсолютно нет». – «Тогда я уезжаю с фронта в тыл; там больше работы, а тут – уже все кончено». – «Я Вас понимаю и не удерживаю, и желаю успеха». – Вот вкратце мой разговор с этим лицом. Но возвращаюсь к процессу. Дошла очередь до допроса меня. «Подсудимый, признаете ли Вы себя виновным в участии в монархическом заговоре?» – «Нет, уже потому, что его не было». – «Вы покинули действующую Армию?» – «Нет, действующей Армии я не покидал – ушел из бездействующей». – «Вы монархист?» – «Убеденный». Бобрищев-Пушкин обращается ко мне с просьбой рассказать, в силу чего я ушел с фронта. – «Было лучшее время, и я его помню, так как на войне был с самого начала. Победно шумели штандарты и знамена. Духом победы была проникнута вся Русская Армия, и не было в ней ни розни, ни опьянения лозунгами. Мы любили солдат, видели в них наших младших братьев; они в нашем лице чтили своих начальников. Но вот настали другие времена. Солдату внушили к нам ненависть, подорвали наш авторитет, заставили смотреть на нас как на лютых недругов. С теми, в ком раньше солдаты видели путеводителей и защитников, теперь расправлялись и расправляются солдаты. Преступная работа. Приказ № 1 – первый этап. Следы ее я видел в Калуше и Станиславове, где отход Русских войск сопровождался обещиванием женщин, грабежами, насилиями над жителями, глумлениями над их жилищами и храмами. Вы читали на днях, как брошенные на произвол судьбы орудия мирно покоятся под снежным саваном, и вы чувствуете, что мертвый фронт ждет своей окончательной ликвидации. Я воевал, пока все воевали; уговаривал, когда началось братание, и ушел, когда кончили воевать, заявив, что немец-брат им милее русского».

Едва я кончил, как один из обвинителей, как бешеный, сорвался с места. «Скажите, подсудимый, Вы были во время отступления Русской Армии в 1915 году, когда главнокомандующим был Великий Князь Николай Николаевич?» – «Да, был». – «И что же?» – «Тогда мы умирали, но не сдавались». – «И Вы умерли?» – «Нет, я, как видите, жив, но был контужен, лежал восемь месяцев с парализованными ногами». – «Скажите, подсудимый, существовала ли в Русской Армии того времени порка, были ли расстрелы?» – «Да, были. Я сам помню, как был свидетелем одного случая такого наказания. Пороли за трусость, проявленную в бою. Солдаты были выстроены в каре, и я слышал, как они говорили: “Так ему и нужно, не

покидай товарища в трудную минуту...» – «А были ли случаи когда пороли офицеров? Чтобы Вы сделали, если бы, например, выпорол Вас?» – «Я прошу Вас обойтись без примеров, а господина председателя прошу оградить меня от оскорблений со стороны обвинения, так как я имею Георгия за личную храбрость». Председатель поясняет, что не видит в вопросе оскорбления. Обвинитель повторяет вопрос: «Скажите, офицеры могут, по Вашему мнению, подвергаться порке, или нет?» – «Да, если они являются негодями и изменниками своего слова и чести, они могут быть разжалованы и подвергнуты телесному наказанию». – «Вы говорите, что Вы на войне с самого начала: значит, Вы – враг империализма, враг кайзера?» – «Вы жонглируете понятиями: я враг германцев как врагов на войне». – «А как бы Вы отнеслись к тому, если бы у русского офицера нашли портрет императора враждебной нам державы?» – «Если они сохраняются как память, то трудно иметь что-нибудь против»¹⁰⁰. Обвинитель просит занести в протокол эти слова и о них разгласить в печати.

На этом мой допрос кончился. Больше ничего выдающегося в моей роли во время заседаний не было»...

Наконец-то покончил с моим процессом. Надо было записать все это в свой дневник, а между тем так скучно было вспоминать всю эту непроходимую глупость, и вспоминалась фраза великого Гете: «Mit Dummheit Kämpfen Götter selbst vergebens»¹⁰¹.

18-го еще января пришлось прочитать в газетах, что профессор Розенбах, о ранении которого на улице, около цирка Чинизелли, я записал, скончался от своей раны. Царство ему Небесное. Только один раз видел его, именно на нашем процессе, когда он выступал экспертом по освидетельствованию умственных способностей провокатора Зелинского, больного, умственно расстроенного человека, на провокаторском доносе которого основывалось все наше обвинение. Розенбах прекрасно вел себя на суде. По отношению к боль-

---

* Этот вопрос был задан по следующему поводу: при обыске у одного из подсудимых, барона де Бодэ, были найдены, среди вещей его отца, полковые фотографические группы того полка, которым командовал до войны его отец. Этот полк имел своим шефом императора Вильгельма, а потому, среди групп, попала такая, где изображался германский император, принимающий парад своего полка. Жидок Мануильский вздумал из этого вполне невинного обстоятельства поднять специфический жидовский гвалт (примеч. Ф.В. Винберга).

шевикам держал себя с большой гордостью и брезгливой сдержанностью. Обвинители злились, что все его показания сводились к дискредитированию нашего процесса, и старались говорить ему колкости и дерзости, но все отскакивало от его величавого, презрительного спокойствия, сознания собственного достоинства и крупного научного авторитета. Меня не удивило бы, если б трагическая кончина его оказалась связанной с большевистской досадой, испытанной на нашем суде по поводу его выступления.

За эти последние пять-шесть дней в религиозной жизни русского народа знаменуется кризис, только нарождающийся, но могущий повлиять могучим и грозным для революции вообще и для большевиков в частности фактором.

Записанное уже мною начало конфликта между правительством Смольного монастыря и Александро-Невской Лавры разрослось за эти дни в крупное событие, получившее уже всероссийское значение¹⁰². Посягательства большевиков на права митрополита Вениамина, на Лавру и права самой Лавры вызвали среди петроградского населения, бывшего так долго таким выносливым, покорным, апатичным, волнение, для северной столицы совершенно небывалое, особенно если принять еще во внимание, что среди жителей Петрограда людей, ревностно относящихся к вопросам веры и Церкви, гораздо меньше, чем в любом другом городе России. Появление третьего дня у митрополитских покоев красной гвардии и солдат, вызов по набату толпы защитников народных святынь, смертельное ранение отца Скипетрова, вышедшего к солдатам со словами успокоения и увещевания – все эти факты, дающие основание ожидать повсеместного подъема религиозного чувства в отягощенной грехами душе русского народа. Энергичный, решительный в самоотверженной готовности к мученичеству голос Патриарха Всея Руси должен быстро разнестись по всей России и пробудить народ пойти по пути к рассвету, раскаянию и очищению. У нас в Петрограде первый импульс этому движению дал церковный совет Стремянной церкви, за что вполне справедливо следует воздать честь и хвалу духовенству этой церкви во главе с достойнейшим настоятелем ее, отцом Павлом Лахотским.

Как говорят, назначенный на сегодня крестный ход собрал громадные толпы народа, направлявшиеся к Александро-Невской Лавре. Правительство большевиков поняло свою страшную ошибку, поняло, что переучло свои силы и свой авторитет и слишком рано раскрыло свои карты, направив свой явно враждебный поход

против народной веры. Недаром во главе управления Россией, везде и во всех отраслях, стоят евреи. Этот народ, умеющий успешно отравлять зловонным ядом своим живые соки чуждых им народов и использовать выгодные условия, чтобы захватить в свои руки верховенство над страной, к своему несчастью и к великому нашему утешению, отличается исключительной заносчивостью, требовательностью и страстностью в своих конечных стремлениях; раз только закружится у них голова в угаре достигнутого успеха, то чувства меры, осторожности и трусливой расчетливости, так свойственные им до момента торжества, сменяются упоением победы, с близорукой самоуверенностью и нахальством.

И у нас в тюрьме нашей новые события получили довольно яркое отражение. Декрет «Коллонтайши»¹⁰³ об отделении Церкви от государства¹⁰⁴ поставил причт нашей тюремной церкви в тяжелое положение, лишив его всякого вознаграждения за службу и за исполняемые ими требы.

Мы, политические заключенные хирургического отделения, очень живо все приняли к сердцу создавшееся положение. Собравшись и обсудив вместе с нашим тюремным священником все новые обстоятельства, мы решили, что общей складчиной обеспечим содержание церкви и причта на нынешний год и подадим заявление начальнику тюрьмы о желании нашем сохранить возможность пользоваться нашей церковью как мощной нашей поддержкой и утешением в выпавшей нам доле. Со стороны всех обитателей нашего отделения такое отношение к общему, святому делу нашей народной Церкви встретило полное сочувствие. Бывшие министры Коновалов, Третьяков, Смирнов, Салтыков и, в особенности, бывший обер-прокурор Синода – Карташев, приняли все более или менее горячее участие в обсуждении создавшегося положения и мер, могущих быть нами принятых для парализации тактики Совета народных комиссаров, слишком явно проявившего свой антинациональный, антихристианский, специфически еврейский характер.

В общих обсуждениях участвовали все, кроме генерала Черемисова, живущего вообще особняком и, по правде сказать, даже нами не приглашенного на это совещание: сделано это было скорее по забывчивости, по установившемуся порядку вещей, но отнюдь не по какой-либо тенденциозной, предвзятой мысли.

К следующему дню уже выяснилось из выраженного политическими арестантами всех отделений тюрьмы «Крестов» желания взять на себя поддержание церкви и ассигнованной каждым из них

суммы, которую мы можем пожертвовать на эту благородную цель, что годовое содержание церкви и притча, выражающееся в цифре около четырех тысяч рублей, будет вполне обеспечено одними взносами только политических.

Степан Петрович Белецкий взял на себя обойти всех заключенных нашего отделения с подписным листом и, разумеется, не пропустил также и генерала Черемисова, которому объяснил суть дела и предложил, при желании, участвовать в нашей подписке. Черемисов сначала выразил сочувствие и согласие и подписался на какую-то сумму, но вскоре после того побежал к Белецкому и попросил вычеркнуть его имя на листе, но принять предназначенные им деньги. Белецкий поступил очень правильно, исполнив желание Черемисова, т. е. вычеркнул его имя, но вместе с тем и отказался от его денег. Вот случай, дающий возможность убедиться, какие мелкие людишки стали за последнее время копошиться не на низах, где было бы их настоящее место, но на верхах нашей общественной жизни.

Про генерала Черемисова, лично до сих пор мне совершенно незнакомого, я слышал много нехорошего, особенно в отношении его приспособляемости ко всякому режиму, ко всякому влиянию данного момента и его недостойной, антидисциплинарной линии поведения в отношении Корнилова и такого рыцаря чести и благородства, без сучка и без задоринки прожившего свою честную жизнь и по заслугам отмеченного блестящей военной вообще и боевой репутацией, как генерала Деникина.

Впервые увидев Черемисова здесь, в нашей тюрьме, я вынес впечатление плачевное о внешнем его виде: такие ли были у нас прежде главнокомандующие, как этот маленький, мизерный господинчик, с видом шофера или машиниста, или в лучшем случае, волостного писаря. Я старался подавить в себе такие эстетические ощущения, отдавая дань нашему демократическому времени и, как можно видеть из содержания моего дневника, до сих пор воздержался отмечать такого рода свои впечатления, опасаясь собственной своей возможной пристрастности и предубежденности. Но теперь этот маленький человечек выказал очень естественную для него слабость своей маленькой души, этим самым дав мне повод коснуться очень крупного по своим последствиям отрицательного явления нашей современности, и потому-то я считаю необходимым заняться этой маленькой фигуркой на плоскости русской жизни, хотя сама по себе такая фигурка не заслуживала бы внимания.

Мало что на свете возбуждает во мне такое презрение, как проявление душевной дряблости. Особенно теперь, когда требуется понимать, что в переживаемую нами эпоху необходимо, для спасения России, действие и интенсивное возрастание героических вдохновений души человеческой, всякий знак гражданской трусости, осторожной обывательщины вызывает во мне крайнее негодование, а главным образом, когда с подобными чувствами оказываются люди, претендующие выскочить на первостепенные роли. Можно сочувствовать или нет борьбе за свободу совести, стремлению отстаивать духовные богатства народа, но нельзя и зорно оставаться на полдороге, быть ни холодным, ни теплым, оглядываться с опаской по сторонам и в своих поступках руководствоваться соображениями о своих личных безопасности и благополучии.

Какой мелкий и ничтожный должен быть тот, кто боится открыто, честно сознаться в своих искренних чувствах и подписать свое имя под тем, чему в глубине души сочувствует. Говорят, Черемисов окончил Академию Генерального штаба чуть ли не первым: пусть бы две и три таких академий он кончил с тем же успехом, но этот успех несколько не помог бы такому человеку быть полезным слугой своей Родины на высоких командных постах, быть производительным элементом в общем запасе государственных сил. Наши прежние, кстати сказать, умевшие побеждать, генералы были, наверное, менее учеными, но чувством чести, стойкостью, твердостью и верностью своим идеалам были неизмеримо богаче, а потому и справедливо, что чистые имена их почетно вписаны на страницы нашей истории. В том-то и беда, что наша Академия Генерального штаба как раз создавала и культивировала такой тип военных, противоречащий понятиям о военной доблести: если их не было так много в Армии, труднее было бы эту Армию развалить и уничтожить.

Само собой разумеется, что на подписном листе я свою подпись поставил без колебания, и мне в голову даже не пришла мысль о какой-либо вследствие сего опасности. Соображения о моем скомпрометированном общественном положении монархиста, о возможности самосудов, о придирках большевиков – никак не могли иметь значения для меня там, где было дело совести и сознаваемого мной долга перед Родиной. Таким же образом поступили и Белецкий, и Хвостов, и Кованько, и Кормилицын и все вообще, стоящие в своих политических взглядах правее кадет. К большому моему удивлению, у наших «министров» Временного правительства вышла заминка: они сочли неудобным, ввиду своего рискованно-

го положения или каких-то партийных соображений, дать свою подпись, но, оставаясь анонимными, выразили сочувствие и собрали крупные деньги, причем за них всех коллективно подписался Бурцев. Я нахожу, что они вполне последовательны и верны себе, сохраняя одинаковую повадку, какой и раньше держались: прежде, из-под полы, осторожно давали деньги на революцию, теперь так же осторожно дают деньги на поддержание Православной Церкви. И таким, и подобным им людям было вверено управление Россией! И такие люди, с таким гражданским мужеством, взяли на себя дело спасения России! Я нахожу, что Керенский, достаточно наблудивший и в минуту опасности удравший, спасая свою шкуру, является верной собирательной характеристикой своих сотрудников, помощников, всех вообще революционных сподвижников.

Надо сознавать каждому, и в этом отношении я высказываюсь без всякого пристрастия, без всякого злорадства – революция среди своих деятелей не показала нам до сих пор ни одного сильного человека, тех душевных и нравственных качеств, которые могли бы привлекать к себе сердца и поставить человека на пьедестал признанного общественного доверия и уважения, которого могла бы увенчать своим признанием чистая народная любовь. Поразительно, какие все мелкие и маленькие люди фигурируют. Сегодня по поводу осторожности, проявленной нашими «министрами» в отношении своей подписи, даже такой мягкий, сдержанный, всегда, по крайней мере на словах, снисходительный человек, как Степан Петрович Белецкий, заметил мне: «Хотя нас, деятелей старого режима, все бранят и поносят, но надо сознаться, что мы в нашей деятельности были храбрее и имели больше гражданского мужества: исполняя свой долг, мы и на верную смерть умели идти последовательным проведением часто опасной политики, но с пути своего служебного долга не сворачивали»...

22 января

Сегодня с большим интересом и еще большим удовлетворением слушал рассказы о состоявшемся вчера на улицах Петрограда грандиозном крестном ходе. Пришлось даже говорить с непосредственным зрителем всей манифестации, принимавшим в ней участие. С утра из всех петроградских церквей пошли крестные ходы; даже из пригородов и ближайших к Петрограду деревень большинство приняло участие в этом публичном выступлении людей, впер-

вые, со времен революции, настроенных не так, как учили их партийные вожди, а как сердце подсказывало их возрождающемуся русскому духу. Общим сборным местом была площадь Казанского собора, у которого митрополит Вениамин благословлял приходящие делегации. Вся площадь скоро оказалась тесно покрытой толпой во много тысяч человек, и над головами их засиял лес бесчисленных икон и хоругвей!

Когда кончился сбор делегаций от всех храмов Петрограда, процессия двинулась по Невскому, в направлении к Александроневской Лавре. Вся улица была сплошь заполнена участниками манифестации. Порядок соблюдался образцовый, так что было возможно даже не приостанавливать трамвайное движение. Еще во время моления у Казанского собора рассказывавший мне очевидец говорил, что на него произвел громадное впечатление тот общий вопль, который вырвался из молящейся толпы: «Спаси нас, Заступница наша, устрой нас, Владычица...» Рассказчик, по словам его, даже удивился, когда слезы умиления градом потекли у него по лицу под впечатлением, произведенным на него этой толпой, когда, сокрушаясь и плача, она, в восторженном молитвенном порыве, принесла Матери Божией свои скорби, свои исстрадавшиеся души, свое отчаяние и свою надежду, свою исповедь и свое раскаяние. Вся эта патетическая картина производила особенно сильное впечатление именно здесь, в огрубелом, отягощенном кровью и преступлениями Петрограде.

Во время шествия процессии чувствовалось, что эта молитвенно настроенная толпа являлась вместе с тем и настоящей, могучей властительницей города, и горе было бы тому, кто чем-нибудь дерзнул бы оскорбить или ее или просто не оказал должного уважения ее настроению: тогда эта смиренная, соблюдающая порядок толпа могла бы в один миг преобразиться в разгневанного льва и смести и Смольное правительство¹⁰⁵, и все дела рук его. Как слышно, большевики это поняли и держали себя «тише воды, ниже травы». Все встречные прохожие, даже так изнахальничавшиеся за последнее время евреи, при прохождении процессии обнажали головы. Говорят, были отдельные случаи, когда проходили с покрытой головой, но из толпы раздавался властный, повелительный крик – «шапку долой!» – и неосторожный смельчак моментально срывал с головы своей шапку.

С давно не испытанным чувством отрады и упования выслушивал я все эти рассказы. И представилось мне злое, мрачное, дышащее ненавистью жидомасонство в виде нашего древнего сказоч-

ного Змея Горыныча, нагрянувшего на зазевавшуюся распустеху-красавицу, нашу родину Россию, и подпойвшего ее дьявольским зелием своим, и разорвавшего весь богатый наряд ее, и пустившего ее, простоволосую, чужим людям на поругание. И хочется крикнуть лютому Змию: «Не за свой ты кус принимаешься – этим кусом ты подавишься»...

Я верю и чувствую уже давно, что отрезвление и освежение России начнутся с того момента, когда кающийся и взволнованный народ повалит в Божию Церковь, и когда улицы городов русских заполнятся и зашумят в молитвенных песнопениях духовными процессиями и крестными ходами. Кажется, что начало этого благодатного момента приступает, что близится уже перелом настроения народного, зарожденного на безвинно пролитой крови духовного пастыря, отца Скипетрова. Дал бы Бог, чтобы я не ошибся, чтобы действительно зачинался великий сдвиг Руси от зла и тьмы к Добру, Свету и Правде...

23 января

Когда я жил не в комфортабельных условиях, которыми мы пользуемся здесь, в хирургическом отделении тюремного госпиталя, а во 2-м корпусе «Крестов», где было довольно-таки неудобно, холодно и грязно, я познакомился с очень интересным человеком, также политическим заключенным, Николаем Николаевичем Х., бывшим редактором архиепископской газеты, убежденным монархистом, очень преданным и ревностным сыном Православной Церкви¹⁰⁶. Вспомнил сегодня о нем и жалею, что лишен его общества, так как теперь с ним совершенно разъединен и только в субботу, на всенощной, и в воскресенье, на обедне, встречаюсь с ним в церкви. Этот Х. питает пламенную вражду к евреям и все напасти, все несчастья России ставит им в вину. Будучи вообще человеком образованным, с университетским образованием, он в этой своей специальности, в своем юдофобстве, обладает исключительной эрудицией: чрезвычайно интересно слушать его объяснения и доказательства по этому вопросу. Во всяком разговоре он обыкновенно нет-нет, да и свернет на любимую свою тему о кознях евреев и их противохристианских тенденциях, об их ненависти не только ко всему христианскому миру, но, в частности, именно к России как к бывшей носительнице ярко выраженного монархического принципа, являвшегося всегда оплотом и защитой Церкви.

Подметив такую слабость милого Николая Николаевича, я часто подсмеивался над ним и поддразнивал его, хотя и вполне был согласен с большинством его взглядов.

Я особенно чувствую и сознаю правоту несколько экзальтированных мнений Николая Николаевича именно теперь, когда вспоминаю всю ту злобу и ненависть, которые выказывали нам, подсудимым, евреи – обвинители наши. Нельзя также не остановить, с дрожью брезгливого отвращения, своего внимания и на том факте, что все ответственные служебные посты большевистского правительства заняты евреями, и как же радуются жидки своему значению, захваченному наскоком в ополоумевшей стране, и как они наслаждаются тем, что могут проявлять свою власть и свое влияние! Думаю, что жидки поступили неосторожно и зарвались, так быстро обнаглев и так высоко подняв голову, и при этом не выдержали искушения, не придержались «мудрой» постепенности, а сразу приступили к своей заветной цели и предприняли слишком рано, еще не dokonчив порабощения русского народа, свое энергичное нападение против Христианской Церкви. Они, кажется, в своем упоении достигнутым успехом не понимают, что, чиня обиды Церкви, они совершают в отношении собственных своих интересов большую глупость, ибо вызывают негодование народа и пробуждение его религиозного чувства.

Встретившись на днях с моим милым другом-юдофобом, я пошел к нему, шутливо низко поклонился и сказал: «Простите меня, грешного, что я подсмеивался над Вами, поддразнивал и не всегда соглашался со всеми крайностями Ваших теорий. На будущее время обещаю во всем Вам верить: по первому Вашему слову поеду в Бердичев взрывать этот “стольный град” русского еврейства»...

Какой-нибудь еврейчик прочитает, пожалуй, эти строчки и расславит меня «свирепым погромщиком», не поняв или, верней, не захотев понять моей шутки. Но он ошибется. Я бы был сторонником еврейских погромов, если б жертвами их становились настоящие виновники несчастий христиан, т. е. крупные евреи, причастные к жидомасонским заговорам. На деле же мы видим другое: страдают труженики-ремесленники из еврейской бедноты, которые в массе своей честнее, добросовестнее и почтеннее, нежели русские ремесленники и рабочие; им я никакого зла не желаю, а потому являюсь противником погромов. Низшие классы евреев, в большинстве своем горячо верующие и религиозные люди, благоговейно соблюдающие обряды своей религии, стре-

мятся жить согласно истинным Божиим заветам и не ведают, и не подозревают, что пути, которые им указывают их вожаки, ведут не в светлые области Добра, но в пучины и дебри тьмы и зла, в бездну сатанизма.

24 января

Н написал про многих «жителей» хирургического отделения очень талантливые стишки, в которых очень верно подмечены характерные черты каждого. Привожу некоторые из них.

Генералу Черемисову

*Всем мерзавцам в назиданье,
Под замочек крепко сев,
Ты привлек мое вниманье,
Неудачный Главкосев¹⁰⁷.*

*Сслуживцев продавая
И поштучно, и на вес,
С комитетами играя,
Ты к Керенскому пролез.*

*За спиной его, в советы
Донесения писал;
Большевистские газеты
По полкам распространял.*

*Но с Крыленкой не поладил,
В Главковерхи захотев!
Он с тобою живо сладил,
И попался Главкосев...*

*Главкоюзы, Главкозаты¹⁰⁸,
Предававшие Царя,
Крепко вас зажали в лапы
Ваши левые друзья!*

*Демократы-офицеры,
Опалил вас красный цвет...
В тюрьмах славные эсеры
И министры из кадет...*

*И у всех одна забота:
Как отпраздновать тебя,
Юбилей переворота,
«Светлый праздник Февраля!»**

Кто видел в тюрьме отталкивающую фигуру Черемисова, с видом избитой собаки, которая ищет одиночества и избегает общения, тот должен согласиться, что эти стихи очень удачны.

Не говоря уже о жалком внешнем виде сего генерала, но даже и его большие умственные дарования, его работоспособность и прилежание, по-видимому отмечающие его, тем не менее не исключают недопустимости, чтобы такой человек мог занимать высочайший, ответственный пост, ибо ни в государственном управлении, ни в командном составе Армии не должно быть места на верхах власти человеку с низкой и мелкой душонкой, хотя был бы он семи пядей во лбу.

Я не люблю Горького, но в данном случае вспоминаю его слова: «рожденный ползать летать не может»...

Я приведу еще стихи про Третьякова, о котором я говорил уже, описывая его рассказ, как он был удивлен и огорчен тем, что, когда он и его товарищи попали в крепость, то министры-социалисты, освобожденные большевиками, так легко позабыли о своей солидарности с министрами торгово-промышленной партии.

Сергею Николаевичу Третьякову

*Вырос я в семье миллионной
Льнопрядильных богачей,
Поклонением окруженный
Прихлебателей-друзей.*

*Были тут и адвокаты,
И певцы, и доктора, –
На подбор все демократы
Иудейского нутра.*

---

* Здесь намек на бывшие между горе-министрами «Российской республики» разговоры о том, что, хотя они и сидят в тюрьме, но должны как-нибудь ознаменовать празднование приближающейся годовщины вызванного ими 27 февраля 1917 года мятежа (*примеч. Ф.В. Винберга*).

*И они мне говорили:
«Русь давно тебя ждала.
Пусть отцы и деды были
По трактирам зеркала ..*

*Ты же призван угнетенье
Вместе с нами сокрушить,
Вместе умереть в сраженье
Или вместе победить!»*

*И, миллионов не жалея,
Наше русское добро
Мы с жидами не краснея,
Разрушали заодно.*

*За убийства офицеров
И семейств городских
Извиняли мы эсеров
И винули их самих;*

*И за счастье почитали
У Керенского служить
А когда сбежал, каналья, –
В крепость с Масловым трусить.*

*Но союз наш тут распался:
Он, в слезах, ушел домой;
Я же – узником остался,
Без копейки за душой...*

*И приходится с Белецким
И с Хвостовым в винт играть!
Эх! Мозгам замоскворецким
Лучше б ситцем торговать..*

Хотя это и зло, но заслуженно и кстати, ибо действительно наши миллионеры очутились в очень забавном и глупом положении, которое так и просится в карикатуру. И никого они и винить не могут за свои злоключения: сами во всем кругом виноваты. Они давали миллионы на «развитие и расширение» революции, а эта самая революция, расширяясь, постепенно срывала мечту за мечтой с радужного венка их розовых надежд и честолюбивых грез; она отнимала у них банки, фабрики, дома и имения; вместо радостей удовлетворенного тщеславия наполняла их души горькими разочарова-

ниями; угнетала их страданиями и меланхолическими думами об угрожающем полном разорении; наконец, ввергла их в тюрьму с перспективой самосуда.

Какой беспощадно злой насмешкой оказалась революция для несчастных московских честолюбцев. Я особенно жалею Сергея Николаевича Третьякова, так несчастливо споткнувшегося на своем жизненном пути, так как он мне нравится своей изящной внешностью и располагающей к доверию наружностью. Кроме того, все, что я слышал о его способности отлично вести свои крупные дела, о его дарованиях – заслуживало бы лучшей доли. Жаль, что он не остался верным своему делу, такому жизненному и творческому, имеющему такое огромное государственное значение, а бросился в бездарную и преступную авантюру, погубившую Русское государство.

Хочу еще записать стихи, посвященные Александру Ивановичу Коновалову, товарищу и другу детства Третьякова.

Чтобы был понятен смысл этих стихов, следует пояснить, что отец Александра Ивановича был во главе очень крупного дела и оставил сыну сорок миллионов. Это был московский купец, умный, деловитый, старого закала, которому новые порядки были бы совсем не по душе.

Александру Ивановичу Коновалову

*Тень Ивана Коновалова
Появляется в «Крестах»,
Ищет он сыночка шалого,
С бранью громкой на устах:*

*«Ну, когда б чужими кронами
Ты, как Горький, рисковал, –
Нет! Своими же миллионами
Под собою сук ломал!..*

*И потом еще, святители! –
Сплюнул даже старичок –
К проходимцу в заместители
Затесался дурачок.*

*Вместе с «Бабушкой», с Черновыми,
Став в жидовский хоровод,
Повели путями новыми
Одураченный народ...*

И до нужника вонючего
Та дорога довела...
Эх, не смыть стыда горючего
С англоманского мурла!*

Следующее стихотворение посвящено Сергею Николаевичу Салтыкову, успевшему за время революции, по освобождении с каторжных работ, пребывать иркутским генерал-губернатором, товарищем министра внутренних дел и... сидельцем тюрьмы: вышел заколдованный круг – с чего начал, тем и кончил; впрочем, он сегодня освобожден. Думаю, что освобожден он ненадолго, ибо по природным и благоприобретенным свойствам своим принадлежит он к разряду существ, предрасположенных к тюремному образу жизни и лучше всего для такой жизни приспособленных.

Я уже писал о впечатлении, произведенном на меня Салтыковым при первой встрече, но теперь должен свою характеристику дополнить. По происхождению вятич, он является продуктом смеси кровей тюркской, финской и славянской и характером своим вполне отвечает особенностям типа финского племени: сумрачный, прямолинейный, узкий и односторонний, в домашней жизни, вероятно, заботливо-хозяйственный и домовитый, маленький человек с маленьким кругозором и мелкого масштаба. Этого социал-демократа, считающегося одним из вожаков своей партии, никак не приходится сравнивать с орлом, одним могучим взмахом своих царственных крыльев взлетающим в поднебесья.

Насколько я слышал, он, как журналист, имеет репутацию кропотливо-аккуратного работника, ловко и ехидно умевшего подпускать нелегалщины в свои фельетоны. Весь он пропитан программой своей партии и держится ее, «аки стены». В партии социал-демократов пользуется, кажется, большим значением и влиянием. Он великолепно характеризует тип тех, кто называется у революционеров пошлым термином «дельного партийного работника». Насмотрелся я на этих жалких, скудоумных и тупоумных «партийных работников» и пришел к прискорбному, унижительному заключению, что мы-то, правые, защитники настоящей, могучей и благо-

---

* Воспоминание о том благовонном месте, куда, в первый день своего пребывания в «Крестах», были засажены тюремным начальством для ночевки злополучные «министры», ради спасения их от самосуда (*примеч. Ф.В. Винберга*).

денствующей России, очевидно, ломаного гроша не стоили, раз это ничтожество, это убожество могло нас победить?

По справедливости, должен оговорить мое строгое суждение, если не в оправдание, то в умаление унижительность нашего поражения: победили нас не эти ничтожные партийные людишки, бывшие только слепым орудием, но использовавшие их злые и могучие силы жидомасонства. Но и в таком объяснении я не нахожу для нас оправдания. Всеми импульсами души, всей твердыней своего убеждения, я верую и сознаю, что наше дело есть правое дело, дело чести, добра и справедливости, настоящее дело истинной Божией Правды. Но в таком случае как же смеем мы быть слабее нашего врага и не умеем бороться с ним могучим оружием!

От затронутой вскользь большой темы возвращаюсь к маленькому Салтыкову. Я думаю, что он, сам по себе недурной человек, но в государственной или общественной деятельности очень вреден, как узкий и неумолимый фанатик, всегда ходящий в «партийных шорах» и с обсиженного насеста своего партийного курятника неспособный мало-мальски сложного вопроса охватить широким лётном трезвой государственной мысли. Таких людей на пушечный выстрел нельзя подпускать к делу государственного строительства.

Не далее как вчера Салтыков меня позабавил. Казалось бы, что поднятие народного духа, выразившееся во время состоявшегося на днях крестного хода, должно заинтересовать каждого, кому дороги те или другие благородные движения народной души, а в том числе и социал-демократа Салтыкова. Но, видно, катехизис социал-демократии к такого рода движениям относится отрицательно. Только этим предположением могу объяснить себе, почему Салтыков, когда я, приняв невинный и наивный вид, спросил его, читал ли он в газетах об общем воодушевлении, вызванном религиозной демонстрацией – ответил мне только каким-то неопределенным мычанием и скорчил такую рожу, как будто бы я его угостил чем-нибудь очень кислым. Нижеследующие стихи, посвященные Салтыкову, очень метко характеризуют очередную жертву нашего тюремного поэта.

Сергею Николаевичу Салтыкову

*Ростом и с лица обиженный,
Всем завидуя другим,
Жил я злобный и приниженный
Видом пасквильным своим.*

*Ненавидел Русь привольную
И могучий рост ея,
Агитацию подпольную
В фельетонах проводя.*

*На дробление Отечества
Под жидовский идеал
Я с Московского купечества
Много денег понабрал.*

*Соблазнил их обещанием:
«Министерства – пополам!»
Щегольнуть образованием
Захотелось дурачкам.*

*И в конце концов явилась
Долгожданная «весна» –
Сожжена и развалилась
Вся великая страна...*

*Трехнедельное правительство
Разлетелось, как прах;
С их степенствами на жительство
Поселился я в «Крестах»...*

*Плачу я от их предательства –
Чуть в глаза мне не плюют
И на «горькое»* издательство
Ни гроша уж не дают.*

*Не поладишь с самодурами:
Плачут громче моего,
Что они с мануфактурами
Опустились на дно.*

Наш талантливый поэт, который как блины, печет свои, всегда удачные и остроумные стихи, написал еще эпиграмму на моего сожителя по камере, Александра Михайловича Кондратьева. На нем, как на председателе «Союза союзов», лежит главная ответственность за саботаж чиновников, прошедший успешно в большей степени благо-

---

* Салтыков участвовал в издании Максима Горького (*примеч. Ф.В. Винберга*).

даря его кипучей энергии. Хотя немного слишком ядовито и придиричиво, но поэт наш удачно схватил общий силуэт Кондратьева. Я отхоплю к Александру Михайловичу с очень большой симпатией, так как нахожу его неглупым, дельным, а главное, чрезвычайно добрым человеком: это последнее качество я особенно ценю в людях. Однако не могу не признать, что Кондратьев страдает некоторыми недостатками, свойственными вообще русской интеллигенции и являющимися последствиями беспочвенного, теоретического и тенденциозного либерализма, который так тщательно вбивался в русские умы и так систематически отчуждал русских людей от насущных, основных запросов действительности. Но Александр Михайлович, в либерализме своем, никогда не примыкал к крайним течениям и некоторую свою беспочвенность выкупал своей большой работоспособностью, которая, в соединении с присущими ему добросовестностью, энергией и знаниями, делает его ценным деятелем как на государственной, так и на общественной службе. В настоящее время он правит не по дням, а по часам. Я подшучиваю над ним, что, бывши до революции юдофилом, он теперь делается таким юдофобом, что может приступать прямо к «погромной деятельности». Привожу эпиграмму, ему посвященную беспощадным нашим тюремным поэтом.

«Я»

*«Пять учебных заведений
Начинали разум мой:
Из другого б вышел гений;
Из меня ж – крикун пустой.»*

*Ведь, в дырявую лоханку,
Сколько знаний не вливай –
Все я понял наизнанку,
Все смешал, как попугай.*

*“Председателем союзов”
Я с овацией прошел
И до носки тяжких грузов
Всех немедленно довел.*

*Пусть чинуши голодают,
Исполняя мой совет:
Ведь меня в «Крестах» питают;
До других – мне дела нет».*

Наконец, и другой мой сожитель по камере, сожитель милый и симпатичный, бывший командующий V армией генерал Василий Георгиевич Болдырев, стал также жертвой злой музы нашего поэта. Я надеюсь, что ни Кондратьев, ни Болдырев не будут на меня в претензии, что, несмотря на личные симпатии мои к обоим, я не делаю исключения и для них и записываю шуточные стихи, посвященные и им. И тот, и другой в настоящее время попали на видное общественное положение, при котором эпиграммы, карикатуры и другие печатные вольности делаются допустимыми.

К двум генералам, Болдыреву и Черемисову, бывшим командующим уже революционных армий, попавшим вместе со мной в наше хирургическое отделение, я отношусь совершенно различно: генерала Болдырева не могу сравнивать с генералом Черемисовым. Хотя и Василий Георгиевич по своим политическим убеждениям и взглядам во многом расходится со мною и моими убеждениями и идеалами, но я его уважаю и искренно отношусь к нему хорошо. Болдырев, несомненно, в действиях своих руководится горячим патриотизмом и честными правилами жизни; ни честью своей, как он понимает ее, ни достоинством никогда не поступится; когда нужно, умеет проявить не только воинское, но и гражданское мужество. Как начальник, он, по-видимому, умеет быть энергичным, находчивым, властным и распорядительным. Немного неприятно в нем то, что чувствуется большое самодовольство и излишнее преклонение перед собственной особой; но эти черты, к сожалению, присущи вообще очень многим офицерам Генерального штаба, а у него как раз они благополучно скрадываются умением беспристрастно оценивать и положение, и людей, с которыми жизнь заставляет его встречаться. Вообще, насколько я мог судить по нашему знакомству, у него должно быть гораздо больше достоинств, чем недостатков. Вот только я не знаю, какую роль он играл в Штабе подлого предателя Рузского¹⁰⁹: этот вопрос, разумеется, является кардинальным и составляет главное основание для правильного суждения о человеке.

Стихи, которые я привожу, злы, но метко схватывают главные штрихи.

Василий Георгиевич Болдырев

*«До Его Превосходительства
Дослужившись из крестьян,
Я в Керенского правительство
Вдруг поверил, как баран.*

*И когда, народной волею,
Принужден он был бежать,
Сразу новому подполью
Не решился угождать.*

*Но оно меня скорехонько
Из начальства – да в «Кресты»!
И сидеть мне здесь тошнехонько –
Вянут красные мечты...*

*Те мечты, что с Академией,
Как профессор, разделял,
Я зову уж эпидемией,
Вызывающей развал;*

*И готов уже с жандармами
Учинить переворот,
Испытав, как с командармами
Обращается народ.*

*Победители февральские,
Чтобы пусто было вам!
Эх! Погоны генеральские...
Показал бы я жидам!»*

25 января

Сегодня день рождения Ниты и Санды, моей жены и моей старшей дочери¹¹⁰, которой пошел шестнадцатый год. Ради войны, на которую нас призвал наш Верховный вождь, Государь Император, я был готов на какие угодно жертвы и, конечно, безропотно переносить трехлетнюю разлуку с семьей; но мысль, что я теперь, из-за каких-то «красных обезьян», лишен свободы, семейной жизни и всего того, что мне дорого, – сводит меня с ума. Кажется мне, что тяжело придется «красным обезьянам», когда настанет мой час...

Со времени объявления войны я нахожусь постоянно вдали от моей семьи. За это время двое старших моих детей, сын и дочь, успели перейти из детства в юношество, а маленькая Бэби стала уже семилетней девочкой; и весь этот знаменательный период времени прошел в мое отсутствие, вне моего влияния и воздействия.

Для счастья, славы и могущества Родины я радостно нес подобные испытания, но когда подумаешь, к чему привели эти жерт-

вы благодаря подлости русского народа, когда вспомнишь, что проходимцы и мерзавцы, именовавшие себя «верховными главнокомандующими», Керенский и Крыленко, довели Россию и Армию до последней степени позора – то не находишь слов, чтобы выразить свое негодование, сожаление и отчаяние, что пришлось «разметать бисер перед свиньями», что приходится принадлежать к такому народу, каким наш себя ныне показал.

Прямо помимо воли, но обстоятельства так складываются, что нет-нет, да вспомнишь опять о пархатом племени, представители которого правят Россией во всех отраслях управления. Только что мне рассказали, что начальником 2-й гвардейской Кавалерийской дивизии, которой когда-то командовал мой отец, назначена «товарищ Сарра». Я прослужил 19 лет в этой дивизии, в рядах Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка: в то время, в злейшем кошмаре, мне не мог присниться такой нелепый ужас, что будто бы подлая жидовка могла стать во главе дивизии.

Впрочем, я не о «товарище Сарре» хотел говорить. Дело в том, что наша тюрьма подчинена власти не одного человека, а целых трех: начальника тюрьмы, капитана Васкевича, комиссара Павлова, рабочего какого-то завода и, наконец, члена следственной комиссии, откомандированного в нашу тюрьму, еврея Модля.

Этот Модль, тотчас после переворота, приехал из Америки, чтобы разделять со своими единоверцами почести, власть и господство над Российским государством, собственной волей русского народа преданным под жидовское ярмо. Модль производит впечатление необразованного, глуповатого еврейчика, вероятно, какого-нибудь фармацевта; одет он с большою претензией и типичным жидовским безвкусием; украшен пунцово-красным галстуком, служащим, вероятно, вывеской его революционных убеждений.

Такого типа еврейчиков можно было раньше часто встретить в любом уездном или даже губернском южном городе, среди факторов гостиниц: они доставляли по желанию путешественников, останавливающихся в гостиницах, и папиросы, и газеты, и «живой товар», и исполняли всякого рода поручения.

Наш Модль у нас бывает редко: во время своих посещений он во всей своей фигуре сохраняет отпечаток того самодовольства, которое ему доставляет сознание своего высокого и влиятельного положения. Многие из моих товарищей по несчастью с ним здороваются, пожимая руку; я пока благополучно избегаю этой церемонии.

Он – совсем еще молодой жидок. По отношению к нам, при встречах, он старается изобразить на своем лице вежливость высшего тона и предупредительность, вместе с величием снисходительного большевистского сановника.

Так вот этот Модль вступил теперь в борьбу с другим представителем власти, комиссаром Павловым, причем неприязненные действия между обоими «сановниками» начались по следующему поводу.

Декрет «Коллонтайши» об отделении Церкви от государства нашел, разумеется, благодарный отклик в сердце каждого еврея, а в том числе и нашего Модля. Преисполненный радости, торжества и восторга, наш шустрый, но глупый и бестактный жидок пожелал как можно скорее применить к жизни эту реформу, которая давала ему возможность поглумиться и потешиться над христианской святыней, бывшей до сих пор в России неприкосновенной и недосыгаемой для жидовской наглости.

Модль осмелился обратиться к нашему священнику и заявить ему, что, ввиду уничтожения церковных штатов и лишения церковного причта всякого казенного содержания, ныне богослужение в тюремной церкви должно быть уже прекращено, а потому сама церковь от ведения священника должна отойти; он же, Модль, имеет на эту церковь особые виды: по его разъяснениям, она должна быть использована для разных других целей, как то митингов, лекций, кинематографических представлений и других увеселений, которые он, Модль, будто бы имеет в виду организовать для уголовных арестантов.

Можно себе представить, как подействовало на нашего почтенного батюшку перешедшее всякую меру нахальство обнаглевшего, в конце забывшегося, гнусного жида.

Постановление политических заключенных о том, что они берут на себя содержание церковного причта, причем нужные для этого деньги были собраны на целый год вперед, – это обстоятельство лишило глупого, в конце концов, жидагу возможности использовать выгодный момент: богослужение в тюремной церкви оказалось обеспеченным по 1 января 1919 года¹¹¹. Но Модль не захотел сразу признать себя побежденным и окончательно отказаться от удовольствия поглумиться над христианами: он заявил Павлову, что он намерен устраивать в церкви, в свободное от богослужений время, публичные лекции. К счастью, Павлов, хотя и революционер, и большевик, однако сохранил, по-видимому, остатки русской совести и русской чести: и эта вторая жидовская попытка

не удалась, встретив резкий отпор комиссара. Павлов заявил, что, пока он состоит комиссаром тюрьмы «Крестов», он не допустит такого глумления над Православной Церковью.

Русский народ! Доколе ты будешь терпеть глумление и насилие иудейского племени! Ведь тебе уже теперь должно быть ясно, что евреи проводят свою гибельную для тебя политику не только в крупных явлениях твоей жизни, но и во всех подробностях и мелочах, что они стремятся тебя вконец изломать и поработить, превратить в быдло, в свою вьючную скотину, и дать новое, позорное направление всей твоей истории, бывшей ранее и великой, и величавой, и красивой, и почетной, и честной...

26 января

Вчера в нашем отделении был освобожден Антон Владимирович Карташев; сегодня освобождают генерала Черемисова. За эти три дня, начиная с Салтыкова, состоялось три освобождения. Если так будет продолжаться, то скоро все наши сожители нас покинут. Открытым остается вопрос о нас, приговоренных революционным трибуналом: интересно было бы знать, можем ли мы рассчитывать в ближайшем времени на свободу. Или нужно ожидать падения власти большевиков? Таких приговоренных в нашем отделении находится пять человек: генерал Болдырев (по своему делу) и по нашему делу Парфенов, Кованько, Попов и я.

Надоело мне тут сидеть. Особенно угнетает та беспомощность, та пассивность, на которые мы обречены как раз в такое время, когда назревают грядущие крупные события: хотелось бы иметь возможность принять участие в деле спасения России, вместо того, чтобы сидеть здесь с подвязанными крыльями.

И добро бы за дело пришлось тут сидеть! А то быть пристегнутым к «делу Пуришкевича» без всякого основания, без участия в этом деле, самом по себе не имеющем значения, в смысле нарушения какой-либо юридической нормы – такое положение и унижительно, и глупо; и делается особенно досадно на себя и на всех...

Черемисов выбыл из нашего отделения: с большинством из нас он и не простился. Как жил здесь особняком, так и уехал, как тать, тихо и незаметно. Когда, в коридоре, я с ним встречался, у него всегда был такой неуверенный вид, как будто сомневался, подадут ли ему руку или нет. Это еще хорошо, когда такой человек не зазнается и знает, понимает свое положение отщепенца.

Уже после его отъезда мне рассказывали, что вчера, за время прогулки по тюремному двору, господин Черемисов забавлялся тем, что из снега, с помощью лопаты, сооружал надгробный памятник «Николаю» – как эти клятвопреступники и изменники обыкновенно называют нашего Государя Императора Николая Александровича. Какая чисто лакейская шутка! А воображаю, с какой благоговейной рожей еще недавно представлялся этот самый Черемисов нашему Государю, когда устаивался этой чести. Надо сохранить в памяти на будущее время все подобные позорные имена, чтобы снова не попасть впросак и не довериться бесчестным, беспринципным людям с холопскими душами.

Прочитал я сегодня в газетах, что арестован председатель военно-цензурного комитета полковник Василий Васильевич Гейман: это имя связано для меня с воспоминаниями о корниловском выступлении, так несчастливо окончившемся, по моему мнению, именно потому, что в это дело оказались замешанными очень много подозрительных личностей.

27 января

Раз уж я вспомнил о Геймане и хочу выявить его роль в корниловской нашей эпопее, то придется начать издалека, чуть ли не с мая прошлого года.

Как раз в мае, по инициативе прапорщика I Прибалтийского полка Толмачева, скоропостижно скончавшегося в первых числах августа, возник наш офицерский «Союз воинского долга», которого я, кажется, еще и до сих пор числюсь председателем. Я говорю «кажется» потому, что со времени моего ареста не имею никаких связей с моими сотрудниками. Этот Союз имел целью способствовать всеми доступными нам мерами возрождению былого доблестного духа Русской Армии, ее старых боевых заветов и бытовых основ ее. Для осуществления таких целей мы стремились к созданию образцовых добровольческих отрядов, к установлению прочной связи наших членов-офицеров с нижними чинами различных частей, к поддержанию контакта с однородными офицерскими организациями и проч. и т. п. Само собой разумеется, что революционное правительство Керенского относилось к нам если не враждебно, то с подозрительностью, и не дало нам возможности формировать образцовые кадры добровольцев.

Членских взносов, взимаемых нами, было конечно, далеко не достаточно для обзаведения квартирой-канцелярией и другими не-

обходимыми для существования Союза материальными средствами: нам пришла на помощь крупная политическая организация, действовавшая в то время и известная под названием «Республиканского центра»¹¹², возглавлявшегося председателем, неким Николаевским.

Я сначала колебался перед предложением вступить в контакт с «Республиканским центром»: меня смущало название «Республиканский», вполне противоречащее моим политическим идеалам, взглядам и надеждам. Поэтому раньше, чем решиться на сближение, я сообщил о моих сомнениях председателю «Центра», Николаевскому, который мне объяснил, что это название для них ничто иное, как *un pom de guerre*¹¹³: под этот флаг могут к ним примкнуть люди самых разных направлений, но объединенные патриотическим чувством и желанием, чтобы Родина наша могла с достоинством продолжать войну, в единении с союзниками, и довести ее до победы; для всего этого необходима диктатура, и на этом для всех одинаково желательном условии должно определиться утверждение порядка, дисциплины и победы. При таком объяснении мы, президиум Союза, сочли вполне возможным, сохраняя всю нашу самостоятельность и независимость нашего собственного строя и направления, в указанных границах действовать и работать сообща с «Центром» и воспользоваться их денежной помощью, в размере, насколько помню, шести тысяч рублей, для первоначального обзаведения и конструирования «Союза воинского долга». Кроме того, от устроенного нами в театре консерватории благотворительного спектакля в июле месяце мы еще выручили около четырех тысяч. Я получил еще шесть тысяч рублей от одного банка, или, вернее, от директора этого банка, моего старого друга и полкового товарища. На все эти деньги, включая еще и членские взносы, наш Союз просуществовал по сей день. Прямого своего назначения, объявленного в уставе нашем, Союз не мог выполнить вследствие серьезных препятствий, которые нам ставила общая политическая обстановка страны, так что, как принято теперь выражаться, наши официальные, оставшиеся без применения, лозунги и вся наша программа стали только «надводным плаванием». «Подводное же наше плавание» заключалось в том, что под флагом этих самых официальных лозунгов собиралась, объединялась и сплачивалась известная группа офицеров, связанных общностью убеждений и чувств, переживаемых в страшную годину бедствий нашей несчастной Родины. Думаю, что, вполне беспристрастно оценивая деятельность нашего

Союза, мы можем с удовлетворением сказать себе, что не понапрасну существовал Союз, ибо из среды его вышло на ту или другую патриотическую работу, монархическим принципом проникнутую, много честных, даровитых, полезных, идейных людей.

В течение всего прошедшего лета деятельность «Республиканского центра», очень интенсивная, разумная и энергичная, определилась как крупная политическая сила, привлекавшая к себе большинство выдающихся и наиболее популярных людей. Многие организации примкнули к «Центру» на тех же основаниях, как наш Союз. Военным отделом «Республиканского центра» руководил сначала полковник Генерального штаба Д., очень умный и даровитый человек, с определенно контрреволюционным направлением. К сожалению, получив командировку на Дальний Восток, Д. сдал ведение своего дела другому полковнику, также Генерального штаба, некоему Дюсиметьеру¹¹⁴, много уступавшему своему предшественнику и много повредившему, как мне кажется, развитию и укреплению положенных в основание организации задач.

Между тем, к концу июля выяснился уже предстоящий крах как самого Керенского, так и всего его бездарного правительства. Оппозиционные круги росли, ширились, крепили и уже организовывались в крупную силу, причем во главе оппозиции оказался президиум «Республиканского центра». Вначале, как я слышал, этот президиум рассчитывал держаться более осторожной политики и постепенно, с возрастающей интенсивностью, распространять свое влияние, усиливаясь и численно, и качественно, не ограниваясь Петроградом, но охватывая и все крупные центры России. Денег в «Центре» было много, и их не жалели. Можно было думать, что осторожная политика могла быть действительно правильной и верной линией поведения, способствовавшей тому, что, к нужному моменту, будут сосредоточены в руках вождей крупные силы, могущие быть использованными в самый подходящий и удобный момент для решительного удара наверняка против революционного правительства.

Если б время позволяло, такой план был наиболее благоразумным и надежным. Но цель всех оппозиционных кругов заключалась во введении порядка в России непременно тогда, когда казалось еще не поздно было взяться за спасение Армии и доведение ее до победы: таким образом, время не ждало и не давало возможности готовиться исподволь, постепенно. Не надо также забывать, что искусственно поднятый Керенским энтузиазм Армии, выразившийся в кратковременном наступлении, успех которого стоил нам непо-

мерно дорого – а именно пожертвовано было около четырех тысяч доблестных офицерских жизней, – упал очень быстро и сменился крошечным позором Калуша и Станиславова¹¹⁵. Кроме того, уже выяснилось тогда опасное положение Риги, почти безнадежное. Все эти данные ставили «Республиканский центр» перед альтернативой или держаться своей осторожной политики и, выжидая, опоздать с делом спасения России, или, повинувшись стечению обстоятельств, ускорить свое выступление. Ко второму решению, кроме всего остального, склоняли «Центр» и военные элементы, входившие в его состав и представляемые в большинстве офицерами Генерального штаба. Такому же решению действовать энергично соответствовала общая обстановка, заключавшаяся в падении рекламного престижа Керенского и в ожидавшемся новом выступлении большевиков, мечтавших загладить свою неудачу 5-го июля¹¹⁶.

Вся сумма этих данных повлияла на Николаевского и его помощника, Финисова, и, главным образом, на могущественных и влиятельных, но анонимных руководителей «Центра», и было решено приступить к активным действиям, в тесном единении и согласии с генералом Корниловым, который был предназначен на роль диктатора. Было условлено, что в Петрограде примет в свои руки власть, по приходе своем во главе назначенного в столицу специального корпуса, генерал Крымов, известный как выдающийся боевой генерал с железной энергией, твердой решительностью и пламенной любовью к Родине. До появления Крымова от Корнилова приехал в Петроград полковник Генерального штаба Сидорин как представитель Корнилова в «Республиканском центре», причем он, при полном содействии Дюсиметьера, должен бы руководить выступлениями офицеров в Петрограде, согласованными с действиями подходящих к столице войск Крымова.

28 января

Настроение в Петрограде с каждым днем все более сгущалось. Чувствовалось, что общее недовольство, общее ощущение усталости и полного неудовлетворения революцией, начавшей показывать свое настоящее лицо самыми гнусными формами своей оборотной стороны медали, – чувствовалось, что общее настроение должно объединить самые разнородные партии одним желанием спасти Русскую государственность. Керенский нервничал и начинал понимать, что теряет под собою почву, что популярность его,

так пошло раздутая, падает и перестает быть опорой его безумной, невежественной самоуверенности. После «Московского совещания» грозовая атмосфера еще более сгустилась. Выступление большевиков 5-го июля также много помогло тому, что население столицы, под свежим впечатлением пережитого страха, очень сильно злобствовало против как самых непосредственных виновников неудачной попытки захватить власть, так и против безвольного правительств Керенского, так явно старавшегося обезопасить вождя большевизма, Ленина, от каких-либо судебных преследований.

Момент казался, по всем условиям создавшейся обстановки, вполне удачным для энергичного, решительного удара по революции: но была обязательна наличность этих двух условий – и энергии, и решительности. «Девять раз отмерь, и на десятый отрежь» – говорит пословица, и в этом случае надо было, разумеется, так поступить – все взвесить, все обдумать, вдумчиво рассчитать все шансы за и против, но затем, решившись, надо было действием непреклонной решимости и энергией беспощадно стремительного удара довести дело до конца.

При применении такого метода действий, как мне не без основания кажется, успех был бы обеспечен. Правда, надо вспомнить и другую пословицу, гласящую, что *“la critique est aisée, mais l'art est difficile”*¹¹⁷. Главная трудность всей авантюры – которую так называть дает право ее плачевный провал – заключалась в том обстоятельстве, что к делу примазалось очень много подлых и покушных личностей, не говоря уже о бесчестной, двойственной, двуличной и трусливой роли, сыгранной Керенским. Но независимо от всех таких неблагоприятных обстоятельств дело могло бы быть все-таки проведено успешно, если б хватило как раз тех двух качеств, о которых я все время трактую – энергии и решительности, и как прямое следствие, если б не был упущен подходящий момент, если б не потеряно было много драгоценного времени.

В «Республиканском центре» в это время шла большая напряженная работа: целые дни посвящались обсуждениям и совещаниям по поводу предстоящего выступления. Решающий голос и господствующее влияние имели на этих собраниях полковники Сидорин и Дюсиметьер. Я забыл упомянуть, что «Республиканский центр» помещался на Невском, в помещении управления Бессарабских железных дорог. Председателем этого управления был Николаевский, и одним из директоров – Финисов. Этим и объясняется, что помещение управления стало средоточием и, так сказать, глав-

ным штабом Петроградского отдела корниловского заговора. Меня, как не игравшего видной роли во всей организации, не посвящали во все подробности, о чем я потом очень сожалел, ибо, если бы я в начале был более осведомлен, мне не пришлось бы, сыграв глупую роль в руках разных проходимцев и негодяев, испытать большое разочарование: не доверившись той уверенности в предстоящем успехе, которой полны были наши «вожди», я меньше страдал бы нравственно, когда разбились мои надежды...

Из членов нашего «Союза воинского долга» все наиболее даровитые и толковые офицеры приняли в заговоре самое деятельное участие: думаю даже, что своей распорядительностью и умелостью выделялись во всей организации как одни из наиболее ценных работников.

Не все наши офицеры работали специально со мною: многие имели свои определенные задачи, так что наш «Союз» выступал в этом случае не как отдельная организация, а как поставщик, если можно так выразиться, дельных, смелых офицеров, на умелое содействие которых можно было вполне положиться.

Уже когда близилось время для открытия действий, за неделю или полторы до того, я познакомился с полковником Чеченского конного полка Туземной дивизии Василием Васильевичем Гейманом, состоявшим на положении как бы начальника штаба при Дюсиметьере, а затем и при Сидорине. Сами собой обстоятельства так сложились, что Гейман явился как бы посредствующей инстанцией между мной и обоими полковниками, которых я лично видел только один или два раза. Такого рода положение было для меня вполне удобно, ибо я имел одинаковые основания доверять как Гейману, так и Дюсиметьеру и Сидорину. Геймана я видел обыкновенно, за редкими исключениями, ежедневно в условленные часы или, в крайнем случае, сообщался с ним по телефону: таким образом, я всегда поставлялся в курс общего положения нашего дела.

Гейман всегда мне сообщал радостные вести об успехах и удачах, будто бы сопровождавших все наши приготовления к решительному дню. Как потом оказалось, все рассказы Геймана были если не сплошной выдумкой, то крайним преувеличением. До сих пор не понимаю, какой цели он добивался таким оптимизмом: не то он имел в виду поддержание настроения и бодрого духа, не то просто морочил нас для каких-то других, непонятных мне целей.

Решительный день должен был наступить тогда, когда корпус Крымова или авангард его, состоявший из «Дикой дивизии», по-

дойдет к окрестностям Петрограда. К этому времени находящиеся в Петрограде офицеры-заговорщики, заранее распределенные по группам, должны были каждой группой исполнить заранее намеченную задачу: захват броневых автомобилей, арест Временного правительства, аресты и казни наиболее видных и влиятельных членов Совета рабочих и солдатских депутатов и проч. и т. п. К приходу войск Крымова главные силы революции должны были уже быть сломленными, уничтоженными или обезвреженными, так что Крымову оставалось бы дело водворения порядка в городе.

Наш Союз, через разных своих членов, находился в связи и в более или менее близком контакте с разными другими организациями, которые все объединялись «Республиканским центром»: многие снабжались от «Центра» и крупными, и мелкими денежными суммами, смотря по тому или другому своему заданию.

Было очевидно, что «Центр» имел в своем распоряжении очень большие суммы и широко их раздавал ради того большого политического дела, которое, разумеется, требовало расходов. Но, к сожалению, не все деньги попадали в чистые руки: многие недобросовестные агенты, в лучших случаях, когда попросту их не прикармливали, растрясли многие тысячи на кутежи и непроизводительные расходы, под предлогом необходимых свиданий и переговоров с нужными людьми. Так деньги, предназначенные для святого, высокого дела спасения Родины, разными подлецами присваивались или тратились непроизводительно, и профанировался самый флаг, под которым укрыли свои двусмысленные расчеты алчные спекулянты и мародеры, не посовестившиеся и тут, когда замешана была судьба России, дать волю своим алчным, стяжательным аппетитам. К чести нашего Союза, у нас не было ни одного такого случая злоупотребления доверием «Центра», за исключением подполковника Ч.

Добросовестность заставляет меня, кроме подполковника Ч., упомянуть еще и о другом члене нашего Союза, штабс-капитане Б., человеке, получившем университетское образование, до войны бывшем корреспондентом и сотрудником крупных газет, а во время революции не устоявшем перед искушениями легкой наживы, которая, с легкой руки мародеров, стала овладевать низменными инстинктами большинства русских людей.

Этот Б. собственно по отношению к «Союзу воинского долга» никакой вины на себе не несет; у меня лично, правда, он занял «безотдачи» несколько сотен рублей, но в русской жизни издавна так

ведется, что подобные поступки не считаются серьезными нарушениями правил чести.

Состоя каким-то агентом и доверенным лицом при «Республиканском центре», Б. от этой организации получал часто крупные денежные суммы и жил довольно широко. Насколько приходилось слышать, он увлекался картежной игрой и вечера проводил в разных клубах, где велась большая игра. На деньги, выданные ему «Республиканским центром», Б. нанял себе хорошую меблированную квартиру на Офицерской улице у старого моего приятеля и товарища, полковника Соллогуба, который на время своего отсутствия из Петрограда сдал свою квартиру и вернулся в нее уже тогда, когда его жильца и след простыл. К ужасу своему, ему пришлось удостовериться, что большая часть его обстановки оказалась разграбленной; даже многие картины были вырезаны из рам и куда-то исчезли. Из разговоров своей прислуги, оставшейся в квартире, Соллогуб выяснил, что это разрушение было делом рук господина Б.

Вот они – многие нынешние русские офицеры, за время революции успевшие так низко уронить офицерский престиж. Шла переоценка всех ценностей и вообще понижение нравственности и чувства чести всего нашего общества. Не избегло этого соблазна и наше офицерство – легко и свободно отойти от стеснительных требований морали и корпоративного достоинства, в эпоху дешевой распродажи и ликвидации дорогого и ценного духовного достояния, унаследованного от прошлых времен. Такие господчики, пользовавшиеся разрухой для своих мошеннических расчетов, главным образом примкнули к революционным кругам, но, к сожалению, многие из них числились в рядах «контрреволюционеров», среди которых пользовались и уважением, и доверием многих порядочных людей, совершенно неподготовленных к тому, чтобы среди лиц, носящих офицерские погоны, ожидать встречу с жуликами и проходимцами. Эти проходимцы, принимавшие участие во многих заговорах, всегда склонные к любой провокации, как только для нее представлялся удобный случай, много вредили противникам революции, тормозили и компрометировали многие планы, имевшие благородную цель спасения Родины.

Надо прибавить, к чести наших кадровых офицеров, что, в громадном большинстве случаев, их было среди жуликов несравненно меньше, нежели офицеров новейшей формации, созданных военным временем и боевыми потребностями. Когда наступит счастливое время водворения порядка на Руси, предстоит неотложная ра-

бота коренной чистки как генеральского, так и штаб- и обер-офицерского состава нашей будущей Армии.

Вспоминая о внутренних грехах «Союза» нашего, я упомянул о Ч., в самом начале существования Союза присвоившего себе 1000 рублей общественных денег и немедленно удаленного из нашей среды. Кроме того, был некий штабс-капитан А., очень подозрительный господин, имевший касательство к нашему Союзу, числившийся даже членом его, но у нас никаким ответственным значением не пользовавшийся. Этот офицер был в непосредственных сношениях с «Республиканским центром», получал оттуда на разные поручения очень большие суммы, каждый вечер проводил в каком-нибудь увеселительном месте и там тратил деньги, ему доверенные. Он оказался человеком нечестным и, может быть, даже виновным в шпионстве и предательстве.

Чем ближе подходило время к выступлению, тем напряженнее становилось мое душевное состояние. Я так ждал скорейшего конца нашей подлой революции, что меня все более охватывало чувство нетерпеливого ожидания: когда же, наконец, наступит благодатный миг! Не могу сказать, что мы могли похвастаться осторожностью и конспиративностью: «всему свету по секрету» то один, то другой, «под честным словом», сообщал весь план и все надежды нашего предприятия, так что, в конце концов, добрая половина Петрограда знала о готовящемся «действе».

К нам обратились представители какого-то штатского «Союза интеллигентных тружеников», будто бы насчитывающего семьдесят тысяч человек, которые все выражали готовность выступить вместе с нами. Такое неожиданное и громадное приращение наших сил могло бы иметь для успеха дела решающее значение, но беда была в том, что предложение это так и осталось на почве платонического излияния чувств, а между тем оно являлось показателем того, что все наши секреты давно уже стали «*Le secret de polichinelle*»¹¹⁸. Отчасти в этом должна была быть одна из причин общей неудачи нашей, хотя бы потому, что при такой гласности сведения о наших планах неминуемо дошли до большевиков, если даже и предполагать, что, кроме того, не было и в среде всех многочисленных участников внутреннего предательства, которое, по моему мнению, было и своим чередом.

Осведомленностью большевиков объясняется, почему они в срок, раньше ими назначенный, не выступили с повторением попытки, произведенной 5-го июля. Как раз на такое выступление и

рассчитывал Корнилов, неправильно освещенный сообщениями из Петрограда. Под предлогом противодействия большевикам и был отправлен в Петроград корпус Крымова. Во время большевистского выступления и должны были мы, петроградские заговорщики, произвести свои аресты и нападения, и на поддержку нам должны были появиться «туземные полки».

Раз наши планы были известны, прямой расчет большевиков был отменить свое выступление и тем поставить наших руководителей в тупик. Так они и сделали, а также установили прочную связь с министрами Керенским и Некрасовым, объяснили им, с какими враждебными по отношению к этим обоим министрам целями мы должны были выступить, и как невыгодно и рискованно было для Керенского продолжать свое общение с Корниловым. Керенский понял, в какое опасное положение он мог попасть, очень испугался создавшейся обстановки и, сблизившись с большевиками, озабоченный исключительно мыслью спасти свою собственную шкуру, пренебрег интересами на свое горе доверившейся ему России и разыграл подлой провокацией все козыри, бывшие в игре Корнилова. Вполне естественно, что раз были замешены шкурные интересы этого зазнавшегося адвокатишки, он на все пошел и не остановился перед пролитием чистой и честной крови генерала Крымова, доблестного, боевого солдата, принесенного в жертву не Родине, которой всю жизнь он так благородно и беззаветно служил, но тщеславию и честолюбию Керенского, главного врага этой самой Родины.

Я забежал вперед, говоря о грустном финале нашей авантюры, между тем как я еще не все рассказал, что помню о тех днях, когда нас еще не покидали надежды на успех, и когда мы готовились к исполнению задуманного плана.

Имелось в виду у Дюсиметьера и Сидорина, оповещенных через Геймана, что я буду стоять во главе офицерского резерва, который, по всей вероятности, расположится где-нибудь недалеко от гостиницы «Астория», и буду действовать смотря по обстоятельствам, в зависимости от приказаний, какие получу. Предполагалось, что под моей командой будет около 100 офицеров, а может быть, и некоторое число нижних чинов. Один мой хороший знакомый, командир крупной воинской части, стоявшей в Красном селе, обещал для нашего дела предоставить в мое распоряжение около 30 офицеров и 100 нижних чинов, безусловно надежных и верных, на которых можно было вполне положиться. При этом он меня предупре-

дил, что знать ничего не хочет о какой-либо организации, которой жизнь и судьбу своих подчиненных не доверит, но верит мне и на мою нравственную ответственность обещает предоставить этих людей в мое личное распоряжение по первому моему требованию. Я поблагодарил его за доверие, и мы условились, что я вызову обещанную мне команду не менее, как за двенадцать часов до того времени, когда им придется уже действовать, но предупредить постараюсь, если будет возможно, за сутки. Я решил, что всю эту команду, по прибытии ее в Петроград, я временно размещу по домам моей жены и других моих родственников, так, чтобы появление их было возможно менее заметно.

Памятуя, что я несу ответственность на совести своей за их судьбу, я никак не мог рисковать ими, и потому твердо решил, что без полной уверенности в том, что время действия действительно настало, я не воспользуюсь предоставленным мне сильным подкреплением и вызывать их не буду. За свою осторожность я благодарю Бога, внушившего мне ее, ибо каково было бы мое положение, если б я, доверившись уверениям Геймана, выписал бы команду в Петроград. Ни я, ни они сами никак не могли бы объяснить удовлетворительно для оставшихся, увы, прежних властей их самовольное отбытие из Красного села. Когда я рассказал Гейману, что имею под своей властью это подкрепление, он очень обрадовался и обещал мне своевременно сообщить, когда именно я могу вызвать команду. На следующий день он мне окончательно сообщил, что выступление наше состоится на следующее утро, рано на рассвете, но что дальнейшие, более подробные инструкции он мне сообщит в тот же вечер к 10 часам. Что же касается моей красносельской команды, то, по словам Геймана, я уже вполне определенно мог их вызвать к восьми часам вечера того же дня с тем, чтобы разместить их на ночлег и распорядиться насчет утреннего их выступления. В данном случае я верю, что Господь Бог спас меня от непоправимого несчастья. Зная и помня, как часто Гейман и раньше уже назначал мне окончательные сроки, не сбывавшиеся, и давно уже относясь с некоторым скептицизмом к его оптимистическим и легкомысленным соображениям, так часто оказывавшимся ложными, я не решался на основании его слов выписывать команду, а предпочел подождать обещанных к вечеру дополнительных инструкций. Лучше – думал я – пускай команда, позже вызванная, по тревоге соберется и прибудет в Петроград уже в самый нужный момент, чем прибудет заблаговременно, но не на верное дело.

Вечером, в 10 часов, я никакого Геймана не увидел; звонил к нему по телефону, но дома его не оказалось; так всю ночь я прождал напрасно. На следующий день уже стало ясно, что все наше дело провалилось. Как я был счастлив тогда, что соблюденная осторожность спасла меня от тяжелой нравственной ответственности перед командой и ее начальниками.

На следующий же день выяснилось, что Гейман, вместе со своим неразлучным как бы адъютантом, штабс-капитаном Р., впоследствии оказавшимся гораздо менее обстоятельным и дельным, чем думали, провел эту ночь, когда я с нетерпением ожидал от него обещанных пресловутых «инструкций», в «Вилла-Родэ»¹¹⁹, где кутила большая компания этих «заговорщиков».

К утру и в течение дня мне стал уже вполне ясен провал всего корниловского дела. Керенский оправился от своей растерянности и отошел от большого испуга, им пережитого: началось братание войск Керенского с туземной дивизией под Царским и в Гатчине; вызваны были из Кронштадта звери-матросы, вооружена была Красная гвардия; шла ликвидация всего заговора...

29 января

Ныне, вспоминая все пережитое в то время, легче дать более или менее правильную оценку всему предприятию, которое при успехе давало бы России большую надежду и возможность оправиться и остановиться еще вовремя на пути позора, ее потопившего, но, при неудаче, вызвало ускорение развала и привело к новым бесчисленным жертвам в мученической среде офицеров. Велики все преступления Керенского, но это преступление, когда, ради своих шкурных и честолюбивых интересов, он пожертвовал Родиной и содействовал торжеству большевиков, по подлости своей превосходит все остальные.

Несмотря на неумелость в ведении заговора, на многие неблагоприятные обстоятельства, сыгравшие роковую роль, заговор до последнего момента мог еще увенчаться успехом, если бы не трусость и нечестность петроградских руководителей.

Вспоминаю последний день, когда не потеряна была еще у нас надежда, когда уже войска Керенского отправлялись навстречу первым эшелонам корниловских отрядов: еще тогда решительные действия в самом Петрограде могли спасти все дело. Помню, как на улицах солдаты мерзейшего столичного гарнизона, уже давно пора-

жавшие всех своим разнузданным, нахальным видом и своим распущенным поведением, вдруг подтянулись, стали нам, офицерам, отдавать честь по всем старым правилам, старались выправкой и возвращением к старым приемам показать, что не все они еще окунулись невылазно в ту помойную яму, в которую ввергли господа революционеры несчастную в своем срамном падении Русскую Армию. Очевидно, до солдат доходили слухи о возможной перемене, о возможной строгой каре за все их преступления и подлости, и трусливые душонки предателей Отечества смущены были рабым страхом возможной ответственности.

Все распоряжения, все боевые диспозиции Штаба Петроградского главнокомандующего, немедленно по их выпуску, доходили до меня в точных копиях. Ко мне приезжали офицеры некоторых частей с приказанием своих начальников явиться ко мне с нужными сведениями и быть в моем распоряжении. Приезжали офицеры с указаниями тех частей, которые решили быть нейтральными, или таких, которые при первом боевом столкновении изменят Керенскому.

Все в первые два дня приближения корпуса Крымова было подготовлено так, что можно было без большого риска начать действовать. Но господин Гейман самую решительную ночь провел в «Вилла-Родэ», а Сидорин и Дюсиметьер именно тогда, когда от них все ждали решительного сигнала, последних распоряжений – исчезли бесследно, и нигде их нельзя было найти.

Позже, через несколько дней, выяснилось, что два крупных участника злосчастного дела и не могли, и не хотели давать отчета в крупных суммах, полученных ими от «Республиканского центра». Говорили, насколько помню, о присвоении нескольких сотен тысяч рублей. Говорят, произошла безобразная сцена: несколько офицеров, узнавших об этих обстоятельствах и глубоко возмущенных обнаруженным мошенничеством, разыскали обоих виновников, застали их с женами, которые приняли сторону мужей и старались защитить награбленное добро, оправдываясь тем, что необходимо было оставить себе денег ввиду того риска, которому подвергались эти господа. Только ничтожную часть уворованной суммы, несколько десятков тысяч рублей, удалось отобрать от авантюристов, бывших, по моему мнению, одними из главных виновников трагической неудачи, стоившей столько крови и разбитых надежд.

Как я уже писал раньше, на днях был освобожден из хирургического отделения на полную свободу генерал Черемисов. Этому

освобождению предшествовали следующая процедура: он был вызван в революционный трибунал, на допрос следственной комиссии, причем допрашивала его председательница комиссии, гражданская жена «Главковерха» Крыленко, некая еврейка Розмирович¹²⁰, давно известная в революционных кругах [...]

Вчера утром освободили Сергея Алексеевича Смирнова, а сегодня утром – Сергея Николаевича Третьякова и Александра Ивановича Коновалова. Таким образом, все члены бывшего Временного правительства, попавшие к нам в «Кресты», – ныне отпущены. Я очень радуюсь за них, так как все они хорошие, симпатичные люди, наверное дельные, толковые и полезные для русской промышленности коммерсанты и фабриканты, но политиками были плачевными; за то и понесли суровое наказание. Особенно жалок был бедный Коновалов; он до крайней меры измучился и изнервничался за все это тяжелое для него время мытарств и постоянного беспокойства за свою жизнь; еще вчера вечером у него расходились нервы до такой степени, что он разрыдался и долго не мог успокоиться.

31 января

Если кто-нибудь будет когда-либо читать мой дневник, то он, вероятно, удивится, почему я, останавливаясь часто на пустяках повседневной жизни или пускаясь в длинные политические рассуждения общего характера, вместе с тем прохожу, не реагируя в своей тетрадке, мимо большинства главнейших исторических событий, переживаемых ныне нами, как мирные переговоры в Брест-Литовске и заключение сепаратного мира, отделение Украины или Финляндии, внутренняя междоусобная война с Калединым и Алексеевым и проч. Дело в том, что все эти явления крупнейшего масштаба, проходящие перед нами, современниками, не могут нами быть учтены и с полным пониманием объяснены целостно и всесторонне, а главное – беспристрастно. Кроме того, вся политика большевиков для меня представляется недостаточно ясно, чтобы я мог ей дать теперь же правильную оценку: в той каше, в той неопределенности, в том сумбуре, которые составляют все содержание нынешней нашей политической жизни, не нам, так больно чувствующим беспощадные удары какого-то злого рока, разбираться в общей сумятице. По крайней мере, что до меня касается, то, со времени большевистского правления, я окончательно потерял всякую ориентацию, чему причиной является не одна только оторванность

моя от жизни сидением в тюрьме. Я просто вполне отдаю себе отчет, что стал некомпетентным для выработки в настоящий момент определенного мнения. Утешаю себя тем, что большие штрихи нашей эпохи будут, несомненно, досконально изучены и обследованы, так что мне в своем дневнике вполне уместно не задаваться слишком широкими планами.

За последние дни у меня явилась маленькая надежда, что, может быть, мне удастся скоро освободиться. На днях мне говорил состоящий при нашей тюрьме жидок Модль, член следственной комиссии, что он имеет некоторые сведения о возможности моего освобождения, и посоветовал мне написать записку на его имя, с изложением мотивов моего заявления, причем эту записку он предложил препроводить в Смольный. В тот же день то же самое советовал мне и один из состоящих при нашей тюрьме врачей, Михаил Иванович Маляревский: с этим последним, за время моего пребывания здесь, мне пришлось много разговаривать, делиться мыслями, и я вынес о нем отличное впечатление как об умном, симпатичном и доброжелательном человеке, с которым рад буду продолжать мое знакомство и на свободе, тем более, что я интересуюсь полуполитическим, полублаготворительным обществом, основанным Маляревским и могущим, при благоприятных обстоятельствах, иметь в дальнейшем более или менее большое значение. Написав мое письмо для Модля, я дал его на просмотр Маляревскому и, по его одобрению, отправил по назначению. Маляревский же, имеющий, по-видимому, кроме служебных, еще какие-то точки соприкосновения с большевистским правительством, обещал со своей стороны похлопотать обо мне.

Привожу копию моего письма Модлю.

«27 января 1918 года. Тюрьма “Кресты”. Милостивый государь, прошу Вас довести до сведения председателя Совета народных комиссаров (т. е. Ленина) следующее мое заявление.

6 декабря 1917 года я был арестован по “делу Пуришкевича” и заключен в Петропавловскую крепость, а оттуда через две недели переведен в “Кресты”, где нахожусь и поныне, приговоренный революционным трибуналом к трем годам тюремного заключения.

В моем обвинительном акте значилось, что я обвиняюсь в том, что, в конце сентября или в первых числах октября (точно не помню), принимал у себя вечером, за чайным столом, Пуришкевича и некоторых моих друзей, и в том, что я будто бы принял участие в “монархическом заговоре” Пуришкевича.

Приемом у себя Пуришкевича и других своих друзей я осуществлял свое неотъемлемое право свободы и независимости моего домашнего очага. Что же касается заговора, то на суде достаточно ярко выяснилась нелепость этого обвинения.

Кроме того, я, после моего вечера, никакого отношения к Пуришкевичу не имел и находился в полном неведении о дальнейших его действиях, которые, опять-таки как выяснилось на суде, противоправительственного характера не имели.

Заявляю, что против правительства большевиков никаких злоумышлений не предпринимал. Только против правительства Керенского – я готов был принять участие в активных действиях, если б имел на то возможность.

На суде я, на вопрос обвинителей, заявил, что держусь монархических убеждений, ибо почитал бы себя подлым рабом, если б теперь от них отказался; но я не считаю возможным, чтобы в правовом государстве можно было подвергать наказанию свободного гражданина за его убеждения, не выявленные вонне никаким преступным деянием. Ввиду того, что считаю себя жертвой несправедливого и незаконного приговора, а также ввиду уже состоявшейся отставки той следственной комиссии, которая подвергла меня аресту и суду, прошу мое дело пересмотреть, а пока освободить меня, ибо несправедливое, незаконное и неоправдываемое никакими фактическими обстоятельствами лишение меня свободы приносит непоправимый вред все моим личным и семейным делам.

Снисхождения или милости я не стал бы у Вас просить: я заявляю только о необходимости проявить по отношению ко мне правду и справедливость.

Бывший дворянин, бывший шталмейстер Высочайшего Двора, бывший полковник Федор Викторович Винберг».

1 февраля (по новому стилю 14 февраля)

В нашей тюрьме обозначился острый конфликт между двумя крупными «начальствами»: с одной стороны, комиссар тюрьмы, бывший рабочий и бывший солдат какого-то запасного полка, Павлов, а с другой – состоящий при «Крестах» член следственной комиссии, израильтянин из фармацевтов, Модль. Павлов находит, что Модль ничего не делает и даром получает свое крупное жалование (кажется, 600–700 рублей в месяц); а Модль возмущается, что Павлов вмешивается не в свое дело и дерзает беспокоить и тревожить

представителя избранного народа, признанного таковым, кажется, уже всю Русью, если только судить по тому, что вся эта Русь покорно склонилась перед своим торжествующим властелином.

Павлов, возмущенный Модлем, приступил к решительным действиям и запретил выдавать как Модлю, так и всем остальным членам следственной комиссии, имеющим отношение к «Крестам», даровые обеды из числа тех, которые ежедневно присылаются для политических арестантов двумя дежурными барышнями от «Политического Красного Креста» (кажется, так зовется это общество). Мы платим каждый по одному рублю в день за эти обеды из двух блюд, но, разумеется, это делаем мы для очистки совести, ибо на деле обед в нынешнее время стоит гораздо дороже: одна ежедневная доставка их на извозчиках должна обходиться очень дорого. Таким образом, эта помощь, доставляемая политическим заключенным, является делом благотворительности и предназначается только для арестованных. Обстоятельства, выяснившиеся как раз из-за ссоры двух большевистских «чиновников», в высшей степени характерны: оказывается, эти господа не преминули использовать выгодное и удобное для них положение, и, несмотря на крупное свое содержание, получаемое из неиссякаемых грабительских касс большевиков, пристроились также к той помощи, которая имеет своим назначением исключительно поддержку арестантов, лишенных в большинстве и денежных, и физических средств для пропитания. Думаю, что до такой неделикатности и до такого злоупотребления положением своим не додумались бы мало-мальски высшие служители «старого режима», не только получавшие 600 руб. и больше, но с 200–300 рублевым жалованием. Такая это маленькая, мелкая, гаденькая подробность...

Я нахожусь в недоумении, каким числом пометить сегодняшней день. Правительство большевиков ввело новый григорианский календарь и считает, что сегодня уже 14 февраля. Чтобы не путаться с общим счетом, думаю принять к руководству это изменение, так что завтрашнее число помечу уже 15 февраля.

Удивительно туго стал продвигаться мой дневник за последнее время. Прежде я находил большое удовлетворение записывать главные свои переживания и мысли: поневоле обреченный в тюрьме на бездействие, я из этого занятия создавал себе как бы дело какое-то, какую-то обязанность, которая заполняла мой день. Это рвение мое пропало теперь, и я чрезвычайно жалею, что лишаюсь этого отвлечения от монотонности и скуки моего нынешнего суще-

ствования. Точно не могу объяснить себе, отчего происходит такая перемена настроения. Думаю, что причиной тому, прежде всего, служит то обстоятельство, что мало-помалу, за два месяца моего сидения, я так оторвался от жизни, так ограничился замкнутостью и односторонностью нашей здешней обстановки, что больше не умею реагировать на живой темп широкой, свободной жизни. С другой стороны, все совершающиеся политические события создали в России такой хаос, такую сумятицу и неразбериху, что каждому, а нам, тюремным сидельцам, в особенности, крайне трудно уяснить себе весь ход и смысл событий. Газеты нисколько не помогают и не выводят меня из состояния большой неосведомленности ввиду того, что все они и малосодержательны и мало правдивы, как например, все официальные и официозные издания, а другие сами очень мало осведомлены, да и находятся к тому же под строжайшим цензурным гнетом.

15 февраля

Сегодня с утра, как только проснулся, меня угнетает тяжелое состояние уныния, безнадежности и бесконечной грусти... Обычно я стараюсь бодриться, сознавая, что только при бодрости духа можно продолжать свое жалкое существование в наши скверные времена. Но иногда падают духовные силы, и чувствуешь себя совсем разбитым, расслабленным, угнетенным; начинает казаться, что силы зла, то темное иго, которое одолело и подавило нашу страну – непреодолимо, что нет просвета, которого хотя бы дальнейшее бледное мерцание может поддерживать решимость терпеть и перебороть в себе сознание трудности и кажущейся безысходности положения. Такое состояние обыкновенно длится у меня недолго, и я надеюсь, что и теперь охвативший меня маразм будет кратковременным, но пока мне так тяжело и грустно, как редко бывает. Невыносимо сознавать свое полное бессилие что-нибудь сделать или предпринять, чувствовать цепи своего тюремного заключения и, наряду с этим, с полной ясностью понимать и верить, что тот путь, по которому хотелось бы повести Россию, был бы путем спасения и возрождения... Но со стихиями разбушевавшегося безумия народного нет средств бороться, пока из народных же низов не создадутся и не усилятся благотворные, чистые, животворящие порывы. В том, может быть, и заключается главная ошибка всех нас, стремившихся проломить себе дорогу наперекор стихии, что мы высту-

пали слишком рано, без поддержки и сочувствия снизу, и оставались донкихотами, борцами за ту правду, которой никто еще не создал в уме своем и не чувствовал ее в праведных велениях своей спящей совести, и когда, взамен тернистого пути долга и чести, на которые звали мы во имя спасения Отечества, люди без отечества предлагали легкий путь наживы, грабежа и удовлетворения всех низменных страстей, подкупая себе слуг и поклонников благами «князя мира сего».

Мое сегодняшнее тяжелое настроение, оказывается, было как бы предчувствием тех кошмарных известий, которые принесли вечерние газеты: поражение войск Алексея¹²¹, самоубийство Каледина и, наконец, убийство в Киеве митрополита Владимира и генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова.

Впрочем, независимо от такого предчувствия, и вчерашний, и третьегодневный, и прежние дни, каждый приносил свои очередные мрачные вести, вполне объясняющие мое настроение. Самое ужасное – это читать о подробностях Брестских мирных переговоров, о том, что наши делегаты быстро соглашаются на все аннексионистские требования Германии, как отходят от нас Курляндия, и Лифляндия, и Эстляндия, как все Балтийское море для нас утеряно, как исконные русские земли отойдут к победоносному врагу, как могучая, великодержавная Россия обращается в прах и ничтожество.

Особенно мучительно сознавать, что пройдоха еврей Лейба Бронштейн¹²² решает судьбы России, что он распорядитель ее чести и ее будущности, что он, представитель презренного народа, так глубоко и непримиримо ненавидящего Россию, с легким сердцем, со специфически жидовской наглостью, расточает ее тысячекратнее достояние, то, что кровью и железом, великими подвигами и страданиями, создавали и укрепляли лучшие сыны ее...

Мученически убитый митрополит Киевский, Высокопреосвященный Владимир, был крепкий, твердый человек, умевший стойко держаться своих убеждений; несколько, может быть, излишне непримиримый и нетерпимый в своей ортодоксальности, но глубоко честный, благородный и верный своим идеалам. Даже в указанной мной нетерпимости своей он проявлялся в таких чертах характера, которые к человеку вселяют уважение даже и со стороны несогласных с ним и доказывают отсутствие карьеризма и чистоту промолинейного соблюдения своего высокого служения.

Вспоминаю следующий случай. Несколько лет до войны скончался скоростижно очень добрый и хороший человек, член на-

шей Императорской фамилии, его высочество герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий. Глубоко опечаленные вдова его графиня Карлова и дети – все православные – хотели пригласить к себе в свои дворцы в Петрограде и Ораниенбауме православных священников для служения панихид по покойному, но от всех священников получили отказ, мотивированный тем, что, бывший тогда Петербургским митрополитом, Владимир запретил служить по герцогу панихиды, так как он принадлежал к лютеранскому вероисповеданию. Графиню Карлову тогда вывело из затруднения военное духовенство, которое непосредственно не подчинялось митрополиту и могло в этом случае пойти навстречу желанию семьи.

И вдова, и дети – я помню – были очень опечалены и даже несколько оскорблены таким проявлением крайней нетерпимости со стороны высшего иерарха нашей Церкви, да и многие отнеслись к этому акту с осуждением и несочувствием, в том числе и я. Тем не менее, не могу не признать в этом случае известной доли, хотя бы, может быть узкой, но почтенной и благородной непреклонности почившего митрополита, не желавшего поступиться своими убеждениями в угоды сильных мира сего, и думаю, что многие на его месте не выказали бы такой независимости и последовательности, чуждых всяких карьеристских соображений.

Знал я и Николая Иудовича Иванова, бывшего почетным гражданином моего уездного города Мосальска. Отец его был начальником инвалидной или конвойной (точно не знаю) команды в Мосальске, где приобрел себе маленькую усадьбу в городской черте, оставленную в наследство детям – двум дочерям и сыну, Николаю Иудовичу. Две пожилые сестры Николая Иудовича, незамужние, жили всегда в Мосальске, в своем домике, и к ним ежегодно приезжал брат, дослужившийся еще до войны до высокого поста командующего войсками Киевского округа и звания генерал-адъютанта. Приезжая в Мосальск, он всех поражал своей простотой и обходительностью, а также скромностью и доступностью. Старых товарищей своих детских лет, так и проживших всю жизнь в своем уездном городишке, он пленял и очаровывал своей сердечностью и ласковостью, вспоминая общие проказы и детские забавы.

В тот вечер, когда у меня был Пуришкевич, что и послужило причиной моего нынешнего сидения в тюрьме, был у меня и генерал Иванов. Он очень беспокоился о том, как бы мы, кроме разговоров, не пришли к какому-либо опрометчивому, необоснованному решению, могущему вызвать ненужное и неподготовленное доста-

точно серьезно выступление. «Мы все, старшие, должны помнить – говорил мне Николай Иудович – что наша офицерская молодежь имеет горячие головы, и что она нам верит и доверяет, и это тем более обязывает нас к особенной осторожности. Офицеры наши теперь так измучены, так много вытерпели и за время войны, и за время революции, которая, в благодарность за их самоотверженную доблесть, оплатила им неслыханными преследованиями и унижениями, что их теперь особенно легко подвигнуть на самое смелое и опасное дело. Но я на это не пойду. Довольно уже погибло ценных и славных молодых жизней. Я не буду участвовать ни в каком деле, где мы можем рисковать ими». Я тогда ответил Николаю Иудовичу, что вполне с ним согласен, и что наши разговоры еще не имеют в виду выразиться в какой-либо определенно действенной форме.

Хороший, честный, отзывчивый на все доброе, благородный человек был Николай Иудович!.. Царствие ему Небесное!..

С тех пор, как я прочитал сегодня о новых убийствах, совершенных революционерами, меня не покидает докучливая мысль, смутная и неопределенная: неужели на зверское убийство митрополита, на это кромешное, дьявольское злодеяние целой шайки озверелых людей, ворвавшихся в святую обитель Киевской Лавры, в митрополичьи покои, подвергшие разграблению, глумлению, истязанию и мученической смерти старца-митрополита, неужели и тут не будет реагировать русский народ, не дрогнет от негодования и гнева его помутившаяся душа?

Как он стал покорно равнодушен к злу, этот народ! Как крепко заснули в нем былые высокие, самоотверженные духовные порывы. Как он тяжел на подъем и как апатично смиряется с посрамлением и гибелью Родины! Неужели надо действительно прийти к заключению, что стяжательные вождедения и позывы низменных и злых страстей в нем заглушили все то доброе, что прежде несомненно жило на дне его души? Неужели должно будет применять цепи и плети, чтобы снова привести обезумевший народ в норму?

16 февраля

“Les jours se suivent et ne se ressemblent pas”...¹²³ Сегодня мое настроение бодрее вчерашнего, хотя и по-прежнему ничего утешительного кругом себя не вижу, но удалось перейти на более широкую философскую точку зрения, отводящую личные переживания и чувствования на второй план.

Пройдут десятки лет, давно уляжется и стихнет та буря, которой громовые раскаты нас, современников, активных и пассивных участников этого столпотворения, выбили из колеи и продолжают угнетать и поражать. На кафедрах ученые историки будут в лекциях своих подробно освещать и объяснять все события, предшествовавшие и сопутствовавшие нашей революции. Последующие явления ярко предстанут в тесной причинной связи с этой революцией, и возможно, что многое, так сильно заставляющее нас ныне страдать, будет признано бесстрашной богиней Истории как неизбежное, закономерное явление, и как один из естественных фазисов политической и общественной жизни Европы.

Вот тогда-то, возможно, будет объективное, спокойное отношение ко всему, ныне нами переживаемому. Возможно, будет трактовать о том, что прогресс человечества не дается без иногда непомерно жестоких и трагических кризисов, выпадающих на долю целых поколений. Можно будет тогда спокойно учитывать все те плюсы и минусы, которые придутся в актив и пассив нашей революции.

Но для нас, современников и жертв этого кризиса, извинительно, если мы не в силах сохранить в характеристике совершающихся вокруг нас событий эпического тона научного исследователя, наблюдающего с объективной вдумчивостью за сцеплением разнородных причин и следствий, из коих состоит величавое шествие истории народов по пути к совершенствованию, к Свету, к Добру и Правде.

Для нас извинительно, если порыв отчаяния побуждает нас писать строки, полные желчи и негодования, ибо тяжело видеть крушение не только своих сокровенных чувств, но и верований и идеалов своих. Для нас извинительно, если возмущенное чувство не мирится с позором и гибелью Родины и если непосредственные виновники всего происшедшего накликают на свои головы нашу ненависть и наше желание мести.

Увы! Все эти чувства, а кроме того страдания, не только за себя, но за своих близких, безвинно терпящих незаслуженные испытания, все это накапливается и нагромождается в общей массе человеческих ощущений и страстей и составит элементы той неминуемой реакции, которая явится на смену эксцессам слева со своими эксцессами справа, и жестокость которой определится и обусловится таковой же несправедливостью и однобокостью, ныне проявляемой нашими врагами.

И во мне, как и в других, живет злобное чувство; мстительные инстинкты развиваются и растут. Но я не настолько ослеплен поли-

тическими страстями, чтобы утверждать, что эксцессы реакции, а может быть, и крайняя злоба и непримиримость ее, будут явлениями желательными и положительными. Вопрос о добре и зле в данном случае отпадает, и мы только можем объективно решить, что реакция, неизбежно ожидаемая после революции, будет явлением естественным, логически вытекающим из настоящего нашего положения. Дал бы Бог, чтобы насилия и излишества были ослаблены мудростью, опытом, осторожностью и благородством вершителей ее.

Для всего будущего хода развития России, а в частности, для чисто эгоистических интересов буржуазных классов, было бы чрезвычайно желательно, чтобы период реакции, т. е. вспышка возбужденных страстей, которую можно на основании исторического опыта точно предугадать, был бы возможно кратковременнее и сменился трезвой, разумной, систематической политикой людей, о которых нельзя было бы сказать то же, что сказано о правительстве Людовика XVIII: “ils n'ont rien appris, ni rien oublié”¹²⁴.

Так доверчиво употребив термин «исторический опыт», я вспоминаю, как год тому назад удивлялся и ужасался, насколько знание истории и этот самый исторический опыт несколько не помогли для противодействия разразившейся над Россией катастрофе. Вспоминаю также, что не помог этот опыт и Керенскому, не помогает ныне и творцам социальной революции, надеющимся осуществить, в не доросшей еще до стадии среднего уровня капитализма России, то, что не может удасться даже архикапиталистическим странам, вроде Америки, Англии и др. И думается мне, что на жизнь народов исторические примеры мало влияют. Приходится, перефразируя фразу, сказанную о книгах, сознаться, что “habent sua fata populi”¹²⁵.

Хотелось бы надеяться, что если не широким и проникновенным знанием и пониманием истории, необходимыми, по моему мнению, для каждого государственного деятеля, будущие творцы русской политики будут отличаться хотя бы опытом всего пережитого нами и, стоя на реальной почве понимания и правильной оценки действительности, привлекут к совместной созидательной работе все здоровые силы, все производительные элементы народа, дабы творить творческую работу государственного строительства и регулирования народной жизни лучше и умнее, чем их предшественники.

Ошибки прошлого должны быть учтены, и никто не смеет их продолжать. Разумеется, целые категории людей, зараженных партийностью, должны быть по возможности устранены от касательства к делу управления Россией. Зато все честные, способные и даро-

витые люди, умеющие воспринимать чувство русской государственности, любящие Россию и желающие ей послужить, вне мелких партийных счетов и предрассудков, понимающие, что в большом деле надо забыть все, что отзывается кружковщиной и личными пристрастиями, такие люди должны быть привлечены в круг и на верхи государственной жизни для творческой, созидательной, живой деятельности, преломляющей своим чутким и возможно более отчетливым механизмом управления все изгибы действительности, все существующие и нарастающие новые животворные факторы народной жизни.

Вот когда устанавливается такая живая связь между органами государственной власти и всеми многообразными сторонами жизни народной, когда эта жизнь вступает в спокойное, но всегда деятельное русло эволюционного творчества, развития, прогрессирования и укрепления государственности, тогда, при открытии широкой дороги для эволюции, революции не может быть места. Тогда государственная власть не только вправе, но и обязана провозгласить своим девизом: *“tout pour le peuple, – mais rien par le peuple”*¹²⁶.

Все это – так легко написать, но так страшно трудно провести в жизнь! Это есть тот идеал, которого люди, к несчастью, при несовершенных условиях нашего земного существования, никогда не достигают. Но хотя бы в идеале, в мечте, должен быть яркий факел к себе манящий, и чем совершеннее и выше идеал, тем более облагораживаются и вдохновляются лучшими побуждениями к нему устремляющиеся люди. Действительность, когда с нею начинают считаться и ее руководиться, сама внесет корректив на известную степень несбыточного идеала. Но каждому деятелю, каждому, желающему производительно работать, надо правильно и определенно поставить себе цель, которую он хочет и пытается осуществить, не считаясь с тем, что различные неблагоприятные обстоятельства, спсобные мешать его работе, могут самую работу в некоторой мере исказить и отдалить от намеченной цели. Чем эта цель выше и труднее достижима, тем и работа окажется тоньше и качеством лучше, соответственно лучшему творческому стимулу в нее положенному.

17 февраля

Сегодня вечером в наше отделение неожиданно привезли нового компаньона, Владимира Александровича Сухомлинова, переведенного к нам из Петропавловской крепости. Он сильно похудел

за те два года, что провел в заточении, но, я думаю, как раз это похудение помогает его старому сердцу сравнительно бодро выносить все те лишения и нравственные и физические испытания, которым он подвергся.

Выглядит он очень бодро для своих семидесяти лет. Когда он был военным министром, у него выделялось очень солидное брюшко; теперь он вернул себе свою корнетскую талию. Сухомлинов, как и сам он высказывает, кажется очень довольным происшедшей с ним перемене: он говорит, что ему представляется необыкновенно роскошной и комфортабельной та обстановка, в которую он попал у нас. Особенно же его пленяет здесь возможность иметь общение с другими людьми: в крепости один или два раза в неделю бывали у него, правда, свидания с родными и друзьями – но на двадцать только минут, каждый раз в присутствии конвойного; поэтому нынешнее, гораздо более свободное, положение свое он чрезвычайно ценит.

Поместили его в нашу палату № 6, где до сих пор, за выбытием Кондратьева в соседнюю с нами палату, мы находились втроем: генерал Болдырев, корнет Попов и я.

18 февраля

Продолжаю мои рассуждения и развитие мыслей, записанных третьего дня.

При моем понимании характера деятельности государственной власти, когда в основу ее положен принцип – “tout pour le peuple, – mais rien par le peuple” – самым идеальным, по крайней мере в теории, образом правления являлось бы самодержавие, если бы сравнительное превосходство этого строя не было бы тесно обусловлено на практике некоторыми необходимыми постулатами из области чисто личной, касающейся качеств и свойств, всегда случайных, самого носителя власти.

Идея самодержавия, связанная с укоренившимися традициями прошлого и с историческими устоями государства, тем самым привлекает многие умы народные и действует спланивающим началом народного объединения, а потому эта идея представляется высокой и обеспечивающей благосостояние и государства, и народа в определенных рамках личного нравственного авторитета и обаяния власти. Для того чтобы этот авторитет и это обаяние были действительны, могли интенсивно влиять в благотворном смысле, необходимо

для представителей этой самодержавной власти заключать в себе, в личности своей, всю сумму высоких идеалов, которыми народ особенно дорожит. Если этот чисто нравственный авторитет перестает опираться, по той или другой причине, на действительные заслуги, то сохраняемое обаяние старины и сила унаследованных традиций и исторически сложившихся привычек сохраняют еще, на некоторый период времени, весь ореол власти, уже обоснованный скорее иллюзией и гипнозом, нежели действительным фактором признания и преклонения. Такая связь делается уже очень непрочной и зависит часто от того или другого стечения счастливых или неблагоприятных обстоятельств, причем обстоятельства второго порядка вызывают острый кризис и крах, временный или уже радикальный, в связи с тем, как определяется дальнейшая конъюнктура.

Повторяю, однако, что, по моему мнению, идея сама по себе остается высокой и чистой; осуществление ее в жизни сулит наиболее полный и успешный расцвет страны и наилучшее обеспечение ее спокойствия и преуспеяния. Трудно спорить с тем, что умный, талантливый, просвещенный самодержец, чутко понимающий задачи момента, чуждый личных побуждений и весь отдавший себя служению на благо общее – являет собой наиболее простой и действительный способ достигнуть для всех желательного, для всех выгодного и полезного государственного управления.

Но ввиду условности такого достижения наибольшего блага суть основных законов страны не может ввести такой способ как длительный, не подлежащий изменениям и коррективам, устойчивый; а потому на те часто, к сожалению, возможные случаи, когда личные условия или свойства самодержца не могли бы дать достаточно гарантирующего правильность своего функционирования начала, необходим корректив, осуществляющийся путем установления ограниченной основными законами монархии конституционной, где совместная деятельность высшего органа власти с народным представительством, взаимодействием своим, хотя и не достигает всей простоты и удобства самодержавного правления, но зато должна обеспечивать страну от ошибок и крайностей той или другой стороны. Ибо увлечение в сторону предоставления слишком широких прав народному представительству грозит не менее тревожными и вредными для страны крайностями, а также лишает ее возможности легко использовать ту счастливую случайность, когда появляющийся на престоле выдающийся личными качествами носитель верховной власти может творческим правлением своим не-

сравненно шире удовлетворить потребности нации, нежели более сложная и громоздкая парламентская деятельность.

19 февраля

Я раньше, во времена нашего сожительства с министрами Временного правительства, описывал, как нервничали Коновалов, Третьяков, Карташев, Смирнов, Салтыков и как боялись каких-либо нападений на себя, ибо призрак самосуда над нами всегда здесь витает, а во время пребывания с нами бывших министров опасность, разумеется, обостряется. Я описывал, как, накануне своего освобождения, горько плакал Коновалов, какую вообще тяжелую группу представляли из себя эти люди, мелкие, робкие, запуганные, оказавшиеся намного ниже той роли «спасателей» Отечества, на которую самонадеянно и легкомысленно решили было подняться. Таковы были министры революционного времени.

Ныне с нами живет министр царского времени, В.А. Сухомлинов, безмерно много испытывавший за эти два года, семидесятилетний старик, у которого естественно силы могли бы быть подорваны, после выпавших на его долю страшных испытаний, и при сознании, что вся невежественная и злобная солдатская масса, да и вообще большинство людей и более культурных классов, очень враждебно по отношению к нему настроены.

Оказывается, перевод его к нам в «Кресты», да еще на привилегированное положение в нашем хирургическом отделении, привлек на себя внимание и подозрительность полка, несущего у нас караульную службу, Л.-гв. Московского, состоящего теперь сплошь из большевиков. Как мы сегодня узнали, в нашем карауле вчера стало развиваться угрожающее состояние духа: солдаты поговаривали, что покончат с Сухомлиновым, да заодно и со всеми нами, монархистами. Комиссар тюрьмы нашей, Павлов, вчера же поехал в Смольный и доложил о ненадежности положения, в каком мы находимся, и вследствие этого доклада Совет рабочих депутатов постановил для нашей охраны прислать команду из солдат латышей, вполне верных правительству, за послушание и корректность которых можно было бы ручаться. Около 12 часов ночи мы услышали под нашими окнами шум от голосов и, взглянув в окно, увидели, что большая воинская команда направляется к нам. Латыши с большим шумом и гамом, стуча прикладами ружей, заняли постами все наши двери. Ничего не зная о том, для чего пришли эти солдаты,

которых в обыкновенное время не бывало в нашем помещении, мы имели бы полное основание быть взволнованными, а особенно Сухомлинов, который в это время уже укладывался спать. Узнав, в чем дело и откуда происходит шум, царский министр спокойно перевернулся на другой бок и через несколько минут заснул крепким, спокойным сном, как будто бы ни в чем не бывало.

Вот как нужно себя держать в минуты опасности, господа революционные министры, а не ходить расхлябанными мокрыми петухами, у которых все перья повырывали; не плакать, не трусить и не ныть над своей персоной.

Относительно другого царского министра, А.Н. Хвостова, должен отметить, что и он держит себя с полным достоинством и мужеством. Должен заметить, что отсутствие тенденциозности и пристрастия в этой моей заметке, в чем, пожалуй, готовы были бы некоторые меня заподозрить, может быть доказано тем, что это сравнение не мне первому пришло на ум: по этому поводу поделился со мной своим тождественным впечатлением генерал Болдырев, взгляды которого совсем не сходятся с моими, и который, вообще, не склонен особенно умиляться над порядками и людьми времен царской, еще честной и не опозоренной, России.

Сегодня Владимира Львовича Бурцева вызывали в революционный трибунал. Там ему объявили, что большевики согласны были бы немедленно выпустить его на свободу, но с условием, что он даст подписку не писать в газетах статей против большевиков. После переговоров его просили только признать принципиально самую власть Ленина и К°, но Бурцев наотрез отказался пойти на такие даже минимальные, с точки зрения большевиков, компромиссы и вернулся вечером к нам. Нахожу поступок Бурцева очень благородным и доказывающим цельность его характера. Будучи разных с ним убеждений и считая, что его значение и таланты сильно переоценены как им самим, так и окружающими его, я часто посмеивался над ним. Тем более я считал своим долгом вчера засвидетельствовать ему мое сочувствие и уважение; я просил его дать мне пожать свою руку и разрешить мне его поцеловать.

20 февраля

Итак, свершилось! То, что для немногих было ясно с первых дней революции, а именно, что с умышленным развращением и уничтожением нашей Армии погибнет не только дело войны, но и

сама могущественная и великодержавная Россия, должно сделаться ясным и для массы одураченных, глупых русских людей, ломавших сук, на котором сидели, и доведших Родину свою до последней черты. Каково-то выйдет теперь с вашей революцией, государи мои? Что-то не слышно истерических воплей, как в былое время Керенских и других подлых межеумков – «спасайте революцию!» «Великая революционная армия, осененная своими красными знаменами, сумеет защитить и отстоять великие завоевания нашей великой революции!» «Революционный пожар красной России распространится по всей Европе и поможет пролетариату всех стран, во имя великих лозунгов Интернационала, восстать против вековых угнетателей, империалистов и капиталистов, и в торжествующей победе своей обречь дорогу к всемирному братству всех рабочих, батраков и всех беднейших крестьян, которые сотрут в порошок под могучей десницей своей власти всех ненавистных буржуев».

Так как же, государи мои, прикажете теперь понимать все эти ваши речи? В каком смысле надо подразумевать ваше конечное торжество? Свою революцию вы так усердно «углубляли» и «расширяли», что, наконец, дружными усилиями вас всех, и кадетов, и эсеров, и эсдеков, и большевиков, она оказалась вами отчасти, в расширении своем, распыленной по ветру, а в своем углублении – прочно и глубоко врытой в землю, так что не подняться ей вновь, и не собраться вновь в сплоченном единстве жидомасонских сил. Ваша работа была так старательна и вместе с тем так идиотски самоубийственна, что ныне по всей Европе дискредитированы не только ваши крайние учения, но вся идея социализма на много лет потеряла свой авторитет и свое значение среди европейских рабочих масс. Вы хвастались, что пролетариат всего мира поднимется провозглашать солидарность свою с вами, а между тем все демократии, как союзных, так и вражеских государств, с одинаково брезгливым презрением отворачиваются от вашего черного, предательского дела, и от вас самих, и готовы объединиться, с целью успокоить нашу несчастную страну и ввести порядок там, где освобожденные рабы торжествуют свой дикий и кровавый шабаш...

Что вы похоронили свою «великую революцию», так этому я могу только радоваться: это единственное полезное для России дело, которое вам удалось совершить. Но одновременно вы погубили и Родину свою, нашу, бывшую великой и такой любимой, Святую Русь, и это дело окровавленных братской кровью рук ваших не может для меня быть ни безразличным, ни маловажным: напротив то-

го, в этом зиждется основание той жажды мести и кары, которая сердца наши распяляет неудержимой злобой, глубочайшим негодованием, и даст вскоре нам силы, если вы в нашей тюрьме не удосужитесь всех нас перерезать, подняться всем против наглой, преступной, насильнической и лживой власти меньшинства над большинством, власти петербургского гнилого болота над необъятною ширью и мощью России...

На этих страницах моего дневника написано много строк, пропитанных желчью и гневом против моего родного народа. Ни одну из этих строк не изменю, ибо думаю, что все, ими выраженное, есть горькая правда. Но я сознаю, что другой, более снисходительный русский человек, мог бы отнестись мягче к своему же родному народу, памятуя былую преданность свою ему и дорожа своею с ним кровной связью. Думаю, что и чувства, руководимые мною, если в них досконально разобраться, таят в глубине своей и любовь, так беспощадно поруганную, и участие, так грубо и неблагодарно отринутое. Но вынесенные страдания, но жестокие разочарования, но жгучий стыд, но презрение и негодование – слишком сильно владеют теперь моей душой, чтобы я мог изменить мои слова гнева и печали, попавшие в искреннем порыве на листы дневника моего. Крушение моих потерянных и опозоренных идеалов так велико, трагедия, мной пережитая, так еще свежа и жива, что во мне нет ни смирения, ни духа прощения, ни участия или жалости перед той судьбой, которую, по крайней мере, на ближайшее будущее, уготовил себе слепой и преступный, темный и помутившийся разумом народ. И однако, когда я немного выше писал о ныне исчерпывающемся властвовании над Россией холодной, гнилой и чужой Ингерманландии, мне почудилось новое настроение, готовое поддерживать мою сметенную думу проблеском какой-то смутной надежды, намеком на какой-то просвет.

Мне кажется, что мы ныне переживаем крупный поворот в нашей истории, независимо от встряхнувшей нас революции, такой несвоевременной, такой ненациональной, такой беспочвенной. Явление, которое я имею в виду, несравненно важнее и грандиознее, чем удавшаяся, к несчастью, жидовская каверза, бездарно проведенная по чужому трафарету Французской революции и оканчивающаяся шутовским, но кровавым, трагическим фарсом.

Кончился петроградский период русской истории. Среди грандиозного потрясения всех устоев государства и всех жизненных основ народа зачинается новая эра. Россия продолжает свое истори-

ческое шествие, споткнувшись на трагическом повороте, растеряв все свои материальные блага, выронив из ослабевших рук меч, ей врученный для защиты, но, сохранив еще – я в это верю – искру своего народного духа. Этой искры достаточно, чтобы в свое время воспламениться широким, очищающим пожаром и зажечь сердца русские пламенем тех духовных дерзаний, наличие которых надежно обеспечит дальнейший ее путь к Свету. Петербургское полицейское государство, со своей системой чрезмерной централизации, обездушившей на чухонском болоте действительно живительные, производительные и созидательные силы народы, отжило свой век. Ему на смену приходит что-то, которое чудится мне началом животворного, счастливого и могучего расцвета Родины.

21 февраля

«Полицейское государство». Да, такой была петербургская Россия. Само собой разумеется, что я не заражен наивной прямолинейностью и яростью каких-нибудь эсдеков и не в осуждение характеризую этим словом Россию петербургского периода, а только констатирую факт. Думаю даже, что раз так было, то, следовательно, исторически так и должно было быть, исходя не только из положения, что “chaque peuple a le gouvernement qu’il mérite”¹²⁷, но и из другого – “chaque époque donne aux nations le gouvernement qui s’adapte le mieux avec elle”¹²⁸. Это период нашей истории дал России, рядом с большими ошибками и заблуждениями ее правительства, и очень много славы, могущества, преуспевания и красивых, содержательных, ярких страниц. Поэтому я никогда не дерзну утверждать, что этого не должно было быть, а скажу только, что, как мне чувствуется, этого больше не будет: многие, устаревшие действия государственной власти отпадут и заменятся действиями не охраняющими и обороняющимися, как было раньше, но творящими и созидающими в тесном взаимодействии всех живых и жизненных сил страны. Как и что будет – я не знаю и не угадываю еще, но только предчувствую общие контуры того нового, что к нам грядет. В одном я уверен: в дальнейшем, как и раньше, будет жить, преуспевать и развиваться Царская Россия, а ни какая иная... Не сомневаюсь также, что с водворением порядка жидовское засилье, ныне так характерно обрисовывающее революционную Россию, исчезнет, и все наглые еврейчики, теперь так самодовольно и злорадно главенствующие решительно во всех отраслях нашего правительст-

венного механизма, попрячутся в свои норы: иначе я не могу представить себе дальнейшего существования России, ибо проклятый этот год с достаточной ясностью показал, к чему приводит хозяйничанье и верховенство заклятых, непримиримых врагов русской государственности и русского народа.

Меня могут спросить, ибо я не объяснился, где я вижу теплящуюся искру народного духа, просвет, сулящий нам спасение? В мужественном, решительном тоне послания нашего Владыки Патриарха, в набате церковного колокола, который, пока редко и спорадически, но с каждым днем все чаще и внушительнее, начинает звонить по градам и весям страны; в крестных ходах, с каждым днем становящихся более частыми и многочисленными, все более притягивая и привлекая к себе участие и сочувствие народных масс; в епископах и священниках, свято и с достоинством выполняющих свое высокое призвание и падающих под пулями революционеров...

Вот где кроется зародыш новой силы России. Эта сила будет прогрессивно расти и вырастет в могучее движение, которое перенесет нас к стародавним временам Смутного времени, когда Минин и Пожарский, вдохновленные вещим словом святого Гермогена, творили воссоединение и оздоровление Руси.

И вот почему мне теперь не страшны сделались переносимые нами ожидания немецкой оккупации, занятие Петровой столицы вильгельмовскими генералами. Пусть выпал нам тяжелый жребий вынести еще и это унижение, но, раз жив народный дух, раз растут оздоровление, отрезвление и упорядочивание народа, можно смиренно согнуться под тяжестью испытания и найти силу, чтобы стойко его перенести, в светлой надежде на лучшее будущее.

Эти дни мне особенно жаль не быть свободным, чтобы понаблюдать за тем, как реагирует петербургское одуроченное население на тот кошмарный обман большевиков, которого оно стало жертвой. По рассказам, доходящим до нас, озлобление и антибольшевистское настроение в городе растут, с приправой юдофобства. Думаю, что большевики падут еще раньше прихода немцев. Опять-таки по рассказам, растут в городе и смелеют монархические настроения. Дай-то Бог!..

Наш новый сожитель, Владимир Александрович Сухомлинов, не может достаточно нарадоваться, что попал в такую хорошую обстановку, как наша. Действительно, после двухлетнего томления в крепости, подверженный самому суровому режиму одиночного заключения, с короткими свиданиями на 20 минут один раз в неде-

лю с родными в присутствии караульных, он может теперь отдохнуть, поделиться мыслями с товарищами по заключению, лучше питаться, видется с женой, аккуратно его посещающей.

При этих благоприятных условиях Сухомлинов начинаетправляться; с каждым днем молодеет и делается оживленнее. Он много нам рассказывал интересного из времени своего нахождения у власти, приводит очень веские доказательства своей невинности и недостойных интриг, веденных против него штабом Великого Князя Николая Николаевича.

22 февраля

Между прочим, Владимир Александрович Сухомлинов рассказывал нам очень характерный эпизод, имевший место в 1915 году, когда Великий Князь Николай Николаевич, к несчастью для всего исхода войны, был Верховным главнокомандующим. Однажды Великий Князь прислал Сухомлинову извещение, что его жена, Великая Княгиня Анастасия Николаевна, просит его к ней приехать по делу. Сухомлинов исполнил немедленно желание Великой Княгини, которая, поздоровавшись, тотчас приступила к изложению дела, ее интересовавшего.

Оказалось, что она просила военного министра, чтоб он сделал распоряжение о посылке с Кавказа для черноморской армии, якобы страдающей от холода и плохо одетой, сорок тысяч бурок. «Вы знаете, – говорила Великая Княгиня, – какие доблестные герои наши черноморцы и как много они помогают России: им необходимо помочь, так как они очень плохо одеты, и неоткуда достать им теплой одежды, а Вам ничего не стоит это устроить».

Сухомлинов, ошеломленный, что в такое тяжелое время, когда не всегда удавалось обеспечивать теплой одеждой нашу собственную действовавшую Армию, русская Великая Княгиня решалась обращаться с такой нескромной просьбой, отвечал: «Ваше Императорское Высочество, подумали ли Вы, какую громадную цифру Вы назвали? Я совсем не знаю, сможем ли мы достать такое количество бурок, и должен справиться у главного интенданта. Во всяком случае, прошу Вас принять в соображение и то обстоятельство, что наша собственная Армия не всегда достаточно может быть снабжена всем необходимым».

Такой ответ не понравился, и Великая Княгиня возразила недовольным тоном: «Вы не можете сравнивать наших черноморцев

с вашей Армией. Подумайте только, что в России населения больше 200 миллионов, а в Черногории всего несколько сот тысяч».

Из этой фразы выходило, как будто, что русский народ, вследствие его большого количества, можно менее жалеть, нежели черногорский, и из достоинства этого же русского народа благодетельствовать черногорцам.

Сухомлинов попробовал крайнее средство, предупредив, что он не имеет права взять на себя исполнение такой просьбы, и обязан на то испросить Высочайшее соизволение. Хотя и с неудовольствием, но Великая Княгиня согласилась на такой исход и просила известить о результате.

Сухомлинов, между тем, передал главному интенданту генералу Шуваеву об этом деле. Оба они согласились, что испрашиваемая цифра превосходит всякую возможную меру требовательности и назойливости. После наведенных Шуваевым на Кавказе справок оказалось, что говорить о сорока тысячах бурок никак нельзя, что и наша Армия имеет их очень ограниченное число, что приготовить такое количество потребует очень долгого времени и громадных денег. В конце концов выяснилось, что бурок 100 или 150 можно, действительно, собрать в самом скором времени.

На ближайшем Высочайшем докладе Сухомлинов доложил Его Величеству, что он на днях экстренно по делу был вызван к Великой Княгине. Государь недовольно поморщился и спросил его, почему он к ней поехал, не доложив раньше Государю и не испросив его разрешения. Сухомлинов объяснил, что вызван был не непосредственно Великой Княгиней, а через посредство Великого Князя, и вот почему он счел нужным немедленно явиться на его приглашение. Государь с этим доводом согласился и, когда узнал, в чем было дело, вполне согласился, что бурок, особенно в таком непомерном количестве, отпускать Черногории невозможно, но, хотя Его Величество и был крайне недоволен ходатайством Великой Княгини, тем не менее пожелал, чтобы Сухомлинов как-нибудь вопрос уладил. Владимир Александрович доложил, что было бы вполне возможно выслать сотню бурок. Государь рассмеялся и одобрил такое решение, причем, по свойственным ему деликатности и мягкости, сказал: «Только прошу Вас, Владимир Александрович, раз уж мы так мало посылаем, то чтобы все налажено было поскорее».

Являлся новый затруднительный вопрос – как переслать в Черногорию, с которой сообщение наше было крайне затруднено,

эти пресловутые бурки? Военный министр снова поехал в Великой Княгине, сообщил ей о решении Государя и просил указать, куда надо сосредоточить эти бурки. Произошло новое недоразумение: Анастасия Николаевна совсем не знала, как наладить переправку бурок и просила Сухомлинова заняться этим делом. Великая Княгиня в военное время утруждала военного министра еще этими вздорными поручениями.

Сухомлинов предложил все бурки отправить в Одессу к местному черногорскому консулу, которому и надлежало заняться доставкой их в Черногорию: это предложение было принято.

Прошло больше месяца. Вместо 40 тысяч, 100 бурок несколькими партиями были доставлены одесскому консулу. Между тем Великая Княгиня снова обращается к Сухомлинову и сообщает ему, что от бурок черногорцы отказываются, так как не привыкли носить такие плащи без рукавов, и она просит вместо бурок выслать сорок тысяч солдатских шинелей: на эту просьбу уже было отвечено решительным отказом.

Вот каким образом женская вздорная затея, не проверенная даже относительно действительной потребности в бурках, отнимала время у Государя, и у министра, и у интенданта.

Несчастный был день, когда две дочери черногорского короля вступили, благодаря своим бракам, в нашу Императорскую Семью¹²⁹. Кроме вреда, от этих двух в высшей степени антипатичных женщин ничего не вышло. Особенно противно и гнусно было то, что обе сестры распространяли про Императрицу Александру Федоровну сплетни, клевету и возмутительные инсинуации!

Про эту черногорскую семью вспоминаю вполне достоверный рассказ Петра Семеновича Ванновского, бывшего тогда военным министром. Когда на обеде, данном в честь тогда еще князя Николая Черногорского, Император Александр III провозгласил свой знаменитый тост: «Пью за единственного верного друга России», в тот же вечер князь Николай заехал к Ванновскому и попросил его исходатайствовать у Государя получение ста тысяч винтовок. Свою просьбу он мотивировал тем, что, будто бы, после тоста Государя его положение делается затруднительным в отношении Австрии и требует увеличения вооружения.

Так всегда поступала эта семья. Всем теперь известно, что чуть ли не половина денег, пожертвованных Россией для нужд черногорского народа, осталась собственностью короля, ставшего ныне, как я слышал, чрезвычайно богатым человеком.

Сегодня генерал Б[олдырев] рассказал мне интересный эпизод о генерале Куропаткине. Как известно, в 1916 году эта «крупная, но мало признанная бездарность»¹³⁰, как остроумно характеризовал Куропаткина покойный генерал Салогуб, занимала пост главнокомандующего нашим Северным фронтом.

Напыщенный и бестактный рекламист, столько зла принесший России еще в Японскую войну, здесь, в войне против германцев, оказался совершенно устаревшим и отставшим от новых боевых условий, так что все его главнокомандование свелось к сплошному недоразумению, смахивающему на буффонаду или фарс. Хвастался он немилосердно, в разговорах своих с подчиненными упорно указывая на то, что в его лице все имеют честь видеть «крупного государственного человека».

Так вот, во время одного из таких разговоров он и обмолвился такого рода изумительной по нахальству и бессовестности фразой: «Я, ведь, особенно не заинтересован в боевых успехах, как какие-нибудь начинающие, молодые генералы: моя репутация давно уже составлена, так что я ли немцев побью, или немцы меня, мне это все равно – ведь я не приехал сюда карьеру делать!..»

Несчастливая Россия, так обильно населенная людьми, не доросшими до понимания истинного государственного служения и не чувствующими, что такое есть любовь к Родине... Должен обратить внимание, что такие недобросовестные люди встречаются все больше не из настоящей, дворянской среды, а из среды «интеллигентской» Керенских, Рузских...

24 февраля

Пишу только урывками и никак не могу записать в своей тетрадке всю ту вереницу мыслей, всю ту массу впечатлений, которые приходится переживать в эти исторические, трагические и решающие дни... Чувствую сам, что мой дневник приходит к концу, и, если не буду здесь зарезан или застрелен какой-нибудь бандой рабочих, желающих в своем злобном отчаянии выместить на нас свое безнадежное положение, то завтра, или послезавтра, или, во всяком случае на этих днях, я буду свободен.

Что дальше будет – трудно предвидеть, но в одно я верю: Россия в конечном итоге не погибнет! Уже взят Псков, и каждый день можно ожидать вступления немцев в Петроград. Но я помню, что в Смутное время поляки хозяйничали в Москве, русской столице

того времени, как у себя дома, а между тем падение государственной разрухи и возрождение и укрепление объединенной народной воли, направленной к сохранению своей самобытной жизни, сделали то, что очень скоро Родина наша воспрянула духом и быстро оправилась от пережитых потрясений – и начался новый период русской государственности.

Так будет и теперь! Почему-то у нас, да и в Европе, все сличают и сравнивают события русской революции с французскими революциями, а особенно первой, так называемой «великой»! А в то же время совсем забывают более вдумчиво оглянуться поглубже, в даль веков, и вспомнить наше Смутное время, с которым протекающие ныне фазисы нашей грандиозной разрухи имеют не менее, но, как лично мне кажется, гораздо более сходства.

22 февраля, вечером, перевели к нам из Петропавловской крепости Михаила Ивановича Терещенко, Петра Моисеевича Рутенберга (убийцу Гапона), Петра Иоакимовича Пальчинского, Николая Михайловича Кишкина и Николая Дмитриевича Авксентьева. Должен отдать справедливое этому транспорту сподвижников Керенского, что они держат и ведут себя несравненно увереннее, чем министры Временного правительства первого транспорта, о которых я выше писал свои впечатления.

Из этих людей, ныне прибывших, один Терещенко производит определенно хорошее впечатление: милый, симпатичный, прекрасно воспитанный человек, умный, образованный, начитанный. Из остальных Кишкин – типичный благодушный, с виду безвредный и, во всяком случае, напитанный всякими добрыми и высокими, хотя и трафаретными идеями, кадет. Остальные все – то, что с гордостью наш самовлюбленный старичок Бурцев называет «деятельными партийными работниками»: в просторечии следует понимать это определение в смысле деятельных революционеро-террористов.

Из них Рутенберг один – очень интересный человек, большого ума, сильной воли, непреклонной решимости. Как на союзника, на него можно положиться, как на каменную гору; имея же его своим врагом, надо считаться, что этот противник в одном своем лице представляет грозную и очень серьезную опасность. Вместе с тем, насколько могу судить, он должен быть человеком принципиальным, прямолинейным и с развитою идеалистической основой, что не мешает ему, вероятно, в сфере достижения своих целей, прочно держаться на почве практика и реалиста.

Пальчинский – по-видимому, очень самоуверенный, самодовольный и самонадеянный честолюбец, но, как говорят, хороший специалист-инженер. Кишкин – типичный кадет, благонамеренный доктринер, весь нафаршированный партийной ограниченностью и благодушным оптимизмом. Вместе с Авксентьевым, они оба представляют собой полное ничтожество и несомненную бездарность.

Мне не пришлось до сих пор упомянуть о живущем у нас вот уже около двух недель Мечиславе Карловиче Янковском, «большевичке», как я его называю. Он действительно состоял в большевистском правительстве на должности тюремного комиссара и, следовательно, на правах товарища министра. Янковский – еще очень молодой человек, 27 лет, целых 8 лет путешествовал по всему свету, был во всех частях его, занимался самыми разнообразными специальностями, ибо заработок был для него необходим, так как он никаких денег не имел. Опыта и знаний, правда, отрывочных, Янковский приобрел очень много: окончив в 18 лет реальное училище, он дальше средней школы не продолжал своего образования, но, разумеется, его странствования и изучение жизни на практике не прошли даром и создали из него человека бывалого и оборотливого.

В политическом отношении он представляется мне носящим маску и не исповедующим искренно большевистских принципов: в сумбурные дни, но вместе с тем и дни, к счастью, финального кризиса для нашей революции, я не могу рассчитывать, что он свою маску снимет, но думаю, что по прибытии немцев в Петроград, когда многое смутное, непонятное и подозрительное станет и понятным и ясным, маска будет снята, и я предчувствую, что под этой маской вряд ли я найду человека, имеющего какие-либо убеждения иные, как оплаченные «господином данного момента»*.

Очень интересен рассказ Янковского о том, как он попал к нам в «Кресты». Поступив во время войны вольноопределяющимся в один из наших пехотных полков во Франции, он два раза был ранен, заслужил четыре Георгиевских креста и чин подпрапорщика (имею основания предполагать, что рассказ о наградах и о ранении был сплошной ложью). Вместе со своим полком был переведен на Салоникский фронт и оттуда был избран делегатом в Петроград, в Совет рабочих и солдатских депутатов.

---

* Как выяснилось позже, Янковский занимался провокаторством и шпионством и чуть нас всех по одному поводу не подвел под расстрел (примеч. Ф. В. Винберга).

Попад сюда, он оказался в милости у большевиков и, после октябрьского переворота, назначен тюремным комиссаром. На этой должности, по отзывам многих наших «тюремных сидельцев», он всегда проявлял много заботливости и внимания по отношению к заключенным, к их нуждам и к их безопасности.

Положение его пошатнулось вследствие интриг его подчиненных. Сам он получал жалованья 360 рублей в месяц, в то время как многие подчиненные его получали втрое и вчетверо больше. Дело в том, что все более или менее хорошо оплачиваемые должности были предоставлены Советом народных комиссаров разным рабочим, которые умудрялись, кроме жалования, получаемого на службе государственной, сохранять еще и свое содержание, получавшееся на том или другом заводе.

Против таких злоупотреблений Янковский повел борьбу и, между прочим, заметил, что комиссар по нашей тюрьме, Павлов, простой рабочий, получавший, вероятно, раньше не больше 100 рублей в месяц и, наверное, бывший вполне довольным таким вознаграждением за свои труды, ныне, попав в тюремные комиссары с жалованием в 500 рублей в месяц, хлопотал о сохранении, кроме этой крупной для него суммы, и помесячного содержания на фабрике, хотя, разумеется, назначение его на казенное жалование и государственную службу, исключавшее для него возможность работать на заводе, исключало для него право ходатайствовать о сохранении заработной платы, очень крупной – около 700 рублей, тем более, что на фабрике своей он никогда не работал.

Этот и несколько других подобных же случаев возбудили против не в меру ретивого начальника общее неудовольствие всех подчиненных, и в результате Янковский очутился по своему же ведомству уже не главным начальником, а арестантом.

Для характеристики стяжательных инстинктов революционеров эти штрихи интересны, но думаю, что и сам Янковский с казенными деньгами не церемонился, ибо во всем сбросе революционном все и каждый другого стоят.

28 февраля

События бегут... Революция кончается... Немцы с каждым днем все ближе... Ближе наше освобождение...

Все хуже пишется мой дневник: не до него теперь, когда так много русских людей, и в числе их, увы, нахожусь и я – которые

с нетерпением ждут прихода немцев... Ждут, когда неприятель овладеет нашей столицей и обуздает наш исподличавшийся, потерявший образ человеческий, народ... Какая трагедия в таком положении вещей, до которого довел нас совершенный жидами развал России!..

В то время как я пишу эти ужасные строки, в неприветливое утро (5 часов утра) петербургской зимы, сидя в тюрьме, куда мой же народ меня засадил только за то, что я не хотел поступать против своей присяги, своей чести и своей совести – я спокоен и никакие укоры совести не смущают меня. А между тем, написанное мной звучит как бы предательством и изменой: можно ли радоваться, как избавлению и спасению тому, что враги наши топчут нашу родную землю, что перед ними бегут, как стада баранов, остатки наших развалившихся полков, что немцы вводят у нас тот порядок, который мы не сумели ни обеспечить, ни отстоять?

Оказывается, что невозможное бывает иногда возможно... Оказывается возможным радоваться посрамлению и позору своей Родины! И до этой последней черты нас довел наш же народ, выказывавший такую низость душевную, такую бесчестность и такую злобу в отношении ко мне и мне подобным, что жить, хотя бы сносно, пока народ пользуется своей разнузданной свободой, стало невозможно, и все средства, самые крайние, ведущие к обузданию разбушевавшегося хама, оказались приемлемыми и даже желательными.

И тем не менее, русский народ, я чист перед тобой и могу смело и открыто смотреть тебе в глаза, и не я, а ты опустишь свои глаза с робостью и сознанием своей вины перед моим презирающим и негодующим взором. Всю жизнь свою я посвятил служению тебе, помощи тебе, поддержке и способствованию лучшим условиям твоей жизни и твоего развития. И ты отплатил мне сторицей за те добрые чувства, которые я питал к тебе, и за то добро, которое я тебе сделал! Так отплатил, что теперь я, бывший твой защитник, с удовлетворением наблюдаю, как начала свистать чужестранная плеть, тебя, раба, карающая, и как зазвенели цепи, для тебя, раба, уготованные..

Вчера вечером к нам привезли из Петропавловской крепости Ивана Григорьевича Щегловитова. Как и все, к нам приезжающие, он был приятно поражен лучшими, сравнительно с Трубецким бастионом, условиями нашего заключения. Он поселился в нашей камере.

1 марта

Записываю несколько стихотворений, написанных узниками Петропавловской крепости и «Крестов».

26 февраля – 25 октября 1917

*Вчера мы влачили в тоске и печали,
Суров был карающий рок:
Почтенные люди у власти стояли,
А сволочь сажали в острог.
Сегодня идем мы по светлой дороге,
Пред нами – пленительный вид:
Почтенные люди томятся в остроге,
А сволочь – у власти стоит...*

Н.П.

Романс Трубецкого бастиона

*Пришла тюрьма – явилась Муза:
Жизнь и поэзия – одно!**
*Крамольно – Смольного конфуза
Пью большевицкое вино.
Мечты о мире сепаратном
В действительность превращены:
Ведь Троцкий хочет (так понятно),
Чтоб все мы были аккуратно
И непременно – «сепаратно» –
По тюрьмам распределены:
Социалисты, монархисты,
Солдаты и «офицера»,
Ну, словом – «все капиталисты»...
«Бронштейну, Ленину – ура!»...*

А.Г.

[...]

---

* Выражение В.А. Жуковского (примеч. Ф.В. Винберга).

Панцирь паладина

*Не мне, монархисту, в лихую годину,
Роптать на событий естественный ток:
Пусть сволочь дерется, деля воровщину,
Пусть в страхе буржуй заперся на замок,
Я, чуждый корысти, несклонный к испугу,
Охотно на время отдался досугу
И новых людей я разглядывать рад,
Сквозь вещицы строфы старинных баллад.*

* * *

*В грязи междуцарствия, в смраде обмана;
Мне весело слышать от новых господ,
Что гвардия Либера, Гоца и Дана,
Престол сокрушая, спасала народ!..
Охота сплетать вам такие тирады!..
Сказали бы лучше из старой баллады:
«Изменой слуга паладина убил –
Убийце завиден сан рыцаря был...»¹³¹*

* * *

*С улыбкой гляжу на воршиек проворных,
Спешащих упиться добычей своей,
На хамов, сидящих в каретах придворных,
На «бабушек», гадящих спальни Царей...
Справляй же, каналья, свои маскарады!
А я вам напомним из старой баллады,
Как «шторы и панцирь убийца надел
И в них на коня паладинова сел...»*

* * *

*Но, сколько бы Русь вы не рвали на части,
Удел ваш – издохнуть, добычу деля:
Безжалостна месть ниспровергнутой власти,
Спокойно карает родная земля,
И каждый из вас, домогаясь пощады,
Услышит последние строфы баллады:
«Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил...»*

* * *

*В нас сила проснулась, в нас вера окрепла!
Мы знаем: очищенный знойным огнем,
Престол наш воспрянет, как феникс из пепла,
Сквозь горе и муки мы к Свету идем...
А ныне, Престола еще недостойный,
Народ пусть поплачет в республике знойной,
Где воры, в забвении старых баллад,
Свирепо дерутся за найденный клад.*

Октябрь 1917.

Н. П.

[...]

«Крестоносцам»

*О, вы, вожди и демагоги,
Как будто давшие обет
До дня последних наших бед
По тюрьмам обивать пороги!..*

*Какие резкие контрасты
Наречий, взглядов и чинов!..
Увы, равны в стенах «Крестов»
«Сыны свобод» – и «дети касты»...*

*Хорош и сыщик-журналист;
Отменен друг его – Белецкий;
Хвостов – ушкуйник молодецкий,
И Рутенберг – социалист...*

*С улыбкой монархистский блок
Глядит, как по закону кармы,
Зубрят былые командармы
Французско-английский урок...**

---

* Генералы Черемисов и Болдырев много занимались в тюрьме языками французским и английским (примеч. Ф.В. Винберга).

*Горбась над кухонной плитой,
Министров временных бедлам
В слезливом тоне меж собою
Упреки шлет большевикам...*

[...]

В настоящую минуту у меня нет под рукой больше ни одного из тех стихотворений, которые созданы были различными нашими политическими заключенными, но я имею в виду записать в свой дневник еще несколько особенно мне полюбившихся. Думаю, что эти стихи будут как раз на своем месте, попадая на страницы моего дневника.

4 марта

За эти три последних дня снова начался отлет наших здешних сидельцев: освобождены Бурцев, Кишкин, Авксентьев, Кондратьев, доморощенный Наполеон Болдырев, страстно мечтающий восстановить свое служебное положение. К сожалению, отпущены пока только все левые, кроме Рутенберга и Пальчинского, и такой оборот внушает мне некоторое опасение: неужели нам, правым, нет еще вблизи надежды выбраться на свободу? Меня все более тяготит мое заточение, а особенно в такое время, как теперь, и я с жадностью и радостно прислушиваюсь к объяснениям Екатерины Викторовны Сухомлиновой, уверяющей, что придет скоро и наш черед вернуться к свободе. Во всяком случае, до прихода немцев недолго ждать, а они, как я полагаю, прекратят мое нелепое тюремное сидение. Но мне хотелось бы избежать именно этого, ибо я ничем не заслужил такого исхода, при котором враг моей Родины сделался бы моим освободителем.

Сегодня ходят в городе и доходят до нас слухи, будто эсеры готовят новый переворот, имеющий целью свалить большевиков, захватить власть в свои руки и продолжать войну с немцами. Эта ничему не научившаяся, бесконечно самонадеянная в своем нравственном и умственном убожестве, партия способна на такой шаг, ибо, к удивлению моему, эсеры до сих пор не сознают и не понимают, что не большевики, а они сами вместе с кадетами, давшими первый толчок, довели Россию до небывалого во всемирной истории падения. Если бы случилось что-либо подобное, я почти не

сомневаюсь, что преступные импотенты снова не сумеют ничего наладить и уготовляют себе новый крах. Для немцев такое обстоятельство было бы выгодным, ибо дало бы им случай и основание расправиться не только с большевиками, но и со всеми остальными социалистическими партиями: эсеры, ведь, широко внедрены в самую толщу социализма разных толков. Допускаю, что и для нас, монархистов, выступление эсеров может в конечном итоге оказаться выгодным, так как для нас, разумеется, было бы полезно новое и полное посрамление наших противников.

Кажется, что мирные условия, предложенные германцами в Брест-Литовске, были достаточно для нас катастрофичны; но ныне мы заключили мир еще более унижительный, еще полнее сводящий Россию на нет. И народ безмолвствует. Безмолвствует и покорно подчиняется даже тогда, когда цинично и нагло делят его ризы и вколачивают последние гвозди в его гроб. Что же делать! Народ устал. Он может только добывать и мучить безоружных и незащитных жертв своих, и в этом случае он проявляет всю свою хамскую ширь и бодрость, и неутомимость, и задор, и безопасную стремительность. Но против вооруженного и грозного врага родной земли он ничем противостоять не смеет и бежит, позорно бежит, все равно будь он красногвардеец или демобилизованный бывший солдат...

Кроме чуда, нас ничто спасти не может! Я хочу верить в возможности чудес, но проявятся ли они для спасения народа, гибнущего от гноящихся язв своих?

5 марта

Я думаю, что каждому, кто хотя бы бегло просмотрит только несколько страниц моего дневника, будет ясно, как я ненавижу революцию всеми фибрами моей души. Я бы ненавидел ее, кажется, даже в том случае, если бы она оказалась торжествующей в своей альтруистической вдохновенности повелительницей России, ведущей ее к Свету и Правде; если б она выдвинула, как обыкновенно бывало в других странах, целый ряд высокоодаренных, благородных общественных деятелей-идеалистов. Тем более я ее ненавижу теперь, когда ничего подобного не случилось, когда, за целый год бешеного ликования революции, ничего высокого, истинно благородного и мужественного, красивого и самоотверженного в порыве своем – нет, на что могло бы быть обращено беспристрастное внимание, что могло бы вызвать сочувствие и бескорыстное желание поклониться новому

знамени. Взбудоражены все самые низкие, самые подлые инстинкты толпы, которой льстят и которую подкупают не идейные вожди и не носители новых светочей культуры и знаний, но авантюристы и аферисты или узкие, безумные фанатики вроде Ленина, не умеющие, да и не желающие подняться на высоту тех духовных, нравственных и умственных идеалов, которых ценность могла бы оправдать все неисчислимые жертвы, все сокрушительные бедствия, являющиеся неизбежными спутниками великого смятения народного.

При таких условиях я, осуждая нашу революцию, могу стоять на твердой почве объективной оценки событий, беспристрастной критики действий всех, к возникновению и развитию русской революции руки свои приложивших.

Таким образом, хотя я и признаю мое врожденное, чисто органическое предубеждение к революционным идеалам, но гнусный, глубоко хамский и подлый, холопский характер всей нашей русской революции избавляет меня от выводов и заключений личного характера: мне не приходится объяснять глубочайшее мое презрение к русским людям настоящей эпохи, черпая доводы из предвзятых, пожалуй, иногда могущих быть пристрастными, субъективных моих чувствований и мыслей. Жизнь, как она есть, расстилается перед нашими глазами достаточно грязным потоком самых отвратительных и низменных страстей человеческих, так что эпическое впечатление явлений нашей государственной и общественной агонии составляет уже само по себе самый резкий, самый непровержимый обвинительный акт революции.

Вспоминая, как с раннего моего детства сказывалось уже мое врожденное чувство, если можно так выразиться, антиреволюционности. С каким горем и с какими слезами я воспринимал рассказы и чтение про короля Людовика XVI, королеву Марию-Антуанетту и особенно несчастного, безвинного страдальца, святого мученика дофина, оставившего в истории имя Людовика XVII, про которого Бошэн в своем исследовании говорит, что, за исключением Крестной смерти Спасителя, он не знает в истории более раздирающего душу примера несказанного мученичества.

Входя в зрелость, пришлось, разумеется, при изучении истории, подробно останавливаться на французской революции, а позже, на старшем курсе лицея, наш кадет-профессор, Николай Иванович Кареев, с любовью и щепетильной подробностью излагал все фазисы великой трагедии, именуемой, с жидовского почина, благотворной эпохой Великой революции. У всех преподавателей и про-

фессоров, лекции которых мне довелось слушать, а также почти во всех книжках, трактующих о французских революциях, можно было подметить тенденциозность, склонную направить ум слушателя или читателя к признанию благодетельности для человечества и необходимости революции как таковой. Каждый, кто желает быть беспристрастным, признает несомненную наличность такой тенденциозности, сказывающейся хотя бы уже в том странном, на первый взгляд непонятном явлении, что книги, относящиеся к данному вопросу не в меру критически, не говоря уже о явной враждебности, в большинстве случаев замалчивались и затирались, как бы ни были они талантливы и содержательны. Укажу на два примера, взятых из личного моего опыта.

Из всех исследований, посвященных истории Французской революции и мной прочитанных, я не знаю ни одного, беспристрастнее излагающего события, написанного более изысканным, популярным, но высоко художественным языком, как сочинение Бошэна «Louis XVII», в двух томах, появившегося в пятидесятых годах прошлого века. Допуская даже, что я несколько пристрастно преувеличиваю превосходство этого труда, во всяком случае, крупная научная ценность его несомненна. А между тем, мне никогда не приходилось читать ссылок на это сочинение, никогда ни один профессор не рекомендовал мне его прочитать, и насколько я знаю, никогда оно не было переведено на русский язык, в то время как усердно переводится так много разной бездарной макулатуры. Такой пробел я объясняю тем, что из прочтения книги Бошэна читатель вряд ли вынесит сочувственное впечатление по отношению к той катастрофе, которая стоила человечеству таких потоков чистой, невинной крови и так мало подвинула его к тому счастью, ради которого она будто бы разразилась. Для меня очевидно, что какой-то крупной, могущественной силе, руководящей мировым общественным мнением, мировой общественной мыслью, было невыгодно распространение нежелательного и с ее точки зрения опасного настроения.

Второй пример еще разительнее. Полгода тому назад, в августе 1917 г., скончалась замечательная русская женщина – Елизавета Александровна Шабельская-Борк. Личное обаяние ее выдающегося ума, больших знаний и отзывчивости ко всякому горю благородного, горячего сердца сочетались с крупным литературным талантом и глубоким, проникновенным, патриотическим чувством любви к России, заполнявшим всю ее душу. В девятисотых годах, тотчас после нашей в то время неудавшейся революции (кадетской пробы

пера), вышел ее очень интересный роман «Красные и Черные», в котором подробно и с опасным для многих полным знанием дела описана вся подоплека нашего революционного движения, причем Елизавета Александровна бесстрашно выразила ту истину, которую обыкновенно обходят не то по незнанию, не то по сознательному умыслу, не то «страха ради иудейского», а именно, в популярной форме занимательного романа выставлена напоказ всем, имеющим глаза и уши — да видят и слышат — тесная связь нашего «освободительного движения» с масонством или, как любила выражаться более точно Елизавета Александровна, с «жидомасонством».

Это документально правдивое разоблачение темных махинаций темных или слепых людей было напечатано в ограниченном количестве: первое и пока единственное издание романа, насколько помню, вышло в трех тысячах экземпляров: через неделю роман исчез с книжного рынка, ибо все издание было раскуплено евреями; теперь даже в лавке букиниста нельзя найти этой книги.

Я упомянул о врожденной моей ненависти к революции. Думаю, что, кроме врожденности и, может быть, смутных воспоминаний о каких-либо прежних существованиях, на такой образ моих мыслей влиял с раннего детства и мой домашний уклад, и родители, и наследственность. Все у меня в отцовском роду, в прямом восхождении моих ближайших предков, всегда отличались лояльностью и непоколебимой верностью своему долгу и присяге. В февральские дни революции, в прошлом году, к моему отцу, 86-летнему старику, к несчастью, совершенно ослепшему, явилась какая-то шайка хулиганов, достойных сподвижников главных вершителей подлого дела, с требованием выдать им все свое оружие, в том числе и сабли и шашки: отец мой затопал ногами и так накричал на них, что они взбеленились и собирались схватить его и отвести в Таврический дворец. Только уговаривания и просьбы моей сестры, без ведома отца вступившей с негодяями в переговоры, убедили их отказаться от своего намерения.

То же самое могу сказать и о роде моей матери. В XIII и XIV веках ее прямые предки были бургграфами в Каринтии, Крайне и, кажется, в Баварии, откуда идет ее род. В те времена императоры Священной Римской Империи вели ожесточенную борьбу против своеволия и антигосударственных выступлений своих непокорных бургграфов, но графы Вельцы (род моей матери) и в смутное время заслужили от своих императоров-сюзеренов наименование "Die treue Welzen"¹³².

Таким образом, из дали веков выявился у меня и сложился самый горячий русский патриотизм, выражающийся в верности двум неотделимым для меня священным лозунгам, – Царю и Родине. В жизни, при обогащении ума знаниями и опытом, никакие современные социологические теории не расшатали и не расстроили общего склада моих политических убеждений, основанных не на одном чувственном восприятии для меня симпатичных идейных построений, но и на логическом выводе из всех моих размышлений и всех моих знаний. Эти последние, т. е. знания, еще крепче установили мое мировоззрение и укрепили незыблемо все в том же укладе мыслей [...]*

8 марта

Вчера освобождены Рутенберг и Пальчинский. Оба заходили в нашу комнату прощаться, причем простились с ними мы все, и Щегловитов, и Попов, и Сухомлинов, и я очень сердечно; особенно с Рутенбергом. Как это ни странно, но я очень доволен, что познакомился с интересными людьми совершенно противоположного лагеря. Пальчинский много уступает Рутенбергу, но и он представляет собой недюжинного человека, который мог бы быть полезным и очень производительным работником в русской жизни, так нуждающейся в дельных людях, если б возможно было его отделить от его партийности. Что же касается Рутенберга, то этот человек просто-таки мне нравится¹³³: революционер-террорист, фанатик-еврей, атеист – все черты, как будто бы для меня совершенно неприемлемые; но при этом – человек твердый, прямой, откровенный, волевой, очень умный, хорошо знающий всякое дело, за которое берется; прожил несколько лет в Италии, вместе с Пальчинским; оба они пользовались там репутацией выдающихся инженеров, которым вверялись самые ответственные поручения.

У меня с Рутенбергом установились шутивно-дружелюбные отношения: он посмеивался над моим монархизмом, а я над его терроризмом. Оба мы друг другу обещали, если встретимся на воле во вре-

---

* Опущенные далее страницы дневника за 5–6 марта посвящены размышлениям автора о мировой роли масонства и еврейства. Более подробно эти взгляды Ф.В. Винберга раскрыты в его книге «Крестный путь. Ч. 1. Корни зла» (Мюнхен, 1922; СПб., 1997), поэтому составитель счел возможным оставить их за рамками данной публикации (*примеч. публикатора*).

мя политической борьбы, пристрелить друг друга. Я его изводил, находя в нем целый ряд недостатков, и говорил, что очень рад найти столько уязвимых мест в моем будущем очень опасном враге. Найденные недостатки сводились к следующим: эгоизм, что является явным противоречием проповедуемому им социализму и доказывает его непоследовательность; одноглазость – т. е. непонимание духовной стороны человека и вообще духовного мира, что составляет уже односторонность и узость понимания и доказывает мое превосходство, как «двуглазого»; еврейский фанатизм, имеющий следствием пристрастность и предубежденность. Само собой разумеется, что все это говорилось в шутку, но сквозь шутку сквозило и серьезное мое мнение.

Рутенберг, как один из первых инициаторов сионистского движения¹³⁴ среди евреев, очень радовался возникновению, по почину Англии, Иерусалимского государства¹³⁵ и очень увлекался мыслью уехать туда работать пионером на пользу своего родного народа. В нем удивила меня довольно редкая среди евреев черта, что, будучи всецело предан еврейству, он вместе с тем искренно носит в душе горячее патриотическое чувство по отношению к России: по крайней мере, так он мне объяснялся и казался при этом искренним. Я стал его поддразнивать и предсказывать ему, что, несмотря на его республиканские убеждения, он будет избран первым королем нового государства.

Продолжая разговор на эту тему, я его спросил, кем же и откуда он будет собирать свой народ, на что получил ответ, что он сумеет подобрать весь нужный ему и подходящий элемент. Я предложил ему такую комбинацию, выгодную, по моему мнению, для обеих сторон: ему нужно собрать новых граждан Иерусалимского государства, а нам освободиться от евреев; так вот, не будет ли хорошо объявить в России всех евреев иностранными подданными и такой мерой побудить их выселяться в свое собственное государство. Я никак не ожидал, что такое мое предложение могло так обидеть и рассердить Рутенберга; он даже в лице изменился.

«Не беспокойтесь, полковник, о наших еврейских делах, мы с ними сами управимся. Неужели Вы думаете, что я позволю кому-нибудь отнять у меня мои права русского гражданина? Это мое неотъемлемое право, которым я дорожу, и всегда русским гражданином останусь! И евреев, если понадобится их переселить в Иерусалим, я возьму с большим выбором. А те массы, которые Вы портили и развращали в течение целого ряда поколений – нам не нужны: мы их вам оставим; сами с ними возитесь!»

Я понял из этих слов, что Рутенберг отлично сам понимает, сколько отрицательного и негодного элемента имеется среди еврейства, и новое государство портить этим элементом он не желает, а имеет в виду собрать в состав палестинских граждан только самых отборных, самых лучших, в том или другом отношении выдающихся евреев. Я высказал ему эту мысль, и он ее не опровергал, а молчание – есть знак согласия. Я еще прибавил, что он оказывается еще более ярким антисемитом, чем я, при таком отрицательном мнении о большинстве населяющих Россию евреев.

Прощаясь с Рутенбергом, я сказал ему, что очень рад был с ним познакомиться и сохранию об этом знакомстве очень приятное воспоминание; он ответил мне тем же и был, кажется, искренен. Я сам себе дивлюсь, но – повторяю – он мне понравился: в нем есть что-то хорошее; думаю даже, что при всем волевом своем, стальном темпераменте, он может быть и душевным, и сердечным человеком. Узость и односторонность революционного подполья наложила и на него свой отпечаток, но не поработила и не парализовала его крупной индивидуальности. Тем не менее, большим недостатком является его фанатизм и партийная пристрастность. Судя строго, беспощадно, все ошибки Самодержавия, он с большой снисходительностью старается извинить и сгладить вину революционеров, и по глупости своей, и по своей злобности не умевших ориентироваться в незнакомой обстановке и скативших в пропасть ту самую Россию, ради которой, как они воображали, они предпринимали все свои действия.

Он все же не дошел до такого абсурда, как Пальчинский, который, в разговоре с Щегловитовым, страстно нападая на старый режим, на вопрос, как же они сами не сумели сделать ничего путного, когда власть очутилась в их руках, ответил: «Да в нашей неудаче вы же и виноваты: вы так нас преследовали и прижимали, что мы совсем голову потеряли, а когда достигли торжества своего, мы уже и стали действовать, по вашей же вине, с помутившимся рассудком». Выходит так, что на Самодержавие сваливают эти господа даже и свои собственные ошибки, и собственную свою глупость...

11 марта

В.М. Пуришкевич, вместе с князем Шаховским и бароном Бодде, переведены к нам из Петропавловской крепости три дня тому назад. Но Владимир Митрофанович недолго оставался с нами в хи-

рургическом отделении: вчера его перевели в отдельную камеру I корпуса «Крестов», кажется, на более строгий режим. Мне очень жаль, что ему придется там претерпеть кое-какие лишения и стеснения, но утешаюсь тем, что все это будет длиться неделю: близок наш час освобождения; *notre heure arrive*¹³⁶. Не мы виноваты, что этот час настанет при условиях тягостных и унижительных для всей России; как и в остальном, и в этом последнем испытании моя совесть, как и у большинства чувствующих и мыслящих одинаково со мною, будет спокойная, ничем не запятнанная!..

В ухудшении своего положения Пуришкевич, как мне кажется, во многом сам виноват. На этих днях, из Смольного, был прислан к нам отряд Красной гвардии для производства у нас обыска на предмет проверки, не прячем ли мы у себя оружия. К счастью, ни у кого ничего не было найдено, и мы, таким образом, избегли большой опасности, ибо, по всей вероятности, если б оружие было найдено, то расстрел был бы неминуем.

У Пуришкевича, во время обыска, было найдено много его рукописей и стихов, которые все были отобраны и просмотрены в Смольном; многое, им написанное, должно было сильно не понравиться господам большевикам, особенно некоторые стихи – в этом я вижу одну из причин изменения его положения к худшему. Но кроме того, Владимир Митрофанович явился среди нас очень возбужденным и нервным, разговаривал много с тюремными надзирателями о старом режиме и ему несимпатичных, с нами находящихся представителях этого режима, в таком тоне, который мог показаться тюремному начальству нежелательным и чреватым осложнениями, а потому возможно, что удалили его именно по этой причине, придавршись только для формы к другим поводам.

Записываю еще несколько стихотворений наших тюремных сидельцев; из них впрочем, первое («Гримасы прошлого») относится к более давнему времени прошедшего лета.

Гримасы прошлого

*Россией правил и «шалил»,
Наполеоном стать стремился,
Брильянты Царские стащил,
В Чертогах Царских поселился...
Да, бывает иногда,
Когда на время уезжают
С своей квартиры господа,*

*В их платьях слуги щеголяют.
Но, вот – пройдет немного дней,
И барин вновь к себе вернется:
Сняв платье барское, лакей
Опять пред ним в дугу согнется.
«Товарищ» Керенский, смотри,
Не повтори лакея!..
Теперь же срочно присмотри
Квартиру поскромнее...*

[...]

Русский щит

*Низвергнут Трон... Его обломки
В пыли – под хамскою пятой!..
И гибнут, жертвы дикой ломки,
Устои старины святой.*

*Там где Кучумова проклятья
Печать лежит до наших дней,
Царя России хамократья
Томит под стражею своей.*

*Нам, за грехи отцов и наши,
Стезя тяжелая дана;
Но до конца из страдной чаши
Должна еще испить страна.*

*Царь-голод властвует повсюду,
Златой телец воздвиг свой трон,
Народ похож стал на Иуду,
И грязью закидал Закон...*

*Но подождите!.. похоронам
Народа Русского не быть!..
Набат своим священным звоном
В нем совесть должен пробудить!..
П. Н. П.*

Жизнь в «Крестах»

*Время весело проводят
Обитатели в «Крестах»;
Друг на друга жуть наводят
И гадают на бобах.
У Кованько все стремленья
К философской глубине,
Пишет он стихотворенья,
Растянувшись на спине.
Петрик* грозно сочиняет
Дневники в тиши ночей
И черкеску одевает,
В ожидании «гостей».
Генерал от оптимизма**
К краскам розовым привык,
Преисполнен пессимизма
Щегловитова язык.
Ищет «крестную мамашу»
Истрадавшийся Хвостов,
Улетая с гусем кашу
И пятнадцать пирогов.
С болью психорефлекторной***
Выпив весь домашний ром,
Мальчик круглый и задорный****
Побеждает за винтом.
С иудейкою – Белецкий
Краснокрестной говорит
И, принявши вид простецкий,
Ей Керенского бранит.
При Царизме – поселение;
При республике – тюрьма:
Бурцев понял утверждение,
Что все горе от ума.
Громко Винберг совращает
В монархистов бунтарей,
А Кормилицын питает
Голодающих людей.
Сделать чучело стремится*

* П.Н. Попов (примеч. Ф.В. Винберга).

** В.А. Сухомлинов (примеч. Ф.В. Винберга).

*** Такую болезнь придумали врачи (примеч. Ф.В. Винберга.).

**** И.Д. Парфенов (примеч. Ф.В. Винберга).

Князь мятежный из Орла**
Всюду Лебедеву*** снится
Большевицкая метла.
Пуришкевич на минутку
Прилетел и внес разлад;
Придержал бы он хоть в шутку
Свой словесный водопад!
Без внимания оставил
Тех, кого я не любил...
Рутенберг стихи составил
И Пальчинский – их скрепил.*

12 марта

Сегодня – день проклятой годовщины... Сегодня минул год с тех пор, как началась революционная вакханалия... Целый год разбушевавшиеся страсти народные, все злое, низменное, преступное, человеконенавистническое, что до сей поры таилось и сдерживалось здоровыми, производительными началами государственной жизни, все это, как пары из раскаленного котла, в котором внезапно сорваны все предохранительные клапаны, вырвалось наружу, и все устои русского быта, все заветное, святое, высокое и благородное, чем держалась и крепла Русь, все было растоптано, загажено, разрушено и разбито...

Только на такое разрушение и истребление и оказались мастерами своего дела те легкомысленные и преступные люди, которые дерзнули взять на свою совесть тяжкую ответственность за совершенную ими революцию, ведь никто, даже самый пристрастный сторонник «господ революционеров», не может не согласиться со мною, что в этот кошмарный, роковой год, в течение которого обезоруженная, беззащитная Россия была предана не то на садистические истязания, не то на опыты вивисекции, не нашлось ни одного творческого, созидательного начала, могущего задержать ее гибель.

И как скоро все свершилось! Достаточно было этой годовой, подлой и злобной, но планомерной и коварно обдуманной работы,

---

* Кн. Шаховской (Примеч. Ф.В. Винберга).

** Капитан Орел, провокатор, предавший Шаховского (Примеч. Ф.В. Винберга).

*** Доктор Лебедев, попал к нам по ошибке (Примеч. Ф.В. Винберга).

чтобы все рухнуло... И погибло наше государство, бывшее таким могучим, таким державным, таким величественным, счастливым, свободным!..

В этой крошечной тьме нет ни одного момента, пред которым можно было бы остановиться без отвращения и горького чувства обиды за свою поруганную Родину, ни одного светлого эпизода, ни одной крупной личности, которая дала бы нам отдых от лицемерия сброда человеческих отбросов, гордо именовавших себя творцами и деятелями «Великой российской революции». Кого ни припоминаешь из людей, так еще недавно привлекавших к себе общественное внимание, а ныне им забытых, или преданных, в лучшем случае, осуждению, и в худшем – презрению или проклятию народному – какой это все калейдоскоп малодушных, неумелых, трусливых, бездарных и мелких людишек!

Вот мрачная, зловещая фигура Александра Ивановича Гучкова, неодолеваемого честолюбием; затаившего глубокую ненависть против нашего Государя за то, что не в достаточной, по его мнению, мере были оценены его заслуги и добродетели: он носится из одного полка действующей Армии в другой, по всем фронтам сея разруху, недовольство, легковерно повторяемую клевету, доверчиво встречаемый офицерами, поддерживаемый крамольными, рабски благодарными генералами из «черного войска» (генерального штаба).

Революцией он возводится на пост военного министра и малодушно скрепляет своей подписью «Приказ № 1», произведение жиды Нахамкиса и трижды проклятого «сенатора» Соколова, хотя он и не мог не понимать, что в роковом этом приказе тайлся смертный приговор Русской Армии, конец ее стародавних славы, могущества, чести и доблести...

Вот и председатель Государственной Думы. Как напыщенный индюк, распутивший свой хвост в самоуслаждении от вида покорности и благоговения своего стада индюшек, Михаил Владимирович Родзянко, гордый сознанием своей популярности, ничтоже сумняшеся, стал во главе государственных заговорщиков, предал традиции и честь своего почтенного дворянского рода и, ценой клятвопреступления, вступил на дорогу политического авантюриста, теща свое тщеславие надеждой на предстоящие ему историческое значение и власть.

Но, дойдя до предела своего преступления, сознав слишком поздно, что не ему слабым духом своим удержать и направить прованную плотину страстей и животных вожделий злобной черни,

сразу растерялся, струсил и, цепляясь за малейшие возможности еще сохранить свое значение, от компромисса до компромисса прошел длинную череду унижений и разочарований, пока не вернулся к скромной стезе всеми обижаемого и угнетаемого обывателя, с какового пути не след было ему и сворачивать. Если, в своем птичьем дворе, пышный и надутый индюк чувствует себя господином положения, то это не значит, чтоб он смел себя сравнивать с гордым орлом, парящим в поднебесье, и равнять себя его державному лету грузный взмах немощных своих крыльев.

Вот «гений бестактности» Павел Николаевич Милюков, «краса и гордость» высоко ученой, высоко просвещенной, высоко добродетельной на показ и высоко ни на что не способной кадетской партии. Какие благородные слова раздаются из этого кладезя знаний! С какой самоуверенностью принимается он за строительство новой России, по образу и подобию своему! За последнее время и сам Милюков, и все его сторонники, стали выставлять новый штрих к характеристике незадачливого «государственного человека», а именно его горячий патриотизм и страстное желание довести войну, в единении с союзниками, до почетной и выгодной для России победы: в этом отношении могло сказываться влияние Бьюкенена и других дружественных дипломатов, так много содействовавших, в святом своем неведении истинного положения вещей, успеху предпринятой авантюры.

Во всяком случае, милюковский патриотизм является совсем новым приводящем фактором к характеристике «героя печального образа», ибо до сих пор подобное чувство отнюдь не было отличительным признаком как всей кадетской партии, так и ее лидера. Само собой разумеется, что я здесь имею в виду специально русский патриотизм, так как каждый знает, что другой патриотизм, специфически иудейский, всегда господствовал среди людей этой партии. Поэтому естественно, что на этой неожиданности следует остановиться и по возможности в ней разобраться.

Кадетская партия составлена из группы людей, представляющих в некотором роде квинтэссенцию нашей так называемой интеллигенции, и в партии этой, как в фокусе, отпечатлевается вся сумма отличительных признаков русской интеллигенции. Книжная просвещенность и доктринерство, обуславливающие беспочвенность и вопиющую неспособность ориентироваться в обстановке и действовать сообразно конкретным потребностям реальной жизни; рабское преклонение перед либеральной фразой, тенденци-

озность, переходящая часто в явную недобросовестность передержек, натяжек, ради проведения своего плана, в угоду своим предвзятым мнениям, предубеждениям и предрассудкам; резковыраженное в политической и общественной жизни юдофильство, со всеми последствиями такого направления; стремление любым путем пристраиваться к общественному или казенному пирогу, причем для таких целей появляется удивительно широко расходящаяся приспособляемость и готовность пойти на очень разнообразные компромиссы; полное отсутствие критического разума и неумение анализировать как свои впечатления, так даже и ход своих собственных мыслей, а потому полная неспособность отличать дельные мысли от шарлатанских приемов глашатаев сомнительных истин, действительно выдающихся людей от авантюристов, пройдох, а то и попросту жуликов; отсутствие настоящего, искреннего патриотизма. В оправдание себе интеллигент наш любит ссылаться на то, что, будто бы, не сочувствуя нашему правительству, он не может любить и Отечества своего, возглавляемого и руководимого этим правительством; но он при этом забывает, что, выставя такие софистические доводы, он этим самым доказывает свою неспособность любить свою Родину, чувством ли, мыслью ли, но так, как любят ее, не мудрствуя лукаво, большинство людей, в том числе и на первом плане патриоты своей расы – евреи. Вот те характерные особенности, которые, по моему мнению, особенно рельефно выражают недостатки и отрицательные свойства нашей интеллигенции и составляют главную причину всех неудач нашей русской жизни. Источник этого отрицательного явления надо искать отчасти в нашей истории, в крупных реформах Петра, определивших тот роковой разрыв между классами русского общества, с которого началось глубокое взаимное непонимание, разделяющее образованные классы от низшего народа.

Эта взаимная отчужденность составляет наше великое зло, при том наше, специально русское, зло и несчастье. В Западной Европе не произошло такого разрыва на почве той или другой степени просвещенности различных классов. Я не имею в виду, разумеется, утверждать, что в Европе не было вообще антагонизма между классами: очевидно, были, и на основах более непримиримых, как отличия сословные в старые времена и экономические конфликты во времена позднейшие. Но той нелепой Китайской стены, которая у нас резко отделила образованные классы от необразованных, в Европе не было. Там просвещение начало вводиться Карлом Великим еще

в самом начале IX века, и ширилось оно, развивалось и повышалось постепенно, идя снизу вверх: сначала низшая школа, затем средняя и, наконец, как венчающее здание, строится храм высшего знания, университет. Нетерпеливая реформаторская энергия Петра Великого вывела нас из нормы постепенного просвещения: в противоположность Карлу Великому, Петр Великий в поголовно неграмотной стране начал вводить просвещение, строя Академию наук, а затем, при преемниках его, уже пошли университеты, затем гимназии и гораздо позже, конечным этапом, низшие школы, т. е. кончили тем, с чего надо было начинать. Такой порядок вещей и был главным образом причиной того явления, что каждый русский человек, приобщившись к знанию, вместе с тем отделялся от корня и плоти своего же народа, делался ему поневоле очень дальним и чуждым: на этом я и основываю ту беспочвенность, ту теоретичность и то отсутствие национального чувства единения, каковые недостатки уже давно характеризуют наши образованные классы.

Но одними историческими причинами было бы неполно объяснить дряблость, разъединенность, общую несостоятельность нашей интеллигенции: я убежден, что в массе своей она находится под незримым, но несомненным и могучим влиянием жидомасонства; что и сказывается вовне хотя бы в том юдофильстве, которым она отличается, а также в той априорной, предвзятой оппозиционности ко всяким начинаниям и мероприятиям своего правительства, которая определенной чертой подчеркивает всю ее жизнь, ее действия и ее настроения.

Что бы ни предпринимало наше бывшее царское правительство, хотя бы новая мера, при других условиях и исходя от другого источника, могла бы быть приветствована искренним сочувствием самых либеральных кругов, наше «передовое» общество считало своим долгом встретить такое начинание непременно оппозиционно: эта оппозиционность проявлялась уже как бы *ex officio*¹³⁷, или, вернее, «страха ради иудейского». Вполне понятно, насколько такое предвзятое предубеждение, не считающееся ни с фактами, ни с обстановкой, вредило общему ходу государственной жизни. Объяснение такому ненормальному явлению можно легко найти в следующем предположении: раз бедным, угнетенным жидочкам не желают дать равноправия, раз русский народ упорствует в желании жить и управляться независимо от чуждого еврейского вмешательства, то как Царь ни бейся, как ни старайся он пойти навстречу назревшим желаниям и потребностям своего народа, ничего из его по-

пытку удовлетворить таковыя потребности не выйдет, кроме новой почвы для брожения и новой неурядицы. Как трудно было, при таких условиях, управлять государством, и сколько нужно было твердости и стойкости, чтобы оставаться верным своим идеалам и своему пониманию народной пользы...

Ныне мы можем судить с полной объективностью, право ли было наше правительство старого режима, так горячо защищавшее интересы народа и так стойко их отстаивавшее от еврейских домогательств.

Как только даровано было паразитному народу равноправие, немедленно алчной толпой евреи ринулись на осаду власти и очень скоро захватили в цепкие свои руки все верховное управление. И наше темное и одуроченное общество начинает теперь уже приходить к сознанию того, насколько сладко бывает неосторожному народу терпеть угнетающее и растлевающее засилье жидовское.

Вчера, на первой неделе Великого Поста, мне пришлось узнать, что во всех церквах петербургских наши священники находятся в большом затруднении, не имея возможности печь просфоры за недостатком муки: как они ни хлопчут о приискании хотя бы самого ограниченного количества муки, все их ходатайства и поиски до сих пор являются безрезультатными. Нечего и говорить, что правительство не выказывает ни малейшего желанія прийти на помощь православным христианам.

Вместе с тем, вчера же я прочитал в газетах сообщение о правительственном распоряженіи, объявляющем всем проживающим в Петербурге евреям, что каждый из них, ввиду приближающейся (через шесть недель) еврейской пасхи, имеет право получить по два фунта муки для приготовления мацы¹³⁸. Думаю, что ни в каких комментаріях это сопоставленіе не нуждается. Думаю также, что не я один при этом известіи испытал горькое чувство национальной обиды, воочию убедившись, в каком унизительном положеніи в России ныне находится тот русский народ, который в своей странѣ имел бы право быть главенствующим.

Какова эта передовая и считающая себя самой просвещенной частью нашей интеллигенціи, – такова и кадетская партия, ибо в ее состав как раз и вошла почти целиком вся эта часть интеллигенціи. Таков и кадетскій лидер, Милюков, с той разницей, что его ученость и ответственная роль лидера дали ему возможность более глубоко и широко, сравнительно с рядовыми кадетами, обосновать свое политическое *credo* и развить свой умственнѣй кругозор.

Кстати, оговариваюсь, что я, назвав Милюкова лидером своей партии, прав только с формальной стороны: формально, pour l'oeil vulgaire du profane¹³⁹, он действительно числится лидером и главой своей конституционно-демократической партии, так как, будучи русским дворянином, православным, он представляет собой тот ravillion, qui couvre la marchandise¹⁴⁰, который признан приемлемой «ширмой». На деле же фактическим руководителем и истинным господином состоит еврей Винавер, веления и директивы которого послушно проводятся в жизнь покорными «гоями»¹⁴¹, в том числе, разумеется, и самом Павлом Николаевичем.

Возвращаясь к вопросу о патриотизме, якобы присущем Милюкову и как будто бы даже доказанном его прошлогодними воплями о Константинополе и проливах, к завоеванию которых он приглашал уже разлагавшуюся Русскую Армию, замечу, что в таком милитаристическом духе Милюков стал говорить только после того, как очутился у кормила власти¹⁴², а раньше этого, для него вождя деленного момента, все его выступления как раз бывали отмечены духом антимилитаризма, а притом же и постоянным пренебрежением национальными русскими интересами как в области иностранной, так и внутренней политики.

Будучи же министром, Милюков пытался ведь и Финляндию удержать в русском владении, а между тем все мы помним, как и в печати, и с кафедры Государственной Думы он раньше яростно нападал за эту же Финляндию на царское правительство и всегда сочувствовал и помогал домогательствам финляндского сепаратизма. Помнится мне даже, что газета «Речь» получала от финляндцев какие-то крупные деньги, чуть ли не в благодарность за усердную помощь Милюкова¹⁴³.

Дело в том, что судить о настоящих чувствах Милюкова нельзя, только считаясь с его кратковременной министерской деятельностью, не учитывая и многолетней предшествовавшей его политической карьеры. Надо иметь в виду, что все кадеты, стоящие во главе своей партии, могут быть охарактеризованы как люди расчетливые, мало склонные к каким-либо альтруистическим или патриотическим увлечениям, ибо отличительной их чертой являлось громадное честолюбие, желание первенствовать в управлении своей страны во что бы то ни стало, и для достижения таковой цели в большинстве своем они были готовы пойти на очень многие компромиссы и даже передержки. Их оппозиционность в большой степени зиждилась на неудовлетворенном честолюбии и на обиде, ис-

пытываемой ими за то, что правительство не сумело оценить их дарований и заслуг и не выдвинуло на первые роли в государстве. Если же признать честолюбие главным стимулом всех кадетских махинаций, то ничего заслуживающего особого одобрения нельзя найти в том факте, что, достигнув наконец власти, Милюков стал раговать за те исторические, национальные задачи России, которыми раньше он так часто пренебрегал; в данном случае с его стороны было вполне естественно, что ему лично было очень лестно выгодно покрыть славой и общим одобрением свою репутацию государственного человека.

Истинный патриотизм человека, т. е. искренняя, бескорыстная, самоотверженная его любовь к Родине, судится не по тому, как у власти стоящий человек, теша свое самолюбие, драпируется более или менее эффектно в тогу патриотизма, а по тому, как вообще этот человек, независимо от своего личного интереса, относится к своим обязанностям гражданина и к своей службе Родине. В этом смысле, вспоминая всю деятельность Милюкова, мы придем к выводам, аттестующим его не очень лестно.

Вспомним Выборгское воззвание¹⁴⁴, когда Милюков, разбитый на Верховную власть за разгон (такой заслуженный и необходимый) I Государственной Думы, в которой Павел Николаевич и его друзья с таким удовольствием парадировали, призывал население не платить податей и не давать солдат в Армию.

Если б Милюков мог думать, что это воззвание приведет к обшей революции, он бы в достижении поставленной цели мог найти хотя и одностороннее, но разумное оправдание таким действиям. Однако он не мог быть настолько наивным, чтобы полагать, что его слово могло настолько властно подействовать на всю страну, в то время еще недостаточно господами кадетами развращенную и поколебленную. Следовательно, в лучшем случае, он мог рассчитывать только на целый ряд местных смут и волнений временного характера, которые причинили бы лишнюю разруху и лишнее горе стране, и без того усталой после неудачной войны и еще не успокоившуюся после целого ряда волнений. При таких условиях, как мне кажется, настоящий патриот не пожелал бы подвергать страну тяжелым испытаниям только для того, чтобы удовлетворить уязвленное самолюбие своей партии: человек, любящий свою Родину настоящей любовью, умеет забывать о личном своем самолюбии, об интересах отдельной своей группы, ради общего блага Отечества. «Бей, но выслушай» – сказал Фемистокл тому задорному афиня-

нину, который, в ответ на его горячую речь по важному государственному вопросу, поднял руку, чтоб ударить его¹⁴⁵.

Не одно Выборгское воззвание вспоминается при упоминании имени Милюкова. Приходит на память, как в Америке, в Париже, Лондоне появлялся Павел Николаевич в качестве странствующего “conférencier”¹⁴⁶ и везде на чужбине поносил и старался дискредитировать русское правительство. Правительство родной своей страны отдавалось им на критику и осуждение чужих людей, иностранцев, заинтересованных относительно России главным образом в том смысле, насколько выгодно или невыгодно довериться кредитоспособности нашего Отечества. Таким образом, свой же русский человек старался подрывать кредит России и уподоблялся младшему сыну Ноя¹⁴⁷, не постыдившемуся оставить неприкрытой, на поругание, наготу родного отца. Каково бы ни было отношение порядочного человека к своему правительству, он не мог бы, из чувства злобы к нему, жертвовать интересами Родины.

В Думе за все эти годы Милюков всегда выступал, стоя на позиции ярого антимилитариста и старался проваливать все новые военные кредиты, хотя он и не мог не знать, насколько близко нам угрожала вероятность войны с Германией. И этот же Милюков, уже во время войны, находил в себе достаточно смелости, чтобы громить царское правительство за недостаточную подготовленность к войне!

Уже пред самой войной, летом 1913 года, он объехал для чтения своих лекций много русских городов: в своих лекциях он опять-таки старался в обществе развить критическое отношение к действиям правительства и особенно нападал за траты и расходы, производившиеся для усиления военной мощи России. Нет, не следует говорить о патриотизме Милюкова, являющегося выразителем взглядов и тенденций большинства своих единомышленников... Довольно нам того, что все дело нашего освободительного движения, которому Милюков всегда так горячо сочувствовал и усердно содействовал, привело нас не к славе и счастью, как было обещано развязными политическими рекламистами, а к никогда раньше не воображавшемуся посрамлению, унижению и позору. Пожалуй, Милюков способен оправдываться и не сознаваться в своей тяжелой вине перед Россией и Государем. Он – извольте ли видеть – не желал такого катастрофического падения своей Родины: он и революцию-то готовил еще много раньше, не учитывая возможности войны, а когда война разразилась, он, было, всякое

попечение о революции отложил до более подходящих времен. Если, затем, он и его соучастники решились, наконец, несмотря даже на войну, рискнуть сломить отчаянным ударом Всероссийский Царский Престол, то они ведь надеялись, что «мощный государственный ум» Павла Николаевича сумеет справиться с выпадавшей труднейшей задачей, что и без Царя господ «освободители» смогут довести войну до победного конца. Дело заключалось в том, что врагам русского Царя необходимо было во что бы то ни стало спешить, ибо уже в декабре 1916 года вполне определенно выяснилась уверенность, с которой союзники наши и мы к лету 1917 года вполне обеспечили свою окончательную победу. Для каждого русского человека эта победа, разумеется, являлась заветной и сладостной мечтой, но... тут было одно «но».

При победоносном завершении великой борьбы Верховный вождь Русской Армии, наш Государь, делался вполне справедливо и естественно предметом общей восторженной благодарности своего народа, его кумиром, и престиж Престола Русского укреплялся бы на новых прочных устоях, в полной гармонии с великими традициями его былой славы. Для очень многих было нестерпимо допустить такой поворот событий, ибо тогда «освободительное движение» теряло бы главный свой козырь: никакая клевета, как ни был бы ловок пустивший ее юркий еврейчик, не могла бы поколебать твердыни власти, в народной благодарности за совершенный подвиг черпающей свою животворную силу. Сам Винавер так смотрел на дело, а потому посвященным кадетам приходилось идти дальше своим роковым путем, даже и тем из них, у кого сохранились остатки русской совести.

В действиях Милюкова перед самой революцией я не понимаю, где и в чем искать причину его ошибок или преступлений – в незнании или сознательной передержке. Для первого объяснения мало правдоподобия: неужели можно допускать такую неосведомленность в лидере крупной партии? Для второго я затрудняюсь предположить такую черную душу, так что я предпочитаю держаться той посылки, что он не находился в курсе действительного положения дел.

В таком случае он, значит, совсем не знал близко ума, души и сердца нашего Государя; не знал, что в его лице Россию охранял и берег Царь-патриот, всем существом своим любящий свою Родину и ради нее всегда готовый на самопожертвование. Он не знал, что ни честь, ни совесть нашего Царя никогда не допустили бы его при-

мириться с позором сепаратного мира, акта изменнического по отношению к нашим союзникам. Поэтому, когда распространились слухи, будто Царь и Царица были склонны к такому миру, то тут происходило одно из двух: или впадали в грубейшую ошибку вследствие добросовестного заблуждения, или совершалась гнуснейшая клевета низости чрезвычайной. Таким образом, источником этой кадетской махинации служила либо глупость, либо подлость. В другом случае уже всецело господствовала самоуверенная глупость, а именно, когда Милюков и Гучков вместе объясняли гороховому шуту Бьюкенену, что русский народ созрел для революции и что эта самая революция явится лучшим обеспечением нашей предстоящей общей победы над Германией – тут он действительно попал пальцем в небо и доказал свое полнейшее ничтожество в понимании своего народа, судьбу которого в вопросах первейшего исторического значения он брался решать по еврейской указке. Он не знал, как народ проявит свое народоправство, и не подозревал, что, вслед за Родзянками и Гучковыми, и он сам, Павел Николаевич Милюков, быстро лишится своего министерского портфеля и, как и его достойные союзнички, потонет в политическом небытии. Наконец, он совсем не знал, когда ратовал за Константинополь и проливы, что вызовет этим против себя негодование всей Русской Армии; он не мог предвидеть того курьеза, что «храбрый революционный солдат» поймет слово «проливы» в смысле «пролития» своей драгоценнейшей пролетарской «кровушки» и воспламеняется гневом и ненавистью против «буржуя министра», который, вместо предоставления вольного грабежа, разбоя и избиения беззащитных, посылает на опасные и вредные для здоровья встречи с врагом Родины.

Да, многого не знали Милюков и его присные, а потому и неудивительно, что и с краплеными картами они не смогли разыграть свою игру хотя бы удовлетворительно. О Милюкове в частности, и обо всех кадетях вообще, можно сказать такое заключительное слово: они ничего не знали, ничего не понимали и ничего не умели! И эти импотенты вздумали строить новую Россию! И эти импотенты Россию погубили!..

Вспоминаются и другие зачинатели и главные актеры пролога нашей бесконечно скорбной трагедии.

Вот они – московские толстосумы, представители крупной русской промышленности. Пресыщенные роскошью своей жизни, находя скудной ограниченную, но такую полезную и почтенную

специальность своей жизненной деятельности, они захотели удариться в широкую политическую жизнь и в ней найти применение своим способностям и честолюбивым мечтаниям. Щедро ссужали своими миллионами то скудное разумом, но богатое преступными и злобными замыслами подполье, которое подготавливало переворот. Как быстро ни сменило горькое разочарование розовые надежды незадачливых честолюбцев, просветление пришло слишком поздно: толчок к разрушению России был уже дан, а ныне ничто не может освободить их совесть от сознания, что к делу гибели Родины немало были причастны и они. Я видел в моей тюрьме почти всех этих богачей и описывал, какой жалкий, кающийся вид приняли все эти Третьяковы, Коноваловы, Смирновы, Терещенки.

В какой-то газете, среди воспоминаний по поводу годовщины революции, я прочитал о том, что в первые же дни после переворота, поняв всю щегу и гибельность совершенного, разрыдался Рябушинский, как я слышал, один из самых умных, но и деятельных разрушителей былого русского могущества.

С дрожью щемящего душу отвращения, с судорогой гадливости, как при прикосновении к чему-то склизкому, мерзкому и бесконечно подлому, вспоминается роковая фигура революционного гаера Керенского. Как нудно и стыдно становится за свой народ, за общественные верхи, когда подумаешь, что это ничтожество, этот бездарный, мелко тщеславный, малодушный и трусливый авантюрист мог, в течение долгих месяцев, занимать место народного вождя, быть предметом пламенного поклонения чуть ли не всего народа... Жалкому, безвестному адвокатишке слепая Русь доверилась в безумии своем, ему доверила державные права свои и державные свои предназначения...

А сподвижники Керенского! Все эти герои какого-то уголовного романа из фельетона «Петербургской газеты»! Все эти Скобелевы, Черновы, Некрасовы и пр. Давно забудутся в памяти народной их ничтожные имена, в то время как последствия их деятельности останутся на многие годы хронической болезнью России, если только суждено несчастной России спастись от гибели и оправиться от своего катастрофического падения.

Приходят на смену Ленины, Троцкие, матрос Дыбенко, распутницы Коллонтай, Розмирович; среди нескольких десятков евреев трое русских – Ленин, Луначарский и Коллонтай! Все они являлись прямыми продолжателями «Керенских», – все они, вместе взятые, составляют одну сплоченную шайку, предавшую и продав-

шую Россию. Ни на ком нельзя остановиться с чувством отдыха от гадливого чувства, внушенного всем этим отребьем: везде одна только жажда наживы, одни личные, корыстные или честолюбивые вожделения; ничего идейного, благородного, самоотверженного, чистого... Всеми двигают злоба, зависть, алчность, мстительное торжество хама, растоптаваемого недосыгаемые для него, непонятные и непонятые им святыни...

Все самое худшее свершилось с нашей Родиной! Разграбленную, обессиленную, бесстыдно обнаженную Россию бросили на препараторский стол анатомического театра, и злорадная толпа евреев-фанатиков стала производить над ней разнообразные опыты вивисекции...

За этими людьми, всеми мной перечисленными, с озверелыми душами, шли массы озверелых людей: матросы, являющие образчики закоренелых злодеев, с каиновой печатью на порочных лицах своих; солдаты революционной армии, которых дело углубления и расширения революции Россия никогда не забудет, как не забудет и их дьявольскую жестокость по отношению к беззащитным жертвам их и подлую трусость на полях былой чести народной; наглые, грубые, разнузданные рабочие, возомнившие себя солью земли и использовавшие во всю ужасающую ширь преступлений и насилий свою временную власть и временно господствующее положение свое; трусливый, покорный, все терпящий и сносящий всякое унижение, до полусмерти перепуганный обыватель; затем идут уже не люди, а человекообразные обезьяны. В течение целого года вся эта темная сила использована еврейской демагогией, и результат перед нами налицо – изнасилована, опозорена, расхищена наша Родина-Мать.

Выше я упомянул, что за весь революционный год я не мог припомнить ни одного отрадного факта, на котором мог бы остановиться хоть с некоторым нравственным удовлетворением, который мог бы примирить меня с человечеством, показавшим себя таким гнусным зверем. Я ошибся: есть один эпизод, трагический, как почти все, касающиеся революции, но который я вспоминаю с растроганным чувством глубокого сострадания и уважения и который вносит некоторую отраду в мое изболевшее сердце тем, что дает отдых от бездонного и безбрежного моря человеческой подлости и пошлости, со всех сторон меня окружающего, составляющего главную сущность моих нынешних переживаний. Раньше, чем дальше пускаться в путешествие по этому морю, я отдохну и наберусь сил, вспоминая этот эпизод: это будет как бы чистая и душистая ванна,

освежающая усталое тело путника, долго мотавшегося по трущобам и грязным городским вертепам, где гнездятся пороки, разврат и вся грязь животной стороны человеческой природы, куда не доходят ни один просвет, ни один луч из светлых областей Духа.

С самого начала нашей революции бросается в глаза полная апатичность и инертность, с которыми отнеслось русское общество к великому потрясению родной страны. Ведь столько было противников революционных идеалов, столько убежденных монархистов, и, наконец, хотя бы честных, порядочных людей, памятующих о святости принесенной присяги и своем долге выдержать стойко, сохраняя свое достоинство, обрушившееся страшное испытание. Между тем будущему историку этих дней придется удостоверить, что ни одного мало-мальски серьезного протеста, не говоря уже о каком-либо энергичном сопротивлении, торжествующая революция не встретила на первых шагах своего победоносного шествия.

Несомненно, что одной из причин такого индифферентизма было невысокое нравственное состояние нашего поколения, но, кроме того, тут действовали и другие обстоятельства, способствовавшие тому, что дело монархии, защиты монархического принципа, как раз тогда находилось в особенно неблагоприятных условиях. С одной стороны, влияла та беззастенчивая пропаганда, которая за последние годы особенно широко распространялась по всей России, причем в помощь ей служили и некоторые факты, как бы подтверждавшие правильность теоретических рассуждений об избытии в стране монархического начала. Я имею в виду распутинскую историю, Протопопова, сплетни про многих министров, военные неудачи – одним словом, все те данные, вокруг которых изворотливая человеческая злоба сумела окутать свою сложную сеть клеветы, лжи, передержек и разжигания всех нездоровых страстей человеческих. С другой стороны, самое отречение Государя Императора за себя и Наследника Цесаревича, явившееся результатом изменнической интриги старого подлеца Рузского и других наших генералов, в этой гнусности принявших участие, – это событие заставило самых стойких и надежных верноподданных растерянно выронить из рук свое оружие и с разбитой душой подчиниться неизбежному ходу событий, так исключительно несчастливо сложившемуся.

Тем не менее, поведение воинских частей Петроградского гарнизона, революционное настроение петроградского населения в первые моменты восстания, до отречения, – не могут найти оправдания в совести людей, понимающих, что такое есть честь и вер-

ность. Когда вспоминаешь быструю измену петроградских солдат, даже представителей царского конвоя в Царском Селе, делается на душе особенно нудно и тошно, и тем более веет отрадным чувством скорбного уважения к той героической позиции, на которой стояли и упорно удерживались в самые тяжелые и трагические дни и часы переворота чины петроградской полиции.

Чтобы не впасть в крайность, я не буду останавливаться на честном поведении высших чинов, так как мне могут возразить, что всем полицмейстерам, приставам не было выхода из создавшегося положения, хотя мог бы заметить, что, даже допуская такое возражение, все же нельзя не выразить своего глубокого уважения по отношению к людям, в минуту смертельной опасности умеющим до конца сохранить свое человеческое достоинство и умереть незасорно. Но я остановлюсь только на низших чинах, на городских главным образом и отчасти на околоточных надзирателях, составлявших плоть от плоти и кровь от крови того народа, от имени которого их объявляли врагами и супостатами: на их мученической смерти я хочу остановиться подробнее, так как считаю, что они заслужили сравнения с той героической Швейцарской гвардией Людовика XVI, которая, осажденная в охраняемом ею королевском дворце мятежной чернью, отказалась на предложение этой сволочи сдаваться, положить оружие и, несмотря даже на то, что королевская семья была вынуждена в тот момент уже покинуть дворец, тем не менее, гордая своею честью и верностью службе, погибла вся под ударами революционеров. Так же точно поступили и наши городовые.

«Фараон» – вот насмешливое название, которым петербургский обыватель выражал свое нерасположение и презрение к тому блюстителю порядка, который его же глупую жизнь и его же кошелек ограждал от покушений преступного элемента столицы. За 20–30 рублей в месяц нес труженик-городовой свою нелегкую, ответственную и неблагодарную службу. Это скромное жалование увеличивалось еще, правда, иногда несколькими десятками рублей, перепавших городовому в виде мелких вознаграждений за оказанные услуги, праздничных подарков и проч.: все это вызывало необыкновенное негодование петербуржцев, именовавших такие доходы взятками и пользовавшихся случаем, чтобы клеймить продажность и недобросовестность нашей администрации. Теперь мы знаем, какие жалования получали милиционеры и получают красногвардейцы, знаем, какие взятки и поборы вымогаются ими с населения, знаем, как те и другие мало обеспечивают безопасность не

только на улице, но и в собственных квартирах наших, а потому не смеем бросать камень осуждения в бедных наших городских, бывших так скудно обеспеченными материально и вместе с тем так ревностно, так толково и распорядительно исполнявших свои сложные обязанности. И как часто самоотверженно исполняли они эти обязанности, когда они безропотно и мужественно рисковали собственной жизнью ради защиты все того же петербуржца. И в этом отношении насмотрелись мы на милиционеров и красногвардейцев, которые, при малейшей опасности, прячутся так, что и следов их нельзя найти, или сами норовят стать под чью-либо защиту.

Честного, доблестного служаку, который в нашей беспорядочной, ленивой, нечестной стране, где почти никто не понимает чувства долга и добросовестного отношения к своим обязанностям, наша интеллигенция с давних времен сознательно стремилась дискредитировать, представить или в смешном виде, или в образе врага и насильника народа, того народа, которого прямым отпрыском был этот городской, только дисциплинированным, воспитанным на началах порядка и законности, одним словом, очеловеченным. Раз интеллигенция так слепо, глупо и дико относилась к охранителю общественной безопасности и спокойствия городской жизни, неудивительно, что городской представлялся заклятым врагом для скотоподобных извозчиков, обязанных подчиняться его требованиям и стесняться в проявлениях своей дикости, для плута-лавочника, не понимающего торговлю иначе, как связанную с обманом и мошенничеством, для рабочего, на всех смотрящего озлобленным зверем. Таким образом, по наущению образованных классов, не помышлявших о том, что рубят сук, на котором сами сидят, вырабатывалось, развивалось и крепло враждебное, злобное отношение населения к полиции.

Вот почему, как только началась наша революция, первоначальная дикая злоба черни обратилась именно на полицию, тем более что представители полиции оказались действительно достойными и твердыми в своей служебной чести слугами государственности, вверенных им постов не покидали и гибли жертвами жестокой расправы, доблестной смертью своею давая пример оголтелому русскому народу, как надо долг свой исполнять не только тогда, когда все обстоит благополучно и исправная служба сулит награды и повышения, но и тогда, когда грозная буря сметает всякое встречающееся ей сопротивление, и когда стойкое соблюдение верности долгу сопряжено с неизбежною гибелью в мучениях и страданиях.

Как и во всем прочем, наша кадетствующая интеллигенция несет на своей совести ответственность за героическую участь, выпавшую на долю стойких, честных, благородных, доблестных гороховых. Теперь она стонет и жалуется на свою горькую судьбу, напуганная и разбитая той зверской силой, которую она сама идиотски вызвала к жизни, но пусть она знает и чувствует, что на ней лежит кровь первых жертв революции, и пусть, переборов свою дряблость и расхлябанность, она постарается выказать хоть маленькую часть того мужества, которое проявил так несправедливо ею осмеянный и оклеветанный петербургский городской.

Меня не было в Петрограде в дни переворота: я еще тогда командовал полком; но мне рассказывали все подробности этих дней, и я знаю их хорошо. Солдаты и рабочие рыскали по всему городу, разыскивая злосчастных городских и околоточных, выражали бурный восторг, найдя новую жертву для утоления своей жажды невинной крови, и не было издевательств, глумлений, оскорблений и истязаний, которых не испробовали подлые звери над беззащитными своими жертвами. Этим зверям петербургское население в массах своих деятельно помогало: мальчишки, остервенелые революционные мегеры, разные «буржуазного» вида молодые люди бежали вприпрыжку вокруг каждой охотившейся группы убийц и, подлаживаясь под «господ товарищей», указывали им, где и в каком направлении следует искать последних скрывающихся полицейских.

Теперь-то это глупая и низкая по нравственным побуждениям своим петербургская толпа одумалась, поняла, что потеряла, и мечтает о том счастливом времени, когда она жила спокойно, в рамках законности и порядка, под охраной этого самого городского, ею же увенчанного мученическим венцом. Привожу недавно вышедшее стихотворение, передающее нынешнее петербургское настроение.

«Городовой»

*Городовой!.. Как звучно это слово,
Какая власть, какая сила в нем!..
Ах, я боюсь, – спокойствия былого
Мы без тебя отчизне не вернем...*

*Мечтой небес, миражем чудной сказки,
Опять встает знакомый образ твой,
И вижу я, что без твоей указки
Нам не пройти житейской мостовой...*

*Где б ни был ты, ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди;
В твоих очах, в твоём державном жесте,
Один был знак: «подайся... осади»...*

*Бранился ль я с неугомонным ванькой¹⁴⁸,
Иль ночью брел по улице с трудом,
Не ты ль мне был заступником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом...*

*Прекрасен вид восставшего народа,
Волнуют грудь великие дела,
Но без тебя – и самая свобода
Взволнованному сердцу не мила...*

*О, появись! с багрово-красным ликом,
С медалями, с крестами на груди,
И обойди всю Русь с могучим криком:
«Куда ты прешь... Подайся... Осади»...*

Я тем более принимаю близко к сердцу вопрос о городских, что хорошо знаю, какой это был цельный, полезный, выдержанный тип служака. Как каждому известно, с 1904 года нашей гвардии приходилось чуть ли не ежегодно принимать участие в охране порядка в столице и подавлении беспорядков, делавшихся все более и более частыми. Служа в уланах Ее Величества, я много месяцев провел на «полицейской» службе и, таким образом, имел случай близко познакомиться с городскими во время несения ими самой их трудной, опасной и ответственной службы: я всегда выносил из своих наблюдений самое отрадное впечатление, ибо мне, как военному, особенно ценно было видеть, сколько мужества и беззаветной храбрости, распорядительности и толковости проявляли городские в самых трудных и опасных положениях.

Кроме того, за мою девятнадцатилетнюю строевую службу мне пришлось хлопотать об очень многих из моих улан для определения их в городские; знаю, какие требования к ним предъявлялись, и какого сорта солдат можно было с чистой совестью рекомендовать: обыкновенно в городские попадали только самые лучшие солдаты в отношении пройденной ими строевой службы, выказанной смысленности и добросовестности, поведения и нравственных качеств. Таким образом, попадали в городские русские солдаты самой первой категории, т. е. такие, которыми граждане всякого дру-

гого государства, кроме России, гордились бы и которым выказывали бы особое сочувствие, доверие и расположение, так как везде, кроме как у нас, каждый народ гордится и дорожит своей Армией, а тем более лучшими ее представителями. Кому, как не русским людям, следовало таким же образом относиться к своим солдатам, дореволюционным, разумеется, которые строили могущество, силу и крепость России.

К сожалению, мы видели как раз обратное: и к офицеру, и к солдату дореволюционного времени большинство образованных, т. е. кадетствующих, людей относилось хотя и с опасливым, но явным недоброжелательством, примешивая то иронию, то снисходительное пренебрежение, то враждебную сдержанность к этим людям чести и долга, имевшим высокое назначение быть защитниками Родины.

Только уже после революции, когда часть офицеров, не кадровых, почти целиком погибших в боях, но новой формации, сделались подлыми ренегатами, а солдаты почти все – насильниками, презренными трусами и ворами и грабителями, тут-то наша бесподобная интеллигенция и изменила свое отношение к Армии, начав заискивать перед «товарищами» и своей трусостью облегчая им безнаказанность их злодеяний и бесчинств.

Вот почему таким дорогим и родным является для меня ныне ушедший в исторические воспоминания тип нашего городского, отождествлявшийся с таким же славным типом нашего старого солдата, которым мы, офицеры, так гордились и которого так искренно, так горячо любили. И оба они одинаково кончили – легли костями, но не изменили ни чести, ни верности своей.

Мне приходилось на страницах этого дневника много раз отзываться с горечью и презрением о нашем солдате: всегда в таких случаях я определял его как революционного солдата, ибо имел в виду только нынешнего «углубителя и расширителя революции», мне совершенно чуждого и отвратительного; но, само собой разумеется, что я питаю совершенно другие чувства к нашему родному «царскому» солдату, беззаветному герою и по-братски нам близкому помощнику и союзнику.

Этот солдат был принесен в жертву безумной стратегии 1914-го и 1915-го годов: за творцами этой стратегии, к сожалению, история признает первоначальную вину, конечно не сознательную, наших неудач и нашего последующего позора.

Вспоминаю 1914 год, первые дни войны, дни печальные и грозные, когда безнадежно погибала 2-я самсоновская армия¹⁴⁹. Я ви-

дел под Млавой только что высадившийся из вагонов Вильманstrandский полк, и при мне в полку стали распространяться злоешие слухи о происходившей катастрофе: каждый военный знает, насколько подобные слухи опасны, так как в части, недостаточно стойкой и дисциплинированной, могут вызвать падение бодрого боевого духа и даже панику. Но в данном случае ничего подобного не произошло: слухи, действительно, волновали и тревожили, но как среди господ офицеров, так и среди нижних чинов вызывали только нетерпение и порыв скорее быть вызванными вперед, на выручку и поддержку. Наконец получили приказ, и полк двинулся в стройном порядке; весь полк прошел мимо меня, и я любовался решительным и восторженным выражением, которое отпечатлевалось на лицах и офицеров, и солдат. Они, как и я, великолепно знали, что идут на трудное дело, почти на верную смерть, ибо судьба 2-й армии была уже решена, а потому их сосредоточенный, но стойкий и восторженно-решительный вид производил особенно потрясающее впечатление: у меня невольно от умиления слезы градом покатались из глаз, пока я любовался этим великолепным зрелищем, и я вспомнил тогда же стих Апухтина:

*«... И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали...»¹⁵⁰*

Помню, в те же дни, под Ново-Георгиевском, я видел высадку полков Сибирского корпуса, также спешивших на выручку 2-й армии: на лицах солдат была та же спокойная решимость и веселая удаля, и ясно выраженное сознательное понимание необходимости поддержать славную репутацию действительно выдающихся сибирских стрелков. К концу войны, под Ригой, мне пришлось видеть, во что выродились эти доблестные полки... Но в них в то время уже не оставалось почти ни одного из тех, которые так ревниво поддерживали свою боевую славу.

Несколькими днями позже, на полях Люблинской губернии, я видел, как принимала свое боевое крещение бесподобная, могучая наша гвардия. Что это были за полки из железа и стали, какая отвага, какая подготовка, какая сплоченность, какая твердость! Вспоминаю все это, не знаешь, кому больше удивляться – офицерам или нижним чинам. И те и другие были так хороши, каждый на своем месте, и так связаны между собой взаимным чувством доверия, любви и поддержки!

Я помню, как 1-я бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии, преображенцы и семеновцы, в течение двух дней одни вели бои против целого неприятельского корпуса, и бои эти были для нас удачны; а когда подошла вторая бригада, измайловцы и егеря, то завершились победой, отступлением неприятеля и энергичным его преследованием.

А в это время спешила и 2-я гвардейская пехотная дивизия, и встреченные мной офицеры Л.-гв. Финляндского полка жаловались мне, чуть ли не со слезами на глазах, в каком отчаянии они находятся, думая, что уже опоздали к этим боям. Бедные! Какое громадное количество боев им довелось еще пережить, сколько тяжчайших испытаний перенести, и как мало их осталось в живых...

Да, так безысходно горько думать, что на смену этим офицерам появились пошлого фасона офицеры революции, шествовавшие с подобострастным видом, в качестве адъютантов, за шутом Керенским, и что на смену этим незабвенным лихим молодцам нижним чинам, героям, истинным чудо-богатырям, мы увидели включенного, растерзанного, со зверски-злым или идиотским выражением тупого лица, вырожденца, «героя тыла», подлого труса и предателя, довершившего позор России, – солдата формации Керенского, Чернова и нелепейшей «бабушки революции»...

Возвращусь к увлекшему меня предмету и запишу еще несколько слов о городских [...] Скоро, с Божьей помощью, воссияет над нашей Россией светлая заря возрождения: тогда все хамье, которое ныне пакостит нашу землю, будет рассеяно, раздавлено и наказано. И тогда вспомнят и о тебе, доблестный мученик городской: будут тогда разметены и сглажены с землей на Марсовом поле те грязные могилы, в которые была свалена разная революционная падаль; а над твоею скромною могилкою построят памятник благодарные твои соотечественники, умеющие ценить истинное величие духа и истинные заслуги перед Родиной.

В настоящее время пелена начинает спадать с глаз жестоко одураченных россиян. Теперь, когда распад России совершился, когда бедствия, одно страшнее другого, сыпятся на нас как из рога изобилия, поневоле и глупый человек начинает понимать, что хваленая революция наша обещанного счастья русскому народу не принесла и, представляя из себя нелепейшую авантюру, с нашей, русской точки зрения, по остроумному чьему-то определению, может быть названа «пожаром в сумасшедшем доме». Но остроумной шуткой нельзя ограничиться, когда рассуждаешь о таком крупном

историческом событии, грандиозной катастрофе, в течение одного только года успевшей развалить могучее государство, и развалить его руками самого народа, создавшего это государство: для такого явления должны быть и причины соразмерного масштаба, и, само собой разумеется, что эти причины существуют.

Германия, в своем гениально обдуманном, организованном, стратегическом плане войны, учла с математической точностью все факторы внутренней жизни государств своих противников и относительно России использовала все наши настроения и осложнения, а потому мастерски сумела направить в выгодное для нее русло наше революционное движение, превратившееся, в руках жидков, присланных к нам из Германии в заплombированных вагонах¹⁵¹, в послушное исполнительное орудие германского генерального штаба. Прямо диву надо дивиться, когда вникнешь во всю тонкость немецкой работы не только на обычной почве дипломатии и связанных с ней сложных интриг и ухищрений, но и на почве пропаганды, инсинуаций и самых изумительных влияний на различные общественные течения и настроения.

В результате вышло, что все предпринимавшееся, а также все происходившее в России, Англии и Франции, не говоря уже о мелких союзниках, – все шло на пользу Германии и на осуществление ее целей, хотя в большинстве случаев действовало под лозунгами прямо противоположными.

Вспомним, для примера, как Гучков, Милюков и Родзянко, считавшие себя патриотами, английский посол Бьюкенен и французский Палеолог, путем совместных интриг, имея в виду успехи и торжество держав Согласия¹⁵², содействовали взрыву русской революции, оказавшейся последней ставкой, последним козырем в руках Германии, давшим ей возможность разыграть в конечном результате игру в свою пользу, с выигрышем настолько грандиозным, что нескоро еще можно будет обнять разумом все многообразные, крупнейшие последствия его. Сегодня, 26 марта, газеты принесли известие о начавшемся разгроме английской и французской армии в Пикардии, о бомбардировке Парижа¹⁵³, о громадном количестве пленных, забранных немцами: еще не обозначился окончательный успех, но, по теории вероятностей, можно ожидать известия о нем в ближайшее же дни, а потому теперь уже вполне естественно говорить более или менее уверенно о германском торжестве, не очень рискуя впасть в ошибку и переоценку.

Вдумываясь в этот поразительный успех и принимая во внимание методичность, стремительность, точность и организованность германской расы, приходится прийти к тому выводу, что Германия держит в своих руках уже давно руководство всеми тайными и явными факторами, влияющими на политическую, культурную и общественную жизнь Европы. Недаром ярлык “made in Germany”¹⁵⁴ стал ходячим словом. При этом следует обратить внимание на то, что многое, “made in Germany”, являющееся абсолютно полезным приобретением культуры, главным образом и преимущественно оказывается полезным для преуспевания Германии. Что же касается всего того “made in Germany”, полезность чего относительна, или что может быть, при известных условиях, и прямо вредным, то факты и явления этой категории каким-то удивительным стечением обстоятельств так складываются, что весь вред всегда выносится из Германии и падает тяжестью своей на ее соперников, внутри же Германии парализуется, а то и прямо обращается ей же на пользу.

Исходя из этого рассуждения, кажется мне, что и социализм, который с полным основанием можно считать “made in Germany” – ибо в Германии родилось, выросло и развилось это учение, – обладает такими же свойствами. Попадая в чужие страны и прививаясь среди не немецких народов, во Франции, Англии, Италии и проч., социалистическое учение всегда образует силу, враждебную государственности той страны, где оно нашло себе почву. Вся разница только в степени вреда, приносимого социализмом, но в той или другой степени он всегда обращается в червя, упорно подтачивающего устои государства. Нечего уж говорить о нашей России, где социализм достиг такого быстрого успеха; и какой социализм – самый настоящий германский, ибо все наши столпы и вожаки этого утопического учения получили свое воспитание и свою выучку именно в Германии.

И вот эти германские ученики, применив в жизни немецкую систему, головокружительно быстро развалили нашу страну, в то время как учитель и вдохновитель всего движения, германский народ, благоденствует под охраной своей могучей государственности и торжествует свою громоподобную победу в величайшей войне всех времен и народов. Поэтому как смешон и жалок русский народ, когда он свято верит своим вождям, героям plombированных вагонов, агентам немецкого штаба, обещающим скорую революцию мирового пролетариата, в том числе и германского. Очевидно, вожаки этого панургова стада¹⁵⁵ считают, не без оснований, глупость

русскую переходящей все границы дозволенного, раз могут убедить, что государство, достигшее своей империалистической политикой успехов почти беспримерных в истории, могущее обеспечить всех и каждого из своих граждан высшей мерой благ культуры и материального благосостояния, что такое государство находится накануне революции. Чтобы оценить в должной мере всю грубую невероятность придуманной лжи, отметим еще, что революцию навязывают тому народу, который отличается сильно развитым чувством государственности и любви к своему отечеству, и который не может не питать глубокой благодарности к своему Императору, способствовавшему тому, что в истории Германии появились новые страницы, блеска чрезвычайного, обвеянные славой, успехом, торжеством и победой, гарантией будущего благосостояния и удовлетворения всех надежд и упований народных.

А главным образом, при обсуждении этого вопроса, не надо забывать того, что германский народ воспитан и просвещен не Павлами Милюковыми и ватагами проходимцев и неучей, «людей без отечества», отрицателей и озлобленных хулителей всех национальных основ своей государственной власти, как у нас, но людьми, носящими в душах своих высокие патриотические идеалы, созидательные и творческие, а потому не для отбытия номера, не для исполнения пустой формальности, но с искренним подъемом чувств и с вдохновенною верой каждый немец поет свой национальный гимн «Deutschland, Deutschland über alles!»¹⁵⁶

Вспоминается мне, как четырнадцать лет тому назад, будучи в Берлине у моей двоюродной сестры, я расспрашивал одного из племянников моих, бывшего тогда студентом, о настроении и духе немецкой студенческой молодежи, и узнал от него, что в Германии учащая молодежь, в противоположность нашей, политикой очень мало интересуется и во всяком случае не отличается тенденциозно враждебным отношением к своему правительству, как у нас. К такому ответу я был более или менее подготовлен, так как слышал и читал о том же, а потому не столько интересовался студентами, сколько рабочими, о которых знал, что среди них социализм распространен в очень больших размерах, и спросил племянника, может ли он в этом меня ориентировать.

Оказалось, что и мой племянник интересовался рабочими и потому довольно близко к ним подходил с наблюдениями, так что мог удовлетворить мою любознательность. «Совершенно верно, — ответил он мне, — что в нашей рабочей среде социализм очень силь-

Что же ты на это скажешь, Лейба Бронштейн? Я уверен, что ты лучше меня знаком с обычаями немецких рабочих, а потому уверен также, что, когда глупому нашему народу ты обещаешь скорое восстановление германского пролетариата, ты сознательно лжешь, по своейственной тебе жидовской наглости, а также вследствие уверенности, что народ наш поверит решительно всему, что его нынешнему господину, развязному и нахальному жидку, только заблагорассудится втемашить в его помутившуюся голову.

Я бы не хотел, чтобы меня упрекали в непоследовательности и нелогичности, что было бы возможно, если б я не дал краткого пояснения по поводу только что написанного мной. Дело в том, что только что я как будто бы нашел причину всех наших революционных несчастий и нашего развала в махинациях и интригах Германии; а между тем раньше я выражал совершенно другое мнение мое, заключающееся в том, что всеми революционными движениями среди народов и развитием нашего беспочвенного, доктринерского либерализма руководит всемирное масонство или, вернее, знаменитая «Алит»*, стоящая во главе масонства, со своими органами высшего посвящения, возглавляемыми еврейским синедрином¹⁵⁷.

Между тем противоречивость моя только кажущаяся, и мнение мое остается неизменным. Пережитые нами политические коллизии, катастрофы и пертурбации действуют, очевидно, под влиянием многих факторов, и взаимодействие их всех целиком трудно уловить и обнять в ясном своем понимании. Я двигаюсь ощупью, до истины добираюсь индуктивно, пользуясь крупицами знаний, которыми владею. Думаю, что нахожусь на верном пути, но уразуметь и уяснить всю картину событий в целостности своей нельзя, считаясь только с одними факторами: положение представится тем яснее, чем больше причин, притом действительных и несомненно входящих в круговорот событий, будет принято в соображение и учтено при объяснении нами разбираемого явления.

Итак, я настаиваю на том, что тайное влияние жидомасонства есть реальная сила, имеющая громадное значение в нашей публичной, а иногда, при некоторых обстоятельствах, и в частной жизни. В развращении русского народа, в разрушении русской государственности, в порабощении нашей интеллигенции беспочвенной

---

* «Alliance Israélite Universelle» (примеч. Ф.В. Винберга) – «Всемирный еврейский союз», основанный в 1860 г. в Париже для консолидации и взаимной поддержки евреями друг друга (примеч. публикатора).

фразеологией, во всем этом виновато жидомасонство. Оно же действительно пользовалось, как мощным орудием в своих руках, проникновением доктринерского либерализма в умы русского общества и развитием и распространением в народе социалистических учений.

Убеждаясь в силе и значении масонства, сообщества порочного и злобного, с антихристианскими, антикультурными, специально еврейскими идеалами и целями, приходишь в недоумение, каким образом ум, талант, знания, опытность – так просто, спокойно, по-детски наивно попадают в ловушку, в которой приманкой служат человеколюбие, прогресс, всеобщее братство народов, вечный мир, духовное усовершенствование и прочие побрякушки. Все это, как игрушки детям, бросают своим жертвам настоящие масоны высших посвящений, знающие, как и для чего создавалось страшное оружие, именуемое «тайным обществом», остающимся всегда и везде одинаково опасным разрушителем государств и развратителем народов, меняя имена по мере надобности, т. е. как только люди, непричастные к великому жидовскому заговору, поймут опасность, им угрожающую.

Не следует удивляться, что масонству так много удается в осуществлении его тайных, человеконенавистнических замыслов, ибо сила его не есть плод воображения, но реальная, грозная действительность, и оружие, находящееся в распоряжении масонства, есть средство очень могущественное. Это оружие, прежде всего, заключается в денежной силе еврейства, накапливаемой веками; ясно без всяких рассуждений, что деньги дают в современной жизни обаяние и власть колоссального значения и приближают к возможности достижения самых трудных целей. Кроме того, жидомасоны имеют в руках своих еще один крупнейший козырь: в настоящее время ими повсеместно и почти окончательно порабощена всемирная печать, так-то они могут в каждую данную минуту не только руководить так называемым «общественным мнением» любого государства, но даже заставлять целые народы смотреть их глазами и думать их мыслями. При помощи газет и журналов они могут придавать громадное значение каждой мелочи, выгодной для них, и замалчивать, т. е. заставлять забывать, самые серьезные вещи, важные для нас, христиан, не вовлеченных в масонство. Жидомасоны могут изобретать, извращать или отрицать факты и события, превращая черное в белое и вредное в полезное, благодаря покорно исполняющим их приказания официальным или официозным телеграфным агентствам, находящимся в их полной зависимости.

Кроме порабощения печати, евреями уже завершено, так как редкие исключения в счет не идут по незначительности своей, многое также сделано для порабощения школы: во Франции в этом отношении уже давно масонством достигнут полный успех, но в других странах – ныне особенно в нашей несчастной России – атака на школу идет удачно и победоносно.

Всецело завладеть школой евреям необходимо, ибо без нее им не удалось бы развратить христианские народы настолько, чтобы они утратили способность сопротивления, утратили понимание своего достоинства, своих выгод и даже своего самосохранения. В школах формируются души будущих поколений. В интересах евреев, чтобы школы «гоев» были проникнуты определенной тенденцией: из них ребенок и юноша должен выходить отравленный неверием, развратом и равнодушием ко всему, кроме грубой, животной чувственности. Порабощением школы, т. е. захватом в свои руки подрастающих поколений, кроме общего развращения «гоев», масонство стремится обеспечить успех своему походу на Церковь Христианскую, а также на монархический принцип, представляющий тормоз и препятствие на путях еврейства.

Я думаю, что громадное влияние, которое имело всемирное масонство на подготовку, возникновение, развитие и ускорение нашей революции, является в настоящее время для каждого ясным, и не найдется ни одного, хотя бы предубежденного, образованного и компетентного в этом вопросе человека, который это влияние стал бы отрицать: оговариваюсь, что, так уверенно утверждая такую бесспорность факта, я стою на той точке зрения, что отождествляю конечные пути масонства с тайными идеалами и устремлениями воинствующего «Израиля».

У юристов часто, при расследовании какого-либо преступления и искании виновника его, исходным принципом, являющимся отправным и руководящим пунктом, на котором зиждутся все нити изысканий, применяется изречение: “*fecit, cui prodest*”, т. е. «совершенно тем, кому совершить таковое деяние было выгодно». Обыкновенно так обосновывая свою задачу, следователь легче и проще всего приходит к ее разрешению. Если мы, исследуя нашу революцию, станем на такую же точку зрения, то мы придем к некоторым выводам.

Кому в России оказалась выгодной русская революция? Не русскому ли государству? Когда в результате оказалось падение государственности, развал и раздел самого государства, то вопрос мой надо считать праздным и не требующим ответа. В таком случае, раз первый

вопрос, по явному бессмыслию, сам собой отпадает, то не русский ли, солдатский, рабочий и крестьянский народ может считать себя обладателем революцией? Несчастный народ, предавшийся дикому разгулу, грабежу и насилиям, считавший себя освобожденным от опасностей и тягостей жестокой войны, вообразивший себя свободным распорядителем своих капризов и инстинктов своеволия и безответственности, в первое время революции мог действительно считать себя ошастливленным. Но теперь, когда угар начинает проходить и наступает уже мучительное похмелье, когда уже признаки отрезвления обнаруживаются в помутненном сознании, начинающем отдавать себе отчет во всем совершенном, вряд ли можно назвать счастливыми людей, стоящих перед обломками своего прошлого, без всяких надежд на мало-мальски светлое будущее: ибо последствия мятежа и злодеяний грозно влекут к жестокой расплате; разгром и разорение Отечества сулят целый ряд годов, повитых голодом и всевозможными материальными лишениями, т. е. затрагивают как раз те шкурные, животные интересы, которые за этот год исключительно овладели душами развращенного жидами русского народа; подлая измена своему священному долгу защиты Родины обрекла, кроме всего прочего, на иноземное иго. Вот и ответ на второй вопрос.

Но кто же может считать себя в выигрыше от революции? Не те ли господа «освободители», которые так много поработали на дело распада и гибели своей Родины? Стоит их повидать и поговорить с ними, чтобы и на этот вопрос ответить отрицательно: все они стоят перед разбитым корытом, кадеты оплакивают улетевшие, – увы, бывшие такими сладостными, – свои честолюбивые мечтания, а эсеры, эсдеки *et tutti quanti*¹⁵⁸ – свои поруганные и вконец их обманувшие идеалы, причем идея революции, вся конструкция социалистических, анархических и всяких других смутьянских теорий так низко пала и так вдребезги разбилась, что теперь и не собрать черепков сосуда, представлявшегося созданным из драгоценнейших материалов, но оказавшегося пустой и пошлой масонской побрякушкой, предназначавшейся для уловления вздорных, легкомысленных, не доучившихся или переучившихся тупиц. Так испанцы, открыв Новый Свет, соблазняли дикарей-туземцев стеклянными бусами, обменивая на них слитки чистого золота; так торговцы невольниками в Африке на такие же стеклянные бусы покупали и свозили на свои корабли обреченных на вечное рабство зверообразных готтентотов. Да простят мне наши российские готтентоты эти нелестные, но подходящие сравнения.

Я перебрал разные категории русских людей, доискиваясь тех счастливых, кому революция могла сотворить благо, но таковых не нашел. Больше некого и спрашивать, так как я настолько деликатен, что совершенно опускаю наших «буржуев»: они, бедные, пожалуй, приняли бы мой вопрос за неуместную и злую шутку. Правда, было время, когда они также восторженно аплодировали победному шествию госпожи Революции, но за эти ошибки неопытной молодости они были так жестоко наказаны, что не стоит теперь их беспокоить, памятуя пословицу, гласящую о том, что «лежащего не бьют», а тем более, когда этот «лежащий» уже нещадно избит со всех сторон.

Итак... Справками, в конце концов, одна лишь истина добыта¹⁵⁹, а именно, что среди русских людей нельзя уже теперь найти таких, кто революцию мог бы считать своей «благодетельницей», кроме, разумеется, грабителей, разбойников, насильников, Керенского и его коллег, составивших себе состояние награбленным казенным и частным добром и т. д., но эта категория людей, принадлежащая к типам уже уголовным, не может нас интересовать.

Если, никого не найдя среди русских людей, мы обратимся к одной большой и интересной группе инородцев, принадлежащих к великому племени Израиля, к так называемой «угнетенной» расе, то картина сразу изменится: здесь как раз мы и встретимся с теми счастливыми, для которых революция оказалась не злою мачехой, как для других, но нежной матерью, заботливо пекущейся о благоуханных детках своих и готовой, по материнскому пристрастию, всем и всеми пожертвовать ради пользы, потребности и услаждения родного отродья.

Действительно, все, что сотворила революция, оказалось специально изготовленным на потребу «избранного народа». Равноправие! Как деликатно, не ставя точек над *i*, чтобы не слишком дразнить, сформулировано это слово, хотя на деле оно оказалось не «равноправием», а жидоправием, ибо ни я, никто другой, находящийся в моих условиях, не можем не сравнивать свое совершенно бесправное, от жидовского усмотрения зависящее, положение с тем сверхправием, которым пользуются наши обрезанные господа и повелители, возглавляющие «управление» покоренной ими бывшей великой и могучей Русской Империи. Я не буду вдаваться в подробности и доказывать фактами сказанное мною, ибо это значило бы ломиться в открытую дверь: все мы, пережившие этот год, и видели, и испытали, как Россия досталась в жидовские руки, и что из этого вышло! Впрочем, может быть, не совсем еще вышло, ибо имеется у жидовского племе-

ни два недостатка, много портящие успех всякого задуманного ими предприятия: с одной стороны, – безмерная заносчивость в тех случаях, когда они достигли почестей и значения, на что падки они необыкновенно, – и тогда у них голова начинает кружиться от восторга и сознания своего торжества, и вот тут-то они и способны переоценить свою силу, превзойти всякую меру нахальства, произвола и беззакония, истощить до последней крайности терпение своих жертв и... шлепнуться обратно в грязь, на свое настоящее место. С другой стороны, при первых неудачах жида очень легко бывают подвержены панике, а в таких случаях опять-таки легко теряют присутствие духа, торопятся спастись, все ликвидировать, и таким образом спасают от гибели тех, на кого совсем было уже надели.

От дряблости и низости натуры еврейской будем ждать такого рода происшествий, а пока можем только констатировать, что “*fecit, cui prodest*” – эта отправная посылка всецело относится к израильтянам, на которых и лежит ответственность за нашу революцию и все сопровождающие ее прелести.

По этому привилегированному, господствующему положению, достигнутому русскими евреями, в результате революции, мы можем судить о том выдающемся торжестве своего дела, которым увенчались все сложные труды и тайные действия мирового еврейства: оно окружило и запутало очередную свою жертву, Россию, и подняло над нею, связанной и готовой к закланию, свой жертвенный нож... Но нож – еще не опустился, хотя опасность и велика и, того и гляди, сверкнет зловещей молнией лезвие и вонзится в тело поруганной, обессиленной и распластанной Матери-Родины...

Чудится мне, что как ни мудро было затеяно все злодеяние, имевшее целью использовать гибель России для усиления жидомасонства, для утверждения вящей славы «Соломонова храма»¹⁶⁰, как ни собраны были в одни правящие руки многообразные нити грандиозного заговора, но предприятие не удалось и, может быть, в нынешней стадии своей, находится накануне полного крушения, что для еврейства означало бы настолько сильный удар, что оправляться от него пришлось бы в течение многих десятилетий. Чудится мне, что могучий враг встретил противника не менее сильного, а то и сильнейшего. России от такого оборота мало бы чем могло полегчать, ибо подозреваемый мной враг и победитель масонства есть в то же время и наш победитель – Император Вильгельм!..

Пока шел крик и шум около лозунга «Мир без аннексий и контрибуций, с самоопределением отдельных народностей!», мне было

ясно, по какому руслу направляется революционное течение, и ясен был пейзажный двигатель и дирижер всего гвалта. Когда Совет народных комиссаров, за исключением Ленина и Луначарского, целиком составил из провизоров и фармацевтов иудейского племени, то хотя они и состоят в большинстве на услужении у германского штаба, я еще не менял своего мнения о том, что жидовское господство над Россией в особенности, а частично и над остальной Европой, будет достигнуто. Я исходил тогда из того хода мыслей, что никому, кроме евреев, не придется пожать плодов победы, если все участники Великой войны выйдут из нее без победителей и без побежденных, если война будет таким образом ликвидирована при общем расслаблении всех европейских народов, без большого преобладания одного над другим: этим общим расслаблением воспользовался бы "tertius gaudens"¹⁶¹, т. е. еврейство, и таким образом цель была бы достигнута, победа «Алит» обеспечена, да еще с таким крупным призом, как порабощенная Россия. Ибо такое окончание войны означало бы полное торжество всех революционных начал, и волна революции, по всей вероятности, прокатилась бы по всей Европе; везде буржуазия была бы сметена, частью уничтожена, частью сведена на нет, и остался бы один пролетариат, одно кажущееся торжество демократии, которая и не подозревала бы, что торжество ее было бы кратковременным и быстро лопнуло бы как мыльный пузырь, она сама превратилась бы в покорное и безгласное быдло, и над этим быдлом властвовал бы тяжелой своей десницей народ израильский. На такое окончание войны и рассчитывало жидомасонство и для такого конца и пустило в действие все свои мировые ресурсы, приведшие к войне.

Ныне, по-видимому, намечается совершенно другой исход: обозначается с большой вероятностью полная победа Германии над всеми своим противниками. Судя по известиям, приходящим с французского театра войны, сегодня, 27-го марта, и еще вчера, англичане, американцы и французы терпят крупные поражения, и скорое взятие Парижа становится вероятным. В таком случае, совершится полная победа Германии, чреватая крупнейшими последствиями. Последствия эти должны быть следующими: 1) полный разгром нашей революции; 2) дискредитирование социалистических теорий; 3) падение демократического начала и ложно-либеральных, доктринерских течений, под флагом служения благу человечества, служивших темным целям жидомасонства; 4) укрепление и усиление идеи монархизма не только в Германии, но и во всей Европе и, в частности, разумеется, реставрация нашей законной династии.

Я вполне сознаю, что победа Германии не спасет Россию от со-
вершившегося уже крайнего расслабления и умаления; напротив
того, я думаю, что Германия подкрепит силой своего вооруженного
победным мечом авторитета наш распад и развал. И, тем не менее,
из двух зол я предпочитаю меньшее и открыто признаю, что теперь,
при сложившихся таким образом обстоятельствах, определенно
стою на германской ориентации. Я уже не смею мечтать о величии,
славе и могуществе моей Родины, но надеюсь, что при такой ориен-
тации можно больше спасти, чем при какой бы то ни было иной:
в смутных грезах и предчувствиях мечтателя мне даже мерещится
возможность возрождения. Совесть моя спокойна: в течение долгих
лет войны я честно служил Царю, Родине и народу; совершенно от-
казался от личной своей жизни и личных моих интересов; в любой
момент был готов на любые жертвы. Но сам народ мой собственны-
ми руками своими разрушил Родину, опозорил ее честь, осквернил
все священные предания ее; растоптал все мои святыни, все заветы,
все идеалы, которыми я жил и ради которых всегда готов был от-
дать все силы мои и самую жизнь; он же гнусным издевательством
над всем, что было мне дорого, вытравил мою любовь и всякое со-
чувствие к себе. Ныне я стою, оскорбленный, потрясенный, отбро-
шенный от жизни, перед разбитым алтарем своим, и вполне естест-
венно, что я хочу собрать эти для меня остающиеся предметом по-
читания обломки и воссоздать свой алтарь, хотя бы и не в прежней
роскоши, не в прежнем блеске его.

В подавленном и тяжелом состоянии духа, в которое приводят
меня бедствия, обрушившиеся на мою Родину, и позорное каторж-
ное клеймо, которым заклеил себя погрязший в подлостях и зло-
действах народ мой, большим утешением для меня является созна-
ние, что не мы одни потерпели от того краха, от которого нескоро
нам удастся оправиться, но что не менее крупный крах, как я наде-
юсь, потерпела и мрачная сила жидомасонства, бывшего уже так
близко к конечному торжеству и на последнем увенчании своего
успеха сорвавшегося.

Германия победила не одних нас с союзниками нашими: она
одержала верх и над масонством и, как можно надеяться, сумеет ис-
пользовать эту последнюю, по моему мнению, самую крупную и
для всех нас благотворную победу.

Вдумываясь в сущность силы масонства, являющейся такой
грозной и несокрушимой, когда [она] бывает направлена на про-
тивника расслабленного, разъединенного, не знающего своего вра-

га, притом предварительно за долгий срок оболыщенного и обманутого, приходишь к заключению, что эта сила состоит из следующих элементов: власть крупного капитала, власть сплоченного, объединенного общим идеалом, дисциплинированного союза и власть тайны и знания. Главным образом на этих перечисленных устоях и основывается вся сила масонства, которая страшна и опасна только до той поры, пока не встретит в ряду противников своих такого же сплоченного, организованного, умно руководимого союза, который противопоставит разоблаченной масонской тайне свою тайну, сохраненную неприкосновенной, и силе масонского капитала превосходство или хотя бы равноценность своего. Если масонство, составляющее союз, члены которого разбросаны по всему миру, совершенством своей организации сумели создать такую страшную, трудно преоборимую силу, то насколько же его будет превосходить подобный же союз, но олицетворяющий свою сплоченность в своем государственном единстве и обладающий гораздо более внушительным материальным могуществом?

Мы знаем хорошо, что показала нам Германия за эти четыре года войны, в смысле своей потенциальности, а потому без большой натяжки можем предположить, что Германия оказалась тем камнем, на который наткнулась масонская коса. Дай-то Бог, чтобы мое предположение оправдалось!..

Сегодня П. в разговоре указал мне еще на одно обстоятельство, послужившее, по его мнению, одним из факторов революции: мой собеседник, держась того же мнения, как и я, что революция произведена евреями, думает вместе с тем, что евреи решились на это в разгар войны потому, что ими руководил страх перед необходимостью принимать непосредственное участие в войне. Нельзя было всем записаться в разные санитарные, хозяйственные и благотворительные учреждения и организации; вместе с тем нельзя было и удрать за границу, как в другие войны это практиковалось трусливым племенем, ибо война на этот раз охватила все страны, даже Америку. И вот, будто бы, чтобы избежать страшной необходимости идти под пули, евреи вызвали взрыв революции и довели ее «углубление и расширение» до того, чтобы во что бы то ни стало, какой угодно ценой, покончить с войной, благо позор и разгром России был для них в высокой степени безразличен, тем более когда через революцию им удалось получить такие крупные выгоды, какие раньше им и не снились. Объяснение П., разумеется, вполне допустимо, особенно принимая во внимание общеизвестную жи-

довскую трусость. Однако этой страшной страницы в нашей истории, какой ни один народ в мире, с тех пор как пишется история, в свою историю не вписывал, я не могу оставить на ответственности одних евреев, притом же инородцев, не обязанных так ревниво беречь светлое имя и славу нашей Родины, как мы. Нет! В нашей ликвидации войны, опозорившей русский народ несмываемым позором и наложившей на него клеймо измены, предательства, малодушия, трусости и глупости, виноват весь рабочий, солдатский и крестьянский народ, вместе со всеми кадетами и со всеми революционерами; ибо этот народ, независимо от еврейской указки, уклонился от священного своего долга защиты Родины и сам не пожелал воевать, убоявшись за свою презренную жизнь, предпочитая жить под бременем общего осуждения и презрения, под гнетом проклятий преданных им бывших союзников своих.

Таковы, по моему мнению, главные мировые факторы, обусловившие нашу катастрофу, ее вызвавшие и ею управлявшие. В более мелком масштабе, применительно к русской жизни, в непосредственном ее течении, действовали исполнительные органы, являвшиеся в очень малой степени сознательными агентами для общих директив, даваемых масонством, а в громадном большинстве несознательными объектами его же агитационной деятельности. Такими исполнительными органами были все оппозиционные элементы, возникшие в конце XVIII века, но получившие более интенсивное развитие и начавшие организовываться в серьезную силу с середины XIX века: эти элементы, всегда враждебные русскому правительству, независимо от той или другой его политики, представляли того внутреннего врага Русской Империи, с которым всегда приходилось считаться, с которым борьба велась из года в год, никогда не прерываясь, и который являлся опасным и вредным тормозом во всех начинаниях правительства, какое существенное значение для страны ни имели бы эти начинания и хотя бы несомненно вели к пользе, благосостоянию и счастью Родины.

Эти элементы оппозиции, как действующие силы, вылились, с одной стороны, в общее настроение нашего так называемого образованного общества, получившее более реальное выражение со времени образования конституционно-демократической партии, т. е. когда группа людей честолюбивых, жаждавших приблизиться к управлению страной и считавших себя, как представителей просвещения, либерализма и гуманитарных начал, якобы солью земли, а потому имеющих все права на власть, – учла указанное настроен-

ние и объединила вокруг себя то, что называется «интеллигенцией». С другой стороны, в противоположность осторожности и пассивному сопротивлению, практиковавшемуся кадетами в их минах и контрминах, веденных против государственной власти, образовались и более смелые революционные партии, открыто провозгласившие своим лозунгом борьбу против власти: социалисты-революционеры, социал-демократы и прочие оттенки сторонников того или другого понимания социализма относятся мною к этой второй категории, всегда более или менее близко соприкасающейся к активному терроризму.

И та и другая категории одинаково проникнуты еврейским влиянием, а следовательно, находятся во власти масонства, причем влияние его на кадетскую партию полнее и глубже, так что специально еврейские интересы и задачи особенно тесно связаны с программой этой партии, что и понятно, так как эта партия, как более умная, является скорей вдохновительницей и руководительницей, чем активно действующей, в то время как партии второй категории действуют уже как исполнительные органы, проводящие в жизнь продиктованные, внушенные или подсказанные директивы. В обеих категориях очень мало людей, находящихся сознательно в контакте с масонством: их можно считать единичными исключениями в революционных партиях и несколько больше среди кадет. Таким образом, можно полагать с достаточной достоверностью, что как активно, так и пассивно, оппозиционные русские партии, домогаясь своих собственных целей, служили целям масонства бессознательно, были как бы статистами или глупыми марионетками, которыми двигали тайно очень умные люди.

Что касается кадет, то я уже много писал об этой партии, приносящий неисчислимый вред России, и только вкратце отмечу несколько замечаний, ибо думаю, что все мнение свое о них я уже высказал. Отмечу, прежде всего, главнейшие ее недостатки, давшие мне основание считать ее партией политически импотентной и вредной. Такими недостатками представляются мне следующие отличительные черты кадет: беспочвенность и доктринерство, раболепие перед либеральной фразой, ради которой они готовы даже, пренебрегая насущными интересами страны, из-за теорий жертвовать практикой жизни, почти всеобъемлющее подчинение еврейству и еврейским интересам, а потому опять-таки более или менее маскируемой тесной связью с чуждым России элементом, готовность, в случае противоположения двух интересов, жертвовать интересами рус-

скими в пользу еврейских; хитрость, двуличность в преследовании своих целей и большая свобода в средствах для достижения этих целей, в которых кадеты легко соглашались найти оправдание некоторой, весьма осторожной, неразборчивости в выборе этих средств; при большой строгости и непримиримости по отношению к ошибкам, заблуждениям и проступкам людей чужой ориентации, крайняя снисходительность к своим партийным союзникам и сплоченная организованность в деле защиты и замалчивания заметных партийных погрешностей; отчужденность от русских национальных интересов, каковая черта является, собственно говоря, уже только последствием полной подчиненности еврейству, ибо еврейские интересы так часто противоречат национальным, что еврейским слугам поневоле приходится, верно служа своему господину, жертвовать вторыми в пользу первых; слепая, неукротимая ненависть к идее царской власти, ненависть не рассуждающая и не принимающая в соображение действительных интересов России; железные законы масонской дисциплины заставляют некоторых вожakov кадетской партии, состоящих масонами той или другой степени посвящения, беспрекословно исполнять веления масонства, хотя бы явно клонящиеся к вреду исконным, жизненным интересам Русского государства и русского народа.

Вот перечень главных пороков и недостатков партии, на основании которых я кадет называю партией политически импотентной, если держаться единственно разумной в данном случае, при рассуждении о русских людях, точки зрения. Импотентами я их считаю в смысле какой-либо производительной пользы для Родины; этой пользы дать они не могут, так как связаны векселями, обязательствами и соглашательствами с еврейством, а потому, будучи деятельной, очень полезной для евреев партией, они – повторяю – являются политически импотентной русской партией. Вообще, по всему характеру своему, кадетство вполне сходно с масонскими ассоциациями и кружками Западной Европы и, без сомнения, по типу своему, целям и духу составляет масонскую ложу в России, замаскированную при старом режиме ради возможности свободно существовать и действовать.

Все затронутые мной мрачные, отрицательные стороны кадетства тщательно и старательно маскируются и заглаживаются кадетами, имеющими для своей рекламы некоторые выигрышные, красочные стороны, и этими козырями они пользуются умело и ловко, с чисто жидовскою изворотливостью. Положительными видимо-

стями партии можно, прежде всего, считать то, что партия насчитывает в своей среде много громких имен, известных в областях науки, общественности, литературы или политической жизни, вообще представителей просвещенности, серьезно обоснованного либерализма, разумеется, буржуазного, а не пролетарского, таланта и знаний, как общих, так и специальных. Кроме того, сильными козырями в руках кадетов надо считать и крупные капиталы, имеющиеся в их распоряжении, их сплоченную солидарность и строгую партийную дисциплину. Кстати, эти два последних свойства, солидарность и дисциплина, не должны ли каждому напоминать о сущности организации масонства, совершенно тождественной? И это сходство не наводит ли на целый ряд размышлений, чрезвычайно интересных и существенно нужных исследователю, желающему разобраться в том клубке путаницы, противоречий, загадочности и преступлений, который крепко зажал всю русскую жизнь, кажется, агонизирующую...

Все, что здесь мною высказано, не есть голословное обвинение, но основано на полной убежденности в правде моих слов, для моего разумения вполне достаточно подкрепленной фактами. Но я не буду вдаваться в мелкие подробности и ограничусь одним только примером, взятым из жизни и подтверждающим мое мнение о том, как кадеты сплоченностью своей умеют скрывать неприглядные стороны своей внутренней жизни и как они ревниво ограждают репутации своих вожаков, всегда с большим пафосом возвеличенные жидовской прессой, от всяких нареканий, хотя бы сами эти репутации и оказались более или менее грязно подмоченными.

Все мы помним, какой рекламой и каким чисто бердичевским гвалтом окружали кадеты имя своего божка, первого председателя I Государственной Думы Муромцева. Вокруг этого человека создавали особенный ореол, с крикливыми причитаниями и завываниями, как на жидовском базаре, так что невольно хотелось, вспомнив Н.В. Гоголя, остановить эту восторженную прыть и сказать: «Александр Македонский, действительно, был великий человек, но зачем же стулья ломать?»¹⁶² Все мы помним также, как судили участников Выборгского воззвания, и какими комическими церемониями и театральными жестами сопровождался этот суд: как все эти гороховые шуты, наподобие мячиков, вскакивали со своих мест при каждом упоминании «священного» имени Муромцева и, вероятно, в таком нелепом балагане услаждались иллюзией об особенно удачной выдумке, оттеняющей кадетскую гражданскую доблесть.

Не так давно, несколько лет тому назад, Муромцев скоропостижно умер в Москве, и кадеты постарались опять проделать побольше гвалта вокруг похорон своего «великого человека», но потом вдруг как-то странно быстро замолкли и очень скоро забыли это происшествие. Случайно до меня дошли сведения об обстоятельствах, сопровождавших смерть Муромцева, и я понял причину молчания кадет: строили, строили пьедестал, украшали его всевозможными добродетелями и общечеловеческими, и гражданскими, и специально конституционно-демократическими, на свою постройку торжественно посадили своего идола, а он не удержался – и свалился!.. Но с какой выдержкой хранят кадеты свою тайну. Вот что значит – умение товар лицом показать. Советую любознательным людям справиться у какого-нибудь кадета о подробностях смерти Муромцева¹⁶³.

Закончу я, однако, свои рассуждения о кадетах добрым словом. Как и в каждом человеческом сообществе, встречаются, конечно, и среди кадет прекрасные люди, высоко порядочные, искренно убежденные, что, вступив в члены конституционно-демократической партии, они сделали отличный выбор в своем желании послужить на пользу и счастье России, во имя просвещения, культуры, прогресса, человечности, цивилизации. Я знал много случаев, когда такие люди разочаровывались в своей партии и выходили из нее, но много есть и таких, которые продолжают в ней оставаться, не теряя своих иллюзий. По этому поводу, как сравнение, я напомним о таком мрачном исчадии ада, каким является всемирное масонство: на первых ступенях посвящения можно встретить среди масонов чрезвычайно хороших людей, верящих в светлые и высокие идеалы своей организации, в действительности мрачной, безнравственной и преступной: эти масоны низших степеней также пребывают в иллюзиях, ибо они незнакомы с сокровенными тайнами масонства, к которым приближаются только избранные.

Кадеты причинили России главное, самое губительно зло, доведшее наше государство до той катастрофы, среди которой мы теперь судорожно барахтаемся, ниоткуда не чая спасения. Но, воздавая должное людям безмерно виноватым, не надо забывать, что, по свойственной им осторожности или, вернее, трусливости, нерешительности во всех случаях, требующих не одних рассуждений, но и энергичного действия, хитрости и лукавого стремления обеспечить свою сохранность и безопасность на случай ответственности, кадеты были только вдохновителями, указчиками, развратителями, но никогда не брали на себя непосредственного исполнения: для этой

цели предназначались революционеры, действовавшие уже из подполья, но более смело и энергично.

Люди из подполья! В этом определении и вся характеристика активных революционеров, не ведавших, что творили. Их проклятая память навеки неизгладимо связана с реками чистой русской крови, пролитой во имя тупого сектантского фанатизма, узкого непонимания своей истории и национальных основ народного быта, злобной, ненавистнической зависти всего мелкого и ничтожного к крупному и великому.

Эти революционеры, бравшие на себя задачу перекраивать Россию согласно идеалам, подсказанным им двумя-тремя социалистическими книжками, не были даже еще зрелыми людьми, а мальчишками из недоучившихся гимназистов и студентов, гораздо более занятых своими сходками, собраниями и партийными интересами, нежели посещением лекций. Были между ними и люди образованные, но в меньшинстве; большинство же из них были люди книги и притом одной книги: прочитав какого-нибудь Маркса и свято уверовав в непререкаемую истину всех его доводов, мало подготовленные чтением, знаниями, опытом жизни и знакомством с людьми, чтобы переварить прочитанное и пропустить его сквозь горнило анализа и критики, принимая на веру все принятое из учений, слишком сложных и глубоких для ума еще недоразвившегося, они сочли себя готовыми для выступления на активном поприще политической жизни, и, с самонадеянной решительностью невежественного самомнения, брались быть решителями и вершителями судеб своего народа, который вдобавок очень мало знали и понимали. Были, впрочем, между ними люди все знавшие, все понимавшие, образованные, начитанные, умные, с достаточным запасом жизненного опыта, которые также шли на это дело и, становясь вожаками движения, толкали веровавшую в них молодежь на дела, губительные для самой молодежи и для всего государства. Так поступали они, движимые слепым фанатизмом, партийностью (вернее, узостью), а часто и соображением о том, что «чем хуже – тем лучше», ибо надобно раньше все старое разрушить, чтобы потом заново начать строить жизнь в новых условиях, согласных с идеалами социализма. Такая точка зрения совпадает удивительно точно с тайными целями всемирного еврейства, которое направляет деятельность масонства именно к тому же – разрушить и уничтожить всю нашу христианскую культуру, вытравить из памяти поработенных народов самое Имя Господа нашего Иисуса Христа, а затем, все разваливши, строить уже свою собствен-

ную иудейскую культуру, при полном господстве над миром избранного народа, которому служить, в роли рабочего скота, будут «гои»: из них оставлены должны быть только те, которые будут годны для своей рабской участи. Судя по такому плану будущего жидовского владычества, вряд ли «торжествующему пролетариату» пришлось бы использовать результаты своей разрушительной работы. Что же касается интеллигенции, то из нее могут, пожалуй, сохраниться только элементы, способные всецело приобщиться к еврейству, а остальные подлежат постепенному уничтожению, ибо жидовское царство должно установиться на твердых устоях, которым могло бы помешать продолжающееся существование представителей прежней культуры, недостаточно покорных и раболепных, чтобы смиренно зажить по-новому.

Большинство пылких и увлекающихся революционеров, воображавших, что хлопочут об общем благе человечества, и не помышляли, разумеется, что работают на пользу и славу пейсатого народа. Но в каждой крупной ассоциации всегда находился, да и теперь находится, компетентный представитель масонства, знающий, как и куда вести баранье стадо.

С шестидесятых годов прошлого века началось в России знаменитое «хождение в народ»: безусые мальчики, сами собой не умевшие еще управлять, рассеялись по деревням и селам Российской Империи, для просвещения и поучения русского мужика в духе Лассаля и Маркса, по катехизисам социализма, анархизма, коммунизма и терроризма, каждый согласно с направлением учения своей партии, ибо как только составились революционные кружки, тотчас началось разделение на различные толки и партии и взаимная вражда, как добрым славянам и полагается.

С течением времени средство приготовления народа к революции, путем командировок *ad hoc*¹⁶⁴ специальных агентов, было признано нецелесообразным и заменено более широкой и постоянной агитацией – посредством людей, живущих на своих местах, благо революционные мальчики возмужали и стали служить в земстве, в школах, в больницах, да и в разных государственных учреждениях. Все же «хождение в народ» продолжалось около двадцати лет и принесло в деревню много смуты, путаницы, замешательства и беспорядков, а кроме того отвлекло органы государственного управления от более производительной, созидательной работы, заставляя тратить время, труд и силы свои на изыскание мер противодействия разрушительным попыткам «внутреннего врага».

По мере того, как наше образованное общество все более отравлялось ядом скептицизма и развивались его оппозиционные настроения, революционная пропаганда теряла свой нарочитый, коммандировочный, если так можно выразиться, характер и совершалась уже чисто естественным образом, путем повседневного общения полубразованных классов с низшими слоями народа и влияния на этот народ.

В чем же заключалась эта пропаганда в главных чертах своих? Я думаю, что не ошибусь, если дам ей одну общую характеристику за все шестьдесят лет ее интенсивного действия: были, конечно, некоторые побочные изменения, в зависимости от веяний времени, как например, развитие кооперативов за последнее десятилетие, нововведение, расширяющее поле для пропаганды, но вместе с тем действительно полезное и чреватое будущим успехом, но эти приделки к агитационной работе, имеющие прежде всего практическое значение, не изменяли основной сущности тех идей и понятий, которые пропаганда старалась внедрить в умы крестьян.

Разберемся, основываясь на логике, каких результатов должна была домогаться революционная пропаганда. Будучи убежденными республиканцами и только в самом умеренном меньшинстве монархистами-конституционалистами, революционеры должны были, оставаясь верными своим убеждениям, стремиться к тому, чтобы расшатать в крестьянских массах бывшее очень живучим чувство верности Самодержавному Царю. Но рядом с этим, будучи русскими, признавая в основе своей работы надежду сделать Родину свою счастливой и преуспевающей, они ни в каком случае не должны были, по логике, умалять патриотические чувства народа, а напротив того, проводить идею государственного единства и вселять чувства преданности этому единству, т. е. проповедовать любовь к Родине и объяснять сущность обязанностей гражданина по отношению к отечеству своему. Даже допуская в пропаганде социалистические идеи, в основе должно было оставаться понятие Отечества.

На деле мы видели как раз обратное. Пропаганда имела своей целью разрушить всякое чувство не только национальности, признанной понятием отсталым и каким-то одиозным, но и государственности: проповедь неуважения ко всем органам власти, предвзятая критика этой власти во всех формах ее проявлений, разрушения всех авторитетов и отрицания всех гражданских обязанностей вносили в массы народа идеи анархические, антигосударственные. Печальные последствия такой пропаганды сказались теперь как во

время войны, когда все страсти народные уже направлены были на стремление использовать трагическое положение государства в личных целях наживы и стяжания, так особенно в год революции, когда те же страсти увлекли народ далеко за пределы человеческого, введя нас в круг скотских переживаний.

Революционеры, кроме того, кичились своей заботой о просвещении народа и о поднятии его культурного и нравственного уровня. Для осуществления таких целей, чтобы быть логичными и последовательными, им надо было, рядом с приучением народа полезному чтению, близко касающемуся круга интересов народа к соответствующему его умственному развитию, рядом с проповедью нравственного и культурного совершенствования, не пренебрегать религиозными верованиями и обычаями народа, памятуя об опасностях, грозящих в случае оставления нашего малоразвитого простолюдина без всяких нравственных устоев, без всякого удовлетворения его духовных запросов: ибо не могли же люди, взявшиеся за подготовку государственного переворота, быть настолько наивными, что обрядовая, пожалуй, слишком формальная и внешняя, но глубокая, вековыми традициями освященная вера нашего крестьянина или рабочего может с успехом быть замененной мировоззрением, например какого-нибудь “Docteur Pascal”¹⁶⁵, атеиста, находившего для своего высокого духа смысл нравственного кодекса в собственном удовлетворении душевном.

Однако, в противность всякой логике и разумности, революционеры начинали свое просвещение народа с того, что старались вытравить из его сознания веру в Божество и в загробную жизнь духовную, разъясняли темным людям, что священники учат их басням и бредням и являются тунеядцами, понапрасну обирающими бедных людей, что никаким поучениям и указаниям Церкви подчиняться не надо; что вся вера православная имеет единственной своей задачей поддерживать царскую власть над народом «помещиков и капиталистов» и проч[их] т[ому] под[одобных].

Когда революционеры возбуждали народ против царской власти, я и все, одинаково со мной мыслящие, имели основание их преследовать, вешать и расстреливать, отдавать под суд, но должны были признать за ними последовательность и полное соответствие их действий с их политическими убеждениями. Но когда они в этом же народе разрушали идею государственности и вытравляли религию, являющуюся для многих, вместе со страхом перед городовым, единственной уздой для зверских инстинктов, ныне ставших

нам всем непомерно знакомыми, в этом случае они совершали не только преступление, но и величайшую глупость, которой последствия теперь заставляют страдать и их самих.

Еще легче и успешнее шла подобная же пропаганда среди рабочих, только гораздо больше одобренная социалистическими теориями и с результатами гораздо более успешными.

Параллельно шло и просвещение в желательном духе русской интеллигенции. Кто из людей, знакомых с тайной работой нашего заклятого врага, следил как за литературой последних десятилетий, так и за общественной жизнью того же периода, должен был сильно беспокоиться, узнавая следы влияния жидомасонства и с негодованием понимая гнусную цель этого влияния – стремления развить христианское общество, убивая уважение ко всему достойному уважения и осмеивая все священное. Провозглашалось право самоудовлетворения во что бы то ни стало, право «сверхчеловека», причем каждому предоставлялось «самоопределиться» и производить себя в звание «сверхчеловека», стоящего вне и выше всякого закона, не только человеческого, но и Божеского...

Супружескую верность сменила «свобода любви», женскую скромность – право девушки на разврат... Вместо патриотизма проповедовалась расплывчатая «гуманность» и фальшивое человеколюбие, выражающееся жалостью к преступникам и полным равнодушием к жертвам преступлений.

Под видом «сверхчеловеческой морали» проповедовалась анархия во всех видах, проповедовался разбой, едва прикрытый красными тряпками революционной «политики». И все это так ясно, так сознательно группировалось в одно целое, для одной цели, что человек мало-мальски компетентный, с наблюдательным и пытливым умом, должен был с ужасом себя спрашивать: «Как может большинство современников наших не видеть всего этого?.. Как можно не понимать и даже не замечать гнусной цели этой литературной и общественной революции, которая очевидно подготавливает другую, кровавую, разбойную, политическую революцию»...

И такая революция действительно пришла и разразилась грозной бурей над своей очередной жертвой – Россией. Подготовители и создатели ее, в испытанном ими удовлетворении, выразившемся в крайнем восторге упоения своим торжеством, получили как бы награду за труды свои... Но радость была кратковременной и очень быстро сменилась горьким разочарованием, даже отчаянием, ибо достигнутый результат в проявлениях своих сразу доказал свою не-

жизнеспособность и выказал все признаки скорого полного крушения всей мечты, с таким упорством взлелеянной и ныне разлетающейся в кровавых брызгах изнасилованной и растерзанной на куски Родины. Так упорно, упрямо и долго работать в одном излюбленном односторонним и тупым умом направлении, потратить силы стольких жизней на свою заветную мечту и увидеть полный ее крах среди вызванных ею злодейств, кровавого угара преступлений, властвующей злобы, пошлости и низости душевной – это ли не разочарование!..

Между тем, казалось бы, что удивляться вам нечему, государи мои: вы пожинаете, что посеяли. Вы ужасаетесь тому, во что выявилось дело рук ваших, но поверьте, что оно вполне соответствует свойству работы вашей. Вы задавались целью все разрушить и действительно цели своей достигли: вы все разрушили, и результат вышел как раз тот, которого следовало и ожидать от разрушения, а именно – кровавый хаос и развал. Вы сознательно и систематически уничтожали в народе веру, верность, честь, честность, историческую связь с традициями, семью, Церковь, преданность Родине и понимание обязанностей к своему государству – а теперь жалуетесь, что народ не оправдал ваших чаяний: напротив, народ вышел точно таким, каким вы его сделали. Вольно же вам было не понимать, к чему приведет ваша работа... Позвольте только заявить вам, что такая работа, результаты которой приводят самих работников в ужас и отчаяние, не может быть названа иначе, как – идиотской работой.

В заключение опять приходишь все к одному и тому же выводу: жалкие и свыше всякой меры преступные глупцы, целым рядом поколений потратившие все свои силы и всю свою энергию на разрушение и осквернение собственного своего достоинства, бывшего таким прекрасным в чаяниях возможной будущности и таким богатым, были несознательными, тупыми агентами чужого веления и чужой воли. Чья же это веления и чья воля?.. “Fecit cui prodest”. Жидомасонству надо было испепелить в душах русских людей огонь святой веры Христовой! Жидомасонству надо было развеять по ветру мощь русской государственности! И жидомасонству также надо было разжечь и возбудить все подлые, низменные, стяжательные, ненавистнические, кровожадные страсти русского народа и заглушить все духовные порывы и все животворные идеалы его.

Мне не хотелось бы, если кому-либо суждено читать мой дневник, чтобы могло быть вынесено впечатление, будто бы я главную ответственность за весь ужас и омерзение нашей жизни возлагаю

на человекообразную обезьяну, русского мужика, грабящего наши усадьбы, и на подлого, низкого зверя-солдата революции, достойного сподвижника Керенского, вместе с ним завершившего наш позор и наш разгром. Вовсе нет! Не считая возможным и справедливым найти для этих двух категорий смягчающих вину обстоятельств в пресловутой темноте народной, сильно преувеличенной и не объясняющей несколько гнусности, глубокой бесчестности и скотской жестокости народа, я чувствую не меньшее, но еще большее негодование против образованной части русского народа, в полной мере ответственной за свое отчасти содействие революции, отчасти за свое дряблое, малодушное отношение к делу разрухи своего государства, и сильно грешной своими жульническими инстинктами, коренной бесчестностью и беспринципностью.

Вспомним, кто захватил в свои руки власть в мартовские дни переворота! С легкой руки Керенского, большинство русских адвокатов заняли самые видные посты в высшем управлении страной: стоит только вспомнить, что представляет собой русская адвокатура, чтобы понять, в какие руки попала власть над Россией. Есть у нас две свободные профессии, медицинская и адвокатская, совершенно друг на друга не похожие. В данном случае я руководствуюсь личными своими жизненными впечатлениями, о которых в разговорах я часто высказывался и слышал обыкновенно от моих собеседников подтверждение моих выводов. Русский врач своей честной, самоотверженной, добросовестной деятельностью сделал свое звание чрезвычайно почетным, заслуживающим всеобщего уважения и доверия: я нахожу, что среди различных классов русского населения врачебная корпорация дает особенно высокий процент людей, глубоко порядочных, честных, щепетильно относящихся к обязательствам своего нравственного долга, отзывчивых, добрых, гуманных, с просвещенными, широкими взглядами, чуждыми партийности и односторонности. Особенно начинаешь ценить наших русских врачей, если сравнить их духовный багаж с торгашеством, продажностью, холодной безучастностью врачебного персонала за границей. Ни в одной корпорации мне не случилось встретить такого большого числа истинно хороших людей, как среди русских врачей. Надо еще прибавить, что среди наших врачей имеется громадный процент евреев, но я и среди евреев-врачей встречал также прекрасных людей: хотя, до некоторой степени, еврейство и внесло во врачебную среду диссонанс отличительными чертами продажности, торгашества, нравственной приспособляе-

мости, но, видно, общий тон врачебной этики таков, что сохраняет свой престиж, и что в среду врачей приходят в большинстве случаев лучшие из евреев.

Совсем обратное наблюдается среди адвокатов: на три четверти заполненное еврейством, сословие русских присяжных поверенных находится всецело не только под влиянием, но прямо в руках пархатого племени. Исключив мир преступников, поддающийся особому учету уголовного типа, по продажности, полной беспринципности и безнравственности, готовности за деньги пойти на любую, самую выдающуюся мерзость, я могу сравнить адвокатскую среду только со средой проституток, да и то, опасаясь, не обидятся ли проститутки за такое сравнение¹⁶⁶. Исключения, конечно, встречаются, а потому мое мнение об адвокатах не может касаться порядочных людей, носящих звание присяжного поверенного. Притом оговариваюсь, что веду речь только об адвокатском сословии в России: не знаю точно, каково оно за границей, но слышал, что там адвокатская этика стоит несравненно выше, чем у нас, и что само сословие там бдительно контролирует нравственную чистоплотность своих собратий. Влияние жидомасонства имеет легкий доступ в среду адвокатов, использованный им очень широко.

И таким-то людям, как русско-жидовские присяжные поверенные, досталась в добычу их алчным вожделениям несчастная Россия... Русский народ, и без того отличающийся в большинстве своем бесчестностью, склонностью к обману и грабежу, вкоренившейся недобросовестностью в исполнении своих обязанностей, отсутствием понятия о чести и собственном достоинстве, такой народ стал управляться шайкой проходимцев из среды записных мошенников: зато и хорош вышел этот путь, по которому они повели народ. Сами правители старались урвать побольше добра, где только возможно было; никогда такой продажности и подлости должностных лиц нигде не наблюдалось, как у нас в революционные дни. Сам представитель верховной власти, прощельга Керенский, показывал пример.

Неотъемлемые, законные хозяева Зимнего дворца, Цари русские, ревниво берегли богатства дворца и передавали их из рода в род, считая национальным достоянием своего державного рода. Керенский и «бабушка» Брешко-Брешковская, водворишившись в Зимнем дворце и населив его, кроме того, целой кучей каких-то жидовских семейств, стали смотреть на несметные богатства, их окружавшие, как на свою собственность, и отбирать для себя все, что им нравилось. В кабинете Государя Императора находилась весьма

художественная большая золотая группа, изображавшая пахавшего крестьянина с лошадьё и плугом: группа эта была поднесена, кажется, Царю-Освободителю какой-то депутацией. Прощаясь с «сельским министром» Черновым, вынужденным покинуть свой пост, Керенский довел свою дерзость до того, что подарил ему на память эту знаменитую группу.

Вся кухня Его Величества, со всем персоналом поваров, сохранилась в полной целости, и прощелыга-адвокатишка, и каторжанская «бабушка», сменившие на такое великолепие свои кухмистерские, жадно набросились на представившуюся им возможность питаться такими изысканным яствами и питьями и, говорят, оказались очень требовательными: *rien n'était assez beau et assez bon pour eux*¹⁶⁷. К обеду ежедневно приглашалось не менее двенадцати человек гостей, подавались лучшие вина, к обеду всегда шампанское. Я слышал, что повара чуть не плакали, что после Высочайших особ приходилось кормить такую шушеру; действительно, хамская компания подобралась на подбор¹⁶⁸.

Мне рассказывали также, что вышли недоразумения у Керенского с воинской командой, охранявшей Черниговские холодильники, куда он ежедневно посылал собственноручные записки (находил же время на это) с требованием целых возов всякой провизии. Одновременно этот мерзавец стеснял и ограничивал стол попавшего в плен к мятежному хамью нашего прирожденного Государя и Его Семью.

Можно себе представить, что проделывали остальные, с позволения сказать, министры. Милый революционный народ не отставал от своих вождей. Переселяясь из Таврического дворца в Смольный монастырь, господа члены Совета рабочих и солдатских депутатов, эти темные личности, но официально изображавшие «лучших русских людей», которым были вверены судьбы России, дочиста ограбили весь дворец «Великолепного князя Тавриды»; драгоценнейшие и редчайшие сокровища возами перевозились на Андреевский рынок и там продавались. Одинаковым же образом был ограблен и Зимний дворец, и все пригородные дворцы, и все, что только попадало под руку русского пролетариата.

Вот значит, к чему привела работа наших революционеров и кадетствующей интеллигенции: шайка авантюристов-грабителей захватила верховную власть, уничтожила могущество России и разграбила и растаскала как собственным грабежом, так и попустительством воровскому народу, все богатства страны.

«Люди из подполья»! Так я их назвал, начиная мое повествование о них: так и закончу, считая такое прозвище очень для них подходящим, характерно определяющим всю их деятельность, всю их психологию и все их понимание русской действительности. Из подполья выходили эти шакалы творить свое злое, кровавое дело и снова возвращались в подполье, по совершении очередного злодеяния. «Когда Желябовы смеются – Россия плачет»: это крылатое слово прокурора на процесс злодеев 1-го марта 1881 года, облетевшее Россию, было восклицанием Муравьева, когда самодовольная улыбка змеилась на лице убийцы при упоминании о предсмертных страданиях Царя-Освободителя. А само это убийство, совершенное во имя конституции, как раз накануне того дня, когда Император Александр Николаевич решил подписать акт о даровании стране конституции! И эти нравственные уроды, бравшиеся за величайшее дело перестройки всей страны, даже не сумели этого знать перед тем, как решиться на убийство благороднейшего Царя, всю свою жизнь посвятившего благу своего народа.

Вспоминая эту великую трагедию, принесшую России великий вред, я не имею права ничего утверждать, так как по этому поводу ничего не знаю, но невольно зарождается у меня в голове предположение: не было ли выгодно для кого-нибудь, чтобы в день подписания конституции погиб Царь, ее подписавший? Не было ли кого-нибудь, кто не хотел, чтобы государственная жизнь России текла в правильных, умеренно-либеральных нормах постепенного, последовательного, эволюционного развития, и чтобы высоко поднялись обаяние и популярность русского Царя? Позволяю себе думать, что такой оборот мог казаться невыгодным только для планов жидомасонства.

Злобствуя и дебатирюя в своем подполье, очень мало знакомые с действительной жизнью, фанатически настроенные в одном направлении и «из-за деревьев леса не видя», революционеры «жарились в своем собственном соку», жили преимущественно интересами своими, мелкими, подпольными и... проглядели жизнь. За последние десятилетия у них еще развилась так называемая «азефовщина»¹⁶⁹, т. е. предательство и провокация, и это явление, возбуждая подозрительность, страстно волновало и интересовало подпольных героев, и под влиянием таких чувств они еще более ограничивали и суживали, сами того не замечая, свой умственный кругозор.

Где же было такому курятнику вести мировую политику и понимать взаимодействие сложнейших факторов, определяющих жизнь государств и народов!

Не удивительно, что обитатели курятника стали слепым орудием, бессознательным материалом во власти чужой воли. Все разрушив и ничего не умея создать, они стали в тупик перед гнусной нелепостью ими содеянного и сами же негодуют, стонут и жалуются, стараясь найти виноватого и не понимая, в тупом своем сомнении, собственной своей виновности. Пожалуй, они могут найти утешение и оправдание только в некоторых русских пословицах, как например: «дуракам закон не писан»; или «с дурака все взятки гладки», и проч[ее] т[ому] под[обное]. Напрасно только все эти господа «освободители», начиная с Родзянко и Милюкова и кончая Савинковым и селянским Черновым, стараются на большевиков свалить вину за то, что хваленая их революция оказалась охваченным пожаром публичным домом. Большевики в своем роде также хороши, но это – особая статья. Но в развале России и в гнусных формах, принятых революцией, они несколько не больше виноваты, чем все их предшественники. В самой же революции виновато, разумеется, все гнилое и безнравственное русское общество, все русские люди, и меньше все тот, кто за всех больше всего страдает – Его Величество Государь Император Николай Александрович.

Случайности моей арестантской карьеры заставили меня познакомиться поневоле, но очень близко, с одним из ярких представителей разобранного мною только что типа, с Владимиром Львовичем Бурцевым, с которым два месяца просидел в одном отделении тюрьмы и ежедневно вместе обедал; приходилось с ним и разговаривать, но редко; разговор же его слышал часто, так что имел возможность составить себе свое понятие о нем.

Бурцев пользовался в нашем отделении большой популярностью: все очень хорошо к нему относились и ценили его; имел он даже репутацию умного человека; его одинаково хвалили и люди правых убеждений, и менее правых; говорили о нем, что он самый чистый, симпатичный и благородный человек из своей партии. Меня очень интересовало поэтому присмотреться к нему, чтобы по самому лучшему составить представление об остальных. Не могу сказать, чтобы я питал к нему какие-либо злобные, нехорошие чувства; скорее даже относился к нему симпатично, считая его в некотором роде каким-то блаженньким; но только я не люблю людей, очень довольных собой, а эта черта была у Бурцева в сильной степени и мне не нравилась. Может быть, меня также отдаляло от него мое отношение к той партии, к которой он принадлежит. Бурцев с гордостью причисляет себя к партии социалистов-революционеров тер-

рористов. К нему привлекают какая-то по-детски наивная непосредственность характера и добродушная доброжелательность; смешит его наивный же эгоизм или, вернее, эгоизм, его свойство все явления жизни подводить под свой аршин, приводить и приноровлять их к своей собственной особе. В непогрешимую справедливость своих убеждений, взглядов и выводов верит он свято и несокрушимо, так что собеседник, с ним не соглашающийся и не поддакивающий тому, что он вещает, вызывает в нем досаду, а не то, так сожаление, как может найтись такой дурак, который с ним не согласен. Вообще его опять-таки наивное самодовольство и сомнение производят трогательное впечатление, не исключаящее и удивления, каким образом пожилой человек, всю жизнь работавший на революцию, проживший всегда или в тюрьмах, или в изгнании, теперь, видя результаты революции – а он сам негодует на все, что происходит, может сохранять чувство самодовольства и сомнения.

Будучи по убеждениям своим республиканцем, он теперь, разочаровавшись, милостиво склоняется в пользу конституционной монархии.

Всю свою жизнь посвятивши разоблачениям разных провокаторов, предателей и шпионов, Бурцев пристрастился невероятно к сыскной работе, составляющей главный интерес его жизни и, зараженный психологией «подполья», считает ее одним из самых существенных дел человеческих.

На этой почве он особенно тесно сблизился и подружился с другим нашим представителем полицейского сыска, Белецким, бывшим своим антагонистом: он вел с ним нескончаемые, обоих собеседников чрезвычайно услаждавшие, беседы. Правительство большевиков использовало сидение в их тюрьме обоих наших авторитетов сыска двух противных лагерей, и как только в трибунале требовалось разоблачение какого-нибудь провокатора или проверка большевистской благонадежности какого-нибудь своего служащего, выписывало в суд одного из друзей, а то иногда и обоих вместе. По этому поводу был раз комичный случай, послуживший образчиком поразительной самовлюбленности Бурцева. Возвращается он как-то вечером с одного из таких своих подневольных хождений в суд; и кто-то из наших «сидельцев» его спрашивает: «Что нового узнали, Владимир Львович? Что там происходит?» – «О, я имел большой успех, – отвечает Бурцев. – При моем появлении публика стала мне аплодировать»... Совсем точно актриса, возвращающаяся из театра после какой-нибудь выигрыш-

ной роли. А уж какая там особенная роль: просто суд вытребовал к себе арестанта, специалиста-сыщика, как эксперта, для дачи свидетельских показаний...

Не могу сказать, чтобы я разделял всеобщие симпатии, которыми пользуется Бурцев: вообще говоря, я всегда отношусь если не отрицательно а ргіогі¹⁷⁰, что было бы опрометчиво, то скептически к стадному голосу нашего общественного мнения, так часто оказывавшемуся ошибочным. Не могу, однако, отрицать некоторых оснований для такого сочувственного отношения к Бурцеву: он не лишен добродушного и доброжелательного вида, выказывает себя патриотом, что так редко в России, и вообще производит впечатление несколько комичное, но приятное. Лично к нему, как, Владимиру Львовичу Бурцеву, попавшему со мной в одно общее положение арестанта, я также отношусь вполне доброжелательно, но не могу за ним признать приписываемых ему качеств. Кстати, занимаюсь им на этих страницах подробнее именно вследствие его популярности, с одной стороны, а с другой – потому, что он – типичный «человек из революционного подполья», ограниченного, одностороннего ума, с большой дозой фанатизма и пристрастного отношения к людям и событиям, с самомнительной нетерпимостью к чужому мнению, одним словом, человек, заеденный своей узкой, окостенелой кружковщиной. Такая характеристика вполне уподобляет его с общим типом русского революционера-заговорщика. Принимая во внимание, что он является чем-то выдающимся среди эсеров и других видов революционной братии, что в широкой публике он выставляется каким-то светочем, одним из лучших передовых людей нашей современности, можно составить себе понятие о скудном багаже, предъявляемом заурядными его коллегами, раз «сам Бурцев» в этом отношении так бедно нагружен.

Много говорят всегда о его журнале «Былое»¹⁷¹, представляющем значительный общественный интерес, так как издается он Бурцевым очень удачно: ввиду специализации автора по сыскной части и по компиляции интересных исторических материалов, клонящихся к прославлению разных революционных бомбистов, убийц, идейных грабителей и борцов за «свободу», надо признать это предприятие Бурцева достигшим успеха. Однако, кто прочитал мастерски составленное историческое исследование Бориса Борисовича Глинского «История освободительного движения в России», для того усидчивая компилятивная работа Бурцева покажется немного наивной, поверхностной и в большой степени пристра-

стной. Не понимаю, почему наше правительство преследовало «Былое» и не разрешало его издание в России. Дело восхваления и прославления героев революции статьями «Былого» не удалось: напротив того, ближе знакомясь с этими героями, поражаешься духовной и умственной бедностью их, при тщеславии и самовосхвалении чрезвычайных. Стоит вспомнить, для примера, хотя бы посмертные письма государственного преступника Каляева¹⁷², убийцы Великого Князя Сергея Александровича: какое тщеславие, какая самовлюбленность сквозят в каждой строке писем этого сентиментального и нервного, фанатически настроенного, ограниченного умственно и духовно юноши. При других условиях из этого Каляева мог бы выработаться порядочный и полезный человек, но пропаганда зависти, злобы и ненависти вывела его душу из колеи и толкнула на заслуженный им, но не нужный никому позорный конец. Еще много подобных же впечатлений я вынес из чтения «Былого»...

Мое критическое и даже отрицательное отношение к Бурцеву если бы стало широко известным, вызвало бы против меня много нареканий – что мне совсем все равно, – ибо я затрагиваю одного из тех божков, к которому либеральная публика давно привыкла относиться с особенным доверием и сочувствием. Публика наша с большим трудом дарует свое признание действительно даровитым людям, если независимость характера ставит их на разный с толпою путь, но зато охотно строит пьедестал для крупной бездарности, если их пути сходятся. Имея обыкновение с мнением толпы не считаться, я к Бурцеву, как ни был бы он признан «одним из лучших представителей революционных партий», сочувственно относиться не могу, считаю всю деятельность его жизни вредной и преступной по отношению к России.

На это мне возразят, что как раз он выказал свой патриотизм, свою любовь в Родине тем, что, с тех пор как началась война, он был против какого-либо революционного выступления, а после революции ратовал за то, чтобы война продолжалась до победного конца; что он был врагом правительства Керенского, а теперь враг большевиков, и именно поэтому пострадал и сидел так долго в тюрьме. Вполне согласен, что такие поступки Бурцева были правильны и проникнуты любовью в Родине, и за такое поведение могу ему сочувствовать. Но это не мешает мне помнить, что до войны он, со слепым фанатизмом, яростно старался наносить удары на устои могущества и силы России, так что за настоящие наши несчастья и он

несет ответственность. Если злой и преступный сын в течение многих лет отравлял существование своей матери, наносил ей всякий вред, который был в его власти, поносил и порочил эту мать и всем своим поведением вызвал ее смертельную болезнь, после чего раскаялся, переменял свое обращение и стал окружать свою мать заботами и любовью, то пред таким преступным сыном я не стану умиляться под тем предлогом, что под конец он стал вести себя добропорядочно, после своего грешного прошлого: я признаю его лучше многих, до конца не раскаявшихся, но все-таки за его прошлое буду звать его сыном преступным, заслуживающим осуждения.

Говорят также, что Бурцев – человек гуманный, никогда непосредственно не принимавший участия в террористических актах своих товарищей. Но он сам называет себя террористом, следовательно, сочувствовал кровавым замыслам, может быть, даже подготовлял убийства, а значит, не менее ответственен за них, чем те злодеи, которые их приводили в исполнение.

Насчет «гуманности» Бурцева я еще имею основание держаться своей точки зрения ввиду следующего эпизода, случившегося на этих днях. Жандармский генерал Климович, один из бывших директоров Департамента полиции при царском правительстве, очутился в дни революции в очень тяжелом материальном положении и долго бедствовал вместе со своей семьей, пока не выхлопотал себе в Волжско-Камском банке сравнительно очень незначительную должность. Об этом узнал Бурцев, имевший какие-то личные счета с Климовичем с того времени, когда один был влиятельным вершителем судеб политических преступников, а другой – подпольным деятелем, – и стал травить бедного «бывшего» генерала в своем журнале «Былое» или в газете «Эхо» – точно не помню – пером своего секретаря, некоего жидка Финка, который, заодно с Климовичем, затронул и большевистское правительство, вследствие чего против газеты «Эхо» было возбуждено дело в революционном трибунале. На разбирательство дела вызваны были и Климович, и Финк, правая рука Бурцева. Председатель трибунала, рабочий Зорин, выразил свое негодование по поводу того, что разные доносчики и сыщики не стыдятся продолжать яростную травлю деятелей старого режима, не считаясь с тем, что эта травля может привести жертву свою к голодной смерти, лишив ее последнего заработка.

Большевик-судья в данном случае сыграл настолько же красивую роль, насколько роль сыщиков и доносчиков была некрасивой и гадкой.

Ставят еще в заслугу Бурцеву, что он много страдал за свои убеждения, что большую часть своей жизни он провел по тюрьмам и в ссылке, а то и в изгнании. Вполне естественно и понятно, что государство наказывало Бурцева и старалось оградить себя от его вредной и враждебной деятельности. Да и стоит ли жалеть человека, вся жизненная деятельность которого направлена была на подготовку того, что случилось, когда результат этой деятельности привел, вместе с крушением России, к крушению и обесцениванию и всех тех идеалов, служению которым посвятил себя жалкий маньяк. Теперь, когда Россия подпала всецело под жидовское иго и покорно клонит выю под торжествующий «пантофлей» своего пейзажного врага, можно только сожалеть, что казематы, обезвреживающие злобных маньяков, не были крепче построены и глубже врыты в землю, ибо, пока маньяки сидели взаперти, Россия могла жить, развиваться и дышать свободно, ибо «Россия плачет, когда смеются Желябовы».

У нас в нашей тюрьме очень многие пишут стихи, часто очень удачные, на разные злобы дня. До сих пор я от такой «эпидемии» воздерживался, но сделал исключение для Бурцева, которому посвященные здесь стихи привожу.

В.Л. Бурцеву

*Старикашка из подполья,
Ротозей-иллюминат,
Мятежа и своеволя
Горемычный адвокат.*

*В самомнении убогом
Закусивши удила,
По этапам и острогам
Ты истратился дотла.*

*Попугай социализма,
Из подпольного кружка,
О погрешностях Царизма
Трактовал ты свысока.*

*Ты охранку досконально
И любовно изучил
И в «Былом» документально
Нюх ищейки проявил.*

*И так ревностно старался,
Так «гражданской скорбью» млея,
Что вне жизни оказался,
Все живое проглядел.*

*Но мечта твоя свершилась:
Революция смела
Все, чем Русь наша гордилась,
Чем она сильна была!*

*Неизбытно горе русское!
Все заметаны пути...
Застилает иго прусское
Солнца светлого лучи!..*

*Для того-то гекатомбами
Люди чести полегли,
Под предательскими бомбами
Гибли русские Цари...*

*Отвечай же, фанатический
Простоватый старичок:
Увидав финал трагический,
Что создал и твой кружок.*

*Неужель не содрогаетесь,
Перед делом рук лихих,
Не терзаетесь, не каешся
За себя и всех своих?..*

Грустно думать, что все эти революционные шуты, взобравшиеся на ходули, самодовольные и напыщенные в своих воображаемых гражданских доблестях, так долго пользовались сочувствием, а иногда и тайным содействием русского общества, в то время как проходили не оцененными и не замеченными столько людей чести, добра, благородства, ума, талантов и истинной доблести.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Мать-кормилица» (*лат.*), старинное студенческое название учебного заведения.
- 2 Несмотря ни на что (*фр.*).
- 3 «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (*англ.*). Цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (перевод *Н.А. Полевого*). Вариант: «Гораций, много в мире есть того, что вашей философии не снилось» (перевод *Б.Л. Пастернака*).
- 4 Наедине (*фр.*).
- 5 «Собрание британских авторов» (*англ.*) – книжная серия, издававшаяся Б. Таухницем в Лейпциге и насчитывающая более 200 томов. В серии на языке оригинала выходили произведения английской классической литературы.
- 6 День за днем (*фр.*).
- 7 “Bibliothèque Rose Illustrée” («Иллюстрированная розовая библиотека» – *фр.*). Популярная серия детских книг на французском языке.
- 8 «Новое время» – одна из крупнейших русских газет, издававшаяся А.С. Сувориным и его сыновьями; в предреволюционный период – рупор русского национализма.
- 9 В этом плане также любопытна беседа, описанная в дневнике поэтессы З.Н. Гиппиус: «1917, ноября 18. Сегодня в [Петропавловской] крепости [И.И.] Манухин [деятель Красного Креста] при комиссаре большевике Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил: “А мы уже Царя хотим.” “Матрос! – воскликнул бедный Ив. Ив. – Да вы за какой список голосовали?” “За четвертый (большеvistский)”. “Так как же?..” “А так. Надоело уже все это...” Солдат невинно подтвердил: “Конечно, мы Царя хотим...” И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться, – солдат вдруг удивился с прежней невинностью: “А я думал, вы это одобрите»» (Цит. по: *Елисеев А.* Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 200).

- 10 Санкюлоты (букв. – «бесштаннные», «беспорточники») – прозвище времен Французской революции кон. XVIII в., которым аристократы называли представителей городской бедноты. В годы якобинской диктатуры – самоназвание французских революционеров.
- 11 Престижное заведение для представителей высшего общества, с единовременным взносом 400 руб., и 250 руб. при поступлении.
- 12 «Есть надо для того, чтобы жить, а жить не для того, чтобы есть» (*фр.*). Винберг путает, данная фраза в комедии Мольера «Скупой» произносится не Гарпагоном, а Валером, который вольно цитирует Сократа: «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим, чтобы жить».
- 13 Одной большой люкарной (*фр.*). Люкарна – оконный проем в чердачной крыше, имеющий декоративное значение.
- 14 Неточная цитата из четверостишия Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить».
- 15 Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).
- 16 Всероссийское Филаретовское общество народного образования было учреждено по инициативе Пуришкевича в марте 1914 г. в противовес либеральной Лиге народного образования. Название получило в честь Филарета (Романова, ок. 1554–1633), Патриарха Московского и всея Руси, отца и соправителя первого Царя Дома Романовых Михаила Федоровича. Целью общ-ва ставилось постановка образования по всей России на началах преданности «Церкви Православной, Самодержавию Царскому и народности Русской»; при этом подчеркивалось, что общ-во включает в круг своих интересов просвещение русского народа на всех ступенях: от низшего до высшего, включая также и внешкольное образование. В состав Филаретовского общ-ва вошли такие видные деятели монархического движения, как еп. Анатолий (Каменский), П.Ф. Булацель, Т.И. Буткевич, Ф.В. Винберг, И.И. Восторгов, А.С. Вязигин, С.К. Глинка-Янчевский, М.Я. Говорухо-Отрок, Г.Г. Замысловский, А.И. Коновницын, С.В. Левашев, Н.Е. Марков, К.Н. Пасхалов, А.А. Римский-Корсаков, Н.Н. Тиханович-Савицкий, Г.А. Шечков и др. Председателем ВФОНО был избран бывший тов. министра народного просвещения сенатор

- Л.А. Георгиевский (в 1916 г. его сменил член Гос. Совета кн. Д.П. Голицын (Муравлин).
- 17 Да, «далек путь до Типперери, очень, очень, очень далек» (англ.) – Неточная цитата из припева старой английской популярной песни «Путь далек до Типперери...». В оригинале фраза звучит так: “It’s a long way to Tipperary, / It’s a long way to go”.
- 18 Древнегреческий философ, практиковавший крайний аскетизм (по преданию, жил в бочке).
- 19 Бывшая (*фр.*) «Речь». «Речь» – ежедневная либеральная оппозиционная газета, рупор конституционно-демократической партии (кадетов), издававшаяся в 1906–1917 гг. «Наш Век» – одно из названий газеты «Речь» после ее закрытия большевиками постановлением ВРК от 26 окт. 1917 г. Газета продолжила свое существование (до авг. 1918 г.) под названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».
- 20 Выступление юнкеров в Петрограде 29 окт. 1917 г. против большевиков (т.н. «юнкерский мятеж»), подготовленный «Комитетом спасения родины и революции» (был создан 3 нояб. 1917 г. Петроградской городской думой для борьбы с захватившими власть большевиками из меньшевиков и эсеров). Организаторы выступления (руководил «Комитетом» эсер А.Р. Гоц) предполагали захватить городскую телефонную станцию, Петропавловскую крепость и Смольный, арестовать советское правительство. Юнкера Николаевского инженерного училища захватили Михайловский манеж, угнали оттуда несколько броневиков, овладели городской телефонной станцией, отключили Смольный, затем заняли гостиницу «Астория», начали разоружать на улицах красногвардейцев и революционных солдат. Юнкера Владимирского военного училища разоружили караул, охранявший училище, и арестовали комиссаров ВРК. В 8 ч 30 мин утра руководители юнкерского выступления разослали телеграммы по Петрограду, в которых заявили об успехе восстания и призвали арестовать комиссаров ВРК. Однако революционный гарнизон Петрограда отказался поддержать юнкеров. ВРК выпустил воззвание к населению столицы и объявил город на осадном положении. К вечеру того же дня выступление было подавлено.
- 21 Винберг был обвинен в соучастии «монархическому заговору» В.М. Пуришкевича, ставившего своей целью создание офицер-

- ской организации, призванной «путем вооруженного контрреволюционного выступления захватить власть и восстановить в России монархический образ правления» (Новая жизнь. 1917. 21 дек.). Согласно показаниям одного из участников организации Пуришкевича – Н.О. Графа, целью заговора было «установление в стране твердой власти в целях победоносного окончания войны, и в дальнейшем непременно восстановления в России монархии» // Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича (Красный архив. 1928. Т. 1 (26) / Публ. И. Тоболина. С. 175. См. также: *Голиков Д.* Дело о монархическом заговоре Владимира Пуришкевича // Советская юстиция. 1965. № 20).
- 22** Слова приписываются Императрице Екатерине II, которые она, по преданию, произнесла, когда военный суд осудил А.В. Суворова за то, что он ослушался главнокомандующего фельдмаршала П.А. Румянцева и самовольно пошел на штурм турецкой крепости Туртукай (1773), которую взял приступом.
- 23** Первая русская монархическая общественная организация, созданная в Петербурге в 1901 г. Представляла собой элитарный клуб правых, занимавшийся культурно-просветительской, а с 1906 г. и политической деятельностью.
- 24** Имеется в виду Русский народный союз имени Михаила Архангела – одна из крупнейших русских монархических (черносотенных) организаций. Была создана Пуришкевичем в 1907–1908 гг. в результате выхода последнего из рядов Союза русского народа, возглавлявшегося А.И. Дубровиным. Главной отличительной чертой организации стало признание Государственной Думы. Главной палатой назывался руководящий орган союза.
- 25** В годы Первой мировой войны Пуришкевич организовывал санитарные поезда, считавшиеся лучшими в Русской армии. Подробнее см.: *Иванов А.А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006. С. 57–62.
- 26** Речь идет о провалившемся выступлении Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова 25–31 авг. 1917 г., направившего на Петроград 3-й корпус генерала А.М. Крымова и «Дикую дивизию» с целью предотвращения выступления большевиков и установления в России военной диктатуры. Корнилов потребовал от А.Ф. Керенского от-

ставки министров-социалистов и ужесточения внутривластного курса, но, испугавшись отстранения от власти, последний обвинил Корнилова «изменником», отстранил от занимаемой должности и обратился за помощью к Советам, направившим на противодействие Крымову отряды Красной гвардии.

- 27** «Народный трибун: орган В.М. Пуришкевича» – ежедневная петроградская газета. Первый выпуск (май 1917 г.) был полулегальным – типография не указывалась, в качестве места издания назывался «город Противохамск», с 5 сент. по 24 окт. 1917 г. издание выходило легально. Редактором и издателем был М.М. Пуришкевич. Газета выступала с открытой критикой большевиков. Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* Правозащитнические силы в марте–октябре 1917. (На материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и Русское Зарубежье. СПб., 1992.
- 28** В «Народном трибуне» Ф.В. Винбергом были опубликованы следующие статьи: «Боеспособность» (1917. 19 окт. № 37) и «Контрасты» (1917. 22 окт. № 40).
- 29** В показаниях Винберга от 14 дек. 1917 г. об этой встрече говорится: «Вообще в этот вечер у меня было много незнакомых, так как я отдал квартиру в распоряжение Владимира Пуришкевича [...] Темой дебатов этого собрания было политическое положение Родины. Возмущались политикой правительства, говорили о спасении страны. Пуришкевич сделал неопределенный и малообоснованный доклад, где он проводил идею контакта между всеми партиями, стремящимися к установлению в России буржуазной диктатуры. Дебаты, начавшиеся после этого доклада, носили обычный для русских интеллигентов характер отвлеченных, красивых, но туманных по содержанию своему споров. В результате собрания была избрана комиссия, на обязанности которой было возложено собранием сплотить разрозненные силы воедино и создать организацию [...] После этого связь с организацией у меня порвалась...» (Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича... С. 182).
- 30** Буквально: «Обязательство выполнить невозможное ничтожно», т. е. ни от кого нельзя требовать невозможного (*лат.*). Кодекс Юстиниана – систематическое изложение византийского права VI в.

- 31 Сейчас я могу об этом судить (*фр.*).
- 32 В показаниях, данных Винбергом следствию, фамилия ротмистра указывается как Амброжанцев: «На собрании у меня ротмистр Амброжанцев развивал какой-то интересный план, – какой, я положительно не помню, и просил ассигновать в его распоряжение 10 000 рублей, на что Владимир Пуришкевич ответил согласием» (Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича... С. 182).
- 33 М.В. Петрашевский в кон. 1844 – нач. 1849 г. возглавлял молодежное общество («петрашевцы»), в рамках которого обсуждались как теоретические вопросы, связанные с демократизацией политического строя России и освобождения крестьян от крепостного права, так (на закрытых заседаниях) и вопросы создания подпольной революционной организации. Арестованы 23 апр. 1849 г., под следствием находилось 123 человек, из них 22 были осуждены (21 – приговорен к расстрелу, с заменой каторгой и арестантскими ротами). В 1856 г. амнистированы.
- 34 Одно из учений утопического социализма (по имени создателя учения – француза Шарля Фурье (1772–1837). Исходной точкой фурьеризма служит положение, что только при свободном проявлении человеческих страстей возможна гармония в мире.
- 35 Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – орган политического надзора и сыска. Создано в 1826 г. по инициативе А.Х. Бенкендорфа после разгрома восстания декабристов. Исполнительным органом был Отдельный корпус жандармов, шеф которого возглавлял третье отделение. Упразднено в 1880 г., с передачей функций Департаменту полиции МВД.
- 36 Роман Ф.М. Достоевского, написанный в 1871–1872 гг., раскрывающий сущность и духовные корни революционного движения.
- 37 Племенная книга, родословная (*англ.*).
- 38 С риском нарушить тюремные правила (*фр.*).
- 39 «Я молод, это правда, но для благородной души добродетель не зависит от количества лет» (*фр.*).
- 40 Достоинство – нет, конечно, но опыт и высокая проницательность – тем не менее, да (*фр.*).
- 41 Страшно сказать! (*лат.*).
- 42 Ардены – тяжеловозная порода выносливых и работоспособных лошадей, выведенная в Бельгии.

- 43 В книге «Крестный путь», написанной уже в эмиграции, Винберг приводит еще одно воспоминание о разговоре с солдатом-караульным, в бытность сидения его в тюрьме: «Однажды при карауле бывшего Лейб-гвардии Московского полка со мной разговаривал караульный начальник, бравый унтер-офицер старого времени, но вполне революционизированный, причем в хитрых его глазах бегали очень неуспокоительные искорки. Как раз в тот день мы, заключенные нашего отделения тюрьмы, подвергались большой опасности, так как настроение караула по отношению к нам было отвратительное. Этот унтер-офицер говорил: “Не понимаю, как могло царское правительство сделать такую глупость, чтобы услатить всю гвардию на войну. Если б оставалось в Петрограде по одному батальону наших полков тогдашнего состава, никакой революции нельзя было бы сделать... Я теперь сам сделался социалистом и революционером; но помню, как у нас тогда было: ту гвардию, что была тогда – революционерам было невозможно обратить на свою сторону”» (Винберг Ф.В. Крестный путь. Часть первая. Корни зла. Репринтное издание. СПб., 1997. С. 118).
- 44 Бытовое название (по форме здания) тюрьмы в Петербурге.
- 45 Петропавловская крепость, утратив свое военное значение, с конца XVIII в. превратилась в главную политическую тюрьму России. В 1870–1872 гг. в Трубецком бастионе крепости была построена политическая следственная тюрьма.
- 46 Обиходное название Кавказской туземной конной дивизии, сформированной Высочайшим приказом от 23 авг. 1914 г. из добровольцев горских народов Северного Кавказа. Дивизия состояла из шести полков: Кабардинского, Дагестанского, Татарского, Чеченского, Черкесского и Ингушского. Рядовой состав дивизии формировался из горцев, командный – преимущественно из русских офицеров. Командовал дивизией Великий Князь Михаил Александрович.
- 47 Речь идет о княжне Ольге Николаевне Репниной, в замужестве Лейхтенбергской (см.: указатель имен).
- 48 Репнин Николай Васильевич, князь (1834–1918). В 1880–1909 Киевский губ. предводитель дворянства.
- 49 Репнин Вадим Николаевич, князь (1869–1912).
- 50 Винберг был приговорен к принудительным общественным работам на три года условно, с освобождением через год (Новая жизнь. 1918. 5 (18) янв.)

- 51** Последним настоятелем тюремной церкви во имя св. блгв. кн. Александра Невского (июль 1916 – нояб. 1918) был иерей Евгений Иванович Соколов. В мае 1922 г. он был привлечен большевиками к судебному процессу по делу «О сопротивлении изъятию церковных ценностей».
- 52** Без лукавства (*фр.*).
- 53** Человек, самостоятельно выбившийся в люди; человек, всем обязанный самому себе (*англ.*).
- 54** У Винберга ошибочно фамилия написана как Дуропп.
- 55** *Parvenu* – выскочка (*фр.*).
- 56** После большевистского переворота в окт. 1917 г. чиновники центральных гос. учреждений, гос. и частных банков встали на путь саботажа советской власти. Возглавлялся «Союзом союзов служащих государственных учреждений», «Комитетом спасения родины и революции» и другими организациями. В чиновничьем саботаже приняли участие около 50 тыс. служащих. В борьбе с саботажем большевики использовали увольнение, конфискацию имущества, арест и предание суду революционного трибунала (для борьбы с саботажем также была создана и Всероссийская чрезвычайная комиссия – ВЧК). К весне 1918 г. саботаж чиновников был окончательно сломлен.
- 57** В оригинале ошибочно «1903–1907 годов».
- 58** Религиозно-философское и политическое течение, возникшее в XVI в., «всемирный союз, покоящийся на солидарности». Гласной своей целью имеет «нравственное совершенствование человечества» и провозглашает своим девизом свободу, равенство и братство. Конечное стремление масонов – объединение всех людей во всемирный союз для достижения «царства Астреи», «царства всеобщей справедливости и земного Эдема». При этом препятствием для построения земного рая масонством провозглашаются религия и национальные государства, которые должны быть уничтожены. Осуществление всех этих идей моделируется в рамках масонских лож, в многочисленных обрядах и сложных символах. «Под знаменем масонской звезды, – писал в 1932 г. митрополит Антоний (Храповицкий), – работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие в разрушении России». «Масонство, прежде всего, имеет антицерковный и антихристианский характер, – отмечал в 1926 г. Н.А. Бердяев. – [...] Сейчас в масонской идеологии

- преобладает антихристианский гуманизм» (Цит. по: *Брачев В.С.* Масоны и власть в России. М., 2005. С. 72–73). Нередко именуется иудо- или жидомасонством, поскольку масоны стремятся к глобализации мира с единым мировым правительством (на принципах либерализма), что совпадает с чаяниями ортодоксального иудаизма увидеть во главе мира «мессию» (главу этого правительства), являющегося, с точки зрения православного вероучения, антихристом.
- 59** «Русское знамя» – ежедневная черносотенная газета, орган Союза русского народа, после раскола организации – Всероссийского Дубровинского Союза русского народа; издавалась в Петербурге с 27 нояб. 1905 по 26 февр. 1917 г. Издателем газеты был А.И. Дубровин.
- 60** Отдельным изданием роман вышел в Петербурге в 1913 г.
- 61** Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был издан 1 марта 1917 г. и провозглашал «гражданские права» солдат, узаконивал существование выборных солдатских комитетов в армии, установил политическое подчинение армии Советам и вверил в распоряжение солдатских комитетов распоряжение всем оружием.
- 62** Кадеты А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин вскоре после большевистского переворота были арестованы ВРК и заключены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, откуда затем ввиду плохого состояния здоровья были переведены в Мариинскую больницу, где в ночь с 6 на 7 янв. 1918 г. были убиты анархистами.
- 63** Кадетская партия, кадеты – Конституционно-демократическая партия (второе название – Партия народной свободы), леволыберальная оппозиционная партия, созданная в 1905 г., члены которой ратовали за демократические реформы и преобразование государственного строя в конституционную парламентскую монархию. Лидеры: П.Н. Милюков, С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков и др.
- 64** «Социал-революционерами» Винберг именует членов радикальной левой партии социалистов-революционеров (эсеров), созданной в 1901 г. и добивавшихся введения в России демократической республики. Эсеры были сторонниками социализации земли, введения демократических прав и свобод, широко в своей деятельности практиковали террор. Лидеры: В.М. Чернов, А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев и др.

- 65** Пенсне (*фр.*) – очки, держащиеся при помощи пружинки.
- 66** 25 сент. 1917 г. Керенским было сформировано третье коалиционное правительство, в состав которого, помимо социалистов, вошли либералы.
- 67** Что заставляет задуматься (*фр.*).
- 68** Учредительное собрание – представительное учреждение, созданное на основе всеобщего избирательного права для установления формы правления и выработки конституции России. Созыв Учредительного собрания считался главной задачей Временного правительства. Выборы проходили с 12 нояб. 1917 г. до начала 1918 г. За партию эсеров проголосовало ок. 59% избирателей, за большевиков – 25%, за кадетов – 5%, за меньшевиков – ок. 3%, всего избрано 715 депутатов. Заседание Учредительного собрания состоялось 5 (18) янв. 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде, на него явилось 410 депутатов, председателем был избран лидер эсеров В.М. Чернов. Учредительное собрание отказалось принять ультимативное требование большевиков о признании декретов съездов Советов и было разогнано в 5-м часу утра 6 января. В ночь на 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания, что вызвало обострение гражданского противостояния в стране. 5 янв. 1918 г., в день открытия Учредительного собрания, в Петрограде состоялась демонстрация в его поддержку, которая была разогнана большевиками: «На Пантелеймоновской улице, – вспоминал Б. Соколов, – прорвав тонкую цепь красноармейцев, демонстранты, в числе их было немало выборжцев-рабочих, густою лавиной заполнили проспект. Раздались выстрелы. Недружные и немногочисленные. Испуганная, взволнованная толпа побежала обратно, оставив на панели и на мостовой несколько раненых и убитых. А стрелявшие, их было не больше двух-трех десятков, с трясущимися руками, испуганные не меньше, чем демонстранты, растерянно глядели по сторонам» (*Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. М., 1992. Т. XIII. С. 64*). В результате было убито около двух десятков человек.
- 69** 9 янв. 1918 г. в Петрограде и Москве прошли манифестации памяти жертв разогнанных большевиками демонстраций в защиту Учредительного собрания, состоявшихся 5 янв. В Москве шествие закончилось перестрелкой, несколько человек было убито.

- 70 Генерал от кавалерии А.М. Каледин в окт. 1917 – янв. 1918 гг. возглавил вооруженное сопротивление советской власти на Дону, сразу же после октябрьского захвата власти большевиками, поддержав свергнутое Временное правительство.
- 71 Мирный договор между Украинской Народной Республикой и центральными державами (Германией и ее союзниками) был подписан 27 янв. / 9 февр. 1918 г.
- 72 В Бессарабии, по образцу украинской Центральной Рады, 21 нояб. 1917 г. был образован краевой национальный парламент Сфатул Цэрий, провозгласивший 28 дек. Молдавскую Демократическую Республику. Примерно в то же время в Бессарабию вступили румынские войска, к 13 (26) янв. 1918 г. занявшие Кишинев. 27 марта Сфатул Цэрий проголосовал за воссоединение Бессарабии с Румынией. Советское правительство не признало аннексии Бессарабии Румынией. 28 июня 1940 г. на территорию Бессарабии были введены части РККА, после чего на ее территории была образована Молдавская ССР.
- 73 Босния и Герцеговина были аннексированы Австро-Венгрией в окт. 1908 г., что вызвало волну протеста в славянских странах и привело к Боснийскому кризису, который привел не только к обострению отношений между Австро-Венгрией и Сербией, но и к углублению противоречий между Антантой и Тройственным союзом, явившись одним из этапов на пути к Первой мировой войне.
- 74 Последний русско-германский торговый договор (дополнительная конвенция к русско-германскому договору о торговле и мореплавании от 1894 г.) был подписан в июле 1904 г., и его заключение ставилось немцами основным условием займа, необходимого России для ведения войны с Японией. Договор предусматривал ряд льгот для Германии и, по мнению большинства российских экспертов, был не выгоден, поскольку закреплял за Россией положение источника дешевого сырья для германской промышленности, а также широко раскрытого, не защищенного барьерами рынка сбыта немецких промышленных товаров.
- 75 Готтентоты – коренное население Южной Африки, в переносном смысле – дикари.
- 76 А.Д. Протопопов, управляющий МВД и начальник Отдельного корпуса жандармов, к нач. 1917 г. разработал план подавления предполагавшихся в столице беспорядков, однако когда они произошли, практически бездействовал, донося Императору,

что успешно справляется с положением. Когда столичный бунт достиг своего апогея, Протопопов оказался «болен». Кроме того, в те дни была распространена версия, согласно которой Протопопов при помощи жандармов якобы сам спровоцировал революционные беспорядки, имея целью их быстрое подавление, однако не справился с ситуацией.

- 77** Речь идет о захоронении на Марсовом поле Петрограда «борцов за свободу». «Я видел Марсово поле, — писал в 1917 г. И.А. Бунин, — на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев [...] Это было, собственно, издевательство над мертвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых! Комедию проделали с полным легкомыслием и, оскорбив скромный прах никому не ведомых покойников высокопарным красноречием, из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили ее буграми, натыкали на ней высоких голых шестов в длиннейших и узких черных тряпках и зачем-то огородили ее дощатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерзкими не менее шестов своей дикарской простотой» (*Бунин И.А. Окаянные дни*).
- 78** Имеется в виду Всероссийский Поместный Собор Православной Российской Церкви, открывшийся в Москве в праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 авг. 1917 г. в Успенском соборе Московского Кремля. На Собор было избрано 564 депутата (73 архиерея, 192 приходских клирика, 299 мирян). Заседания Собора продолжались по 7 (20) сент. 1918 г. Главным деянием Собора стало восстановление Патриаршества.
- 79** Речь идет о Государственном совещании в Москве, проходившем с 12 по 15 авг. 1917 г. Совещание было созвано Временным правительством для объединения поддерживающих его сил. Председателем совещания, на которое собралось ок. 2500 делегатов (депутаты Государственной Думы всех созывов, представители от кооперации, торгово-промышленных кругов и банков, профсоюзов, городских дум, земств, армии и флота, научных организаций и пр.) был избран А.Ф. Керенский
- 80** Здесь Винберг неточен. На открытии Собора присутствовали министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев, министр испо-

веданий А.В. Карташев и товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский. О поведении Керенского в Успенском соборе Кремля сохранились следующие воспоминания: «За Царским тронном, возле левого клироса, стояла группа властей. Керенский, выбритый, в военной форме, с измученным лицом, на котором я ничего не мог прочесть, кроме беспокойных и непрекращающихся дум, мыслей и мирских чувств. Незаметно было сердечного молитвенного настроения...» – вспоминал митрополит Вениамин (Федченков). «Когда я вошла в собор, – вспоминала кн. Н.В. Урусова, – то увидела стоящую сзади всех Великую Княгиню Елизавету Федоровну. Я хотела подойти, но она, уловив мое движение, знаком пальца указала мне этого не делать. Я поняла, что она не хотела быть узнанной, т. к. и одета была не в форме своей общины. Керенский был в соборе, она мне позже сказала: “Я наблюдала за ним, он не мог выносить Божественной службы, его просто корчило”» (Цит. по: Царица Небесная – Державная Покровительница Земли Русской. Коломенская икона Божией Матери «Державная». (Службы. Акафисты. Молитвы. Сказания. Свидетельства) / автор-составитель С.В. Фомин. М., 2007. С. 150).

- 81** Зимний дворец во время большевистского переворота защищали небольшой юнкерский отряд и добровольческий ударный женский батальон.
- 82** Речь идет о священномученике протоиерее Иоанне Кочурове (1871–1917), ставшем первым священником Русской Церкви, замученным большевиками-безбожниками. После возвращения из Северной Америки, где о. Иоанн служил миссионером, он с 1907 по 1916 г. служил в Преображенском соборе г. Нарвы. Примерно за год до своей мученической кончины священник был переведен в царскосельский Екатерининский собор. 30 окт. 1917 г. во время артиллерийского обстрела Царского Села большевиками о. Иоанн участвовал в крестном ходе с нарочитыми молениями о прекращении междоусобной брани. На следующий день в Царское Село вступили отряды большевиков. Разъяренная толпа солдат повела о. Иоанна к царскосельскому аэродрому, где и расстреляла его на глазах сына-гимназиста, беспомощно бежавшего за отцом. Канонизирован о. Иоанн Архиерейским Собором РПЦ в 1994 г.; на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 г. был причислен к лику новомучеников и исповедников российских.

- 83** Выступая на III Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Троцкий говорил о необходимости прекращать войну и заключать мир «на основах программы русской революции».
- 84** Неточная цитата из басни И.А. Крылова «Зеркало и обезьяна». Правильно: «Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
- 85** Буквально «верую» (*лат.*) – кратко и систематически изложенные убеждения и взгляды, характеризующие мировоззрение.
- 86** В приговоре, опубликованном в газетах, говорилось: «На основании данных судебного следствия, Трибунал пришел к заключению, что организация, возглавляемая В.М. Пуришкевичем, существовала, но не ставила своей непосредственной целью восстановление монархии. Однако как контрреволюционная организация представляла большую опасность, так как могла вызвать кровопролитие» / Революционный Трибунал. Дело Пуришкевича (Новая жизнь. 1918. 5 (18) янв.).
- 87** Показания 17-летнего прапорщика Е.В. Зелинского, задержанного большевиками 3 нояб. 1917 г. при попытке похитить в штабе Петроградского военного округа чистые бланки, привели к арестам остальных участников «заговора». Как отмечали адвокаты обвиняемых, Зелинский, после своего «задержания», в сопровождении следователя А.И. Тарасова-Родионова сам производил аресты остальных членов организации Пуришкевича, что наводило на мысль об инсценировке его роли большевиками. На суде Зелинский был признан экспертами невменяемым, страдающим «нравственным помешательством»; сам он отказался от показаний, данных на следствии, заявив, что стал жертвой большевистской провокации и предал не по своей воле (См.: Революционный Трибунал. Дело Пуришкевича...; Голиков Д. Указ. соч.; Петроградский голос. 1917. 29 дек.; 1918. 4 янв.).
- 88** Интервью (*англ.*).
- 89** Согласно приговору, Пуришкевич был приговорен к принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно (с зачетом предварительного заключения), с предоставлением свободы после отбытия одного года тюремного срока и полным освобождением от дальнейшего наказания при отказе от контрреволюционной деятельности; на тех же усло-

виях к трем годам общественных работ были приговорены барон де Боде, Винберг и Парфенов; другие подсудимые были осуждены на срок от двух лет до девяти месяцев, а юнкера герцога Лейхтенбергский и Гескет были освобождены от наказания по молодости и отданы под надзор родственников. Зелинский был помещен в психиатрическую больницу и в случае если версия о его психическом заболевании не подтвердится, должен был быть заключен в тюрьму на один год.

90 Несправедливый, неправильный суд, названный по заглавию старинной русской повести о судье Шемяке.

91 В данном случае, скрывая свое положение (*итал.*).

92 Советы рабочих и солдатских депутатов – выборные политические организация, созданные в феврале 1917 г.; после октябрьского переворота – органы государственной власти.

93 Делай, что должен, и будь, что будет (*фр.*).

94 Речь идет о письме Пуришкевича к А.М. Каледину от 4 нояб. 1917 г., в котором, в частности, говорилось: «Организация, во главе которой я состою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя, ибо лучшие из них разрозненны и терроризованы сволочью во всех решительно полках [...] Политика уговоров и увещаний дала свои плоды – все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей. Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь [...] При всей преступной неподвижности здешнего сознательного общества, которое позволяет налагать себе на шею большевистское ярмо, при всей поразительной вялости значительной части офицерства, которое тяжело и трудно организовать, мы верим, что правда за нами, и мы одержим верх над порочными и темными силами, действуя во имя любви к Родине и ради ее спасения; чтобы не случилось, мы не падем духом и останемся стойкими до конца» (Полный текст письма см.: Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив... С. 170–171).

- 95 Подробный конспект этой речи см.: «27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. и вступ. статья И.С. Розенталя // Исторический архив. 1996. № 5–6. Выдержки из речи были опубликованы газетой «Новая жизнь» от 5 (18) янв. 1918 г.
- 96 Как сообщала «Новая жизнь» 5 (18) янв. 1918 г., отвечая на обвинения в стремлении восстановить монархию, Пуришкевич заявил: «Но за кого я могу теперь бороться, за бывшего монарха, чтобы все началось сначала? За больного наследника, за которым стоит та женщина, которую я ненавижу больше, чем кого-либо? За Михаила? Но он сказал, что согласится занять престол лишь в случае соответствующего проявления воли народной».
- 97 И искали некий тайный смысл (буквально, «и искали утря под камнем» – *фр.*).
- 98 У Винберга имя Бобрищева-Пушкина младшего ошибочно указано как Борис.
- 99 У Винберга ошибочно стоит «9 января 1906 года». Скорее всего, имеется в виду «кровавое воскресенье», день столкновений войск с массовым революционным шествием рабочих к Зимнему дворцу, вызвавших кровопролитие, и считающееся началом революции 1905 года.
- 100 Барон Н.Н. де Бодэ, у которого при обыске была найдена фотография кайзера Вильгельма II, на допросе свидетельствовал: «Карточки особ царствующего в Германии дома Гогенцоллернов принадлежат моему отцу, получившему их в подарок во время пребывания в Германии с депутатией от Л.-гв. Петроградского полка в день 25-летия шествия императора Вильгельма II» (Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича... С. 174).
- 101 «Против глупости бессильны даже боги» (*нем.*). Винберг неточен, фраза принадлежит не Гете, а Шиллеру.
- 102 13 янв. 1917 г. от братии Александро-Невской Лавры большевики потребовали оставить монастырь и освободить его помещения под лазарет. Лаврские власти согласились разместить раненых, но отказались покинуть обитель. Тогда 19 янв. в Лавру прибыл отряд матросов и красногвардейцев с распоряжением о конфискации имущества, подписанным Коллонтай. Отказавшись отдать лаврское достояние, митрополит Вениамин и наместник лавры епископ Елисаветградский Прокопий были

арестованы, но набат и призывы спасти церкви привлекли множество народа, и красногвардейцы вынуждены были бежать из обители. Вскоре вернувшись, грозя начать стрельбу, большевики пытались выгнать монахов из обители, но народ не расхотелся, а протоиерей Петр Скипетров, настоятель церкви святых страстотерпцев Бориса и Глеба, обратился к насильникам с мольбой остановиться и не осквернять святыни, за что был ими смертельно ранен. 21 янв. состоялся всенародный крестный ход из всех церквей Петрограда в Александро-Невскую Лавру и затем по Невскому проспекту к Казанскому собору. Здесь митрополит Вениамин обратился к народу со словом об умиротворении страстей.

- 103** А.М. Коллонтай (урожд. Домонтович), член ЦК РСДРП, в 1917–1918 гг. нарком государственного призрения.
- 104** Большевистский декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви был опубликован 20 янв. 1918 г. В декрете, в частности, отмечалось, что никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью, и все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется «народным достоянием».
- 105** Имеется в виду большевистское правительство, располагавшееся в здании Смольного института благородных девиц.
- 106** Речь идет об одном из учредителей Союза русского народа, правом публицисте, издателе газеты «Гроза» Н.Н. Жеденове.
- 107** Главнокомандующий Северным фронтом.
- 108** Главнокомандующие Юго-Западным и Западным фронтами.
- 109** «Это было зимой 1918 года, в тюрьме, где я между прочими, сидел с одним генералом Генерального штаба, служившим до самого мартовского переворота в штабе генерала Рузского, – вспоминал позже о Болдыреве Винберг. – В разговоре о происходивших в то время событиях генерал этот, с большим подъемом патриотических чувств, сетовал и горевал о судьбе, уготованной России, и, в волнении, воскликнул: “Разве о том мы мечтали, когда собирались у Рузского!”... Эту фразу я подхватил с живейшим интересом и любознательно спросил у генерала: “А о чем же вы мечтали тогда, когда собирались у Рузского?” Но... мой собеседник замялся и поспешил переменить разговор» (*Винберг Ф.В. Крестный путь... С. 129*). О самом генерале Рузском Винберг писал: «Если б главнокомандующий Северный фронтом Рузский не был одним из видных участников

заговора; если б почти все чины его штаба [...] не были его единомышленниками; если бы распоряжениями этого штаба не поддерживалось в Петрограде все, клонившее к успеху бунта, и не парализовались все меры, которыми можно было бы охранить порядок – тогда петроградские беспорядки [...] были бы быстро подавлены [...]. Но нити заговора находились в руках главного вершителя судьбы Петрограда, Рузского, и его распоряжениями [...] исход дела был обеспечен. Государю Императору он же, этот старый предатель, устроил западню и сделал невозможным проезд Государя в свою столицу, куда, почти наверное, успели бы собраться русские силы, остававшиеся верными [...] и спасти положение. [...] Негодяй-главнокомандующий, оказавшись распорядителем Северного фронта, в который включен был и Петроград, ловко и пронырливо подготовил обстановку к решительному моменту, когда понадобилось довершить затеянное дело (добиться отречения Государя. – *А.И.*): все пружины были пущены в ход» (Там же. С. 134–135).

- 110** Нита – семейное прозвище Анны Павловны Винберг (урожд. Лихачевой, по первому мужу княгини Борятинской), супруги Ф.В. Винберга. Санда – Александра Федоровна Винберг, по мужу Серебрякова (1903–1981), дочь Винберга.
- 111** Церковь при тюрьме «Кресты» была закрыта большевиками в нач. нояб. 1918 г., а ее здание превращено в клуб.
- 112** Сформировался из кружков, враждебно относившихся как к Советам, так и к Временному правительству в мае 1917 г. для поддержки сил, группировавшихся вокруг ген. Корнилова. Контора «Республиканского центра» помещалась в большом особняке на Невском пр., 104.
- 113** Подпольный псевдоним (*фр.*).
- 114** У Винберга фамилия неточно указана как Дю-Симетьер.
- 115** Имеется в виду ряд наступательных операций Русской Армии в июне-июле 1917 г., предпринятых Керенским (тогда военным и морским министром Временного правительства) под нажимом союзников, закончившихся неудачей. В ходе наступления были взяты города Калуж, Станиславов и Галич, позже спешно оставленные.
- 116** Речь идет о большевистском выступлении 3–5 июля 1917 г. 3 июля начался мятеж столичного гарнизона, организованный большевиками и приуроченный ими к наступательной опера-

- ции Русской Армии на Северном фронте. Солдаты гарнизона, в основном большевики и анархисты, создали Временный революционный комитет, провозгласив в качестве целей арест Временного правительства, захват телеграфа, вокзалов, банков, соединение с революционными матросами Кронштадта и передачу власти Советам, очищенным от «лакейского духа». На защиту правительства выступили юнкера, казаки и конная батарея. К 5 июля восстание было окончательно подавлено.
- 117** Легко критиковать, но трудно делать (*фр.*).
- 118** Секрет полишинеля (*фр.*). – тайна, которой нет. Выражение пришло из французского фольклора: полишинель – ярмарочный шут, «по секрету» рассказывающий публике о хорошо известных вещах.
- 119** Загородный ресторан, открытый в 1908 г. предпринимателем А.С. Родэ на углу Новодеревенской наб. и Строгановской ул. в павильоне «Кристалл». Место увеселений «золотой молодежи».
- 120** Винберг ошибается, член Петроградского Ревтрибунала Е.Ф. Розмирович не была еврейкой и происходила из дворянской семьи.
- 121** Речь идет об успешном наступлении красных войск в янв.–февр. 1918 г., что вынудило командование Добровольческой армии (Верховный руководитель – М.В. Алексеев, командующий – Л.Г. Корнилов) оставить Донскую область и двинуться на Екатеринодар.
- 122** Настоящее имя Льва Троцкого.
- 123** Дни идут один за другим и не похожи друг на друга (*фр.*).
- 124** Они ничего не забыли и ничему не научились (*фр.*). Выражение принадлежит Ш. Талейрану.
- 125** Народы имеют свою судьбу (*лат.*).
- 126** Все для народа, а не за счет народа (*фр.*).
- 127** Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает (*фр.*).
- 128** Каждая эпоха дает нации правительство, которое лучше всего ей походит (*фр.*).
- 129** Речь идет о дочерях Черногорского князя (с 1860), позже короля (с 1910) Николая I Петровича Негоша Вел. Кн. Анастасии, вышедшей замуж за Вел. Кн. Николая Николаевича (младшего) и Милице Николаевне – супруге Вел. Кн. Петра Николаевича.

- 130** В оригинале фраза звучит так: «Крупная, но непризнанная бездарность». Впервые была произнесена рейхсканцлером Германской империи О. фон Бисмарком по адресу императора Франции Наполеона III.
- 131** В стихотворении обыгрываются строки из баллады В.А. Жуковского «Мщение» (1816).
- 132** Верные Вельцы (*нем.*).
- 133** Свое отношение к П.М. Рутенбергу Винберг наиболее полно раскрыл в одной из эмигрантских публикаций: «Еврей, социалист, революционер-террорист, далеко не чуждый фанатичности и узости революционного подполья, Рутенберг, как мне казалось при первой моей встрече с ним, не мог, по-видимому, привлечь на себя с моей стороны симпатизирующее внимание. А между тем вышло именно так: единственный из встречавшихся мне за последние 2 1/2 года в изрядном количестве революционеров, Рутенберг привлек к себе большое мое внимание и даже расположение. Само собой разумеется, что он остается моим политическим противником, врагом моего Царя и моей Родины [...]. Как человек сильный и даровитый, Рутенберг может оказаться врагом очень вредным, и я тогда, скрепя сердце, ни на один миг не поколеблюсь перед необходимостью парализовать его вредное действие, если на то буду иметь возможность. Я знаю, что он сделает то же самое со мною, если это понадобится тому делу, которому он служит, и которое его совсем не достойно [...] Чем покорило мое сердце этот Рутенберг? Я думаю прежде всего тем, что он сильный, властный, гордый настоящей, благородной человеческой гордостью, вне тщеславия и напыщенного самомнения большинства его товарищей; решительный и энергичный. Затем, он еще и человек искренних, бескорыстных убеждений, чуждых элемента личных, мелких чувств: он действительно служит идее, как ее понимает [...] Орел среди воронья, он на много голов выше всех своих соучастников их общего злого дела, таких мелких, тщеславных, самодовольных и ничтожных [...] Для меня было большим удовлетворением, если б когда-нибудь Благодать Христовой Веры могла осенить своим очищающим крылом эту скорбную, мятежную, но с благородными задатками, душу, и если б Рутенберг, отряхнувшись от грязи и завали “вороньей ставки”, взмахнул орлиными крыльями и взлетел в области, ему более соответствующие. [...] Такая неожиданная симпатия, как воз-

никшая у меня по отношению к Рутенбергу, обыкновенно бывает взаимной; я и думаю, что он также от нашего кратковременного знакомства и сожительства недоброго чувства и недоброго воспоминания не вынес. [...] Рутенберг [...] сказал следующую знаменательную фразу: “Представьте себе, что из всех арестантов, с которыми мне пришлось жить общею жизнью, я сохраняю особенно хорошее воспоминание о монархистах, со мною сидевших; я никак не думал, что они окажутся именно такими; я совсем не знал их раньше”» (*Винберг Ф.В.* Берлинские письма // Луч света. Берлин, 1920. Кн. III. С. 28–31). Показательно, что сходное впечатление Рутенберг произвел и на сидящего вместе с ним в тюрьме черносотенца В.М. Пуришкевича, который посвятил ему стихотворение, в котором были такие строки: «Пускай я русский, ты еврей, / Пусть мы различных убеждений. / Но я к тебе приду скорей / В минуту тягостных сомнений [...] / Пусть ты угрюм, суров и дик / Как человек железной воли, / Но мне понятен твой язык... [...] / Да, ты еврей, но ты не жид» (*Пуришкевич В.М.* П. Рутенбергу / ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 703. Лл. 254–255).

- 134** Сионизм – движение среди евреев, направленное к возрождению своего национального существования в Палестине. Началось в 1880-х гг. XIX в. созданием в Палестине нескольких еврейских колоний и учреждением в России и Зап. Европе кружков из лиц, сочувствовавших этому движению. В 1897 г. во главе сионистского движения стал венский еврей Т. Герцль, придавший ему политический характер. На первом (1897), созванном по инициативе Герцля в Базеле, конгрессе сторонников создания еврейского государства в Палестине, принявших название сионистов, была сформулирована программа движения и образована лига сионистов, состоящая из организаций во всех странах мира с центральным комитетом во главе.
- 135** Речь идет о «Декларации Бальфура» – документе, опубликованном британским правительством 2 нояб. 1917 г., в котором выражалось сочувствие сионистским устремлениям евреев создать национальное государство в Палестине, ранее принадлежавшей Турции, воевавшей на стороне Германии (с сент. 1917 г. англичане начали захват Палестины). Декларация министра иностранных дел Великобритании лорда А.-Д. Бальфура была воспринята сионистами с восторгом, евреи сравнивали ее с указом персидского царя Кира, который в VI в. до Р. Х. разрешил

евреям вернуться из вавилонского изгнания в землю Израиля, вновь населить ее и построить Второй храм. По сути – это было европейским признанием сионистских устремлений.

136 Наш час грядет (*фр.*).

137 По должности, по обязанности (*лат.*).

138 Маца – пресный пасхальный хлеб у иудеев в виде круглых тонких лепешек.

139 Для несведущих (*фр.*).

140 Буквально – футляр для товара (*фр.*).

141 Гой (*иврит*) – нееврей; в иудаизме обозначение любого иноверца.

142 Здесь Винберг не совсем прав. Мечтать о захвате Константинополя и проливов Милюков начал с первых дней войны, за что получил выразительное прозвище «Милюков-Дарданелльский».

143 В 1910 г. редактор правой газеты «Земщина» С.К. Глинка-Янчевский опубликовал две статьи, в которых сообщалось о переводе из Финляндии 250 тыс. руб. в адрес кадетской газеты «Речь». В статьях содержались обвинения лидеров кадетской партии в том, что они финансируются финляндскими сепаратистами, из-за чего являются противниками законопроектов об уравнивании в правах финских и русских граждан на территории Великого княжества и выступают за отделение Финляндии от России. Кадеты подали на Глинку-Янчевского в суд, который оправдал редактора «Земщины».

144 Выборгское воззвание – обращение к гражданам России собравшихся в Выборге группы депутатов I Государственной Думы – кадетов, трудовиков и социал-демократов – (10.07.1906) с призывом не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию» в знак протеста против роспуска Думы. Подписавшие воззвание были преданы суду, 167 подсудимых были приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав.

145 Фемистокл, вождь афинских демократов VI–V вв. до Р. Х. Перед Саламинской битвой с персами раскритиковал главнокомандующего флотом спартанца (а не афинянина) Еврибиада, который, схватив палку, замахнулся на Фемистокла. «Бей, но выслушай!» – сказал ему Фемистокл, и Еврибиад опустил палку.

146 Конферансье (*фр.*).

- 147** Согласно Священному Писанию один из трёх сыновей Ноя – Хам, был проклят Богом за то, что насмеялся над наготой отца.
- 148** Ванька – легковой извозчик, который не стоит на бирже, а ищет пассажиров по улицам.
- 149** В ходе Восточно-пруссской операции Русской армии (14 авг. – 2 сент. 1914 г.), имевшей целью оказать помощь Франции, заставив германское командование снять часть сил с западного направления, 2-я армия Северо-Западного фронта (командующий ген. А.В. Самсонов), первоначально достигнув успеха, вскоре была окружена и разгромлена немцами.
- 150** Строки из стихотворения А.Н. Апухтина «Солдатская песня о Севастополе» (1869).
- 151** Речь идет о знаменитом приезде В.И. Ленина в Россию 3 апр. 1917 г. в запломбированном вагоне через территорию воюющей Германии. Данное обстоятельство дало Временному правительству основание, после провалившейся попытки большевистского переворота в июле 1917 г., официально обвинить Ленина и др. видных большевиков в государственной измене и в сговоре с немецким генштабом.
- 152** Имеется в виду Антанта (от фр. Entente – согласие), союз Великобритании, Франции и России, направленный против Германии и ее союзников; оформлен рядом соглашений в 1904–1907 гг., объединил в ходе Первой мировой войны свыше 20 государств (среди них США, Япония, Италия). После окт. 1917 г. и принятия декрета о мире Россия фактически вышла из Антанты, что было подтверждено заключением сепаратного Брестского мира 1918 г.
- 153** В конце весны – начале лета 1918 г. немцы предприняли попытку вывести из войны Англию и Францию. В ходе весеннего наступления в Пикардии германские войска продвинулись на 84 км, но постепенно наступление заглохло. В мае–июне немецкая армия, прорвав французскую оборону, вышла к реке Марне, оказавшись менее чем в 70 км от Парижа. В результате сражения на Марне 15.07.–4.08.1918 немцы разрушили французскую оборону, форсировали реку, однако развить наступление не смогли. В ходе контр наступления союзники продвинулись на 40 км и избавили Париж от угрозы захвата.
- 154** Сделано в Германии (*англ.*).
- 155** Панургово стадо – выражение для обозначения человеческой стадности, готовности идти за вожаком на верную гибель. Па-

- нург – герой романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», чтобы отомстить за обиду купцу Дендену, выбросил с корабля в море купленного у него барана, за которым в море бросились все остальные овцы, увлекшие за собой и хозяина.
- 156** «Германия, Германия превыше всего!» (*нем.*) – строка из гимна Германской империи.
- 157** Синедрион, высшее государственное учреждение и судилище древних евреев в Иерусалиме, председателем которого был первосвященник, а членами – представители видных саддукейских и фарисейских родов.
- 158** И им подобные (*итал.*).
- 159** Цитата из юмористического стихотворения А.Н. Апухтина «Кумушкам» (1888): «И справками, в конце концов, / Одна лишь истина добыта: / Иван Иванович Воронцов / Женат на тетке Фандерфлита».
- 160** Храм ветхозаветного Царя Соломона (Иерусалимский храм) был воздвигнут в X в. до Р.Х. и простоял 410 лет, до разрушения его вавилонянами. Через 70 лет евреи построили на этом месте Второй храм, просуществовавший еще 430 лет, до разрушения его римлянами. С постройкой на этом же месте Третьего храма (ныне на его месте стоит одна из святынь мусульманского мира мечеть Аль-Акса) иудеи связывают приход «мессии», который согласно христианскому вероучению и будет антихристом, правящим из Соломонова храма миром. В ритуале масонов храм Соломона также занимает ключевое место – его возведение (под которым понимается построение земного рая) является целью жизни масона (отсюда их название «вольные каменщики»).
- 161** «Третий радующийся» (*лат.*), т. е. третье лицо, извлекающее выгоду из борьбы двух противников.
- 162** Искаженная цитата из «Ревизора» Н.В. Гоголя: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» В переносном значении – зачем увлекаться?
- 163** С.А. Муромцев скоропостижно скончался в ночь с 3 на 4 окт. 1910 г. от сердечного приступа в гостиничном номере, который снял в день своей смерти. Это обстоятельство и породило различные слухи об «истинной» причине его смерти.
- 164** Для этого (*лат.*).
- 165** «Доктор Паскаль» (*фр.*), роман Э. Золя, главный герой которого врач Паскаль стремился доказать исключительное влияние физиологии человека на его психологию и поведение.

- 166** Интересно сравнить мнение Винберга об адвокатах со словами, сказанными в свое время Императором Николаем I: «Кто погубил Францию как не адвокаты?! Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер?! Нет... пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, – без них проживем» // Русская старина. 1886. № 12.
- 167** Ничто для них не было ни достаточно красивым, ни достаточно хорошим (*фр.*).
- 168** Более подробно эту тему Винберг развил в брошюре «Жив курилка! (Из записок контрреволюционера)» (Киев, 1918). В частности, в ней говорится: «Мне рассказывали еще, что знаменитые “даменды”, сама “Бабушка” и Вера Фигнер, забравшись во Дворец, поспешили расхитить гардероб Государыни Императрицы и облачились в белье Ее Величества, заменившее несправненно для них более подходящий арестантский халат с бубновым тузом...» С. 10.
- 169** Е.Ф. Азеф – один из лидеров партии эсеров и руководителей ее боевой организации, оказавшийся секретным сотрудником Департамента полиции.
- 170** Не опираясь на изучение фактов (*лат.*).
- 171** Журнал, посвященный истории революционного движения в России, издававшийся в 1900–1904 гг. В.Л. Бурцевым в Лондоне и Париже. С янв. 1906 г. журнал стал издаваться в Петербурге, в 1907 г. был закрыт властями; с 1908 г. возобновился в Париже. С июля 1917 г. вновь выходил в Петрограде, просуществовал до нач. 1926 г.
- 172** У Винберга фамилия ошибочно указана как Коляев.

часть вторая

Ф.Н. БЕЗАК

КАВАЛЕРГАРД ИМПЕРАТРИЦЫ ПОЛКОВНИК ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ БЕЗАК

*И, вот, когда настанет время,
Державный вождь нас позовет,
Мы смело вденем ногу в стремя,
Орлы, за Родину, вперед!*

(Из песни Л.-гв.
Кавалергардского полка)

Полковник Лейб-гвардии Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, шталмейстер Высочайшего Двора, видный политический деятель Царской России, Федор Николаевич Безак родился 21 сентября 1865 года в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян Киевской губернии и принадлежал к известному русскому дворянскому роду, основатели которого приехали в Россию из Германии в XVIII веке.

«Семейство Безаков – не российского происхождения. Один из авторитетных биографических источников прослеживает историю этой семьи и находит ее следы в Лусатии, при этом дается фамилия Безацкие, то есть одна из старинных славянских фамилий, – писал племянник Ф.Н. Безака П.А. Граббе*. Дядя Саша (А.Н. Безак, брат Ф.Н. Безака. – А.И.) стал искать более ранних предков и докопался до французских гугенотов де Безакс, родом из Тулузы, которые на-

---

* П.А. Граббе был сыном сестры Ф.Н. Безака Марии Николаевны (1869–1951), супруги командира Собственного Его Императорского Величества конвоя, генерал-майора свиты графа А.Н. Граббе-Никитина.

шли убежище в Австро-Венгрии. Одна из ветвей этого рода оказалась в Анхальте, в Лусатии. Оттуда-то “Русский биографический словарь” и начинает проследивать историю этой фамилии»¹.

Основателем российской ветви этого рода был прапрадед Ф.Н. Безака Готлиб Христиан (Кристиан) Безак (Besack Gottlieb Christian, 1727–1800), происходивший из семьи пастора из Южной Пруссии и служивший профессором философии Лейпцигского университета. По приглашению Императрицы Екатерины Великой он приехал в Россию преподавать (в России именовался Христианом Христиановичем) и дослужился до инспектора и профессора философских, политических и исторических наук в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе (Санкт-Петербург). Его перу принадлежит учебное пособие «Краткое введение в бытописание Всероссийской Империи» (1785). Получив чин коллежского советника, Х.Х. Безак получил для себя и своих наследников дворянские привилегии.

Прадед Федора Николаевича – Павел Христианович Безак (1769–1831), окончил Шляхетский корпус, в котором преподавал его отец, и стал первым российским офицером в роде Безаков. Он служил секретарем в Сенате (1795), был правителем канцелярии генерал-прокурора (1800) и пользовался личным расположением Императора Павла I. В 1806–1810 годах П.Х. Безак служил правителем канцелярии главнокомандующих Дунайской армией А.А. Прозоровского и П.И. Багратиона, а с 1812 года был статс-секретарем Сената. Помимо государственной службы Павел Христианович занимался литературными переводами с французского и немецкого.

«Павел Христианович, – вспоминал его двоюродный брат, известный историк литературы и беллетрист Н.И. Греч, – был одарен необыкновенными способностями: умом быстрым, необыкновенной памятью, примерным трудолюбием и редкой способностью к делам [...] Императору Павлу Безак сделался известным в Москве, куда был отправлен на коронацию с 1-м департаментом Сената. Он был в числе сенатских секретарей, которые разъезжали с эскортом по городу и возглашали о предстоящем торжестве. Павел встретился с таким развозом на перекрестке. Безак прочитал прокламацию смелым, громким голосом, ударяя на слова: Державнейшего, Великого Государя Императора и т. п. Это понравилось Государю, он приказал узнать и записать имя молодого чтеца и с тех пор был всегда к нему благосклонен»². Скончался П.Х. Безак от бушевавшей в 1831 году холеры.

Дед, генерал от артиллерии Александр Павлович Безак (1801–1868), соученик А.С. Пушкина по Императорскому Александровскому лицей, избрал военную карьеру артиллериста, прошел Русско-турецкую войну 1828–1829 годов, участвовал в польской кампании 1831 года, возглавлял артиллерийский департамент в Крымскую войну. За верную службу он был награжден русскими орденами до ордена Св. Александра Невского (1855) с бриллиантовыми знаками (1857) включительно. В 1860 году был назначен на должность командующего Оренбургским отдельным корпусом и оренбургским и самарским генерал-губернатором. «...Всегда суровый на вид, с черствыми, даже отталкивающими манерами, казавшийся холодным, этот труженик был благодушен, внимателен к нуждам подчиненных и искренне готов каждому помочь и сделать доброе... Примерный семьянин, гостеприимный хозяин, он был симпатичен, и в крае едва ли найдется человек, который о Безаке в этом отношении скажет иначе», – таким запомнился он оренбуржцам³. «Он точно умный и простотою обхождения замечательный человек», – писал о А.П. Безаке поэт А.А. Григорьев в письме литературному критику и публицисту Н.Н. Страхову⁴.

Служба в Оренбургском крае генерала Безака была отмечена высшей наградой Российской Империи: орденом Св. Андрея Первозванного. А оренбуржцы, в благодарность за труды и заботы ко благу города, избрали Александра Павловича первым почетным гражданином и назвали одну из улиц его именем (ныне улица Бурзянцева). В 1864 году А.П. Безак был назначен командующим войсками Киевского военного округа и киевским и волынским генерал-губернатором. «Он обладал несколько надменной и красивой внешностью и сделал карьеру от офицера-артиллериста до командующего штабом артиллерии. Затем, будучи генерал-губернатором Самары и Оренбурга, стал ключевой фигурой в экспансии России в западный Туркестан. В Киеве он осуществил серьезные крестьянские реформы и проложил железную дорогу, связывающую Киев с Москвой»⁵. В его честь в 1869 году была названа одна из улиц Киева – Безаковская (с 1919 года – улица Коминтерна).

Отец – генерал-лейтенант Николай Александрович Безак (1836–1897)⁶, гвардейский конный артиллерист, в звании полковника и генерал-майора принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, участвуя в атаке Телиша, осаде Плевны, занятии Софии и наступлении на Филиппополь. В ходе этой кампании он был награжден золотой шпагой «За храбрость» и несколь-

кими российскими и иностранными орденами. По окончании войны Н.А. Безак служил ярославским (1879–1880) и нижегородским (1880–1882) губернатором, был директором телеграфного департамента Министерства внутренних дел, являлся членом Государственного Совета и начальником Главного управления почт и телеграфов (1884–1895). За свою многолетнюю службу на благо России в 1891 году он был удостоен ордена Св. Александра Невского.

Матерью Федора Николаевича была Мария Федоровна, урожденная Лугинина (1842–1912), дочь полковника, попечительница Васильевской школы Женского патриотического общества в Санкт-Петербурге.

«Когда я представляю себе семейство Безаков [...], я думаю, что их отличительной фамильной чертой были упорство и организационные способности. В это понятие “синдрома Безаков” я также включаю живой ум, отточенный, вероятно, самими обстоятельствам жизни», – отмечал П.А. Граббе⁷.

Первоначальное образование Ф.Н. Безак получил в Нижегородском графа А.А. Аракчеева кадетском корпусе, по окончании которого в 1883 году был прикомандирован к Пажескому Его Величества корпусу. 25 сентября 1884 года он окончил корпус камерпажом. Сдав экзамен, 7 августа 1885 года был Высочайше произведен в корнеты и выпущен в одну из самых престижных гвардейских частей Российской Императорской Армии, Кавалергардский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк.

Кавалергарды (от фр. *cavalier* – всадник и *garde* – охрана), на протяжении почти двух столетий являлись в Русской гвардии особо привилегированной кавалерийской частью. Это неудивительно, ведь первоначально (в 1724 году) российская кавалергардия была специально создана Государем Петром I как почетная стража Императрицы Екатерины I в день ее Священного Коронования. Сам Император принял на себя звание ее капитана, офицерами числились генералы и полковники, капрами – подполковники, а рядовые (60 человек) были выбраны из самых рослых и представительных обер-офицеров. «С этого времени, – говорилось в памятке кавалергарда, – при всех последующих коронациях, за кавалергардами осталось высокое и лестное назначение стоять на почетной страже у трона в те священные и торжественные минуты, когда Государь России, возлагая на свою голову Царский венец, принимают на себя бремя государственного правления»⁸.

В дальнейшем, претерпевшая реорганизационные изменения, кавалергардия удостоилась от Императора Павла I звания личной его гвардии как великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского и отличилась в Аустерлицком сражении, Отечественной войне 1812 года, заграничных походах Русской армии 1813–1814 годов. В царствование Императора Николая I шефство над полком взяла его августейшая супруга Государыня Александра Федоровна, а со 2 марта 1881 года по 1917 год шефом полка была Государыня Императрица Мария Федоровна – августейшая супруга Царя-Миротворца Александра III.

О том, что это был за полк, видно из воспоминаний князя В.С. Трубецкого, который писал следующее: «Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных (гвардейских. – А.И.) полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, неподходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословие. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству. Здесь никакие протекции не помогали»⁹.

Гвардия имела в Российской Императорской Армии особые традиции. Так, отмечает современный исследователь С.В. Фомин, офицеры гвардейского полка, невзирая на разницу в чинах и возрасте, должны были обращаться к друг другу исключительно на «ты»; все офицеры гвардейской кавалерии, вне зависимости от того, знакомы они или нет, при встречах обменивались рукопожатиями. Существовал в гвардии и свой особенный корпоративный язык, имевший целью отличить «своего» от «чужого»¹⁰.

Об этом же свидетельствует и сам Федор Николаевич в первой книге своих, пока еще неопубликованных мемуаров, посвященных службе в Кавалергардском полку. «Одним из серьезных требований было сор из избы не выносить, то есть ни дома, ни в свете никому не говорить о полковых историях. Это считалось полковой тайной, и я не помню, чтобы кто-то из офицеров нарушил это требование»¹¹. «Молодые офицеры, – продолжал

Ф.Н. Безак, – должны были непременно выезжать в свет, то есть бывать на балах, посещать приемные дни светских дам и делать визиты. Все это занимало очень много времени [...] В свете нужно было вести себя сдержанно, а в разговорах с барышнями не позволять себе никаких двусмысленностей. Вообще требовалось рыцарское отношение к дамам и строго запрещалось даже между собой болтать о делах, затрагивающих честь замужней женщины или барышни»¹².

Даже жениться офицер-гвардеец, тем более принадлежавший к элите из элит – Кавалергардскому полку, мог только в определенном возрасте и на своего круга (обязательно дворянского происхождения) девушке. Так, офицер Русской гвардии мог вступить в брак только с разрешения суда чести господ офицеров, который наводил предварительные справки о родне и репутации невесты своего сослуживца, надумавшего жениться. «Офицерские жены, – писал кавалергард граф А.А. Игнатьев, – составляли как бы часть полка, и потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских, однако не дворянских семей»¹³. «Жениться разрешалось нашим офицерам, – вспоминал Ф.Н. Безак, – только на барышнях нашего круга. Если же обстоятельства вынуждали офицера жениться не на барышне из общества, то обыкновенно в полку ему говорили: “Мы очень тебя любим и сожалеем, но венчаться в нашем мундире ты не можешь”. Поэтому в таких случаях офицер должен был до свадьбы покинуть полк, с которым у него сохранялись самые лучшие отношения»¹⁴.

Кроме того, офицерам-гвардейцам необходимо было придерживаться и многих других, часто неписаных правил поведения: посещать только первоклассные рестораны и клубы, ездить только в вагонах первого класса, занимать в театре либо отдельную ложу, либо садиться в партере не далее определенного ряда.

За честью кавалергардского мундира следили зорко, и если в какой-нибудь газете помещалась непочтительная заметка о каком-либо офицере полка, «в таком случае несколько офицеров этого полка отправлялись в редакцию этой газеты, узнавали там, кто автор этой заметки, которому и наносилось несколько ударов хлыстом»¹⁵. Если же редактор отказывался назвать господам-офицерам имя обидчика, то удары хлыстом переадресовывались ему. По свидетельству Ф.Н. Безака, мера эта имела быстрое воздействие, а потому прибегать к ней часто не приходилось.

В списках кавалергардов Федор Николаевич известен как Безак 1-й*, в отличие от своего брата, также кавалергарда, адъютанта Великого князя Николая Михайловича, Александра Николаевича Безака 2-го (1864–1942). Последний был фигурой более чем колоритной. «Самое замечательное в нем было то, – отмечал его племянник, – что он являлся оригиналом таких масштабов, каких уже больше не рождает природа. Он закончил с отличием Санкт-Петербургский университет и служил какое-то время офицером в престижном Кавалергардском полку. Но его настоящим призванием были путешествия; он, по существу, подчинил им всю жизнь. Дважды в год он неизменно выезжал из столицы – и всегда пятнадцатого числа, при этом весь его маршрут был продуман и спланирован до малейших деталей. Но, кроме того, он не допускал и мысли, что что-то может помешать ему в этих странствиях по далеким континентам. Если он получал приказ вышестоящего командира прибыть на ежегодный полковой смотр, на котором должен был присутствовать Государь, он предпочитал выйти в отставку, но не менять однажды выбранного маршрута. На открытие оперного сезона в Санкт-Петербурге, однако, он всегда возвращался вовремя»¹⁶. А.Н. Безак пересек всю Экваториальную Африку, путешествуя на каноэ по Конго, что по тем временам было более чем опасно. Опоздав, будучи в Греции, на свой поезд, он, последовав герою из известного романа Жюль Верна, нанял локомотив, чтобы догнать ушедший состав, и «когда в Императорском Мариинском театре поднялся занавес в первом акте “Жизни за Царя”, дядя Саша сидел, как обычно, на своем месте – в первом ряду справа от центрального прохода»¹⁷. Дослужившись до чина полковника, он в 1906 году вышел в отставку¹⁸.

Что же касается Федора Николаевича, то в отличие от своего старшего брата он был более основателен, службой в полку не пренебрегал, обладал практической жилкой, в совершенстве владел тремя языками – английским, немецким и французским. По свидетельству дочери, Ксении Федоровны, «он был глубоко религиозным (Ф.Н. Безак был близко знаком с известным духовным писа-

---

* Несмотря на то, что Ф.Н. Безак был младше своего брата, полковную приставку «первый» он получил в связи с тем, что А.Н. Безак, окончив филологический факультет Санкт-Петербургского университета, поступил на службу в Кавалергардский полк вольноопределяющимся, получив первый офицерский чин корнета тремя годами позже (1888) своего младшего брата.

телем С.А. Нилусом, с выдающимся русским архиереем архиепископом (позже митрополитом, первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей. – А.И.) Антонием (Храповицким) и прямолинейным человеком»¹⁹.

«Дядя Федя – Федор Николаевич Безак – был младшим братом матери, – писал уже упоминавшийся нами П.А. Граббе. – В жизни он устроился лучше, чем оба других его брата (Александр и Николай*. – А.И.)»²⁰. Если, отмечал его племянник, «на примере судьбы дяди Саши и дяди Коли я вижу, как понапрасну были растрачены огромные способности этих людей», которым «как бы хорошо они ни были образованы и одарены природой, им не удалось найти достойного применения своим талантам в обществе»²¹, то о Федоре Николаевиче такого не скажешь. В отличие от своих старших братьев он нашел себе самое достойное применение, как на военном, так и на гражданском поприще, сумел создать крепкую семью (оба брата Федора Николаевича так никогда и не женились), с незапятнанной честью пройдя свой земной путь.

По своим политическим взглядам (в отличие от своего брата – Николая Николаевича (1867–1918), имевшего репутацию либерала) он был убежденным монархистом, видя идеал Русского Самодержца в фигуре Царя-Миротворца Александра III. Вспоминая Его кончину, Безак писал: «Вся благомыслящая часть России искренне оплакива-

---

* Вспоминая о своем дяде Н.Н. Безаке, П.А. Граббе писал: «Все говорили о том, что у него острый язык, но мне вспоминается только его дружелюбие. Он был высок, строен, с аристократической внешностью и царственными манерами [...] Он имел репутацию человека, способного заставить замолчать того, кто ему не нравился или был, по его мнению, глуп. В свое время он поступил на государственную службу и стал специальным помощником секретаря Сената. Но положение дел совсем разочаровало его, и он подал в отставку. Уйдя со службы, он продолжил свои исследования французской культуры [...] В Петербурге у дяди Коли была репутация едкого острослова, и это обеспечило ему популярность в Английском клубе и Кафе де Пари [...] Как и можно было ожидать, дядя Коля не был осмотрителем. Друзья предостерегали его: колючие замечания могут привести к неприятностям, даже к дуэли. Он, тем не менее, не укоротил своего языка. Вместо этого, приняв к сведению их совет, он ежедневно практиковался в фехтовании на рапирах и стрельбе из пистолета. Это, однако, не уберегло его от насилия революционно настроенной толпы. Погиб он спустя всего несколько дней после того, как опоздал на специальный поезд, с которым он мог покинуть Петроград и подконтрольную коммунистам территорию» (Граббе П. Указ. соч. С. 36–37).

ла Императора Александра III, под скипетром которого в течение 14 лет Россия мирно процветала и укреплялась. Покойный Государь был действительно выдающийся Монарх! В нем в высшей степени были развиты все качества, необходимые для настоящего Самодержца и Хозяина столь великой страны, как наша Родина, то есть здравый смысл, благодаря которому он всегда и по всем вопросам принимал правильные решения, необходимые для блага России, твердый характер и огромная сила воли, благодаря которой все его решения всегда без колебаний приводились в исполнение, и никому из тогдашних государственных людей не приходила даже в голову возможность неточно исполнить волю своего Государя»²².

В 1889 году Ф.Н. Безак был произведен в поручики с назначением через год (1890) заведующим полковой учебной командой; а в 1896 году в чине штабс-ротмистра в составе своего полка участвовал в торжествах по случаю Коронации Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны в Москве. В 1900 году он связал свою судьбу с дочерью командира Кавалергардского полка генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта Н.Н. Шипова (1846–1911) (племянника игуменьи Феодании, основательницы в Санкт-Петербурге Ново-Девичьего монастыря) – Еленой Николаевной (1880–1971). Его невеста была фрейлиной Императрицы Марии Федоровны (как и сестра Безака – Мария Николаевна) и по материнской линии (мать – София Петровна, урожденная Ланская) внучкой графини Н.Н. Ланской, вдовы А.С. Пушкина. Будущий тесть Безака – командир его родного полка – имел репутацию убежденного монархиста. Во время Коронации Императора Александра III с обнаженным палахом в руках он стоял на ступеньках Царского Престола. До конца дней изображение этого незабываемого эпизода стояло на камине его дочери²³.

Кстати, через женитьбу Федор Николаевич породнился с генералом Е.К. Миллером, будущим вождем Белого движения на Севере России и руководителем Русского Общевоинского Союза в эмиграции, который тоже был женат на дочери генерала Шипова Наталье Николаевне (1870–1945).

Особым почитанием в семье Шиповых пользовался святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Перед венчанием одной из дочерей батюшка был приглашен отслужить молебен. Отец Иоанн пришел, но точно не замечал невесты, все внимание уделяя маленькой Елене, будущей супруге Ф.Н. Безака. Впоследствии брак сестры оказался несчастным. А Елена Николаевна, выйдя замуж за Фе-

дора Николаевича, до конца их совместной жизни пользовалась неизменным счастьем²⁴.

«Свадьба наша была очень блестящая в нашей полковой церкви, где весь порядок свадьбы своего офицера был предусмотрен и разработан церковным ктиторм штаб-ротмистром [В.Н.] Воейковым, – вспоминал Федор Николаевич. – Венчал нас наш старый и всеми любимый и уважаемый полковой священник о. Капитон Добровольский. Духовенство было в парадных ризах, полковые певчие в парадных кафтанах. Только, так как самой свадьбой занимался мой брат Александр*, то были допущены некоторые изменения в общепринятом порядке – был приглашен громоподобный протодьякон Малинин, который так проревел “и жена да боится своего мужа”, что стекла дрожали. Наконец брат, вдобавок к нашему хору, пригласил полный митрополичий хор, который занял оба клироса, и должен был пропеть какое-то особенное “Отче наш”, которое одно должно было длиться 20 минут. К счастью, регент вовремя заметил среди присутствующих Обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, и зная, что он не любит такое пенье, пропел обыкновенное “Отче наш”, чем значительно сократил обряд венчания, намеченный моим братом. После венчания был отслужен молебен и, как всегда, некоторые подходили с поздравлениями в церкви. Затем мы уже вдвоем с Линой [Еленой Николаевной. – А.И.] поехали в карете на квартиру моей матери, где моя мать и мой дядя Лугинин** встретили нас с иконами; там же происходило поздравление с шампанским, причем раздавались очень красивые корнеты с конфетами из сукна полковых цветов, обшитые полковыми галунами»²⁵.

* Как свидетельствовал племянник братьев Безаков П.А. Граббе, «другая странность дяди Саши была связана с обрядами Православной Церкви. Бывая в Санкт-Петербурге, он посещал службы в полном мрачного величия Казанском соборе. Однако он руководствовался не столько набожностью, сколько желанием подловить одного из священников на какой-нибудь ошибке. Он, как выяснилось, знал досконально все тонкости службы. И не только указывал на такие ошибки высокопоставленным церковникам, но и с удовольствием рассказывал о них другим. Такое его поведение нельзя назвать иначе, как декадентским» (*Граббе П. Указ соч. С. 35*).

** Лугинин Владимир Федорович, (1834–1911), известный ученый (доктор химии), бывший офицер-артиллерист, участник осады Силистрии и обороны Севастополя. Основатель первой в России термохимической лаборатории.

В Кавалергардском полку Ф.Н. Безак прослужил 17 лет, пройдя все строевые должности и дослужившись до командира покрывшего себя славой на полях былых сражений 4-го эскадрона.

*Орлиной песней удаюю
Потешить рады мы себя.
И нашей славой боевою
Гордиться будем мы всегда*

*Французской кровью и немецкой
Окрашен черный наш погон.
Ура, Четвертый молодецкий,
Ура, орлиный эскадрон!²⁶*

В 1902 году в чине полковника Ф.Н. Безак вышел в отставку с правом ношения мундира, с этого времени решив всецело посвятить себя заботам о семье. За время прохождения воинской службы он был награжден российскими орденами: Св. Станислава, Св. Анны и Св. Владимира III степени, а также был пожалован иностранными орденами: черногорским князя Даниила I степени и персидским «Льва и Солнца»²⁷.

В знак признательности за верную службу, Федор Николаевич в том же 1902 году был Высочайше пожалован в камергеры Высочайшего Двора (с 1911 года – шталмейстер). В связи с этой монаршей милостью состоялось представление теперь уже отставного полковника Государыне Императрице Александре Федоровне. «Я имел счастье представляться Ее Величеству по случаю назначения камергером и меня предупредили не ждать, чтобы Императрица первая заговорила, а в случае ее молчания немедленно самому начать разговор и говорить как можно больше. Встретила меня Императрица с любезной улыбкой, протянула руку для поцелуя, и мы сели. Видя, что она не знает, что сказать, и что на лице уже начинают появляться красные пятна, я сам начал самый простой разговор о моей военной службе, теперешних занятиях в деревне и о моей семье и детях. Императрица сразу оживилась, вся конфузливость у нее прошла, и уже она сама стала задавать мне разные вопросы, и говорила о своих детях, о их воспитании, и расспрашивала о жизни в деревне и воспитании крестьянских детей. Таким образом, я просидел у Императрицы более получаса, и, когда она, наконец, встала, и я стал откланиваться, она с улыбкой протянула мне руку и любезно сказала, как ей интересно было со мной поговорить. Я положи-

тельно утверждаю, что, если бы все поступали так, как поступил я, Императрица со всеми была бы любезна, и уж, конечно, гордой и надменной считать ее было бы невозможно»²⁸.

Выйдя в отставку, Федор Николаевич поселился в Киевской губернии в родовом имении «Юзефовка», посвятив себя общественной службе. В 1902 году он был избран почетным мировым судьей Бердичевского уезда, а 30 января 1912 года – киевским губернским земским гласным и предводителем дворянства (за несколько часов до своей трагической гибели эту должность предложил ему П.А. Столыпин, однако тогда, по понятным причинам, это назначение было отложено). Безак являлся крупным землевладельцем Киевской и Полтавской губерний (в общей сложности семье принадлежало 3818 десятин земли), владел двумя домами в Санкт-Петербурге, состоял членом правления товарищества Юзефовско-Николаевского свеклосахарного и рафинадного завода²⁹.

В 1907 году, «совершенно того не желая»³⁰, Ф.Н. Безак был избран депутатом в III Государственную Думу, где вошел во фракцию умеренно-правых под председательством П.Н. Балашева (будущего лидера русских националистов). «По своим убеждениям я всегда был против Государственной Думы вообще, так как ничего хорошего для Родины от нее не ждал, но отказаться у меня тогда не было возможности, так как на мне сходились все наши правые элементы, и мой отказ мог бы вызвать раскол, и, следовательно, в Гос. Думу мог попасть один из левых. Поэтому пришлось согласиться. Но раз я в Думу попал, то приложил все старанья, чтобы с пользой работать в самой близкой для меня комиссии Государственной обороны», – вспоминал в эмиграции о своем избрании в депутаты Федор Николаевич³¹.

С момента слияния в Думе (25.10.1909) группы националистов и умеренно-правых Ф.Н. Безак вступил в ряды объединенной фракции, став одним из ее лидеров. Он принимал участие в работе думских комиссий по государственной обороне, распорядительной (товарищ секретаря), по делам Православной Церкви, о неприкосновенности личности (секретарь) и других. Федор Николаевич был убежденным русским националистом и приверженцем взглядов П.А. Столыпина, которого, по собственному признанию, хорошо знал (после рокового выстрела Богрова в Председателя Совета министров Ф.Н. Безаку довелось выносить на своих руках окровавленное тело Столыпина из Киевского театра). Безак состоял членом Партии умеренно-правых (1909–1910), членом Главного сове-

та Всероссийского национального союза (с 31.01.1910), был действительным членом Киевского Клуба русских националистов, членом-учредителем Киевского отдела ВНС и Всероссийского национального клуба, в котором занял пост товарища председателя. Поддерживал Федор Николаевич дружественные отношения и с чернотенным Союзом русского народа (СРН).

В IV Государственной Думе, куда Безак также был избран монархически настроенными киевлянами, он вошел во фракцию русских националистов и умеренно-правых, присоединившись в ней (равно как и в ВНС) к правому, наиболее монархически настроенному флангу. Его авторитет в среде думских монархистов был весьма высок, о чем свидетельствует его выдвижение фракциями крайне-правых и националистов общим кандидатом на пост председателя IV Думы. Однако от участия в выборах за председательское кресло он отказался в пользу лидера своей фракции П.Н. Балашева, который проиграл эту борьбу октябристу М.В. Родзянко. А в июне 1913 года Безак и вовсе отказался от звания думского депутата и принял участие в выборах в Государственный Совет. Будучи избранным в состав Совета в сентябре 1913 года, он примкнул к группе правого центра, которая объединяла националистов и умеренно-правых, а возглавлял ее шурин Столыпина А.Б. Нейдгарт, в 1918 году расстрелянный большевиками за сопротивление изъятию церковных ценностей и причисленный ныне Русской Православной Церковью к лику святых мучеников³². В Государственном Совете Федор Николаевич проработал отведенные законом три года и в 1916 году выбыл из состава его членов.

Первую мировую войну, или Вторую Отечественную, как ее называли современники, Федор Николаевич Безак встретил как истинный русский патриот, готовый выполнить свой долг перед Царем и Родиной. Он сразу же откликнулся на призыв Государя Императора к подданным вернуть имеющиеся за границей сбережения в Россию. «Он был убежденный монархист, для которого просьба Государя к русским людям, во время войны, вернуть все иностранные капиталы для поддержки военных нужд, была закон. Одним росчерком пера он вернул все, что имела семья за границей», – свидетельствует его дочь Ксения Федоровна³³. Естественно, что после революции все состояние Федора Николаевича безвозвратно пропало, за исключением тех средств, что были заморожены в годы войны Германией, которая, уже когда Ф.Н. Безак и его родные находились в вынужденной эмиграции, вернула ему их, что позволило се-

мье некоторое время достойно существовать за границей. В силу возраста не будучи призванным в действующую армию (Безаку на начало войны шел уже пятидесятый год), Федор Николаевич, помимо возложенных на него гражданских обязанностей, стал помощником Главноуполномоченного по делам беженцев князя Урусова, приложив на этом поприще свои организаторские способности.

Не осталась в годы войны в стороне от дела помощи ближним и супруга Ф.Н. Безака, устроившая, при содействии мужа, в Дворянском доме Киева лазарет для раненых офицеров. Дело госпиталя Е.Н. Безак вела крайне ревностно – все ночные дежурства она до самой революции несла сама со своей помощницей, сестрой милосердия княгиней Горчаковой³⁴. За свою самоотверженную работу Елена Николаевна удостоилась благодарности Государя, посетившего в 1915 году этот госпиталь.

Накануне Февральского переворота 1917 года Ф.Н. Безак, узнав о готовящихся в высшем обществе планах по отстранению Государя от Престола, просил у Императора аудиенции, собираясь «с полной искренностью доложить, что полумеры уже не годятся, а надо принять одно из двух решений – или согласиться на все домогательства общества и дать конституцию с ответственным перед Думой правительством, или решительными мерами подавить все это движение». «Мое мнение, – отмечал в воспоминаниях Безак, – решительные меры, так как ответственное министерство начало бы с разных широких амнистий и не справилось бы с положением, как не справилось впоследствии Временное правительство, а потому только ускорило бы торжество темных сил»³⁵. Однако аудиенция так и не состоялась: Император Николай II отбывал на Рождественские дни в Царское Село, а в придворных кругах Безака уверили, что Государю и так все прекрасно известно и все необходимые меры уже приняты.

Позже творцов Февральской революции Федор Николаевич аттестовал следующими словами: «Кто разрушил могучую, великую Россию? Уж, конечно, не крестьянское население и даже не большевики; а те, кто во время величайшего напряжения всех сил страны перед самым победоносным окончанием войны задумали свергнуть ту власть, которая одна могла вывести Россию из тяжелого положения, власть Помазанника Божия, власть русского Царя»³⁶.

Когда «великая бескровная» докатилась до Киева, как губернский предводитель дворянства Безак на вопрос озадаченной «общественности»: что теперь делать, заявил о необходимости оста-

ваться верными данной Государю присяге и телеграфировать в Бердичев главнокомандующему, прося его прислать в город Уральскую или Оренбургскую казачью дивизию для наведения порядка. «Мне отвечали, что нельзя идти против народа, – писал он, вспоминая эти трагические для России дни. – Я возразил, что тут никакого народа нет [...], и что все это будет сразу прекращено, если принять энергичные меры. Даже стрелять не придется, достаточно появления казаков с нагайками, чтобы все разбежались»³⁷.

Вскоре на Украине появилась Центральная Рада, взявшая на себя функции нового национально-революционного властного органа и состоявшая сплошь из левых украинствующих элементов во главе с профессором М.С. Грушевским – главным идеологом украинского сепаратизма. Довольно быстро, уже к концу 1917 года, государственное творчество Рады довело Малороссию до того, что русское население края, по свидетельству священника Василия Зеньковского, первый приход большевиков в Киев встречало даже с радостью, поскольку ему «было уже невтерпеж от разгулявшегося украинства»³⁸. Справедливости ради лишь отметим, что, по свидетельству Ф.Н. Безака, деятелей старого режима новые власти Украины не трогали, что позволило русским людям, преданным Царскому Престолу, сорганизоваться и в июне 1917 года провести в Киеве монархический съезд, в ходе которого Федор Николаевич был избран главой Монархического блока.

Взявшие Киев – Мать городов Русских – большевики сумели моментально разочаровать наивных киевлян, ждавших от них избавления от украинских самостийников – зверства, учиненные ими в Киеве, ужасали... Сбежавшие деятели Украинской Народной Республики обратились за помощью к немцам, и те, совершенно не заинтересованные в том, чтобы этот плодородный край вместо того, чтобы быть использованным ими в своих целях, отошел к большевикам, заняли Украину. Вчерашние враги после «своих» большевиков показались киевлянам спасителями. Впрочем, как это ни больно было признать людям с ущемленным национальным самолюбием, так оно на самом деле и было...

«Должен сказать, что первый раз, когда я увидел германский батальон на улицах Киева, мне стало так больно и тяжело, что я повернул назад, чтобы только не встретить их, но надо отдать им справедливость: германские офицеры и солдаты держали себя так скромно и так были вежливы, что первое предубеждение прошло; тем более что мы не могли не сознавать, что они нас просто спасли,

так как не приди они, многие еще из нас стали бы жертвами большевиков, – вспоминал Ф.Н. Безак. – Понемногу мы познакомились как с высшим командованием германских войск в Киеве, так и с некоторыми молодыми офицерами, с которыми у меня завязались вполне дружеские отношения»³⁹.

Одним из таких германских офицеров, близких к командующему группой армии «Киев» фельдмаршалу Эйхгорну, стал капитан граф Константин фон Альвенслебен, под командованием которого позже произошел разгон Центральной Рады⁴⁰. В его жилах текла русская кровь, он прекрасно говорил по-русски, считался монархистом и русофилом. Даже такой германофоб, как В.В. Шульгин (кстати, бывший софракционер Ф.Н. Безака по Думе, но гораздо более «прогрессивных» взглядов), позже вынужден был признать, что «потомки Альвенслебена – наши будущие друзья»⁴¹.

В отличие от своего соотечественника барона фон Шварценштайна, дипломатического советника при германском военном командовании, стремившегося к раздробленности России, Альвенслебен «хотел восстановления союза Германии с Россией (единой и целой), и на самостоятельность Украины глядел как на эпизод войны – полезный и необходимый, но преходящий»⁴². Вскоре фон Альвенслебен, наряду с Ф.Н. Безаком (как отмечал в своих воспоминаниях Федор Николаевич, «гетманство случайно зародилось у меня в доме»⁴³), стал активным участником гетманского переворота, который привел к власти на Украине приятеля молодости Безака, бывшего кавалергарда, генерал-майора Свиты Его Величества Павла Петровича Скоропадского.

«Важную, может быть, ключевую роль в переговорном процессе играл бывший киевский губернский предводитель дворянства полковник Ф.Н. Безак, – отмечает современный историк А.С. Пученков. – На его квартире, под охраной немецкого караула, ежедневно проходили встречи заговорщиков. С немецкой стороны в переговорах участвовали майоры Генерального штаба Альвенслебен (на самом деле капитан. – А.И.) и Гаазе»⁴⁴. Под псевдонимом Гаазе (Haase) фигурировал Великий герцог Эрнст-Людвиг Гессенский и Рейнский⁴⁵ – старший брат Императрицы Александры Федоровны...

Подробно останавливаться на отношении Ф.Н. Безака к гетману и гетманству мы не будем – читатель узнает о нем из публикуемых ниже воспоминаний Федора Николаевича. Отметим лишь, что отношение к фигуре гетмана Скоропадского, заданное В.В. Шульгиным и другими деятелями Белого движения, ориентировавших

ся на страны Антанты, нуждается в определенной корректировке. Как справедливо отмечается в исследовании С.В. Фомина, недавно опубликованном в книге «Граф Келлер»⁴⁶, «во многих смыслах выбор немцев следует признать весьма удачным. По рождению, воспитанию и службе П.П. Скоропадский принадлежал придворной русской аристократии. Как помещик, он безусловно хорошо знал малороссийское крестьянство и его запросы. Именно при нем был прекращен земельный беспредел. Разумеется, прежде всего гетман удовлетворял интересам немцев, но не вступал он в противоречие и с интересами русских [...] Основным недостатком (с точки зрения русских имперских, а не германских, разумеется, интересов) гетмана следует признать его мягкость и бесхарактерность [...] Он стал жертвой исторической неизбежности, принеся при этом все-таки более добра, чем зла»⁴⁷. Не соглашаясь с определениями, данными гетману Шульгиным – «немецкий ставленник», «предатель России», «изменник союзников» и т. п., Фомин справедливо отмечает, что немцев на Украину привел не гетман, а Центральная Рада, «а первые, с кем П.П. Скоропадский пытался сговориться (еще не будучи гетманом), были французы»⁴⁸. «Я такой же германофил, как и франкофил, я просто русофил, желающий восстановления России», – свидетельствовал тогда сам Скоропадский⁴⁹.

Отметим также, что установившееся гетманство по сути создало на Украине пусть и суррогатную, но все-таки монархию (как сообщает А. Дикий, епископ Никодим (Кротков) благословил и миропомазал гетмана⁵⁰), что не могло не импонировать части русских монархистов⁵¹, веривших обещаниям Скоропадского, что в свое время он положит Малороссию к стопам Императора Всероссийского. И многие тогда верили, что Украинская Держава (официальное название края с приходом к власти гетмана) станет исходным пунктом общерусского освобождения от большевизма. Характерно было и то, что бывшие союзники России по Великой войне, предавшие и бросившие ее на произвол судьбы, когда она стала им не нужна, отказывались признать Украинскую державу Скоропадского, в отличие от провозглашенной Центральной Радой Украинской Народной Республики⁵².

Поэтому нет ничего удивительного, что Ф.Н. Безак, на квартире которого некоторое время конспиративно проживал будущий гетман, всецело поддержал идею заменить левое националистическое правительство гетманством, тем более, что гетманом был назначен человек, которого он хорошо знал и которому доверял. Его супруга –

Елена Николаевна – в день провозглашения Скоропадского гетманом преподнесла ему колечко с десницы святой великомученицы Варвары, которое Павел Петрович не снимал до конца жизни⁵³.

Кстати, не без содействия Скоропадского, Федору Николаевичу удалось спасти своего брата Александра. «Дядя Федя, – писал его племянник П.А. Граббе, – приободрил маму известием, что ему удалось организовать отъезд дяди Саши и дяди Коли с занятой большевиками территории. Гетман Скоропадский [...] договорился с Советским правительством о том, что они выпустят из столицы России в Киев один последний поезд. Как грустно думать о том, что дядя Коля не попал на этот поезд, и усилия дяди Феди спасли только дядю Сашу»⁵⁴.

В любом случае, как ни относиться к Скоропадскому и проводимой им политике (отметим, довольно двойственной, что раздражало как русских патриотов, так и «щирых украинцев»), период гетманства стал для Малороссии передышкой, которой, увы, мало кто поспешил воспользоваться для восстановления России и монархии – большинство нашедших здесь приют и убежище от большевистской власти тут же увязли в личных делах. И лишь немногие попытались воспользоваться этим благоприятным периодом для продолжения борьбы за высокие идеалы. Среди них был и Ф.Н. Безак.

В дни гетманства Федор Николаевич являлся членом бюро Соединения членов законодательных палат в Киеве (с 3 октября 1918 года, когда бюро было пополнено тремя членами из числа лидеров правых – В.И. Гурко, Ф.Н. Безаком и С.Е. Крыжановским), был участником Монархического Особого политического бюро на Украине. Совместно с другими видными правыми деятелями дореволюционной России (националистом и софракционером по Думе А.С. Гижицким и черносотенцами Н.Н. Родзевичем, Б.А. Пеликаном, Е.Е. Котовым-Коношенко) он входил в состав «Южной группы», позже влившейся в состав монархической организации «Союз верных»⁵⁵, созданной известным монархистом, председателем Главного совета Союза русского народа, на протяжении последних пяти лет его существования (1912–1917), лидером правых в Государственной Думе Н.Е. Марковым на северо-западных рубежах бывшей Российской Империи.

«Союз верных» был основан в 1918 или 1919 году на базе монархической группы Н.Е. Маркова, возникшей в Петрограде уже в 1917 году и имевшей первоначальной целью спасение Царской Семьи. Организация Маркова активно работала как на Северо-Западе

и Центральной России (Северная монархическая группа), так и на Украине (Южная монархическая группа). Северной группой руководил непосредственно Марков, Южной – ближайший его помощник по Союзу русского народа В.П. Соколов (именовавшийся в это время Соколовым-Баранским). Из Северной и Южной монархических групп и был создан «Союз верных», хотя Южная группа, ориентировавшаяся главным образом на украинских хлеборобов, обладала большей долей самостоятельности. Среди ее членов называют таких известных дореволюционных правых деятелей, как Б.А. Пеликан, Ф.В. Винберг, Н.Н. Родзевич, Е.Е. Котов-Коношенко, В.Э. Розмитальский, Н.Д. Тальберг, В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий и др. Северная группа «Союза верных» действовала в стане генерала Н.Н. Юденича, став затем одной из первых русских правых эмигрантских организаций Прибалтики. В Северную группу «Союза верных», кроме Маркова, входили генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев, полковники А.С. Гершельман и А.Д. Хомутов, князь А.Н. Долгоруков, софракционеры Ф.Н. Безака по Думе – националисты Г.М. Дерюгин и Н.Н. Лавриновский и др. Обе эти группы имели самое непосредственное участие в формировании монархических Южной и Северной армий.

Своим предшественником «Союз верных» считал Союз русского народа и другие правые дореволюционные организации. Организационно он напоминал масонскую структуру, хотя цели имел прямо противоположные. Руководящим органом Союза был «Тайный верх», в который входили Марков, князь А.А. Ширинский-Шихматов, А.А. Римский-Корсаков, генералы П.Н. Краснов и В.И. Гурко (последний был приятелем молодости Федора Николаевича); членство в Союзе имело две степени: «латники» и «воины». «Союз верных» открыто, как правило, не выступал, предпочитая влиять на политику через своих членов. Члены же его, как, например, Федор Николаевич Безак, распространяться о своей подпольной монархической работе не собирались.

«Союз верных» находился в непосредственной связи с Киевским Советом обороны, созданным легендарным кавалерийским генералом, сохранившим свою преданность отрекшемуся от Престола Монарху, графом Ф.А. Келлером, с которым Ф.Н. Безак был довольно близко знаком. Как и в случае с Ф.В. Винбергом, о котором мы писали ранее, двух этих людей роднило не только кавалерийское прошлое, но и общность убеждений, желание в меру своих сил послужить Царскому Делу. Поэтому неудивительно, что граф

Келлер, назначенный в критический для Украинской державы момент гетманом Скоропадским главнокомандующим, собирая в Киеве вокруг себя команду из надежных людей, отметил своим вниманием Федора Николаевича. Как свидетельствовал генерал А.И. Деникин, граф Келлер «образовал при себе “Совет обороны” – по составу своему – бюро монархического блока, с Безаком во главе»⁵⁶. В состав Совета обороны, руководителем котором был назначен Ф.Н. Безак, вошли бывший волынский губернатор П.В. Скаржинский (в будущем – председатель Высшего Монархического Совета), князь А.Н. Долгоруков, один из организаторов Астраханской монархической армии И.А. Добрынский, секретарь Монархического блока полковник Хомутов, бывший член Государственной Думы и многих черносотенных организаций Г.Г. Замысловский, А.А. Катенин и другие – все «исключительно представители разных объединившихся монархических организаций»⁵⁷.

Кстати, именно супруге Безака – Елене Николаевне принадлежит свидетельство о благословении, данном графу Келлеру, – одному из немногих Белых вождей, открыто провозгласивших свою преданность Императору – Святейшим Патриархом Тихоном. «Патриарх Тихон, – свидетельствовала Е.Н. Безак, – прислал тогда (в конце 1918 года) через еп. Нестора Камчатского графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию...»⁵⁸

Также известно, что полковник-кавалергард А.А. Пантелеев⁵⁹, ставший в Киеве адъютантом графа Келлера и вместе с ним подло убитый петлюровцами, неоднократно посещал Ф.Н. Безака, на квартире которого происходили совещания монархистов. Отметим, что полковник Пантелеев был откомандирован к графу Келлеру тайной монархической организацией Маркова (Пантелеев был его помощником по военной части) и по прибытии в Киев вступил в состав Южной монархической группы. Не исключено, что ее членом был и сам Ф.А. Келлер: «Трудно предположить [...], чтобы ген. Келлер не участвовал в этом, – отмечает современный историк С.В. Фомин. – Отсутствие информации свидетельствует, на наш взгляд, лишь о хорошей конспирации»⁶⁰. Примечательно также, что биограф графа Келлера С.В. Фомин называет Безака «главой киевских монархистов»⁶¹.

К сожалению, сам Федор Николаевич в нижепубликуемых воспоминаниях о своей монархической деятельности в годы Граждан-

ской войны умалчивает, видимо из опасения навредить тем своим единомышленникам, которые могли остаться в советской России. Между тем до нас дошли свидетельства, говорящие об активной роли Безака в монархической работе и предпринимаемых им попытках по спасению Царской Семьи. Вот что рассказывал в 1921 году ведущему следствию об убийстве Царской Семьи Н.А. Соколову последний главнокомандующий гетманской армией, тоже член тайной монархической организации генерал-лейтенант князь А.Н. Долгорукий:

«Летом 1918 года в Киеве проживал член Государственного Совета киевский губернский предводитель Федор Николаевич Безак. Мы оба с ним входили в одну и ту же монархическую группу. Я хорошо помню, 5 или 6 июля по новому стилю Безак позвонил мне по телефону и сказал, что сейчас ему звонил граф Альвенслебен и сообщил ему, что сейчас он будет у Безака и передаст ему какое-то важное известие. Этот Альвенслебен – бывший дипломатический чиновник германского Министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем – Кирбахе. Бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом.

Я отправился к Безаку, куда вскоре приехал Альвенслебен. Разговор наш с ним происходил в присутствии четырех лиц, причем четвертым лицом была жена Безака Елена Николаевна. Альвенслебен сообщил нам, что император Вильгельм желает во что бы ни стало спасти Государя Императора Николая II и принимает к этому меры; что в целях спасения Государя Он куда-то перевозится, но что в настоящий момент немцы потеряли Его след. Альвенслебен предложил нам с Безаком прийти на помощь этому делу спасения Государя в следующей форме. Необходимо было, как он говорил, послать три пары офицеров для обнаружения места пребывания Государя, причем одна пара должна была отправиться в Москву, другая – в Котельнич, третья – в Екатеринбург. Офицеры должны были получить в немецкой комендатуре немецкие паспорта, а мы с Безаком должны были дать им 30 000 рублей. Альвенслебен указывал на Котельнич как на наиболее вероятный пункт пребывания Государя, и говорил, что дальнейшее следование Его требует денег. Подчеркивая, что деньги на такое дело должны быть исключительно русские, он указал сумму, которая, по его мнению, была необходима: 2 000 000 рублей. Мне чувствовалось что-то странное, мало приятное логически в словах Альвенслебена: для

чего нужно было посылать на розыски Государя русских офицеров во враждебную совдепию, когда немцы имели там свою громадную агентуру, свое официальное представительство в лице графа Мирбаха и свободно могли во всякую минуту иметь самые точные сведения о местопребывании Государя? Но Альвенслебен в разговоре с нами уверял нас, что нам следует вполне положиться на них, немцев, определенно давая нам понять, что император Вильгельм желает спасти Государя и что меры, которые он предлагает, необходимы именно в целях спасения Государя.

Во время этого разговора Альвенслебен предупредил нас, что между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух об убийстве Государя, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения. Я хорошо помню, что при нашем разговоре с ним, имевшем место, как я уже говорил, 5 или 6 июля по новому стилю, граф Альвенслебен указывал как предел, когда должно будет распространиться известие об убийстве Государя, 16–20 июля. В то же время он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти Государя.

Не колеблясь, мы с Безаком решили пойти на помощь посылке офицеров и вдвоем дали на это дело 30 000 рублей. Из числа шести офицеров я знаю фамилии двоих, которые должны были следовать в Екатеринбург. Это были штаб-ротмистр кирасирского Его Величества полка Карангозов и офицер Лейб-гвардии 4 стрелкового Императорской Фамилии полка, кажется, в чине капитана, Комаров, впоследствии убитый у Деникина.

Карангозов и Комаров тут же выехали в Екатеринбург. Остальные же две пары не выполнили возложенной на них задачи: одна пара не доехала до Москвы и вернулась, а другая, видимо, прокутила деньги в Киеве же и никуда не ездила.

Мы с Безаком стали совещаться, как собрать указанную Альвенслебеном сумму в 2 000 000 рублей.

Около 15 июля в Киеве начался монархический съезд. Во время работы съезда (он открылся или 11 или 15 июля), вероятно, 18 или 19 июля, – я прекрасно помню, что именно в пределах времени, указанного Альвенслебеном, т. е. между 16 и 20 июля, – я прочел в местных газетах известие, что Государь расстрелян в Екатеринбурге, а Семья куда-то вывезена. Как я помню, в этом сообщении инициатива убийства приписывалась местному уральскому совде-

пу. Признаться, я был поражен осведомленностью Альвенслебена и, конечно, совершенно не поверил газетному сообщению. Я тут же, прочтя газетное сообщение, отправился на съезд, где встретил и Безака. Было все же решено служить в соборе панихиду. Мне кажется, что многие, может быть, даже большинство, не верили или плохо верили в достоверность печального известия. Многие обращались к нам с Безаком с вопросами. Положение наше было затруднительное. Мы не отрицали возможности спасения Государя.

Гетман Скоропадский не был на панихиде в соборе и служил панихиду у себя во дворце, где присутствовал также и Альвенслебен. Очень быстро распространился слух, что Альвенслебен “плакал” во время панихиды. Мы говорили с Безаком между собой: “Как он искусно ведет свою роль”.

В то же время, как я знаю, он встретил на улице князя Виктора Сергеевича Кочубея (Альвенслебен как раз шел с панихиды, а Кочубей прогуливался), и, подойдя к нему, выразил ему как генерал-адъютанту свое сожаление по поводу слуха о смерти Государя и высказал надежду, что в действительности Государь жив.

Предполагавшегося опровержения смерти Государя однако не было. Мне хотелось повидать Альвенслебена, но, как мне тогда казалось, он почему-то стал избегать нас с Безаком. Когда я определенно сделал попытку его видеть, оказалось, что он уехал в Берлин. Возвратился он в августе. Я встретил его на улице и спросил про Государя. Альвенслебен ответил мне, что, к сожалению, ничего не удалось сделать, и Государь, видимо, убит.

Карангозов и Комаров вернулись в Киев, кажется, в августе же. У меня в доме они делали доклад мне и Безаку. Они сначала приехали в Москву и здесь прочли известие об убийстве Государя. По дороге в Екатеринбург они где-то были задержаны в пути, не доехав до него. Но им удалось скрыться и попасть в эшелон, в котором следовали офицеры-слушатели Академии Генерального Штаба, эвакуировавшейся в то время из Екатеринбурга. Эти офицеры сообщили им, что Государь “расстрелян в Екатеринбурге не был”⁶².

А вот что вспоминала княгиня Л.Л. Васильчикова. Приехав в Крым, она встретилась с Императрицей Марией Федоровной, тяжело переживавшей неясность судьбы своих близких – Императора Николая II, его семьи и Великого князя Михаила Александровича. «Императрица во всех подробностях расспросила меня о моем пребывании в Петербурге и Москве, о условиях жизни, о настроении жителей, о допросе меня Урицким и заключении в Чека. “Мне

говорили, что Вы сидели в одной камере с Н.С. Брасовой (супругой Великого князя Михаила Александровича. – А.И.). Какие у нее известия о Мише?” Боясь вопроса о Государе, я старалась растянуть рассказ о том немногом, что я знала про Михаила Александровича, но, наконец, она меня спросила: “А что Вы слышали про моего старшего сына?” Я ответила, что до Москвы дошли самые страшные слухи. Видя мое смущение, Императрица сказала успокоительным тоном: “Да, я знаю, что говорят, но у меня другие сведения!” Когда я упомянула об этом разговоре Великой княгине Ольге Александровне, она мне прямо сказала: “Я знаю, все думают, что мой старший брат убит, но у Мама́ имеются сведения, что он жив!”»⁶³

Далее княгиня Васильчикова вспоминает: «Когда мы [...] встретились на Мальте с ген. кн. Алекс. Ник. Долгоруким, в 1918 году командовавшим гетманскими войсками, он рассказал о случае, имевшем место в описываемый мной момент [...] В один прекрасный вечер в июне 1918 года Долгорукова по телефону пригласил к себе Фед. Ник. Безак*, бывший до войны киевским губ. предводителем дворянства, причем просил его о предлагавшемся посещении никому не говорить. Кн. Долгоруков в условленный час пришел к Безаку и кроме хозяина и хозяйки застал там гр. Альвенслебена, офицера в штабе ген. Эйхгорна. Альвенслебен взял со всех присутствовавших слово, что они не разгласят того, о чем он им сейчас расскажет, и затем сообщил, что через столько-то дней распространится слух, что Государь убит. На самом же деле этого не случится, потому что немцы его спасут. На основании этого сообщения Елена Ник. Безак выехала в Крым с тем, чтобы предупредить вдовствующую Императрицу, что слухи о смерти Государя будут ложными, пущенными для того, чтобы дать немцам возможность его тем временем спасти. Что же касается Ф. Ник. Безака и кн. Долгорукого, то они остались в Киеве, и день в день согласно предсказанию Альвенслебена по Киеву распространилось известие, что государь убит. Зная, что это ложный слух, ни тот, ни другой на официальную панихиду во дворце гетмана не пошли, [а] чтобы не подвергаться вопросам, одновременно выехали в деревню. По возвращении они к своему удивлению узнали, что Альвенслебен во время панихиды демонстративно плакал. Находя, что он свою роль переиграл, они решили его расспросить, но в продолжение нескольких дней никак не могли добиться свидания, то он

* У княгини Л.Л. Васильчиковой здесь и далее фамилия ошибочно написана как «Безак».

был занят, то в отъезде. Наконец им удалось его перехватить, и Альвенслебен объяснил, что предполагавшееся немцами спасение Государя сорвалось, и что он на самом деле погиб»⁶⁴.

Этот эпизод нашел отражение и в дневнике Императрицы Марии Федоровны: «Была [...] Лина Безак со своей м[аленькой] племянницей Шиповой. Необычайно интересно рассказывала об[о] всем, что происходит в Киеве. Она преисполнена надежд. По ее словам, все кончится хорошо для Рос[сии] и моего любимого Ник[и]. Дай-то Бог! Какое жестокое испытание – ничего не знать о них»⁶⁵.

Увы, до сих пор остается неясным, какова была в данной искренней попытке русских монархистов спасти Царскую Семью действительная роль немцев. Не секрет, что монархические группы неоднократно обращались к германскому послу в Москве графу В. Мирбаху с просьбой оказать помощь в деле освобождения Царской Семьи, и последний, обещая содействие, по свидетельству сенатора Д.Б. Нейдгарта, даже употребил выражение «потребую»⁶⁶. Как предполагает современный исследователь П.В. Мультиатули, после категорического требования графа Мирбаха, настаивавшего на переводе Царской Семьи в Москву, большевикам нужно было немедленно что-то делать: «Скорее всего ими для немцев была состряпана ложь о перевозе Царя [...] Одновременно они, видимо, заранее ввели немцев в заблуждение, открыв им дату убийства Царя, но под таким видом, чтобы они не поверили в это убийство и не предприняли никаких враждебных большевикам демаршей. Все это совершенно укладывается в общую схему большевистской тактики»⁶⁷.

Не секрет, что немцы не раз заверяли, что спасут «своих» принцесс (напомним, что Царские Дети приходились племянниками начальнику немецкой контрразведки Великому герцогу Эрнсту-Людвигу Гессенскому – брату Императрицы Александры Федоровны). Однако отношение Государя и Государыни в годы войны к немцам хорошо известны. «Я бы никогда не поверил, – говорил Император Николай II, после подписания немцами Брестского мира с большевиками, – что император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этих негодяев, которые предали свою страну». Когда же Государю стало известно о шагах, предпринимаемых немцами для спасения Царской Семьи, он воскликнул: «Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня», а Государыня добавила: «...Я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами»⁶⁸.

Очень показательны в этом отношении и донесение одного из секретных агентов шульгинской «Азбуки», датированное 12/25 июня 1918 года: «Планы немцев, состоящие в том, чтобы [...] воссоздать союзную Германии монархическую Россию, терпят крушение [...] Главной причиной неудачи немцев явилась непреклонная твердость династии [...] Отрекшийся Император с непреклонной твердостью отклонил предложение Вильгельма II, чем последний был очень раздражен. Если бы ужасное известие о смерти Николая Александровича подтвердилось, то это злодеяние необходимо было бы поставить в прямую связь с неудачей переговоров Вильгельма II с отрекшимся Императором»⁶⁹...

Когда положение П.П. Скоропадского стало шатким, Ф.Н. Безаку было поручено провести переговоры с местными отделами Союза русского народа, чтобы те оказали гетману поддержку и помогли бы в противостоянии с петлюровцами. Федор Николаевич встречался с прибывшим в Киев из Петербурга В.П. Соколовым (Соколовым-Баранским), однако реально ощутимой помощи Скоропадскому черносотенцы не оказали.

После падения правительства Скоропадского и захвата Киева отрядами С.В. Петлюры Ф.Н. Безак переждал с семьей несколько дней у знакомых немецких офицеров, первоначально предполагая с поддельным удостоверением телеграфиста пробираться в Добровольческую армию. Однако справедливо решив, что поскольку телеграфировать он не умел, затея эта будет слишком рискованной (так как «при неминуемой встрече с какой-нибудь бандой сразу обнаружилось бы, что мое удостоверение подложное»⁷⁰), добровольно явился в петлюровскую чрезвычайку, где был арестован, как «враг Украины» и заключен в Лукьяновскую тюрьму. Впрочем, стараниями жены вскоре ему удалось вырваться из заточения и на одном из последних поездов, эвакуировавших германских солдат и офицеров с Украины, отбыть в Германию (семья Федора Николаевича выехала раньше).

Здесь он возглавил Русский комитет в Берлине, продолжил сотрудничество с Н.Е. Марковым и его организацией «Союз верных». В 1921 году Федор Николаевич был приглашен делегатом на съезд русских монархистов, проходивший в баварском курортном городе Бад-Рейхенгалле (Съезд хозяйственного восстановления России), однако от участия в работе съезда отказался, разочаровавшись, по собственным словам, в возможностях русской правой эмиграции.

Как свидетельствуют документы, Ф.Н. Безак находился в тесном контакте с немецкими правыми кругами, а по некоторым данным был даже участником Капповского монархического путча в Германии (1920). Его супруга возглавляла в Берлине одно из первых заграничных прицерковных русских сестричеств, а сам он являлся кандидатом в члены берлинского Церковного комитета. Здесь семья Безаков поддерживала дружеские отношения с архиепископом (в будущем митрополитом) Евлогием (Георгиевским) – в прошлом софракционером Федора Николаевича по III Думе и соратником в Главном совете Всероссийского национального союза. Как вспоминал владыка Евлогий, бывший в начале 1920-х годов временно управляющим русскими западно-европейскими приходами, в 1921 году Светлое Христово Воскресение он встречал вместе с семьей Безаков. «Пасха пришлось на 1 мая по новому стилю. Куда после обедни деваться в 4–5 часов утра? Меня на автомобиле увезла разговляться к себе семья Безак[ов]. Елена Николаевна Безак, светская, чистая женщина, по натуре редко цельная, экспансивная, была радушной гостеприимной хозяйкой. Безак жили в Берлине хорошо, широко. Я оставался у них до вечерни, которую поехал служить в Тегель»⁷¹.

Как уже упоминалось выше, средства к существованию семья Безаков получила от немцев, которые после окончания Первой мировой войны разморозили ее счета. Однако в скором времени Германию постиг полный финансовый крах, все сбережения сгорели и Ф.Н. Безак с семьей переехал в Данию, где недолгое время жил неподалеку от Августейшего Шефа своего полка Императрицы Марии Федоровны, позже навещая Вдовствующую Царицу, жившую в своей резиденции, вилле Хвидоре, еще дважды. После Безаки переебрались во Францию, в Ниццу, климат которой должен был поправить здоровье перенесшей воспаление легких Елены Николаевны Безак. К тому же там уже жила со своим мужем их дочь Мира – Мария Федоровна.

«Вначале мы нанимали виллу, и мой дядя, Александр Безак, жил с нами. Потом он жил самостоятельно и знаю, что ему помогал Маннергейм (тоже бывший кавалергард. – А.И.). Он умер в 1942 году и похоронен на русском кладбище в Ницце. Я знаю, что в Ницце мои родители часто бывали у Вел. Князя Андрея Влад[имировича] на его вилле “Алам”. Среди их друзей и знакомых были: Демидовы, Гирс, Миклашевские, Бехтеевы, Гагарины, Кропоткины, Безобразовы [...] Я знаю, что мои родители никогда не признавали Вел. Князя Кирилла Владимировича “Местоблюстителем Престола”,

[поскольку] Императрица (Мария Федоровна. – А.И.) его никогда не признавала и не принимала», – сообщает дочь Федора Николаевича Ксения Федоровна⁷². С ее слов также известно, что в Ницце и ее окрестностях проживало в то время немало сослуживцев Федора Николаевича, и в день святых Захария и Елисаветы (5/18 сентября) – полковой праздник кавалергардов – все офицеры собирались на молебен, после которого шли в ресторан вспоминать былое.

По воспоминаниям К.Ф. Безак, ее родители, когда приехали в Ниццу, первоначально являлись прихожанами кафедрального собора во имя свт. Николая Чудотворца, клир которого подчинялся митрополиту Евлогию (Георгиевскому), не порвавшего на тот момент связи с Московским Патриархатом. Федор Николаевич состоял в приходском совете данного собора и даже активно противостоял попыткам советских властей получить право собственности на эту святыню. Однако после того, как владыка Евлогий из-за оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) был запрещен последним в служении и ушел под омофор Константинопольского Патриарха, образовав, таким образом, не подчинявшийся ни Московскому Патриархату, ни Синоду РПЦЗ, Парижский Экзархат Вселенского престола, Безаки, несмотря на то, что владыка Евлогий был близким другом семьи, не поддержали его поступок, решив остаться с Московской Патриархией. В начале тридцатых годов супруги Безак вместе с известным поэтом-монархистом, «Царским гусяром» С.С. Бехтеевым*, являвшимся другом семьи, устроили в подвале собственного дома церковь во имя иконы Божией Матери «Державная», которая была принята под окормление Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Таким образом, произошло настоящее чудо – храм, посвященный явленной в день отречения Государя от Престола Державной иконе, на которой Пресвятая Богородица изображена держащей в Своих руках царские регалии – скипетр и державу, оказался в окормлении находившейся под большевистским гнетом Церкви!

*Перед Твоей Державною Иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И Лик Твой царственный, увенчанный короной,
Влечет к Себе мой умиленный взгляд.*

---

* С.С. Бехтеев также был офицером Кавалергардского полка, в котором служил Ф.Н. Безак.

*В годину смут и трусости бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила Образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
«Сама взяла Я Скипетр и Державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю!»* ⁷³

Домовой храм Безаков в 1931 году освящал митрополит Вениамин (Федченков), к тому времени уже заявивший о своем подчинении митрополиту Сергию (Страгородскому). Он же назначал туда и священников, одним из которых стал иеромонах Феодор (Текучев), будущий епископ Сан-Францисский и Калифорнийский (1952).

«Община открылась в Ницце усилиями двух благочестивых семей – Безак и Бехтеевых, – писал в марте 1932 года в докладе митрополиту Сергию (Страгородскому) секретарь епископа Вениамина (Федченкова) С.А. Отман. – Е.Н. Безак предоставила свою квартиру для совершения Богослужений; у нее и проживает уже с июля месяца прикомандированный туда отец иеромонах Феодор, свободное время уделяющий заработку для существования; там группируются человек около 25»⁷⁴.

«Владыка Вениамин (Федченков) приехал в Ниццу и первую Литургию служил у нас на квартире. Потом [мы] наняли в том же доме подвальное помещение и там же комнату для священника. Иконостас соорудил Сергей Бехтеев и художник Кульчицкий написал иконы. Церковь была в честь Державной иконы Божией Матери. Первый священник был о. Федор Текучев, затем о. Афанасий Нечаев [...] После о. Афанасия Нечаева там служил о. Евграф Ковалевский, который читал лекции в университете в Ницце [...] и сам снимал себе комнату, а питался у нас. Он многих французов приводил в церковь и некоторые из них приняли Православие. Его мобилизовали в армию в начале войны, и он был в немецком плену. После войны епископ Иоанн Сан-Францисский – теперь причисленный к лику святых – посвятил его в епископы для французского Православия. К сожалению, он скоро скончался. Он был исключительным священником [...] Когда ни у Церкви, ни у нас не было больше возможности нанять это помещение – наверно, в 1937 году, мы решили переехать в северный пригород Ниццы – Св. Сильвестр. Там наняли квартиру с большой комнатой, куда перенесли церковь. Комнату для священника нанимали», – вспоминает К.Ф. Безак⁷⁵.

Домовой храм Безаков, по свидетельству Ксении Федоровны, многие эмигранты называли «большевицской церковью», однако Елена Николаевна Безак считала, что нельзя бросать находящуюся в страдании родную Мать-Церковь и предавать Ее в трудную минуту. Безаки рассматривали вызвавшую неоднозначную реакцию в Церкви декларацию митрополита Сергия, признававшую власть большевиков как вынужденный компромисс с советской властью, призванный уберечь и спасти от расстрелов и преследований священнослужителей подъяремной Церкви в СССР.

В Ницце Федор Николаевич поступил в лучшую коммерческую школу, которую окончил с отличием, став дипломированным бухгалтером, но устроиться на службу так и не смог – французские власти отказывали ему в работе. От этого, как сообщила нам его дочь, он очень страдал. «Он привык к активной деятельности и моя мать, чтобы его занять, убила его писать свои воспоминания»⁷⁶.

Из-за нехватки средств и необходимости материально помогать родителям дочь Ф.Н. Безака Ксения Федоровна была вынуждена оставить обучение в лучшей школе Ниццы. «Моя мать продавала, что было из своих драгоценностей и свои вышивки. Наша Саша, горничная моей матери, которая выехала с нами из России, зарабатывала шитьем, уборкой квартир и помогала семье. Я нашла место бухгалтера»⁷⁷.

Скончался Федор Николаевич Безак 14 декабря 1940 года от уремии и воспаления легких в городской больнице, причастившись Святых Таин. Отпевали его там же, в специально предоставленной для этого «офицерской» комнате. Пели на панихиде, прощаясь с отставным полковником Лейб-гвардии Кавалергардского полка, благочестивым православным христианином, монархистом и пламенным русским патриотом, хористы всех русских церковных юрисдикций Православной Церкви, бывших во Франции. У гроба, провожая в последний путь своего товарища, почетным караулом стояли офицеры-кавалергарды. Тело Ф.Н. Безака предали земле на муниципальном французском кладбище «Кокад». В годы войны его сослуживцы по Кавалергардскому полку перезахоронили его прах в общем склепе под алтарем церкви на Русском кладбище в Ницце.

В заключение несколько слов скажем о дальнейшей судьбе супруги Федора Николаевича. После смерти мужа Елена Николаевна вместе с дочерью Ксенией Федоровной переехали в Париж, где они прожили до конца Второй мировой войны, после которой,

по приглашению сына генерала Е.К. Миллера – Николая Евгеньевича (который, напомним, являлся племянником Е.Н. Безак), переехали в Марракеш (Марокко). Ксения Федоровна нашла работу секретарши в одном из французских кооперативов, со временем став его коммерческим директором. В дни же церковных служб дочь Ф.Н. Безака пела в церковном хоре местного храма, так же как и в Ницце, посвященного иконе Божией Матери «Державная». Покинуть Марокко мать и дочь Безак заставила национализация всех предприятий, проведенная арабами, после получения бывшей французской колонией Марокко независимости. «Мы решили уехать в Америку, в Сан-Франциско, где у нас были друзья, и где мы случайно встретили кузину моей матери Ольгу Александровну Ильину, урожденную Баратынскую, внучку поэта, – вспоминает К.Ф. Безак. – Ее семья мне помогла найти хорошую работу в экспорте–импорте, где пригодилось знание языка. Мой отец сам занимался со мной по-английски, и это меня спасло»⁷⁸.

В США Елена Николаевна стала прихожанкой автокефальной Православной Церкви в Америке, с материалами о Державной иконе Божией Матери публиковалась на страницах печатного органа РПЦЗ журнала «Православная Русь» (Джорданвилль).

В последнее время жизни радостью для Елены Николаевны Безак стало неожиданное получение из России писем от своей воспитанницы и крестницы. Эту девочку в свое время ее собственная мать подбросила на вокзале железной дороги, и младенца принесли к доброй помещице. Елена Николаевна ее крестила и воспитала. И какими-то судьбами прерванная связь между крестной и крестницей вновь восстановилась, и между ними возникла трогательная переписка.

Здесь, в Сан-Франциско, Елена Николаевна Безак, из всех святых особенно выделявшая преподобного Серафима Саровского, 2 августа 1971 года по обычаю причастилась Святых Христовых Таин, и на следующее утро ее постиг удар. В ночь с 3 на 4 августа, не приходя в сознание, под чтение отходной она предала свою душу Богу. Похоронили ее на сербском кладбище в Сан-Франциско⁷⁹.

«Отличительной чертой характера Елены Николаевны, – писала в некрологе ее знакомая, – была ее доброта к людям. В эмиграции жила она много лет в Ницце и, несмотря на небольшие средства к жизни, дом ее был открыт для всех нуждавшихся в поддержке и утешении. Все к ней шли за ободрением»⁸⁰.

* * *

Книга Ф.Н. Безака «Воспоминания о Киеве и гетманском перевороте» публикуется впервые. Основой приведенной ниже публикации стала авторизованная машинопись из личного архива К.Ф. Безак, любезно предоставленная публикатору с разрешения ее владелицы заведующим отделом новых поступлений Государственного Эрмитажа В.М. Файбисовичем. Предлагаемые читательскому вниманию мемуары являются второй книгой (частью) воспоминаний Ф.Н. Безака, написанных им во второй половине 1930-х годов (первая книга, не имеющая самостоятельного авторского названия, посвящена службе Ф.Н. Безака в Кавалергардском полку; она готовится к печати и увидит свет в ближайшее время в Санкт-Петербурге).

В связи с тем, что оригинальный авторский текст совершенно не редактировался, публикатором помимо необходимых комментариев сделана редакторская правка воспоминаний (при этом авторский стиль мемуариста максимально сохранялся). Названия глав в ряде случаев также даны публикатором, поскольку в авторском варианте не все из них имели заголовки. Текст воспоминаний публикуется полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. Пропуски отдельных слов и словосочетаний, предположительно восстановленные публикатором, помещены в квадратные скобки.

Автор вступительного очерка о Ф.Н. Безаке, публикатор и комментатор его воспоминаний А.А. Иванов сердечно благодарит всех, чьими помощью и советами он пользовался при работе над данной публикацией, а именно: Ксению Федоровну Безак, Майкла (Михаила Иаковлевича) Безака (Окланд, США); Владимира Константиновича Невяровича (Воронеж), Александра Николаевича Алекаева, Григория Борисовича Кремнева, Александра Витальевича Репникова (Москва), Виктора Михайловича Файбисовича, Сергея Михайловича Григорьева, Анатолия Дмитриевича Степанова (Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Граббе П.* Окна на Неву. Мои юные годы в России / пер. с англ. Н. Качеровой. СПб., 1995. С. 32.
- 2 *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 50–51.
- 3 Цит. по: *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 241.
- 4 Там же. С. 246.
- 5 *Граббе П.* Указ. соч. С. 32–33.
- 6 Справка составлена по: *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного Совета Российской Империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007.
- 7 *Граббе П.* Указ. соч. С. 32.
- 8 Памятка нижнего чина кавалергарда. На память десятилетия со дня назначения Государыни Императрицы Марии Федоровны первым Шефом полка. СПб., 1891. С. 59.
- 9 *Трубецкой В.С.* Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. № 11. С. 58. Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи. Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер. М., 2007. С. 239.
- 10 Цит. по: *Фомин С.В.* Указ. соч. С. 240, со ссылкой на *Трубецкого В.С.* Записки кирасира... С. 105–106, 112.
- 11 *Безак Ф.Н.* [Воспоминания] (из личного архива К.Ф. Безак). С. 29. Предоставлено автору В.М. Файбисовичем с разрешения К.Ф. Безак.
- 12 Там же.
- 13 *Игнатъев А.А.* 50 лет в строю. М., 1959. С. 64.
- 14 *Безак Ф.Н.* Указ. соч. С. 29.
- 15 Там же. С. 35–36.
- 16 *Граббе П.* Указ. соч. С. 33–34.
- 17 Там же. С. 34.
- 18 Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1911 года. СПб., 1911. С. 593.
- 19 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).

- 20 *Грabbе П.* Указ. соч. С. 37 – 38.
- 21 Там же. С. 38.
- 22 *Безак Ф.Н.* Указ. соч. С. 218.
- 23 *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 888.
- 24 Там же. С. 887.
- 25 *Безак Ф.Н.* Указ. соч. С. 312.
- 26 Из песни Лейб-гвардии Кавалергардского полка.
- 27 См.: Личные дела члена Государственной Думы и Государственного Совета *Ф.Н. Безака* // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 647; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 61–62; Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Е.В. Государыни Императрицы Марии Федоровны полка / Сост. С. Панчулидзева. СПб., 1908.
- 28 *Безак Ф.Н.* Указ. соч. С. 231–232.
- 29 Биографические сведения о *Ф.Н. Безаке*, после его ухода с военной службы, приводятся по следующим изданиям и публикациям: Галерея государственных и общественных деятелей России и Третья Государственная Дума. [СПб., 1908]; Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей. [СПб., 1909]; 3-й созыв Государственной Думы. Портреты, биографии, автографы / Изд. Н.Н. Ольшанского. СПб., 1910; 4-й созыв Государственной Думы. Художественный фототипический альбом с портретами и биографиями / Изд. Н.Н. Ольшанского. СПб., 1913; *Коцюбинский Д.А.* Безак Федор Николаевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; *Николаев А.Б.* Безак Федор Николаевич // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 годы) / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2006. Т. 1.
- 30 *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте (авторизованная машинопись из личного архива *К.Ф. Безак*). Предоставлено автору *В.М. Файбисовичем* с разрешения *К.Ф. Безак*. С. 3.
- 31 Там же.
- 32 Подробнее об *А.Б. Нейдгарте* см.: *Иванов А.А.* «Ревностный созиждатель Божьих храмов». Мученик Алексей Борисович Нейдгарт (1863–1918) // Воинство святого Георгия: Жизнеописание русских монархистов начала XX века. / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 227–235.
- 33 Из письма *К.Ф. Безак* – *А.А. Иванову* (личный архив автора).

- 34** *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 888–889. Автор ссылается на: *Таусия, инокиня*. Дополнение к некрологу Е.Н. Безак // Православная Русь (Джорданвилль). 1971. 1/14 сентября. № 17 (970). С. 13.
- 35** *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте... С. 47.
- 36** Там же. С. 1.
- 37** Там же. С. 51.
- 38** *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания / Публ. текста и ред. М.А. Колерова. М., 1995. С. 43.
- 39** *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте... С. 62.
- 40** *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 617.
- 41** *Шульгин В.В.* Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Вст. ст. и послесловие Н.Н. Лисового. М., 2002. С. 468.
- 42** *Зеньковский В.* Указ. соч. С. 129.
- 43** *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте... С. 1.
- 44** *Пученков А.С.* Переворот в цирке. Страстная неделя Павла Скоропадского // Родина. 2007. № 7. С. 82. Автор ссылается на: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 15–16.
- 45** См. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920). М., 1982. С. 117; *Дневник П.Н. Милюкова, 1918–1921* / Сост., коммент. Н.И. Канищева. М., 2005. С. 28.
- 46** См. гл. «Гетманшафт» в кн.: *Граф Келлер*. М., 2007.
- 47** *Фомин С.В.* Золотой клинок империи... С. 612, 638.
- 48** Там же. С. 613.
- 49** Там же.
- 50** *Дикий А.* Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк, 1961. Т. 2 (электронная версия: Украинские Страницы. История национального движения Украины // <http://www.ukrstor.com/dikij/>). Впрочем, отметим, что сам Скоропадский отверг проект официального провозглашения его либо «князем Киевским», либо «королем Украинским» (См.: *Папакин Г.В.* Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 70). По свидетельству самого гетмана, на его коронации настаивал и Киевский митрополит Антоний (Храповицкий), однако он этот проект отклонил (*Скоропадский П.П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний // Минувшее. Исторический аль-

- манах. Вып. 17. М.; СПб., 1995. С. 43). А митрополит Вениамин (Федченков) так вспоминал об отношении Церкви к гетману: «Встречали мы его, как в былое время Царя. Так же пели “Спаси, Господи, люди Твоя” и “Победы благоверному гетману Павлу на сопротивных даруя” и проч. Только не было прежнего страха и повиновения. Нам казалось, будто идет игра в Царя. Впечатление от него в общем было симпатичное, но не могучее» (*Вениамин (Федченков)*, митр. На рубеже двух эпох / коммент. С.В. Фомин. М., 2004. С. 416).
- 51 Признавали это и агенты тайной организации В.В. Шульгина «Азбука»: «Скоронадский только этап. Немцы хотят восстановить русскую монархию, русскую империю и русское единство, но на этот раз под другой формой, выгодной для них [...] Действительно, это печально, что немцы вовремя поняли все это и выполняют, в то время как союзники еще пытаются что-то построить с большевиками» // Цит. по: *Гагкуев Р.Г., Балмасов С.С.* Генерал Ф.А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты // Граф Келлер. М., 2007. С. 1104. Авторы ссылаются на: РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 34. ЛЛ. 7–7 об.
- 52 *Фомин С.В.* Указ. соч. С. 636.
- 53 Почитание святой Великомученицы Варвары // Стара Поляна / http://www.starapolyana.kiev.ua/library/varvara_pochit.html
- 54 *Граббе П.* Указ. соч. С. 196.
- 55 *Окороков А.В.* Краткий исторический обзор деятельности организаций первой волны эмиграции // Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М., 2001. С. 399, 406.
- 56 *Деникин А.И.* Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С.А. Алексеев, под ред. Н.Н. Попова. М.; Л., 1930; Киев, 1990 (репринтное издание). С. 171.
- 57 См.: *Гагкуев Р.Г., Балмасов С.С.* Указ. соч. С. 1128–1129.
- 58 *Е. Б[езяк].* Еще раз о Державной иконе Божией Матери // Православная Русь (Джорданвилль). 1967. № 8. С. 9.
- 59 Подробнее о нем см.: *Иванов А.А.* Рыцари Самодержавия. Кавалергарды Андрей Васильевич (1852–1938) и Андрей Андреевич (1880–1918) Пантелеевы // Воинство святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века. / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 557–566.
- 60 *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 620.

- 61 Там же. С. 620.
- 62 [Протокол допроса А.Н. Долгорукова, 5 февраля 1921 г.] // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 268–271.
- 63 Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 508–509.
- 64 Там же. С. 459 – 460.
- 65 Дневники Императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005 / сост., предисл., коммент. Ю.В. Кудрина. С. 235 (запись от 2 июля 1918 г.).
- 66 Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М., 1990. С. 137.
- 67 *Мультатули П.В.* Свидетельствую о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. М., 2006. С. 383.
- 68 Цит. по: *Мельгунов С.П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 303.
- 69 Цит. по: *Гаккуев Р.Г., Балмасов С.С.* Указ. соч. С. 1120. Авторы ссылаются на: РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 34. ЛЛ. 20–20 об.
- 70 *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте... С. 107.
- 71 Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 352.
- 72 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).
- 73 *Бехтеев С.С.* Небесная Царица. Икона Державной Божией Матери (1934) // *Бехтеев С.С.* Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002. С. 32.
- 74 Цит. по: Царица Небесная – Державная Правительница Земли Русской. Коломенская икона Божией Матери «Державная». Службы. Акафисты. Молитвы. Сказания. Свидетельства / автор-составитель С.В. Фомин. С. 185.
- 75 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).
- 76 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).
- 77 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).
- 78 Из письма К.Ф. Безак – А.А. Иванову (личный архив автора).
- 79 Царица Небесная – Державная Правительница Земли Русской... С. 190–191.
- 80 *Е. К[онцевич].* Елена Николаевна Безак. 1880–1971 // Православная Русь (Джорданвилль). 1971. 15/28 августа. № 16 (969). С. 11–12.

ВОСПОМИНАНИЯ О КИЕВЕ И О ГЕТМАНСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Гетманский переворот произошел весной 1918 года. Мне все события того времени хорошо памятли, да и само гетманство случайно зародилось у меня в доме, за что впоследствии, после падения гетмана, новая власть петлюровцев меня арестовала и хотела судить военно-полевым судом как врага Украины¹.

Это было совершенно несправедливо. Врагом Украины я никогда не был, а при создавшемся положении в России после революции было уже вполне ясно, что Украина, хотя бы самостийная, могла спасти нашу Родину и не допустить все те ужасы, которые ей приходится переживать даже в настоящее время. Уцелей тогда гетманство, Украина представляла бы значительную часть России, где не было [бы] речи о том, что деревня умирает от голода, и где, напротив, население процветало бы, и экономическая жизнь была бы ключом.

В 1918 году приходилось не раз слышать, что сама идея самостийной Украины это измена Единой, Неделимой, Великой России. А я спрошу, кто же в этом виноват? Кто разрушил могучую, великую Россию? Уж конечно, не крестьянское население и даже не большевики; а те, кто во время величайшего напряжения всех сил страны, перед самым победоносным окончанием войны, задумали свергнуть ту власть, которая одна могла вывести Россию из тяжелого положения, власть Помазанника Божия, власть русского Царя.

Не буду их называть. Они теперь сами сознали свою огромную вину, и беспристрастная история позором заклеит их имена.

Прошло [более пятнадцати²] лет с тех пор, как мы покинули Украину, и в настоящее время взгляд многих бывших врагов самостийной Украины значительно изменился. Уже многие начинают осознавать, что создание такой Украины было бы благом для России. В самом деле, если бы это удалось, большевики не могли бы удержаться, все нынешние ужасы прекратились бы, и вся Россия снова зажила бы той спокойной, привольной жизнью, как она жила в прежние годы. Тогда и другие части бывлой России могли бы организоваться, вступить в тесный союз с Украиной, и мы вновь увидели бы великую, могучую, но только федеративную Россию. Разве [это] не лучший выход из теперешнего положения, когда наши бывлые союзники оторвали от России часть ее земель, а нынешние власти – большевики – в неудачных поисках денег начинают распродавать богатства России, как это было с Восточно-Китайской железной дорогой. И если идти дальше по этому пути, то и всему нашему Дальнему Востоку грозит большая опасность.

Глава I

УБИЙСТВО П.А. СТОЛЫПИНА И МОЕ НАЗНАЧЕНИЕ В КИЕВ

Настроение киевской интеллигенции и крестьян в начале войны было хорошее. Но, прежде чем приступить к моему дальнейшему повествованию, я должен сказать, как я попал на Украину и о тех событиях, а также о той роли, которую я в них играл, так как эти события имели большую связь с последовавшим гетманским переворотом.

У меня было имение в Киевской губернии, и, покинув Кавалергардский полк, я собирался посвятить себя всецело ведению моих собственных дел; но вскоре я был избран, совершенно того не желая, членом III Государственной Думы от Киевской губернии. По своим убеждениям я всегда был против Государственной Думы вообще, так как ничего хорошего для Родины от нее не ждал, но отказать у меня тогда не было возможности, так как на мне сходились все наши правые элементы, и мой отказ мог бы вызвать раскол, и, следовательно, в Гос. Думу мог попасть один из левых. Поэтому пришлось согласиться. Но раз я в Думу попал, то приложил все старанья, чтобы с пользой работать в самой близкой для меня [ко]миссии государственной обороны.

В 1911 году³ приехал в Киев Государь, Императрица с Августейшими детьми и с правительством, во главе с Председателем [Совета министров] Столыпиным, которого я хорошо знал. Я как член Гос. Думы был приглашен на все торжества. На одном из них я встретил П.А. Столыпина, который мне сказал, что имеет виды на меня. На мой вопрос, в чем дело, он мне ответил, что киевские власти недостаточно энергичны, от этого страдает русское дело, и спросил у меня, что бы я сказал, если бы он мне предложил должность киевского губернского предводителя дворянства? Я ему ответил, что никогда об этом не думал, и во всяком случае, если [я и] соглашусь, то поставлю некоторые условия. Столыпин только мне ответил, что мы не раз успеем с ним об этом поговорить в Петербурге. К глубокому сожалению, нам это так и не удалось, так как в тот же вечер, на парадном спектакле в театре, Столыпин был смертельно ранен пулей одного сотрудника охранного отделения, еврея Богрова.

На этом спектакле я сидел в третьем ряду рядом с состоящим для охраны Столыпина его адъютантом Есауловым, непосредственно за креслом Столыпина. Была страшная жара в театре, и первый антракт все стояли, не покидая своих мест, так как Государь не выходил из своей ложи. Во время вторичного антракта он вышел в свою аванложу пить чай, и тогда, чтобы дышать чистым ночным воздухом, мы все бросились к выходу. В первом ряду, стоя спиной к рампе, остались только Столыпин, Коковцов и Сухомлинов. В это время из задних рядов поднялся приличный штатский во фраке, имея афишу на руке. Под афишей скрывался револьвер. Каким образом он попал в театр, когда у нас всех, которых полиция прекрасно знала в лицо, тщательно проверяли наши пропуска?

Оказалось, что накануне Богров, будучи секретным сотрудником охранного отделения, оказавший много услуг полиции и предупредивший несколько террористических актов, явился к начальнику охранного отделения Кулябко и передал ему, что из-за границы приехала известная ему дама с намерением убить Государя, и что, если ему дадут входной пропуск в театр, он ее укажет, и она может быть вовремя арестована. Полковник Кулябко приказал выдать ему пропуск охранного отделения. После первого антракта Кулябко к нему подошел и спросил: где же эта дама? Багров ответил, что не может ее найти, но что она, несомненно, в театре. Это, конечно, не было сделано умышленно, как говорили тогда, но это было крупное упущение, так как на этот раз начальник охранного отделения не вспомнил самого серьезного правила – сотрудниками надо

пользоваться, но отнюдь не ставить их на ответственные места. У революционеров же пало подозрение на Богрова, что он их предает, и поэтому они ему предложили совершить в театре какой-нибудь террористический акт, чтобы оправдаться в их глазах.

Как я уже говорил, Богров, с револьвером, спрятым под афишей, направился по проходу партера к первому ряду. К сожалению, Есаулова в театре не было. Столыпин его куда-то послал. Богров подошел к Столыпину и почти в упор два раза выстрелил в него. Сделать покушение на Государя он не решился, зная, что это вызвало бы колоссальный еврейский погром. Раненый Столыпин успел только перекрестить Государя, которого звуки выстрелов привлекли опять в ложу. Я в это время гулял с командиром отдельного корпуса жандармов генералом Курловым по фойе театра, как вдруг слышу два выстрела, причем я сразу различил сухие выстрелы браунинга. Курлов мне говорил, что это был шум от упавшей декорации, но я твердо стоял на своем, и мы поспешили спуститься с ним в партер. Тут, к сожалению, сразу оказалось, что я был прав – навстречу нам уже несли раненого Столыпина. В узком проходе из партера я его тоже подхватил и понес, так что весь мой китель был в крови Столыпина. Он очень страдал и просил положить его [на] пол, так как так ему будет легче. В это время я увидел толпу публики, избивающую Богрова. Полиция его, конечно, защитила, и прокурор начал первый допрос, после чего он был арестован и помещен в крепость.

Оказалось, что у него были шансы спастись. Дежурный пожарный заметил на чердаке подозрительную личность с ножом. После выстрела он должен был перерезать электрические провода на чердаке, и электричество погасло бы во всем театре. Тогда произошла бы паника, и под покровом темноты Богрову удалось бы скрыться. Однако, [увидев] подозрительного человека, пожарный крикнул ему: «Ты здесь что делаешь?» – и эта личность поспешила скрыться. Раненого Столыпина отвезли в карете скорой помощи в ближайшую лечебницу, где оказалось, что ранение очень серьезное, была прострелена печень. Государь был очень потрясен этим покушением и приказал экстренно вызвать из Петербурга в специальном поезде лучшего хирурга Цейдлера. В этом же поезде приехало и семейство Столыпина. Поезд летел со скоростью 150 верст в час, но ничего уже не могло спасти Столыпина, и через несколько дней он скончался. Цейдлер мне тогда говорил, что у Столыпина был такой надорванный организм, что он и без пули Богрова долго прожить не мог бы. Таким образом, Россия потеряла этого выдающегося государствен-

ного деятеля, и вполне возможно, что, будь далее жив Столыпин, многие бедствия нашей Родины могли бы быть предотвращены.

Богрова же судили военным судом, который приговорил его к смертной казни, и он смело умер. Сам надел петлю на шею, оттолкнул скамейку и повис. Мне предлагали присутствовать на его казни, но я отказался, так как смерть человека не зрелище для любопытных.

На место Столыпина был назначен В.Н. Коковцов. Это был прекрасный министр финансов, порядочный и честный человек, прекрасный оратор; но это не был Столыпин, и сразу стало видно, что направление политики Столыпина не будет им поддерживаться. Министром внутренних дел был назначен А.А. Макаров, судебный деятель, тоже очень порядочный человек, но, как все судейские, большой формалист и законник, за что его, конечно, упрекать не приходится.

Когда мы вернулись в Петербург, на одном из заседаний Гос. Думы он ко мне подошел и просил заехать к нему, так как ему надо [было] переговорить со мною по одному серьезному вопросу. Когда я приехал, он встретил меня словами, что ему известно, что Столыпин хотел предложить мне должность киевского губернского предводителя дворянства, и что теперь он просит меня принять этот пост. Я ему ответил, что сперва я должен поставить некоторые условия, и тогда дам ответ. На его вопрос, каковы мои условия, я его спросил, как будет он смотреть на меня – как на назначенного предводителя или иначе? Этот вопрос очень удивил его, и он сказал, что по закону я являюсь назначенным предводителем, и что иначе он на меня смотреть не может. «Значит, [сказал я], Вы мне предлагаете должность с красивым названием, но по существу представляющую из себя чиновника, подчиненного губернатору – такую должность я, конечно, не приму». Он меня спросил, чего же я, собственно говоря, хочу. Я ему ответил, что, хотя [я] и предводитель по назначению, я желаю пользоваться всеми правами выборного предводителя. «По закону это невозможно», – заметил он, и мы расстались.

В это время приехал в Петербург наш киевский губернатор Гирс – очень милый человек, и от имени генерал-губернатора стал уговаривать меня согласиться. Я ему ответил то, что говорил А.А. Макарову, и твердо стоял на своем. Через некоторое время Макаров опять подошел ко мне в Думе и сказал: «Упрямый Вы человек, генерал-губернатор так настаивает на Вашем назначении, особенно ввиду предстоящих выборов в Думу, что я вынужден согласиться на Ваши условия, и хотя это и незаконно, но предоставляю Вам всем права и преимущества выборного предводителя». «В та-

ком случае я согласен», — ответил я и тут же спросил, когда он может принять меня, чтобы переговорить о выборах в Гос. Думу? По этому вопросу он мне сказал обратиться к товарищу министра Харузину, которому поручено все выборное дело.

На следующее утро я отправился к нему, но никакого положительного ответа от него не получил. Видно было полное отсутствие общего плана и организации. Он мне говорил, что будет очень благодарен за все, что я сделаю для успеха, как будет благодарен и тем, которые провалятся в своих губерниях и не сумеют провести правых элементов. Для меня стало сразу ясным, что при таких условиях ничего хорошего от IV Гос. Думы ждать нельзя.

Надо было, однако, приниматься за дело и заняться энергичной подготовкой выборов. Для этого я поехал в Киев, явился к генерал-губернатору, сделал все нужные визиты и познакомился с моими будущими сотрудниками, уездными предводителями дворянства. Часть из них, не разделяя моих политических взглядов и не желая работать со мною, добровольно ушла. Я их не оплакивал, а поспешил заменить их энергичными местными людьми, которых мне удалось подобрать, так что почти во всех уездах у меня были дельные представители; им я смело мог поручить ведение трудного выборного дела. А выборы в Гос. Думу в Киевской губернии было дело очень трудное, так как только в половине уездов русские составляли большинство, но были разрозненны, не знали даже друг друга, к тому же совершенно не интересовались выборным делом и явно уклонялись от него; в другой же половине уездов большинство помещиков были поляки, которые, наоборот, проявляли большую энергию в выборах и были очень сплочены. Надо было во всех уездах сперва объединить русских помещиков и пробудить у них сознание, что выборы всюду, в особенности в Гос. Думу, вопрос очень серьезный, и что их долг перед Родиной не уклоняться от этого общего русского дела, а напротив, всеми силами его поддержать.

К сожалению, Столыпин, изменивший по 87 статье избирательный закон, не достиг желаемых результатов. Вместо того, чтобы в корне изменить его и провести в законе выборы по куриям, отдельно для каждой курии крупных, средних и мелких землевладельцев, крестьян, коммерсантов, крупных и мелких торговцев, представителей разных свободных профессий и т.д., новый закон внес лишь несколько незначительных и имеющих лишь малое значение изменений. Благодаря этому, в нашей губернии, чтобы провести своих кандидатов в Думу, надо было, чтобы во всех уездах мы

одержали победу, и было достаточно провалиться в одном уезде, чтобы выборы в Гос. Думу нам не удались. Положение было очень трудное, и надо было проявить огромную энергию и создать хорошую организацию. Я воспользовался тем, что в Киев съехались все уездные предводители, и, познакомив их с основными принципами этой организации, просил начать с того, чтобы каждый в своем уезде составил избирательный комитет из числа влиятельных и энергичных жителей уезда и, просмотрев с ними полный список цензовых землевладельцев, разделил их всех между членами комитета, на обязанности которых было [бы возложено] не раз всех объезжать, серьезно говорить с ними и убеждать проснуться от нашего русского равнодушия и принять участие в выборах. Комитет этот должен был собираться раз в неделю, где каждый член [его] должен был докладывать достигнутые результаты. Раз в две недели предводители должны были сообщать эти результаты мне. По мере надобности я должен был собирать их в Киеве. В своем уезде роль руководителя взял на себя я сам, так как довольно хорошо знал уезд, работая два года тому назад на земских выборах [...]

Чтобы разбудить энергию русских помещиков, я решил лично объехать их всех, и для большего эффекта оделся в форму шталмейстера, в пальто с красными отворотами и генеральские штаны. Мне невольно сравнивалась моя поездка с поездкой Чичикова Гоголя, с той разницей, что тот ездил за мертвыми душами, а я за живыми избирателями для земских выборов. Сперва я направился к одному помещику, мать которого владела 800 десятинами, что по тогдашним ценам представляло собой 320 000 рублей, [так что] люди [они], конечно [были], не бедные. Он был страшно польщен моим визитом, подчеркивая, какая честь для него мое посещение. Я вынул из портфеля опечатанную доверенность и попросил его обратиться к своей матери, прося подписать ее. Он замялся и стал предлагать мне чай. Я сразу увидел, что тут что-то не так, от чая отказался, и сказал ему, что мне нужна подписанная доверенность, а не чай. Он долго колебался, но под моим настойчивым давлением, наконец, решился. Пропадал он минут 20, и наконец, появился весь красный, страшно сконфуженный и с отчаянием в голосе сказал, [что его мать] «не хочет подписать». «Но почему?» – спросил я. Он мне ответил, что ничего с ней сделать не может, и просил меня с нею лично переговорить. Я к ней, конечно, отправился и увидел благообразную старушку типа гоголевской Коробочки, которая встретила меня словами: «Какая честь, Ваше превосходительство,

что Вы сами побеспокоились приехать», и сейчас [же] предложила мне чаю. Я ей ответил, что мне не чай нужен, а подписанная ею доверенность. Она ответила, что этого она, к сожалению, сделать никак не может. Я спросил ее, почему. Она ответила, что ее сын такой мошенник, что, если она даст ему доверенность, он непременно ее разорит и имение продаст. Тщетно я стал ее убеждать, что по этой доверенности он ничего продать не может, а только может участвовать в земских выборах. Она на все мои убеждения только отвечала: «Вы его не знаете, он только выглядит таким смиренным, а это такой мошенник, что непременно меня разорит. А этот «смиренный» стоял тут же, краснея все больше и больше. Она меня страшно извела, и я уже был готов покинуть ее, посулив ей черта, как Чичиков Коробочке. Она, заметив, что я очень рассердился, вдруг, совершенно неожиданно, сказала мне, что подпишет доверенность, если я дам ей слово, что защищу ее, если сын вздумает ее [поместье] продать. Я сказал, что охотно сделаю это, так как по такой доверенности ничего подобного сделать нельзя. Тогда она, наконец, подписала, и я, выпив у них чаю, покинул их, добившись-таки своего. Другие мои объезды были гораздо более удачные, и все подобные помещики обещали явиться на выборы и сдержали свои обещания.

Совершенно другое отношение было у тех, которые занимали известное положение в России. Один мой приятель, командир гвардейского кавалерийского полка, мой ближайший сосед по имению, случайно приехал в свое имение как раз во время земских выборов. Я ему немедленно написал, прося его поддержать русское дело и явиться на выборы в уездный город, [но] получил от него ответ: «я в ваши местные дела не вмешиваюсь». Вот и отстаивай русское дело при таком отношении со стороны вполне культурных русских людей и борись с поляками, которые, наоборот, представляют собой одну сплоченную группу, отлично понимая то значение, которое имело бы для них, если бы им удалось захватить в свои руки земское дело в губернии. На самих выборах один мой хороший знакомый поляк сказал мне обратить внимание на то, что сейчас произойдет. И что же я вижу? На кресле вносят в помещение, где стояли избирательные ящики, одного древнего старика, который ходить уже не мог, подносят его к ящикам, куда он дрожащей рукой опускает свои шары, после чего его опять уносят. Мой знакомый мне разъяснил, что этого старика нарочно выписали на один день из Ниццы, куда он в тот же вечер возвращается. Такая организация и сознание своего долга делает величайшую честь полякам и

очень затрудняет борьбу с ними. Однако, несмотря на это, мы благодаря энергичной работе местных людей одержали верх, и земство, как уездное, так и губернское, очутилось в русских руках. Я так подробно останавливаюсь на этих земских выборах, потому что благодаря им мы хорошо познакомились со всеми русскими помещиками нашей губернии, и нам удалось их сплотить, что очень помогло предстоящим выборам в Государственную Думу.

Глава II НАЧАЛО ВОЙНЫ

Переехав в Киев, я стал подробнее знакомиться с нашими земскими деятелями и с киевским обществом вообще, а также стал серьезно приглядываться к настроению деревни. Скоро стало для меня ясным, что как общество, так и земцы – люди порядка, и что земцы не стремятся давать правительству политические советы, а довольствуются добросовестным исполнением всего того, что по закону им предоставлено, т. е. постройками школ, больниц, ремонтом дорог и т. п. При таком отношении у меня сразу завязались самые лучшие отношения с нашими гласными, что значительно облегчило мою роль как председателя губернского земского собрания. Хотя, несомненно, среди них, а также среди земских служащих, были и украинцы, но весь этот вопрос не имел тогда той остроты, которую ему придали после революции, и тогда у наших украинцев не было никаких украинских сепаратистских стремлений.

Ну а среди крестьян? В самом жгучем вопросе – земельном, они, не разращенные общиной, а будучи крестьянами-собственниками, никогда не признавали, что земля «ничья», а как воздух, Божия, и что потому помещики несправедливо владеют своей землей. Напротив, чувствуя себя собственниками своих участков, они вполне признавали, что земля помещиков им законно принадлежит, и может быть приобретена от них только покупкой. К даровым прирезкам от помещичьей земли они относились скептически и просто не верили тем многочисленным прокламациям, которые в 1905 году революционеры разбрасывали в большом количестве по деревням и полям. Такие прокламации они приносили в нашу контору и говорили, какие дурни эти кацапы, раз действительно всю землю раздадут крестьянам, то и мы ее получим; так зачем же резать скот и жечь усадьбы и хлеб в скирдах? При этом они совершен-

но здраво рассуждали: если один нам даром раздаст землю, то другой может также легко ее у нас отобрать, и потому они признавали только документы с петицией, то есть купчие, полученные ими от законных владельцев помещиков. При таком настроении крестьян, естественно, в 1905 году почти везде все было у нас совершенно спокойно, и погромов вообще не было.

В национальном вопросе они были верные подданные Государя. Однако очень ошибаются те великороссы, которые утверждают, что между Украиной и Россией не было никогда никакой разницы. Это глубокая ошибка. Мне было шесть лет, когда родители впервые привезли меня в наше киевское имение. Я увлекался хозяйством, ходил за плугами, возил снопы, то есть был в постоянном общении с хлопцами, но на первых порах ничего не понимал из того, что они говорили. Это был какой-то странный язык, смесь русского, польского и еврейского. Так, «отвори ворота», значило на местном языке «очини браму», красивая усадьба – «гарна садыба». Кроме того, приходилось слышать выражения «не маю ни якого протекциона», или же «як не дати дetyне таку добру горылку».

Словом, я могу с уверенностью сказать, что в прежние годы великоросс не мог бы проехать один по Украине – никто бы его не понял. Но, кроме разницы языка, была еще большая разница и в нравах, и в обычаях. Так, при встречах вместо «здравствуйте» говорили «слава Богу» и надо было отвечать «во веки слава». Наконец, и в богослужениях была разница. Во время чтения Евангелия самые древние старики выстраивались в один ряд с факелами в руках и били себя в грудь. Накануне свадьбы невеста должна была делать земные поклоны каждому встречному и целовать его руку. Такие обычаи у великороссов не встречались. Но под влиянием школ, а главным образом воинской повинности, наши украинцы все более и более сливались с коренным русским населением, а перед самой войной 1914 года уже вся Украина свободно говорила по-русски. Но раз на моих глазах наш край совсем обрусел благодаря школе и военной службе, то теперь, когда школа находится в руках крайних украинцев, которые старательно изгоняют из нее русское и работают в этом направлении уже 20 лет, я плохо верю рассказам тех очевидцев, которые, случайно побывав в Киеве, утверждают, что там совсем не слышно украинского языка, а все говорят только по-русски, и что украинизация не имеет никакого успеха. Зачем говорить заведомо неправду? Это приносит только вред русскому делу на Украине. Ведь надо не обострять, а стараться примирить отношения.

Но я забежал несколько вперед, и теперь должен вернуться к выборам в IV Гос. Думу. Несмотря на все затруднения, нам удалось привлечь русских помещиков к выборам, и организовать их так, что все уезды вышли победителями, и в Гос. Думу попали только кандидаты нашего списка⁴. Против двух из них⁵ все очень возражали, но мне удалось их отстоять, что, как выяснилось позже, оказалось большой ошибкой с моей стороны. Оба они были отличными ораторами, и поэтому я считал их очень полезными для нашей партии националистов, где совершенно не было ораторов, и где нашего лидера называли с иронией “Liederohne Worte”⁶. На предварительных же собраниях они говорили такие патриотические речи в крайне правом направлении, что я говорил про себя: «нельзя так перехватывать, придется на них воздействовать, чтобы они умерили свой тон». Но настоящее свое лицо они показали только перед самой революцией, когда один из них⁷ поспешил перекинуться в «желтый блок»⁸, усердно подготавливающий революцию, а другой, бывший вице-губернатор⁹, оказался в совете солдатских и рабочих депутатов, – конечно, только после революции. Каюсь, они только благодаря мне попали в Думу, и это была большая ошибка с моей стороны.

После удачных выборов в Думу я собирался сразу покинуть свой пост, но мне очень понравился Киев и его общество, которое очень мило всегда относилось к жене и ко мне. Отношения с земскими гласными установились у меня прекрасные, и никаких столкновений на губернском земском собрании у меня не было, напротив, все шло у нас мирно и тихо. Поэтому я остался в Киеве и до самой революции оставался губернским предводителем дворянства¹⁰.

Но в 1914 году вспыхнула Великая война, к концу которой многое переменялось. Война застала меня в деревне, которая находилась по прямому направлению всего лишь в 70 верстах от австрийской границы. Там стояла дивизия прекрасной венгерской кавалерии; и если бы она в первый же день войны двинулась на нашу узловую станцию Казатин, то легко захватила бы ее, так как наши войска только что приступили к мобилизации, и ничего еще не было готово. А захватив Казатин и взорвав этот железнодорожный узел, они причинили бы нам неисчислимый вред, могли бы сжечь большие интендантские склады и совершенно помешать нашей мобилизации и сосредоточению войск. К счастью, они вместо этого атаковали в конном строю город Владимир-Волынский, где в это

время мобилизовался 68-й пехотный Бород[ин]ский полк¹¹. Этот доблестный полк успел занять подготовленные заранее окопы и встретил венгерцев таким огнем, что все их четыре атаки были отбиты, и последним пал их начальник дивизии¹², проскочивший уже линию окопов. Из всей дивизии остались живыми только 18 человек, которые были взяты в плен. Таким образом, австрийцы потеряли эту прекрасную венгерскую дивизию, проявившую много доблести, но погибшую совершенно зря.

Мобилизация прошла у нас в большом порядке, но никакого энтузиазма я не заметил. Запасные, с очень серьезными лицами, все явились на сборные пункты при волостных правлениях, [откуда] направлялись в уездные города к воинским начальникам. Первый период войны был очень удачным для нас. Мы быстро заняли Львов, а на Северном фронте дошли до Кенигсберга. К сожалению, потом пошли у нас неудачи, но о войне я больше говорить не буду, так как мои воспоминания имеют совершенно другую цель.

Убедясь, что в деревне спокойно, и что нет оснований опасаться вторжения неприятеля, я решил вернуться в Киев. В день отъезда ко мне приехал мой сосед, с которым у меня были отличные отношения – поляк граф Бнинский, с просьбой заступиться за одного нашего соседа, тоже поляка, графа Тышкевича, к которому прошлой ночью нагрянули стражники, арестовали его с женой и, не дав даже проститься с детьми, увезли неизвестно куда. Меня это очень удивило, так как Тышкевич был одним из немногих поляков, совершенно не занимающихся политикой, а исключительно лишь спортом; а его жена была очень хорошенькая молодая женщина, имевшая большой успех в киевском обществе, конечно, тоже ни в чем предосудительном замешана быть не могла. Я, конечно, обещал Бнинскому сделать, что мог для них, и, во всяком случае, выяснить, в чем дело.

Ночью меня разбудил жандарм и начальник станции со служебной телеграммой от генерал-губернатора, предлагающей мне, по приезде в Киев, сразу пересест в его вагон, чтобы сопровождать его в неизвестном направлении. В начале войны любили делать секрет из всякой мелочи. В Киев наш поезд опоздал, и поезд с вагоном генерал-губернатора только и ждал меня, чтобы тронуться в путь. Утром, проснувшись, я увидел в окне знакомые места; оказалось, мы ехали обратно в те места, откуда я только что приехал. Оказалось, что главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Иванов вызвал генерал-губернатора в ставку, что-

бы получить объяснения по поводу ареста Тышкевичей, и потребовал, чтобы и я при этом присутствовал. После завтрака в Ставке генерал Иванов нас сразу принял, но генерал-губернатор ничего объяснить ему не мог, так как военное начальство распорядилось тут помимо него. Тогда генерал Иванов обратился ко мне и сказал, что Тышкевичей обвиняют в государственной измене, что они, якобы, обучают стрельбе польских «соколов»¹³ и готовят площадки для австрийской тяжелой артиллерии, и что сегодня их должны по этапу выслать в Уфу. Я ему ответил, что в первый раз слышу об этом, рассказал все, что знал о Тышкевичах и добавил, что [...] ¹⁴имение Тышкевичей лежит в стороне от возможных путей наступления неприятеля, и что там никогда никакой тяжелой артиллерии, ни нашей, ни австрийской не будет. Значит, сказал генерал Иванов, Вы ручаетесь за благонадежность Тышкевичей? Я, конечно, поручился. Тогда генерал Иванов приказал их немедленно освободить, но предложить им сначала съездить к генерал-губернатору в Киев, которому он предложил им передать, что они не высылаются в Уфу только благодаря ручательству губернского предводителя дворянства. Я только просил его поручить мне расследовать это дело. К счастью Тышкевичей, что главнокомандующим был генерал Иванов, умный, добрый и отзывчивый человек, который знал меня хорошо и вполне доверял. Иначе пришлось бы им проехаться в Уфу в арестантском вагоне.

Вернувшись в Киев, я отправился к генерал-губернатору, где уже нас ожидали Тышкевичи. Они были все еще очень встревожены. Я с ними любезно поздоровался и старался всячески их успокоить, говоря, что ничего плохого их не ожидает. Наш генерал-губернатор, добрый генерал Трепов, встретил их очень сурово, руки не подал, и резко передал им все, что ему говорил генерал Иванов. Когда Трепов их отпустил, я их догнал, и, как только мог, старался загладить резкость Трепова. [Графиня Тышкевич] меня только спросила, что вызвало столь грубое отношение к ним? Я еще не знал подробностей, но обещал им все рассказать, когда узнаю. На следующий день я отправился в жандармское управление и, по приказанию главнокомандующего, потребовал дело Тышкевичей. Мне принесли тоненькую папку, где находилась всего лишь одна бумага – донос местного урядника относительно стрельбы «соколов» и площадки под орудия. Я спросил мнение жандармского полковника, который сразу мне сказал, что это очевидный вздор; и вот на основании столь шатких данных военные власти арестовали

и чуть не выслали по этапу совершенно невинных людей. Так как Киевская губерния находилась в прифронтовой полосе, то вся власть перешла в руки военных, которым было подчинено все гражданское управление. Первый начальник тыла и снабжения генерал З., очень добрый человек, неправильно понял свою роль. Он понимал военное положение как террор [против] мирного населения. К счастью, его скоро заменил более серьезный и разумный генерал М. Из моего же дознания выяснилось, что обучение стрельбе польских «соколов» оказалось стрельбой в цель из Монте-Кристо¹⁵ самой графиней, а площадки под орудия безобидными площадками для тенниса. Я доложил об этом генералу Иванову, который отдал виновных под суд.

В Киеве в это время шло развертывание разных тыловых учреждений, военного госпиталя, лазаретов Красного Креста, земских и городских лазаретов и др. Дворянский лазарет был устроен на 150 офицеров в нашем дворянском доме. Приехал главноуполномоченный Красного Креста Юго-Западного фронта, член Государственного Совета Борис Евгеньевич Иваницкий; то был очень энергичный и порядочный человек, но нервный и вспыльчивый. Впрочем, это было довольно понятно, так как особенно часть дам являлась к нему с просьбами, ничего общего с Красным Крестом не имеющими. Он подробно и спокойно старался объяснить им, почему их просьбы не могут быть исполнены. Были упорные дамы, которые этим не удовлетволялись и все-таки продолжали приставать к нему с теми же просьбами. Тогда он спокойно и терпеливо повторял свои объяснения. Когда же они продолжали назойливо приставать к нему, он начинал сердиться и довольно резко просил их удалиться и оставить его в покое, так как у него полная приемная разными посетителями, которые хотят видеть его по неотложным делам. Тогда только эти дамы, красные от негодования, уходили. Я сохранил о нем самые хорошие воспоминания. Он по службе был требовательный, но требования его были всегда правильные и разумные, и у меня были прекрасные отношения с ним. Он мне предложил быть его помощником по Киевской губернии, и просил поддержать развитие частной помощи, поощряя открытие помещиками в их имениях мелких лазаретов, где раненые после госпиталей могли бы еще отдохнуть и окрепнуть до передачи их в распоряжение воинских начальников. Владельцы имений широко отозвались на этот призыв, и скоро наша губерния покрылась целой сетью мелких лазаретов, содержащихся за счет соответст-

вующих помещиков. Для руководства и наблюдения за этими лазаретами мною были назначены для каждого уезда по одному уполномоченному Красного Креста.

После первых же боев раненые стали поступать в большом количестве, и работа закипела. К сожалению, на первых же порах был нами обнаружен один прискорбный факт. Один из самых энергичных уездных уполномоченных привез мне возмутительные брошюры революционного и антивоенного содержания, захваченные им в одном из подчиненных ему лазаретов, причем на обороте этих брошюр стоял штампель одного из очень популярных в обществе учреждений. Я приказал всю эту литературу сжечь и немедленно послать шифрованную телеграмму Б.Е. Иваницкому, который к тому времени перешел с Главным управлением в Люблин, оставив часть Главного управления в Киеве на моем попечении. Я, конечно, сразу предложил всем уездным уполномоченным тщательно проверить содержание книг в их библиотеках, в случае революционной пропаганды уничтожив подобную литературу. Должно быть, учреждение, занимавшееся этим, испугалось, что его деятельность обнаружена, и прекратило ее. Я был уверен, что виновные будут преданы военному суду и подвергнуты наказанию по закону военного времени. [Однако я] долго не получал ответа на мое донесение. Наконец мне сообщили, что военные власти нашли, что это недоразумение. Хорошо недоразумение, когда на обороте брошюры прямо названо то учреждение, из библиотеки которого исходила революционная пропаганда, да еще в военное время! Меня подобная деликатность со стороны Верховного командования очень удивила, и на душе зародились горькие сомнения.

В первые дни войны в Киеве было полное солнечное затмение; в 3 часа дня стало темно, как ночью, и темнота продолжалась около часа, после чего снова появился яркий солнечный свет. Многие видели в этом предзнаменование для тогдашних событий. Мрак должен означать ужасы войны, а яркий солнечный свет – победоносный конец и будущее благоденствие России. К сожалению, подобные предсказания не оправдались.

В самом начале войны, когда эвакуация раненых еще не была налажена и отлично оборудованные поезда для них еще не ходили, раненых перевозили в простых товарных вагонах, причем, после первой перевязки на поле сражения, следующую они получали только в Киеве. Поэтому, когда в Киеве открывали двери вагонов, оттуда шел тяжелый запах гниения. Кроме того, не было питатель-

ных пунктов по пути, и на первых порах раненые просто голодали в дороге. Положение было очень тяжелое, и, чтобы хоть несколько помочь, Б.Е. Иваницкий послал меня наладить, насколько возможно, питание раненых. Я объехал несколько больших станций, но там оказалось, что местное общество, инженеры и их жены, врачи, жандармы-офицеры, уже кое-что предприняли в этом направлении; так что мне оставалось только пользоваться их работой и снабдить их только деньгами Красного Креста, так как, очевидно, своих средств у них не хватало.

В Киев приехали две Великие Княгини, Анастасия Николаевна, супруга Верховного главнокомандующего, и ее сестра Милица Николаевна. Чтобы создать для них какое-нибудь занятие, в Киеве Главнокомандующий разрешил им учредить специальный комитет для увольнения на родину нижних чинов Киевской, Подольской и Волынской губерний, требующих отдыха после лечения в госпиталях. Мера, конечно, хорошая для нижних чинов этих трех губерний, но несколько несправедливая по отношению к нижним чинам других губерний. Комитет этот носил длинейшее название «Комитет под председательством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Николаевны и вице-председательством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Милицы Николаевны для увольнения на родину нижних чинов Киевской, Подольской и Волынской губерний, нуждающихся в дополнительном отдыхе после лечения в госпиталях».

Состав этого комитета был очень большой. Все киевское начальство – военное и гражданское, было приглашено принять участие в его работах. Делопроизводителем был очень милый и энергичный генерал барон Стааль, состоящий при Великом Князе Петре Николаевиче. Он вел дело очень аккуратно и в большом порядке. Комитет просуществовал около года. Когда же Великие Княгини, перед приездом Императрицы Марии Федоровны, покинули Киев, комитет был упразднен, и его права были переданы воинским начальникам и касались уже раненых всех губерний.

Императрица Мария Федоровна приехала в Киев в середине сентября и своим ласковым ко всем отношением очаровала всех и приобрела большую популярность среди всех слоев населения.

Между тем время шло, и дела наши на фронте принимали все более и более скверный оборот, главным образом из-за недостатка в снарядах и патронах. Хотя Главное артиллерийское управление приготовило в мирное время достаточный, как тогда казалось, за-

пас, а именно, втрое больше того, что было израсходовано во все время японской войны; но уже к концу 1914 года оказалось, что, благодаря невероятному развитию огня этот запас был израсходован, и мы оказались без снарядов. К этому времени положение наших противников было не лучше нашего – у них тоже не было снарядов. Но в Германии была могучая промышленность, которую им и удалось быстро приспособить к военным целям. Наша же промышленность была крайне слабая, а наши союзники в то время не могли снабжать нас снарядами, так как у них тоже их не хватало, и они могли работать только для себя. Немцы же уже в середине 1915 года настолько развили производство снарядов, что их батареи покрывали наших ураганным огнем; наши же могли отвечать только пятью выстрелами на орудие в сутки, и нашим, тогда доблестным войскам, приходилось встречать атаки германцев ударом в тыки. Благодаря этому пришлось нам отступить, и мы понемногу не только очистили Галицию и Царство Польское, но пришлось отходить и далее.

Когда германцы стали продвигаться вперед, часть мирного населения Царства Польского, говорят, поощряемая местными властями, стала уходить со своих насиженных мест, и понемногу беженская волна докатилась и до нас.

Мне в то время приходилось часто по служебным делам ездить в автомобиле по Житомирскому шоссе в Киев и обратно. Сперва мне попадались бесконечные ряды австрийских пленных, между которыми можно было изредка видеть одну германскую каску. Но затем явилась и другая картина. По шоссе тянулись длинные обозы крестьянских повозок, нагруженных стариками и малыми детьми, а также тем имуществом, которое успели только захватить. Взрослые мужчины и женщины шли рядом пешком, таща за собой свой скот, коров и лошадей. От времени до времени между крестьянскими подводами попадались нарядные коляски с отличными лошадьми, которых владельцы не захотели оставить германцам. Все они шли измученные, голодные и несчастные. Передо мною проходила картина полного разорения, так как, кроме брошенного ими дома имущества, по дороге падали от бескормицы их коровы и прочий скот. Страшно тяжело было смотреть на них, но помочь было уже невозможно, так как военные власти вовремя ни о чем не позаботились.

В это время я получил телеграмму от члена Государственного Совета князя Урусова, назначенного наконец-то главноуполномо-

ченным по делам беженцев. Он мне предложил быть его помощником по Киевской губернии. Я, конечно, согласился, и через несколько дней получил от него все инструкции и крупный кредит в два миллиона, предоставленный в мое распоряжение.

Согласно инструкциям все губернии делились на губернии для расселения и транзитные. Наша губерния была транзитная, то есть такая, где надо было организовать проход беженцев из Волынской и Подольской губерний в губернии Черниговскую и Полтавскую. Для этого надо было вначале получить указания от уполномоченных Волынской и Подольской губерний, в каких пунктах они будут передавать беженцев нам; от этих пунктов направить соответствующие дороги через нашу губернию и указать уполномоченным Полтавской и Черниговской губерний конечные пункты этих дорог, где бы им передавались беженцы от нас, каждую дорогу надо было сперва подробно обследовать, особенно мосты и балки, и в случае необходимости сделать нужный ремонт; через каждые 20 верст открыть питательные пункты, а также склады фуража для лошадей и коров, и отметить, на каком расстоянии от каждого питательного пункта и где именно можно получить медицинскую помощь.

В мое распоряжение явились 8 уездных начальников, эвакуированных из Царства Польского. Предварительно я с ними наметил по плану три дороги. Самая главная была тогда из Житомира в Киев. Кроме того, мы наметили одну проселочную дорогу севернее того шоссе, выходящую к Черкассе. Для обследования этих дорог я командировал по два уездных начальника на дорогу. Они добросовестно исполнили свою работу и представили все нужные сведения. Мосты оказались в полном порядке на шоссе, а на проселочных дорогах земство быстро сделало все нужные исправления. Помещения для питательных пунктов были подысканы, котлы для варки пищи оказались на месте; всюду можно было достать и продукты, хлеб и фураж. Словом, в недельный срок все питательные пункты могли быть открыты, и все было предусмотрено и готово.

Одного не хватало – самих беженцев! Как я уже говорил, главная волна беженцев уже прошла при очень тяжелых условиях, и когда все было налажено, попадались еще изредка лишь отдельные крестьянские подводы, которые сытые и довольные следовали к новым местам расквартирования. И сколько горя и бедствий можно было бы избежать, если бы своевременно были приняты те меры, которые, к сожалению, были приняты слишком поздно. Но, конечно, князь Урусов совершенно в этом не виноват.

Глава III ПРИЕЗД ГОСУДАРЯ В КИЕВ

В начале 1915 года стало известно, что в одном из своих очередных объездов фронта Государь Император придет в Киев для объезда всех госпиталей и лазаретов. По этому поводу в нашем дворнянском лазарете вышло пререкание с чинами охранного отделения. У нас был молодой врач, грузин Аматауни, очень милый и скромный молодой человек, которого очень одобряли как раненые офицеры, так и медицинский и служебный персонал. Жандармы потребовали, чтобы на время посещения Государя Аматауни был удален из лазарета. Мы, конечно, отказали, так как наносить такое оскорбление самому любимому человеку, по нашему мнению, не было основания. Нам возражали жандармы, что он социал-революционер и, следовательно, рискованно допускать его в госпиталь во время присутствия там Государя. Наши пререкания длились довольно долго; наконец мы одолели, и свыше было решено не удалять Аматауни, коль скоро мы ручаемся за него.

Наконец Государь приехал. На вокзале, конечно, [была] торжественная встреча с речами, хлебом-солью и т. д. Государь сел в автомобиль и поехал в город. Мы же все поспешили в свои лазареты. Когда я выходил, чиновник гофмаршальской части передал мне приглашение к Высочайшему завтраку в вагоне-столовой Государя. В наш лазарет Государь приехал в 10:30 часов утра. Я встретил его у подъезда. На нашей большой лестнице стояли киевские дворяне, а у входа в большой зал лазарета встретили Государя старший врач с рапортом и моя жена, как старшая сестра лазарета. В их сопровождении Государь начал обходить все кровати, подробно расспрашивая каждого офицера, где и при каких обстоятельствах он был ранен, и произвел чарующее впечатление на всех. Видимо, и Государю очень понравилось у нас, так как, несмотря на напоминания свиты, что пора уезжать, иначе он не успеет посетить все лазареты, Государь все продолжал разговаривать с нашими ранеными, с докторами и с сестрами. Все офицеры умоляли Государя сняться с ними в группе, на что Государь охотно согласился.

В числе раненых был очень тяжелораненый, который помещался в особом помещении. На время присутствия Государя его спустили в операционную, и при нем находился врач Аматауни, который всячески успокаивал его, так как он страшно волновался, опасаясь, что Государь к нему не зайдет, и он его не увидит. А военное началь-

ство, боясь, что его вид произведет слишком тяжелое впечатление на Государя, решило его не показывать. Но моя жена доложила Государю, что есть еще у нас один очень тяжелораненый, и что она уверена, что именно такие раненые больше всего интересуют его. «Конечно, – ответил Государь, – ведите меня скорее к нему». Когда Государь вошел, раненый в страшном волнении беспомощно потянулся к нему и что-то бормотал. Разобрать, что он хотел сказать, не было возможности. У Государя были слезы на глазах. Он бедного паралитика обнял, стал ласкать и целовать, и под влиянием царской ласки раненый понемногу успокоился. У Государя были особенные глаза, и их чарующий взгляд производил на всех особенно сильное впечатление. Врач Амагуни, которого жандармы считали опасным революционером, стоял рядом весь бледный, смотрел в упор на Государя и не мог оторваться от него. Ему тоже Государь сказал несколько ласковых слов, и особенно благодарил за его заботу об этом тяжелораненом. Перед уходом Государь еще раз обнял раненого и сказал, чтобы он был спокоен, что он его не оставит и позаботится о нем, и прикажет перевести его в Царское, в лазарет Императрицы, где он наверно поправится. Раненый благодарным взглядом его провожал, и Амагуни дрожащим и взволнованным голосом все повторял, «нет, мы не правы, идти против такого Царя просто грех!», и из революционеров обратился в верноподданного. И такое впечатление производил всегда Государь на тех, которые имели счастье видеть его лично, а не судить о нем по словам других.

Перед отъездом Государя жена просила его передать Императрице икону – благословение киевских дам; Государь ответил, что Ее Величество будет очень сожалеть, что не была в нашем дворянском лазарете, и добавил, что у нас не только лазарет, но прямо чувствуется семья. Когда Государь спускался к выходу, все дети работавших в лазарете дам вместе с нами провожали его и так восторженно кричали «ура», что Государь обратил на них внимание, ласково подал им руку и спросил: «Кто эти дети, которые делают мне такую овацию? Это даже больше овации, это прямо демонстрация». Наконец Государь уехал; но все присутствовавшие навсегда сохранили в сердце чудные воспоминания о нем.

После отъезда Государя я сразу поехал на вокзал, где собирались все приглашенные к Высочайшему завтраку – командующий войсками округа, генерал-адъютант Троцкий, начальник тыла и снабжения фронта, генерал-губернатор, генерал-адъютант Трепов, губернатор, шталмейстер Суковкин, киевский комендант, генерал

Мердер и я. К сожалению, не были приглашены председатель губернской земской управы, камергер Суковкин и городской голова Дьяков. Я считаю, что эта была большая ошибка. К нам подошел дворцовый комендант свиты Его Величества генерал Воейков и пригласил в царский поезд. Это был тот самый Воейков, о котором по всей России распространялись так охотно разные гадкие слухи, ничем не доказанные и, следовательно, являющиеся одной сплошной и мерзкой клеветой. Поэтому я теперь считаю своим долгом опровергнуть эти слухи для того, что, если этим воспоминаниям суждено попасть в печать, чей-нибудь голос прозвучал бы, чтобы восстановить правду и противодействовать клевете.

Появился Государь и ласково поздоровался с каждым из нас. За закусочным столом Государь выпил только одну рюмку водки и во время обеда вина совсем не пил, а исключительно одну минеральную воду. Я позволил себе это подчеркнуть, так как злонамеренные клеветники позволяли себе распространять слухи по России, что Государь злоупотребляет спиртными напитками. Я видел Государя за ужином в полку и категорически утверждаю, что такие рассказы являются гнусной ложью. После обеда мы перешли в салон-вагон, и Государь разговаривал с каждым из нас. Меня он подробно расспрашивал, как идет в настоящее время хозяйство в имении и не отразилась ли война пагубно на нашем хозяйстве. Я доложил Государю, что в первые дни мобилизации пришлось переживать немало затруднений, так как по военно-конской повинности пришлось отдать много хороших рабочих лошадей, но что скоро все опять вошло в норму. Я только приказал фактору-еврею¹⁶ достать мне через три дня 60 новых лошадей. У нас в губернии при каждом помещике состоит фактор, и мой еврей был честный человек, с которым я вел крупные дела по продаже хлеба только на слово, и если цены падали, мой еврей честно исполнял свои обязательства. На этот раз мой фактор Кучер привел мне, правда маленьких, но крепких лошадок, и эти «крысы» отлично справляются с той работой, которую до сих пор исполняли хорошие рабочие лошади, и что потому за будущность нашего хозяйства я не беспокоюсь. Государь улыбнулся и задумчиво сказал: «Да, евреи энергичный и способный народ, и в таких трудных обстоятельствах могут быть полезны».

Вечером Государь покинул Киев, и вокзал не мог вместить всех киевлян, желающих его проводить, и особенно попасть ему на глаза и обратить на себя его внимание. И в этом отношении особенно старались левые элементы общества.

Глава IV ГЕНЕРАЛ В.Н. ВОЕЙКОВ

Возвращаюсь теперь к генералу Воейкову. Люди, не знающие его и совершенно не знакомые с его деятельностью, а с их слов и вся Россия, стали усиленно обвинять его в разных некрасивых деяниях, с которыми в действительности он ничего общего не имел.

Его упрекали в том, что он якобы окружил Государя Китайской стеной и не давал никому, кроме ближайшей свиты, видеть Государя. Но в этом он совершенно не виноват. Напротив, сколько раз мы говорили с Воейковым, что при том обаянии, которое Государь производил на всех видящих его, необходимо по возможности расширить круг этих лиц, для чего следовало бы воспользоваться ежегодными царскими охотами, но только значительно изменив их. Эти охоты производились в небольшом кружке ближайшей свиты и некоторых представителей петербургского света, для чего или в Спале, или в Беловежской пуше¹⁷ полки казаков окружали известное пространство так, что и заяц проскочить не мог, и в этом оцеплении происходили царские охоты. Пользы от таких охот, конечно, не было никакой.

По мнению Воейкова, другие получались бы картины и другие серьезные результаты, если бы эти охоты проводились ежегодно в различных удельных имениях, куда проложили бы ветку от ближайшей железнодорожной станции, на этой ветке останавливался бы царский поезд, окруженный, конечно, соответствующей охраной. Местные губернаторы должны были бы представить списки всех влиятельных в губернии местных людей и указать, кто является особенно влиятельным лицом левого направления. Все эти лица должны были быть приглашены на охоту, завтрак в поле и т. п., и при постоянном общении с Государем также попадали [бы] под его обаяние, как попал в Киевском дворянском лазарете врач Аматыни. К влиятельному лицу левого направления Государь во время охоты случайно зашел бы выпить чаю. Очевидно, после ухода Государя лицо это отправилось бы в свой губернский город и там заказало бы мраморную доску с надписью, что такого-то числа удостоился посещения Государя и т. п. и повесил бы эту доску у входа в свой дом. Хотя бы по простому тщеславию он, наверно, так бы поступил; и на деле это отразилось бы очень благотворно, и уже от левого направления ему пришлось бы отказаться.

Конечно, такого рода действия потребовали много времени и, вероятно, не все губернии удалось бы Государю посетить. Но тут важен почин, чтобы сразу по всей России эта, несомненно, популярная

весть, которая уже сама собою произвела бы на всех должное отличное впечатление, и приблизила обаятельную личность Государя к своему народу. А возможно, кроме того, еще и то, что Государь мог встретить нового, способного человека, которого бы привлек к государственной работе. Ведь на Столыпина тоже совершенно случайно обратил внимание Государь, прочитав его всеподданнейший доклад о состоянии Саратовской губернии, где он был губернатором.

В этом направлении Воейков сделал раз первую попытку, чтобы видеть, какое впечатление она произведет на всех. Он уговорил Государя, будучи в Крыму, проехать в автомобиле осмотреть культурнейшее имение богатого помещика Фальц-Фейна «Аскания Нова». Государь все осмотрел с большим интересом, ночевал у Фальц-Фейнов и на следующий день вернулся в Ливадию. На Воейкова обрушилось негодование министра Двора и ближайшей свиты, указывавшей, что он не имел права так рисковать жизнью Государя. Между тем никакого риска не было, так как никто не знал о предстоящей поездке. На Фальц-Фейнов же посещение Государя произвело большое впечатление и позднее, во время беженства в Берлине, когда я обедал у члена Гос. Думы Фальц-Фейна, он показал мне большую группу, снятую во время пребывания Государя в «Аскания Нова». Много вещей они потеряли во время революции, но эту группу им удалось привезти с собой в Берлин и повесить на самом видном месте. Вот как они ее ценили.

Дальнейшее осуществление своего предположения о расширении круга лиц, допущенных до Государя, Воейкову не удалось исполнить, так как вскоре началась война, и все его благие предположения поневоле пришлось приостановить. Но, тем не менее, из всего сказанного ясно вытекает, что если в Китайской стене вокруг Государя кто-либо и виноват, то, во всяком случае, не Воейков.

Вот еще в чем упрекали Воейкова, в том, что якобы после революции [он] поспешил бросить Государя и скрыться. Ничего подобного не было. Когда Государь вернулся после отречения в Могилев, чтобы проститься с чинами своего штаба, вернулся с ним и Воейков. Но бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант Алексеев призвал его и передал, что его присутствие при Государе раздражает членов Гос. Думы и чудо-дезертиров, и потому он предлагает ему уехать. Государь подтвердил, что генерал Алексеев требует его отъезда, и очень ласково простился с ним. Воейкову ничего не оставалось другого, как уехать. Следовательно, не Воейков бросил Государя, а темные силы отдалили Воейкова от Государя.

Воейков хотел приехать в свое имение, знаменитую «Куваку», о которой было сказано так много вздора, но в Вязьме его арестовали и доставили в Москву. Там на вокзале встретил его Керенский, который, по-видимому, собирался разыграть с ним сцену из «Войны и мира», когда Растопчин вывел к народу невинного Верещагина со словами «вот от кого погибла Москва» и народ его растерзал. Керенский тоже вывел Воейкова из вагона и обратился к собравшемуся на платформе народу со словами: «вот виновник всех бедствий России». К счастью для Воейкова, народ не тронулся с места, и его отправили в Петербург в крепость. Там все арестованные находились под наблюдением особого караула, который прямо зверски обращался с ними. Но у Воейкова была редкая способность – он умел говорить с солдатами и с бедными людьми; и вот эти-то простые люди отнеслись к нему иначе, чем интеллигенция и все его бывшие знакомые. Понемногу отношения с солдатами караула стали налаживаться. Когда же солдаты написали в комитет Л.-гв. Гусарского полка, чтобы узнать, каким командиром был Воейков, и получили ответ, что это был не командир, а родной отец, они решительно стали на его сторону и заявили, что генерала Воейкова они в обиду не дадут. Кончилось тем, что по их настоянию Воейков был освобожден и уехал в Финляндию в имение своей жены.

Кроме того, Воейкова упрекали еще и в том, что он ввел Распутина во дворец и поддерживал его. Это тоже ложь. Какие были у него отношения с Распутиным, я не знаю, но твердо помню, что Распутин представил Императрице Великий Князь Николай Николаевич и Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, которых познакомил с ним очень уважаемый и строгой жизни архиепископ Феофан, который утверждал, что Распутин очень духовный человек, с которым он сам советуется в серьезных духовных вопросах. Это не могло не произвести впечатления на мистически настроенную Императрицу. Распутин был развратный и дрянной человек, но он действительно обладал какой-то непонятной силой. Мне лично говорил лейб-хирург Федоров, что когда наследник ушиб себе раз ногу в Спале¹⁸ и у него открылось сильное кровотечение, Федоров остановить его не мог. Явился Распутин, стал что-то бормотать, и течение крови остановилось. И вот в этом была его главная сила и влияние на Императрицу. Обожая своего сына и все время дрожа за его жизнь, она, естественно, держалась за Распутина, который имел силу, спасающую жизнь наследника.

Вместо того чтобы это понять и поддержать бедную Императрицу, все общество обрушилось на нее с разными грязными сплетнями, затрагивающими даже ее честь как женщины. Это ее, конечно, глубоко оскорбляло; она все более и более удалялась от злобно-го общества и окружила себя небольшой группой друзей, на которых она могла вполне положиться. Таким образом выдвинулась и Вырубова, которую тоже так критиковали. Распутин же совсем не имел того влияния на государственные дела, какое приписывалось ему, как не имел и влияния на назначения разных сановников. А только он действительно писал иногда безграмотные записки разным министрам, прося о разных мелких подачках его приятелям. Перед войной он говорил, что если его убьют, то погибнет вся Россия. Так оно и случилось. Несомненно, этот хитрый крестьянин обладал какой-то внутренней силой, и это была недобрая сила. Но только причем тут Воейков?

Последнее обвинение против Воейкова, которое пришлось слышать, носило даже несколько пошлый и комический характер. Член Гос. Думы Пуришкевич позволил себе с трибуны Гос. Думы обвинить Воейкова в том, что благодаря его влиянию во время войны бросили строить одну стратегическую железную дорогу, так как рельсы и шпалы потребовались для постройки ветки в имение Воейкова, где находился знаменитый источник минеральной воды под названием «Кувака». Впрочем, в защиту Пуришкевича скажу, что не он первый бросил с трибуны Гос. Думы недоказанное обвинение. Этим и до него занимались и другие члены Гос. Думы, обратившие таким образом эту трибуну в рассадник грязи и клеветы. Однако почтенному В.М. Пуришкевичу можно было бы пожелать, прежде чем говорить, ознакомиться более серьезно с данным вопросом. А в таком случае он несомненно узнал бы, что каждый имел право построить за свой счет подъездной путь к своему имению, заводу и т. п., и что в таком случае Министерство путей сообщения представляло безвозмездно нужное количество бракованных рельс и шпал. Для подъездной же ветки в имение Воейкова не было даже необходимости останавливать постройку стратегической дороги хотя бы уже потому, что никакой подобной ветки построено не было и, следовательно, вся речь Пуришкевича явилась одной грязной клеветой. Название же «генерала-от-кувакерии», как он в своей речи назвал Воейкова¹⁹, быть может, и остроумно в частном разговоре, но недостойно трибуны Гос. Думы, если вообще относиться серьезно ко всему этому учреждению.

Быть может, некоторым может показаться, что я защищаю Воейкова как своего старого товарища по полку, с которым [у меня] были всегда хорошие отношения. Ничего подобного. Меня просто возмущает та ложь и клевета, которую совершенно безнаказанно позволяли себе распространять во время революции представители нашей передовой интеллигенции, и против этого я протестую всей душой.

Глава V ПРИНЦ А.П. ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ

В 1915 году был назначен главным санитарным инспектором на всех фронтах наших армий принц Александр Петрович Ольденбургский, или, как он приказал себя называть в переписке и телеграммах, просто Ольден. Он хотя и постарел, но мало изменился с тех пор – та же энергия, редкая добросовестность, кипучая деятельность, то же стремление неожиданно налетать на подведомственные ему учреждения с целью обнаружить беспорядки и злоупотребления. Он был в высшей степени порядочный и полезный человек, очень подтянувший санитарную часть в Армии и в России. Но в своих стремлениях внезапными налетами обнаружить непорядки он упустил из вида, что существуют телеграфы, по которым немедленно после его отъезда пускается ему вслед телеграмма: «едет Ольден, песок у воды или дезинфекционная камера». Таким образом, по всей линии становилось известным, что ожидается налет принца и каковы его требования на этот раз, и все спешили посыпать песок у навесов с питьевой водой или привести в должный порядок дезинфекционные камеры. Приезжает Ольден, а все уже устроено согласно его требованиям, и остается только благодарить.

В Киев он приехал рано утром, и мы все, начальствующие лица, получили приглашение в его вагон. Он нервными шагами ходил взад и вперед, поздоровался с нами и стал говорить отрывистыми фразами: «Очень опасно, удушливые газы, можно проиграть войну, нужны немедленно решительные меры, я уже приказал купить все г...ы!» Тут некоторые из нас фыркнули. Ольден сказал: «Не смейтесь, [это] очень серьезно», и стал показывать нам, как поместить противогазы в приобретенные им аппараты. «Ожидаю вашу энергичную работу для изготовления таких противогазов». Мы ему, конечно, обещали сделать все, что только можем.

Он сел в автомобиль и в сопровождении целого длинного ряда наших автомобилей поехал в город. Никто не знал, куда он направляется, но вскоре выяснилось, что едет он на Печерск, и следовательно, в военный госпиталь. Там встретил его с рапортом начальник госпиталя. Этот лазарет, развернутый на время войны до 6000 кроватей, вмещал себя в этот день около 20 000 раненых, так как это был единственный госпиталь, не имеющий права отказывать эвакуационной комиссии в приеме раненых за неимением свободных кроватей и обязанный принимать всех, кого ему присылают. Благодаря этому там царил хаос, раненые валялись на полу друг на друге, не хватало [ни] врачей, ни санитаров, ни сестер милосердия. Этот хаос, конечно, бросился в глаза Ольдену; но он только фыркал, однако ничего не сказал начальнику госпиталя, зная, что в этом беспорядке он совершенно не повинен. Он даже любезно простился с ним. Однако, выходя из барака, он заметил, что бочка, которая должна стоять под водосточной трубой, стояла несколько в стороне от нее, и вся вода с крыши во время дождя лилась прямо на землю. Он остановился, долго объяснял как это вредно в санитарном отношении и, приказав поставить бочку на место, уехал. Наш длинный поезд автомобилей последовал за ним. У самой станции железной дороги мы вдруг увидели, что головной автомобиль Ольдена поворачивает обратно; за ним повернули и наши автомобили. Куда его опять несет? – думал каждый из нас. Оказалось, что мы опять несемся в военный госпиталь. Там Ольден сразу направился к злополучной бочке, которая продолжала стоять на прежнем месте, и никто ее не переставил. Что тут было! Ольден пришел в полную ярость, размахивал палкой перед несчастным начальником госпиталя, раздавались крики «под суд, неисполнение приказа!» и я видел минуту, когда палка Ольдена нанесет удары начальнику госпиталя, но тот оказался очень сноровистым, молчал и ничего не возражал на крики Ольдена. Накричавшись вдоволь, тот, наконец, несколько успокоился, сел в автомобиль и на этот раз действительно вернулся на вокзал.

Там мы с удивлением увидели, что вагон нашего генерал-губернатора пристегнут к вагону принца, и что тот пригласил его помощником к себе. Этим воспользовался министр внутренних дел, считавший генерал-губернатора совершенно излишним в Киеве, и доложил Государю, что, видимо, таково и мнение самого генерал-губернатора, который сам себя упразднил, покинув свой пост в серьезное военное время. И киевское генерал-губернаторство было упразднено.

Глава VI

ЗАВОДСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

В 1915 году я получил предложение от военного министра²⁰ быть его представителем и председательствовать в Заводском совещании юга России. Цель этих совещаний была наблюдать за работами частных заводов и следить, чтобы [их хозяева] приспособили свои заводы к требованиям военного ведомства, и, по возможности, все время расширяли у себя производство снарядов. В состав моего совещания входили представители военного ведомства, артиллерийский офицер, а также представители крупной промышленности. К сожалению, в нашем районе мало что можно было сделать, так как, кроме крупных казенных заводов, изготавливающих снаряды, остальные являлись свеклосахарными, мельницами, суконными фабриками, словом, такими, каких нельзя было приспособить под выработку снарядов; металлургических же заводов [было] очень немного, поэтому наше заводское совещание существенной пользы не принесло.

В ноябре я поехал в Петербург по вопросам этого совещания и был там приглашен на заседание комитета по обороне, в котором была главным образом сосредоточена вся работа нашей общественности. Такое случайное заседание, когда я не был знаком с предшествующей деятельностью комитета, ни с общим планом ее, не могло представлять какой-нибудь интерес и сильно напомнило мне Гос. Думу – те же лица, те же разговоры, то же направление. Но вдруг заседание это стало очень интересно для меня, когда военный министр, бывший главный интендант генерал Шуваев отвел меня в сторону и показал какой-то круг, разделенный на сектора разной величины и окрашенные [в разные] цвета. На мой вопрос, что это такое, он мне пояснил, что это графическое изображение успеха снабжения Армии снарядами различными учреждениями. Были видны два крупных сектора, красный и синий, изображающие работу казенных заводов и заказы военного ведомства за границей; между прочим, был и один узенький желтый сектор, изображающий работу всех общественных учреждений и организаций. Было вполне ясно, что поступление снарядов в Армию начало развиваться благодаря деятельности Артиллерийского управления и его заказам за границей, а не благодаря работе общественных деятелей. Между тем газеты всех направлений распространяли всюду вести о том, что когда военное ведомство занималось изготовлением сна-

рядов, наша артиллерия их не имела, и не могла поэтому бороться с германской; но когда эту работу взяла на себя общественность, Армия была завалена снарядами. Это, конечно, была ложь и только революционный прием²¹, чтобы дискредитировать в глазах населения правительство, а косвенно и Государя. Когда же я спросил у военного министра, почему, имея в руках такой документ, он до сих пор широко не распространил его, чтобы население, наконец, узнало правду, он мне ответил с некоторой тревогой: «Что Вы говорите, нельзя идти против общественных деятелей!» Таким образом, само правительство сознательно не решалось бороться против зловредной пропаганды, имея, однако, полную к тому возможность. Это, конечно, [было] преступление с его стороны.

В это время дела наши на фронте шли плохо, и мы продолжали отступать. Убедясь в бездарности Верховного главнокомандующего²², Государь отправил его на Кавказ и решил сам встать во главе своих армий. Это было правильное, но очень ответственное решение, встреченное, конечно, крайне отрицательно всей общественностью. Конечно, блестящих побед это решение сразу дать не могло; однако, когда Государь принял Верховное командование, германское наступление остановилось, и война приняла позиционный характер. Быть может, это случайно, однако это факт.

Вообще в этот приезд Петербург произвел на меня удручающее впечатление. Всюду только критика и неправда! Нас уже не удивляло, когда этим занимались даже видные члены Гос. Думы, к этому мы привыкли, тем более, что между ними были и такие, которые во время японской войны находили, что чем хуже наши дела, тем лучше, а потом ездили даже в Париж и Америку, чтобы стараться вредить нашему государственному кредиту. От таких ничего другого ожидать было невозможно. Но когда люди, обласканные Государем и Императрицей, тоже позволяли себе их злобно критиковать и распространять разные лживые слухи, тогда являлся горький осадок на душе и невольно возникал вопрос, что это — глупость или подлость?²³

Все эти разговоры в светских гостиных слышала прислуга, которая распространяла их дальше, и они, таким образом, попадали в народ и в Армию, и конечно, способствовали общему разложению.

Виновники же этих разговоров тогда не понимали, что все их благополучие держится исключительно именем Государя, и что, рубя тот сук, на котором они держались, они когда-нибудь упадут и больно расшибутся. Полагаю, что теперь они это горьким опытом

поняли. В Петербурге все мне было так противно, что я поспешил вернуться в Киев, где ничего подобного не происходило, и все русские люди еще ничего не критиковали, а продолжали оставаться верноподданными своего Государя.

В это время на улицах Киева можно было встретить большое количество смуглых людей в чалмах и бухарских халатах. Это были бухарцы и текинцы, которых не имели права мобилизовать в войска, но которых могли привлечь на работы для нужд военного времени. Они уже некоторое время были в Киеве, но никак не могли добиться [решения], куда и на какие работы их отправлять. Видимо, никто ими не интересовался. Командующий войсками округа мне написал, не соглашусь ли я взять на себя заботу об этих людях? Я, конечно, согласился, и на следующее утро ко мне явился начальник этих эшелонов поручик Худияр-хан, очень влиятельный между ними человек, как прямой потомок их бывших владетельных ханов.

Это был молодой поручик Туркестанской артиллерийской бригады, очень воспитанный и милый человек. От него я узнал, что они уже около двух недель как в Киеве, живут в поездах и на запасных путях, и бедствуют главным образом потому, что военные власти не сдержали данного им перед отъездом обещания кормить их бараниной и рисом, составляющими их главное пропитание на родине, а стали давать им обыкновенный солдатский паек, который они не едят, а потому хронически голодают.

Мы с Худияром отправились на станцию, где на запасных путях стояли рядом два длинных поезда, полные этими бухарцами. Все они высыпали из вагонов нам навстречу. Ни озлобления, ни вражды я не видел; напротив, ласковые и добродушные лица, приветствующие меня своими «селямами»²⁴. Я при них дал деньги Худияр-хану, прося его немедленно позаботиться, чтобы к ужину была уже баранина и рис. Худияр перевел им мои слова; они пришли в полный восторг и всячески выражали мне свою благодарность. Худияр-хана я пригласил к ужину и вообще просил его посещать меня как можно чаще. Через неделю удалось добиться, куда их направляют, и наладить их дальнейший путь. Но тут меня поразило, что этих людей, привыкших к степям и теплomu сухому климату, отправляют поздней осенью на лесные заготовки в Полесские болота на сырость и слякоть, которых они выдержать не могли, болели и многие умирали. В конце концов, видя, что от их работы толка мало, пришлось отправить их обратно в Туркестан. А между тем, сколько их погибло без всякой пользы для дела!

Глава VII

ВТОРОЙ ПРИЕЗД ГОСУДАРЯ В КИЕВ

В первых числах декабря стало известно, что 6 декабря, в день своего тезоименитства, Государь приедет в Киев, чтобы провести этот день со своею матерью, Императрицей Марией Федоровной. Никаких подробностей никто не знал. Меня тогда посетил один очень всеми уважаемый умный и порядочный человек, Андрей Владимирович Стороженко, помещик Полтавской губернии. Он явился хлопотать за своего сына. Этот молодой человек был призван по мобилизации и кончал сокращенный офицерский курс в Киевском военном училище. На днях ожидалось его производство в прапорщики и отправление в Армию на войну. Он был влюблен с давних пор в одну очень хорошенькую девушку, хотел жениться на ней, и родители благосклонно относились к его намерению. Но когда он подал об этом рапорт своему начальству, последовал отказ на том основании, что по закону в военное время браки между офицерами запрещены. Надо было подать прошение об этом на Высочайшее Имя, на что потребовалось бы много времени, а между тем со дня на день ожидалось отправление молодого человека в полк. Он был в отчаянии, и все повторял: «как я пойду на войну, когда в мое отсутствие кто-нибудь другой женится на ней»; [а] ухаживало за ней очень много молодежи.

Вот его отец и бросился ко мне с просьбой, не могу ли я воспользоваться приездом Государя в Киев, доложить ему все подробности и исходатайствовать Высочайшее разрешение на этот брак. Я ему обещал, если только увижу Государя, и если представится возможность, доложить о его прошении, каковое я принял от него.

К сожалению, скоро стало известно, что Государь приезжает только на несколько часов для свидания с Императрицей, и что никаких встреч и приемов не будет. Я телеграфировал А.В. Стороженко это грустное для них [с сыном] известие, но прошение все же оставил у себя на всякий случай.

[Тем временем] пришел ко мне Худияр-хан, которому страшно хотелось видеть Государя, которого он ни разу не видел. Мы с ним смотрели из окна моего кабинета на Крещатик и отлично видели, как Государь в автомобиле медленно проехал мимо нас, окруженный огромной толпой народа, которая бежала за ним и громкими криками «ура!» выражала свой восторг. Это было 6 декабря 1916 года, а через три месяца, в начале марта 1917 года, та же толпа

неистовала и кричала «Смерть Николаю кровавому!» Во все времена и везде толпа остается всегда бессмысленным зверем, способным как на подвиг, так и на величайшую подлость и бессмысленную жестокость!

Дежурный флигель-адъютант, командир конвоя Его Величества и другие заехали ко мне, и я им, конечно, рассказал о прошении А.В. Стороженко. Они отнеслись к его делу совершенно безучастно, а один из них стал подробно объяснять мне, как надлежит направить это дело в комиссию прошений. Я его перебил, сказав, что мне не хуже его известно о существовании комиссии прошений, но что в данном случае она неприменима, так как решения там нельзя ожидать раньше нескольких месяцев, я тут вопрос идет о нескольких днях. Тогда они сказали, что ничем тут помочь не могут.

К счастью, заехал ко мне и дворцовый комендант генерал Воейков, который иначе отнесся к этому вопросу. Он только спросил у меня, могу ли я поручиться, что с этим прошением не связано ничего противозаконного, и не подведем ли мы при этом Государя? Я ему поручился, так как знал, что А.В. Стороженко глубоко порядочный человек, неспособный ни на какое темное дело, и что в этом прошении не кроется ничего другого, кроме обращения к милосердию Государя для содействия счастью его сына, брак которого в военное время по закону не разрешен. От меня Воейков поехал прямо во дворец обедать с Государем и Императрицей.

Пока мы сидели за обедом, мне доложили о приезде обер-полицмейстера, который привез мне большой конверт от дворцового коменданта. Вскрыв этот конверт, я нашел прошение А.В. Стороженко, на котором рукою Государя было написано: «Разрешаю и благословляю. Николай». Таким образом, несмотря на свои сложные царственные заботы, несмотря на постоянные мысли о войне, Государь все же всегда находил время и желание прийти на помощь любому своему подданному, коль скоро узнавал о его нужде.

Я, конечно, вызвал по телефону А.В. Стороженко, которому передал обратно его прошение, и этот документ, который он со страшным волнением принял от меня, должен был служить лучшим украшением их семейного архива. К сожалению, во время революции сознательный пролетариат, по всей вероятности, уничтожил его, как уничтожил многое ценное и дорогое в России.

Свадьба состоялась, и много трогательной и глубокой благодарности высказывалось Государю, особенно подчеркивалась его доброта и столь сердечное отношение к нуждам маленьких людей.

А между тем общественность все более и более клеветала на доброго Государя и продолжала свою подлую, разрушительную работу.

В первых числах декабря 1916 года я получил письмо от министра земледелия А.А. Риттиха с просьбой устроить для него зал для совещания, на которое он хотел собрать как можно больше сахарозаводчиков и плантаторов свеклы, как крупных, так и мелких, и с ними обсудить, какие меры надлежит принять, чтобы на следующий год производство сахара не уменьшилось, а напротив, увеличилось. Подобные же совещания, только по хлебному вопросу, А.А. Риттих предполагал собрать в Харькове, по Волге в Самаре и Рыбинске, а также в Оренбурге. Я послал всем сахарозаводчикам, а также крупным помещикам именные приглашения, а для большего распространения известия о предполагаемом совещании я напечатал об этом объявление в местных газетах.

В назначенный день приехал А.А. Риттих. Зал в Дворянском доме был уже полон заинтересованными лицами. Риттих обратился к ним с речью, изложил им подробно цель съезда и просил каждого имеющего что-нибудь высказать по этому поводу, не стесняясь временем, сообщить все свои мысли по этому важному вопросу, и что он, Риттих, останется в Киеве столько дней, сколько потребуется, чтобы выслушать всех, и в журнале заседания записать все полученные данные. Присутствующие разбились по группам, и в каждой группе сперва подробно обсуждались все расходы по посеву, обработке, копке и доставке свеклы на заводы в связи с дороговизной военного времени; а в группах сахарозаводчиков – во что обойдется себестоимость пуда сахара. Эти расчеты длились долго, и все более или менее сходились на этих цифрах. Но тут поднялся крупнейший сахарозаводчик края Лев Израилевич Бродский и, обращаясь к Риттиху, сказал: «Ваше Превосходительство, всего предвидеть невозможно, поэтому бросим все эти расчеты; а я вот что Вам скажу: назначьте предельную цену одного пуда сахара, включая акциз в 6 рублей, и мы всю Россию завалим сахаром!» С этим мнением согласилось все совещание.

Риттих обещал внести соответствующее законодательное предположение в Гос. Думу и благодарил всех присутствовавших за проявленный ими интерес и серьезное отношение к делу. Они же благодарили его за то, что он внимательно выслушал их и разошлись со словами: «вот это настоящий министр, побольше бы таких, тогда и в России все было бы в порядке!» Риттих же на следующий день покинул Киев, чтобы продолжать и в других городах свою полезную работу.

Приблизительно в это же время начальник Юго-Западных железных дорог инженер Шмит просил Императрицу поехать на открытие нового железнодорожного моста через Днепр у Киева. Императрица пригласила некоторых киевлян сопровождать ее, и мы все отправились в экстренном поезде. Было около 15° мороза при сильном ветре. Тем не менее, мы все вышли из вагонов на улицу. Ее Величество перерезала ленту, и мост был открыт. На обратном пути я зашел в купе, где сидели несколько дам киевского общества, и одна из них мне наивно рассказала, какие интересные сведения привез из Петербурга член Гос. Думы Демченко о готовящемся там дворцовом перевороте: предполагалось принудить Государя отречься от престола в пользу наследника, при регентстве Великого Князя Михаила Александровича, а Императрицу заточить в монастырь. По-видимому, присутствующие киевляне сочувствовали этим предположениям.

Меня же это все глубоко возмутило, и, вернувшись в Киев, я сразу написал в Могилев, прося аудиенции у Государя, на что я, как губернский предводитель, имел по закону право. Я собирался доложить Государю о предполагаемом преступлении и исполнить мой долг, т. е. с полной искренностью доложить, что полумеры уже не годятся, а надо принять одно из двух решений – или согласиться на все домогательства общества и даровать конституцию с ответственным перед Думой правительством, или решительными мерами подавить все это движение. Мое мнение – решительные меры, так как ответственное министерство начало бы с разных широких амнистий и не справилось бы с положением, как не справилось впоследствии Временное правительство, а потому только ускорило бы торжество темных сил.

К сожалению, меня к Государю на допустили, и я получил ответ, что Государь уезжает на Рождественские праздники в Царское, и потому принять меня не может. Меня это, конечно, не удовлетворило, и я решил ехать без приглашения в Могилев и там все-таки добиться свидания с Государем. Но только мне тогда сообщили из очень серьезного источника, что все то, что я собирался доложить Государю, прекрасно ему известно, как известно и министру внутренних дел, которым уже приняты все необходимые решительные меры. Таким образом, моя поездка являлась уже лишней, и я остался в Киеве. Однако те сведения, которые я получил во время поездки для открытия моста, я считал первой серьезной революционной весточкой, и стал внимательно следить за настроением общества

в Киеве. Наружно все продолжало быть в полном порядке; но уже тогда бросалось в глаза, что настроение в Киеве далеко уже не то, какое было прежде, и что часть общества уже заражена революционными идеями.

Глава VIII

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И КИЕВЕ

В конце декабря должно было состояться экстренное губернское земское собрание, и я случайно узнал, что на этом собрании некоторые гласные собираются возбуждать вопросы, не относящиеся до земских собраний, а по примеру других земств обратиться к Государю со своими советами по политическим вопросам. Я просил довести до их сведения, чтобы они этого не делали, так как по таким вопросам я слова никому не дам.

Земское собрание открылось при нормальных условиях и протекало, как всегда, спокойно и деловито, только я сразу заметил, что некоторые гласные перешептываются между собой. К концу заседания один из них мне заявил, что хочет сделать внеочередное заявление. Я спросил его, о чем он хочет говорить. Тогда он громким голосом, как бы отвечая на мой вопрос, стал произносить заранее приготовленную речь [о том], что он не может молчать, когда вся Россия... но больше ему сказать ничего не удалось, так как я его сразу остановил, прося оставить Россию в покое и говорить исключительно о вопросах, предоставленных по закону земским собраниям. Его поддержали некоторые гласные, но далеко не все. Они старались мне доказать, что обязаны даже Государю высказать свои взгляды, когда все земские собрания это уже сделали. Я сперва спокойно отвечал каждому из них, что другие нам не указ, и что мой долг заставить уважать закон, и что пока он не отменен, я могу допустить только обсуждение вопросов, подлежащих ведению земских собраний. Однако мои разъяснения удовлетворить их не могли. Каждый старался высказать что-нибудь. Тогда я встал, взял в руку звонок, и по залу стали раздаваться мои звонки и громкие призывы к порядку, лишению слова и т. п. Однако, видя, что порядок в собрании не восстанавливается, я объявил перерыв на полчаса и сошел со своего места. Шум понемногу утих, и тогда многие подходили ко мне, стараясь убедить разрешить им говорить все, что им хотелось. Но я был тверд и всем подтвердил только, что ничего незаконного в Киевском губернском

земском собрании допущено мною не будет. Тогда они стали мне говорить, что, раз я им не дал говорить, они пошлют телеграмму Государю. Я им ответил, что мне дела нет до их частных телеграмм, но что телеграмма от имени губернского земского собрания может быть принята на телеграфе только за моей подписью, и что я не всякую телеграмму подпишу. Это их, конечно, очень извело, и они еще некоторое время пошумели, но вмешались благоразумные гласные, которым, вероятно, все это уже надоело, и тогда меня спросили, разрешу ли я послать приветственную телеграмму, на что я ответил: «смотря какую». Тогда они составили очень патриотическую, но вполне верноподданную и приемлемую телеграмму, которую я подписал и отправил. Этим кончилась первая попытка внести смуту в наше земское собрание, и в этой попытке, к их стыду, приняли участие и некоторые придворные чины.

После этого собрания все успокоилось, и жизнь вошла в свою колею. Но все-таки стало заметно, что общее настроение уже не то, каким оно было прежде, и что революционная пропаганда отразилась и на киевлянах.

В конце февраля 1917 года я поехал по своим делам в Петербург и Москву. Петербург произвел на меня мрачное впечатление. Был порядочный мороз, улицы плохо освещались, и всюду виднелись длинные хвосты публики у магазинов и лавок со съестными припасами. Говорили, что поезда с мукой, картофелем и т. д. умышленно задерживают в пути, чтобы создать неудовольствие в городах. А дельный и серьезный доклад министра земледелия Риттиха, представленный им в Государственную Думу и выяснивший, что ни о каком голоде в России не может быть и речи, был, как говорили, Гос. Думой отклонен, причем некоторые члены Думы говорили А.А. Риттиху: «Мы Вас очень уважаем, вполне сочувствуем Вашей работе, но поддержать Вас не можем, так как Вы входите в состав правительства, с которым мы ведем борьбу». Так или иначе, но факт в том, что столь нужная для России работа Риттиха осталась лишь предположением, но осуществлена не была.

26 февраля вечером я покинул Петербург, остановился в Москве на два дня и 28 февраля встретил одного знакомого, от которого узнал, что накануне в Петербурге были беспорядки, но что были вызваны войска, которые стреляли, и что, вероятно, в настоящее время там уже полный порядок. Это было на самом деле начало «великой бескровной» революции, залившей всю Россию морем крови. Останавливаться на петербургских событиях, а также на

прискорбных последствиях я не буду, т. к. все это слишком хорошо известно каждому из нас.

Буду только говорить о событиях в Киеве, куда я поспешил вернуться. На следующий день после моего возвращения я был вызван командующим войсками округа²⁵, у которого застал все киевское начальство, как военное, так и городское. Новый начальник Юго-западных железных дорог, инженер Шуберский, назначенный на смену нашему всеми уважаемому и любимому Шмиту, несомненно преданному Государю и своему долгу, огласил нам полученную телеграмму от члена Гос. Думы инженера Бубликова, в которой сообщалось «всем, всем, всем» о торжестве революции в России, о падении старого правительства и об образовании нового временного правительства из членов Гос. Думы. В этой телеграмме было обращение ко всем служащим на железных дорогах продолжать энергично работать и тем помочь временному правительству удачно довести войну до победного конца. После прочтения этой телеграммы командующий войсками обратился к нам с вопросом, что нам делать? Так как все молчали, я встал и заявил, что теперь настало время вспомнить нашу присягу. Поддержал меня только один жандармский полковник; все остальные мрачно смотрели на меня, а командующий войсками спросил: «Что Вы хотите этим сказать?» Я отвечал, что надлежит немедленно телеграфировать главнокомандующему фронтом в Бердичев, прося его прислать в Киев Уральскую или Оренбургскую казачью дивизию, с которой прекратить уже в самом начале всякие революционные попытки. Мне ответили, что нельзя идти против народа. Я возразил, что тут никакого народа нет, а [есть] лишь юные студенты и гимназисты, которые с самого утра влетают в городскую думу, а оттуда все время выбегают, разнося по городу вести о петербургских событиях. Мне из окна Дворянского дома отлично видно, что там происходит, и что все это будет сразу прекращено, если принять энергичные меры. Даже стрелять не придется, достаточно появления казаков с нагайками, чтобы все разбежались. Мне возразили, что у нас нет надежных войск, на что я заметил, что накануне пять командиров кавалерийских полков обедали у меня и ручались за верность своих частей.

К сожалению, мои слова не подействовали, на энергичные меры совещание не согласилось и предпочло им трусливое бездействие. И вот эту-то минуту я считаю началом революции в Киеве, которая все же проходила у нас не так, как в других местах – никаких убийств, ни погромов не было.

На следующий день все улицы Киева покрылись красными флагами, и чтобы отпраздновать столь радостное, по легкомысленному мнению многих, событие, был назначен парад войскам. Из моего окна я видел, как перед фронтом войск пронесся автомобиль, в котором начальник Штаба округа, держась за красный флаг и размахивая руками, что-то говорил солдатам. Командующий войсками округа стоял на балконе городской думы, окруженный типичными личностями с носами крючком. К сожалению, я там же заметил несколько придворных кавалеров, которые поспешили скинуть свои мундиры и перекрасились в революционные цвета. И вот перед этой компанией проходили наши войска, две дружины госуд[арственного] ополчения Пермской и Вятской губерний, кадеты Киевского корпуса и какие-то наскоро сформированные польские части. Солдаты шли с мрачными лицами, и было сразу видно, что в случае энергичного противодействия они всецело поддержали бы казаков. Офицеры, к сожалению, вели себя иначе, и я сам видел, как некоторые из них подпрыгивали от восторга, размахивая красными платками. Так же вел себя один престарелый генерал, которого я не назову, чтобы не срамить его. Вот кадеты Киевского корпуса вели себя молодцами. Они сперва отказались идти на этот парад; когда же им пригрозили, что будут в них стрелять, все они собрались в актовом зале перед портретом Государя, взяли винтовки на караул, и их громкое «ура» раздалось в честь бывшего Царя, и только после этого, подчеркнув свои верноподданнические чувства, они с мрачными лицами исполнили приказание.

Глава IX ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В это время мой сын был опасно болен дифтеритом; один из членов Гос. Думы Чихачев привел рабочих в наш дом, говоря, что он займет его для Совета рабочих депутатов, и только один из рабочих спросил: «Куда же вы денетесь с больным ребенком?» и предложил не переезжать. Вот разница отношений простого человека и бывшего вице-губернатора, которого я же провел в члены Гос. Думы, но который более чем быстро перекрасился в революционера! Глядя на него, я думал: «Ну какой же ты подлец»²⁶.

Государыня Императрица²⁷ пережила начало революции в Киеве. После возвращения Государя в Могилев из Пскова Императри-

ца поехала туда для свидания с ним. Такое естественное желание со стороны матери! Отъезд был очень печальный. Государыня держала себя, как всегда, спокойно и с большой выдержкой. К сожалению, на этот раз киевляне не держали себя, как всегда. Провожать Императрицу съехались на вокзал очень немногие, и те, которые в былое время не пропускали случая расшаркиваться перед Ее Величеством, на этот раз почему-то вовремя не узнали о ее отъезде и почему-то не могли прибыть на вокзал. Странная случайность!

После возвращения из Могилева Государыня не пожелала оставаться в Киеве и решила переехать в Крым. Было решено Государыне не уезжать с Киевского вокзала [не] из опасения каких-либо враждебных демонстраций, которых, конечно, никто себе не позволил бы, а для того, чтобы сесть в экстренный поезд, [для чего] сперва [надо было] проехать в автомобиле за город до станции «Святошин», откуда отправиться в путь.

В день отъезда мы с женой пошли прощаться с Ее Величеством, опустились перед нею на колени и горячо целовали ее руки. У нас были слезы на глазах. Государыня тоже была взволнована, т. к. в нашей преданности сомнений у нее не было.

Мы ее предупредили, что выйдем на улицу, чтобы ее проводить и станем под фонарем на Александровской [улице], чтобы последний раз иметь счастье видеть ее. Так и сделали. Вечером вышли на Александровскую. Появился царский автомобиль. Было совершенно темно, но под фонарем Императрица заметила нас, обернулась и ласково кивнула головой.

Первые шаги Временного правительства были более чем неудачные. Вместо того, чтобы стараться как можно более укрепить свою власть, оно сделало все, чтобы расшатать ее. Старые и опытные губернаторы и чины полиции были уволены и на их место назначены комиссары, в губерниях из председателей губернских земских управ, а в уездах из председателей таких же уездных управ, прежняя деятельность коих ничего не имела общего с деятельностью администрации и полиции, и которые поэтому в этом отношении оказались совершенно не подходящими. Эта мера не могла не отразиться на порядке на местах, и по всей России начались погромы, поджоги и грабежи. У нас же везде все продолжало быть тихо и мирно.

В одно прекрасное утро мы все с удивлением узнали, что в Киеве заседает Центральная Украинская Рада²⁸, избранная «всеми населением Украины». Между тем никаких выборов в крае не было; мы бы не могли не знать, если бы такие выборы действительно проис-

ходили. В данном же случае вернее, что г-н Грушевский, австриец²⁹ и профессор Львовского университета, со своей компанией избрали сами себя членами Рады и самочинно явились в Киев. Вместо того, чтобы предложить им всем немедленно убраться туда, откуда они пришли, а при неисполнении задержать и выслать их принудительным порядком, Киевский губернский комиссар³⁰ донес только об этом Временному правительству, прося указания, как надлежит ему поступить. Получился ответ: «Приветствуйте от имени Временного правительства Центральную Украинскую Раду». Тогда губернский комиссар отправился к ним, был принят очень любезно и передал приветствие Временного правительства, добавив от себя, что он только сожалеет о том, что не может им передать это приветствие на их поэтическом языке, так как совершенно его не знает. Таким образом, никем не выбранная Украинская Рада была узаконена Временным правительством.

Рада эта в начале действовала очень осторожно и скромно, всецело подчинялась Временному правительству; но только постоянно возбуждая перед ним все новые вопросы, необходимые якобы для благоденствия Украины. Временное правительство совершенно не разбиралось в этих вопросах, и для того, чтобы на месте все обсудить, командировало в Киев трех специалистов. Один из них, хотя и носил украинскую фамилию Терещенко, но весь служебный стаж его состоял из должности чиновника особых поручений при директоре Императорских театров, должность едва ли представляющая достаточную подготовку для решения государственных вопросов. Другой был инженер из Сибири³¹, совершенно не знакомый с положением дел на Украине. Наконец, третий был кумиром тогдашнего русского общества, но пустой болтун, адвокат Керенский, не имеющий никакого понятия об Украине.

Встреченные очень любезно Украинской Радой, они ничего возражать ей не могли, совершенно ничего не зная в вопросе, между тем как Рада твердо знала, чего она добивается. Поэтому Временное правительство согласилось со всеми предположениями, особенно о разделении функций управления Украины между представителями Временного правительства и Украинской Радой³². Ничего более глупого придумать было невозможно. При этом разделе Рада продолжала быть очень скромной и согласилась принять на свою долю лишь самые второстепенные функции, почту, телеграф, государственное имущество и т.д., но только упорно настаивала на том, чтобы народное образование было передано ей. Представители Временно-

го правительства вполне дружелюбно расстались с ними [членами Рады] и уехали в Петербург. После их отъезда Рада энергично принялась за свою работу, которая касалась главным образом народного образования, где она стала вести энергично и систематически украинизацию, и где все русские учителя изгонялись из школ и заменялись учителями из Галиции³³, [которые были] крайне украинофильского направления. Были оставлены только те русские, которые сами пожелали украинизироваться. Такая энергичная работа, быть может, вначале не встретившая даже сочувствия населения, в конце концов не могла не достигнуть своей цели.

Во всем остальном Украинская Рада оставалась вполне лояльной Временному правительству, но только до поры до времени. [Затем] ничего не понимающий в военных вопросах военный министр Временного правительства А.И. Гучков согласился с прошением некоторых офицеров Русской Армии украинского происхождения и разрешил формирование двух украинских полков имени Богдана Хмельницкого³⁴ и полуботковцев³⁵, которые, по словам просителей, одушевленные национальными чувствами, ринутся в бой с общим врагом и будут способствовать полной победе. Эти полки были очень большого состава, так как все еще думающие, что война может продолжаться, но не желающие рисковать своей жизнью, спешили в них записаться, вполне уверенные, что на войну они не попадут. Так оно и случилось – о военных подвигах этих двух полков никто не слышал, но все знали, что в самом Киеве они вступили в перестрелку с Лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком, поставленным в Киеве для укрощения «чудо-дезертиров»³⁶.

Вот тут-то Украинская Рада, почувствовав за собой реальную силу, переменяла свое отношение к Временному правительству и откровенно пошла против него. Я как-то поздно вечером возвращался домой и на Лютеранской [улице] видел многочисленных всадников на соловых³⁷ лошадях. То были маршевые эскадроны 12-го Ахтырского гусарского полка. На мой вопрос, куда они строятся, я получил ответ, что они идут в бой. И действительно, на следующее утро Киев проснулся под ружейные и орудийные выстрелы. Оказалось, что два украинских пехотных полка соединились с киевскими большевиками и открыто выступили против Временного правительства, заняв арсенал на Печерске³⁸. Войска Временного правительства расположились на другой стороне оврага, и началась перестрелка. Под прикрытием стен арсенала украинцы были

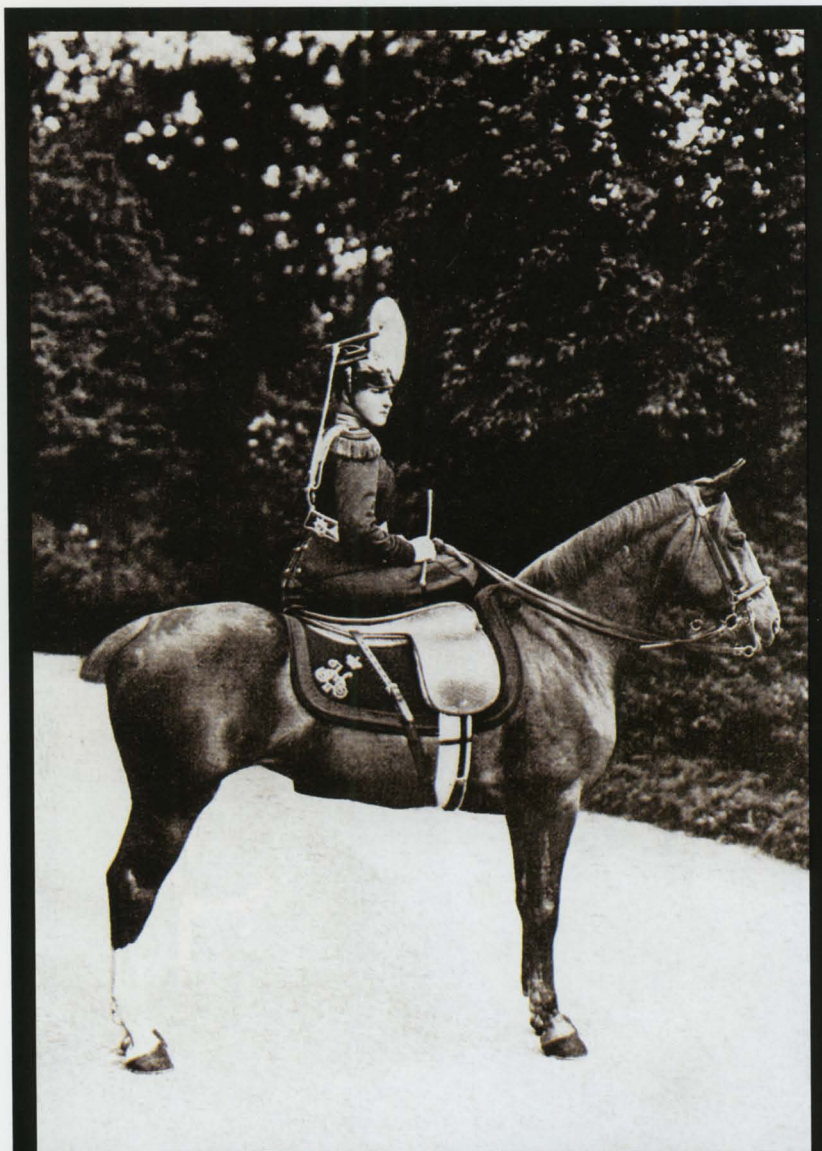
*Генерал от кавалерии
Виктор Федорович Винберг
(1832 – ок. 1920),
отец Ф.В. Винберга*

*Полковник Федор Викторович
Винберг
(фото из книги «Светлой
памяти Федора Викторовича
Винберга». Париж, 1927)*

*Федор Викторович Винберг.
1920-е годы
(фото из книги «Светлой
памяти Федора Викторовича
Винберга». Париж, 1927)*

Императрица Александра Федоровна в форме подшефного Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Императрицы Александры Федоровны полка, в котором служил Ф.В. Винберг

Портрет Императрицы Александры Федоровны
(художник А.В. Маковский)

Император Николай II
в форме Лейб-гвардии
Уланского Ее Величества
Императрицы Александры
Федоровны полка Уланского
полка и Императрица
Александра Федоровна

Особо чтимый
Ф.В. Винбергом
образ Песчанской иконы
Божией Матери

*Чины Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка в повседневной униформе. В центре – командир эскадрона ротмистр князь В.М. Андроников. 1911 год
(из частного собрания М.О. Дубровина, Иркутск. Публикуется впервые)*

*Чины одного из эскадронов Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка в зимней форме. Около 1910 года
(из частного собрания М.О. Дубровина, Иркутск. Публикуется впервые)*

Великий Князь
Николай Николаевич
(младший) (1856–1929)

Военный министр Владимир
Александрович Сухомлинов
(1848–1926)

Генерал-адъютант
Николай Иванович Иванов
(1851–1919)

*Владимир Митрофанович
Пуришкевич (1870–1920)*

*Степан Петрович Белецкий
(1873–1918)*

*Алексей Николаевич
Хвостов
(1872–1918)*

с
В-48

Права издания принадлежат только автору; всякие переиздания и переводы, без его согласия, будут преследоваться по закону.

ВЪ ПЛѢНУ У „ОБЕЗЪЯНЪ“

(Записки „контръ-революціонера“).

Издается
съ разрѣшеніемъ
Правленія.

133894

Ф. ВИНБЕРГА.

„ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ“

(Девизъ моей Alma Mater,
Императорскаго Александров-
скаго Лицея).

„Quand même!“

(Мой девизъ).

„There are more things in heaven
and earth, Horatio,
Than are dreamt of in our
philosophy“.

Shakspeare.

(Hamlet).

ЦГИА УССР
ПРОВЕРЕНО
1967г.

Титульный лист книги Ф.В. Винберга «В плену у “обезьян”» (Киев, 1918)

*Штабс-ротмистр Ф.Н. Безак,
1900 год*

*Фотография сделана перед
свадьбой
(из семейного архива
К.Ф. Безак, публикуется
впервые)*

*Федор Николаевич Безак
в кавалергардском мундире*

*Полковник Федор Николаевич
Безак (1865–1940)*

Особо чтимый Ф.Н. и Е.Н. Безаками
образ Божией Матери «Державная»

Федор Николаевич Безак
на костюмированном балу
в Зимнем Дворце (1903)

Супруга Ф.Н. Безака
Елена Николаевна
на костюмированном балу
в Зимнем Дворце (1903)

Портрет Императрицы Марии Федоровны
(художник В.Е. Маковский, 1912)

*Император Николай II в форме Лейб-гвардии Кавалергардского
Ее Величества Императрицы Марии Федоровны полка
и Великие Князья*

*Дворцовый комендант
Владимир Николаевич Воейков
(1868–1947)*

*Портрет председателя Совета
министров Петра Аркадьевича
Столыпина (1862–1911)
(художник И.Е. Репин, 1910)*

Гетман Украины Павел Петрович Скоропадский (1873–1945)
с премьер-министром Ф.А. Лизогубом и офицерами

Портрет графа Федора Артуровича
Келлера (1857–1918)
(художник В. Мирошниченко, 2006)

Портрет архиепископа Антония
(Храповицкого)
(художник М.В. Нестеров, 1917)

Ф.Н. Безак, иеромонах Феодор (Текучев) и Е.Н. Безак, 1931 (из семейного архива К.Ф. Безак, публикуется впервые)

Е.Н. и Ф.Н. Безаки в день Серебряной свадьбы. Ницца, 1925 (из семейного архива К.Ф. Безак, публикуется впервые)

Ф.Н. Безак. 1930-е гг. (из семейного архива К.Ф. Безак, публикуется впервые)

*Ф.Н. Безак. 1940 год
Фотография сделана незадолго перед смертью. (из семейного архива К.Ф. Безак, публикуется впервые)*

Офицеры лейб-гвардии Кавалергардского полка (Ницца).
В центре Ф.Н. Безак, второй слева – его брат, адъютант
Великого князя Николая Михайловича Александр Николаевич
Безак (1864–1942)
(из семейного архива К.Ф. Безак, публикуется впервые)

Когда германцы стали продвигаться вперед, часть мирного населения Царства польского, говорят поощряемая местными властями, стала уходить с своих насиженных мест, и понемногу божанская волна докатилась и до нас.

Мнѣ въ то время приходилось часто по служебнымъ дѣламъ ѣздить въ :
томобиль по житомирскому шоссе въ Кіевъ и обратно. Сперва мнѣ попал-
ись навстрѣчу безконечные ряды австрійскихъ плѣнныхъ, между въ
жортомъ изуродованномъ паркѣ были видны одну гер-
манскую колесу. Но затѣмъ явилось и другое
картина. По шоссе тянулось длинное обозъ
крестовъ и крестовъ, накрученныхъ ста-
риками и маленькими дѣтми; а тамъ тамъ

Фрагмент машинописи мемуаров Ф.Н. Безака с правкой автора

Генерал-губернатор Москвы
Сергей Константинович
Гершельман (1854—1910),
отец А.С. Гершельмана

Александра Васильевна
Гершельман (урожденная
Познанская, 1861—1936),
мать А.С. Гершельмана.
Фото 1881 года
(из семейного архива
И.А. Мухановой и М.А. Гершельман,
публикуется впервые)

Герб рода Гершельманов
(изображение предоставлено
М.А. Гершельман)

Камер-паж А.С. Гершельман.
Санкт-Петербург, 1913 год
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман)

*Александр Сергеевич Гершельман
(1893–1977). Лондон, 1926 год
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман)*

*Мария Александровна Гершельман
(урожденная Мосолова,
1891–1980), жена
А.С. Гершельмана. Гельсингфорс,
1920 год
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

*Отец и дядья А.С. Гершельмана.
Слева направо: сидит генерал от
кавалерии Федор Константинович
Гершельман (1853–1918); стоят:
генерал-лейтенант Дмитрий
Константинович Гершельман
(†1913) и генерал от инфантерии
Сергей Константинович
Гершельман (1854–1910).
Санкт-Петербург, конец 1890-х –
начало 1900-х гг.
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

*Поручик Георгий
(Юрий) Сергеевич
Гершельман (†1914),
брат
А.С. Гершельмана.
Около 1910 года
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

*Полковник Василий Сергеевич
Гершельман (1884–1919),
брат А.С. Гершельмана.
1919 год
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

*Полковник Сергей Сергеевич
Гершельман (1891–1957), брат
А.С. Гершельмана. Германия,
конец 1930-х – начало 1940-х гг.
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

Портрет Великого Князя
Кирилла Владимировича
(1976–1938)
(художник К.Е. Маковский)

Генерал-лейтенант
Александр Александрович
Мосолов (1854–1939),
тесть А.С. Гершельмана.
Начало 1910-х гг.
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман)

Супруга генерала А.А. Мосолова
Елизавета Фёдоровна (урожд.
Трепова, 1858–1920) – теща
А.С. Гершельмана
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)

*Николай Дмитриевич Гальберг
(1886–1967)
(фото предоставлено
М.А. Гершельман)*

*Ротмистр светлейший князь
Анатолий Павлович Ливен
(1872–1937)
Фото 1914–1915 гг.*

*Александр Николаевич
Крупенский (1861/1862–1939)*

*Александр Федорович Трепов
(1863–1928)*

*Князь Алексей Александрович
Ширинский-Шихматов
(1862–1930)*

*Николай Евгеньевич Марков
(1866–1945)*

*Николай Дмитриевич
Андро де Ланжерон и
А.С. Гершельман.
Познань (Польша),
1920 год
(из семейного архива
И.А. Мухановой и
М.А. Гершельман,
публикуется впервые)*

Английская фуражка для нижних чинов с русской офицерской кокардой, в которой А.С. Гершельман прошел свой боевой путь в 1919 году (из коллекции С.Г. Зирина. Публикуется впервые)

ЭМИГРАЦИЯ. Воспоминания А.С.Гершельмана. "Моя работа при Высшем Монархическом Съезде". 1921 - 1924 года.

24-го Мая 1921 года закончился Монархический Съезд в Рейхенгалле. Из одного из своих очерков я рассказал о возникновении канцелярии Высшего Монархического Съезда, избранного на Съезде в Рейхенгалле весной 1921 года. Канцелярия помещалась на Лютцовштрассе 68 в квартире Воронцовых-Венякиных. Вскоре я начал работать при вновь созданном органе, возглавлявшем Монархическое Движение за Зарубежь.

Мы возрадовались вез Ваварии радости и возбужденные, считая Съездом первую победу монархистов над силами революции, начиная от коммунистов и до всяких демократических отколов. Впервые мы открыто сказали, что мы монархисты и подняли стигм борбн за свои убеждения.

Через несколько недель по возвращении в Берлин, я получил известие о приезде из Дальнего Востока генерала Сахарова /автора книги "Взгляд Сибирь"/, командующего армией у Колчака и долженствующего участвовать в Съезде как представитель атамана Семенова. Волды за ним приехал и Ч.В.Семчевский с теми же полномочиями. К сожалению оба опоздали на Съезд. Семчевский был одного со мной выпуска из Павловского Корпуса и мой Товарищ по Лейбс Гвардии Копной Армии. После революции, летом 1917 года, она откомандировалась на курс Академии Генерального Штаба, была эвакуирована в Екатеринбург и оттуда присоединилась к Белому Движению. У нас были сведения, что Семенов, т.е.о единственном белом вожде открыто объявивший себя монархистом, а потому они ставились на путь после поражения Колчака и его смерти и согласились предстать Семенову на Монархическом Съезде. Это было верно. Он, офицерство, члоники Белого Движения, на собственном опыте знали какое враждебное отношение встречали со стороны как военного руководителя, так гражданского управления и великих комиссий и комитетов, выдающих назначениями. Это было не только продолжение со нашей стороны монархических настроений. Я уже касался этого вопроса в своих воспоминаниях о Северо-Западной Армии и о той работе, что вела наша тайная монархическая офицерская группа, собиравшая под руководством П.Н.Дунинова и приехала Маркова II в Яибург. Тоже было и на Гиб. В 1928 году, в бытность мою в Брюссель, Граф Апракин /паш вып.1896 года/ рассказывала мне о таком же отношении из монархическому офицерству на Северо-восточной Армии и в особенности со стороны генерала Корникова. Апракин, полковник Ведущий и мой брат Василий были тогда советом ядро монархических настроенных офицеров. Это расхождение во взглядах было основано на то, что Корнилов окружил моего брата от командования созданного последние конного дивизиона. Поэтому понятно было наше настроение после Съезда, когда я, повествуя об отчаянии своей победой.

Фрагмент машинописи воспоминаний А.С. Гершельмана

Благословенная грамота

Призываемъ по мѣрности нашей вѣжѣ
всездѣйствующее благословеніе на **Александра**
Сергѣевича Гершельмана, приходянина
храма архангела михаила и члена епархіальнаго управленія
австрійской епархіи, въ воздавніе егѣ
искренней любви къ святой православнои
церкви христовой и за понесенныя труды
и жертвы на пользу церковную.

Сіе свидѣтельство емъ настоящимою
прямотою съ нашего собственноручной под-
писью и печатью.

Дана въ городѣ **Зальцбургѣ** въ лѣто 1874 г.
въ 10-й день мѣсяца **апрѣля** въ 1-й день.

Архиепископъ Австрійскій Стефанъ.

Благословенная грамота А.С. Гершельману
от архиепископа Австрійскаго Стефана

хорошо защищены, зато юнкера военных училищ, занимавшие сад при доме командующего войсками Киевского округа³⁹ и, находясь внизу оврага, почти на открытом месте, несли большие потери. И, несмотря на это, эти доблестные юнкера овладели штурмом арсеналом и выбили оттуда богдановцев, полуботковцев и большевиков. Победа явно склонялась в сторону Временного правительства; несмотря на это, все вдруг с удивлением узнали, что между ним и украинцами достигнуто соглашение, по которому войска Временного правительства очищают Киев и передают его Верховной Раде. Что побудило генералов Временного правительства прийти к такому решению, неизвестно, но, вероятно, и между ними было полное недоверие к своему правительству.

С этой минуты Центральная Рада резко переменяла свое отношение к Временному правительству и, показав свои настоящие цвета, объявила учреждение Украинской самостийной народной республики⁴⁰.

Должен им отдать справедливость, нас, деятелей старого режима, они оставили совершенно в покое, ничем не стесняли нас, так что мы могли совершенно спокойно продолжать жить в Киеве и даже некоторые из наших не отказывались работать в Центральной Раде, которая главным образом заботилась о проведении в жизнь своих социалистических проектов. Преследовала [Рада] только своих бывших союзников, киевских большевиков. С ними разные курени смерти⁴¹ и т. п. расправлялись очень жестоко.

Глава X

ВЗЯТИЕ КИЕВА БОЛЬШЕВИКАМИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕГО НЕМЦАМИ

Узнав о зверствах, русские большевики выступили из Чернигова на помощь киевским большевикам, под командой бывшего московского пристава, а как другие утверждали, бывшего офицера Генерального штаба Муравьева. Они шли форсированным маршем и через несколько дней достигли Киева. Остановились они на левом берегу Днепра, где в Броваровском лесу была сосредоточена вся тяжелая артиллерия, доставленная, наконец, нашими бывшими союзниками. Началась осада Киева и обстрел из тяжелых орудий. Первые дни видно было, что у большевиков не было опытного руководителя артиллериста, так как снаряды ложились в раз-

ных частях города, один у вокзала, а следующий за Печерском, словом, попадания носили чисто случайный характер. Но через несколько дней это переменялось, и обстрел начался площадями, когда все снаряды стали ложиться одновременно в [одном и] том же участке города. Было видно, что стрельбой руководит опытная рука. Было очень тяжело находиться днем и ночью под этим непрерывным обстрелом. Один снаряд разорвался в нашей квартире. Но ко всему привыкаешь, и мы, наконец, привыкли к постоянному полету снарядов над нашими головами, и ежедневно ходили за провизией и т.д., конечно, внимательно следя за направлением полета снарядов⁴².

К концу осады Центральная Рада убедилась, что одной ей не справиться с большевиками и обратилась с воззванием к русским офицерам, [прося] помочь спасти Киев. Многие офицеры откликнулись на этот призыв, получили от Рады червленые посвящения (красные удостоверения) и храбро дрались с большевиками, даже на улицах города. Но у большевиков была большая сила, и справиться с ними не удалось.

После четырнадцати дней осады город был взят, и стрельба прекратилась. Был чудный солнечный день, стрельбы не было, и у нас в Липках все казалось совершенно спокойно. Я вышел за молоком для детей и на Левашевской улице встретил первых большевиков. К счастью, это были наши киевские саперы, в батальоне которых служил по мобилизации мой человек. Они спросили мои бумаги. Я им передал мой паспорт губернского предводителя, где были отмечены все мои чины и ордена. Они повертели его в руках, видимо, ничего не разобрали, и, увидав на нем двуглавого орла, сказали: «Птица есть, значит все в порядке». Мне же они посоветовали дальше не ходить, а вернуться домой. «Что, пули летают?» – спросил я. «Нет, – отвечали они, – штыки гуляют, матросы – это чистые звери, всех убивают». Я, конечно, повернул с ними назад и вернулся домой. На дороге нас встретил мой человек, при виде которого саперы сказали: «[Раз] наш [солдат уже] здесь, [то и] никакого обыска делать не надо», и ушли.

Затем появились настоящие большевики-матросы. Это были на вид настоящие звери, упившиеся кровью. Обвешанные оружием, с палашами и офицерскими шашками через плечо, вероятно, снятыми ими с убитых ими же офицеров, они производили звероподобное впечатление. Мой человек пошел послушать, что они говорят, и вернулся в ужасе. Он совсем иначе представлял себе

большевиков. [Вскоре] они стали ломиться в наш дом. Тщетно мой человек убеждал их, что обыск у нас уже был, они ничего слушать не желали. Ему пришлось бы, конечно, их пропустить, но к счастью, в это время появились из-за угла наши саперы, которые прогнали их вон.

Киев имел ужасный вид. На улицах и в садах всюду валялись трупы убитых офицеров и «буржуев», всюду кровь, а большевики нагло издевались над женщинами, которые между убитыми искали своих мужей и родственников; и эти ужасы продолжались три дня. Центральная Рада, накануне вступления большевиков, бежала в автомобилях, никого не предупредив, в Житомир и далее в Ковель⁴³.

После трех ужасных дней Муравьев объявил, что народный гнев удовлетворен, и что он теперь выступает со всеми войсками против германцев. Перед выступлением, видя, что всякие безобразия, грабежи и налеты продолжают, он поручил охрану города домовым комитетам, для чего передал им соответствующее количество винтовок и патронов.

Один очень энергичный председатель домового комитета самого высокого многоэтажного дома Гинсбурга по Институтской, получив винтовки, решил организовать серьезную оборону своего дома, для чего каждому жильцу он указал его место на входной лестнице во время тревоги и какую площадку он должен обстреливать. На самой же лестнице у колокола он поставил сменяющихся часовых, которые в случае тревоги должны были давать тревожные удары в колокол. Окончив распределение по местам людей с винтовками, председатель домового комитета пожелал сделать репетицию. Все вернулись по квартирам, и когда часовой ударил в колокол, все стремительно бросились на свои места, готовые обстреливать лестницу во всех направлениях. Председатель комитета успокоился, убедившись, что принятые им меры являются надежной охраной против грабителей. Так прошло спокойно несколько ночей.

Но вдруг часовой на лестнице слышит, как какие-то люди ломаются в дверь. Он дал тревожный удар в колокол. Выскочил председатель, и что же он видит? Никто не последовал его примеру, а напротив, у всех дверей в квартиры защелкали замки, и слышно было, как тяжелые шкафы придвигаются к входным дверям. К счастью для дома оказалось, что несколько пьяных старались взломать дверь на лестницу, и что никакой опасности для дома это не представляло. Только председатель комитета убедился, насколько ненадежны принятые им меры.

Как я говорил, Центральная Рада бежала в Ковель, где вступила в переговоры с высшим германским командованием. В это время германцы вели переговоры с Бронштейном⁴⁴ и К° и наконец заключили позорный для Советской России⁴⁵ мир, без аннексий и контрибуций⁴⁶. Рада тоже договорилась с германским главным командованием, которое, согласно условию, обязалось восстановить Украинскую самостоятельную народную республику и выгнать из Украины всех большевиков; Центральная же Рада обязалась снабжать Германию определенным количеством хлеба, сахара и сыра.

В исполнение этого договора 1-й германский армейский корпус под командой генерала Гренера выступил из Ковеля по шоссе на Житомир. Банда Муравьева и разные остатки нашей, когда-то славной Армии, в паническом страхе, почти без выстрелов бежали перед ними. Через «еврейскую почту»⁴⁷ мы очень скоро узнали о движении германских войск. Когда же они дошли до Житомира, мы узнали, что их трубачи играли в саду «Боже, Царя храни», и ничего враждебного к России [немцы] не делали и не говорили. Это еще более усилило наше желание видеть их скорее у нас.

В это время, в своем стремительном бегстве перед немцами, большевики снова вернулись в Киев. Положение было очень опасное, так как, убегая понемногу за Днепр, они решили увести с собою заложников. А германские войска все еще не шли. Наконец стало ясно, что бегство большевиков принимает панический характер, и в это время на вокзале раздался пулеметный огонь – германские войска вступили в город⁴⁸. Саксонские драгуны рысью проехали весь Киев, а за ними пехота скорым шагом прошла через Киевский мост и заняла противоположный берег Днепра. Наступила полная тишина, революция и всякие безобразия были окончены.

Мой заместитель по должности предводителя отправился к командиру германского авангарда, остановившегося в гостинице «Континенталь», и передал ему, что в центре города есть прекрасный дом дворянства, очень удобный для их комендатуры, но что его захватили рабочие депутаты. Немецкий генерал послал своего адъютанта осмотреть это помещение. Когда он поднимался по парадной лестнице, за ним полезли и «товарищи». Он сперва зашел в наш большой двусветный зал, который ему очень понравился. “Sehr schön”⁴⁹, – говорил он, потом обернулся и, увидев за собою толпу рабочих депутатов, крикнул им: “heraus”⁵⁰, и только засверкали их пятки. Немцы же заняли Дворянский дом. Когда на следующий день я проходил мимо него, я увидел у подъезда шумящую и недо-

вольную толпу рабочих, а на подъезде двух солдат и офицера, который энергичным жестом указал им убираться и сказал только "ausgeschlossen"⁵¹, и все они поняли, что их больше назад не пустят, и убедились, что наступил конец революции. В Киеве же всюду восстановился полный порядок и тишина.

Должен сказать, что первый раз, когда я увидел германский батальон на улицах Киева, мне стало так больно и тяжело, что я повернул назад, чтобы только не встретить их, но надо отдать им справедливость: германские офицеры и солдаты держали себя так скромно и так были вежливы, что первое предубеждение прошло; тем более что мы не могли не сознавать, что они нас просто спасли, так как не приди они, многие еще из нас стали бы жертвами большевиков⁵². Понемногу мы познакомились как с высшим командованием германских войск в Киеве, так и с некоторыми молодыми офицерами, с которыми у меня завязались вполне дружеские отношения.

Порядок, как в Киеве, так и во всем крае был полный⁵³. Германские войска по деревням и в уездах держали себя очень умно. Никаких реквизиций они не делали, а начальник отряда призывал старосту и передавал ему список продовольствия и предметов, которые должны были быть доставлены к такому-то дню. Староста сперва охал и говорил, что это невозможно; когда же ему сообщались цены на все нужное, а цены эти были выше базарных, то староста сразу соглашался, тем более, что немцы немедленно расплачивались за все доставленное наличными деньгами.

Престиж германцев среди крестьян тогда был настолько велик, что не требовалось много войск для поддержания порядка в стране. Первое время для всей Украины было достаточно одного корпуса. Впоследствии все это переменялось, о чем будет сказано ниже, и немцам пришлось прислать на Украину и в Крым 500 000 войск. Вначале между крестьянами ходили самые фантастические слухи относительно немецких порядков. Говорилось, что у немцев есть такие палочки, которые прямо указывают, где спрятано оружие, поэтому нельзя его скрывать, так как если немцы его найдут, виновный немедленно будет повешен. Благодаря таким слухам немцам вначале ничего не стоило отнимать оружие у населения. А оружия было очень много, так как на Украине наша когда-то доблестная Армия сама демобилизовалась и разошлась с оружием по домам. Впоследствии все это переменялось, и престиж немцев значительно пал.

Глава XI СЪЕЗД ХЛЕБОРОБОВ И ГЕТМАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Между тем высшее германское командование стало замечать, что Центральная Рада плохо справляется со своей задачей по управлению краем и, увлекаясь социалистическими теориями, совершенно неспособна наладить экономическую жизнь страны. А это не могло не отразиться на снабжении германцев провиантом и сырьем.

У немецкого командования понемногу сложилось убеждение, что дело так дальше идти не может, и что необходима резкая перемена⁵⁴. Среди Союза хлеборобов⁵⁵ впервые появилась мысль о гетманстве на Украине. В это время в Киеве образовался этот союз, в который вошли как крупные землевладельцы, так и мелкие хуторяне. Все они страдали от социалистических опытов Центральной Рады; возбуждали перед ней разные ходатайства и неизменно по всем вопросам получали отказы. Такое положение не могло продолжаться, и тут-то зародилась мысль о гетманстве и о необходимости созыва съезда хлеборобов для решения этого вопроса. Германское командование вполне поддержало эту мысль, и среди правления Союза хлеборобов стал обсуждаться вопрос, кого вести в гетманы. Эти заседания велись настолько секретно, что мало кому в Киеве было это известно. После продолжительных совещаний выбор остановился на генерал-лейтенанте П. П. Скоропадском, как самом подходящем для гетмана. «Почему Скоропадский?» – вот вопрос, который мне часто приходилось слышать, в особенности от тех, которые, благодаря Скоропадскому, были вывезены из советского «рая», и жизнь которых была таким образом спасена. Но уж так человек создан, что за услугу не жди благодарности; а тут была не просто услуга, а несомненное спасение от большой опасности; и тем не менее отношение к Скоропадскому среди некоторых спасенных им было далеко не доброжелательное. А после падения гетманства прямо обвиняли Скоропадского, что он не сумел справиться с положением, а некоторые шли еще дальше. Все это, конечно, ложь и клевета. Скоропадский сделал все, что зависело от него, чтобы наладить жизнь на Украине на прочных основаниях; и если ему это не удалось, то в этом не его вина – крушение произошло от целого ряда причин, о которых я буду говорить в конце этой главы. Ответ же на вопрос, почему выбор остановился на Скоропадском, был очень прост. По своему происхождению он являлся последним предста-

вителим старинного гетманского рода; один из его предков был гетманом во время царствования Петра Великого⁵⁶. По личным своим качествам Скоропадский был очень храбрый человек. Во время Японской войны он перевелся в Забайкальское казачье войско, где все время служил в строю, командуя сотней в одном из казачьих полков. Во время Великой войны он командовал сперва дивизией, а затем армейским корпусом; причем корпус, который он получил, был далеко не в порядке, были случаи, когда части отказывались идти в бой, и надо было много мужества, силы воли, энергии и такта, чтобы, являясь лично в дрогнувшую часть, заставить ее идти вперед. Когда Временное правительство решило украинизировать один корпус, то выбор пал на корпус Скоропадского. Что бы из этого вышло, сказать трудно, так как Армия наша в это время перестала существовать и, самочинно бросив позиции, разошлась по домам. Скоропадскому ничего не оставалось другого, как в числе прочих офицеров приехать в Киев. Я знал его хорошо; мы с ним старые товарищи по полку⁵⁷ и друзья, и я должен сказать, что я всегда его знал как человека умного и глубоко порядочного и честного. По моему искреннему убеждению, лучшего выбора сделать не могли.

В это время состоялся съезд хлеборобов⁵⁸. Съехалось около 8000 казаков⁵⁹ (потомки украинских казаков, владеющие с давних времен своими хуторами) и хуторян. Хозяйство у них процветало, и с точки зрения государства они являлись самыми нужными и полезными землевладельцами. Это были уже с давних пор существовавшие на Украине хутора, которые П.А. Столыпин стремился создать по всей России. Как Временное правительство, так после него и Центральная Рада поспешили все это уничтожить и в числе других землевладельцев ограбить и этих казаков и хуторян. Вполне понятно, что все они явились на съезд с твердым намерением добиться правды. При такой обстановке съезд открыл свою работу. Я лично на нем участия почти не принимал, у меня была другая работа.

Как-то раз я шел по Институтской, и навстречу мне попался в автомобиле германский офицер капитан фон Альвенслебен, с которым я недавно познакомился. Он остановился, выскочил из автомобиля и спросил у меня, знаю ли я, где живет генерал Скоропадский, которого ему необходимо видеть. Я ответил, что знаю, и он просил меня поехать с ним. Скоропадский жил в это время во дворе большего дома Страхового общества «Россия». Он нам сам открыл дверь и, видя со мной Альвенслебена, с недовольным видом сказал: «Зачем ты привез мне этого немца?» Я ему ответил: «Он на-

стаивал видеть тебя», и оставил их вдвоем. Через несколько дней я встретил в Липках Скоропадского в сопровождении двух незнакомых мне лиц. Он мне их представил как своих адъютантов, ротмистра Зеленецкого и поручика Полтавина. Все они были одеты в черных черкесках и башлыках, но без погон, [и] на мой вопрос, что означают эти костюмы, Скоропадский мне ответил, что он как почетный старшина Кубанского войска решил носить теперь кавказскую форму, так как все штатские костюмы ему надоели.

На следующий день я опять встретил Альвенслебена, который мне сказал, что только что привез ко мне генерала. Так как в то время немецкие войска проходили через Киев, Полтаву и Харьков, я думал, что он мне привез немецкого генерала. Я в то время жил на Елизаветинской [улице] в Липках; квартира моя была очень маленькая, и единственной свободной комнатой был крохотный кабинет. Поэтому с некоторым неудовольствием я ответил Альвенслебену, что он это напрасно сделал, так как знает, что и без того в нашей квартире места нет. Он мне возразил, что мне нечего беспокоиться, так как этого генерала я отлично знаю, и что он нетребовательный человек. Я поспешил вернуться домой и застал в моем кабинете Скоропадского, который мне сказал, что из германского штаба ему сообщили, что на него готовится покушение, поэтому там настаивают, чтобы он переехал ко мне, так как в его квартире охранять его очень трудно; между тем как моя квартира находится у самого расположения главного германского командования, и что охрана будет не трудная, так как почти у самого моего дома расположен немецкий пост парных часовых, передвинув которых на несколько саженей, можно легко охранять и мой дом. Мы с женой, конечно, очень охотно предложили Скоропадскому послиться у нас, и он поместился в моем крохотном кабинете.

На следующий день я стал замечать, что кроме двух адъютантов у Скоропадского все время появлялись разные неизвестные мне лица. Приходят, поговорят и опять исчезают с тем, чтобы снова вернуться. Ясно было, что все эти появления связаны были с происходившим в то время съездом хлеборобов и с подготовительной работой по выбору гетмана. Прошло еще два дня, и я прямо спросил у Скоропадского, в чем дело и что теперь происходит? Он мне ответил: «Ты, конечно, знаешь, что готовится; завтра должен решиться гетманский вопрос, так как на съезде хлеборобов все дошли до крайнего напряжения, и там прямо требуют изменения настоящего положения». Далее он мне сказал, что сегодня вечером

должно состояться первое заседание нового Совета министров, и просил разрешения, чтобы оно состоялось у меня на квартире.

И вот в 8 часов вечера в моей маленькой столовой собрались будущие министры. Я их всех хорошо знал. Это были все местные общественные деятели, пользующиеся безукоризненной репутацией. Не могу их перечислить теперь, так как с тех пор прошло около 20 лет, и всех имен я не помню. Помню председателя Совета министров Устимовича. Это был человек старинного типа, хороший помещик Полтавской губернии, отлично ведущий свое хозяйство, любитель охоты с гончими, хлебосол, с длинными седыми усами. К сожалению, его очень скоро пришлось сменить, так как для него работа председателя Совета министров была не по способностям и силам. Министром финансов был А.К. Ржепецкий⁶⁰ – очень умный и дельный человек, долгое время бывший во главе Киевского общества взаимного кредита и управляющий синдикатом, крупной сельскохозяйственной организацией, снабжающей весь край семенами, сельскохозяйственными машинами, имеющий свои лаборатории для анализа почвы, семян и т. д. При Ржепецком синдикат широко развернул свою деятельность, и дела его процветали. А.К. Ржепецкого уважали в Киеве все, без различия партий и направлений как честного и во всех отношениях безукоризненного человека. Министром путей сообщения был инженер Бутенко, занимающий на Юго-западных железных дорогах крупный пост начальника движения. Он был тоже очень дельный человек, хорошо известный в Киеве. Напряженная работа Юго-западных железных дорог при мобилизации, прошедшая без сучка и задоринки, лучше всего показала, какие дельные люди были начальник дороги и начальник движения. Военного министра генерала Дашкевич-Горбацкого я в Киеве раньше не встречал, поэтому не могу ничего о нем сказать. Из киевлян, в качестве начальника канцелярии, принимал участие в работах Совета министров только Палтов, очень способный человек, бывший чиновник Министерства путей сообщения.

На этом первом заседании Совета министров обсуждали первый универсал (указ) гетмана, устанавливающий основные положения новой Украины. Этого универсала у меня под руками нет, поэтому не могу привести подробностей, но скажу лишь, что он отменял все социалистические опыты Рады и восстанавливал частную собственность во всех ее видах. Заседание было серьезное и длилось до глубокой ночи. В середине заседания я заметил, что наш председатель Совета министров спал сном праведника и обратил на это

внимание Скоропадского. Он пожал плечами и ответил, что наш симпатичный Устимович совершенно не выдерживает продолжительных заседаний, и что он совершенно не знает, что делать с ним.

Под конец заседания я спросил, примут ли участие в перевороте германские войска, и какими силами мы сами можем располагать, чтобы благополучно довести дело до конца. Мне ответили, что германские войска будут в полной готовности, но по приказу из Берлина не должны быть пущены в дело, и только несколько германских броневиков будут разъезжать по улицам для того, чтобы население видело, что в случае необходимости меры будут приняты, чтобы сразу прекратить какие-либо беспорядки, буде таковые произошли бы. Что же касается наших собственных сил, военный министр разъяснил, что все подготовлено, что 2 000 вооруженных офицеров должны завтра явиться на сборный пункт, и что 8 000 винтовок с патронами заготовлены, чтобы раздать их хлеборобам по окончании съезда. Таким образом, 10 000 вооруженных людей должны были в случае необходимости поддержать силой оружия первые шаги вновь избранного гетмана. Несомненно, 10 000 человек было вполне достаточно, так как в распоряжении Рады было всего несколько батальонов сечевиков⁶¹ слабого состава.

Рано утром немецкие телеграфисты провели специальный телефон в мой кабинет, и в 8 утра у этого телефона расположился капитан фон Альвенслебен, исполняющий обязанности офицера для связи.

Скоропадский вышел из своей комнаты, одетый в парадную белую черкеску с золотыми [газырями] и при оружии. Форма эта ему очень шла, и он был действительно очень эффектен. Он мне предложил ехать с ним, чтобы видеть, как все будет происходить. Я, конечно, согласился, и мы с ним стали ожидать телефонного сообщения от председателя съезда о том, что наступило время показаться ему на съезде. У подъезда стоял автомобиль, и в 10 1/2 часов утра мы втроем, Скоропадский, его адъютант и я, отправились на съезд. Погода стояла чудная, был один из тех ярких весенних дней, которых так много бывает на Украине и которые вливают в душу бодрость и силу.

Подъехав к помещению, где происходил съезд, не входя еще в залу, мы уже слышали как бы раскаты грома. На трибуне стоял оратор, очень способный крестьянин, который говорил: «Так бильши жити не можно!» И вся громада гремела ему в ответ: «Ни можно, ни можно!» Тогда он спросил: «Що же треба нам?» В ответ сперва раздались несколько голосов. «Гетмана нам треба», но вскоре эти

несколько голосов собрались в могучий вопль всего собрания «Гетмана, гетмана!» Тогда оратор на трибуне громким голосом сказал: «Кто же буде наилепший гетман, кому, братья, волите быть гетманом?» Напряжение собрания дошло до крайнего предела. Сперва минута молчания, а затем почти вся громада просто редела. «Скоропадский, Скоропадский». И в это время Скоропадский вошел в залу. Картина получилась в высшей степени потрясающая. Вся толпа, как один человек, бросилась к нему, раздавались крики: «Батько, спасай нас!» Скоропадского подняли на руки, и я видел не поддельный, а искренний энтузиазм народа⁶².

Новый гетман с огромной толпой хлеборобов, к которым потом присоединилась и посторонняя публика, отправились пешком на Софийскую площадь, где преосвященный Никодим отслужил всенародный благодарственный молебен. Ничто не омрачило это торжество, и на улицах Киева все было спокойно. По-видимому, социалистическая Центральная Рада мало кем оплакивалась.

Через час Скоропадский вернулся домой и сказал: «Поздравляю меня, я гетман!» Я искренне и от всей души поздравил его и пожелал полного успеха. С поздравлениями же начали съезжаться члены правительства, представители германского командования и другие лица. Но тут случился очень прискорбный факт, который [мог] бы кончиться весьма плачевно для Скоропадского и для объявленного нового государственного строя. Гетман спросил председателя Совета министров, арестована ли Рада. На это военный министр с довольно растерянным видом доложил, что до сих пор этого не удалось исполнить, так как офицеры почему-то опоздали явиться на сборный пункт, и что у него в распоряжении только 80 человек вместо 2000! «Ну а вооруженные хлеборобы?» – спросил Скоропадский. Ему ответили, что после молебна их не успели вооружить, так как они разошлись, и что теперь приходится их собирать. Гетман страшно рассердился и приказал послать явившихся офицеров арестовать Раду. При нем же осталась охрана всего лишь в 10 человек. Положение было невеселое. У всех были озабоченные лица, а представитель германского командования мрачно смотрел на нас, и я слышал, как один из немцев шепотом сказал другому: «Mit den Russen ist es immer so. Unordnung und keine spur von organization»⁶³. Было совестно на них глядеть. Между тем сведения поступали весьма неутешительные. Члены Рады успели призвать для своей защиты отряд сечевиков, и наши офицеры, пришедшие, чтобы их арестовать, едва сами избежали ареста; была стычка с сечеви-

ками, и были раненые и даже один убитый. Положение стало совсем тревожное. И тут пришло известие, что главные силы сечевиков выступили из своих казарм против нас. Положение стало критическим. У нас было только 50 офицеров. Надо было принять решительные меры, и положение спас главнокомандующий германскими войсками фельдмаршал Эйхгорн. Он уже донес в Берлин, что die Bauern⁶⁴ свергли Раду и избрали гетмана. Все вечерние газеты в Берлине были полны подробностями; и фельдмаршал Эйхгорн, вопреки приказу из Берлина, взял инициативу в свои руки. Против наступающих сечевиков были посланы им два броневика, которые встретили их уже на Большой Житомирской, совсем близко от Крещатика. Германский офицер скомандовал им: "hatt, stop"⁶⁵. Они немедленно остановились. Далее последовала команда: "zurück, order in fünf minuten feuer"⁶⁶. Зная, что немцы не шутят, сечевики, не ожидая пяти минут, немедленно повернули назад. Немецкие броневики провожали их до казарм, где последовала команда: "waffen nieder"⁶⁷, что было немедленно исполнено. Таким образом, без кровопролития они были обезврежены и обезоружены.

Капитан же фон Альвенслебен со взводом солдат вошли в музей, где заседала Рада. Солдаты взяли винтовки на изготовку, легко обезоружили сечевиков и арестовали членов Рады⁶⁸. Под арестом их долго не держали и через несколько дней выпустили на свободу.

Таким образом, критическая минута прошла благодаря вмешательству фельдмаршала Эйхгорна, гетманская власть была установлена на Украине, и положение гетмана укрепились.

Представители германского командования стали ему говорить, что теперь, когда все кончено, ему нельзя оставаться у меня, а он должен переехать во дворец. На это Скоропадский ответил: «Я не Керенский, чтобы занимать дворец», и решил переехать в генерал-губернаторский дом, который стоял совершенно пустой. При этом переезде его сопровождали два адъютанта, четыре офицера и я. Я позвонил, и двери нам открыл старый курьер генерал-губернатора Абрам, которому я сказал: «Абрам, открывай комнаты и освещай дом, так как здесь будет жить гетман», на что он спросил у меня: «Что, гетман – это вроде генерал-губернатора?» Я ему сказал: «по-больше генерал-губернатора», что его очень обрадовало. «Слава Богу, – сказал он, – наконец-то вновь будет у нас настоящая власть». Он был большой консерватор и крайне отрицательно относился ко всему революционному начальству, в том числе [и] к комиссарам Временного правительства.

Тем временем между адъютантами гетмана возникло сомнение, не опасно ли оставаться гетману под охраной всего лишь четырех офицеров и двух адъютантов. Но Скоропадский как абсолютно храбрый человек не обратил на это никакого внимания и сказал: «Я устал, хочу спать»; положил под подушку револьвер и заснул. На этом я кончаю мой короткий и правдивый рассказ о гетманском перевороте, и далее буду говорить о положении Украины под управлением гетмана, о достигнутых результатах и о причинах крушения гетманской власти.

Глава XII НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Прежде чем приступить к этой части моих воспоминаний, я должен сказать несколько слов об общем настроении крестьян до гетманского переворота. Наши крестьяне никогда не были социалистами. Не разваленные общиной и являясь крестьянскими собственниками, они никогда не верили, что земля, как и воздух, Божии, и что поэтому право собственности на землю не должно существовать. Напротив, владея своим участками на правах собственников, они твердо верили, что их земля им лично принадлежит. Поэтому социалистические лозунги никогда успеха у них не имели и, всецело признавая право собственности для себя, они не могли не признавать, что помещичья земля является собственностью помещиков и может быть приобретена у них только посредством покупки. Надо сказать правду, что земельный вопрос – вопрос очень острый на Украине. Если обратиться к данным переселения [в Сибирь], то нельзя не заметить, что по количеству переселенцев до войны в первую голову стояли губернии Полтавская, Черниговская, Подольская, Харьковская, Волынская и Киевская, то есть как раз губернии Украины. Это не случайно, и нельзя это объяснить большим развитием и энергией украинцев по сравнению с великороссами. Причина усиленного переселения в Сибирь кроется в том, что губернии Украины, где население очень густое, являются действительно малоземельными, и что земельная нужда действительно там очень серьезна. В Киевской губернии, например, если разделить всю землю между крестьянами, то каждый из них получил бы около 2 десятин, но в это число вошли бы как надельные земли, так и земли, купленные крестьянами раньше. Поэтому из помещичьих,

удельных и черновых земель крестьяне могли бы получить лишь самую незначительную прирезку, если бы все эти земли были проданы им. О даровой же прирезке подавляющее большинство крестьян даже не мечтало; и предложение сперва селянского министра Чернова, а затем и Петлюры, выдать им купчие на помещичьи земли, никакого успеха среди них не имело. Они им просто не поверили, так как признавали бумагу с петицией, то есть купчую, полученную ими от настоящих владельцев земли.

Столько раз мне приходилось во время революции говорить с крестьянами на эту тему. Я их спрашивал, думают ли они, что моя земля теперь им принадлежит? Получался уклончивый ответ – говорят, что [земля] наша. Тогда я им говорил: «Если так, то давай делить ее между вами. Сколько у меня земли?» – это они твердо знали. «Сколько вас?» – неохотно, но называли число. «Ну, теперь дели». Тут следовал любимый жест крестьян: когда они видят, что дело плохо, они чешут свои затылки. Но против цифр трудно возражать, и получаются крайне прискорбный для них результат, что-то около $\frac{1}{4}$ десятины прибавки. Тогда они все решительно говорили: «Этого нам не нужно, это разорение для нас, так как при этом заработков больше не будет». Рассуждение совершенно правильное, так как крупные заработки на заводах и у помещиков являлись главным источником благосостояния крестьян. Но вопреки безусловной логике, которую они сознавали, земельный вопрос являлся вроде синей птицы, к которой стремились все помыслы крестьян. Поэтому они мне все-таки возражали: «Як же Ицка кажет, що буде у каждого по 20 мергив?»⁶⁹ А я им опять отвечал: «Почекай, звидки Ицка возьмет ций ґрунт?»⁷⁰ И опять начинал сначала: «Сколько у меня земли? Сколько вас? Дели!» и т. д. Получалось вроде сказки про белого бычка. И после нескольких часов таких переговоров крестьяне уходили разочарованные, сознавая, что даже при покупке помещичьей земли ее все равно не хватит для их нужд, и что, как они выражались, «видно, вы без нас и мы без вас жить не можем».

Но были такие села, где вовсе не было помещиков, вся земля с давних пор принадлежала крестьянам, и все же было там такое же малоземелье, как и всюду. Такое село лежало на самой границе нашего имения. Вот я и спрашивал у крестьян, что они скажут, когда соседние прущинские крестьяне тоже явятся на раздел моей земли и потребуют свою часть? Они ответили, что нашей земли они им не дадут, «а если полезут к нам, то будем их бить». «Но ведь их гораздо больше вас, что ж тогда будет?» – возражал я. А в таких случаях,

несомненно, происходили бы крупные побоища с убитыми и ранеными, и такие побоища между крестьянами происходили бы почти всюду. Вот чем кончилось бы принудительное отчуждение помещичьей земли и даровая раздача ее между крестьянами.

Кроме того, наши крестьяне были люди в высшей степени недоверчивые и ни одному слову не верили из того, что им рассказывали наехавшие со всех сторон неизвестные им агитаторы. Несомненно, брошенные Лениным лозунги – грабь награбленное – не могли не захватить некоторых из них, но и те, которые грабили, делали это, как говорится, с оглядкой, зная, что они поступают скверно, и опасались, что им придется вернуть награбленное, да и что их за это по головке не погладят. Вообще с нашими украинцами можно было ладить. Они в большинстве случаев стояли за порядок.

Совершенно другая картина получалась с бежавшими с фронта солдатами. Они были настолько распропагандированы и развращены, что их удержать в повиновении можно было только силой, и пока эту силу представляли собой германские штыки и их престиж, они держали себя тише воды, ниже травы. Гетман, конечно, сознавал, что на германские штыки всегда опираться нельзя. Они помогли довести переворот до конца, но далее, чтобы удержать Украину, было абсолютно необходимо образовать свои надежные войска. Но к этому вопросу я вернусь потом. Пока же буду продолжать описание первых дней гетманского управления.

Глава XIII ПОПЫТКА ГЕТМАНА СОЗДАТЬ НАДЕЖНОЕ ВОЙСКО

На следующий день после своего избрания гетман принимал у себя всех хлеборобов – участников съезда. Он им сказал очень хорошую речь; сказал, что все их права восстановлены, и чтобы они теперь мирно возвращались домой и продолжали с тем же успехом обрабатывать свои хутора, как они это делали до сих пор. В заключение он сказал, что для поддержания и защиты их мирного труда ему необходимо иметь верные войска, для образования которых он повелевает им немедленно прислать их сыновей. Мера, несомненно, вполне разумная, но из которой, как будет сказано ниже, ничего не вышло. Хлеборобы, конечно, с радостью на все согласились, пожелали гетману силы и здоровья для предстоящей огромной работы и с криками

«Слава Украине и гетману слава!» покинули дом генерал-губернатора, который с этой минуты стал называться Гетманский дворец.

Гетман же энергично взялся за ту работу, быть может, сразу незаметную для широкой публики, но результаты которой вскоре сказались как в отношении управления и порядка в крае, так и в отношении развития благосостояния и экономической жизни страны. О том, что было сделано, я скажу в заключение этой главы, чтобы рассеять заблуждение, что правление гетмана никаких положительных результатов не дало, и что якобы поэтому гетман удержаться не мог. Это, безусловно, неправда.

После приема хлебобобов я заехал в помещение их союза, где застал оживленные и горячие споры. Представители Полтавской губернии решительно возражали против председателя Совета министров Устимовича, и один из них, член Гос. Думы, граф Капнист заявил, что когда эта весть дойдет до Полтавы, то там раздастся гомерический хохот, и что необходимо это довести до сведения гетмана. Я сперва не намеревался вмешиваться в это дело, так как идти против Устимовича не хотелось. Но я не мог не сознавать, что полтавцы правы, так как мои первые личные впечатления об Устимовиче как председателе Совета министров были довольно отрицательные. Поэтому, в конце концов, я согласился исполнить неприятное поручение и отправился к Скоропадскому. Он меня выслушал, сказал, что сам видит недостатки Устимовича; но он только что назначен и сразу менять его очень нежелательно; во всяком случае, он обещал обдумать этот вопрос. Через два дня Устимович получил другое назначение, и на должность председателя Совета министров был экстренно вызван из Полтавы председатель губернской земской управы Лизогуб. Был ли этот выбор удачным? Лизогуб был, несомненно, отличным председателем губернской земской управы, и полтавское земство совершенно справедливо считалось одним из лучших земств России. В этом, конечно, большая заслуга Лизогуба. Но одно дело управлять земским хозяйством, а другое – стоять во главе вновь образуемого края. А для этого у Лизогуба не было той опытности и тех знаний, которые приобретались только продолжительной административной деятельностью. К сожалению, опытные администраторы, которые в большом количестве бежали на Украину, спасаясь от большевиков, легко критиковали действия гетмана, а помочь ему, приняв активное участие в работе, не желали. Поэтому гетману не оставалось ничего другого, как выбирать своих сотрудников исключительно из местных людей, в надежде, что знание

местных условий, личные способности и энергия заменят до известной степени административную опытность, и эти надежды не были тщетными. Из опытных администраторов только один Гербель согласился взять управление в свои руки, но это было уже под самый конец, поэтому сделать он уже ничего не мог.

Через некоторое время после приема хлеборобов стали съезжаться их сыновья в Житомир, где предполагалось формирование 1-й Кавалерийской дивизии. Во главе этой дивизии должен был стать хороший кавалерист и энергичный генерал Бискупский. К сожалению, сыновья хлеборобов не походили на своих отцов. Они оказались непригодными, так как тоже до некоторой степени были испорчены той революционной пропагандой, которая велась на фронте. Они стали требовать [создать] эскадронные и полковые комитеты, избранные самими нижними чинами, как это было на фронте, поэтому стало ясным, что из них надежной армии не создать. А раз из лучших элементов страны, из казаков и хуторян нельзя было создать надежные войска, то, очевидно, формировать армию на основании общей воинской повинности было невозможно. Поэтому сыны хлеборобов были немедленно отправлены по домам, где, надо полагать, их чубам сильно досталось от отцов.

Но что же было делать? Гетман и его сотрудники приняли правильное решение – создать небольшую наемную армию, а именно из воинственного населения Кавказа; 50 000 такого войска было бы вполне достаточно, чтобы не только держать всю страну в порядке, но и даже свергнуть большевиков, у которых в то время, кроме красных матросов, не было ровно никакой силы, а были только красногвардейцы, которые под натиском храбрых и воинственных кавказцев так же бежали бы в полной панике, как они бежали перед незначительными в то время германскими отрядами. Разбить в то время большевиков было бы нетрудно, но удержать порядок во всей России с незначительными силами едва ли было возможно. Поэтому такого предложения у гетмана и не могло быть. Важно было сперва хотя бы на Украине установить прочный порядок, а для этого было бы вполне достаточно иметь в своем распоряжении 50 000 сынов гордого Дагестана, ингушей, осетин и т. д.

К сожалению, германское командование решительно воспротивилось подобному формированию. Чего они опасались, для меня совершенно непонятно. Но они говорили: «Зачем вам свои наемные части? Наши войска вас всегда поддержат». [Немцы] совершенно отрицали, что есть возможность создать армию из мирного

населения и говорили, что мы скоро увидим, какой чудный полк ими создан в Ковеле из бывших пленных украинцев⁷¹. Гетман и его сотрудники сильно в этом сомневались, и последствия показали, насколько основательны были эти сомнения. Тем не менее, под давлением немцев, гетману пришлось отказаться от надежных и верных кавказцев, и постараться создать армию другим путем. В первую голову создали дивизию сердюков⁷², иначе говоря – гвардию гетмана. Командиры полков и офицеры этой дивизии были отличные, выбранные из лучших кадровых офицеров нашей былой Великой Армии; унтер-офицеры тоже были хороши, так как им был сделан особый тщательный подбор. Что же касается рядовых, то для того, чтобы не попали в эту дивизию «чудо-дезертиры», их набирали из числа хлопцев, никогда не служивших в войсках. Поэтому распропагандированных элементов между ними не было, и эти части могли бы быть надежными. Но это была зеленая молодежь. Они были прекрасно обмундированы, через несколько месяцев – с хорошей выправкой, но в несколько месяцев настоящих солдат не создать, и это не могло не сказаться, когда через шесть месяцев им пришлось идти в бой против петлюровцев. Вполне допускаю мысль, что при отличном командном составе из этих сердюков могли бы выработаться со временем хорошие войска. К тому же не все вернувшиеся с войны солдаты никуда не годились, и между ними можно было по тщательной проверке и испытанию найти хороших солдат. Ведь созданные конные отряды Державной варты⁷³ прекрасно держали себя до конца, и я знаю случаи, когда один из них под командой бывшего офицера, члена Гос. Думы Потоцкого, пробился в Румынию через всех петлюровцев и большевиков. Одного нельзя было делать, это формировать армию на старых основаниях, по воинской повинности, когда попадали в ряды войска люди без всякого подбора, и как раз на этот путь толкало гетмана германское командование. Они говорили: формируйте 12 корпусов, мы вам окажем полное содействие; и умышленно или нет, не хотели видеть правду – создать 12 корпусов возможно, но только из кого? – Большевиков! Подобные войска, по словам покойного фельдмаршала Гурко, в мирное время служили бы лишь незavidным украшением парадов, а в военное – лишь для вящей славы противника. Справедливо ли обвинять гетмана в том, что он, якобы, не сумел организовать достаточную силу, чтобы удержать порядок на Украине? И кто же является настоящим виновником? Несомненно, высшее командование германских войск в Киеве.

Таким неудачным оказалось дело формирования войск на Украине. Но по гражданскому управлению один очень серьезный вопрос не мог не привлечь особое внимание гетмана – земельный. Как было сказано выше, разрешить этот вопрос на Украине собственными средствами было невозможно. Необходимо было организовать переселение. Но в то время это было тоже совершенно невозможно. Россия была под властью большевиков; но и до них, при Временном правительстве, тамошнее население крайне враждебно относилось к переселившимся к ним со стороны и просто выгоняло их, говоря, «уходите, откуда пришли». Ко мне в деревню пришла группа таких крестьян, которые горько жаловались на свою судьбу. Они переселились в Саратовскую губернию, купили там кто 50, кто 25 десятин и с грустью вспоминали, как им было там хорошо; [они] смеялись над кацапами⁷⁴, которые со своими сохами совершенно не умели вести хозяйство и только портили землю. Наши же крестьяне, присмотревшись к культурным помещичьим хозяйствам, кое-чему у них научились и со своим более усовершенствованным инвентарем переселились на новые места. Вполне естественно, что у них хозяйство пошло значительно лучше, чем у местного населения, и в скором времени они прочно обстроились на своих хуторах, завели по несколько пар лошадей, достаточно коров и прочий инвентарь. Все это было у них отобрано и разграблено; и, считая меня влиятельным человеком, [они] пришли ко мне со своим горем и с просьбою им помочь и приказать, чтобы их хутора были им возвращены. Наивная просьба! Я их очень разочаровал, сказав, что я ничем помочь не могу, что правды на Руси больше нет, а что есть Временное правительство, которое все равно ничего не сделает для них. Они меня покинули, проклиная революцию и все новые порядки.

Таким образом, серьезно разрешить земельный вопрос на Украине не было возможности, и тем не менее, гетман решил сделать все, что было в его силах, чтобы хоть часть хороших хозяев могла перейти на хутора, и чтобы остальные крестьяне видели, что правительство заботится об их нуждах. Был создан Державный банк, где хоть некоторые крестьяне могли бы покупать землю. Мера вполне разумная. При открытии этого банка министр финансов пригласил всех более или менее крупных землевладельцев и сказал нам прекрасную речь. Он говорил так: «Господа, наш гетман восстановил право собственности, и вы получили обратно ваши имена; но считаю долгом вам сказать, что положение очень серьезное, и среди кре-

стьян идет сильная работа, чтобы создать недовольных теперешним строем. Мы, если можно так выразиться, сидим на бочке с порохом, в которую проведен длинный фитиль [и] конец его уже горит! Помогите нам вовремя его затушить. Продайте из возвращенных вам богатств сколько хотите земли, по какой хотите цене. Дайте возможность Державному банку начать свои действия». Со всем сказанным министром нельзя было не согласиться, и я спросил моего соседа, у которого было 25 000 десятин: «Сколько вы продадите?» [И услышал в] ответ: «Ни пяди моей земли!» [Это было] очень легкомысленное решение, о котором, вероятно, очень сожалеет теперь этот помещик, если только он еще жив. Были, конечно, и более разумные люди, которые пошли навстречу желаниям гетмана, но, к сожалению, их было немного; поэтому не удалось создать впечатления среди крестьян, что правительство заботится о них. Кто же в этом виноват? Конечно не гетман, а недальновидные помещики.

Но есть еще один пример недальновидности наших крупных землевладельцев, имевший очень серьезные последствия. Гетман сделал распоряжение, чтобы все разграбленное крестьянами было ими возвращено. Мера, несомненно, правильная, которая не встретила бы никаких возражений со стороны крестьян, если бы она была справедливо применена. Я, например, не имел возможности тогда лично прибыть в имение для расчета с крестьянами, [и] дал распоряжение управляющему созвать представителей крестьян и совместно с ними определить размеры убытков. Оказалось 30 000 руб., из которых 28 500 руб. были немедленно возвращены крестьянами натурой, то есть, возвращены уведенный скот, взятый инвентарь, зерно и т. д., а 1500 [руб.] были внесены деньгами; все это было произведено без какого-либо давления со стороны администрации, и управляющий мне донес, что крестьяне довольны, что полевые работы идут нормально, и что всюду мир и тишина. Почему все так мирно обошлось? Потому что крестьяне сознавали, что это справедливо.

Но были и другие случаи. По соседству со мною, в одном имении, которое было вдвое меньше моего, было заявлено 500 000 руб. убытков, при определении которых крестьяне никакого участия не принимали. Ясно, что они наотрез отказались платить. Явились чины уездной администрации, появились стражники, и началось укромление и т. д. В данном случае крестьяне все-таки такой громадной суммы не уплатили, так как вмешалась власть гетмана, которая сразу прекратила это безобразие и привлекла к ответственности

слишком ретивых чинов администрации. К сожалению, подобный случай не был единичным. Когда гетман об этом узнавал, он всюду стремился восстановить справедливость и строго карал виновных. К сожалению, он мог делать это только *post factum*⁷⁵. Поэтому злое семя было все-таки уже посеяно, и понемногу неудовольствие захватывало мирное население, являющееся опорой гетманской власти. И это злое семя, по моему глубокому убеждению, составляет корень всех будущих бедствий, и оно привело, в конце концов, не только к крушению гетманской власти, но и ко всем неудачам Добровольческой армии, вызванным крупными беспорядками в тылу. Ввиду всего изложенного было бы несправедливо обвинять гетмана во всех крестьянских беспорядках и восстаниях. Начало их вызвано самими же землевладельцами и слишком легкомысленным отношением местной администрации.

Глава XIV ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ

Тем временем и престиж немцев начал падать. Случилось это потому, что в одном селе, когда явились несколько германских солдат отбирать оружие, хлопцы собрались и отбили у них увозимые ими винтовки. Немецкие солдаты не стреляли и удалились. Все население было сперва очень смущено и ждало строгого наказания для всех и казни виноватых; но когда они убедились, что ничего подобного не последовало, они увидели, что немцы уже не так страшны. Случаи сопротивления им стали повторяться, и германскому командованию пришлось посылать по деревням уже не отдельных солдат, а небольшие отряды. Почему немцы в данном случае не действовали со свойственной им энергией, мне неизвестно; вероятно, был приказ из Берлина.

Вероятно, по той же причине изменилось и общее направление их политики, и мы впервые услышали: *“sie werstehen nichts in der politick, jetzt muss man nur scharf ukrainisiren”*⁷⁶; и это говорили те, от которых мы всегда слышали: *“alte tradizionen und drei Kaiser bund”*⁷⁷. На практике это выразилось в том, что гетману пришлось некоторых министров заменить левыми украинцами, что, конечно, кроме вреда, ничего не принесло.

Тогда же я получил приглашение от начальника штаба фельд-маршала Эйхгорна, генерала Гренера, который пожелал со мной пе-

реговорить. Наш разговор длился $\frac{1}{2}$ часа, и его главным образом интересовало, почему я против Украины? Он мне рисовал картину, как в самостийной Украине будет полный порядок, и вместо большевистского хаоса установится настоящий государственный строй. А что будет в будущем, немцам совершенно безразлично, и очевидно, отдельные части России сольются в виде федераций. Далее он мне говорил, [что] неужели я считаю Германию слабым государством? А ведь она представляет из себя федерацию. Я ему возражал, что, конечно, Германия очень сильна, но разница между нею и Россией та, что гений Бисмарка после победоносной войны сумел сплотить отдельные государства. Там действовала центростремительная сила, у нас же после революции действует центробежная; поэтому, не отрицая возможности федерации у нас и признавая ее желательной, я считаю, что много лет пройдет, раньше чем это может осуществиться. Что же касается Украины, [то] я совсем не против таковой, но только считаю мысль "scharf ukrainisieren" весьма опасной и преждевременной. Население к этому [было тогда] совершенно еще не подготовлено и в подавляющем большинстве в то время украинцами себя не считало. Что же касается привлечения к работе левых украинских элементов, зараженных социализмом, как в то время все левые по всей России, то это совершенно противоречит основной идее только что созданной гетманской Украины, и следовательно, кроме вреда и беспорядков ничего принести не может. Далее я указал ему на некоторые волнения, которые уже имели место в крае, и что [отнюдь] не социализм может их прекратить. Мы с ним расстались не особенно довольные друг другом.

Вскоре затем появился долгожданный украинский полк, сформированный германцами в Ковеле. Это были молодец к молодцу. Рослые, с чисто немецкой выправкой, одетые в новые синие жупаны и в серых шапках⁷⁸, они с внешней стороны не оставляли желать ничего лучшего. Но, как и надо было ожидать, внутренняя сторона не соответствовала внешней; и это войско сразу оказалось совершенно ненадежным. В первый раз, когда их послали против большевиков, они целиком передались им, и в Киев вернулись лишь офицеры и унтер-офицеры (германцы). Таким образом, наше предсказание, что из бывших солдат надежного войска создать нельзя, сразу оправдалось. Казалось бы, что этого примера было совершенно достаточно, чтобы убедиться, что надежными могли явиться только наемные строго подобранные войска, однако германское командование, хотя само и прекратило формирование [украинского

войска] из бывших солдат, но не отказалось от мысли создать для гетмана 12 корпусов по воинской повинности.

В июле в Киеве было два террористических акта: была взорвана на Печерске лаборатория и весь запас снарядов Юго-Западного фронта⁷⁹, взрыв был настолько сильный, что во всех окнах Киева разбились стекла; в моем доме распахнулись все двери, и тяжелая мебель была сдвинута с места. Первое впечатление было, что с аэроплана была сброшена бомба в Гетманский дворец. Все жители высыпали на улицу, и над лабораторией представилось необычайное зрелище. В течение часа снаряды взлетали на воздух и лопались там, как лопаются ракеты во время фейерверка. Получилась красивая, но жуткая картина. Я спросил одного немецкого офицера, что случилось. Он мне ответил, что они еще ничего не знают, так как слишком опасно туда ехать. И в это время гетман с двумя адъютантами проехал туда. Как храбрый человек, гетман сделал то, на что не решились даже немецкие офицеры. На следующий день я поехал осмотреть место взрыва. На огромной площади лаборатории были совершенно уничтожены все дома, оставалось только черное поле с несколькими обуглившимися деревьями; все поле было покрыто густым в $1/2$ аршина слоем осколков снарядов. Погибли, конечно, все, находившиеся в то время в лаборатории. К счастью еще, лаборатория помещалась в глубокой котловине, поэтому сила взрыва пошла вверх. Не будь этого – могли бы быть разрушены многие дома соседнего района. Взрыв этот приписывали социал-революционеру Савинкову, большому специалисту по террористическим актам. Не знаю, верно ли это; но в то время Савинков действительно скрывался в Киеве.

Жертвой второго террористического акта пал главнокомандующий германских войск фельдмаршал Эйхгорн⁸⁰. Когда он возвращался домой из штаба со своим адъютантом по Екатерининской улице и уже подходил почти к своему подъезду, какой-то человек, типа фабричного, бросил бомбу, которая убила на месте адъютанта, фельдмаршал же прожил еще несколько часов. Что было дальше с ним [террористом], не знаю, вероятно, был повешен. Как он попал на улицу, куда никого не пускали без соответствующих пропусков, трудно сказать. Должно быть, он пробрался стороной через сады, которых очень много на Екатерининской улице. Очевидно, была возможность обходить пропускные посты германских парных часовых. Я как раз накануне убийства и почти на том же месте встретил Савинкова. Когда я шел, я вдруг услышал быстрые шаги, кто-то ме-

ня догонял; потом, поравнявшись со мной, заглянул мне в лицо и затем быстро повернул назад. Я успел заметить его лицо, и хотя я лично Савинкова не знал, но когда мне на следующий день показали его фотографию, я сразу узнал того, кто меня догонял. Поэтому полагаю, что организация этого убийства – дело его рук. Ему тогда удалось безнаказанно скрыться. Немецкая разведка напала на его след, но когда явились его арестовать, его не оказалось, он исчез за несколько минут до этого.

Готовилось еще покушение на гетмана. В Киеве 15 июля происходило торжественное освящение воды на месте крещения Руси. Большой крестный ход спускался из Михайловского монастыря к Днепру. В крестном ходе всегда принимали участие генерал-губернатор, все начальство и войска. В 1918 году происходило такое же торжество, и гетман был уже одет, чтобы ехать в Михайловский монастырь. В это время начальник германской разведки приехал сообщить, что во время крестного хода готовится покушение на гетмана, что они напали на след, но арестовать никого еще не успели, поэтому немецкие власти убедительно просят гетмана в этот день никуда не выезжать. Что было делать? Если бы гетмана не видело население на этом торжестве, впечатление во всех отношениях было бы самое отрицательное; а ехать было, несомненно, очень рискованно. Гетман долго не думал; как храбрый и верующий человек он перекрестился и отправился [на торжество]. К счастью, ничего дурного не произошло. Вероятно, преступники не решились осуществить свой замысел, так как гетман шел непосредственно за всем духовенством и за митрополитом; и брошенная бомба могла бы убить не только гетмана, но и значительную часть духовенства, а это возбудило бы такое негодование, что, вероятно, преступники были бы разорваны народом на куски, поэтому в конце концов, они не решились, и все кончилось благополучно.

Глава XV МАХНОВЦЫ

Как было сказано выше, первое неудовольствие среди мирной части населения явилось следствием несправедливых взысканий с крестьян убытков в пользу помещиков, причиненных крестьянами во время революции. Хотя гетман энергично боролся с подобными взысканиями и вскоре ему удалось совершенно прекратить

их, но все же это неудовольствие не могло сразу пройти, поскольку оно все время раздувалось как революционно настроенными солдатами, так и агитацией большевиков. Создалась благоприятная обстановка для работы разных темных элементов вроде батки Махно и разных иных атаманов, тем более, что немцев уже перестали бояться. Главный очаг беспорядков обнаружился, конечно, в Екатеринославской губернии, где дело доходило до открытых выступлений, для подавления которых немцам пришлось значительно усилить свои войска на Украине и посылать сперва незначительные воинские части, а потом, когда восстания стали серьезнее, то и целые отряды с артиллерией. В губерниях Волынской, Подольской, Киевской все было спокойно, кроме части Киевской губернии, прилегавшей к Екатеринославской, где в г. Звенигороде произошло крупное восстание, подавленное артиллерией⁸¹. Почва была крайне благоприятная для действий Махно и К°. Крестьяне им сочувствовали и скрывали их, так как они их не трогали, а грабили только казначейство в уездных городах, почту, помещиков и даже целые поезда железной дороги. Действовали они как настоящие разбойники, убивали и мучили людей без всякого разбора, в местечках устраивали крупные еврейские погромы. Один очевидец подобного погрома мне рассказывал, что когда Махно вступил в одно местечко, у него была карета с опущенными занавесями, на которой крупными буквами было написано: «Россия – Царю, земля – народу, жида – мне». При этом он говорил, что «в карете этой сидит Наследник Цесаревич, которого вы, мерзавцы, недостойны видеть, поэтому все на колени!» Моего очевидца, в числе прочих, по приказу Махно повели вешать, и его спасло только то, что он перекрестился. Это заметил Махно, который сказал: «Раз ты крестишься, значит ты уж не такой мерзавец», и приказал его освободить. Борьба с бандами Махно была очень трудная потому, что, разъезжая на тачанках, они быстро перемещались с места на место. Сегодня они здесь, а дня через три – уже за сто верст. Конечно, держать всюду войска было невозможно, крестьяне же их покрывали и вовремя предупреждали о появлении германских отрядов. Тогда тачанки исчезали, и на месте разбойников оказывались мирные крестьяне, занимающиеся полевыми работами на своих полях. После ухода немецких войск эти «мирные крестьяне» вновь садились на тачанки и переносились на другое место, где продолжали свою разбойничью работу. Когда случайно войска сталкивались с ними, их, конечно, быстро унич-

тожали, но это было далеко не всегда; да и самого Махно так и не удалось поймать, и он после уничтожения одной шайки легко набирал себе другую среди революционной молодежи. Мне думается, что можно смело утверждать, что одной из причин неудачи Добровольческой армии был развал тыла, в котором деятельное участие принимал Махно. Надо отдать ему справедливость, он был способный человек, но который под лозунгами «Царь и народ» делал работу большевиков.

В августе гетман поехал в Берлин. Много упреков и насмешек посыпалось на его голову. Но никто не давал себе труда узнать, почему он туда поехал. А поехал он для того, чтобы лично переговорить с императором Вильгельмом о некоторых вопросах, имеющих огромное значение как для Украины, так и для всей России. Для Украины он хотел добиться, чтобы ему была дана возможность формировать настоящие, верные войска. Это ему, к сожалению, не удалось. Для всей же России он возбудил в Берлине еще более серьезный вопрос, а именно, он доказывал императору Вильгельму, что немцы делают большую ошибку, остановившись на Украине, а на севере дойдя лишь до Прибалтийского края, оставив всю остальную Россию во власти большевиков, и что им следовало двинуться дальше, занять Петербург и Москву и выгнать отовсюду большевиков; тогда бы во всей России их встретили так, как на Украине – как освободителей от большевистского ига. И только в таком случае они могли бы рассчитывать на крупный во всех отношениях успех. Пока же они этого не сделали, положение их самих на Украине не может считаться прочным. Скоропадский как бы предвидел, что это был единственный способ спасения России. В этом отношении он совершенно не доверял одним нашим бывшим союзникам, считая, что они из личных интересов и, не желая исполнить заключенный договор – отдать России Константинополь и проливы, только радуются, что революция и ее последствия дают им возможность после окончания войны не исполнить этот договор. Что же будет происходить с русским народом, это им [было] совершенно все равно. Другие же союзники, плохо зная Россию и увлекаясь [демократическими] идеями, считали Россию варварской страной, где при старом режиме царил произвол. Пока эта «варварская страна» спасала Париж, уложила на полях и болотах Восточной Пруссии тысячи и тысячи солдат, она была хороша; когда же надобность в этом прошла, можно было махнуть на нее рукой.

Глава XVI

ПРИБЫТИЕ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ

В сентябре в Киев прибыл, назначенный на место убитого митрополита Владимира, один из виднейших иерархов нашей Церкви митрополит харьковский Антоний. Группа лиц решила устроить ему торжественную встречу. Владыка должен был в полном облачении идти с вокзала пешком в Сергиевский собор, сопровождаемый несметной толпой народа. Хотя идти до Сергиевского собора [надо было] все время в гору, да еще к тому же в тяжелом облачении, [что] должно было, несомненно, очень утомить Владыку, тем не менее, инициаторы этой акции полагали, что такое торжественное шествие должно было с особой силой доказать, что в церковном вопросе народ всецело придерживается старых взглядов тесного единения с Россией, а также особенно подчеркнуть то уважение, которым пользуется на Украине митрополит Антоний, деятельность которого в Волынской губернии живо сохранялась в памяти народной. Когда инициаторы этого торжества обратились ко мне с просьбой принять в нем участие, я конечно, согласился, но при этом указал, что подобная демонстрация – это палка о двух концах, и что инициаторам надлежит хорошенько подсчитать свои силы, так как, если соберется несметная толпа, запрудившая все улицы по пути следования, въезд нового митрополита произведет большое впечатление на правительство и народ; в противном [же] случае результат получится совершенно обратный, и мое мнение было: лучше не рисковать.

Мне ответили, [что] все меры приняты и что успех будет несомненный. Владыка уже изъявил свое согласие на предполагаемую встречу. Следовательно, ничего больше нельзя было сделать и оставалось только к назначенному часу прибыть на вокзал. Однако было решение, что никто из правительства не примет участия в этой встрече, так как не может этого сделать до утверждения назначения митрополита Антония собранным в это время Украинским Собором⁸².

В 10 часов утра я приехал на вокзал. Инициаторы уже все были там, но, к сожалению, как я и опасался, несметной толпы я не увидел. Мне ответили, что огромная толпа не может быть на вокзале, а что она собирается по соседним улицам. Подошел поезд. Мы все вошли в вагон, чтобы приветствовать Владыку и получить его благословение. Владыка уже был в полном облачении. Поздоровав-

шись с нами и благословив каждого, он вышел из вагона и направился к выходу. Мы последовали за ним. На площади перед вокзалом нас ожидало не более 500 человек и, с Владыкой во главе, мы тронулись в гору по Безаковской улице⁸³, Бибииковскому бульвару и по Большой Владимирской. Не могу сказать, что наше шествие производило величественное впечатление, к тому же было жарко, идти в гору утомительно, и ряды сопровождавших стали редеть. На Большой Владимирской шли за Владыкой не более 200 человек. Проходящая публика с удивлением смотрела на шествие, и конечно, о каком-либо крупном и серьезном впечатлении не могло быть и речи. Мне было просто стыдно – ясно было, что Владыку подвели. Зато на Украинском Церковном Соборе на всех произвело очень сильное впечатление, когда почти единогласно Владыку [участники Собора] приветствовали как Киевского митрополита и определенно подчеркнули, что об автокефалии никто не думает, а напротив, признают только Единую Русскую [Православную Церковь⁸⁴].

Глава XVII НЕМЦЫ И ФРАНЦУЗЫ

В конце сентября, в захваченной волнениями части Украины, беспорядки настолько увеличились, что местами стали обращаться в настоящие бунты, имеющие даже временный значительный успех. Так, в г. Звенигороде, Киевской губернии, два эскадрона немецких гусар были окружены многочисленной вооруженной толпой, с которой [они] справиться не могли и должны были отступить. Подоспевшая пехота с артиллерией разгромила бунтовщиков. Но подобные бунты стали повторяться и в других местах, и немецким войскам пришлось постоянно выступать на подавление этих бунтов, что конечно, очень их утомляло и могло бы в конце концов деморализовать их. Но гетманское командование, предвидев эту возможность, своевременно приняло очень простую, но крайне ответственную меру. Было дано распоряжение, чтобы каждый солдат посылал два раза в месяц к себе на родину посылки с салом, мукой, крупой, сахаром и т. д. Эти посылки с чисто немецкой аккуратностью доставлялись по назначению. В то время положение Германии было очень тяжелым в смысле продовольствия, и можно себе легко представить, с каким восторгом посылки встречались на местах. В ответ все солдаты на Украине получали два раза в месяц письма

от родных, с указанием оставаться как можно дольше в той благо-словенной стране, откуда получаются такие хорошие посылки, а для этого, чтобы ни было, помнить дисциплину и беспрекословно исполнять все требования начальства. Благодаря этому ни неудачи на фронте, ни революция в Германии не могли поколебать твердос-ти немецких солдат, которые оставались верными своему долгу да конца. Несомненно, они и далее справились бы со всеми бунтами на Украине, если бы им не пришлось покинуть ее.

Немецкие офицеры нас все время уверяли, что то, что случи-лось у нас: развал Армии и появление разных солдатских и иных де-путатов, у них совершенно невозможно, что в критическую минуту все офицеры, сплотившись вокруг своего кайзера⁸⁵, сумеют удер-жать армию в повиновении. И вот, вскоре после неудачного Амьен-ского прорыва⁸⁶, я встретил одного из самых серьезных германских офицеров, майора К., который с отчаянием в голосе мне говорит: «И у нас революция, и у нас советы солдатских депутатов в войсках. Ясно, что война кончена, и что нам лично придется уходить отсюда, но вам нечего беспокоиться, очевидно, что ваши союзники придут нам на смену и порядок на Украине не будет нарушен».

Для всякого немца было просто непостижимо, чтобы наши бы-лые союзники могли бы не воспользоваться тем, что при содейст-вии немцев было сделано на Украине. Они были совершенно увере-ны, что явятся французские войска, и что при них культурный край, где экономическая жизнь начала налаживаться, где сельское хозяйство велось при трудных условиях, но все же довольно успеш-но, где все заводы работали, не будет брошен на произвол судьбы. [Однако] ничего подобного не произошло. Французские и грече-ские войска высадились в Одессе с полным вооружением и в доста-точном числе. Мне говорили, но в Одессе я не был, поэтому не мо-гу утверждать, что там высадился один корпус французов и около 40 000 греков, но славой они себя там не покрыли, так как более чем поспешно отступили перед бандой атамана Григорьева в 5000 человек, не имеющей ни артиллерии, ни танков, ни аэропланов. А между тем, если вместо этого необъяснимого отступления фран-цузское командование прислало [бы] в Киев два-три батальона, то конечно, вокруг этих войск сплотились бы те 20 000 русских офи-церов, которые в то время находились еще в Киеве.

Появление французов рассеяло бы то недоверие, которое на-блюдалось среди наших офицеров, недоверие довольно понятное, когда вспомнить, что при первом наступлении большевиков на Ки-

ев Центральная Рада обратилась к ним с воззванием помочь спасти город. Многие тогда откликнулись на этот призыв и храбро дрались еще даже на улицах Киева. Но Рада накануне поспешно бежала, бросив их на произвол судьбы, и они почти все были расстреляны большевиками. Появись в то время французские войска в Киеве, можно было бы не только удержать порядок на Украине, но и спасти Россию от большевиков. Сознавая все это, гетман несколько раз посылал для переговоров с французским командованием не [только] одних украинских деятелей, но также бывших генералов нашей старой славной Русской Армии, которые всю Великую войну дрались против общего врага и которые в глазах французов не могли не быть представителями той Армии, которая спасла Париж. К французам ездили даже два генерал-адъютанта Государя Императора, но ничего не помогло, и французы упорно отказывались оказать какое-либо содействие гетману. Почему? Трудно сказать. Считали ли они гетмана ставленником Германии или вопреки здравому смыслу не хотели поддержать порядок в крае, созданном при содействии германцев, а быть может, им не нравилось, что в Киеве в то время собрались многие представители старого режима, что, по их мнению, шло вразрез с их излюбленной демократией. Кто их знает. Но во всяком случае, бегство французов из Одессы – вопрос очень темный, который не только погубил Украину, но всю Россию отдал на долгие года под иго большевиков. И в этом заключалась не только громадная вина французов перед Россией, но также очень серьезная политическая ошибка. Уцелей тогда Россия, можно с уверенностью сказать, что не было бы в настоящее время того экономического кризиса, от которого страдает весь мир и который неизвестно еще чем кончится.

Глава XVIII

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПЕТЛЮРОЙ УКРАИНСКОЙ САМОСТИЙНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Но возвращаюсь к событиям в Киеве. Как было сказано выше, немцы были совершенно уверены, что после их ухода придут им на смену французские войска. С их точки зрения было совершенно ясно, что передавать культурный край в порядке в руку неприятеля было недопустимо и что надлежало принять все меры, чтобы развалить все то, что было сделано во время гетманского управления.

Лучшим способом для достижения этой цели было восстановить власть Центральной Рады. Поэтому германское командование обратилось с предложением к гетману добровольно сложить власть и покинуть Украину, гарантируя ему полную неприкосновенность как личную, так и имущественную. Гетман это предложение отверг. После этого немцы его просили освободить находящегося в тюрьме Петлюру и на отказ гетмана сказали ему, что в таком случае сами его освободят. Гетману ничего не оставалось другого, как сделать распоряжение об освобождении Петлюры, который отправился в Белую Церковь, где был сосредоточен отряд сечевиков в общей сложности около 2000 человек. Эти сечевики явились впоследствии ядром петлюровских войск.

Гетман был поставлен в очень затруднительное положение. Он, конечно, сознавал, что дело клонится к вооруженному столкновению с петлюровцами, что на немецкие войска он более рассчитывать не может, а что надежных войск у него нет, если не считать его личный конвой из 200 офицеров и дивизии сердюков, боевые качества которой были довольно сомнительны. Правда, противник был тоже не силен, но все же это были организованные части, в состав которых входили австрийские офицеры и нижние чины.

Следовательно, гетману не оставалось ничего другого, как спешным порядком создавать вооруженную силу из этих элементов, которые могли бы оказаться надежными и боеспособными. Такими являлись, во-первых, все находящиеся в Киеве офицеры старой Русской Армии, и, во-вторых, организации Союза русского народа⁸⁷, которые считались очень сильными в Киеве и по всей Украине. Для привлечения их на свою сторону гетман решил вернуться к той политике, которую он первоначально повел на Украине – более тесного сближения с остальной частью России. Для этого самостийные министры были заменены министрами русского направления, [но] стоящими, конечно, не за Единую, Неделимую, а за Федеративную Россию. Председателем же Совета министров был назначен очень умный человек и опытный администратор Гербель.

Все находящиеся в Киеве офицеры получили приказ явиться в штаб генерала [Л.Н.] Кирпичева⁸⁸, которому было поручено формирование специальных офицерских отрядов⁸⁹. Переговоры же с Союзом русского народа гетман поручил мне, зная, что я с ним в хороших отношениях⁹⁰. В это время Петлюра, со своими сечевиками и приставшей к ним революционной солдатской молодежью, выступил из Белой Церкви, занял Фастов – в 60 верстах от Киева –

и там объявил Украинскую самостийную республику, с Директорией из трех лиц во главе. Гетман двинул против них все наличные силы, офицерские отряды, сердюков и даже свой конвой, под командою храброго генерала [К.А.] Присовского⁹¹, который по направлению Житомирского шоссе имел значительный успех и далеко отогнал петлюровцев, появившихся уже недалеко от дачного местечка Святошина. Офицерские отряды тоже продвинулись вперед. Но, исполнив диспозицию, на голову разбить противника и арестовать Директорию им не удалось. При этом один из офицерских отрядов зарвался вперед, зашел переночевать в одном селе, а так как было уже холодно, то разместился по хатам, [и] крестьяне их выдали петлюровцам, которые их окружили и всех сонных перерезали⁹². Очевидно, не были приняты нужные меры охранения. На следующий день явились несколько офицерских отрядов, которые легко прогнали петлюровцев, в наказание сожгли те хаты, где были застигнуты офицеры, и привезли их трупы в Киев. Я видел во Владимирском соборе 60 открытых гробов. Шло отпевание, нарушаемое душераздирающими сценами, когда родные находили в числе убитых близких им лиц.

Глава XIX МОИ ПЕРЕГОВОРЫ С СОЮЗОМ РУССКОГО НАРОДА

Получив поручение гетмана переговорить с Союзом русского народа, я обратился к приехавшему в то время из Петербурга товарищу председателя Главного совета [союза]⁹³, изложил ему всю обстановку и задал вопрос: поддержит ли гетмана его организация, и на сколько человек, умеющих владеть оружием и способных выступить против неприятеля, можно рассчитывать? Он мне правильно ответил, что предварительно должен переговорить с главарями всех организаций Киева, и мы условились, что через три дня встретимся в чайной Союзу на Сенной площади. К назначенному дню там уже собрались все председатели отдельных организаций, и мне было заявлено о согласии поддержать гетмана. Что касается подробностей, то через три дня после получения необходимых для организации этого дела средств [мне было сказано, что] мы можем рассчитывать на 1000 человек в день, для которых, конечно, должно быть приготовлено как помещение, так и содержание. Тогда я

при всех подчеркнул наше требование, что нам нужны только люди, владеющие оружием и способные идти в бой. С этим все согласились. С таким ответом я вернулся к гетману.

На следующий день нужные средства были отпущены с объявлением, что сборным пунктом назначены казармы Миргородского полка на Печерске, где для приема прибывающих и устройства их будет назначено соответствующее количество офицеров.

Прошло три дня, и гетман мне телеграфирует, что ему доносят со сборного пункта, что до сих пор никто не явился. Я немедленно отправился к товарищу председателя Главного совета, который мне сказал, что вышло маленькое недоразумение, благодаря которому люди опоздали, но чтобы я не беспокоился, [поскольку] своевременно все явятся. Не могу сказать, что это заявление меня особенно успокоило. Поэтому я на следующий день опять обратился к нему, и от него узнал, что люди начали прибывать на сборный пункт, но что там ничего не приготовлено и никто их не встретил, и что поэтому они разошлись.

С этим известием я направился к гетману, который предложил мне сейчас же поехать с ним в миргородские казармы. Мы отправились и нашли там все в порядке: офицеры на местах, помещение приготовлено, котлы для пищи готовые, но явившихся людей не было. Товарищ председателя Главного совета был очень сконфужен. Конечно, о каком-либо злом умысле с его стороны не могло быть и речи, но, к сожалению, было то, что часто встречалось у нас, и на что указывали немцы – «у вас беспорядок и нет слады для серьезной операции». В конце концов, вместо 1000 человек в день явилось всего 80 человек. А между тем, если бы состоявшееся соглашение было исполнено, в распоряжении гетмана должно было бы оказаться 20 000 человек, так как со дня соглашения до наступления Петлюры прошло более трех недель. Таким образом, несмотря на полное желание главарей Союза [русского народа], возложенные на Союз надежды не оправдались.

Теперь относительно находившихся в Киеве офицеров; на приказ гетмана отозвались 1000 прекрасных офицеров, которые своевременно явились в штаб генерала Кирпичева и храбро принимали участие в первых действиях против петлюровцев. Но 1000 человек было недостаточно, а известно было, что в Киеве [офицеров] находилось около 20 000. Как объяснить, что из них явилось только 5 процентов? Очевидно, были среди них сомнения и недоверие, побороть которые могло только имя крайне популярного вождя.

Глава XX

ГРАФ Ф.А. КЕЛЛЕР

Таковым вождем мог явиться генерал граф Келлер⁹⁴. Это был в полном смысле рыцарь без страха и упрека, но, к сожалению, для Украины совсем не подходящий, как прямолинейный и не признающий никаких компромиссов. Он прибыл из Харькова для переговоров с представителем Псковской губернии, членом Государственной Думы Дерюгиным и другими. Высокого роста, стройный, с красивым энергичным лицом, он производил на каждого впечатление властного человека, который сумеет настоять на своем. Крайне требовательный по службе, в остальное время он был равно для всех милый и симпатичный человек, и только благодаря крутому характеру имел частые столкновения с начальством. В бытность его командиром Крымско-татарского дивизиона у него вышла крупная история с корпусным командиром, благодаря которой ему чуть не пришлось покинуть военную службу. К счастью, его тогда отстояли, он даже получил повышение, будучи назначенным командиром 15-го драгунского Александрийского полка в Лодзе. Во время беспорядков 1905 года, когда он ехал в собор на молебен по случаю Царского дня, в его коляску была брошена бомба, которая упала ему на колени, и к счастью, не разорвалась. Граф Келлер спокойно взял ее в руки и, приехав в собор, передал полиции. В 1914 году, когда вспыхнула война, он во главе 10-й кавалерийской дивизии выступил из Харькова, и тут же, с первых дел, сразу сказались его выдающиеся способности. Солдаты его обожали и гордились им. Всем памятно отношение к офицерам распропагандированных революцией солдат. У солдат же дивизии графа Келлера отношение к ним было совсем иное. Когда, после развала нашей Армии, он вернулся в Харьков, на Пасху солдаты его дивизии собрались в строй и направились к его квартире, чтобы поздравить его с Праздником и узнать: не нужно ли ему что-либо.

С него никто погон не срывал, и он приехал к нам в Киев в форме генерала Оренбургского Казачьего войска, с огромной папахой на голове, которая еще больше увеличивала его и без того высокий рост и придавала ему еще более внушительный вид. Графа Келлера я знал хорошо. Мы с ним познакомились, когда он был еще молодым штаб-ротмистром 18-го драгунского Калужского полка. В бытность его в Киеве он постоянно бывал у меня, и мы с ним долго беседовали о положении России вообще, и в частности об Украине и

гетмане, против которого он был очень восстановлен. В Киев он попал совершенно случайно, для формирования в Пскове Северной армии⁹⁵ для движения на Петроград⁹⁶, которому сочувствовало и всячески помогало высшее германское командование в Пскове. Келлер был убежденный враг германцев, и они это знали, но уважали его как храброго и честного противника. Поэтому они шли на разные уступки, лишь бы только Келлер согласился стать во главе нового формирования. Келлер, хоть [и] противник немцев, но был глубокий русский патриот, а потому как неперемное условие он ставил, чтобы вся инициатива была в его руках. Для этого требовалось, чтобы в его полевое казначейство немцы внесли нужную сумму для содержания армии в течение трех месяцев, [и] которое попожнялось бы по мере расходования. Не отвергая права контроля со стороны немцев, он, однако, требовал, чтобы право распоряжения этими суммами принадлежало исключительно ему. Далее, он требовал, чтобы в оперативную часть его армии немцы совершенно не вмешивались, и допускал при себе только одного германского офицера, исключительно для связи.

Очень несговорчивые в других случаях, в этом немцы шли навстречу желаниям графа Келлера, так велико было у них уважение к этому выдающемуся генералу. Остается только пожалеть, что все это не осуществилось благодаря тому, что граф Келлер принял предложенное ему назначение главнокомандующего всех вооруженных сил Украины. Поезжай он в Псков, он, вероятно, был бы жив до сих пор. В Киеве же он совершенно зря погиб.

Вступив в командование войсками, он сразу обратил внимание на их боевую подготовку. Больше всего внушали ему недоверие мобилизованные три украинских армейских корпуса. Граф Келлер вполне разделял мнение тех, которые считали эти части совершенно ненадежными. С самых первых дней сказался прямолинейный и непримиримый характер графа. Пошли пререкания с гетманом, перед которым он не мог скрывать своего отрицательного отношения к «Украине». Кроме того, некоторые порядки в войсках ему не нравились, и он собирался все это переделать и отменить. Например, было установлено, что на всякое приветствие начальства и на похвалу части должны были отвечать «слава Украине и гетману слава». Келлер не мог этого переварить и все время говорил: «Это ни на что не похоже. Я им говорю – спасибо, молодцы – а они мне отвечают про какую-то славу гетмана». Между тем эта «слава Украине и гетману» была дорога многим хорошим украинским офицерам,

и трогать этого совершенно не следовало. К счастью, после долгих уговоров, удалось убедить Келлера не приводить в исполнение свое намерение. Дней через десять после своего назначения граф Келлер был у меня⁹⁷ и сказал, что теперь, познакомившись с войсками в мирной обстановке, он хочет, прежде чем предпринять решительное наступление, убедиться, как они будут держать себя хотя бы в маленьком бою, и что поэтому он на завтра назначил частичное наступление дивизии сердюков на полустанок Жуляны⁹⁸, находившийся в руках петлюровцев.

На следующий день, к 8 утра, назначенные части собрались у полустанка Волынский пост, куда отправился и граф Келлер со своим штабом. Стали раздаваться отдельные ружейные выстрелы, но было сразу видно, что бой не разгорается. В 3 часа дня я проходил мимо штаба по Банковой [улице] и увидел группу всадников. То были граф Келлер и его штаб, возвращающиеся с места боя. Слезая с лошади, Келлер со смехом мне сказал: «Много боев я видал за последние годы, но такого еще ни разу!» И рассказал мне следующее: прибыв утром на Волынский пост, он приказал дивизии сердюков построиться в боевой порядок и наступать. Сам же остался при артиллерии и следил в бинокль за движением сердюков. В полном порядке, как на параде, наступали их цепи. Вдруг у противника один пулемет открыл огонь. Все цепи стали и залегли. Было видно, как офицеры делали невероятные усилия, чтобы их поднять и вести вперед. Келлер приказал обстрелять Жуляны артиллерией. Неприятельский пулемет замолк, и тогда офицерам удалось заставить сердюков идти вперед. Офицеры вели себя героически, показывая пример нижним чинам, но зеленая молодежь не выдержала, и когда несколько пулеметов открыли огонь снова против них, повернулись и стали отходить, сперва медленно, а потом более ускоренным темпом.

Тут легло много офицеров и унтер-офицеров, честно исполнивших свой долг. Из четырех командиров полков три были убиты, и эта убыль показывает, насколько безупречны были офицеры. Сердце старого кавалериста не выдержало, и граф Келлер карьером бросился навстречу бегущим, пытаясь их остановить. Получилась небывалая картина: главнокомандующий всех вооруженных сил верхом пытается остановить бегущую цепь. Но ни крики, ни убеждения не помогли. Тогда Келлер схватил лично одного солдата и крикнул ему: «стой». Тот остановился, ближние его соседи тоже остановились. Келлер спросил: «Чего вы бежите?» – «А там стреля-

ют», – был ответ. Келлер [тогда] сказал: «На то война, чтобы стреляли» – «Опасно, могут убить», – было сказано в ответ так, что в голосе слышалось: «Чего ты пристаешь, ведь самого могут убить, лучше уходи». Ничего нельзя было сделать, и сердюки остановились только у Волынского поста, когда увидели свою артиллерию и несколько офицерских отрядов.

Впрочем, боевые качества противника были одинаково слабы. Несколько пушечных снарядов сразу прекратили какие-либо попытки преследования, и бой умолк. В заключение Келлер мне сказал: «Будь у меня только два эскадрона моих новгородских драгун, от петлюровцев только мокро бы было. А с подобными войсками не может быть и речи о каком-либо решительном наступлении. Дай Бог, чтобы они в окопах отсиделись и не бросили бы их, большего с них требовать нельзя».

Глава XXI ПАДЕНИЕ ГЕТМАНСТВА

В тот же вечер граф Келлер был с докладом у гетмана и, вероятно, со свойственной ему прямолинейностью, крайне резко выразился. Вскоре после этого Келлер подал в отставку и на его место был назначен князь [А.Н.] Долгоруков⁹⁹. Сделать он уже ничего не мог, так как было вполне ясно, что без помощи союзных держав это было невозможно, а, как было сказано выше, союзники эту помощь оказывать не желали. Князь Долгоруков был тоже очень храбрый человек, раненый и оставшийся в строю во время Японской войны. Он командовал сперва казачьей дивизией, а потом кавалерийским корпусом в последней войне. На следующий день после назначения он отправился на позиции, где, не скрываясь в окопах, спокойно разгуливал под выстрелами неприятеля, чем произвел на всех прекрасное впечатление. Характера он был тоже неуживчивого и резкого, и на первых же порах имел крупное столкновение с начальником оперативного отделения германских войск майором Эрдшем.

В это время случилось одно обстоятельство, очень смутившее германское командование. В Киеве, в одной из гимназий, был учитель французского языка, некий Энно¹⁰⁰. Он присвоил себе звание французского консула в Киеве и отправился в Одессу для переговоров с французскими властями. Что он делал в Одессе, мне неизвестно, но оттуда он послал телеграмму в Киев главнокомандующе-

му германскими войсками, [в которой говорилось] что французское правительство возлагает на него лично всю ответственность за беспорядки на Украине. Едва ли Энно имел право посылать такую телеграмму, но она произвела сильное впечатление¹⁰¹. На следующий день все германские войска выступили против петлюровцев, и после нескольких орудийных выстрелов отбросили их на сорок верст от Киева. В этот день у немецких офицеров был очень озабоченный вид. Но на следующий день картина изменилась. По-видимому, их разведка в Одессе сообщила, что Энно никем не уполномочен и что с ним считаться не следует. Нам они [после этого] с улыбкой говорили: «посмотрим, как ваши союзники будут вас спасать»¹⁰², а дальше добавляли, что петлюровские войска оказались гораздо лучше, чем [о них] думали, что немецкие войска с ними справиться не могут, и что у них даже взяли одну батарею¹⁰³.

Мы, конечно, зная, как германцы накануне с ними легко справились, этому не поверили и поняли, что немцы решили скорее кончать с гетманством и стали помогать петлюровцам, у которых появилась и артиллерия. А тут еще 3-й украинский корпус перешел к петлюровцам и открыл фронт. Благодаря этому сердюки и офицерские отряды не имели более возможности удержать свои позиции и начали отходить в Киев. За ними потянулись и петлюровцы. В последнюю минуту обратились опять к Келлеру, и он прибыл к штабу на Псковскую улицу, где еще стояла одна рота Киевского кадетского корпуса. Видя это, он сказал, [что] раз последняя позиция защищается только одной ротой кадет, то ничего больше сделать нельзя. Вскоре затем петлюровцы заняли и штаб, и офицерские отряды отошли к Александровской улице.

В это время мы с женой проходили по Левашевской улице, параллельной Псковской, и видели автомобиль с двумя офицерами с винтовками на его крыльях, который носился быстро взад и вперед. Очевидно, они кого-то искали. Вскоре этот автомобиль остановился около одного дома, из которого вышел граф Келлер в сопровождении состоящих при нем Кавалергардского полка ротмистра [А.А.] Пантелеева и 10-го драгунского Павлоградского полка поручика Николаева¹⁰⁴. Оказалось, сидящий в автомобиле полковник разыскивал графа Келлера, чтобы предложить ему встать во главе офицеров, сосредоточенных на Александровской улице. Келлер ответил, что если там собрано 1000 офицеров при двух орудиях, он согласен вести их через Полтавскую губернию и далее на соединение с Добровольческой армией. Получив утвердительный ответ, он

простился с нами, сел в автомобиль и помчался через Банковскую улицу, где уже были петлюровцы. Вскоре там раздались выстрелы – это петлюровцы обстреливали автомобиль Келлера. Он им отвечал выстрелами из револьвера и благополучно проскочил на Александровскую улицу. Там, к сожалению, 1000 человек не оказалось, они частично успели уже разойтись. Осталось всего около 300 человек и ни одного орудия. При таких условиях мысль графа Келлера о движении на соединение с армией генерала Деникина оказалась неосуществимой, и ему пришлось распустить последних оставшихся офицеров. Сам же он вместе со своим ординарцем направился в Михайловский монастырь.

Узнав об этом, германское командование, желая его спасти, послало туда автомобиль с офицером. Граф Келлер сперва согласился сесть в этот автомобиль, но когда один из его ординарцев передал ему, что немецкий офицер просит его заменить свою папаху германской фуражкой, иначе он не может ручаться, что провезет его благополучно по улицам Киева, Келлер ответил, что раз он не ручается, то и не надо¹⁰⁵. Он вернулся в Михайловский монастырь, вскоре захваченный петлюровцами, которые арестовали и Келлера. Через день его и двух его адъютантов повели в помещение, где находились другие арестованные. Проходя мимо памятника Богдану Хмельницкому, шедшие сзади конвойные выстрелами в затылок убили их всех¹⁰⁶. Одни говорили, что убийство было произведено по приказу Петлюры, другие – что их застрелили сами конвойные, думая, что у графа Келлера много с собою казенных денег. Так или иначе, но этот герой, которого всю войну щадили немецкие пули, пал от рук не честных врагов, а простых убийц. Петлюра даже отрицал перед немецким командованием, что Келлер убит, но многие видели его труп у памятника Богдану Хмельницкому и, по требованию немецкого командования, все трое убитые были похоронены по христианскому обряду в ограде Покровского монастыря.

Таким образом пало гетманство на Украине.

Общественное мнение стремилось тогда найти объяснение в неумении гетмана справиться со своей задачей и в допущенном ряде ошибок. Конечно, такое серьезное и крупное дело, как организация жизни целого края, не могло пройти без ошибок. Но как мною выше сказано, самые серьезные ошибки были допущены не по вине гетмана, положение которого было очень трудное, особенно потому, что ему приходилось считаться с требованиями главного германского командования. В действительности же главная

причина крушения гетманского строя имеет большую аналогию с теми причинами, которые привели к крушению Добровольческой армии. Как в то время вся Россия еще не изжила большевизм, так и на Украине революционная молодежь возлагала свои надежды на большевизм и не ошиблась в этом отношении, так как Петлюра со своими войсками продержался в Киеве не более шести недель и на смену им скоро явились большевики. Но оправдали ли большевики все их тогдашние ожидания, и что они им принесли?.. Нищету, голод и полный произвол, как и во всей России. И если бы, каким-нибудь чудом, оба движения, как Добровольческая армия, так и гетманство, произошли бы теперь, можно с уверенностью сказать, они были бы встречены с восторгом всем населением. Поэтому, как несправедливо бы было обвинять исключительно генерала Деникина во всех неудачах Добровольческой армии, так и несправедливо было искать причину падения гетманства в разных ошибках, якобы допущенных гетманом Скоропадским. Конкретная же причина, по моему убеждению, в действительности кроется в том, что тогда в большевизме еще не разочаровалось население России и Украины.

Каковы же были результаты восьмимесячного управления Украинской гетманом Скоропадского?

1. Тот хаос в управлении краем, который допустило сперва Временное правительство, передав власть губернаторов и уездных исправников в руки неопытных и неподготовленных председателей губернских и уездных земских управ, а затем передав часть функций в руки Центральной Рады, этот хаос при гетмане был заменен правильно организованной администрацией и на должность губернских и повятовых¹⁰⁷ старост были привлечены не только лучшие из местных людей, но также представители бывшей администрации. Точно так же правильно функционировали все судебные управления, казенная палата, управление путей сообщения, контроль и другие.

2. Главная отрасль богатства Украины была восстановлена, поэтому сельское хозяйство велось почти нормально, и осенний посев был произведен настолько хорошо, что на следующий год крестьяне собрали с помещичьих земель около 300 пудов с десятины. Точно так же удачно работали сахарные и другие заводы и шла добыча угля.

3. Благодаря тому, что Украина производила сама все то, что было необходимо для своего существования, уже при гетмане из-

лишки вывозились за границу, торговый баланс был в пользу Украины. Поэтому украинские деньги не были с самого начала совсем обесценены, как русский рубль. Министру финансов удалось установить курс карбованца равный старой германской марке, и нет никакого сомнения, что уцелей гетманская Украина, экспорт и в другие страны достиг бы крупных размеров, и поэтому курс карбованца не падал бы с каждым годом, а возрастал. Словом, экономически Украина, несомненно, процветала бы.

4. Для улучшения транспорта был намечен целый ряд новых железных дорог, для постройки и эксплуатации которых предполагалось привлечь как украинские, так и заграничные капиталы. Ясно, что после революционной разрухи правое земство не скоро имело бы возможность построить за свой счет намеченную сеть, точно так же, как теперь, если во всей России вместо большевиков наконец-то установится прочный порядок для приведения транспорта в надлежащий вид и для ремонта железных дорог, придется обратиться исключительно к иностранному капиталу, так как своих капиталов больше не существует.

Из всего сказанного ясно, что для достижения всего вышеизложенного требовалось не только знание, но и громадная работа, и что утверждение, что управление гетмана никаких положительных результатов не дало, является крайне легкомысленным, если не хуже, и остается только искренно пожалеть, что управление гетмана длилось всего лишь восемь месяцев.

Чтобы закончить эту главу, остается сказать несколько слов о том, что было в Киеве вообще и лично со мною после занятия его петлюровцами. Все русские офицеры, не имеющие где скрыться, были арестованы и помещены в Педагогическом музее, и если они не были убиты, то только потому, что германцы были еще сильны в Киеве и этого не допустили и всех вывезли в Германию. Сознывая, что за мою дружбу со Скоропадским петлюровцы будут преследовать и меня, я сразу отправился к двум знакомым немецким офицерам, у которых переночевал. В эту ночь хотели меня арестовать по обвинению в устройстве гетманского переворота. Это была полная нелепость. Я, конечно, сочувствовал замене гетманом Центральной Рады, но от этого до устройства переворота очень еще далеко, и сделать это самому не было у меня, очевидно, никакой возможности. Петлюра и его Директория не могли не знать, как произошел гетманский переворот, и желание свалить ответственность за это на меня являлось их старой пустой придиркой. Впрочем, в то время

петлюровцы мало чем отличались от большевиков, и только присутствие германцев лишило их возможности применить обычные большевистские приемы.

Знакомые достали для меня удостоверение, что я телеграфист, командированный в Полтавскую губернию, и советовали мне на лошадях уехать из Киева и постараться пробраться на юг в Добровольческую армию. Но это было слишком рискованно, так как я телеграфировать не умел, а потому при неминуемой встрече с какой-нибудь бандой сразу обнаружилось бы, что мое удостоверение подложное. Скрываться же долго у моих знакомых офицеров было неудобно, поскольку это могло бы их подвести. Поэтому мы с женой решили, что скрываться далее не стоит, и сами явились в петлюровскую чрезвычайку, чтобы спросить, что им от меня надо. Как потом оказалось, это было самое правильное решение. Во главе этой чрезвычайки стоял форменный чекист, которого мое появление все-таки озадачило. Тем не менее меня арестовали и отправили в одну небольшую комнату, где уже сидело все правительство гетмана. Арестованные все прибывали, и вскоре понемногу собралось в этой небольшой комнате 28 человек. Спали на столах и под столом вповалку. Воздух был ужасный, почти все курили, и когда утром открывали окно, свежий воздух долго не мог проникнуть в комнату. Водопровод не действовал, поэтому в уборной была невероятная грязь. Мыться мы могли на дворе, да и то только талым снегом. [Зато] питались мы хорошо, так как жена присылала из дома горячий кофе и такое изобилие провизии, что я мог делиться и с некоторыми другими арестованными. Все же остальные заказывали себе обед в ресторане.

По ночам на дворе раздавались подозрительные выстрелы. Что это было такое, утверждать не буду, но возможно, что кое-кого расстреливали. Наконец до германского командования дошли слухи, что ночью собираются бросить со двора бомбу в нашу комнату, находившуюся на нижнем этаже. Тогда они потребовали, чтобы нас перевели в настоящую Лукьяновскую тюрьму, где охраняли нас уже своими часовыми, и там мы почувствовали себя в полной безопасности. Нечего и говорить, что старорежимная тюрьма оказалась нам верхом комфорта по сравнению с чрезвычайкой. Большие, высокие камеры на 12 человек с нарами, хороший воздух, отличная уборная, кафельная комната с белыми ваннами, которые, к сожалению, не действовали. Тюремное начальство и все надзиратели были старые, которые относились к нам с большим почтением.

[Тем временем] германские войска постепенно уходили с Украины, поэтому возник вопрос: что делать дальше? Киевский гарнизон и штаб главнокомандующего еще не трогались, но стало известно, что скоро наступит время, когда и они уйдут. Оставаться при таких условиях в Киеве было невозможно, так как было вполне ясно, что после ухода немцев большевики прогонят петлюровцев и снова займут Киев. Начальники тюрьмы нас успокаивали, что перед вступлением большевиков они откроют ворота, выходящие в поле, и предоставят нам уходить, куда нам угодно. Но куда идти без документов и без денег? Ясно, что это означало бы попасть [к] большевикам и быть расстрелянными. Поэтому жена стала хлопотать о моем освобождении. Переговоры с Директорией велись через одного офицера 2-го Гессенского драгунского полка, шефом которого был наш Государь, и который носил вензель нашего Государя на погонах. Два члена Директории согласились подписать мое освобождение, но один упрямылся, говоря, что если они меня освободят, то их самих арестуют, так как никто не поверит, что за мое освобождение они не получили крупную сумму от [моей] жены. Пришлось обойтись без настоящей третьей подписи¹⁰⁸. Наконец, когда все было налажено, жена пришла проститься со мной, предупредив, что чрез два дня я буду освобожден, что при выходе из тюрьмы меня будет ожидать автомобиль с двумя неизвестными лицами, которые и наладят мою дальнейшую поездку в Германию на соединение с нею и детьми¹⁰⁹. Они же должны были в день нашего последнего свидания выехать в Кенигсберг, где и ожидать меня. В день моего предположительно-го освобождения последний скорый прямой поезд должен был вечером отойти в 11 часов до станции «Голобы», где была граница Украины, а так как о моем освобождении начальник тюрьмы должен был сообщить местным властям только через день, то к тому времени я по предположению должен был бы уже проехать границу Украины, поэтому, если бы и открылось, что мое освобождение не вполне законное, то для меня это больше значения не имело бы.

Прошло два дня ожидания. Один из надзирателей, проходя мимо меня, сказал мне только слово «сегодня», значит, все дело шло согласно предположению. Однако день прошел, наступил вечер, и все ничего. Наконец, в 9 часов вечера, заперли камеру на ночь. У меня были невеселые мысли. Было ясно, что с освобождением вышла какая-то задержка, и я боялся, что не удастся попасть на вечерний скорый поезд. Проходить же по вокзалу среди бела дня было очень рискованно, уж слишком хорошо все в Киеве зна-

ли меня. Наконец, в девять с половиной щелкнул замок в двери камеры, и начальник тюрьмы объявил мне: «Вы свободны». Я быстро собрался, но тут все мои «коллеги» бросились убеждать меня не уходить до утра, что это просто провокация, и что меня в темноте расстреляют из-за угла. Я, конечно, их не послушался, со всеми дружески простился и ушел. На следующее утро все они были убеждены, что со мною случилось несчастье, и что я домой не дошел, так как мой Гаврило принес, как всегда, кофе и провизию. Это было сделано нарочно, чтобы замести следы.

Когда я вышел из тюрьмы, никакого автомобиля на улице не оказалось, а так как при осадном положении всякое движение прекращалось в 10 часов вечера, то мне ничего другого не оставалось, как ехать на извозчике в город. Я решил заехать к Бенуа¹¹⁰, которые должны тоже в этот вечер ехать в Берлин. Они уже уехали на вокзал, и меня встретил бывший губернатор Суковкин, у которого тоже был немецкий паспорт, но который, несмотря на мои убеждения, не пожелал покинуть Киев и потом был расстрелян большевиками. С Суковкиным мы телефонировали сестре жены, Марусе Клейнмихель, которая быстро явилась к Бенуа, принесла мне паспорт и деньги и сказала, что мои спутники товарищ прокурора П. и какая-то темная личность, уверяющая, что она Эйхгорн, племянница убитого германского генерала, ждали у тюрьмы с 8 до 9, потом они промерзли и за несколько минут до моего выхода вернулись в город.

[Было] ясно, что на скорый поезд я уже попасть не могу, но Маруся Клейнмихель мне передала, что германское командование соглашалось отправить меня с эшелонем 76-го пехотного полка, который должен был уходить из Киева на следующий день в 11 часов утра. В 7 часов утра заехали за мной два очень сконфуженных спутника, которые страшно извинялись, и я с ними отправился в квартиру неизвестного мне иудея-грузина, где парикмахер мне несколько подчернил волосы, усы и подобие бороды, которая у меня отросла в тюрьме. Но, несмотря на этот грим, меня все-таки легко было узнать. Мои спутники даже не позаботились о том, чтобы достать мне темные очки. Оттуда мы четвером, с моим багажом, проехали по Крещатику, где уже ходило много народа, на товарную станцию. Мои спутники отправились разыскивать эшелон 76-го пехотного полка, я же остался пить чай на станции. Они вскоре вернулись с известием, что вышла ошибка, и что эшелон отправился в 6 часов утра, но что последний германский поезд со штабом главнокомандующего и охранным батальоном должен выступить через час. Они

опять отправились для переговоров, а меня попросили перейти в соседний трактир, так как на станции начинают с недоумением глядеть на меня. Через час они мне сообщили, что главнокомандующий не решается взять меня, и что следующий почтовый поезд уходит только на следующий день в 9 часов утра, и других поездов больше нет. Следовательно, надо было где-нибудь около суток переждать, да и уезжать при самых неблагоприятных условиях, утром, и на глазах у многочисленной публики, но другого выхода не было и мои спутники отвезли меня, опять через весь Киев, на Подол в Кирилловскую больницу, где в отдельном маленьком доме жила фельдшерница полька, у которой я и поместился. Она не знала, кто я, но, видимо, привыкла скрывать у себя политических беженцев, и очень радушно отнеслась ко мне.

На следующее утро мы отправились на пассажирский вокзал. Опасность заключалась в том, что в это утро начальник тюрьмы должен был донести о моем освобождении, и тогда могло обнаружиться, что это освобождение не вполне легально. Но слава Богу, ничего дурного не случилось и, хотя на вокзале смотрели с удивлением на меня, я быстро прошел по платформе, занял в вагоне верхнее место, где и пролежал всю дорогу. Мои спутники поместились внизу и объяснили остальным, что наверху лежит больной человек. У меня был эстонский паспорт с германской визой. Таким образом мы благополучно покинули Киев и поехали по хорошо знакомой дороге. На следующий день мы благополучно прибыли на пограничную станцию Украины «Голобы» и, хотя мои спутники и утверждали, что мое бегство из тюрьмы обнаружено и что дана телеграмма о моем аресте, но по той небрежности, с которой Украина проверяла паспорта, видно было, что никого не ищут, и что мои спутники все это сочинили, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть, насколько было им трудно и опасно меня сопровождать.

Из Бреста мы выехали в прямом скором поезде на Берлин, куда могли бы приехать на следующее утро, но так как я условился с женой встретиться в Кенигсберге, то пришлось пересаживаться на станции Аленшгейн. Оттуда я послал телеграмму жене. Так как, пропустив последний скорый поезд из Киева, я опоздал на целых четыре дня, то жена страшно беспокоилась, считая меня погибшим. Моя телеграмма ее страшно обрадовала и успокоила, и на следующее утро я уже обнимал мою милую жену и дорогих детей, а также наших верных Сашу и няню, не пожелавших покинуть нас в несчастье и поехавших с нами за границу.

В Киеве, как надо было ожидать, петлюровцы удержаться не смогли, и стали постепенно очищать весь край под напором большевиков, причем всюду, где только ни появлялись банды петлюровцев, происходили небывалые по своим жестокостям еврейские погромы, что служит лучшим доказательством того, что в былые времена не царское правительство занималось этими погромами, как то стремилась объяснить еврейская пресса, а что это движение на Украине являлось стихийным и [было] результатом вековых притеснений и эксплуатации.

На этом я кончаю воспоминания о моей жизни, долголетней работе и службе и о всем том дорогом для меня прошлом, в котором хотя и бывали допущены ошибки, но в котором все же так ярко сказывались величие и мощь былой Императорской России, когда под сенью Двуглавого Орла жилось так привольно и хорошо на Руси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Покинув Россию, мы оказались в числе миллионов русских беженцев, заброшенных судьбой почти во все страны земного шара. Вначале мы надеялись, что жить нам долго за границей не придется, что большевики долго удержаться не могут, и что тогда мы все вернемся домой. Но с тех пор прошло уже более 15 лет, и мы все еще вынуждены влечить тяжелую и безотрадную жизнь русских беженцев, а большевики все еще держатся, так как их поддерживает вся Европа. Во всех государствах их боятся, и не без основания, так как они являются постоянной угрозой для всего мира. Большевики не могут отказаться от своей главной задачи, от мировой революции, и какие бы соглашения с другими государствами они ни заключали, [они] всюду будут продолжать свою коммунистическую пропаганду. И что мы видим теперь? В тех странах, где заключают с ними разные пакты и договоры, там-то больше всего и растет и крепнет коммунизм, с сопровождающими его разными беспорядками и волнениями. Пока с этим движением правительства справляются, однако коммунизм крепнет с каждым годом, и, если власти вовремя не опомнятся и, забыв свои распри перед общей опасностью, не сплотятся, чтобы дружными усилиями ликвидировать в Москве то гнилое яблоко, которое называется русским большевизмом, тогда оно легко может распространить свою заразу на них, и идея мирового масонства «большевизм во всем мире» может осуществиться.

Что же побуждает государства так легкомысленно играть с огнем? Неужели страх видеть возрождение сильной России или навязные надежды, что при большевиках им удастся хорошо пожить за счет России, судить не берусь, так как совершенно перестал интересоваться политикой, в которой люди моих взглядов ничего сделать не могут. Но ведь во главе государств стоят умные люди, которые не могут не знать, что от московских большевиков, кроме коммунизма, они ничего не получают. Что же касается возрождения России, то задержать его можно на некоторое время, но избежать его совершенно невозможно, и что тогда возрожденная и мощная Россия припомнит, как к ней относились разные государства в тяжелое время.

Как я уже говорил, покинув Россию, мы сразу попали в Германию, и, отдохнув некоторое время в Кенигсберге, двинулись в Берлин, где у нас было много знакомых, так как большинство киевских беженцев направилось в Германию. Кроме того, многие знакомые нам по Киеву германские офицеры были в Берлине и всячески помогли нам устроить себе постоянную визу в Германию, а также защитили нас от того шантажа, который пожелал продолжить с нами мой бывший спутник. Эта попытка была быстро ликвидирована, и эта темная личность исчезла с нашего горизонта. Вообще не могу не подчеркнуть с благодарностью, насколько германское общество, с которым приходилось нам встречаться, всегда дружелюбно и любезно относилось к нам, и насколько власть внимательно относилась и помогала нам легализовать нашу жизнь. Да оно и не удивительно – те германские семейства, с которыми приходилось нам встречаться, были такие же монархисты, как и мы, и вполне разделяли наши чувства. Что же касается власти, то, хотя они и были социалистами, но вся полиция была старорежимная, да и германские социалисты не походили на наших. Вместо бездарного Временного правительства и истерических воплей Керенского германские власти с первого дня только и думали о том, как спасти Германию от коммунизма и развала. В этом отношении велика заслуга первого председателя Германской республики Эберта, бывшего седельного мастера¹¹¹, и первого военного министра Носке, бывшего народного учителя и унтер-офицера. В критическую минуту, видя, что они сами справиться не могут, они обратились к видным генералам за указаниями, как надлежит им поступить. Генералы быстро ликвидировали восстание коммунистов в Берлине¹¹². Все офицеры поддерживали новое правительство и, еще до заключения Версальского

мира¹¹³, занялись возрождением военного могущества Германии. А теперь, через пятнадцать лет, благодаря их работе и несмотря на Версальский мир, Германия является в военном отношении одним из самых могущественных государств Европы.

Первое время в Берлине я играл некоторую роль между русскими беженцами, был во главе Русского комитета, который являлся представителем русских беженцев перед германскими властями, а также был среди деятелей церковного комитета. Я тогда одно время работал с нашими правыми организациями, [в том числе с] Марковым 2-м. Мы вели переговоры с германскими группами, которые нам сочувствовали. К сожалению, я скоро убедился, что эти переговоры никаких практических результатов дать не могут, так как в то время германские власти, спасая Германию, были вынуждены поддерживать сношения с большевиками, заключили с ними Рапалльский договор¹¹⁴ и стали пугать большевиками наших бывших союзников. Мы же не представляли тогда и не представляем теперь никакой реальной силы. Поэтому Германия, вполне сочувствуя нам, опираться на нас не могла. Когда я в этом убедился, я решил, что продолжать безнадежные переговоры нет смысла, и с этой минуты совершенно прекратил заниматься политикой, а потому на Рейхенгалльский съезд¹¹⁵ всех наших правых организаций не поехал, и полагаю, что был прав. Прошло 15 лет, и что сделали для спасения России все те многочисленные русские объединения и организации, которые перенесли теперь свою деятельность в Париж? Ровно ничего, да и сделать ничего не могли. Есть, впрочем, один положительный результат их работы: они убедились, что на наших союзников рассчитывать нельзя и свои взоры надо обратить в сторону Германии и Японии, что и с самого начала было ясно для моих единомышленников и для меня. Но, окончательно прекратив всякую политическую работу, я оказался безо всякого дела, что для меня, человека, привыкшего с детства к кипучей деятельности сперва в полку, а потом занимаясь своими и государственными делами, было очень тяжело, и до крайности угнетает меня до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ф.Н. Безак в своих воспоминаниях использует то слово «Украина», то «Украина». Для унификации текста, за исключением мест, где автор воспроизводит малороссийскую речь, оставлено одно написание – Украина.
- 2 В рукописи в данном месте стоит незаполненный пропуск.
- 3 В оригинале ошибочно указан 1909 год.
- 4 То есть русские националисты.
- 5 Речь идет об избранных в IV Гос. Думу Н.Н. Чихачеве и А.И. Савенко, которые в 1915 г. покинули фракцию националистов и умеренно-правых, войдя во фракцию «прогрессивных националистов», примкнувшую к либеральному Прогрессивному блоку.
- 6 «Бессловесный лидер» (*нем.*). Речь идет о председателе Всероссийского национального союза, Всероссийского национального клуба и фракции националистов и умеренно-правых в III и IV Гос. Думах П.Н. Балашеве (1871 – не ранее 1950), крайне редко выступавшем с публичными речами.
- 7 Имеется в виду А.И. Савенко (1874 – осень 1922), журналист, умеренно-правый политический и общественный деятель. Председатель Киевской партии правового порядка (1905–1908), член Совета Всероссийского национального союза, один из лидеров фракции националистов IV Гос. Думы, инициатор создания и председатель (с 1913) Киевского клуба русских националистов.
- 8 «Желтым блоком» правые прозвали сформировавшийся в августе 1915 г. блок оппозиционных фракций Гос. Думы и групп Гос. Совета, требовавших включения своих представителей в правительство и проведения ряда либеральных реформ. Название «желтый» было дано Прогрессивному блоку лидером крайне-правых IV Гос. Думы Н.Е. Марковым, по словам которого ни «красные» (левые), ни «черные» (правые) в блок не вошли, а вошли туда «все промежуточные цвета между черным и

- красным», от смешения которых и получился «желтый» блок. (Подробнее см.: *Иванов А.А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006. С. 63–75).
- 9 Имеется в виду Н.Н. Чихачев (см. именной указ.).
- 10 Практически сразу же после Февральской революции, 12 марта 1917 г., Ф.Н. Безак подал в отставку с должности киевского губернского предводителя дворянства.
- 11 Речь идет о 68-м Бородинском лейб-пехотном Императора Александра III полке, который под командой полковника Тумского в 1914 г. прославился победоносным единоборством со 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизией, считавшейся одной из лучших в Империи Габсбургов, при г. Владимире-Вольнском. Лейб-бородинцы отбили несколько атак венгерской кавалерии, заставив ее отступить, сами потеряв при этом лишь 40 человек.
- 12 Граф Мункачи, знатный венгерский магнат.
- 13 Польские «соколы» – члены польского Сокольского общества, основанного в 1867 г. во Львове (Австро-Венгрия), а также других «гнезд» этой организации, появившихся в разных регионах, в том числе в Германской и Российской Империях. Общество «Сокол» возникло во второй половине XIX в. в славянских землях Австро-Венгерской Империи и являлось панславянской молодежной организацией. Основателем и идейным вдохновителем «сокольства» выступил один из идеологов чешского национализма проф. Мирослав Тырш. Общий численный состав польских «соколов» перед Первой мировой войной достигал 60 тыс. членов. В годы войны, как отмечал Великий князь Николай Михайлович, «шайки “соколов” шныряют в местности между Холмом, Люблином и границей [...], зная отлично места, указывают австрийцам дороги, тропы и наши расположения; другие действуют сообща с врагами, тревожа русские войска, где только возможно». «Польские “соколы” постоянно жарят по нашим войскам, да еще разрывными пулями [...] Вот тебе и Гагская конференция!» (Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи. Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер. М., 2007. С. 511. Автор ссылается на: Записки Н.М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М., 1931. С. 153, 149).
- 14 В оригинале на месте пропуска находится довольно бессвязный текст: «мне особенно подозрительно площадки, так как...».

- 15 Легкое ружье для упражнения в стрельбе в цель.
- 16 Фактор (*лат.*) – комиссионер, исполнитель частных поручений.
- 17 Охотничьи уголья Императорской Семьи.
- 18 В Спале (Польша), в 1912 г., у Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, страдавшего гемофилией, произошло кровоизлияние в паху, которое чуть было не привело к трагическому исходу.
- 19 В.М. Пуришкевич, выступая 19 ноября 1916 г. с трибуны Гос. Думы с «исторической речью», в которой покинувший за день до этого фракцию правых депутат нещадно бичевал «темные силы» (как выяснилось позже, почти все обвинения Пуришкевича были голословны), он, обвиняя дворцового коменданта генерал-майора В.Н. Воейкова в том, что тот для вывоза минеральной воды «Куваки» из собственного имения якобы провел «стратегическую» железную дорогу на казенные деньги, назвал его «генералом от кувакерии». Сам Воейков полагал, что клеветнический выпад против него мотивировался тем, что он, сменив на посту дворцового коменданта, покровительствовавшего Пуришкевичу генерала В.А. Дедюлина, прекратил финансовую поддержку Русского народного союза им. Михаила Архангела, председателем Главной палаты которого являлся Пуришкевич (Подробнее см.: *Воейков В.Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта.* Минск, 2002. С. 153–156).
- 20 Имеется в виду либо А.А. Поливанов, занимавший пост военного министра в июне 1915 – марте 1916 гг., либо у Ф.Н. Безака опечатка, и речь идет все-таки о 1916 г., когда военным министром был Д.С. Шуваев (1916–1917).
- 21 Эти слова Ф.Н. Безака полностью подтверждаются следующими свидетельствами: Дворцовый комендант В.Н. Воейков вспоминал, что согласно ведомости на 1 янв. 1916 г. организованные общественностью военно-промышленные комитеты (ВПК) получали от правительства огромные отчисления, но давали более чем скромные показатели. Например, снарядов к бомбometам было заказано 3245 тыс., а сдано 96 136 шт.; мин было заказано 663 400 шт., а получено 119 шт. и т.д. (*Воейков В.Н. С Царем и без Царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М., 1995. С. 162*); Эти данные также согласуются с приводимыми сведениями о деятельности ВПК в воспоминаниях начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, утверждавшего, что ВПК (данные на 1916 г.) давали лишь 0,4 % все-

- го боевого снаряжения, но при этом старательно создавали ложное представление о своей необыкновенной продуктивности (См.: *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60). Даже член Прогрессивного блока В.В. Шульгин, являвшийся членом Особого совещания по обороне, позже признавал, что ажиотаж, созданный вокруг якобы огромного вклада в дело обороны страны частными заводами, не имел под собой никаких оснований: 90% снарядов и других боеприпасов поставляли казенные заводы, и именно последние, а не частная промышленность, сделали чудеса, сумев не только выйти из временного кризиса, но и обеспечить страну всем необходимым для победоносного завершения войны (См.: *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991. С. 237).
- 22** Великого князя Николая Николаевича (младшего), занимавшего пост Верховного главнокомандующего с 20.07.1914 и назначенного 23.08.1915 Императором Николаем II наместником на Кавказе и Главнокомандующим Кавказской армией.
- 23** Ф.Н. Безак обыгрывает фразу лидера партии кадетов П.Н. Милюкова, рефреном повторявшуюся им с думской кафедры 1 нояб. 1916 г. На основании слухов и домыслов, бичуя царское правительство, либерал Милюков, заканчивая тот или иной выпад, обращаясь к аудитории повторял: «Что это, глупость или измена?» Речь эта получила у современников название «штурмового сигнала революции». Между тем, как отмечал сочувствующий выступлению Милюкова В.Л. Бурцев: «Историческая речь, но она вся построена на лжи» (Цит. по: *Мельгунов С.[П.]*. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Paris, б.г. С. 72). Монархисты, устами правого депутата Н.Е. Маркова, так охарактеризовали речь Милюкова: «Тут была и глупость, и измена – глупость всех тех, кто верит Милюкову, измена всех тех, кто во время опаснейшей войны подрывают высший авторитет, которым единственно держится государство...» (Цит. по: *Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. Берлин, б. г. С. 138).
- 24** Селям-алейкум (*араб.*, мир вам), приветствие мусульман при встрече друг с другом.
- 25** Имеется в виду генерал от инфантерии Н.А. Ходорович, с 16 апр. 1916 г. занимавший должность главного начальника Киевского военного округа.

- 26** В сент. 1917 г. Н.Н. Чихачев (сын адмирала и генерал-адъютанта Н.М. Чихачева (1830–1917), писал: «...Сам когда-то по условиям моей службы я имел отношение к группам так называемых правых, но я уже много лет (! – А.И.) с ними порвал, и они крайне враждебно ко мне относятся, что я с первых дней великой революции радостно приветствовал ее, посильно служил ей в киевском городском комитете, что я разделяю страх за ее справедливые завоевания и осуждаю преступные попытки (!! – А.И.) вернуть наш государственный корабль назад» (Поведение Н.Н. Чихачева // Народный трибун. 1917. 12 сент. № 6). За столь быструю смену политических ориентиров бывший националист Чихачев метко был охарактеризован В.М. Пуришкевичем «вновь испеченным национал-социалистом» (Там же).
- 27** Имеется в виду вдовствующая Императрица Мария Федоровна.
- 28** Создана 4 марта 1917 г. в Киеве на заседании совета Украинской партии социалистов-федералистов с участием Украинской социал-демократической рабочей партии, Украинской партии социалистов-революционеров, ряда обществ и организаций. В обращении «К украинскому народу» 9 марта призывала поддержать Временное правительство. К апрелю 1917 г. расширилась до 150 человек. Для работы между пленумами выделила исполнительный орган – т.н. Малую Раду из 30 человек (председатель – М.С. Грушевский, заместители председателя – В.К. Винниченко, С.А. Ефремов) В мае – июле в Раду было избрано 643 члена (номинально числилось 815 человек, но в работе участвовало менее половины). В это же время началось формирование национальных украинских воинских частей. В 1-м универсале (обращении) от 10 июня Центральная Рада, вопреки желанию Временного правительства, провозгласила автономию Украины и создала собственное правительство – Генеральный секретариат (Совет министров) во главе с Винниченко. «Сразу же после падения в России монархии на Украине вспыхнуло национальное движение, революционно организовавшее “Центральную Раду”, куда, кроме делегатов от украинских партий, вошли несколько представителей от русских левых партий на Украине [...] Горячие головы, заседавшие в Центральной Раде [...], сами установили несколько “генеральных секретарей” [...], сами издали несколько манифестов к украинскому народу (“Универсалы”) и очень рано [...] выставили идею самостоятельной (“самостийной”) Украины», – вспоминал протопресвитер,

- министр вероисповеданий в правительстве гетмана П.П. Скоропадского, о. Василий Зеньковский (*Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания / Публ. текста и ред. М.А. Колерова. М., 1995. С. 18).
- 29** М.С. Грушевский около 20 лет жил и работал во Львове, тогда принадлежавшем Австро-Венгрии.
- 30** М.А. Суковкин, до революции глава киевского губернского земства. Поддерживал хорошие отношения с украинскими самостийниками, с 1918 посол Украинской Державы в Турции.
- 31** Речь идет о лидере левых кадетов, профессоре Томского университета, депутате III – IV Гос. Дум, в 1917 г. министре путей сообщения, Н.В. Некрасове. Помимо указанных лиц, членом делегации был еще И.Г. Церетели. «Маниловщина, определявшая различные шаги Временного правительства, присуща была и всем мероприятиям [...] в отношении Украины. В качестве “знатоков” были посланы в Киев Керенский, Терещенко и, если не ошибаюсь, Некрасов, которые от имени Врем. правительства заключили своеобразный конкордат с Центральной Радой, признав за ней право ответственного руководства жизнью Украины и лишь ограничив это право местными делами (просвещения, земства и т. д.)», – писал о. Василий Зеньковский (*Зеньковский В.* Указ. соч. С. 19).
- 32** Результатом переговоров стал компромисс. Временное правительство признало исполнительный орган Центральной Рады – Генеральный секретариат в качестве краевого органа власти; Центральная Рада обещала расширить свой состав за счет представителей неукраинских организаций, согласовывать украинизацию армии со Ставкой и отложить провозглашение автономии до созыва Всероссийского учредительного собрания. Эти положения были обнародованы в декларации Временного правительства 2 июля и 2-м универсале Центральной Рады 3 июля 1917 г. В России договор привел к правительственному кризису (т.к. министры-кадеты покинули правительство, считая, что министры-социалисты фактически самочинно предоставили Украине автономию). На Украине же мнения диаметрально разделились: В.К. Винниченко настаивал, что результатом переговоров стало фактическое признание автономии, другие же (напр., О. Пчилка), наоборот, сочли, что Центральная Рада стала зависимой от российского Временного правительства (Подробнее см.: *Бондаренко Д.Я., Крестовская Н.Н.* Переговоры Временного

правительства и Украинской Центральной Рады весной и летом 1917 года // Отечественная история. 2002. № 2. С. 85–96).

- 33** Галиция – историческое название части западноукраинских земель, находившихся в описываемый период в составе Австро-Венгерской империи Габсбургов.
- 34** Как рассказывает в своей «Истории Украины-Руси» о возникновении этой воинской части А. Дикий, группа находившихся в Киеве дезертиров потребовала признать их Первым украинским имени Богдана Хмельницкого полком. «Мнения о том, удовлетворить ли требования дезертиров, разделились. Центральная Рада вынесла резолюцию: “данную группу солдат признать полком и считаться с этим, как с фактом”. Совет солдатских депутатов стал на противоположную точку зрения и категорически воспротивился такому способу создания украинской армии. После длительных переговоров и совещаний [...] дезертиры восторжествовали, и был признан факт формирования этого первого полка украинской армии [...] Удобно расположившись в казармах, полк рос как на дрожжах, ежедневно увеличивая требования довольствия, не нес никаких караулов по гарнизону и не помышлял ни о каком фронте. Это была какая-то, никого и ничего не признающая, “Сечь Запорожская” в центре Киева, которая бездельничала, митинговала и пьянствовала и разлагающе действовала на остальные части [...] Тронуть “Богдановцев” никто не смел, ибо они находились под особым покровительством Центральной Рады и всякое действие против них рассматривалось как “контрреволюционное” и “антиукраинское»» (Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк, 1961. Т. 2. Цит. по электронной версии: Украинские Страницы. История национального движения Украины // <http://www.ukrstor.com/dikij/>).
- 35** Полуботковцы – бойцы полка им. гетмана Полуботка (П. Полуботок – гетман Украины (1722–1724). О том, как формировалась эта часть, сообщает «Вестник Украинского генерального войскового комитета» (1917. № 5–6). Глава Генерального секретариата Украины Винниченко докладывал по прямому проводу Временному правительству: «В ночь на 5 июля группа украинцев-солдат, около 5000, которая проходила распределительный пункт и, самовольно, вопреки распоряжению Генерального Комитета, назвала себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, вооружилась и поставила караулы около 2-х государственных

- учреждений. Генеральный Секретариат немедленно предпринял решительные меры для восстановления порядка».
- 36** Попытки отправить украинские полки на фронт неизменно оканчивались неудачей. Только один раз, 8 авг. 1917 г., после долгих уговоров, удалось посадить в вагоны для отправки на фронт два эшелона «богдановцев», но дальше Поста Волынского (9-й километр от Киева) они не уехали. Пьяные бойцы устроили бунт, и охранявший станцию эскадрон Кирасирского полка вынужден был их разоружить (при этом было 16 убитых) и вернуть в Киев.
- 37** Конская масть, желтоватого цвета со светлым хвостом.
- 38** «Богдановцы» и «полуботковцы» стали ударной силой украинских самостийников. 3–5 июля 1917 г. (в дни большевистского восстания в Петрограде против Временного правительства) «полуботковцы» захватили Печерскую крепость, арсенал, интендантские склады, Центральный банк, разоружили милицию и юнкерские училища, арестовали коменданта Киева и начальника милиции, разгромили штаб командира Киевского округа, выставили посты у всех государственных учреждений. Однако «богдановцы», которые согласно плану должны были провозгласить «самостийность» Украины, неожиданно перешли на сторону Временного правительства, воссоединились с русской пулеметной ротой и разоружили «полуботковцев».
- 39** Полковник К.М. Оберучев (в прошлом народник, потом эсер), по свидетельству о. В. Зеньковского, «достойнейший по своим личным качествам, разумный и спокойный человек, менее всего подходивший, однако, для того, чтобы стать носителем власти» (*Зеньковский В.* Указ. соч. С. 19).
- 40** Украинская Народная Республика (УНР) – провозглашена универсалом Центральной Радой 7 (20) ноября 1917 г., первоначально в федеративных отношениях с Россией. Этому предшествовала широкая национальная автономия Украины под руководством Центральной Рады, так и не признанная Временным правительством. Полную независимость УНР обрела в янв. 1918 г. Ее правительство – расширенный секретариат в 1917 г. (исполнительный орган Центральной Рады) возглавил С.В. Винниченко, секретарем (министром) по военным делам стал С.В. Петлюра, министром иностранных дел – украинский социалист-федералист А.В. Шульгин.
- 41** Курень (*укр.*) – исторически войсковое подразделение Запорожской Сечи, во главе которого стоял выборный куренной

атаман. «Курени смерти» – созданные ген. секретарем воен. дел Центральной Рады Украины С.В. Петлюрой национальные карательные отряды.

42 Князь Н.Д. Жевахов, бывший в то время в Киеве, писал: «Недолго продержалась в Киеве глупая “Рада”. Пришли большевики и прогнали ее. Завоеванию Киева предшествовала двухнедельная осада города, длившаяся с 10 по 24 января. 25 января большевики уже были полными хозяевами Киева [...] Окруженный со всех сторон, Киев обстреливался не только из тяжелых орудий, но и забрасывался снарядами с аэропланов, реявших над городом... Зловещий шум и свист летавших в разных направлениях гранат и шрапнелей, оглушающие удары тяжелых снарядов, попадавших в каменные дома или разрывающихся на улицах и площадях, беспрестанные взрывы пороховых погребов и складов, трескотня пулеметов, крики раненых и стоны умиравших – все это создавало такие картины, от которых несчастные мирные жители сходили с ума или умирали буквально от страха. В течение двух недель беспрерывно, днем и ночью, большевики делали свое страшное дело, разрушая дивные киевские храмы [...], убивая сотни и тысячи ни в чем не повинных граждан осаждаемого ими и обрекаемого на гибель города. Никакие меры предосторожности были, разумеется, невозможны, ибо снаряды летали в разных направлениях, сверху и со всех сторон, и Киев находился в центре перекрестного огня. Погибали и те, кто укрывался в погребах или подвалах каменных домов, и те, кто спасался на улице, опасаясь найти смерть под обломками обрушивающихся домов, погибали и те, кто искал убежища в храмах Божиих... Эти последние обстреливались с особенно ярко выраженным сатанинским ожесточением, и кресты на куполах храмов являлись излюбленным прицелом большевиков [...] Вспоминая теперь эти ужасы, я не могу объяснить себе, каким образом я пережил их и как мог при этих условиях даже выходить из дома, посещать церковь, навещать знакомых, встречать на улицах киевлян, делиться своими впечатлениями и выслушивать рассказы других» (Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 496–497).

43 Центральная Рада бежала на Вольнь 26 янв. (8 февр.) 1918 г.

44 Настоящая фамилия Л.Д. Троцкого, в тот момент наркома иностранных дел РСФСР.

- 45 У Беака ошибочно написано «СССР», которого в 1918 г. еще не существовало (был создан в 1924 г.).
- 46 Брестский мир был подписан 3 марта 1918 г., и являлся сепаратным мирным договором между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией. Согласно договору, Германия аннексировала Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии и Закавказья, а также получала контрибуцию в 6 млрд марок. По договору территория Украины попадала в зону германской оккупации. Аннулирован советским правительством 13 ноября 1918 г. после начала революции в Германии.
- 47 «Еврейская почта» была создана еврейскими торговцами для быстрой пересылки необходимых сведений из города в город. Почтовыми станциями служили еврейские корчмы, и специальные посланцы, пользуясь кратчайшими, лишь им ведомыми путями, немедленно перевозили письма от одной корчмы до другой, значительно опережая обычных почтовых курьеров. В свое время о переправе Наполеона через Неман и начале Отечественной войны 1812 года Император Александр I узнал сначала с помощью «еврейской почты», и лишь позднее – от армейского курьера.
- 48 «Продержавшись в Киеве меньше месяца, с 25 января по 16 февраля (1 марта) 1918 года, залил город кровью расстрелянных ими жертв [...], большевики были наконец вытеснены из Киева украинцами, явившимися на этот раз в сопровождении немцев. Энтузиазм населения не поддавался описанию. Немцев забрасывали цветами, заливаясь при встрече с ними слезами, обнимали и целовали, молились на них [...], я видел этот неопишуемый восторг исстрадавшихся киевлян, их слезы умиления при звуках оркестра... и мысленно спрашивал себя, зачем же нужно было воевать с ними [...], разве теперь не ясно, что война была нужна только тем, кто своею целью ставил уничтожение двух могущественнейших монархий как самого надежного оплота христианства...» – писал в своих воспоминаниях кн. Жевахов (Воспоминания товарища обер-прокурора... С. 506–507).
- 49 Очень красиво (нем.)
- 50 Пошли вон (нем.)
- 51 Это исключено (нем.)
- 52 Протопресвитер о. В. Зеньковский в связи с этим писал: «То, что враги (немцы) освободили Киев, освобождали Украину, было мучительно, а в тоже время радостно, – открывалась

вновь возможность жизни, хотя бы под игом вражеской оккупации. И это чувство возвращающейся жизни было настолько всеобщим, что в нем сходились решительно все. С врагами пришла жизнь, нормальный порядок, безопасность...» (*Зеньковский В.* Указ. соч. С. 21). «С приходом немцев окончилась боязнь за жизнь, за имущество, но началась мука нравственная оскорбленного национального достоинства», – отмечал киевский обыватель (*Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 207. Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 601).

53 Это подтверждают и свидетельства других очевидцев: «Каждый шаг, каждое распоряжение, каждое действие новой власти отличалось смелостью, решительностью, было до мелочей продумано и давало мгновенные результаты [...], на пространстве всей Малороссии был водворен порядок в один миг, и большевики точно провалились в бездну [...] Со всех сторон неслись благословения новой власти, и измученное население боялось только одного – как бы немцы не ушли из Малороссии и не оставили их на произвол судьбы для нового растерзания большевиками. Какое значение могли иметь при этом обвинения в корыстных расчетах немцев [...], вывоз [...] сахара и хлеба в Германию и пр., если взамен этого они прогнали убийц и разбойников, осквернявших святыни, предававших мучительной казни женщин и детей, поголовно истреблявших христианское население многоотрадальной Малороссии?!» (Воспоминания товарища обер-прокурора... С. 507); Германские войска с первых же дней «начали устраиваться с обычной немецкой аккуратной педантичностью и неторопливой систематичностью [...] С появлением немцев, как по мановению волшебной палочки, исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно» (*Могилянский Н.М.* Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 82).

54 «Немцы [...] нуждались для *лучшего использования* богатств страны в том, чтобы местное управление составлялось из местных людей. В украинских с.-р., еще недавно братавшихся с большевиками, они, конечно, не могли видеть для себя опору в населении – отсюда их стремление завязать связи с украинской буржуазией [...] Для немцев было несколько неожиданно, что крупная буржуазия была по существу русской – это им не годилось, им нужна была все же “украинская” буржуазия. Из переговоров

- полутайных, полуизвестных – родилась идея гетманщины, на которой были готовы сойтись русские промышленные и землевладельческие круги с умеренными украинцами», – вспоминал о. В. Зеньковский (*Зеньковский В.* Указ. соч. С. 21–22).
- 55** Всеукраинский союз хлеборобов возник на Украине как реакция на бездействие и потворство Центральной Рады разграблению частнособственнических земель помещиков и состоятельных крестьян. Во главе союза стоял Д.Ф. Гейден, до 1917 г. бывший винницким уездным предводителем дворянства. По данным А.В. Огорокова, на базе союза хлеборобов базировалась южная группа тайной монархической организации Н.Е. Маркова «Союз верных», пользовавшейся, правда, большой самостоятельностью. Среди ее членов называют таких известных дореволюционных правых деятелей как Ф.Н. Безак, Б.А. Пеликан, Ф.В. Винберг, Н.Н. Родзевич, Е.Е. Котов-Коношенко, В.Э. Розмитальский, Н.Д. Тальберг, В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий и др. (См.: *Огороков А.В.* Краткий исторический обзор деятельности политических организаций первой волны эмиграции // Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. М., 2001. С. 399, 406).
- 56** П.П. Скоропадский был праправнучатым племянником И.И. Скоропадского – гетмана Украины (1708–1722), сменившего предавшего Императора Петра I гетмана И. Мазепу.
- 57** После окончания в 1893 г. Пажеского корпуса Скоропадский был выпущен корнетом в Л.-гв. Кавалергардский полк, став к 1895 г. полковым адъютантом. Примечательно, что уже тогда, в силу родства с гетманом И.И. Скоропадским, он имел в полку шутовское прозвище «гетман». «Последним при мне полковым адъютантом был Павел Петрович Скоропадский, которого в полку звали “гетманом”, так [как] один из его предков был гетманом на Украине при Петре Великом и, можно сказать, напроорочили, так как после революции Скоропадский был действительно избран гетманом на Украине», вспоминал Ф.Н. Безак (*Безак Ф.Н.* [Воспоминания] (из личного архива К.Ф. Безак). С. 75. Предоставлено автору В.М. Файбисовичем с разрешения К.Ф. Безак).
- 58** Съезд хлеборобов открылся 15/28 апр. 1918 г. и проходил в здании цирка Крутикова. На следующий день произошло избрание гетмана и совершен переворот.

- 59 По общепринятым данным в съезде участвовало 6,5 – 7 тыс. человек.
- 60 В оригинале фамилия ошибочно указана как Рженецкий.
- 61 Сечевые стрельцы – вооруженные силы Центральной Рады. Формировались преимущественно из галичан. Расформированы после гетманского переворота.
- 62 А вот что вспоминал кадет В.М. Левитский: «Выборы же гетмана произошли так. К одному из русских офицеров вечером приехал бывший член Государственной Думы Гижицкий, вынул из кармана 5000 рублей и заявил: наберите 30 человек “для дела”. Пока пусть только ежедневно являются в назначенное вами место. Опоздавших исключайте. Платите по 15 рублей в день и выдайте 100 рублей единовременно: желающих нашлось сколько угодно. Отбою не было. Я с ними строго, чуть опоздал, кандидатом заменю; рассказывал мне сам антрепренер. Через несколько дней им объявили, что их приведут в цирк, где они по данному знаку должны кричать: “Гетмана нам треба! Гетмана!” Если кто будет возражать, спустите с лестницы, не считаясь ни с чином, ни со званием. Все и было исполнено в точности. “Кричали честно”, как сами потом, смеясь, рассказывали эти замечательные русские люди» (Цит. по: *Пученков А.С.* Переворот в цирке. Страстная неделя Павла Скоропадского // *Родина*. 2007. № 7. С. 83).
- 63 С русскими всегда так. Беспорядок и никакой организации (*нем.*).
- 64 Крестьяне, хлеборобы (*нем.*).
- 65 Стоять (*нем.*).
- 66 Назад, или через пять минут стрелью (*нем.*).
- 67 Сложить оружие (*нем.*).
- 68 «Маленький отряд вооруженных немецких солдат, – сообщил очевидец, – вошел в зал заседаний Рады, оставив стражу у всех выходов залы. – “Руки вверх!” – скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме проф. Грушевского, который, смущенный, остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов Рады, задержали только некоторых членов правительства» (*Могиланский Н.М.* Трагедия Украины... С. 89).
- 69 А что же Ицка говорит, что каждый получит по 10 десятин? (*укр.*). Ицка – еврейское имя. Мергив (правильно «моргив»), – множ. число от «морг» – мера площади равная 0, 51 десятины.

- 70 Подожди, а откуда Ицка возьмет такой надел? (*укр.*). Грунт – надел, также мера площади, равная 20–24 морга.
- 71 Из пленных в годы Первой мировой войны малороссов немцами были сформированы для гетманской Украины две дивизии – «синезупанников» и «серозупанников» (названных так по цвету жупанов, которые они носили). Однако вскоре сами немцы были вынуждены их разоружить и распустить по домам ввиду их полного разложения.
- 72 Сердюки – пехотные казачьи полки в малороссийском войске. Исторически – гвардия гетманов (XVII в.). Восстановлены Скоропадским, комплектовались преимущественно из сыновей зажиточных хлеборобов. Составляли Сердюкскую дивизию, сформированную в конце лета 1918 г. на правах гвардейской. Дивизия состояла из 4-х пеших и одного конного полков. В декабре 1918 г. перешли на сторону петлюровцев.
- 73 Правительственная полиция (стража), департамент МВД в гетманской Украине. Отряды Державной варты создавались в каждом «повете» (так были переименованы уезды) и состояли из 100 и более человек. Варта набиралась из проверенных антикоммунистов, преимущественно из хлеборобских семейств.
- 74 Прозвище, данное малороссами великороссам, то же, что «москаль».
- 75 Задним числом (*лат.*).
- 76 Вы ничего не понимаете в политике, теперь необходима немедленная украиннизация (*нем.*).
- 77 Старые традиции и Союз трех Императоров (*нем.*). Союз трех Императоров – совокупность соглашений между Российской, Германской и Австро-Венгерской империями в 1873–1884 гг. Первоначально предусматривал военную помощь в случае нападения четвертой державы, с 1881 г. – благожелательный нейтралитет. Утратил свою силу в 1885 г.
- 78 В машинописи Безаком перед словом «серых» от руки вписано слово «мержуамовых», после которого поставлен вопросительный знак. Видимо, имеется в виду малороссийское слово «мержеваный», которое согласно словарю В. Даля означает – строчный, вышитый, узорный. Не исключено также, что речь идет о мерлушке (смушке) – ягнячьей шкурке, из которой часто делались казачьи шапки. См., напр. У Булгакова: «В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синими верхами, шли галичане» (*Булгаков М.А. Белая гвардия*).

- 79 Взрыв артиллерийских складов произошел 6 июня 1918 г. на Зверинце по соседству с Печерском (районы Киева). Взрыв разрушил ок. 900 жилых домов, унес жизни нескольких немецких солдат, 200 киевлян, около 1 тыс. человек получили ранения. Виновником трагедии одни считали солдата, который проявил неосторожность при вскрытии ящика с осветительными ракетами; другие полагали, что это был теракт, организованный эсерами.
- 80 Фельдмаршал Эйхгорн был убит в Киеве 30 июля 1918 г. в результате теракта, организованного украинскими эсерами. Убийца – Б.М. Донской, в прошлом матрос Балтийского флота, член боевой группы эсеров. 10 августа при большом стечении народа Донского повесили у арестантского дома на Лукьяновской площади.
- 81 Скорее всего, имеется в виду уездный город Звенигородка Киевской губ., где действовала крупная повстанческая группа в несколько тысяч человек.
- 82 Украинский Собор открылся 7 (20) янв. 1918 г., но после занятия Киева большевиками его заседания были прерваны. Возобновил занятия 7 (20) июня. После утверждения митрополитом Антония (Храповицкого), назначенного в Киев Патриархом Тихоном, проходил под его председательством.
- 83 Улица в Киеве, названная в 1869 г. в честь Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора А.П. Безака (1801–1868), деда Ф.Н. Безака. С 1919 г. и поныне – ул. Коминтерна.
- 84 В оригинале окончание фразы неразборчиво. Главным решением, принятым Собором, было положение о временном управлении Православной Церкви на Украине «на началах автономии... в канонической связи с Патриархом Всероссийским» (*Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 46–49).
- 85 В рукописи ошибочно – канцлера.
- 86 Во время этой операции (8–13 авг. 1918 г.) 4-я английская армия и 1-я французская армия прорвали фронт 2-й германской армии восточнее г. Амьена, положив начало военному поражению Германии.
- 87 Крупнейшая российская монархическая (черносотенная) организация, созданная в 1905 г. для борьбы с революцией под лозунгом «Православие. Самодержавие. Русская Народность».

- 88 В оригинале фамилия ошибочно написана как Карпичев.
- 89 Речь идет о дружине ген. Л.Н. Кирпичева, представлявшую собой воинское формирование из русских офицеров, созданное для защиты Киева. «По количеству бойцов, – писал полк. В.С. Хитрово, – дружина едва ли превосходила полк, но начальник ее пользовался правами командира корпуса и у него был многочисленный штаб. Дружина делилась на пять отделов: личный состав почти исключительно – офицеры [...] Вооружение состояло из винтовок с достаточным количеством патронов и нескольких пулеметов. Артиллерии в дружине Кирпичева не было совершенно» (Цит. по: *Фомин С.В. Золотой клинок Империи... С. 745*).
- 90 До революции Безак являлся членом Главного совета Всероссийского национального союза и одним из лидеров фракции русских националистов Государственной Думы, примыкая к правому крылу партии и фракции, тесно сотрудничавшему с черносотенцами.
- 91 В рукописи ошибочно – Пересовский.
- 92 Речь идет о трагедии в Софиевской Борщаговке: «...Привезли вагон с 33 трупами офицеров [...] Это жертвы крестьян Софиевской Борщаговки. Получили сведения из штаба, что деревня свободна, и приказ занять ее, отряд офицеров вошел в Софиевскую Борщаговку. На расспросы крестьяне отвечали, что никого нет. На самом же деле деревня была занята петлюровцами. Отряд разместился по хатам. Их захватили. И расстреляли. А крестьяне вылили свою ненависть к «гетьманцам» в зверском изуродовании тел», – вспоминал участник этих событий Р.Б. Гуль (*Гуль Р.Б. Киевская эпопея // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Ледяной поход. М., 1993. С. 324*). «...На северной окраине Борщаговки найдены тела наших расстрелянных офицеров, причем последние были раздеты, а некоторые настолько изуродованы, что нельзя их опознать. Не только разбиты черепа, но вспороты были животы и вырваны целые куски мяса. Впечатление создавалось такое, что их грызли собаки», – вспоминал полк. В.С. Хитрово (Цит. по: *Фомин С.В. Золотой клинок Империи... С. 747*).
- 93 Имеется в виду В.П. Соколов (Соколов-Баранский), член учредитель и тов. председателя Главного совета Союза русского народа (СРН). Правая рука председателя Главного совета СРН Н.Е. Маркова. В указанный период руководитель Южной группы тайной монархической организации Маркова «Союз верных».

- 94** Подробнее о гр. Ф.А. Келлере см. вышедшую недавно в серии «Белые войны» основательную книгу «Граф Келлер» (М., 2007).
- 95** Попытки формирования Северной армии, руководителем которой заочно был избран граф Ф.А. Келлер, предпринимались в Пскове (с целью наступления на Петроград) совместными усилиями германского командования и русских монархических групп, во главе которых стоял Н.Е. Марков. В отличие от других Белых армий, Северная армия должна была иметь ярковыраженный монархический характер. «Перед началом формирования должен быть созван Русский Монархический Съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное Правительство России; армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге Законному Царю и Русскому государству», – говорилось о задачах ее создания (См.: *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 17–18). Как популярному военачальнику и убежденному монархисту, графу Келлеру было предложено возглавить формирующуюся армию. Граф предложение принял, имея намерение «через два месяца поднять Императорский Штандарт над Священным Кремлем». По свидетельству жены Безака – Елены Николаевны, свое благословение дал графу Келлеру Святейший Патриарх Тихон, передавший через еп. Нестора (Анисимова) шейную иконку Божией Матери и просфору. Характерно, что нарукавным знаком Северной армии был избран серебряный православный восьмиконечный крест. Одновременно немцы поддерживали попытки формирования в Киеве Южной монархической армии, командующим которой был избран ген. Н.И. Иванов.
- 96** В оригинале ошибочно – Петербург.
- 97** Безак скромно умалчивает, что он возглавил созданный в Киеве при Ф.А Келлере Совет обороны.
- 98** В рукописи ошибочно – «Жуллна» и «Жулнно».
- 99** «Суть конфликта гр. Келлера со Скоропадским также до сих пор во многом остается неясной», – отмечает биограф графа С.В. Фомин. Но то, что конфликт из-за понимания того, как надо действовать в сложившейся ситуации нарастал между ним и гетманом, очевидно. «Они думают, что я буду слушать все их глупости, – говорил гр. Келлер о гетмане и его окружении. – Раз я назначен, я сам буду распоряжаться, а не ожидать, что они мне позволят и с чем согласятся». Как свидетельство-

вал ген. А.В. Черячукин, «самостоятельность графа Келлера настроила быстро против него всех министров. Явилась боязнь его диктатуры. Некоторые видели его уже на месте гетмана и потому уже 27 ноября граф Келлер был замещен князем Долгоруким». «Граф Келлер, – писал А.И. Деникин, – предъявил ультимативное требование полноты власти и в тот же день получил гетманский приказ о своей отставке и о назначении его заместителем генерала князя Долгорукова» (Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи... С. 755).

- 100** Вице-консул Франции (ранее резидент французской разведки) Эмиль Энно 9/22 нояб. 1918 г. приказом правительства Франции был назначен французским консулом с особыми полномочиями при правительстве гетмана П.П. Скоропадского. Пользовался репутацией русофила, всемерно поддерживал Добровольческую армию, обещая содействие в организации интервенции. «Энно был знаком по Киеву с В. Шульгиным и воспринял его точку зрения в русском вопросе. В этом направлении он и действовал – с большой энергией и увлечением, превышая не раз свои полномочия, преломля колеблющиеся и неясные настроения союзных правительств сквозь призму своих личных чувств и желаний», – вспоминал о нем генерал Деникин (*Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 354).
- 101** «Консул Энно, – вспоминал А.И. Деникин, – чуть не ежедневно присылал телеграммы, что союзные войска идут, они уже близко, не сегодня-завтра будут в Киеве». Он также рассылал из Одессы «воззвания, обнадеживающие население, и телеграммы, угрожавшие Директории и немцам» (*Деникин А.И.* Указ. соч. С. 349).
- 102** Французское командование в итоге сделало ставку на петлюровцев. Как свидетельствовали современники событий, начальник Штаба генерала Д'Ансельма полковник Фрейденберг (еврей по происхождению) якобы получил от петлюровцев крупную взятку (см. к примеру: *Канторович В.* Французы в Одессе. Пг., 1922. С. 15), обещая им взамен всемерную поддержку.
- 103** Как отмечает А. Дикий, немцы объявили, что держат нейтралитет, поскольку «у них в это время уже наступило разложение и всем распоряжались советы солдатских депутатов, которые 17 ноября имели с повстанцами конференцию в Белой Церкви и обещали им не мешать свергать гетмана, в обмен на обещание Директории не мешать эвакуации немцев» (*Дикий А.* Указ. соч.).

- 104** Тут, видимо, неточность. Другие источники адъютантами графа Келлера называют полковника А.А. Пантелеева и ротмистра Н.Н. Иванова.
- 105** «Мне предлагают переехать в какое-нибудь консульство или за немецкие рогатки, но мне как-то противно искать у них защиты», – писал гр. Келлер в своем дневнике 12 дек. 1918 г. «Часов около восьми вечера мне доложили, что приехал немецкий офицер на автомобиле и предлагает меня увести к ним. Офицер просил меня, чтобы я снял свою папаху и облачился бы в его шинель, но когда он к этому прибавил, чтобы я еще обезоружился, то на это я не согласился и предоставил ему ехать домой», – записал граф в своем дневнике двумя днями позже. (Цит. по: *Фомин С.В.* Золотой клинок Империи. С. 764, 786).
- 106** 8/21 декабря 1918 г., как писал в своих воспоминаниях находившийся в это время в Киеве бывший дворцовый комендант В.Н. Воейков, арестованных приказано было препроводить в помещение контрразведки, где находились в заключении гетманские министры и русские общественные деятели. «Одновременно с выводом графа Келлера и его адъютантов на монастырском дворе солдаты запрягли телегу. Арестованных повели по Большой Владимирской, мимо памятника Богдану Хмельницкому, по трамвайным путям. Едва они достигли того места, где пути несколько отклоняются в сторону сквера, из засады почти в упор грянул залп. Сраженный несколькими пулями, упал полковник Пантелеев. Тотчас патрульные открыли огонь в спину уцелевшим после залпа графу Келлеру и штабс-ротмистру Иванову. Граф был убит пулей в затылок, а штабс-ротмистр Иванов – пулей в голову и четырьмя штыковыми ударами. Окончив свою работу, доблестные республиканские солдаты разбежались» (*Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 337–338).
- 107** Уездных (от польск. powiat – уезд).
- 108** По рассказу дочери Безака – Ксении Федоровны, две требовавшихся для освобождения подписи были получены подкупом и одна подделана. Помощь в организации сбора подписей оказал один из петлюровцев, оказавшийся в прошлом крестьянином Безаков, которому они в свое время помогли тем, что спасли его жену и ребенка во время очень трудных родов, организовав квалифицированную медицинскую помощь. В благодарность, узнав об аресте Ф.Н. Безака, этот человек обещал помочь его супруге Елене Николаевне в нелегальном освобождении ее мужа.

- 109** У Безаков было трое, а не двое, как обычно указывается, детей – Мария (1902–1944), Николай (1904–1991) и Ксения (р. 1915)
- 110** Скорее всего, речь идет о супруге и дочери командира 12-го гусарского Ахтырского полка ген. Н. Бенуа – Е.А. Бенуа (урожд фон Брензен, † 1936) и Е.Н. Бенуа († 1945), эмигрировавших в это время из Киева в Германию.
- 111** Президент Германии Фридрих Эберт в прошлом был шорником (изготовителем конской упряжи).
- 112** Несмотря на свою принадлежность к Социал-демократической партии Германии, Эберт заявлял: «Я противник социальной революции. Я ненавижу ее, как грех». После бегства из революционной Германии императора Вильгельма II, Эберт и его однопартиец Густав Носке в янв. 1919 г. провозгласили буржуазно-демократическую республику и, вступив в сговор с немецкими военными кругами, подавили восстание немецких коммунистов.
- 113** Версальский мирный договор (подписан 28 июня 1919 г. в Версале) завершил Первую мировую войну. Помимо крупных территориальных потерь и репараций германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной 50 км подлежали демилитаризации, сухопутная армия была ограничена 100 тыс человек, обязательная военная служба отменялась, основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче победителям, устанавливались также другие ограничения в вооружениях.
- 114** Советско-германский договор, подписанный в г. Рапалло (Италия) во время Генуэзской конференции 16 апр. 1922 г. Подразумевал установление дипломатических отношений с Советской Россией, взаимный отказ от претензий и налаживание торгово-экономических связей.
- 115** Монархический съезд в баварском г. Бад-Рейхенгалль (полное название – Съезд хозяйственного восстановления России), проходивший с 29 мая по 5 июня 1921 г. На съезде присутствовали 100–106 делегатов, представлявших монархические организации русских колоний из 30 стран Европы, Ближнего Востока и Африки. Съезд избрал первый состав Высшего монархического совета (руководящего органа русской монархической эмиграции) в составе Н.Е. Маркова, кн. А.А. Ширинского-Шихматова и А.М. Масленникова.

часть третья

А.С. ГЕРШЕЛЬМАН

ВЕРНЫЙ ПАЖЕСКИМ ЗАВЕТАМ ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГЕРШЕЛЬМАН

*«Ты будешь верен Церкви.
Ты будешь верным сыном своей Родины.
Ты никогда не изменишь своему слову.
Ты не отступишь перед врагом.
Ты будешь, тверд, как сталь,
и благороден, как золото».*

Из Заветов пажей

Александр Сергеевич Гершельман родился 12 ноября 1893 года в городе Ревеле Эстляндской губернии в семье заслуженного русского генерала Сергея Константиновича Гершельмана (1854–1910) и его супруги Александры Васильевны, урожденной Познанской (1861–1936)¹.

Род Гершельманов происходит из германской Тюрингии, его основателем считается неизвестный младенец, обнаруженный в корзине, плившей по реке Херзель. От названия реки и произошла фамилия рода, представители которого известны с XVI века. После 1690 года буква «з» заменилась на «ш» и фамилия стала писаться как Хершельманн.

Эрнст Август Вильгельм Хершельманн фон Эпихнеллен из Тюрингии получил приглашение в Ревельскую гимназию читать курсы истории и мировой мудрости (философии). За свою службу Эрнст получил потомственное дворянство и предикат фон (почетное звание). Его потомки рассеялись по Эстляндии и Лифляндии и через Санкт-Петербург попали в Россию. Родоначальником рос-

сийской ветви Гершельманов стал сын Эрнста Иван. Среди прочих должностей он был кастеляном Петергофского дворца при Императоре Павле I. В роду немецких и прибалтийских Гершельманов было и есть много пасторов, писателей, профессоров, учителей. В русской же ветви давалось предпочтение военной службе, причем на военном поприще представители рода Гершельманов были отмечены подвигами и геройской службой. Как известно, остзейские бароны были верны Престолу более, чем многие из русских².

Дед А.С. Гершельмана Константин Иванович (младший сын Ивана Эрнстовича) в Царствование Императора Николая I принимал участие в подавлении венгерского восстания 1848 года, позже – в Освободительной войне на Балканах. Находясь на службе у трех Императоров – Николая I, Александра II и Александра III, К.И. Гершельман дослужился до почетного военно-придворного чина генерал-адъютанта. Сам он был лютеранином, но женился на православной, и его дети были крещены в Православии и воспитаны в русском национальном патриотическом духе.

Отец А.С. Гершельмана – Сергей Константинович, как и его старшие братья, окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус (его имя как лучшего ученика было высечено на мраморной доске корпуса). Молодым офицером он участвовал в Русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, а позже в Русско-японской войне, на которой заслужил орден Святого Георгия 4-й степени, Золотое Оружие и орден Святой Анны 1-й степени с мечами. С.К. Гершельман по праву считался одним из лучших боевых генералов Русско-японской войны. Как вспоминал позже Александр Сергеевич, «газетные сообщения из армии читались вслух по вечерам и слушались нами с жадным интересом. Особенно любили мы корреспонденции П.Н. Красного (это был псевдоним Петра Николаевича Краснова – будущего генерал-лейтенанта и Донского Атамана [...]). Во время Русско-японской войны он был военным корреспондентом, талантливо и живо описывал бои и переживания их участников. Несколько его очерков были посвящены боевой деятельности моего отца [...]. Особенную нашу гордость вызвала корреспонденция Краснова, в которой он назвал отца *“железным генералом”* – прозвищем, полученным отцом за стойкость подчиненных ему частей»³.

Государь Николай II не оставил без внимания столь доблестного генерала и в январе 1906 года назначил его на пост командующего Московским военным округом и почти сразу же (в июле) на должность генерал-губернатора Москвы⁴. На этой должности

С.К. Гершельман энергично включился в борьбу с революционной смутой, активно поддерживал монархические организации.

С 1895 по 1898 год А.С. Гершельман жил в Пскове, где его отец командовал 93-м Иркутским пехотным полком. О своих псковских годах жизни Александр Сергеевич позже вспоминал: «Из Пскова на монастырь Печеры шла усаженная тополями широкая дорога. Часто нас возили в коляске по этой дороге, и мы говорили, что едем в Печеры. Конечно, никогда нас не довозили до монастыря – было далеко. По дороге нянька наша беседовала с кучером о Печерском монастыре, который был знаменит во всей округе. Мы мало что понимали из этих разговоров, но до сих пор помню некоторые подробности. Помню рассказы кучера о сетах (древнее славянское племя, живущее неподалеку от Печерского монастыря), эти люди ходили во всем белом и бабы “носили рубли (монисты) на груди”. Все это меня поражало: “Отчего рубли на груди?”, ведь рубли носят в кармане. Еще поразительнее был рассказ о “Кровавом пути”, по которому Преподробный Корнилий нес свою, отсеченную Царем Иваном Грозным, голову, от ворот монастыря до своей раки. Тут меня пробирав страх, и сеты казались чародеями, и хотелось плакать, думая о Преподобном Корнилии. Помню довольно ясно: квартиру, казармы полка, церковь [..]. Тогда охотничья команда полка зимой убила медведицу-пестунью и привезла живым одного медвежонка, которого нам приносили в комнаты, где мы его поили молоком. После этого медведь уже большим был подарен петербургскому Зоологическому саду, где мы его навещали проездом через Петербург»⁵.

Весной 1898 года семья С.К. Гершельмана переехала в Гродно, куда отец Александра был назначен на должность начальника штаба 2-го армейского корпуса.

Здесь, в черте еврейской оседлости, Александру Сергеевичу, бывшему тогда малолетним ребенком, впервые пришлось познакомиться с «еврейским вопросом». «Христианское население города, а в особенности деревни, тяготилось своей зависимостью от евреев, но обойтись без них не могло, так как не было организовано, – вспоминал он. – А ни купить, ни продать что-либо без евреев не было никакой возможности. В городе все лавки и магазины были еврейскими [...] Иногда ненависть народная прорывалась в виде погромов, с которыми правительство боролось, а потому эти вспышки гнева ограничивались лишь нанесением материального ущерба евреям.

Все население Западного края было твердо убеждено в существовании ритуальных убийств евреями. Детей до семилетнего воз-

раста во время еврейской пасхи одних на улицу не пускали. Помню, мы говели с отцом в соборе. После исповеди отец мне сказал идти домой. От собора до нашего дома было недалеко, но я все же шел и трусил, как бы жида меня не поймали. Няня была в ужасе и долго причитала надо мной:

– Ты такой белобрысый; тебя непременно жида зарежут на мацу!..

Говорили, что за три-четыре года нашего пребывания в Гродно было две неудачных попытки ритуальных убийств со стороны евреев. Таким образом, у меня уже в детстве складывались взгляды на еврейство»⁶.

Другим ярким впечатлением детства стали для Александра Сергеевича посещения дома Гершельманов начальницей гродненской женской гимназии Марии Михайловны Булгак (урожденной Бартеневой). «Мадам Булгак» была женщина весьма энергичная и горячая русская патриотка. Она часто бывала у нас, и мы очень любили ее вечерние посещения, – вспоминал уже в эмиграции А.С. Гершельман. – Иногда после вечернего чая она брала своего любимого автора – графа А.К. Толстого и с увлечением читала нам из него:

– *“Дружно гребите, во имя прекрасного, против течения!”* – восклицала она.

Мы сидели вокруг стола, широко раскрыв глаза, и, увлеченные ее чтением, ярко представляли себе широкий мутный поток, вроде Немана после дождя, на нем ладью, сносимую течением, гребцов, налегающих на весла...

– *“Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею –
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верю в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!”* –

заканчивала свое чтение Мария Михайловна.

“Против течения!” – это были вещие слова. Всю жизнь гребли мы против течения: в 1905 году, в добровольцах, в эмиграции. Выгребем ли?..»⁷

В конце 1890-х – начале 1900-х годов в Петербурге, перенеся несколько заразных болезней, скончалась от брюшного тифа любимица семьи, старшая дочь и сестра Александра Сергеевича Евгения,

воспитывавшаяся в Екатерининском институте⁸. Поэтому, когда осенью 1902 года А.С. Гершельман заболел брюшным тифом, семья была крайне встревожена, слишком свежи были воспоминания о кончине от этой болезни Евгении. Александр болел тифом около трех месяцев, но к счастью и к радости своей семьи, выздоровел. Во время его болезни приехал погостить старший брат его отца генерал Федор Константинович Гершельман, бывший начальник штаба Кубанского Казачьего Войска. Кубанцы чтили его и как почетному старику нескольких кубанских станиц прислали ему в подарок бочонок икры, питание которой помогло Александру преодолеть болезнь.

Отец Александра Сергей Константинович был хорошо знаком с П.А. Столыпиным в бытность последнего Гродненским губернатором. Весной 1903 года они одновременно получили Высочайшее назначение в другие города. Петр Аркадьевич – на пост губернатора Саратова, а генерал С.К. Гершельман в Омск, на должность начальника штаба Западно-Сибирского военного округа. Как вспоминал Александр Сергеевич, по этому случаю у них состоялся следующий шуточный диалог: «Что же это, Сергей Константинович, *ссылка в Сибирь?*» На что генерал Гершельман отвечал со смехом Столыпину: «Меня, Петр Аркадьевич, в ссылку в Сибирь, а Вас – *«в глушь, в Саратов...»*⁹

С началом Русско-японской войны отец А.С. Гершельмана Сергей Константинович был утвержден в должности начальника 9-й пехотной дивизии и в мае 1904 года отбыл на Восток, а семью отправил на Запад в Петербург.

Из Петербурга вся семья вскоре переехала в имение Анташи (25 верст от столицы)¹⁰, купленное дедом генералом К.И. Гершельманом во время своей службы начальником штаба Петербургского Военного округа при Командующем Великом Князе Николае Николаевиче (старшем). Осенью семейство Гершельман вернулось в Петербург.

Уже в ранние годы у Александра Сергеевича началось складываться точное и верное отношение к политике. В столице происходили студенческие волнения и забастовки. Нередки были случаи нападения на офицеров. Старшие братья А.С. Гершельмана для защиты от оскорблений и посягательств на офицерскую форму вынуждены были носить кастеты и резиновые дубинки. Александр Сергеевич вспоминал: «Я убеждался, что в России борются две силы: *“мы”* – жертвующие своей жизнью и проливающие кровь за Россию, и *“они”* – революционеры, разрушители нашей Родины, наши враги»¹¹.

Находясь под сильным впечатлением участия своего отца и старшего брата Василия в военных действиях против японцев¹², Александр уговорил мать отдать его учиться в 1-й кадетский корпус. Будучи отлично подготовленным своей домашней учительницей Ольгой Николаевной Шестовой, Александр в числе первых из двухсот кандидатов сдал вступительные экзамены. Но на медицинском осмотре его забраковали. Оказалось, что после перенесенного в четыре года дифтерита у него остались рубцы на мышцах сердечных клапанов. После постигшей неудачи на медицинском освидетельствовании в кадетском корпусе родственники повезли Александра на прием к известному специалисту по сердечным болезням доктору Пусену, который сделал заключение о недопустимости военной карьеры для Александра.

Позже он так вспоминал об этой «трагедии»: «...После моего провала в 1-м кадетском корпусе я был в полном отчаянии. Дома я разревелся, так как считал, что вне военной службы жить не имело ни смысла, ни возможности. Все мои мечты о службе России надо было похоронить, а потому я был безутешен...»¹³

Однако уже через два года Гершельман был принят в Пажеский корпус без каких-либо затруднений, а известный дрезденский врач Ламан, к которому повезли Александра на прием, отказался принимать его в санаторий, сославшись на то, что «нечестно брать на излечение такого здорового мальчика»¹⁴. И Александр, уверовав в свое здоровье, быстро догнал своих одноклассников по физическим упражнениям.

Высочайший приказ о зачислении А.С. Гершельмана в пажи был подписан Императором Александром III еще в 1894 году незадолго до своей смерти. Поскольку отец и дед А.С. Гершельмана были заслуженными генералами, Александр Сергеевич был записан в пажи во младенчестве и считался «последним пажом» времен Царя-Миротворца. Однако реально в Пажеский Его Императорского Величества корпус он поступил лишь осенью 1907 году и окончил его в 1913 году камер-пажом (в списках корпуса известен как Гершельман 16-й).

За время учебы в Пажеском корпусе А.С. Гершельману посчастливилось участвовать в двух знаменательных событиях, в праздновании 200-летия Бородинского сражения и 300-летия Дома Романовых¹⁵. Получив звание камер-пажа, он нес службу при Высочайшем Дворе, неоднократно видел Государя и Августейших Особ¹⁶.

В июле 1905 года генералу С.К. Гершельману, находящемуся на Дальневосточном фронте, из Петербурга было предложено занять пост генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Однако генерал отказался, ответив, что с благодарностью примет это предложение, но по окончании войны, так как покинуть ряды действующей армии до окончания военных действий считает невозможным.

Не успев прибыть с фронта домой по демобилизации, генерал С.К. Гершельман получил новый очень почетный и высокий пост командующего Московским военным округом. В апреле 1906 года Гершельманы переехали в Москву к новому месту службы главы семьи.

Первые же дни переезда в Первопрестольную были омрачены покушением на жизнь генерал-губернатора Москвы адмирала Ф.В. Дубасова и убийством его адъютанта, графа С.Н. Коновницына, случившегося 23 апреля 1906 года.

Поскольку Сергей Константинович имел репутацию такого же твердого монархиста, как и адмирал Дубасов, жизнь Гершельманов в Москве проходила в бесконечных тревогах за жизнь отца семейства.

21 ноября 1907 года было произведено злодейское покушение на жизнь С.К. Гершельмана, ехавшего в санях в Лефортовский военный госпиталь на торжество по случаю его 200-летия. Взрыв брошенной бомбы был такой силы, что копыта разорванных в клочья лошадей были найдены по другую сторону двухэтажного дома. Генерал Гершельман и его адъютант князь Оболенский, к счастью, не пострадали, был легко ранен кучер. Тяжелые ранения получила сама революционерка, бросившая бомбу¹⁷.

Братья Сергей и Александр Гершельманы в то время уже учились в Пажеском корпусе в Петербурге. И после покушения все, включая слугителей Пажеского корпуса, поздравляли их с поистине чудесным спасением отца¹⁸.

Позже Александр Сергеевич вспоминал: «Москва стала для меня – тогда двенадцатилетнего подростка – первой политической школой. Революцию я тогда почувал, если можно так выразиться, чисто физически. За эти тревожные годы, когда каждый выезд отца в город был сопряжен с опасностью для его жизни, я возненавидел революцию и всех ее деятелей. Этих профессоров-кадетов, как П. Милокова, братьев князей Трубецких, общественных деятелей, как Ф. Родичева, братьев князей Долгоруких, не говоря уже о махровых социалистах, вроде Н. Чхеидзе, В. Чернова, Б. Савинкова и др. Конечно, лишь позже я смог осмыслить эту ненависть и идео-

логически противопоставить ей сознательное отношение к красоте и нравственной ценности русской монархии»¹⁹.

С назначением на пост генерал-губернатора Москвы Сергей Константинович повел энергичную борьбу с разлагающими революционными настроениями, за что был заклеямен террористами кличкой «вешатель». Установлением нормальных отношений между рабочими и фабрикантами он стремился достигнуть как примирения их интересов, так и уменьшить влияние социалистической пропаганды среди рабочих. Для этой цели он содействовал созданию в рабочей среде ряда монархических организаций. Для сближения общества и Армии он устраивал обеды, на которых встречались офицеры, представители именитого купечества, фабрикантов, различных ведомств и администрации.

Юность Александра и всей его семьи была омрачена ранней смертью отца. Во время службы в Гродно Сергей Константинович, застудил себе почки, болезнь открылась не сразу. Генерал С.К. Гершельман скончался в 1910 году на посту командующего Виленским военным округом, прах его был погребен с воинскими почестями в склепе Никольского кладбища Александро-Невской лавры рядом со старшей дочерью Евгенией²⁰.

В 1913 году на лагерном сборе в Красном Селе А.С. Гершельман был Высочайше произведен в подпоручики с прикомандированием к Лейб-гвардии Конной артиллерии. Александр Сергеевич так запечатлел этот долгожданный в своей жизни день: «6 августа наш выпуск был произведен в офицеры. Нас собрали на площадке на стыке лагерей Преображенского и Семеновского полков, там, где из года в год происходила Заря с Церемонией. Наша дача была против этого места за речкой, так что, перейдя ее, мы уже оказались на сборном месте. Можно себе представить наше волнение, когда мы построились в последний раз всем выпуском и стали ожидать прибытия Его Величества. Пажи стояли на правом фланге длинной шеренги училищ и вольноопределяющихся. Наконец прибыл Царь и стал обходить наш строй, здороваясь с пажами и каждым училищем. Затем, став перед строем, Государь сказал несколько слов, излагая свое требование от офицера и желание, чтобы каждый будущий офицер исполнил бы свой долг по отношению Родины. Кончил Император свое слово поздравлением нас всех с первым офицерским чином. Громкое «ура» было нашим ответом на слова Государя. Нам роздали приказы о нашем производстве, которые по обычаю были свернуты в трубочку и вставлены под погон»²¹.

*Орел двуглавый высоко парит
И зорко сверху на врагов глядит.
Широкие крылья расправляет он,
А под ним, как тучи, штыков миллион!*

*Пушки наше дело, быстро подвезем.
Эй, ребята, смело на врага пойдём.
До упора будем мы картечь стрелять,
А шашками себя оборонять²².*

Через несколько дней, проведенных в Петербурге, подпоручик А.С. Гершельман выехал в отпуск в имение своего дяди – в прошлом тоже гвардейского офицера, а на тот момент правого депутата Государственной Думы – Александра Павловича Горсткина «Оброчное», находившееся в Нижегородской губернии Лукьяновского уезда, которое в свое время принадлежало Потемкиным и перешло его дяде через его мать, урожденную Потемкину.

Через месяц Александр Сергеевич вернулся в свою батарею в Красное Село, где ему довелось прослужить лишь год мирной службы. По установленной издавна традиции только что произведенным в офицеры молодым людям не разрешалось выходить прямо в Лейб-гвардии Конную артиллерию, а полагалось выйти в какую-нибудь армейскую конную батарею и затем быть прикомандированным к Гвардейской Конной артиллерии²³. Александр Сергеевич вспоминал: «Говорили, что эта традиция осталась пережитком того времени, когда формировались наши батареи, и состав офицеров и нижних чинов брался из конных полков. Так, когда в конце восемнадцатого века была сформирована наша 1-я Его Величества батарея, кадры ее были взяты из Кавалергардов и Конного полков. Я был переведен в Гвардию лишь осенью 1914 года и узнал об этом в самый разгар наших боев в Августовских лесах»²⁴.

Вскоре подпоручик Гершельман был вызван в столицу и переведен во 2-ю генерал-фельдцейхмейстера Великого Князя Михаила Николаевича батарею. Здесь он был поставлен обучать новобранцев, а также исполнять дежурства по батареям, стоявшим в Виленском переулке столицы, и дежурить по некоторым госпиталям (Николаевскому и Военно-врачебной академии). В это время А.С. Гершельман занимался верховой ездой, проходил занятия для офицеров, принимал участие в конных состязаниях, лагерных сборах, приемах и праздниках батареи.

Через некоторое время подпоручик Гершельман был прикомандирован к Лейб-гвардии Конной артиллерии с назначением во 2-ю батарею. С приходом нового командира генерал-майора Я.Ф. Гилленшмидта он был переведен в 1-ю батарею, в составе которой всегда служили Гершельманы. Александр Сергеевич к своему удовольствию продолжил службу со своим родным братом Георгием и двоюродным братом Владимиром. Александру Сергеевичу довелось быть ординарцем при Великом Князе Николае Николаевиче (младшем), когда после окончания батарейных учений он приезжал на смотры в Красное Село.

«Этот год, проведенный в мирное время в родной мне Лейб-гвардии Конной артиллерии, оставил в моей памяти глубокий след. Я благодарю Бога, что мне удалось хотя бы год пожить в обстановке, которую создавали традиции этой части, и которые, эти традиции, я старался пронести через всю мою жизнь...» – вспоминал позже полковник Гершельман²⁵.

Наступила Первая мировая война. «Вечером, накануне выхода, мне пришлось, возвращаясь после покупок, проехать по Невскому [проспекту] – повсюду толпы народа, которые приветствовали каждого проезжавшего офицера», – отмечал Александр Сергеевич патриотический порыв, вызванный началом Великой войны²⁶.

В первые дни войны семейство Гершельманов постигло горе. 6 августа 1914 года у деревни Каушен в Восточной Пруссии в атаке на немецкую батарею русского конного дивизиона под командой барона П.Н. Врангеля погиб старший брат Александра Георгий (Юрий) Сергеевич. Тело его было доставлено в Петербург и с воинскими почестями погребено в фамильном склепе на Никольском кладбище. Поручик Г.С. Гершельман был посмертно награжден за храбрость орденом Святого Георгия 4-й степени²⁷.

В сентябре 1914 года А.С. Гершельман был переведен в Гвардию. Первое боевое крещение его батарея приняла 30 июля 1914 года у деревни Гутково в составе Конного отряда генерала хана Нахичеванского.

Некоторые вехи своего боевого пути А.С. Гершельман запечатлел в своих мемуарах, объединенных под общим названием «Воспоминания о войне 1914–1917 гг.»: Мацкова Руда, Петроков, Пилица, Молодечно, Августовские Леса, Боровые, Свенцянский прорыв, Коварск, Стоход...²⁸

В начале весны 1915 года Александр Сергеевич переболел сыпным тифом. В конце весны получил отпуск по болезни и выехал

в Петроград, несколько дней погостив по приглашению своего дяди А.П. Горсткина в его имении «Оброчное».

При возвращении на фронт с Александром Сергеевичем произошел инцидент, о котором он позже напишет: «Поезд шел по недавно проложенному пути через Муромские леса. [...] Я сидел в вагоне-ресторане, за соседним столом два типа в форме инженеров-путейцев плотно закусывали, запивая еду водкой, подаваемой им в кофейных чашечках. (Тогда продажа алкоголя по случаю военного времени была запрещена [...].) Инженеры были навеселе [...] и громко говорили. Упоминание моей фамилии заставило меня прислушаться к их разговору: “Можно ли удивляться, Армия борется на фронте, а что делается в тылу! Подумайте только, дочь бывшего московского генерал-губернатора Гершельмана трогательно ухаживает за немецкими пленными”. Первое мое движение было грубо оборвать этого тылового героя, “защитника” русской нации, но я сдержался, помня рекомендованную нам начальством сдержанность в тылу. Вышел бы скандал, который неизвестно как бы кончился. Уходя в свое купе, я подозвал инженера, назвал себя и спросил его, откуда у него эти сведения, указав при этом о тех жертвах, которые моя семья принесла за год войны. Инженер покраснел, смутился, и на мой повторный вопрос [...] сказал, что ему это рассказал один офицер, “но он убит на фронте”, – поспешно добавил он. “Жаль, – сказал я, – мне очень хотелось бы с ним поговорить. Но думаю, что ваше поведение вряд ли идет на пользу Русской Армии и что такое поведение тыла вряд ли может способствовать нашей победе над врагом”»²⁹.

С болью и негодованием вспоминал Александр Сергеевич о неоправданных потерях Гвардии на Стоходе: «Бои начались 15 июля в день Святого Владимира [...]. Свежие гвардейские полки первую задачу, правда, не без значительных потерь, героически закончили и вышли на линию реки, но здесь были остановлены как вновь переброшенными на этот фронт германскими и австрийскими дивизиями, так и Стоходом, представлявшей почти непроходимую естественную преграду. Река оправдывала свое название и протекала сетью болотистых протоков, образовавших бесчисленное количество небольших кочковатых и тоже заболоченных островков. И вот тогда, несмотря на протесты нашего штаба Армии, по приказанию свыше началось, как казалось нам, предумышленное уничтожение Гвардии. Потери пехотных полков за период этих боев были настолько велики, что нашим гвардейским кавалерийским полкам

пришлось командировать своих офицеров, дабы временно заполнить убыль командного состава и избежать пополнения Гвардии из армейских запасных батальонов, на чем особенно настаивал генерал Каледин. Невольно встает вопрос: не было ли все это, как уничтожение Гвардии, так и пополнение ее специально подобранными элементами, заранее продуманными действиями? [...] Несмотря на пример только что законченных операций Лечицкого и Брусилова, когда, наоборот, было показано, как хорошо подготовленной операцией можно достигнуть внушительных и сравнительно «малокровных» успехов, на Стоходе командование снова вернулось к системе достижения успехов по телам наступающей [...] пехоты. Так, на Стоходе уничтожались и последние кадры Гвардии, что это было? Глупость или предательство?

Мне вспоминается отношение к людскому составу начальника штаба нашей дивизии Ген. Штаба полковника Матковского против предложения представить к награде за удачное дело [фамилия командира неразборчива. – С.З.] командира пехотной части. Он возражал: “Трупиков мало! Без трупиков нельзя представлять!” Матковский после революции служил Троцкому в Красной армии. Там он, верно, был удовлетворен количеством “трупиков”³⁰.

Фронтная судьба в сентябре 1915 года свела Александра Сергеевича с бароном П.Н. Врангелем, когда он со своим взводом Лейб-гвардии Конной артиллерии в составе 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии принимал участие в боях под деревней Боровья³¹. А.С. Гершельман вспоминал: «На мой наблюдательный пункт поднялся Врангель и лег рядом со мной на крыше. “Я хочу вас поблагодарить за чистую работу этих дней, – сказал он мне – Ваш взвод великолепно действовал и очень помог моим эскадронам выполнить поставленную нам задачу”. Немного помолчав, он прибавил: “Каушен связал меня с вашей семьей, ведь ваш брат Юрий упал рядом со мною во время моей атаки на немецкую батарею. Я хочу предложить вам перейти со мной на ‘ты’. Вина, чтобы выпить на ‘брудершафт’, правда, нет, но бой сближает людей больше вина”. И он протянул мне руку»³².

В рядах батареи Его Величества Лейб-гвардии Конной артиллерии Александр Сергеевич прослужил Первую мировую войну до 1917 года, окончив кампанию в чине штабс-капитана³³. Высочайшим указом от 26 ноября 1916 года он был награжден Георгиевским оружием за бой под деревней Боровья 20 сентября 1915 года, в ходе которого, «когда огнем нашей артиллерии противник был опроки-

нут и начал отступать, [А.С. Гершельман] быстро со взводом выехал вперед на плечах противника, занял новую позицию и не дал пехоте неприятеля задержаться на промежуточной позиции, причем стал со своим взводом впереди нашей пехоты. Несмотря на сильный артиллерийский и ружейный огонь противника, заняв, удержался на позиции и помог нашей пехоте устроиться на новой позиции»³⁴.

Когда в 1917 году после отречения Императора Николая II и пресловутого Приказа № 1 начался развал Армии, капитан А.С. Гершельман, равно как и его брат, подполковник С.С. Гершельман, категорически отказался принять какое-либо участие в так называемых солдатских комитетах.

К чести нижних чинов батареи Его Величества и 4-й батареи Наследника Цесаревича Лейб-гвардии Конной артиллерии, в которых служили братья Гершельманы, расформирование батарей прошло мирно и спокойно. Солдаты до конца сохранили по отношению к своим офицерам уважение³⁵. После расформирования батареи в январе 1918 года капитан Гершельман выехал к своей семье в Петроград.

Со своей невестой Марией Александровной Александр Сергеевич познакомился через ее брата Дмитрия Александровича Мосолова³⁶, который учился в Пажеском корпусе и приводил домой своих друзей-одноклассников.

Тестем А.С. Гершельмана стал генерал-лейтенант Александр Александрович Мосолов (1854–1939), начальник канцелярии Министерства Императорского Двора (1900–1916). Тещей – фрейлина Елизавета Федоровна (1858–1920), дочь градоначальника С.-Петербурга (1873–1878) генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова (1809–1889).

Из-за военного времени венчание, совершившееся 5/18 февраля 1917 года, было скромным. Родители молодоженов устроили в большом зале в углу занимаемой ими казенной квартиры подобие церкви и пригласили священника на дом для совершения таинства брака³⁷. Несмотря на войну и надвигавшееся революционное время, молодожены все же совершили свадебное «путешествие» в Финляндию на знаменитый водопад Иматра (в 8 верстах от Петербурга). Вскоре Александр Сергеевич вернулся на фронт³⁸.

Первая дочь Ирина родилась у четы Гершельманов 7/20 ноября 1917 года, когда Александр Сергеевич находился на фронте, поэтому радость матери смогли разделить с ней лишь ее родители. Крестины же были отложены до приезда отца. Наконец, после рас-

формирования своей батареи, А.С. Гершельман приехал к семье и познакомился со своей трехмесячной дочерью.

Все, что произошло со страной начиная со 2 марта 1917 года, после отречения Государя Императора от Престола, Александр Сергеевич считал катастрофой и трагедией для России.

После прихода к власти большевиков положение в Петрограде стало крайне тяжелым – к полуголодному существованию добавился красный террор³⁹. Александр Сергеевич, стремясь обеспечить хоть каким-нибудь пропитанием семью, брался за любое дело. Предпринятая им торговля предметами художественной старины, которой тогда занимались многие его знакомые, закончилась неудачей. Приняв предложение своего дяди В.В. Познанского, он устроился служащим в «Книжную палату». Это учреждение занималось собиранием и сохранением выходящих тогда из печати книг. Обязанность А.С. Гершельмана состояла в обходе типографий и ведении ведомости поступающих книг⁴⁰.

К этому времени стали приходить известия о зародившейся на Дону и в Крыму Белой борьбе. Александр Сергеевич знал, что его брат Василий, полковник Л.-гв. Уланского Его Величества полка, воевал на Юге. Крепло желание присоединиться к брату («потянуло туда, где мои товарищи и друзья боролись за Россию»⁴¹), но неразрешимой оставалась проблема с определением жены и дочери. Александр Сергеевич вспоминал: «Последним толчком для отъезда явился “легкий сон”: в ответ на мой вопрос, что мне делать – я на мгновение увидел моего отца, перекрестившего меня, как бы благословляя на отъезд в Белую Армию. Начались энергичные сборы»⁴².

Удалось оформить командировочное удостоверение от «Книжной палаты» и выездные документы на себя и семью как «граждан Украины», выезжающих на родину в Киев, где в это время проживал тесть А.С. Гершельмана генерал А.А. Мосолов. На время семья переехала в Царское Село, где Гершельман чудом избежал ареста чекистами. Вернувшись в Петроград, Гершельманы с нетерпением ожидали сообщения от начальника формировавшегося «украинского» поезда Адамовича. Наконец подтверждение об отправке поезда было получено.

С отбытием из красного Петрограда казалось, что все препоны были уже позади. Через два дня пути поезд остановился в Москве. После трех томительных дней стоянки ночью состав тронулся в путь, но на заре на станции Кунцево был остановлен большевиками, которые начали производить тщательную проверку документов

и грабить багажные вагоны с имуществом пассажиров. Неизвестный пассажир подкинул в висевшую на крюке сумку А.С. Гершельмана письма, адресованные гетману П.П. Скоропадскому. Эти письма вместе с обнаруженной визиткой, случайно оставленной А.С. Гершельманом в качестве закладки в книге и сообщающей о его принадлежности к Гвардии, послужили для чекистов основанием для ареста Александра Сергеевича и последующего заключения его в Бутырской тюрьме⁴³.

Тягостная тюремная эпопея длилась около шести месяцев. Вот как описывал свой тюремный «быт» Александр Сергеевич: «В Бутырской тюрьме царил относительный порядок, поскольку административный персонал в ней частично сохранился от дореволюционного времени [...]. Сводчатый потолок камеры поддерживался посередине широким квадратным столбом, вокруг которого, как и вдоль стен, были расположены нары, но их все же не хватало для почти 60 заключенных. У дверей стояла “параша” [...]. Около дверей и “параши” располагался “пролетариат”: рыжий парень в галифе, какой-то типично уголовный тип и воры. Как только освобождалось хорошее место, эти люди спешно занимали его и, продав его новичку, возвращались обратно к “параше” [...]. Незадолго до моего перевода в другую камеру мы пережили пренеприятную историю. Каждому из нас выдали сахар и щепотку чая. В камере началось чаепитие. “Пролетарии”, набрав с вечера воды в чайники, банки, кружки, до поздней ночи пили сладкую желтоватую жидкость. Проснулся я ночью от громкой брани, услышав также шум и плеск около дверей. Переполненная до краев “параша” уже не вмещала мочеизвержение, и люди мочились прямо на пол, затопляя его. Моей первой реакцией от вида разливающейся по полу вонючей жидкости было спасение обуви. “Наводнение продолжалось до 6 часов утра, выплеснувшись за двери камеры, когда пришли охранники отпирать дверь. Под ругань тюремщиков “пролетарии” занялись уборкой. Нам, буржуйам, пришлось в пользу виновников “наводнения” собрать небольшое вознаграждение за их работу по очистке. Это чаепитие запомнилось мне надолго»⁴⁴.

Александр Сергеевич тяготился отсутствием возможности посещения церкви: «Один раз мне удалось получить разрешение на посещение богослужения (в тюремной церкви. – С.З.). Не помню, был ли это воскресный день или праздник Покрова. Церковь была полна богомольцев. В алтаре находилось множество епископов, монахов, священников и диаконов. Пел хор, народ горячо молился.

Каждому было о чем просить Господа Бога: о себе, о своей осиротелой семье, о неизвестной судьбе близких, о плавающих и путешествующих и гонимых за веру»⁴⁵.

Все это время жена ходила по чрезвычайкам, искала связи, стояла в очередях с передачами и в итоге смогла добиться свидания с мужем. Мария Александровна на время тюремного заточения супруга жила в Москве у старых друзей Кисловских, а дочку с няней ранее благополучно переправила поездом к отцу в Киев. Как позже рассказала она мужу, вызволить его из тюрьмы помогло чудо Божие – каждый раз, когда Мария Александровна шла хлопотать за супруга, она заходила помолиться в Иверскую часовню.

Бывшие нижние чины, сослуживцы А.С. Гершельмана по гвардейской батарее, узнав об его аресте, также подавали письменные заявления в ВЧК с поручительством за него и просьбой о его освобождении.

Общими хлопотами и ходатайством бывшего секретаря писателя Л.Н. Толстого В.Г. Черткова, который когда-то был в дружеских отношениях с тестем Гершельмана – А.А. Мосоловым, осенью 1918 года Александр Сергеевич был освобожден из тюрьмы. Далее же произошло совсем невообразимое: по требованию толстовца Черткова, бывшего у большевиков на хорошем счету, А.С. Гершельман вместе с ним отправился в Кремль на встречу с В.Д. Бонч-Бруевичем, который обещал дать Александру Сергеевичу возможность беспрепятственно покинуть красную Москву. Встреча состоялась, и все было улажено. «Вот тот человек, которого вы мне подарили», – такими словами представил Чертков Гершельмана члену большевистского правительства⁴⁶.

А.С. Гершельман выправил документы на себя и жену и вернулся в Петроград, где воссоединился с братом Сергеем и его женой. Отношения большевиков с Украиной уже были прерваны, и выехать в Киев к дочери и тестю не представлялось возможным.

В Петрограде брат связал его с тайной офицерской монархической организацией, которую возглавлял П.П. Дурново. Стремясь к вооруженной борьбе с большевиками, А.С. Гершельман понимал, что единственный выход для него – это уход в Финляндию.

Перебравшись в Выборг, капитан Гершельман, спасая известного монархического деятеля Н.Е. Маркова 2-го из-под ареста, в конце мая 1919 года вместе с ним и братом Сергеем на парусной лодке выйдя из Выборга, пересек Финский залив, причалив к берегу в Лужской Губе в одной из деревень Ямбургского уезда⁴⁷. Оттуда

он проследовал в г. Ямбург, где вступил в ряды Северного корпуса (впоследствии – Северо-Западной армии), где поначалу командовал артиллерийским взводом легендарного Талабского полка.

С июня 1919 года в течение месяца Гершельман командовал ротой 5-й батареи Псковской артиллерийской бригады, затем (с июля 1919 г.) состоял командиром 1-й батареи 2-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Осенью 1919 года Александр Сергеевич был назначен командиром батареи Темницкого полка. Артиллерийское подразделение, которым командовал А.С. Гершельман, неизменно считалось одним из лучших в армии. Весеннее наступление и начало осенней кампании капитан Гершельман провоявал в черном зимнем гражданском пальто, купленном на толкучке сразу после выхода из московской тюрьмы осенью 1918 года. Некоторое время его «форму» дополняли рыжие финские кожаные сапоги, и лишь фуражка была военной. Армия страдала от недостатка не только вооружения и боеприпасов, но и от нехватки экипировки, поэтому такая «форма» не была тогда редкостью. Многие солдаты в обозах были босыми! Лишь перед началом осеннего Петроградского похода в полки стали доставлять долгожданное военное обмундирование английского образца. Александр Сергеевич прошел боевой путь осенью 1919 года в английской фуражке для нижних чинов с русской офицерской кокардой⁴⁸.

Генерал-лейтенант А.П. Родзянко вспоминал в своей книге: «По трудности перехода по болотистым дорогам и даже тропинкам и по решительности боевых действий, движение Темницкого полка нужно отметить как пример доблести, выносливости и умения маневрировать. Нужно также отметить и лихие действия капитана Гершельмана, проведшего свою конную батарею по совершенно непроходимым дорогам. Благодаря стремительности действий этих частей, большевики, находившиеся перед нашим фронтом, были отрезаны от своей тыловой дороги»⁴⁹.

6 ноября 1919 года, при отступлении Северо-Западной армии (СЗА) от Петрограда, близ села Загорье капитан Гершельман был ранен пулей в левое колено. За боевые отличия он был произведен в подполковники. Последняя должность в СЗА, на которой состоял А.С. Гершельман в декабре 1919 года, – командир 2-й батареи 3-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона⁵⁰.

На станции Ямбург раненого и уже с признаками возвратного тифа Александра Сергеевича нашла в санитарном вагоне жена. Стараниями супруги, служившей сестрой милосердия, он был до-

ставлен в полевой лазарет, а затем перевезен в 1-й военный госпиталь г. Юрьева.

Младшая дочь А.С. Гершельмана Марина Александровна с рассказов родителей вспоминает: «Однажды после сильного жара температура у него пала до 35 градусов, сердце сдало, и если бы раненый сослуживец, сосед по койке, не вызвал сестру, которая спешно сделала укол камфары, он бы не остался в живых»⁵¹. Из госпиталя его, уже выздоравливающего, перевезли в ревельскую квартиру под присмотр друзей-сослуживцев.

После перенесенного тифа и при плохо заживающей ране Александр Сергеевич имел настолько изможденный вид, что однажды, когда он вышел на костылях подышать на одну из ревельских улиц, проходившая мимо старуха сочла необходимым подать ему монетку (он долго берег ее как память).

Из Эстонии Александр Сергеевич переехал в Гельсингфорс, где его ждали родные.

Некоторое время, находясь в Финляндии, для окончательной поправки здоровья, А.С. Гершельман работал в мастерской офицера Гранберга по изготовлению трубок из карельской березы. Вскоре решив продолжить Белую борьбу, он направился к генералу П.Н. Врангелю, но, доехав до Варшавы, узнал об эвакуации Крыма.

1 января 1921 года прибыв в Берлин, Александр Сергеевич принял участие в монархическом «Съезде хозяйственного восстановления России» как представитель Волынской группы и группы русских офицеров 3-й Русской Армии в Польше. На съезде он был избран членом Высшего Монархического Совета (ВМС), во главе которого встал Н.Е. Марков.

Александр Сергеевич стал сотрудником канцелярии ВМС, которая помещалась в Берлине в квартире графа Воронцова-Вельяминова (Лютцовштрассе, 68). Вскоре ему было поручено руководство издательским отделом ВМС и сбор информации. На деньги, пожертвованные атаманом Г.М. Семеновым, Александр Сергеевич с единомышленниками предпринял издание еженедельника «Высший Монархический Совет». Он часто присутствовал на расширенных заседаниях ВМС, составляя и публикуя в еженедельнике отчеты. На собственные средства в берлинском издательстве «Стяг» Александр Сергеевич издал отдельной книжкой доклад С.С. Ольденбурга об Императоре Николае II, содержание которого впоследствии послужило основой для создания известной книги, выдержавшей в последнее время несколько переизданий. В 1921 году

А.С. Гершельман явился инициатором издания серии Царских портретов тиражом в 40 тысяч экземпляров. Причем заказы на данную серию приходили со всех концов мира, даже с Аляски.

Он также руководил группой офицеров «Союза верных», в функции которой входило обеспечение безопасности ВМС и собраний. В частности, группа охраняла больницу, в которой одно время находилась авантюристка, выдавшая себя за «чудом спасшуюся» Великую Княжну Анастасию Николаевну (Лже-Анастасия)⁵². Неоднократно Гершельман выступал с докладами от ВМС в лагерях для русских военнопленных и красноармейцев, интернированных и сдавшихся в плен во время Советско-польской войны 1920 года и не пожелавших вернуться в РСФСР. От имени ВМС он вел переписку с бывшими офицерами СЗА, проживающими в Финляндии и Эстонии, где работа монархических объединений не имела общего руководства.

Живя в Германии, Александр Сергеевич поддерживал добрые отношения с сослуживцами по СЗА: генералом П.Н. Красновым (сотрудничавшим с еженедельником ВМС), генералом А.П. Родзянко, полковниками бароном В.И. Велию и Г.Е. Бибиковым, ротмистром И.С. Унковским и другими. В марте 1922 года он стал свидетелем неудачной попытки офицеров-монархистов П.Н. Шабельского-Борка и С.В. Таборицкого казнить лидера российских либералов П.Н. Милюкова в отместку за инсинуации последнего в отношении Императрицы Александры Федоровны⁵³.

В 1922 году через своего друга барона Р.А. Штакельберга (последний церемониймейстер Двора Российского Императора), проживавшего в Финляндии, Гершельман вернул деньги генералу барону К.Г. Маннергейму, полученные ранее им от него для перехода через границу из Петрограда в Финляндию своей матери Марии Васильевны. Барон Маннергейм откликнулся письмом на имя Александра Сергеевича, в котором добрым словом помянул его брата – Василия, своего сослуживца по Первой мировой войне, погибшего в 1919 году в Крыму. Письмо барона Маннергейма и значительная часть семейного архива с багажом в 1945 году были сданы в камеру хранения на Зальцбургском вокзале, которые погибли вместе с вокзалом во время авианалета западных союзников СССР.

Весной 1922 года по поручению правления ВМС А.С. Гершельман совершил служебную поездку в Финляндию и Эстонию для встречи с русскими монархистами и подготовки Второго Монархического съезда в Париже. В Ревеле он остановился на квартире пол-

ковника К.Я. Колзакова, имел встречи с генералом В.Н. Горбатовским, полковником бароном Б.В. Энгельгардтом, пажом Д.И. Засядко, Ю.А. Артамоновым – ведущим самостоятельную конспиративную монархическую работу (впоследствии через него с ВМС связался провокатор ГПУ А.А. Якушев) и другими членами монархического объединения. Посетил Александр Сергеевич и группы русских монархистов в Юрьеве, Кивиыли и Нарве. В Финляндии Гершельман имел ряд встреч с монархическими организациями в Гельсингфорсе и Выборге. Ранее запланированную поездку в монастырь на остров Валаам к монахам, которые были связаны с русскими монархистами, пришлось отменить ввиду пристального внимания финской полиции к посетителям острова и контактам местного населения с приезжими. Александр Сергеевич также имел непосредственное отношение к работе боевых групп генерала А.П. Кутепова. Он лично готовил некоторых из них к вылазкам в РСФСР⁵⁴. В 1922 году он принял участие в работе Второго Монархического Съезда в Париже, на котором представлял Эстонию.

В конце 1923 года, уже после того как в рамках спецоперации ОГПУ под кодовым названием «Трест» агент Якушев внедрил в эмигрантскую монархическую среду, Александр Сергеевич вызвался «по специальным каналам» ехать представителем ВМС на съезд созданной чекистами в провокационных целях «Монархической организации Центральной России» (МОЦР), чтобы составить впечатление о том, что из себя представляет «монархическое подполье» советской России. В случае его удачного возвращения из Москвы предполагалось, что налаживать сотрудничество с монархическими организациями РСФСР (которые на самом деле были инспирированы чекистами) поедет председатель ВМС Н.Е. Марков. Однако поездка эта так и не состоялась: его друг, известный правый публицист и богослов Н.Д. Тальберг, с подозрением относившийся к деятельности пресловутого «Треста», намеренно сорвал эту «нелегальную поездку», скрыв от А.С. Гершельмана несколько писем-приглашений от Якушева. Тогда Тальбергу пришлось принять на себя шквал горьких упреков молодого, рвущегося в бой монархиста. И лишь в 1950-е годы Тальберг в письме к Александру Сергеевичу признался в своем умышленном недопущении его поездки в РСФСР, что, возможно, спасло Александру Сергеевичу жизнь⁵⁵.

В конце 1924 года, когда у ВМС начались финансовые трудности, А.С. Гершельман оказался «на вольных хлебах». Чтобы кормить семью, он устроился на работу в фирму «Дэко» («Дегтярев и К°»),

которой руководил его одноклассник по Пажескому корпусу и сослуживец по Лейб-гвардии Конной артиллерии К.В. Семчевский. Таким образом он занялся торговлей деталями для мотоциклов. В июле 1925 года А.С. Гершельман по работе прибыл в столицу Австрии Вены, где и обосновался с семьей. Осенью 1931 года он был назначен представителем ВМС в Австрии. Здесь же он организовал приход Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), который расположился в нанятой в аренду лютеранской церкви, пустой и холодной. Внутри нее силами прихода соорудили скромный иконостас. Настоятельством в храме епископ Серафим (Лядэ) – будущий митрополит Берлинский и Германский. Хор в большинстве случаев состоял из мужского квартета, в котором, обладая замечательным тенором, неизменно участвовал и Александр Сергеевич. В 1938 году Александр Сергеевич от мирян Австрийской епархии принял участие в работе II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей в Сремских Карловцах (Сербия). За свои труды на благо Церкви Александр Сергеевич был награжден архиепископом Австрийским Стефаном Благословенной Грамотой. По приглашению генерала Н.И. Глобачева Гершельман также работал в Союзе русских военных инвалидов в Германии и Австрии.

Начавшаяся Вторая мировая война застала А.С. Гершельмана в Австрии. На усиленные уговоры немецких офицеров принять германское гражданство и обещание офицерского чина в Вермахте Александр Сергеевич ответил категорическим отказом, заявив, что раз в жизни присягал на верность Российскому Императору и изменять данной присяге не намерен (Гершельман так никогда и не принял иностранного гражданства, оставаясь бесподданным). Один из германских офицеров сказал по этому поводу: «Оставьте фон Хершельманн в покое, он один раз присягал своему Русскому Царю и никому больше присягать не будет»⁵⁶. Очень показательно, что будучи немецкого происхождения (но никогда немцем себя не считавший) А.С. Гершельман, долгие годы вынужденно живший в Австрии, запрещал своим дочерям дома разговаривать на немецком языке: «Если мы с сестрой, говоря о школьных делах, иногда переходили на немецкий, – вспоминает М.А. Гершельман, – то из спальни раздавался строгий окрик: “Что там за басурмане, а ну-ка, по-русски говорите!”. И мы старались не сбиваться на “басурманский”»⁵⁷.

Как и многие русские эмигранты, А.С. Гершельман считал, что разразившаяся война есть последняя возможность вооруженным путем освободить Родину от власти коммунистов. Будучи знаком

с кадровыми офицерами Вермахта, он не без оснований полагал, что между партией национал-социалистов и старым офицерским корпусом германской армии, с неприятием относившимся к члoвеконенавистнической политике нацистов на Востоке, существует серьезный антагонизм.

Имея целью сплотить русский народ в борьбе против советской власти, а после освобождения Родины повернуть штыки против национал-социалистов, Александр Сергеевич, по своему происхождению, подлежавший обязательной мобилизации в германскую армию, в числе многих русских монархистов (по рекомендации ВМС) принял должность переводчика. В качестве такового он был прикомандирован к германскому офицеру и направлен на оккупированные советские территории в лагеря военнопленных красноармейцев, расположенных в Риге, Двинске, Вильно, Ковно, Пскове, Луге, Гатчине, Ямбурге и Ревеле.

Описания посещения лагерей у А.С. Гершельмана весьма реалистичны, так, в одном из концентрационных лагерей нацистским комендантом были созданы такие нечеловеческие условия, что у пленных красноармейцев дело доходило до людоедства. В других же местах сосредоточения пленных красноармейцев, свидетельствует А.С. Гершельман, встречалась противоположная картина: налаженные условия вполне сносного существования: питание, медобслуживание, организация различных видов производства, вплоть до получения военнопленными части денег от продажи произведенной ими продукции.

В двух письмах к старшей дочери Ирине из Пскова в Вену он писал: «Недавно разговаривал с одним советским полковником, нач[альником] шт[аба] дивизии. Он выпущен был в офицеры еще при Царе и прослужил в Красной армии все это время. Так, он мне сказал, что лишь в лагере в плену понял, до чего довело советское правительство людей, до чего их нравственно исковеркало и что он жалеет о времени и силах, им потраченных на служение этому режиму. [...] В лагерях мне приходится все время сталкиваться с людьми, записавшимися в армию⁵⁸, они полны желанием – бороться с большевизмом, вместе с тем у многих это желание подсказано уверенностью в полной безнадежности борьбы на красной стороне»⁵⁹. В другом письме А.С. Гершельман так формулирует главные лозунги своей тайной борьбы за воссоздание Исторической России: «1. Единовластие (с применением отбора); 2. Совесть на почве религиозной установки; 3. Справедливость, одинаковая для

всех; 4. Личность как основа творчества. [...] Цель наша, конечно, воссоздание России, но, по нашему убеждению, Ее можно создать после свержения коммунистической власти, лишь на указанных мною 4 принципах»⁶⁰. Опасаясь перлюстрации военной цензуры, Александр Сергеевич не раскрывает в письме смысла перечисленных принципов, однако очевидно, что он подразумевал восстановление в России Самодержавной Православной Монархии.

В конце войны вместе с семьей А.С. Гершельман был вынужден перебраться на запад Австрии, в город Зальцбург (подальше от наступавших советских войск), поселившись с семьей в беженском лагере «Парш», где скопилось тогда до двух с половиной тысяч русских людей. Здесь Александр Сергеевич состоял членом епархиального совета Австрийской епархии РПЦЗ.

В октябре 1948 года семья Гершельманов при помощи протоиерея Константина Изразцова переехала в Аргентину, поселившись в Буэнос-Айресе. На новом месте Александр Сергеевич принимал активное участие в деятельности инвалидов и благотворительных организаций, сотрудничал с редакцией военно-исторического журнала «Военная быль»; был душою Объединения пажей, встречи которых происходили часто у него в доме. Будучи по природе своей скромным, он не раз отказывался от просьб возглавить Объединение пажей, считая, что для этой должности есть более достойные люди. В 1961 году А.С. Гершельман явился одним из главных организаторов выставки Старинного русского искусства в аргентинской столице, которая имела громкий успех. Александр Сергеевич также являлся чином Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), однако в 1963 году из-за попраiania устава организации полковником Е.Э. Месснером он вышел из его состава.

Всю свою жизнь Александр Сергеевич скрупулезно собирал рукописи воспоминаний офицеров Русской Императорской Армии, ведя обширную переписку с единомышленниками. Сам он является автором ценных и интересных воспоминаний о пребывании воспитанником Пажеского корпуса, придворной службе камер-пажом, Первой мировой войне, Белой борьбе на Северо-Западе России и деятельности Высшего Монархического Совета.

Полковник Александр Сергеевич Гершельман отошел ко Господу 12/25 декабря 1977 года во время воскресной Божественной литургии в день праздника Пажеского корпуса. За два дня до смерти он причащался Святых Таин, а вечером накануне своей смерти исповедовался и еще раз причастился.

Младшая дочь Александра Сергеевича Марина Александровна вспоминает: «До конца своих дней отец был членом Союза русских военных инвалидов, фактически был душой его, но всегда выдвигал других на должности председателя. На Пажеские и полковые праздники он приглашал своих друзей, вспоминали старое, а в конце застолья всегда с хором семьи и друзей пел, запевал тенором военные песни и старинные романсы. Я всегда гордилась своим отцом и даже его кончиной, она была тяжелой, но под конец, посмотрев направо вверх, его лицо прояснилось, явно, что он увидел кого-то или что-то светлое»⁶¹.

Прах А.С. Гершельмана был погребен на кладбище Сан-Мартин в провинции Буэнос-Айрес, а затем перенесен в могилу полковника Владимира Константиновича Цешке на Британском кладбище аргентинской столицы.

«Отец очень любил Россию, верил в ее возрождение, для которой и писал свои воспоминания, – свидетельствует его дочь Марина Александровна. – Он был верен присяге, долгу, своим принципам, был убежденным монархистом. До конца дней своих по-офицерски был подтянутым и по-геройски, как говорили его друзья, терпел невыносимые боли от гангрены ног. Полтора года между ампутациями ног он много печатал на машинке свои и чужие воспоминания. Всегда активно работал, когда это было возможно, для Русского дела»⁶².

Проживая много лет вдали от Родины, Александр Сергеевич, как и его сослуживец по СЗА и друг по переписке ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев, всегда верили в духовное перерождение русского народа и освобождение его от безбожной советской власти, однако сомневались в том, что произойдет оно быстро и дастся легко. По всей видимости, в ответ на эту мысль, высказанную в письме А.С. Гершельмана Д.Д. Кузьмину-Караваеву, последний отвечал следующими словами: «Да, современный русский народ, который мы, по существу, знали [...] дисциплинированным, преданным [...], настолько изменился, в особенности, в нравственном отношении, за 54 года обработки его советской властью, что общего языка, общих понятий у нас с ним нет и не будет. Дай Бог, чтобы постепенно произошло бы его нравственное перерождение, прежде всего возврат к Богу, но мы с Вами этого не увидим»⁶³.

...Выпускникам Пажеского корпуса выдавались значки Мальтийского креста, к которым они за свой счет заказывали золотые кольца, надевавшие во время прощального ужина. В золото были

вложены стальные обручи с обозначением числа выпускников, а внутри кольца – имя и фамилия владельца и дата производства. Одним из главных Пажеских заветов являлся: *«Ты будешь тверд, как сталь, и благороден, как золото!»* Полковник Лейб-гвардии Конной артиллерии Александр Сергеевич Гершельман прожил свою долгую жизнь верный заветам Пажеского Его Императорского Величества корпуса, в тяжелых жизненных условиях на поле брани и на чужбине он оставался всегда *твердым, как сталь, и благородным, как золото.*

* * *

Воспоминания Александра Сергеевича Гершельмана «Эмиграция» публикуются впервые на основе авторизованной машинописи, любезно предоставленной С.Г. Зирину дочерью автора Ириной Александровной Мухановой и Мариной Александровной Гершельман (Буэнос-Айрес).

Воспоминания А.С. Гершельмана о монархической работе в эмиграции, написанные им в 1950–1960-е годы в Буэнос-Айресе, состоят из семи самостоятельных машинописных рукописей и имеют следующие подзаголовки: «Первый Монархический Съезд в Рейхенгалле, 1921 год»; «После Первого Монархического Съезда в Рейхенгалле в 1921 году»; «Основные положения, принятые Съездом в Рейхенгалле (Бавария) с 16 по 24 мая (ст.ст.) 1921 года»; «Моя работа при Высшем Монархическом Совете 1921–1924 гг. (Дополнения к очерку о моей почти четырехлетней работе при Высшем Монархическом Совете. О Гучкове)»; «Лже-Анастасия»; «Вена»; «МОЦР (Трест). По поводу книги советского писателя Льва Никулина “Мертвая зыбь”, вышедшей отдельным изданием Московского Воен. издательства (написаны 15 января 1968 г., Буэнос-Айрес)».

В настоящей книге публикуются первые четыре части воспоминаний, представляющие собой определенную последовательность и тематическую целостность повествования. Последние три части рукописи А.С. Гершельмана «Эмиграция» предполагаются к публикации в выпусках журнала Исторической России «Михайлов День». Текст рукописи публикуется полностью с незначительной редакторской правкой, местами сохранена специфика оригинала. Пояснения публикатора в тексте воспоминаний помещены в скобки.

Публикатор, комментатор и автор вступительного очерка об А.С. Гершельмане С.Г. Зирин приносит сердечную благодарность за право публикации, предоставление рукописи, документов, воспоминаний и фотоматериалов Ирине Александровне Мухановой и Марине Александровне Гершельман (Буэнос-Айрес). Сердечно благодарю за помощь в сканировании и доставке документов, а также за оказанную помощь при работе над рукописью следующих лиц: Андрея Александровича Иванова (Санкт-Петербург); Евгения Валериановича и Игоря Валериановича Глебовых, Марию Александровну Кублицкую, Андрея Игоревича Андрушкевича (Буэнос-Айрес); Антона Сергеевича Громова (Weilheim, Германия); Николая Геннадиевича Зирина, Михаила Юрьевича Катина-Ярцева, Владимира Григорьевича Чичерюкина-Мейнгардта (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Первая публикация краткого жизнеописания полковника А.С. Гершельмана в России, предоставленного его дочерьми И.А. Мухановой и М.А. Гершельман (Буэнос-Айрес), была осуществлена А.С. Кручининым в книге воспоминаний Александра Сергеевича «В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом» (М., 1997–1998). Настоящий биографический очерк публикуется с дополнениями по рукописям А.С. Гершельмана, интервью, воспоминаниям и письмам М.А. Гершельман. Краткие сведения о А.С. Гершельмане ранее были опубликованы в следующих изданиях: Некролог // Часовой. 1978. № 612; Волков С.В. Офицеры Российской Гвардии. М., 2002. [Зирин С.Г.] Полковник А.С. Гершельман // Михайлов День 1-й. Журнал исторической России. Ямбург, 2005.
- 2 Интервью [С.Г. Зирина] с М.А. Гершельман // Михайлов День 1-й... С. 121.
- 3 Гершельман А.С. Детство // Наши вести (Санта-Роза, США – СПб., Россия). 1999. Сент.–дек. № 456–457. С. 19.
- 4 Подробнее о ген. С.К. Гершельмане см.: Список генералов по старшинству по 4 июня 1907 г. СПб, 1907; Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7.
- 5 Цит. по: Гершельман А.С. 1941 год. Начало войны Германии с Совдепией. Работа переводчиком во время войны Германии против Советского Союза 1941–1945 гг. Машинопись (личный архив автора, предоставлено И.А. Мухановой и М.А. Гершельман). Л. 1–2; Гершельман А.С. Детство // Наши вести. 1999. Март. № 454. С. 6.
- 6 Гершельман А.С. Детство // Наши вести. 1999. Март. № 454. С. 7.
- 7 Там же. А.С. Гершельман цитирует стихотворение А.К. Толстого «Против течения» (1867).
- 8 Точную дату кончины Евгении С. Гершельман пока установить не удалось, она умерла до 1902 г.
- 9 Гершельман А.С. Детство // Наши вести. 1999. Март. № 454. С. 8.

- 10 Анташи, совр. деревня Гатчинского района, Ленинградской области.
- 11 *Гершельман А.С.* Детство // Наши вести. 2000. Сентябрь. № 460. С. 8.
- 12 «Для семьи приезд отца и брата были праздником. И как тому не быть? Отец – Георгиевский кавалер, отличенный Государем, делает блестящую карьеру. Брат – раненый, с боевым орденом на груди и алым темляком на шашке, также обласканный Царем. Что могло быть радостнее для нашей военной семьи! Хотелось петь: *И когда же с поля чести / Русский воин молодой / Без удалой славной весты / Возвращается домой!*» (*Гершельман А.С.* Детство // Наши вести. 2000. Сентябрь. № 460. С. 10).
- 13 *Гершельман А.С.* Детство // Наши вести. 2000. Сентябрь. № 460. С. 9.
- 14 Там же. С. 8.
- 15 Подробнее см.: *Гершельман А.С.* Воспоминания о службе камер-пажом во время торжеств 300-летия Дома Романовых // Кадетская переключка (Нью-Йорк, США). 1998. № 64–65.
- 16 Подробнее см.: *Гершельман А.С.* Один из сорока трех (Из повести о Пажеском корпусе и о хождении на ту сторону) // Кадетская переключка. 2003. № 74. С. 267–304; Там же. 2004. № 75. С. 255–295.
- 17 Покушение на ген. С.К. Гершельмана было произведено 21 ноября 1907 года эсеркой-террористкой Александрой Севастьяновой, сидевшей с корзиной, наполненной рыбой, на скамейке у ворот дома в Госпитальном переулке. По одним сведениям Севастьянова скончалась на месте от полученных ранений, по другим, приговором суда была казнена в Москве (по циркулирующим тогда слухам ее пристрелили в близлежащем от места покушения сарае).
- 18 Интервью [С.Г. Зирина] с М.А. Гершельман... С. 122.
- 19 *Гершельман А.С.* Детство // Наши вести. 2000. Сент. № 460. С. 11.
- 20 В начале и в середине 1990-х годов М.А. Гершельман, будучи дважды в С.-Петербурге, пыталась найти могилы своих родных, но безрезультатно. Могилы генерала С.К. Гершельмана, поручика Г.С. Гершельмана и Е.С. Гершельман находятся в десятке безымянных склепов. Автор данного очерка в июле 2006 года также предпринимал тщательные попытки разыскания фамильного склепа Гершельманов, но результаты были неутешительные.

- 21 *Гершельман А.С.* Жизнь в прикомандировании Л.-гв. Конной артиллерии после производства в 1913 году и до выхода в поход в июле 1914 года. Машинопись (личный архив автора, предоставлено М.А. Гершельман). Л. 6–7.
- 22 Из песни Лейб-гвардии Конной артиллерии.
- 23 Гвардейская Конно-артиллерийская бригада в 1913 году была переименована в Лейб-гвардии Конную артиллерию, в ее состав входили шесть батарей: Батарея Его Величества (1796); 2-я батарея Его Императорского Высочества Вел. Кн. Михаила Николаевича (1811); 3-я батарея Его Императорского Высочества Вел. Кн. Георгия Михайловича (1817); 4-я батарея Его Императорского Высочества Вел. Кн. Наследника Цесаревича и Вел. Кн. Алексея Николаевича (1812); 5-я батарея Его Императорского Высочества Вел. Кн. Михаила Александровича (1875) (*Гершельман А.С.* Жизнь в прикомандировании Л.-гв. Конной артиллерии...)
- 24 Там же. Л. 8.
- 25 Там же. Л. 17.
- 26 Там же.
- 27 «Высочайшим приказом от 13 октября утверждается пожалование за отличия в делах против неприятеля, по удостоянию Местной Георгиевской Кавалерственной Думы, Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени: [посмертно] поручику Лейб-Гвардии Конной Артиллерии Г. Гершельману за то, что, лично вызвавшись показать коннице место нахождения неприятельской батареи, принял участие в атаке, способствовал взятию с боя двух орудий, причем убит последним, данным в упор выстрелом» (Вестник русской конницы. 1914. № 17–24).
- 28 Полная рукопись А.С. Гершельмана «Воспоминания о войне 1914–1917 гг.» не опубликована. Право публикации данной рукописи предоставлено С.Г. Зирину дочерьми полк. А.С. Гершельмана И.А. Мухановой и М.А. Гершельман. При жизни Александром Сергеевичем были опубликованы следующие очерки: Каушен. Воспоминания Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, батареи Его Величества Подпоручика Александра Сергеевича Гершельмана 5-го // Военная быль (Париж). 1965. № 72; Бой под Мацковой Рудой. Воспоминания о войне 1914–1917 гг. // Военная быль. 1967. № 83. С. 27–30; 1916-й год // Военная быль. 1968. № 92.
- 29 *Гершельман А.С.* Как я болел сыпным тифом весной 1915 года // Воспоминания о войне 1914–1917 гг. Машинопись (личный архив автора). Л. 3–4.

- 30** *Гершельман А.С.* Военные действия на Стоходе // Воспоминания о войне 1914–1917 гг. Машинопись (личный архив автора). Л. 4–5.
- 31** С июля 1914 г. Управление Л.-гв. Конной артиллерии было расформировано, а батареи были приданы разным дивизиям. С назначением в 1915 г. Вел. Кн. Андрея Владимировича командиром Л.-гв. Конной артиллерии в Павловске было воссоздано ранее упраздненное управление, создана Запасная батарея и тем самым восстановлен старый порядок.
- 32** *Гершельман А.С.* Бой у деревни Боровая, 20 сентября 1915 года // Воспоминания о войне 1914–1917 гг. Машинопись (личный архив автора). Л. 3.
- 33** В выписке из Высочайшего приказа от 26 ноября 1916 г. о пожаловании А.С. Гершельмана Георгиевским оружием он упомянут в чине штабс-капитана Л.-гв. Конной артиллерии. В удостоверении за подписью начальника Регистрационного отдела старшего лейтенанта [Н.Я.] Павлинова с приложением печати [Конвоя? – С.З.] Отдельного Корпуса Северной армии, полученном А.С. Гершельманом в г. Ямбурге, также подтвержден его офицерский чин штабс-капитана. В выписке из приказа по СЗА № 315 от 9 ноября 1919 г. приводится производство А.С. Гершельмана из капитанов в подполковники. Возможно, что сам Гершельман упоминал в воспоминаниях свой чин как капитанский в связи с тем, что в СЗА не была воссоздана гвардейская артиллерия, а по существовавшей традиции при переводе офицера гвардии в армейскую часть его офицерский чин повышался на один ранг.
- 34** Выписка из Высочайшего приказа от 26 ноября 1916 г. // Главное правление Зарубежного Союза Русских военных инвалидов, № 1524, от 5 августа 1948 г. Копия предоставлена М.А. Гершельман.
- 35** Подробнее о расформировании батарей Л.-гв. Конной артиллерии, в которой служили братья А.С. и С.С. Гершельманы, см.: *Гершельман А.С.* В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. М., 1997. С. 9–24.
- 36** Мосолов Дмитрий Александрович (1893–1919), младший сын ген. А.А. Мосолова.
- 37** *Гершельман М.А.* Из семейных хроник. Дорогие портреты // Михайлов День 2-й. Журнал исторической России. Ямбург. (В печати.)

- 38 Там же.
- 39 Подробнее об условиях жизни, которые создала «народная власть» большевиков, см.: *Бунин И.А.* Окаянные дни; *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники. 1917–1918, 1914–1919 (Живые лица. Тбилиси, 1991; *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента / Подготовка текста и комментарии А.В. Смолина. // Русское прошлое. СПб., 1993. № 4. С. 35–149, 1994. № 5. С. 148–242).
- 40 См.: *Гершельман А.С.* Тюрма и сума // Михайлов День 1-й... С. 289.
- 41 Там же. С. 289.
- 42 Там же. С. 290.
- 43 А.С. Гершельман так вспоминал об этом эпизоде: «В этот момент в вагон вскочил матрос и, прикрывая рукою какую-то бумажку, начал шептаться с чекистом. Заглянув последнему через плечо, я, к своему ужасу, увидел в зажатой руке матроса свою визитную карточку “Александр Сергеевич Гершельман. Лейб-гвардии Конной Артиллерии”. Мелькнула мысль скрыться, бежать, но одновременно вспомнил, что в поезде жена, ребенок [...] Оказалось, что наш вагон в мое отсутствие обыскивали в третий раз. На крюке висела моя сумка, а в ней была книга с романом А.И. Куприна “Яма”. Роман я начал читать еще перед походом в 1914 году, но мобилизация прервала мое чтение. Страницу, на которой остановился, я заложил визитной карточкой. Теперь, уезжая в Киев, я взял недочитанную книгу из библиотечного шкафа, не заметив закладку. Визитная карточка и послужила поводом для моего ареста» (*Гершельман А.С.* Тюрма и сума... С. 291–292).
- 44 Там же. С. 294, 296.
- 45 Там же. С. 299.
- 46 Там же. С. 306.
- 47 Подробнее см.: *Гершельман А.С.* Один из сорока трех (Из повести о Пажеском корпусе и о хождении на ту сторону) // Кадетская переключка. 2003. № 74. С. 288–298.
- 48 Этой своей фуражкой А.С. Гершельман очень дорожил, берег и сохранил ее даже в Аргентине. Примечательно, что он даже не считал возможным ее чистить, решив оставить навечно следы пороховой гари и пота. Сейчас эта фуражка, переданная И.А. Мухановой и М.А. Гершельман, хранится в коллекции автора настоящего очерка.

- 49 Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной Армии. Берлин, 1921. С. 108. Генерал Родзянко не точен только в одном – А.С. Гершельман командовал в то время не конной, а пешей батареей.
- 50 Подробнее о службе А.С. Гершельмана в СЗА см.: *Гершельман А.С.* В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год. Ч. 1–2. М., 1997–1998.
- 51 Интервью [С.Г. Зирина] с М.А. Гершельман... С. 124.
- 52 См.: *Гершельман А.С.* Самозванка [о Лже-Анастасии] // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1957. 26 сентября. № 401.
- 53 Об этом покушении см.: *Иванов А.А.* «Верный сын Императорской России». П.Н. Шабельский-Борк (1893–1952) // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 549–552.
- 54 Подробнее см.: *Гершельман А.С.* Один из сорока трех... // Кадетская переключка. 2004. № 75. С. 255–295.
- 55 Сведения получены из письма М.А. Гершельман – С.Г. Зирину (2000). Личный архив автора.
- 56 Интервью [С.Г. Зирина] с М.А. Гершельман... С. 132.
- 57 Там же. С. 133.
- 58 Вероятно, речь идет о проекте формирования первой бригады Русской Освободительной армии (РОА) ген. А.А. Власова в Пскове. К июню 1943 г. был сформирован лишь батальон РОА (численностью 500 человек) под командованием полковника К.Г. Кромииади, дислоцированный в 17 км от Пскова в д. Крышово. Подробнее см.: *Александров К.М.* Восточные войска Вермахта и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России: к истории разведывательных и контрразведывательных служб // Против Сталина. СПб, 2003. С. 100–102.
- 59 Из письма А.С. Гершельмана – И.А. Гершельман (Мухановой). 22 мая 1943. Личный архив автора.
- 60 Из письма А.С. Гершельмана – И.А. Гершельман (Мухановой). 16 июня 1943. Личный архив автора.
- 61 Интервью [С.Г. Зирина] с М.А. Гершельман... С. 132.
- 62 Там же. С. 131–132.
- 63 Из письма Д.Д. Кузьмина-Караваева (Гельсингфорс) – А.С. Гершельману (Буэнос-Айрес). 17 июля 1972 г. Личный архив автора (предоставлено М.А. Гершельман).

ЭМИГРАЦИЯ

Часть I ПЕРВЫЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В РЕЙХЕНГАЛЛЕ, 1921 год¹

Простившись с матерью, братом и сестрой в Варшаве, я 1 января 1921 года прибыл в Берлин и высадился на Фридрихбангоф, где меня встретила жена². Остановились мы в гостинице около Гедехнискирхе, а затем перебрались сначала в пансион на Кантштрассе, после же вся наша семья, уже с приехавшей из Швейцарии нашей дочерью Иринкой, старшей сестрой жены Ириной³ переехали на квартиру в Бестэнд Эйхеналле, 35*.

В Берлине начался и продолжался четыре года один из самых интересных и плодотворных периодов моей жизни – работа в монархических кругах русской эмиграции, Съезде в Рейхенгалле, издательском отделе при Высшем Монархическом Совете⁴, поездки в Эстонию и Финляндию для подготовки Второго Монархического Съезда в Париже⁵, переправка в Совдепию нашей монархической пропаганды, налаживание связей с пограничьем, участие в разоблачении МОЦР⁶.

В первое же воскресенье по моем приезде в Берлин мы всей семьей отправились в церковь, которая помещалась в здании бывшего русского посольства на Унтер ден Линден. Берлин становился в то время одним из крупнейших центров русского рассеяния.

В церкви и на дворе посольства, после литургии, собиралась вся правая русская колония. Там происходили самые неожиданные встречи с людьми, которых уже годами не встречал и даже считал погибшими. Узнавалось о судьбе старых товарищей, однополчан, радостно сообщалось о спасении в эмиграцию многих друзей и знакомых. Тут же за столиком продавались открытки с портретами

---

* Сведения о персоналиях см. в Именном указателе.

Царственных Мучеников⁷, Государыни Императрицы Марии Федоровны и можно было купить правые издания вроде «Двуглавого Орла»⁸. Здесь же завязывались новые и восстанавливались старые связи. Словом, возрождалась правая общественная жизнь, молчаливая по всей России со дня отречения Государя Императора.

Монархисты зашевелились. На Кайзер Аллее был куплен особняк, в котором по средам собирались монархисты всех оттенков, обсуждались новости дня и строили планы о возможностях возобновления борьбы с коммунистами. В то же время начали спланиваться офицеры полков и военных учебных заведений.

Под председательством генерала от кавалерии барона Б.А. Рауш фон Траубенберга состоялась первая встреча в Берлине пажей. Длинный стол занял весь зал, за ним сидели генералы, полковники, ротмистры и подпоручики, на левом фланге молодежь, еще не успевшая надеть офицерские погоны и которую революция застала за партами родного корпуса. Вспоминали прошлое, составляли списки бывших пажей, связывались с группами пажей, уже начавших собираться по всем странам Европы.

К осени того же года начались более или менее регулярные собрания офицеров Лейб-гвардии Конной артиллерии⁹. В те времена в Берлине жили: генералы князь Масальский, И.К. Багговут и барон В.И. Велио, полковники А.Н. Линевиц, граф С.А. Ребиндер, Н.А. Барановский, капитаны Швецов и Енакиев, полковники производства Добровольческих армий Ю.Р. Мевес, К.В. Семчевский и я. Проездом бывали генерал Кюгельхен, брат Сергей¹⁰, Б.В. Трепов, из молодежи: Родзянко, Бельгардт, Андро де Ланжерон, Щербачев, Зубов, Унковский¹¹.

Собирались мы в здании аэроклуба, Шенебергер Уфер, угол Блуменгоф, или в каком-нибудь кабачке на Лютцовштрассе. Собрания были исключительно оживленные и интересные, так как рассказы собравшихся охватывали жизнь в нашей части за многие десятилетия. Интересно и знаменательно, что полковые объединения и Союз Пажей оказались в эмиграции наиболее спяными и долговечными¹².

Вскоре я включился и в политическую жизнь русского Берлина. В середине февраля я получил приглашение (за № 38) принять участие в учредительном собрании Русского Монархического Объединения. Текст приглашения гласил: *«Милостивый Государь, Александр Сергеевич. В предвидении неизбежного крушения большевического [так в тексте. – С.З.] ига, республиканцы и социалисты*

разных наименований проявляют усиленную деятельность, готовясь занять место советского правительства для дальнейшего углубления революции. Молчат и бездействуют только монархисты, все еще не решаясь открыто и смело поднять тот единственный флаг, под которым могли бы дружно сплотиться массы русских граждан, разочаровавшихся в революции и не видящих спасение России вне восстановления в ней Царского Трона. Если Вы признаете своевременным создание в противовес республиканским и социалистическим течениям идейного монархического фронта, который бы объединил всех разделяющих принцип легитимного монархизма независимо от того, являются ли они сторонниками монархии парламентарной, конституционной или самодержавной, – не откажите почтить Вашим присутствием учредительное собрание Российского Монархического Объединения, имеющего быть в [слово «воскресенье» зачеркнуто и заменено словом «суббота». – С.3.] 26 Февраля в три с половиной часа дня в зале Вейн Гаусс Рейнгольд, на Бельвюштрассе 19-20, вход с Потсдамерштрассе 3. Предмет занятий: 1) рассмотрение и утверждение программного обращения ко всем монархистам. 2) Утверждение «Положения о Российском Монархическом Объединении в Германии». 3) Выборы Правления. 4) Текущие дела. Инициативная группа».

Я с радостью откликнулся на этот призыв. Впервые с дней проклятой революции я услышал открытое исповедание дорогого мне монархического принципа и подтверждение того, что за все это время созревало в моем сердце. Я немедленно записался в члены объединения. Тут же началось обсуждение вопроса о созыве съезда, который должен был положить начало работе монархистов в эмиграции и, по возможности, в самой России. Из осторожности рекомендовалось все же говорить о съезде, как имеющем целью обсудить «хозяйственное восстановление России».

После этого собрания через Маркова 2-го и состоявшего при нем Степана Сергеевича Андреевского, с которым я познакомился в Финляндии у его отца, бывшего орловского губернатора, я начал ближе сходить с правой группой монархистов. На Лютцовштрассе (на углу Дерфлингерштрассе) была квартира, в которой жили Андреевский с женой Екатериной Гебгардовной (урожд. графиней Кайзерлинг)¹³. В этой квартире сходились нити нашей организации и велась подготовительная работа по созыву съезда. Открытая работа же велась, как я уже сказал, на Кайзер Аллее. После Съезда это место стало штаб-квартирой Высшего Монархического Совета.

Съезд должен был состояться в Баварии, где были сильны баварские монархические группировки и где в курорте Рейхенгалль баварское правительство давало разрешение на созыв русского съезда правого направления.

Наконец день Съезда был назначен, и разрешение на въезд в Баварию членам съезда были разосланы по всем монархическим группам русского рассеяния. Открытие Съезда было назначено на 29 мая нового стиля.

За несколько недель до того в Берлин приехал Димитрий Федорович Андро де Ланжерон. Он повидался с Марковым 2-м и немедленно связался со мною. Он принял предложение представлять на Съезде русских монархистов в Польше. Но в связи с происходящим в Польше он боялся, что ему и предложенному им второму представителю г. Лелявскому не дадут разрешения на выезд из Варшавы¹⁴. Это и подтвердилось, а потому он решил сразу же указать себе заместителя, и выбор его пал на меня. Я, конечно с радостью согласился, и бюро по созыву Съезда внесло меня в списки делегатов.

Андро действительно не смог приехать, и вот что он мне сообщил в письме, полученном мною уже в Рейхенгалле: *«Дорогой Александр Сергеевич. Не посылал Вам до сих пор тех бумаг, о которых мы с Вами говорили, потому что был уверен, что поеду сам: визы, как польская, так и немецкая уже были готовы и даже поставлены на паспорт. Лелявского вызвал в Познань телеграммой, и он приехал, чтобы ехать вместе со мною. Все эти планы рухнули позавчера из-за событий, происходящих в Гурном Шлейзвике¹⁵, и теперь мне приходится отказаться, надеюсь временно, от поездки вместе с Вами на курорт [Бад-Рейхенгалль], так как нас теперь не пропустят через границу. Посылаю это письмо, а также депешу о невозможности приехать во избежание всяких недоразумений, из Данцига¹⁶ и, надеюсь, если оно Вас уже не застанет, что его Вам немедленно перешлют, так что Вы его получите еще до возвращения с курорта. У меня накопился очень большой багаж сведений за это время и очень важно, чтобы об этом знали своевременно, а потому напишу Вам, конечно, что можно писать, по пунктам: 1) посылаю Вам краткое изложение истории III Армии¹⁷. Это только краткое изложение фактов по документам (со ссылками на них), которые имеются. Хотел изложить все более подробно, но за недостатком времени сделать этого не мог, т. к. меня задержали в Варшаве пять дней. Думаю, что сущность этой записки было бы желательно из-*

ложить, а затем передать ее для обработки, как мы с Вами говорили. Обработанный текст просмотрим вместе, когда увидимся, что, надеюсь, будет скоро, т.к. предполагаю, как только события в Гур. Шл. [Гурном Шлейзвике] выяснятся, сейчас же ехать в Вену и по дороге быть у Вас. 2) Посылаю Вам сводку донесений с мест (Волынской губернии). Я специально посылаю туда **теперь** нарочного, который по моему указанию опрашивал представителей разных слоев населения: священников, врачей, интеллигенцию, крестьян. Я его направил к людям, которых я хорошо и давно знаю, – все это лица очень положительные и взгляд их, безусловно, точно передаст действительное положение на местах. Высказанные ими мнения, конечно, с каждым говорили порознь, почти совершенно тождественны и в главных положениях, безусловно, сходятся. Из этой сводки необходимо сделать соответственные выводы, о чем в конце письма. 3) В Варшаве я вошел в соглашение с нашим Красным Крестом для организации работ **группами** в интересных для нас районах. Дело это налаживается, и так как сам постоянно жить в Варшаве не могу, – то поручил заняться этим одному бывшему командиру полка в бывшей кавалерийской дивизии. Человек очень энергичный. Группы, конечно, будут составлены соответственно. Это более чем важный вопрос, вопрос жизненный, и мы рассчитываем, что в этом деле, после Вашего возвращения из курорта, нам помогут материально, тем более что размер необходимой помощи очень сравнительно невелик. 4) По соглашению с руководителями составил план широкой организации, но не посылаю его, т.к. это письмо пойдет по почте. 5) Бывшие в Дембичи¹⁸ офицеры выпущены и уезжают. Три из них выезжают к Вам, и я уже писал Виктору Владимировичу [Копенхагову], чтобы им **срочно** выслали в Данциг разрешение на въезд: они едут через Данциг. На случай если мое письмо В.В. [Копенхагов] не получил, что очень и очень возможно, передайте ему или кому следует, что им немедленно выхлопотали разрешение и выслали консулу в Данциг, чтобы он им поставил визы, так как они уже, вероятно, сидят там и ждут, а средств, Вы сами знаете, у них не густо. Список их прилагаю. 6) Граф Алексей Петрович* уехал в Константинополь и, если успеет, собирается непременно приехать к Вам на курорт, и просил немедленно выслать ему разрешение на въезд по адресу: «Будапешт, отель “Унгария”». Не откажите передать, кому следует, чтобы это также

---

* Граф Алексей Петрович фон дер Пален (примеч. А.С. Гершельмана)

возможно скорее сделали. 7) *Передайте, пожалуйста, Долгорукову¹⁹, что я, вероятно, скоро приеду к Вам, и спросите его, где он будет после курорта. Если он будет не у Вас и с курорта поедет куда-нибудь в другое место – пусть Вам оставит свой адрес. Скажите ему, что те данные, о которых мы говорили, я привезу с собой.* 8) *Как только получите это письмо, пришлите, пожалуйста, мне телеграмму по адресу Тарановского и подпишите “Александр”, которого числа предполагает закончиться курорт и когда предполагают вернуться обратно. Это мне необходимо знать для моих предположений в связи с предстоящей поездкой, а, кроме того, я буду знать, что это письмо Вы получили.* 9) *Разговоры мои здесь должны быть временно отложены, так как общее положение, из-за той же причины, которая мне помешала приехать, теперь очень запутанное, и говорить теперь об этом не время. Кроме этого, с нашей точки зрения и учитывая настроение на местах за границей (восточной), необходимо немного изменить основы переговоров, о чем я подробно сообщу, когда увидимся. Скажите только Николаю Ивановичу²⁰, что, не зная, что нас ожидает, совершенно необходимо избегать на курорте всяких выпадов, тем более что это ровно ни к чему не ведет, а вызовет только насмешки, обострит в ущерб нам положение, и послужит только на пользу Са...ва*. Что отчасти уже и было, по поводу письма, копию которого я привез Н.И. из Парижа**. Наоборот, для будущего нам необходимо, чтобы была какая-нибудь любовь. Мое заключение из всего того, что я Вам писал, хотя всего, конечно, я пространно написать не могу, следующее. Вся граница, вблизи которой я живу, и далее на север является для нас в настоящее время **самой важной**, как по своему географическому положению, так и, а это самое главное, по степени моральной подготовки населения. Во что бы то ни стало надо подорвать влияние С...а [Савинкова]²¹. Надо сохранить очень ценный и надежный элемент, находящийся здесь. Я не знаю, что делается на Дальнем Востоке, но утверждаю, что из всего остального – наше – это важнейшее направление, а, следовательно, как только вернетесь с курорта, первая представившаяся возможность (конечно, в зависимости от результатов курорта) должна быть направлена сюда.*

* [Б.В.] Савинкова (примеч. А.С. Гершельмана).

** Н.И. – Николай Евгеньевич Марков 2-й. Письмо [Н.Д.] Авксентьева по поводу Рижского договора между Польшей и Совдепией (примеч. А.С. Гершельмана).

Более подробно все расскажу и представлю проект при личном свидании. Это письмо прочтите во всех его более важных частях Николаю Ивановичу [Н.Е. Маркову 2-му] и другим, кому найдете нужным по Вашему усмотрению. Все, о чем Вы говорили, передам Сергею²², так как Вашей матушки видеть не удалось. Пока всего хорошего, надеюсь, скоро увидимся. Искренний привет Вашим. Крепко жму Вашу руку. Ваш Димитрий.

П.С. Прилагаемое письмо не откажите передать преосвященному Е.²³, прочитав его предварительно».

Приведенное мною письмо Андро очень точно характеризует настроение правой русской эмиграции. Повсеместно офицерство и правая общественность сознавали необходимость объединения для борьбы не только с большевизмом, но и с теми силами, которые в свое время творили революцию и хотели продолжать руководить Белым движением. К сожалению, возникшие на территории России новые государственные образования боялись старой России, а потому относились с недоверием к работе монархистов. На это обращает внимание Д.Ф. Андро, говоря об осторожности, которую надо проявить в постановлениях Съезда. Брожение в отторгнутых от соседей частях новой Польши тоже мало способствовали налаживанию нашей работы, что и помешало приезду Андро на Съезд. Немало вреда причиняла и работа таких старых русских подпольщиков, как Савинков, который благодаря дружбе с Пилсудским добился разгрома руководства наших военных групп. Уже в июне этого года начались высылки монархических деятелей, как Б.Р. Гершельмана, Н.Ф. Фабрициуса и других. А также обвинение некоторых офицеров в подготовке покушения на Савинкова, по последнему делу были высланы полковник Соболевский, мой брат и другие²⁴. Характерно, что вера в возможность возобновления борьбы с советской властью еще крепко держалась в офицерских кругах, и готовность снова взяться за оружие не ослабела. В своем письме Андро ясно говорит об этом, прибавляя и то, что население в русских областях все больше отрезвлялось от угара революции. К сожалению, возобновление борьбы было связано с поддержкой его со стороны одной из европейских держав. И в такую поддержку верили, считая, что никто не может согласиться с существованием такого явного зла, как коммунизм.

Предложение Д.Ф. Андро де Ланжерона заставило меня еще глубже погрузиться в работу по подготовке Съезда и неминуемо сблизило с инициативной группой по его созыву. Группа же эта со-

стояла из крайне-правых людей, умонастроение которых мне было особо близко. Но все же мы все были одного мнения, что монархическое объединение должно охватить, по возможности, широкие круги русской эмиграции. Многие бывшие кадеты, люди, перешедшие из лагеря либералов и даже социалистов, не могли, конечно, сразу признать платформу Маркова 2-го, [А.Ф.] Трепова и [А.Н.] Крупенского или нас, молодежи, склонной к безоговорочному отказу от того, что, по нашему мнению, привело Россию к революции. Примеры белых движений были у нас у всех на глазах: предательство в Сибири, правительство нашей Северо-Западной Армии, работа Савинкова в Польше, наконец, обозначившееся покушение русских масонских кругов на нашу Церковь, о чем открыто говорил архиепископ Евлогий²⁵. Он при мне говорил: «Если бы Вы знали, как меня пытаются соблазнить наши масоны в Париже. Предлагают деньги, хотят открыть богословские курсы...» Все это заставляло нас, строевых офицеров, клониться вправо и убеждаться в том, что именно мы, активные борцы, имеем право требовать соответственных нашим взглядам возглавление освободительного движения.

После отъезда Андро я немедленно приступил к составлению своего доклада о положении русского дела в Польше и об остатках русских формирований, застрявших там. Устно переданные мне Дмитрием Федоровичем сведения и мои личные наблюдения дали мне достаточный материал. Доклад был разделен на отделы: 1) общий, охватывающий положение русских в новой Польше; 2) военный, дающий понятие о военных группах, оставшихся в Польше, и 3) о возможностях привлечения местного русского населения к нашей работе. Такая работа была мне внове, а потому, не полагаясь на свои силы, я позвонил своему последнему командиру по Лейб-гвардии Конной артиллерии барону Владимиру Ивановичу Велию, всегда отмечавшему свое расположение ко мне, и попросил его послушать мой доклад и навести критику на изложенное в нем.

Но вот наступил день отъезда. Въезд в Баварию был в то время обусловлен особым разрешением на переход границы, ехал я вместе с моим тестем Александром Александровичем Мосоловым. В то время на всех крупных немецких станциях сдавались в наем подушки, называемые «Сиеста», они состояли из мягкого сидения спинки, прикрепляемых к багажной сетке крючками, для головы и локтей были приспособлены лямки, не дававшие телу отклониться от вертикального положения. Вид у спящего был смешной, напоминающий повешенного, но удобство «Сиеста» все же давала.

СЪЕЗД

Далее перехожу к изложению работы Съезда в Рейхенгалле на основании сохранившегося у меня дневника. Он весьма краток, но все же дает картину этого крупного события в жизни русской эмиграции того времени.

14 / 27 мая 1921 года, пятница. На Мюнхенском вокзале, где мы пересаживались на поезд в Рейхенгалль, нас приветствовали знакомые лица ехавших на Съезд делегатов. Открытие Съезда было назначено на воскресенье 29, начало работ на 30 (нов. стиля) [мая], так что, прибыв туда 27 [мая] к обеду, у нас оставалось время, в течение которого все собравшиеся могли познакомиться между собой, в частных беседах или по группам подготовить свои выступления и обдумать работу Съезда.

Я получил записку от Федора Федоровича Эвальда*, дающую мне право на занятие комнаты в пансионе «Цум Гольденен Хиршен». Там я оставил свои вещи и пошел в центр курорта Рейхенгалль. В пансионе меня снабдили проспектом на русском языке, в котором восхвалялись климатические и санитарные условия, а также воды и ингаляции этого действительно прелестного уголка. В проспекте его называли «Красой германских альпийских курортов».

На площади против гостиницы «Дейче Кайзер», где помещалась канцелярия Съезда, [я] познакомился с Николаем Дмитриевичем Тальбергом (ставшим мне впоследствии близким другом). В Берлине во время предсъездной работы его имя упоминалось в связи с данным ему поручением по организации созыва на Съезд делегатов от Балкан. Мы как будто сразу понравились друг другу, во всяком случае, он на меня произвел очень хорошее впечатление. Он меня предупредил об имеющем состояться в тот же вечер заседании правой организационной группы.

Кроме правой группы инициаторов Съезда, возглавляемой в Берлине Марковым 2-м, князем Алексеем Александровичем Ширинским-Шихматовым и Александром Александровичем Римским-Корсаковым, в Рейхенгалле сразу обозначилась группа более умеренных монархистов. Последние, по-видимому, боялись, что на

---

* Офицер Кирасирского Его Величества полка, исполняющий обязанности представителя в Мюнхене бюро по созыву съезда в Рейхенгалле представителя канцелярии съезда (*примеч. А.С. Гершельмана*).

Съезде они образуют лишь незначительное меньшинство при всех голосованиях. Почему-то они возлагали надежды, что с приездом из Парижа и Ниццы групп, возглавляемых А.Ф. Треповым, их положение по отношению «берлинских зубров» уравнивается, забывая при этом, что при всяких комбинациях, и не без участия Трепова, большинство все же останется в руках [крайне] правых. Кроме того, собравшихся волновал вопрос возглавления будущего центрального монархического органа, так как всем [было] ясно, что создание этого органа было одной из целей и логическим следствием настоящего собрания. «Левые», допуская Маркова 2-го, боялись выдвижения Соколова-Баранского и считали Н.Д. Тальберга слишком молодым, чтобы заседать в центральном органе. Баранского не любили, считая его интриганом и нечистым на руку. Говорили, что из 300 тысяч германских марок, будто бы данных ему через генерала Безобразова от герцога Мекленбургского, Баранский удержал на свои нужды 200 тысяч. Не знаю, насколько эти слухи были верны, но во всяком случае кандидатура Баранского нашей группой не выдвигалась, так как у него были сильные расхождения с Марковым 2-м.

Николай Евгеньевич однажды при мне сказал про Соколова-Баранского: «Много денег протекло через его руки!» И действительно, Баранский постоянно требовал передачи ему денег на представительство, против чего возражал Марков. Результаты Съезда показали, насколько были необоснованны «страхи “левых”».

Целый день, встречая старых знакомых и знакомясь с делегатами, набирался новых сведений, мыслей, точек зрения и... сплетен. Зашел к Толстому-Милославскому. Старшего Милославского нельзя назвать ценным для съезда человеком. Недалекий [человек] с какими то средневековыми славянофильскими взглядами. В обмене мнений я, между прочим, возражал против националистических тенденций, говоря, что их в России никогда не было, а если и были, то они появлялись не как планомерная борьба против населяющих Россию национальностей, а лишь как самоличные выступления единичных лиц. Оно и не могло быть иначе, если Россия хотела быть Империей. Меня поддержал молодой Милославский и как пример рассказал о разгроме каким-то командиром казачьей сотни имения светлейшего князя Анатолия Ливена²⁶. Разгром происходил под предлогом «уничтожения шпионского гнезда». Знаменательно, что этот разгром совпал со временем получения [ордена] Святого Георгия самим Ливеном за лихую атаку осенью 1915 года. Когда Ливен

обратился с просьбой о возмещении убытков, чиновник, принимавший его жалобу, не обнадежил его быстрым улаживанием его дела, а только посоветовал **переменить фамилию на русскую** и этим оградить себя от повторения таких инцидентов²⁷. Система разжигания страстей была хорошо усвоена впоследствии коммунистами и этим натравливанием друг на друга в продолжение двух лет Гражданской войны не давали угаснуть пылу революции²⁸.

В 10 часов вместе с А.А. Мосоловым встречал А.Ф. Трепова, с которым прибыли группы из Парижа и Ниццы делегатов на Съезд. По всем видимостям, французские группы будут держать себя особняком под руководством Александра Федоровича. Ему не без труда удалось добиться от французского правительства разрешения на участие и поездку делегатов на Съезд, правда, носившего название «Хозяйственного восстановления России», но тенденция которого была явно правая. Французские власти сдались после того, что Трепов заявил: «Съезд все равно состоится, но в случае отсутствия французских делегатов не надо будет удивляться, если русские монархические круги будут искать поддержку у германских правых кругов и полностью отшатнутся от Франции».

Вечером на заседании нашей группы получил список предполагаемых докладов и комиссий. Доклады: 1) Идеология Монархического Движения – Масленников²⁹, 2) Православие и Монархия – кн. Ширинский-Шихматов, 3) Обзор иностранной политики – барон М.А. Таубе, 4) Отношение к интервенции – Масленников, 5) Существующие военные формирования и возможность создания новых, 6) Экономическое возрождение России – проф. Пестржецкий, 7) Пропаганда Монархии – Ефимовский, 8) Тактика Монархизма – Соколов-Баранский, 9) Децентрализация власти – Ефимовский.

Я с нетерпением ждал приезда Д.Ф. Андро де Ланжерона, который должен привезти мне дополнительные к моему докладу в военной комиссии сведения. Памятуя наставления Димитрия Федоровича, я боялся, что многие члены Съезда могут необдуманными речами повредить русскому делу в Польше. В связи с этим вспомнил, как ловко Савинков использовал недавнее письмо Авксеньтьева, в котором последний от лица «всей демократии» отказывался признать Рижский договор между Польшей и Совдепией. Это письмо дало повод Савинкову заявить в газете «Свобода»³⁰, что он, Савинков, является единственным человеком, полностью и без оговорок признающим Польшу и все ее договоры. А.Ф. Трепов со своей стороны написал в «Тан»³¹ письмо, в котором он от лица организации

«Русский Очаг»³² в Париже присоединяется к мнению Авксенььева в смысле непризнания Рижского договора³³. Но с оговорками: во время своего пребывания на посту премьер-министра он заявлял о своем признании права Польши на самостоятельное существование, но теперь не согласен со статьями Рижского договора, по которым Польша аннексировала искони русские области.

15/28 мая, суббота. Около 11 часов вышел из своего пансиона и встретился с А.А. Мосоловым у «Дейче Кайзер». По дороге он мне сообщил, что в данное время Александр Федорович Трепов совещается с Марковым 2-м, обсуждая вопрос председательства на Съезде Трепов, между прочим, говорил он, категорически отказался от персонального участия в будущем исполнительном органе монархического движения, дабы сохранить свое полномочие в глазах французских политических кругов. Также он отказался от участия в комиссиях, сохраняя за собой право общего наблюдения за работой как Съезда, так и комиссий. Далее наш разговор перешел на оценку письма Трепова в «Тан». Будучи в принципе согласен с положениями письма Александра Федоровича, я считал его заявление тактической ошибкой. Благодаря таким высказываниям, в Польше, например, сложилось убеждение, что для нее лишь большевистская Россия приемлема, так как всякая другая Россия ни за что не подписала бы договора в стиле Рижского. Всякого же монархиста поляки считают врагом самостоятельной Польши. Александр Александрович рассказал мне, что Трепову удалось многого достигнуть в среде парламентских и правительственных кругов Франции, – целый ряд высказывали ему убеждение, что лишь монархическая Россия способна к цветущему существованию. В этом убеждении, думаю я, заключается причина того, что наши бывшие союзники так подло отнеслись к помощи нашим белым попыткам свергнуть советскую власть, – они не хотят восстановления могучей России.

Зайдя к Трепову, застали у него генерала Безобразова, князя Ливена, Голеевского и Засядко (товарища Трепова по Пажескому корпусу). Александр Федорович говорил, что он пришел к единодушному согласию с Марковым 2-м о кандидатуре на место председателя Съезда А.А. Римского-Корсакова. Помощниками председателя должны быть выбраны лица, представляющие разные монархические течения. Руководство же исполнительным органом монархического движения должно быть передано Н.Е. Маркову как человеку, со времени революции ни на минуту не прекращавшего

монархическую работу. Вскользь затронут был и вопрос о письме Трепова в «Тан». По этому поводу он сказал, что по его глубокому убеждению лишь говоря откровенно правду, можно достигнуть поставленной цели. В Париже группа поляков, протестующая против шовинистической политики своего правительства, выражала Трепову свое удовлетворение по поводу его письма в «Тан». Голеевский сообщил, что Англия усиливает свою базу в Копенгагене для установления торговли с Совдепами, в Лондоне придерживаются мысли, что возрождение России можно достигнуть путем эволюции в сторону меньшевиков, социалистов, буржуазных партий... Александр Федорович придерживается мнения, что для России наиболее выгодная эволюция в сторону анархии, переход к военной диктатуре и тогда обратно к монархии.

В три часа пополудни собрались 20 человек ближайших сотрудников Маркова 2-го для обсуждения тактики нашей группы во время Съезда. Были намечены кандидаты на посты председателя, помощников председателя и председателей комиссий. Остановились на следующих лицах:

председатель: Римский-Корсаков Александр Александрович; помощники его (в порядке старшинства): князь Волконский Владимир Михайлович, Крупенский Александр Николаевич, Масленников Александр Михайлович, барон Таубе Михаил Александрович, граф Граббе Михаил Николаевич. Два места были не заняты и предоставлялись представителям Балкан, которые еще не подъехали.

Комиссии:

1) Восстановление России: Мосолов Алексей Иванович и Засядко Димитрий Иванович.

2) Религиозно-нравственная: Митрополит Антоний (Храповицкий), Архиепископ Евлогий, Рогович Алексей Павлович.

3) Военная: генерал Безобразов и генерал Мрозовский.

4) Иностранных дел: Нейдгардт Димитрий Борисович, Крупенский Николай Николаевич.

5) Финансово-экономическая: проф. Лагорио Александр Евгеньевич, князь Шаховской Димитрий Николаевич.

6) Пропаганды, учебного дела и издательская: Погодин Александр Львович, Винберг Федор Викторович, Наживин Иван Федорович.

7) Организационная и тактики монархического движения: барон Рауш фон Траубенберг Евгений Александрович, Скаржинский Петр Васильевич, граф Адлерберг Владимир Николаевич.

Выборы намеченных лиц прошли почти все по предложенному плану. Из-за назначения Нейдгардта в иностранную комиссию были прения. Возражал Баранский, но сочувствия встречал мало. Князь Ширинский-Шихматов попросил Баранского обосновать свои доводы против Нейдгардта и назвать своего кандидата, но Баранский ответил, что он отказывается дальше говорить на эту тему, так как вместо свободного обмена мнений происходит навязывание кандидатов по заранее составленному списку. Не менее [не] удачным было его выступление по вопросу назначения князя А.Н. Долгорукова председателем организационной и политической комиссии, докладчиком в которой был Баранский. Против Долгорукова возражали многие, вспоминая свойства его характера и его неудачные действия в Киеве³⁴. Тальберг считал выдвижение Долгорукова неудачным, на что Баранский заявил, что Тальберг, видимо, руководствуется в этом вопросе личными чувствами. Тальберг его обрезал, заявив, что в серьезных делах, по его убеждению, нельзя личные дела ставить выше пользы дела. Этим он попал Баранскому «не в бровь, а в глаз». Думаю, что Баранский, чувствуя неизбежность своего скорого ухода от монархических дел, пытался искусственно накопить побольше расхождений с руководством создаваемого движения. Приблизительный подсчет не дал нашей группе большего перевеса на Съезде, отчего было решено вменить членам группы в обязанность пропаганду нашего списка и обработку в этом направлении двух-трех членов Съезда. Записок с готовым списком кандидатов в комиссии было решено не заготавливать.

В шесть часов вечера все съехавшиеся участники Съезда были собраны в зале, в котором должны были происходить заседания – в «Отель цур Пост» на Постштрассе, 6. Целью этого собрания была возможность ознакомления членов между собой, с предлагаемой работой Съезда и комиссий, а также сообщение часа открытия Съезда.

С полчаса толпились в зале, разговаривая между собой, затем сели, и Николай Евгеньевич объявил, что Съезд откроется завтра в три часа пополудни, после молебна. К этому времени бюро по созыву Съезда сложит свои полномочия и передаст их выбранному председателю Съезда. Вкратце он обрисовал программу работ, выборы комиссий и другие вопросы.

Александр Федорович Трепов просил собравшихся выразить свою благодарность Маркову 2-му, как человеку, давшему своей работой монархистам возможность собраться для обмена мнениями и для создания органов, необходимых для руководства монар-

хическим движением. «Прокричим ему громкое “ура!”, – закончил свое краткое слово Трепов. Зал огласился рукоплесканиями и громким «ура!»

Вечером пошел на спевку небольшого хора, составленного для пения молебна перед открытием Съезда.

16/29 мая. воскресенье. В 11 часов группа Н.Е. Маркова была снова в сборе. Надлежало окончательно подготовиться к выборам президиума Съезда и участников в комиссиях. Марков сообщил, что кандидатура Нейдгардта встретила возражения со стороны Трепова. Работа Нейдгардта в Париже не одобрялась парижской группой, а потому он был заменен в комиссии по иностранным делам Алексеем Валериановичем Бельгардтом. Полковник Винберг сообщил о настроениях некоторых членов «левых» монархических группировок. В разговоре с ним присяжный поверенный Трахтерев заявил, что они, «левые», потребуют от Съезда уступок в направлении ответственного министерства и национальном вопросе. Можно ожидать некоторой оппозиции и со стороны других отдельных личностей. В целях устранения раздоров в среде съехавшихся делегатов решено допустить в комиссии, даже на ответственных местах, представителей «левых» монархических течений, а также допускать прения на общих собраниях, чего поначалу хотели избежать из экономии времени. Сначала думали все прения ограничить комиссиями, а общие собрания посвятить лишь принятием постановлений комиссий.

Состав комиссий в связи с вышеизложенным изменялся:

1) Засядко, Зарин³⁵; 2) арх. Евлогий, Рогович; 3) генералы Безобразов и Мрозовский; 4) Бельгардт, Крупенский³⁶; 5) Лагорио, кн. Шаховской; 6) Ефимовский, Винберг; 7) барон Рауш ф[он] Траубенберг, Дерюгин. Секретари: Булыгин, Бор. Арсеньев, Адлерберг, Толстой-Милославский, Люцидарский, Попов, кн. Дм. Оболенский.

Присутствующие записались в комиссии, и им было дано распоряжение о том, чтобы ни одна комиссия не оставалась без представителя группы, присутствие которого на заседаниях комиссий считалось обязательным для осведомления группы о настроениях на Съезде и облегчения руководства последним. Когда в развитие последнего [положения] дошли до военной комиссии, полковник Штейн и Сергеев заявили, что дисциплина не позволяет им принять на себя такую задачу в рамках военной комиссии. После продолжительных споров, в которых заявление Штейна и Сергеева ос-

тались не поддержанными большинством, представительство в военной комиссии было поручено Копенхагову. Большинство склонилось к тому, что интересы группы должны быть поддержаны и в военной комиссии.

В заседании настроение было слегка нервное, постоянные ступки в дверь посторонних заседанию лиц мешали сосредоточиться и прерывали говорящих. Под конец Марков 2-й, Римский-Корсаков и князь Ширинский-Шихматов были вызваны из заседания. Вернувшийся Марков заявил, что в видах тактических он, в согласии с Треповым, решил сменить на посту председателя Съезда А.А. Римского-Корсакова А.Н. Крупенским. Этой любезностью берлинская группа хотела доказать приезжим свою беспристрастность и готовность идти на все уступки во имя пользы дела. Скупинский пытался возражать, на что Марков ему сказал, что сейчас нет времени рассуждать, и во имя групповой дисциплины он требует безоговорочного принятия этого изменения.

В три часа дня пополудни все были в сборе в зале заседаний. Началось молебствие, отслуженное преосвященным Евлогием, после которого он обратился к присутствующим со словом приветствия. Далее он перешел к той роли, которую играло русское духовенство в строительстве Княжества Московского и того политического значения, которое оно имело в развитии России. Указав на тесную связь Церкви с Царем и благословив присутствующих на начатое дело, он от лица священства заявил, что оно всегда будет идти рука об руку с монархистами в их борьбе «За Веру, Царя и Отечество». Кто мог в тот момент думать, что через несколько лет тот же митрополит Евлогий сыграет такую предательскую роль по отношению Русской Церкви и пойдет на посулы, как он при мне выразился, «парижских масонов»³⁷.

Затем А.А. Римский-Корсаков объявил Съезд открытым и предоставил слово Н.Е. Маркову, председателю временного бюро по созыву Съезда. Обрисовав общее положение текущего момента, Николай Евгеньевич перешел к рассмотрению причин, побудивших инициаторов Съезда созвать на совещание монархистов. Опыты красных всех мастей над Россией привели к братоубийственной гражданской войне. Борьба, имевшая целью спасение России, велась под разными лозунгами и удовлетворяла разным интересам, но ничуть не отвечала вожеланиям русского народа. «Было много нового, но хорошего было мало, поэтому народ не шел за этими движениями. Говорят, что страна, населенная 160

миллионами [человек], не может погибнуть, – продолжал Марков, – не может погибнуть одна шестая часть вселенной». Он глубоко верит в возрождение России, но все же предупреждает о грозящей нашей Родине опасности и просит вспомнить исторические примеры гибели народов еще более цивилизованных и могучих, нежели Россия. «Как бы не опоздала помощь. Ни белые, ни красные не имели успеха, посему пришла пора выступить третьим. Пришло время нам самоопределиться. **Красные** выступали под красным интернационалом, **белые** объединялись под лозунгами республиканскими, мы объединим народ, восполнив **синим** цветом русский национальный флаг³⁸.

Мы объединим **весь русский народ**. Цель Съезда официально – хозяйственное восстановление России, но хозяйство нельзя восстановить, не восстановив Россию. Хозяйство нельзя восстановить без ХОЗЯИНА. А вслед за этим логически встает вопрос, а кто ХОЗЯИН? Что такое монархия, очень многие поняли лишь сейчас, сейчас, когда нет больше казенного монархизма. Но и тут является вопрос, какого Царя ждет русский народ? Царя ли мощного, властного или показного лишь, Царя, заслоненного от народа всевозможными учреждениями, благодаря которым он делается лишь фикцией. Трудно было собрать Съезд, мы бедны, как церковные мыши, а почему они бедны? А потому, что живут в церквях. Мыши, живущие в кладовых, «красные мыши», разделившие русскую казну и съедающие запасы чужих кладовых, богаты. Но мы ничего не делили, наоборот, нас делили и ограбили, в чужих кладовых нам нет места, а потому мы бедны, как церковные мыши». Намекнув на заслугу генерала Безобразова в деле сбора средств на созыв Съезда, Марков указал, что все же есть государство (Бавария), нашедшее для себя возможным разрешить созыв Съезда и поблагодарил общество «Ауфбау»³⁹ за его помощь.

Состав Съезда во многом случайный, но не злонамеренно подобранный, не произвольный. Приглашены были все, кто хотел быть, а потому есть надежда, что это отразится на дружной работе Съезда. Мы берем на себя звание контрреволюционеров, звание почетное, но и обязывающее и в первую очередь в смысле искупления грехов, совершенных всеми монархистами.

Задачи Съезда:

- 1) объединение всех монархистов;
- 2) установление плана работы будущего движения;
- 3) возглавление этого движения.

Предложенные доклады должны охватывать все эти задачи. Не надо при работе Съезда увлекаться лишь тактической работой, нужна и академическая. Академиков не надо бояться, так как они являются душой действий, а тело без души есть труп. Важное требование, чтобы политика не превращалась в политиканство. Не надо увлекаться красными словами, чем грешили многие. Помню, как Плевако возгласил: «Довольно России в детской рубашке, пора ей надеть тогу гражданина». На это Марков 2-й ответил, что гражданская тога очень хороша, но она лишь простыня, которая не по климату, скажем, в Костромской губернии. С места раздалась возгласы: «Нужен Романовский полушубок и ежовые рукавицы». Ясно, что каждый строй должен отвечать духу, быту и характеру народа⁴⁰.

«Армия вне политики» – эта формула сделала, то, что Армия оказалась беззащитной бороться с наседающей революцией, которая не считала для себя обязательной эту формулу. Нас называют реакцией, но как надо назвать поступок сына, вытащившего свою родную мать из обрыва, куда ее толкнул пьяный хулиган. А, кроме того, революция ведь провалилась, результаты ее «завоеваний» равны нулю. Леонид Андреев сказал про нее, что она оказалась карманным воров, и достижениями ее можно считать все ужасы Совдепии с ее расстрелами «по разверстке». Кроме того, мы не зовем вернуться к **порядкам**, а хотим вернуть **порядок**, и этот порядок может дать лишь Царь. Но нужна еще длительная внутренняя работа над собой, нужно перерождение монархистов, так как надо открыто признать, что лишь оскудение духа монархизма и отношение к самому монарху привели Россию к революции. Наш лозунг: «Вера, Царь, Народ». Поначалу вялая речь Маркова к середине оживилась, а под конец прерывалась рукоплесканиями и закончилась овациями, в которых выразилась благодарность съехавшихся к человеку, давшему им эту возможность.

Начались выборы президиума Съезда: председателем 83 головами был избран А.Н. Крупенский, кн. Волконский получил 20 голосов, Римский-Корсаков – 3 [8?], один делегат воздержался – Карцев (71). Результаты выборов показали единодушие Съезда, а, кроме того, что в случае единения Трепова и Маркова они могут руководить Съездом, Крупенский занял место председателя.

Выступление г. фон Шейбнер-Рихтер, представлявшего немецкое общество «Ауфбау», было встречено овациями. Он говорил о совместной работе немецких монархистов с русскими. Говорил он сначала по-немецки, закончил же свое слово по-русски. Ему отвечал

Крупенский, но благодарность его была, как многие нашли, слишком холодной. На эстраду вышел Трепов. Мне было известно, что Александр Федорович не был оратором и страдал тем, что немцы называют «ламцефгисер»⁴¹. Насколько он был хорош в совещаниях, настолько выступления его на эстраде приводили его в волнение и лишали его самообладания. Так и здесь, сказав: «Ваше Высокопреосвященство, милостивые государыни и государи»... Он запнулся, будто задохнулся, и лишь после извинения, что «радостное волнение при виде собравшихся монархистов» его лишило голоса, он, оправившись, продолжал. Поблагодарив бюро по созыву Съезда за его работу, он приветствовал «друзей», слетевшихся на зов монархического орла. Без хозяина Россия не возродится, а потому восстановление нашей Родины может идти лишь путем монархическим. Предреволюционная Россия была болотом, на котором монарх не мог найти точки опоры. Вина русского интеллигентного класса огромна, и его задача умолить Бога, чтобы Он окончил испытания России, по делам ей ниспосланные. Обрисовав положение России, Трепов перешел к обзору отношений иностранных государств к большевистской власти. Во Франции по его наблюдениям даже правительство приходит к убеждению, что [не]монархическая Россия существовать не может, а без России мир и равновесие в Европе неосуществимы. Позиция Германии известна. Лишь Англия держится в вопросе России особняком, считая, что разделение и ослабление России для нее выгодно. Но по все чаще появляющимся в левых изданиях нападках на русскую монархию и по осторожному отношению к монархическому движению в правых газетах заметно, что наше положение крепнет. Но цели своей мы достигнем не скоро. Революция вела штурм монархической власти **сто лет**⁴². Единение монархистов придаст им больший вес. Трепов предостерегает делегатов от увлечения подробностями программы будущей работы, подробности затемняют цель, и споры о них могут вызвать раздоры в нашей среде, «чего так хотят достигнуть наши враги», – подчеркивает Александр Федорович. Под конец своего слова он советует не называть имени будущего Венценосца. Нам мало известно о судьбе Царской Семьи, лишь Господь Бог знает, кого Он призвал к Себе⁴³. Призывом бороться «За Веру, Царя и Отечество» А.Ф. Трепов заканчивает свою речь.

А.Н. Крупенский предлагает приступить к выбору президиума и оглашает список, который был принят нашей берлинской группой. Выборы проходят в полном порядке и без существенных изменений в намеченном списке.

Князь Шаховской, получивший слово, приветствует Съезд от лица монархистов Москвы и Петрограда. Князь Волконский делает краткий доклад о настроениях некоторых лиц в Праге, которые не видят возможности нормального развития славянских стран без возрожденной России. Россия же не мыслится нами иной, как только царской. Ефимовский в бедной мыслями речи призывает Съезд быть верным национальной и монархической идеям. Понятие народ есть синтез его традиций, задач настоящих и будущих стремлений. Монархисты выражают истинное лицо России. Тени погибших за Царя и Родину с нами в этом зале, им мы многим обязаны и не имеем права продать дело, за которое они положили свою жизнь. Далее он проводит параллель между погибшими на полях брани с теми, кто умучен в застенках Чека. Первые шли на смерть, зная, что за ними идут другие во имя той же идеи, а что испытывали вторые? Они не спрашивали у соседей об их убеждениях, но умирали рядом. Смысл слов Ефимовского – разница оттенков мысли в среде монархистов не должна отразиться на общности действий. «Кровь погибших, – восклицает Ефимовский, – требует от нас единения!»

Архимандрит Сергей (в миру Дабич) много работавший по объединению молодежи в Париже, в продолжительной, неумелой и вычурной речи доказывает наше право на борьбу: «Мы не “отщепенцы”, как хотят нас представить левые враги наши, а, наоборот, мы друзья народа и лучше других выражаем его чаяния».

17/30 мая, понедельник. Сегодня после торжественного вчерашнего открытия Съезда и некоторых, носящих общий характер, выступлений ораторов началась работа по комиссиям, а общие собрания должны носить более деловой характер. Общее собрание Съезда открывается в 10 с половиной часов утра. Крупенский прочитывает верноподданническую телеграмму, посылаемую Съездом Вдовствующей Государыне Императрице Марии Федоровне.

После предостережения председателя о необходимости быть осторожным в разговорах в общественных местах, которые могут быть подслушаны, на эстраду выходит Карцев и в маловыпуклой и встреченной холодно речи говорит о том, что «мужика надо приманить, а интеллигента – под ноготок». Из вопросов, включенных в программу Съезда, политических и социальных, особо важны последние, хотя эти вопросы и тесно связаны между собой. В основу постановлений Съезда должна быть вложена мысль, что Царь для

народа, а не для привилегированного класса. В работе монархистов надо идти на все уступки народу.

Затем было оглашено письмо, полученное А.М. Масленниковым из города Люцина (Латвия)⁴⁴, в котором выражались монархические чувства жителей этого района. Барон Александр Амандович Крюденер-Струве подтверждает на основании своей долгой службы в этом районе возможность таких настроений. После этого выступления Масленников читает свой доклад об «Идеологии Монархизма», главные мысли которого сводятся к тому, что монархия есть исторически родной, бытовой и единственно возможный образ правления. Перечислив все опыты введения других образов правления в России, Масленников от противного приходит к убеждению, что никакой другой строй не встретит сочувствия в толще русского народа (одобрение в зале). Ввиду недостатка времени разработка этого вопроса с согласия присутствующих передается в соответствующую комиссию с тем, чтобы постановления комиссии уже в обработанном виде будут доложены Съезду на Общем собрании.

Собрание закончилось около 3-х с половиной часа дня постановлением о нежелательности распространения среди членов съезда брошюры Гладкого «Жидаы» как совершенно несоответствующей духу и задачам Съезда.

Задержался сначала в комиссии по «Восстановлению власти», где Карцев снова занял присутствующих своими заявлениями о необходимости делать уступки крестьянам, но был скоро сбит со своих позиций единодушным отпором членов комиссии, говорящих о равенстве всех слоев населения перед царской властью и отсутствии преимущественного положения в государстве одного из них. Конечно, прения тянутся бесконечно, принимая во внимание желание каждого высказаться, но Засядко затягивает их еще больше, стремясь ответить каждому в отдельности. Разговоры часто затрагивают темы, сторонние основной задачи комиссии. Напрасно Тальберг просит вернуться к сути дела.

В комиссии по «Организации и тактике монархического движения» царит полный порядок. Барон Рауш фон Траубенберг держит все прения строго в рамках ясного ему плана работы. Соколов-Баранский еще отсутствует, а потому слово предоставлено генералу Сахарову, представителю американских монархических групп. Он знакомит комиссию с отдельными частями данного ему наказа, с теми, что имеют прямое отношение к комиссии. В наказе упоминается о необходимости образовать «комиссию» по организации контр-

революционных действий и изыскание средств для осуществлений их. В вопросе о престолонаследии «американцы» стоят на точке зрения необходимости обращения по этому вопросу к членам Императорского Дома, которому и надлежит разрешить этот вопрос. Берлинская группа склоняется разрешить этот вопрос путем сбора сенаторов. Вопрос о престолонаследии является, по-видимому, одним из наиболее интересующих делегатов, и он, кроме военной и экономической [проблемы], невольно всплывает во всех комиссиях на первый план. Надо ожидать, что не по смыслу, а по способу проведения его в жизнь будет много споров, но против легитимного принципа возражений нет. С приходом Баранского началось чтение его доклада⁴⁵. Основными положениями, на которых удалось объединить монархистов всех течений, были: 1) принцип монархии, 2) принцип легитимизма, 3) пересмотр законов, 4) ввиду невозможности найти соглашение с другими немонархическими партиями надо считать себя в состоянии войны с ними, последнее исключает возможность политических уступок им, но сотрудничество с ними в других областях допустимо; 5) борьба с врагами России должна носить наступательный характер, для руководства которой надо избрать **монархический центр**; 6) надо использовать национальные тенденции окраин, – в этой тенденции залог их готовности бороться с интернационалом, в них по возможности должны быть заложены монархические ячейки; 7) для борьбы с масонством, как явным врагом русской монархии, должны быть использованы все течения, ставящие себе целью явную, прямую или косвенную борьбу с этой организацией; 8) в международной политике уничтожение всякой ориентации, будущий монархический центр свободен в выборе союзников, так как он не имеет никаких по отношению к кому бы то ни было обязательств; 9) легитимный принцип должен быть установлен незыблемо и подтвержден собранием членов Правительственного Сената, которых надо собрать хотя бы на иностранной территории. В случае невозможности определить лицо, долженствующее занять Престол, необходимо назвать **Местоблюстителя Престола**, выбор которого предоставить Вдовствующей Императрице Марии Федоровне; 10) в работе своей монархическое движение должно искать новых путей, оно должно идти одновременно как по пути, направленному к эволюции советской власти, так и искать возможности военного вмешательства; 11) первейшей задачей данного времени будет изыскание денежных средств для финансирования борьбы с интернационалом. Для этой цели Баранский предлага-

ет монархистам залог своего имущества, что, по его мнению, осуществимо. В смысле организации движения он предлагает следующую схему: 1) периодические монархические съезды и 2) выборный центральный исполнительный комитет монархического течения.

В тот же день имел интересный разговор с А.Н. Мясоедовым, делегатом от Италии. Он русский дипломат, привыкший к кропотливой и сознательной оценке происходящей вокруг него политической жизни. Наблюдение за всемирной работой Ватикана расширило его горизонт. Он мне рассказал о намечающемся, задуманном Ватиканом, сближении церквей. Эту цель ставит себе Союз Святителя Николая. В Риме побывали делегаты Константинопольского Патриархата, которые искали поддержку в своем стремлении укрепить престиж церкви, а также развить церковную благотворительность. По словам Мясоедова, в Риме идет борьба разных течений, усиливается влияние масонства, но есть сильные партии, считающие масонство опасным врагом католической церкви. К сожалению, Ватикан недооценивает всемирной и для всех церквей и религий опасности интернационала в лице русского большевизма. Есть голоса, требующие использования ослабления России для приобретения влияния католицизма на нашей Родине.

18/31 мая, вторник. В 10 часов утра пошел на заседание военной комиссии. Председательствует в ней генерал Безобразов, секретарь – полковник, граф Адлерберг. Собрались генералы Мрозовский, Арсеньев, Мосолов, Сахаров и другие. Генерал Безобразов при открытии заседания, да и в дальнейшем, настаивает на том, что все военные дела должны носить секретный характер, так как их оглашение может принести только вред. Он начал с вопроса об офицерских союзах, говоря, что они должны быть построены исключительно на выборных началах. Строение союзов и их управление – дело офицеров. Генерал князь Долгорукий высказывает мнение, что наша комиссия обязана прежде всего разрешить вопрос, нужна ли военная борьба с большевизмом и, если «да», то какая. Читается доклад полковника Полякова. Доклад пространный и в некоторых своих частях удачен, например, в частях, касающихся исторического задания Русской Армии и характеристики отношения к своей Армии русской интеллигенции. Некоторые же положения доклада весьма слабы и даже вредны, как, например, оправдание поступления в Красную армию патриотическими и национальными побуждениями. Верная единственная мысль в оценке Красной армии это

то, что она сила, я с ним в этом отношении вполне согласен, считая, что недооценка Красной армии опасное заблуждение. Говоря о Красной армии, не надо забывать, что она в случае возобновления вооруженной борьбы даст нам, как это было в только что закончившейся Гражданской войне, контингент для наших формирований. Доклад Полякова не давал никаких выводов по главному вопросу – нужна ли вооруженная борьба по примеру Белых армий или предпочтительно сосредоточиться на восстаниях внутри страны.

По докладу произошли долгие прения, не давшие все же выпуклой картины того, каков вывод комиссии по материалу доклада Полякова. Фрейберг напоминает о том, что в Сибири еще действуют части Белой армии, и предлагает командировать туда представителя монархического движения.

Генерал Сахаров предлагает резолюцию по докладу Полякова по следующей схеме: 1) отношение к вооруженной борьбе, 2) отношение к Красной армии, определив отношение к офицерам-героям, поступившим в нее для разложения ее; к безвольным, не смогшим вовремя попасть в Белую [армию] и мобилизованным красными (изменникам), сознательно перешедшим на сторону большевиков; 3) создание русских сил для продолжения борьбы (это постановление должно оставаться секретным); 4) отношение к Белым армиям, которое должно выразиться в посылке приветствия сохранившимся формированиям.

Капитан 1-го ранга Чаплин (Англия) разбирает три возможности падения большевиков и отношение к этим возможностям со стороны европейских держав: а) вооруженное вмешательство, б) эволюция большевизма, в) внутренний взрыв. Вооруженное вмешательство под монархическим флагом вряд ли встретит сочувствие у западных государств, так как они боятся России сильной. Эволюция им будет более по сердцу, в особенности Англии, так как замена большевиков социалистами даст им возможность торговать при сравнительном порядке. Тут же он излагает довольно фантастический план такой эволюции, будто бы поддерживаемый еврейскими кругами Англии, Франции и Америки: перевыборы на местах и в центральном исполнительном комитете, дающие перевес социалистическим партиям, отъезд большевистских вождей в Аргентину, где в их распоряжении 80 миллионов золотых рублей.

По мнению Чаплина, монархический центр должен работать по следующей программе: 1) сохранение Белой армии, правильное сказать, ее кадров; 2) установление связи с Красной армией; 3) по-

всеместное создание офицерских союзов; 4) образование монархических ячеек в отделившихся от Сов[етского] Союза окраинах, с задачей пропаганды, освещения положения в данной окраине и за ее границами, разведка.

По настоянию генерала Безобразова редактирование постановления комиссии передано в особую субкомиссию, причем он настоял на секретности этих постановлений. В три часа пополудни заседание военной комиссии возобновилось. По моей инициативе был поднят вопрос «Политика в Армии». Николай Евгеньевич разобрал формулу «Армия вне политики» и осудил это положение. Пришли к убеждению, что в Гражданскую войну такое утверждение не находит себе оправдания и что Белая армия должна быть политической, а потому пропаганда в ней наших монархических лозунгов необходима.

Комиссия выслушала доклад генерала Есимонтовского, бывшего из Афин. Эвакуированная из Крыма Армия сведена в части и достигает 28 тысяч человек, вооружена она 18 тысячами винтовок при 600 пулеметах⁴⁶. Благодаря настойчивости и энергии генерала Кутепова в Армии царит железная дисциплина. Заведены офицерские школы и учебные команды для солдат. Питание недостаточное. Земско-городской Союз [начал] вести пропаганду в Галлиполи⁴⁷, но попытка эта была быстро искоренена. Агитация ведется лишь монархическая, и в Армии настроение соответственное. Французы хотели сократить и без того скудный паек, но под угрозой, что Армия с оружием в руках пробьется на Балканы и Венгрию, французы принуждены были изменить свое решение. Таковы наши «союзники». Постепенно Армия будет переведена на Балканы, около 10 тысяч в Болгарию, остальные в Сербию, 7 тысяч казаков станут на Македонскую границу. В Галлиполи проявляется тенденция группироваться по принадлежности к старым частям⁴⁸.

Генерал Половцев докладывает об образовании офицерских союзов во Франции и о трудности связи с ними. Между прочим, установлена связь с французским антикоммунистическим обществом⁴⁹. Комиссия принимает во внимание, что в Париже, Лондоне, Греции, Константинополе и Праге существуют ячейки, а местами уже функционируют союзы офицеров. Комиссия решает их по возможности объединить и ввести общий устав, но, принимая во внимание указание генерала Арсеньева, внешне сохранить чисто благотворительный характер. Последнее необходимо, так как большинство западных держав не допустят на своей территории военных

образований, но не может запретить образование союзов взаимопомощи, или допустим, обществ для изучения военных наук.

Князь Ливен делает доклад о возможностях колонизации во Франции и предупреждает о некоем субъекте, именуящим себя подполковником Соколовским. Чаплин в свою очередь предупреждает о Зеленом и Бенигсене, пытавшихся в Лондоне образовать офицерский союз на платформе «мартовских завоеваний»⁵⁰, но полностью провалившихся.

Перейдя в комиссию по «организации и тактике», застал разбор вопроса об «объявлении войны» прочим партиям и враждебным монархии организациям. Положение доклада Барановского принимается без существенных изменений. Часть, касающаяся масонства, была сочтена не подлежащей оглашению.

В 8 с половиной часов вечера иду в комиссию по иностранным делам и попадаю на доклад Трахтерева о Рижском мире между Польшей и Совдепией. Доклад вызывает общее возмущение присутствующих и ставится вопрос о вынесении соответствующей общему настроению резолюции. Предвидя неизбежную резкость резолюции по этому вопросу и памятуя просьбу Д.Ф. Андро, подтвержденную полученным уже в Рейхенгалле его письмом, прошу о передаче этого доклада и резолюции о нем, как осведомительного материала, для будущего исполнительного и руководящего органа монархического движения. После непродолжительных прений мое мнение торжествует.

19 мая/1 июня, среда. Утром заседание в «зубрином загоне». Все обмениваются мнениями и сообщают результаты прений по комиссиям. Общее впечатление, что Съезд вполне находится в руках его руководства, что оппозиции ни с какой стороны не заметно и что повсюду намечается стремление проявить возможную сплоченность и общую целеустремленность. Есть полное основание предполагать, что выборы в будущий центр не вызовут раскола. Решается выпустить и раздать записку следующего содержания: «Монархический Съезд избирает Совет в составе трех лиц. Совет имеет право кооптации четырех лиц. Совет избирается сроком на один год и является полноправным, бесконтрольным и неограниченным руководителем монархического дела. Через год, а в случае необходимости и ранее, должен быть созван Съезд представителей от местных организаций для переизбрания, в случае надобности, нового Совета». Все должны получить такие записки, о сроке начала их распространения нам будет сообщено дополнительно.

Эвальд сообщает об отъезде Гладкого, обиженного отказом распространять его антиеврейскую брошюру. Он никак не мог понять, что Съезд не может заниматься делами, к его работе не относящимися.

В Рейхенгалль приезжал также Шелькинг, но на заседания допущен не был. Смотря ему прямо в глаза, Марков сказал: «Я вам говорю, что вы на Съезде не будете!» После съезда Шелькинг в «Голосе России»⁵¹ сделал заявление: «Я – единственный из членов совета объединения, не присутствующий на Съезде, не получив на то приглашение, вероятно, по той причине, что гг. организаторы Съезда опасались моих выступлений с разоблачением закулисной стороны их деятельности и извративших, по моему мнению, основную мысль Съезда и придавших ему характер, не соответствующий более моим взглядам» («Руль» [Берлин], 08.06.1921)⁵².

В 10 часов утра я на заседании комиссии по «восстановлению России». Формулируется положение о правах местного самоуправления и согласованность его с общеимперским законоположением. Вопрос этот вызывает оживленные и интересные споры. А.Ф. Трепов свидетельствует, что Государственная Дума часто совершенно не интересовалась вопросами, которые для окраин были насущными, и пропускала их в порядке «вермишели». Перенесение рассмотрения законов, интересных для окраин в представительные органы на местах, разгрузит центр и перенесет политические дрязги из столицы в провинцию. Кроме того, центр, из-за отсутствия интереса или наличия более интересных ему вопросов, запаздывает с законодательством на местах. Неудовольствие же несвоевременным выпуском законов переносится не на Государственную Думу, а на верховную власть и выражается в нареканиях на особу Государя Императора. Масленников поддержал Трепова и в, как всегда, образной речи привел пример того, как насущный на окраине закон об охоте на бобров попал в Петербург в руки совершенно в нем не заинтересованных и ничего в нем не понимающих людей.

Резолюция, предложенная Треповым и содержащая слова о «единой России», по настоянию Маркова 2-го смягчается из практических соображений и нежелания связывать будущий монархический центр. Формулировка Трепова, по мысли Маркова, останется для «внутреннего употребления». Бискупский выдвигает мысль о пропаганде в будущем «Имперского Союза», могущего удовлетворить вождения окраин.

В три часа дня открывается общее собрание. А.Н. Крупенский оглашает телеграмму с приветствием генералу Врангелю и в его лице всем русским белым воинам. Трепов делает доклад о деятельности «Русского Очага» в Париже и в частности о том, что эта организация возбудила вопрос о русских денежных суммах, находящихся за границей. После крушения имперской власти в распоряжении российских послов остались крупные суммы, переведенные в их распоряжение во время войны. Очень незначительная часть этих денег пошла на уплату военных заказов, большая же часть осталась Бахметев в Нью-Йорке располагает около одного миллиона долларов. Деньги эти переведены на личные счета послов и расходуются ими по их усмотрению. Факт этот сам по себе возмутителен. Во Франции самочинный Совет послов⁵³ субсидируется из Америки, кроме того, оттуда же получают деньги союзы «Земств и Городов», «Учредительного Собрания»⁵⁴ и другие «Русский Очаг» написал по этому поводу письма Гирсу и Бахметеву, требуя отчета в этих деньгах, но эта мера чисто «академическая». Гирс ответил ссылкой на Бахметева, Бахметев же указал на возможность получить справку у Гирса. Сейчас это и делается.

Далее Трепов читает письмо, написанное им в редакцию газеты «Тан» по поводу Рижского договора. В горячей речи Винберг требует от Съезда заклеить этих «грабителей» казенных денег. Как пример такого обращения [с] казенными деньгами, он сообщает, что представитель Красного Креста в Швейцарии самовольно назначил себе оклад в 50 тысяч швейцарских франков. Масленников и Ефимовский требуют письменного закрепления только что сообщенного, дабы высказать перед лицом всей эмиграции отношение монархистов к подобным явлениям.

Засядко излагает работу комиссии по восстановлению государственной власти в России: а) единственный путь – через монархию, б) монархии легитимной, «Из Дома Романовых» – поправляет Марков; в) восстановление России будет достигнуто единением Царя с народом, путем избрания лучших людей.

Поправка графа Перовского-Петрово-Соловово, считавшего, что имеющееся в докладе обвинение эсеров в подготовке царящего в России голода необоснованно, не принимается после того, что Марков фактами доказал, какой вред русскому сельскому хозяйству принесли Шингарев и Чернов.

На помост поднимается генерал Сахаров, делегат Америки и представитель атамана Семенова. Он дает характеристику русских

элементов на Дальнем Востоке. Беженская масса, осевшая в Приморье и Харбине, на 40% состоит из сибиряков. Многие имеют свои предприятия в Харбине, некоторые эти предприятия очень крупного размера. Это обстоятельство придает русской эмиграции на Дальнем Востоке совсем особую окраску. Простонародье – монархисты чистой воды. Крупные группы эмиграции возглавляются князем Кропоткиным, они состоят главным образом из гражданских лиц. Епископ Нестор Камчатский создал «Иверское Братство», опираясь на которое, русское духовенство организует Русскую Православную Церковь. Епископ Мефодий Омский, Мелетий Пекинский, Димитрий Хайларский и Иона Маньчжурский являются руководителями русской церковной жизни. Русская Армия, прошедшая всю Сибирь, испытала на себе измену эсеров и других левых организаций. После тяжелых испытаний «Ледяного Сибирского Похода»⁵⁵ бойцы пришли к идее монархии, которую исповедуют их командиры. В районе Минусинска⁵⁶ работает атаман Щетинкин, который называет себя атаманом, потому что не подчиняется командованию и ведет свою самостоятельную политику. Сначала он называл себя монархистом и принес Белому Делу пользу, уничтожив большое количество красных комиссаров, впоследствии этот беспринципный человек, желая подделаться под красных, но в то же время, учитывая монархическое настроение населения, выкинул лозунг «За Царя и Советскую власть»⁵⁷. Он уверяет своих последователей, что он встречает сочувствие Великого Князя Николая Николаевича, имя которого в Сибири популярно. Несмотря на политический разнобой, царящий на Дальнем Востоке, лозунги монархии, несомненно, будут там встречены восторженно. Около 15 тысяч эмигрантов разбрелись по Китаю, Корею и Японию. В САСШ⁵⁸ насчитывается около [300–650] тысяч русских переселенцев⁵⁹. Евреев, по большей части из России, около 2 миллионов. Русские в большинстве крестьяне. Церковных приходов около 250, но духовенство не все на высоте. На американское общественное мнение имеет влияние главным образом еврейская печать и правая рука Бахметева – еврей Закс. Ярый противник национальной России еврей Яков Шифф умер. В русском вопросе предстоит колоссальная работа. Уже существуют организации национального характера, как то «Русское Национальное Общество» (интеллигенция), «Союз Единения России» (рабочие), «Крестьянский Союз» и «Братство». Все они в той или другой степени контролируются группой монархического объединения, которая работает конспира-

тивно. Постепенно в некоторых кругах Америки пробуждается мысль, что Россия, сойдя со своего исторического пути, становится опасностью для всего мира, но все же умная обработка общественного мнения совершенно необходима. Нужен планомерный подбор людей, сочувствующих России, и информация через них широких кругов населения. При этом надо иметь в виду, что враги России не спят, что Керенский еще не потерял в Соединенных Штатах свой престиж и имеет в масонских кругах крепкие корни, еврейство в стране очень сильно, а его отношение к России нам известно. Можно было бы завоевать общественное мнение, если бы удалось доказать, что еврейство связано с большевизмом и что керенщина – причина развала России. Тогда можно будет подойти к положению, что лишь монархический принцип способен спасти Россию. Наличие сотен тысяч русских дает надежду найти в них опору для нашей пропаганды, но для этого нужны руководители. Пространный доклад Сахарова был выслушан со вниманием, хотя не все были согласны с его благоприятными для нашего дела перспективами.

А.Н. Крупенский еще раз предупреждает об осторожности в разговорах в общественных местах и сообщает, что в бюро Съезда получена провокационная телеграмма на имя Великого Князя Димитрия Павловича за подписью Императора Вильгельма. Эта телеграмма доказывает, что наши враги не спят и хотят скомпрометировать наше собрание, а также еще при ее зарождении сорвать нашу работу.

Затем генерал Кантакузен приветствует Съезд от лица бессарабских русских, сообщает о прекращении в стране румынских насилий и говорит о ярко монархических настроениях тамошних русских кругов.

Наживин говорит блестяще по форме и очень содержательно о настроениях крестьян и их отношении к монархии. Его речь несколько раз покрывалась аплодисментами. По его утверждению народ не привязан к династии Романовых, а хочет лишь Царя сильного и могущего справиться с разрухой.* Настроение зала после речи

---

* А.А. Мосолов (в частной беседе, конечно) метко охарактеризовал речь Наживина: «Он вложил свои грязные, мужицкие пальцы в наши еще не зажившие раны». Впоследствии Наживин очень скоро ушел из рядов монархистов и написал свою книгу «Потухшие маяки», в которой отказывается от монархии и критикует как Съезд, так и его участников. По неточностям приведенного им разговора со мной могу судить о допущенных им искажениях (*примеч. А.С. Гершельмана*).

Наживина слегка понизилось, но эту набежавшую тучку быстро рассеял А.Ф. Трепов, выкрикнув верность своей присяге и Дому Романовых.

Капитан I ранга Чаплин делал обзор жизни русских эмигрантов в Англии, еще раз высказал свое предположение о скором свержении большевиков по плану Англии, которая не желает возвращения России к монархии, а хочет Россию слабую под управлением демократических партий, либералов и эсеров.

В чрезмерно длинном докладе Фрейберг, представитель атамана Семенова, дополняет сведения генерала Сахарова. Делает обзор Белого Движения в Сибири и заверяет в преданности атамана монархической идее. Он просит Съезд послышкой телеграммы атаману Семенову подчеркнуть признательность монархистов тому человеку, который с самого начала своего выступления выкинул монархический флаг.

Засядко докладывает о положении монархического дела в Финляндии и о возможностях работы. У руководителей работы не хватает даже средств на передвижение по стране. Финны не доверяют монархистам, считая их противниками самостоятельности Финляндии. Эмигранты же в подавляющем большинстве монархисты, также настроены и русские, издавна населявшие восточную часть Финляндии и оставшиеся жить в городах и дачных местах страны. Церковь в лице монастырей Валаам и Коневец⁶⁰ и клир храмов во главе с епископом Серафимом Выборгским тоже на нашей стороне. Работа же монархических ячеек все еще должна вестись конспиративно.

Последним выступает князь Ширинский-Шихматов, который выказывает свой восторг действиям инициаторов Белого Движения, дерзостью их почина и предлагает приветствовать здесь присутствующего Светлейшего князя Ливена, создавшего отряды, освободившие Прибалтику и вместе с Северо-Западной Армией⁶¹ совершивших поход на Петербург. Делегаты съезда встают и приветствуют Ливена длительной овацией. Ливен, действительно заслужил это признание его заслуг как верный русский монархист, как герой войны и как создатель отрядов, принявших его имя – так называемых «ливенцев»⁶².

20 мая/2 июня, четверг. Комиссия по тактике и организации монархического движения с утра заседает в большом зале, где нормально происходят общие собрания. Съезд должен дать будущему

центральному органу наказ, как, по его мнению, надо вести монархическое движение и схему организаций его. В зале собрались почти все делегаты. Положения доклада сводятся к следующему: а) будущий центр должен объединить по возможности все монархические течения, б) состоять из трех членов и иметь право кооптации, в) каждый второй месяц при центре должен собираться совет из 30-40 человек для общего совещания и обсуждения текущих вопросов.

А.А. Мосолов предлагает следующую схему выбора центрального органа: совещание из 30-40 человек выбирает одного человека, которому предоставляется право выбрать себе помощников. По его мнению, таким путем будет соблюден принцип единодержавия.

П.В. Скаржинский против ограничения будущего центра какими бы то ни было совещаниями. Задача такого совещания, на задачи которого указывает предложенный доклад, ему непонятна. По его мнению, исполнительный орган должен быть крайне малочисленным [и] до максимума полновластен. Органы на местах обязаны беспрекословно подчиняться центру. Начинаются продолжительные прения, не вносящие ничего нового в первоначальные предложения. Заметно, что в головах участников собрания еще не вполне уложились и переварились общие положения. Каждому хочется внести что-то свое. Пытаясь заострить основу вопроса, Николай Евгеньевич [Марков 2-й] требует для будущего центра диктаторских полномочий, переживаемая нами минута этого требует. Нельзя связывать и ограничивать действия исполнительного органа. Выборными должны быть три лица, конечно, выборные должны иметь право кооптации. Если Съезд не может наметить и выбрать из своей среды трех подходящих лиц, то заранее можно сказать – наше дело проиграно. Слово Маркова было поворотным пунктом в прениях делегатов, и мысли их сами собой пошли по линии выбора в центральный орган лиц, облеченных неограниченными полномочиями. Члены органа должны быть выбраны непосредственно Съездом, а не через посредство промежуточного совещания. А.А. Мосолов настаивает на выборе одного лица, выбирающего себе помощников, которые могут быть утверждены Съездом. Периодические съезды допустимы лишь по требованию выбранного лица. Ему возражает Ефимовский, считая неправильным построение исполнительного органа на диктаторских началах. Монархический принцип должен зиждиться на доверии масс, орган должен быть сконструирован на принципе допущения в него всех течений монархической мысли, кооптация не только право, но и обязанность. Архимандрит Сергей

указывает, что в данном случае, при данном составе собравшихся, выборы доказывают доверие избранным лицам, доверие не ограниченное ничем и вполне соответствующее важности вопроса и переживаемого нами времени. Надо откинуть всякое разделение на течения, оставшись лишь на личном доверии избираемым. Ефимовский все же склоняется к известному ограничению исполнительного органа путем кооптации. Марков 2-й напоминает собравшимся трудности, с которыми придется встретиться выбранным: ничего им не дав, монархисты будут с них требовать неимоверно трудной работы. Поэтому справедливо не налагать на них никаких обязательств, а дать им лишь права. «Ведь выборные же люди разумные!»

П.П. Крупенский⁶³, чуя, что решение уже созревает, предлагает принять формулу: а) Монархический Съезд выбирает ТРЕХ лиц, б) с правом кооптации ЧЕТЫРЕХ человек, в) на ОДИН год, г) через год созыв Съезда, перед которым исполнительный орган даст свой отчет, д) в случае надобности на новом Съезде будут произведены новые выборы. Ефимовский пытается доказать неправильность постановки вопроса о доверии, таким образом даже всякий контроль отвергается. Масленников требует выбора всех трех лиц и указывает на невозможность ограничения числа кооптированных. Прения прекращаются, и принимается следующее постановление: 1) выборы трех лиц, 2) кооптация по мере надобности, 3) полномочия на год (по возможности).

Династический вопрос, всех очень интересующий и в то же время крайне щекотливый, собрал в объединенном собрании [неразборчиво три слова] делегатов почти всего Съезда. К счастью, истекшие дни успели спясть большинство участников и направить их мысли на нахождение наиболее практического разрешения этого весьма сложного вопроса. Этим объясняется, что положения, изложенные в докладе Баранского, были сравнительно без труда приняты и сковали уста тем, кто из принципиальных или законопослушных соображений предполагал выступить, выставляя кандидатуру на Престол того или иного члена Династии. Баранский предлагал следующие положения: а) вопрос о кандидате не может быть выдвинут ввиду невыясненности самой кандидатуры, б) Съезд остается на принципе легитимизма, и в теории это положение остается неизбылемым. Практика же требует, в интересах монархического дела, возможно скорого разрешения вопроса о престолонаследовании. Этот вопрос может быть возложен на Сенат, но даже собравшийся Сенат не может сказать, что он имеет достаточно неопровер-

жимых данных для разрешения этого вопроса и указания кандидата на Престол. А потому единственным выходом из этого положения является указание личности ПРЕСТОЛОБЛЮСТИТЕЛЯ, в) выбор этого лица из числа членов Царственного Дома должен быть предоставлен Государыне Императрице Марии Федоровне как венчанной Царице и Помазаннице Божией. Но обнародование этого указа все же должно пройти через правомочное учреждение – Правительственный Сенат.

А.В. Бельгардт указывает на то, что возрождение России должно идти путем совместной работы верхов и низов народных, поэтому Съезду надо предугадать настроение масс и в соответствии с этим выработать формулу, приемлемую для всего народа и для большинства народностей, входящих в состав Российской Империи. Можно с уверенностью сказать, что народ будет требовать ИМЕНИ. Не входя в разбор вопроса, правильны ли сведения о гибели Государя Императора и Наследника Цесаревича, надо констатировать факт, **что Царя на Руси нет**. Народу же нужен Царь, за которым и во имя которого он бы пошел. Решение этого вопроса должно быть возложено на Царскую Семью, и Царственный Дом должен смотреть на решение этого вопроса, как на подвиг трудный и ответственный, который он совершит во имя России. Поэтому необходимо передать это решение Царской Семье и 1) ходатайствовать перед Государыней Императрицей Марией Федоровной о выборе Блюстителя Царского Престола и 2) довести до сведения Вдовствующей Императрицы о популярности Великого Князя Николая Николаевича. Архиепископ Евлогий, напоминая о важности разбираемого вопроса, предлагает собравшимся осенить себя крестным знаменем.

А.Н. Крупенский предлагает будущему Высшему Монархическому Совету самому разрешить вопрос о Престолюблостительстве и наметить лицо, могущее возложить на себя это бремя. Собравшиеся в условиях эмиграции сенаторы вряд ли сочтут себя полномочными решать столь важный вопрос и вообще неизвестно, смогут ли они этот вопрос разрешить. Марков 2-й говорит, что Высший Монархический Совет в таком важном и ответственном вопросе должен опираться на мнение Съезда, а не действовать самочинно. Но вместе с этим он не считает для пользы дела своевременным открытие имени Блюстителя Престола (как этого требует Бельгардт), так как этим самым, еще до начала дела, это имя подвергнется нападкам, клевете и лжи всех наших противников. Кроме того, полномочным

в этом вопросе он считает лишь Императорский Сенат. Засядко поддерживает Маркова и предлагает предоставить исполнительному органу выбор момента, когда он сочтет своевременным открытие имени Блюстителя. Мятлев тоже считает обнародование имени Блюстителя несвоевременным. Скаржинский, наоборот, указывает, что именно для пользы дела и в интересах пропаганды идеи монархии необходимо выдвинуть открыто и смело имя человека, под знаменем которого пойдут монархисты. Этот вопрос должен быть решен в ближайшие дни, от этого решения зависит вся работа монархистов. А.Ф. Трепов говорит, что необходимость возглавления монархического движения остро ощущается во всех странах, может быть лишь спор о порядке разрешения этого вопроса. Вполне ясно, что вследствие полной неизвестности о судьбе некоторых членов Царской Семьи нужно лицо, замещающее отсутствующего Императора, нужен Блюститель Престола. Задача Съезда состоит в том, чтобы подкрепить высший исполнительный орган при его выступлении перед лицом Царственного Дома, но все же проведение в жизнь этой задачи надо возложить на исполнительный орган.

Итак, Трепов советует принять принцип необходимости Блюстителя Престола, исполнения же не касаться, дав свободу действующий исполнительному органу. Медведев высказывает мнение, что выражение в докладе Баранского «Сенаторы дореволюционного времени» ему совершенно непонятно и предлагает остановиться на принципах, установленных Российскими Основными Законами. Идея Местоблюстительства не противоречит им, так как законы не предусматривают незамещенного Престола. Неугомонный Карцев о чем-то предупреждает, но вопрос стал всем настолько ясен, что его слушают с нетерпением. В.Г. Капшен предлагает ввиду невозможности широким массам понять соображения, руководящие нами при принятии решения о Блюстительстве Престола, обратиться к Вдовствующей Императрице с просьбой о выпуске Указа, ясно и определенно указывающего на выбранное Ею лицо как преемника, хотя бы временного, Верховной Власти.

Барон Рауш фон Траубенберг предлагает резолюцию: 1) принимается принцип Престолоблюстительства, 2) предоставляется будущему Высшему Монархическому Совету выбор времени провозглашения и способ определения Лица Блюстителя Престола, причем выбор должен исходить от Государыни Императрицы Марии Федоровны. Князь Волконский считает необходимым предоставить будущему Совету право установить способ определения за-

конного наследника. Марков 2-й настаивает на необходимости соблюдения тайны при ведении переговоров и способа, которым эти переговоры будут вестись. Обещание о неразглашении тайны должны быть подкреплены клятвой. Кроме того, он указывает на целесообразность рассмотрения этого вопроса в секретном заседании. Голеевский говорит, что Сенат может эту задачу разрешить исключительно в духе Основных Законов. Бельгардт горячо спорит с Марковым, указывая на то, что столь важный вопрос должен быть разрешен и подтвержден всем Съездом, мнение которого должно стать опорой для ходатаев перед Особами Царственного Дома, с которыми будут вестись переговоры. Лишь тогда Великий Князь, на долю которого выпадет этот тяжкий жребий, сочтет своим священным долгом исполнить волю Съезда. Съезд же твердо стоит на преданности Дому Романовых, на принципе легитимизма.

Мы указываем на старейшего и популярнейшего из великих князей, а что особенно важно для народа русского, делаем это через Вдовствующую Императрицу – Помазанницу Божию. Это первый и важнейший шаг. Первой же мерой Блюстителя будет, несомненно, созыв Сената. Горячая речь Бельгардта была покрыта рукоплесканиями. Марков, несмотря на то, что он тоже аплодировал Бельгардту, все же просит во имя дела противопоставить чувству – разум и во имя этого собранию не касаться подробно выработки путей, которыми принятый принцип будет осуществлен, а передать разработку вопроса будущему Совету. Трепов выражает свое мнение, что он против указания имен, так как этим связывается решение Императрицы. Граф М.Н. Граббе доводит до сведения присутствующих, что согласно традиции Дома Романовых Главой Дома может быть лишь особа мужеского пола. Великий Князь Николай Николаевич еще Государем Императором был назначен Главой Царствующего Дома, а потому таковым и остался до настоящего дня.

Но все эти замечания и указания уже не меняют сложившегося решения, и собравшиеся постановляют передать весь материал в будущий исполнительный орган, считая, что имена не должны быть указаны и чтобы все сообщения оставались тайными.

Дневное общее собрание открывается с некоторым опозданием, ждут прибытия Высокопреосвященного Митрополита Антония (Храповицкого), приехавшего с утренним поездом из Сербии. Митрополита встречают пением «Ис полла эти, Деспота»⁶⁴. Благословив присутствующих, Владыка Митрополит произносит приветственное слово делегатам Съезда.

Медведев прочел краткую резолюцию комиссии по пропаганде, в которой выражено было пожелание о создании монархического органа печати и о подготовке работников по пропаганде и об организации монархических сил на местах. Весь остальной выработанный комиссией материал решено было передать для руководства будущему исполнительному органу.

Далее следовал доклад генерала Мрозовского, составленный из переработанного сообщения полковника Полякова с прибавлением резолюций военной комиссии. Блестяще исполнив свою историческую задачу по обороне России от врагов внешних и по расширению ее границ, Русская Армия к концу XIX века была на высоте своего величия. Здесь ей пришлось столкнуться с врагом внутренним, коварным и действующим исподтишка, подпольно. Враг этот стал вести организованную работу по разрушению Армии, так как противники монархии в России ясно понимали, что пока сильна Армия – сильна будет и Россия. Военный бунт 1917 года доказал, что вне Армии у революции не было сил. Из этого военного бунта родилась революция (революция есть удавшийся бунт).

Далее генерал Мрозовский перешел к рассмотрению причин неудачи Белого Движения и сделал заключение, что борьба белой и красной России закончилась неудачей для первой лишь потому, что за ней стояла власть, колеблющаяся и робкая, за второй же из борющихся сторон находилась власть сильная и ясно видящая свою цель.

Кроме этой основной причины он видит неудачи Белого Движения в: а) отсутствии лица, могущего возглавить борьбу белых, б) реквизициях и грабежах, производимых белыми; в) суровых мерах по отношению к красным, попавшим в руки белых; г) разрушение страны и неумение организовать тылы; д) отсутствие в среде белых доверия к своему руководству; е) нежелание иностранных государств помогать восстановлению сильной России.

Предвидя невозможность в будущем обойтись без личного состава Красной армии, военная комиссия решила указать Съезду на необходимость обратить свое тщательное внимание на привлечение на свою сторону Красной армии. Резолюция военной комиссии гласит также о необходимости: а) напрячь все усилия к поддержке и сохранению офицерских кадров как элементу, необходимому для восстановления в будущем Российской Императорской Армии; б) лучшим средством для осуществления этой поддержки является учреждение офицерских союзов на местах, организаций, скрываю-

щихся под личиной аполитичности и ставящих своей целью материальную поддержку своих членов. Необходимое условие при создании таких союзов, чтобы назначение их председателей происходило из центра и конспиративно.

Медведев читает доклад о положении русского монархического дела в Чехии. Между прочим, он указывает, что в 1915 году чехи требовали себе короля из Русского Царствующего Дома, а в 1921 году русским монархистам чинятся всяческие затруднения, и лишь левые русские деятели имеют возможность развивать свою работу.

Есимонтовский докладывает о русском деле в Греции. Говорит, что русская монархическая организация в Пирее, председателем которой он состоит, действует совершенно открыто. Наказ, который ему был дан при отъезде на Съезд, выражает готовность организации работать в полном соответствии с положениями, которые будут выработаны Съездом. За последнее время, кроме двух тысяч увечных воинов Крымской Армии⁶⁵, принятых Грецией, въезд русским эмигрантам сильно затруднен. Отношение населения к русским за последнее время сильно портится из-за внешнеполитических причин – нас отождествляют с советскими, оказывающими помощь кемалистам⁶⁶. Немалую роль в этом отношении играет неудачное поведение консула Демидова и консульского чиновника Якошева (эсер). Настроение Армии генерала Врангеля ярко монархическое.

Митрополит Антоний подтверждает слова Есимонтовского в смысле настроения Армии. Кроме того, он говорит о тех затруднениях, которые он встречал при распространении своих писем религиозно-нравственного содержания в бытность свою в районах Армии Деникина. Главная причина затруднений была та, что вывод писем Владыки был один и тот же: Церковь поддерживает монархию. Владыка просит о распространении его писем.

Ввиду той роли, которую сыграла Королева Эллинов Ольга Константиновна, в смысле поддержания русских эмигрантов в Греции, Съезд постановляет послать Ей приветственную телеграмму. Трепов предлагает послать приветствие генералу Кутепову, сумевшему при столь трудных условиях сохранить дисциплину и порядок во вверенных ему частях. Генерал Безобразов восклицает: «Ура Русской Армии!»

П.В. Скаржинский приветствует Съезд от лица многочисленных русских монархических организаций Сербии. По его словам, 85% осевших в Сербии русских настроено монархично. Работа идет скрытная, но дружная, более 80 организаций объединены в Монар-

хической Лиге. Цель Лиги организовать противовес парижским эсерам и кадетам, которые обладают большими средствами и при посредстве Союза Земств и Городов пропагандируют свои лозунги. Основы объединения членов Лиги: легитимная монархия и непризнание «завоеваний» революции. Очень крупную роль в организациях играют офицеры. В Сербии ждут больших результатов от Съезда и перехода на открытую пропаганду идеи Монархии.

После Скаржинского выступает Жемчужников от имени Союза Восстановления Родины. Этот Союз в Сербии выражает мнение людей, не вполне разделяющих мнение и не присоединившихся к течениям, только что охарактеризованным Скаржинским. Программа Союза следующая: а) содействие падению большевиков, б) единение всех для этой борьбы, в) единая власть, г) форма правления будущей России – конституционная монархия, народ избирает своих представителей, д) защита Церкви, е) равенство всех национальностей, ж) скорейшее разрешение земельного вопроса, з) право на самоопределение окраинных государств.

Эту программу было поручено Жемчужникову огласить Съезду и просить проявить терпимость в смысле взаимоотношения с партиями, стоящими левее нас по убеждениям. Россия должна быть построена на принципе «Царь для России, а не Россия для Царя», причем терпимость должна руководить всей деятельностью правительства.

Жемчужников, приехавший на Съезд только сегодня, своей речью попал, как говорится, пальцем в небо, так как он не был знаком ни с работами Съезда, ни с уже вынесенными постановлениями. На это ему указал Бискупский, посоветовав ознакомиться с уже проделанной работой Съезда.

Масленников удивляется такой разногласицей в Сербии. Единение перед лицом опасности возможно, если знать предел спору. Берлин ясно доказал, что такое единение возможно, там люди, нисколько не поступаясь своими взглядами, нашли общие пути. Масленников высказывает пожелание, чтобы и в Сербии эти пути были бы найдены.

Адмирал Паттон говорит о трудностях работы в Болгарии. От лица тамошних монархистов и образованных монархических кружков он приветствует Съезд. Работа может быть лишь чисто конспиративного характера. В Болгарии есть тенденция уклона влево, с этим надо считаться при нашей работе. Более активная работа, несомненно, начнется, когда будут получены директивы Съезда.

В 8 часов вечера комиссия по организации и тактике рассматривает вопрос организации на местах монархического движения. Мосолов предлагает организовать на местах подобие центра с тремя человеками во главе, имеющим право кооптации необходимого числа сотрудников. Соколов-Баранский предлагает обсуждению комиссии следующую альтернативу: выбор на местах своего центрального органа или назначение такового из центра и просить по этому поводу высказаться представителям с мест. В.Г. Кэппен считает наиболее удобно и практически лучше осуществимой мерой – выборы на местах. Скаржинский стоит за проведение общей и однообразной организации по плану, намеченному из центра, при этом такт Высшего Монархического Совета должен ему подсказать пределы, до которых, в зависимости от местных условий, эта схема должна проводиться неуклонно. Масленников требует однородности; возражая ему, Марков считает, что трафареты неуместны и вредны в деле организации монархических ячеек на местах. Монархической идее на местах, ее энергии и самодеятельности должен быть предоставлен полный простор. Стеснения и вколачивание в рамки лишит монархистов души и инициативы. А.Н. Крупенский присоединяется к мнению Маркова. Ломка уже существующих организаций на местах может только повредить делу.

Скаржинский задает вопрос, как будущий Высший Монархический Совет сможет поддержать связь с многочисленными организациями на местах, если они не будут сгруппированы хотя бы по странам. В одной Сербии существует несколько десятков таких организаций. Сношения с каждой из них в отдельности явится задачей, непосильной для центра. Соколов-Баранский снова предлагает представителям с мест высказать свое мнение по поводу того, как они себе представляют структуру организации на местах.

Скаржинский уточняет два течения мысли присутствующих по этому вопросу: одни боятся убить самодеятельность ячеек на местах, другие заботятся об облегчении связи с центром. Он предлагает создание жизнеспособного и негромоздкого аппарата на следующих основаниях: а) выработка общего устава, б) объединение в смысле тактики движения, в) установление передаточного органа связи с центром. При этом необходимо, по его мнению, установить нормы, в рамках которых возможно объединение организаций на местах, дабы избежать чрезмерного уклона влево и достигнуть отмежевания от левых партий. Тальберг видит выход в виде организаций монархических объединений на местах, примером такого

объединения является Берлин, где работа развивается планомерно и дружно. Жемчужников присоединяется к мнению Тальберга, но считает, что для успешного объединения на местах необходимо иметь директивы Съезда. Соколов-Баранский, соглашаясь с Жемчужниковым, считает, что выработка нормального устава необходима, и предлагает эту работу поручить Высшему Монархическому Совету. Рауш фон Траубенберг просит Баранского набросать проект резолюции. Некоторые споры возникают на старые темы о жизнненности такого центра, так как кроме совета объединения должен быть утвержден еще орган, связывающий это объединение с Высшим Монархическим Советом. Возникают опасения, что такая структура явится слишком громоздкой. После некоторых изменений в первоначальной редакции резолюции, в которой местный центр назывался органом связи с Высшим Монархическим Советом, была принята следующая редакция: 1) не покушаясь на самостоятельность и автономность во внутренних делах организаций на местах, настоять на необходимости в ближайшее время объединить их по государствам и образовать общий центр по образцу Высшего Монархического Совета, для местного руководства согласно директивам из центра; 2) поручить Высшему Монархическому Совету выработку нормального устава для руководства на местах.

21 мая/3 июня, пятница. В 9 часов утра в помещении столовой, рядом с большим залом общих собраний, сошлись многие участники Съезда для выслушивания доклада Медведева о пропаганде. Историческая справка доказывает, что пропагандой во всех ее видах подготовлялись все великие события истории человечества. Масса всегда инертна в искании новых путей и в большинстве случаев относится даже враждебно к этим исканиям. Лишь при помощи пропаганды новые идеи воспринимаются и перерабатываются человеческим мозгом. Так, крестовые походы были пропагандированы католицизмом. В своем развитии пропаганда ищет и находит новые, разнообразные формы для привлечения внимания масс. Современная нам Америка изобрела способ пропаганды путем бросающихся в глаза наглядных реклам. Большевики учли полностью значение пропаганды, а потому всю ее захватили в свои руки. Нынче советский обыватель складывает свои убеждения из мыслей, преподанных в читаемых газетах. Советы не жалеют средств на пропаганду. Всякая пропаганда старается поднести новую идею, но эта новизна может быть разная: а) идея, меняющая все

мировоззрение объекта, б) идея воплощающая, подтверждающая или угадывающая то, что носится в умах. Так большевики, угадав стихийное стремление к миру русского народа, бросили лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» и победили. Беды нет, что они потом сами же толкнули народ на продолжительную и несравненно более кровавую гражданскую борьбу. Агитация различается от пропаганды по непосредственности своей цели, но все же является частью пропаганды, так сказать, пропагандой «накоротке». При начале задуманной пропаганды надо наметить суть ее: объект, объем, орудие. Идея, вложенная в пропаганду, должна быть умело выбрана, чтобы она объекту пропаганды казалась близкой, как бы даже его собственной идеей, поэтому необходим строгий выбор из идеологии идей, годных для пропаганды. Объем пропаганды растяжим и зависит вполне от обстоятельств. Она должна привлекать внимание и положительно утверждать, а также полностью приурочена к среде, в которой она ведется (пропаганда в России, в среде эмигрантов иностранных государств). По внешнему виду она может быть письменной (газеты, телеграфные агентства, агитационная литература) и устная (собрания, курсы агитации для инструкторов, знающих собственную идеологию, приемы агитации, идеологию противника, способы ведения спора). Наконец, важный отдел, это пропаганда делом. К нему относятся разнообразные деяния внутренней политики и мероприятия правительства, последние должны быть всегда облечены в пропагандную форму. Для успешной пропаганды нужны средства и тщательный подбор людей. Отдел пропаганды должен состоять из подразделов: а) печати, б) литературно-художественного, в) устного и общего. Агенты отделов должны быть тщательно подобраны, на местах они должны вести распространением идей и материала, даваемых центром, а также давать центру сведения о настроениях, что особенно важно для определения линии, по которой должна идти пропаганда. Очень важно иметь сеть агентов, рассеянных в толще народной, для распространения на местах «народной молвы», которая всегда имеет колоссальное влияние, – это агенты безличные и неуязвимые. Как общее правило пропаганда должна обладать гибкостью, целеустремленностью и способностью проникать в массы.

В 10 часов 20 минут утра общее собрание открылось чтением протокола прошлого общего собрания. Д.И. Засядко как председатель 1-й комиссии читает резолюцию комиссии о децентрализации власти в смысле предоставления окраинам самобытности.

Барон М.А. Таубе произносит свой блестящий доклад, составляющий обзор современного отношения европейских государств к идее восстановления России. Не задаваясь целью указывать монархистам их будущую политику, он ограничивается беспристрастным рассмотрением отношений этих государств к России, и весь этот материал предлагает передать будущему центральному совету для его осведомления. Рассматривая основания, заставившие каждое государство в отдельности участвовать в трех важнейших событиях истории России за последнее десятилетие, а именно: войну, революцию, большевизм, – он делает выводы и указывает, какие позиции эти государства примут в вопросе восстановления в России Царской Власти.

1. Война. Борьба Германии и Англии за всесветное владычество было причиной войны. Россия была лишь вовлечена в эту войну. За спиной Англии действовали масоны, они же были вдохновителями политики Франции, их цель была уничтожение двух монархий – оплотов консерватизма и антимасонских сил средней Европы⁶⁷. Участие масонов в убийстве в Сараево австрийского эрцгерцога⁶⁸ еще раз доказывает, как они умело сыграли на настроениях Европы. Отсюда вывод, что восстановление сильной России не входит в планы масонов, так как их цель всегда была борьба с монархией. Для Англии же, которая всегда боялась сильной России как угрозы ее колониям в Азии, восстановление России тоже невыгодно. Между прочим, страхи Англии перед захватной политикой России совершенно необоснованны, так как Россия ничем не выказывала своих поползновений на английские колонии.

2. Революция. Кроме чисто внутренних возбудителей, приведших к революции, внешние силы, направленные к этой цели, были работа Германии (в особенности в Финляндии) и Англии. Вместе с агентами Германии посол Бьюкенен усиленно занимается распространением слухов, направленным к разрушительным настроениям в России. Причина таких действий все та же – нежелание видеть Россию великой. Начало подрывной работы Англии совпадает с моментом подписания договора, по которому Россия должна была получить владение проливами⁶⁹. Задача английской политики состояла в том, чтобы, выиграв войну при помощи России, не усилить последнюю, а ослабить ее.

3. Большевизм. Большевистскому движению в России способствовала Германия, причем старая Императорская Германия, теперешнее германское правительство никогда не захочет восстано-

ния Императорской России. Роли Германии и Англии ясны. Франция не поддержит России, она от этой помощи отказалась, выдвигая взамен новую союзницу на Восток – «ля гранд Полонь»⁷⁰. Роль Северо-Американских Соединенных Штатов еще не вполне ясна, но некоторые факты дают право не ставить на них окончательно крест. Императорская Япония непримирима с большевизмом, но еще мало выяснено, на какой путь она встанет в вопросе стремления Монголии и Северного Китая отделиться от Южного Китая. Второстепенные государства (Чехия, Швеция, Румыния) и окраинные стараются всеми силами использовать развал России. Остаются благодарная Сербия, белая Венгрия и гостеприимная Бавария, но их положение нелегкое.

Где же искать силы для возрождения России? Таубе приходит к выводу, что лишь внутренние силы, исходящие из недр самого народа русского, могут спасти Россию, и это положение он обосновывает, проводя параллель между Смутным Временем и переживаемым нами периодом русской истории. Платонов характеризует Смутное Время⁷¹ борьбой бояр за Престол (безвластие), низших классов с землевладельцами, русских людей против иноземцев и воров. В пробуждении патриотических чувств и внутренних религиозно-нравственных стремлений русского народа Таубе видит спасение России.

Бельгардт читает резолюцию комиссии о передаче доклада барона Таубе, как ценный материал, будущему центральному органу. Настроение, после блестящего доклада Таубе, повышенное. В этот момент на эстраду выходит Марков 2-й и громовым голосом произносит речь, вызвавшую бурю рукоплесканий. В ней как нельзя лучше выразилось настроение большинства делегатов Съезда и оценка его членами отношения всех стран к поверженной России. Каждый вспомнил предательства этих государств во время еще свежей в памяти всех борьбы в белых рядах.

«Воры грабили Россию 300 лет тому назад, – воскликнул Марков 2-й, – но и теперь другие воры грабят Россию». Брест-Литовский мир, заключенный с большевиками, был первая кража, кража еще большая – мир Версальский, заключенный нашими союзниками, а не врагами нашими, без участия России. Этим договором было украдено ИМЯ России⁷².

Монархисты должны восстановить Россию, вернуть ей ее имя, а потому они не могут помириться с Версальским миром, отрывающим от России то, что Русские Цари приобрели для русского наро-

да. Мы должны сказать, что русская монархия Версальского договора не признает. (*Аплюдисменты*). Барон М.А. Таубе дает юридическое обоснование этому заявлению: всякий договор, заключенный между двумя сторонами, не может быть обязателен для третьей недоговаривающейся стороны. Эта резолюция принимается с поправкой А.Ф. Трепова, что это непризнание касается только статей, относящихся к России. Граф Перовский протестует против отторжения Бессарабии.

Трахтерев читает свой доклад, касающийся договоров, заключенных с большевиками. Рижский договор с Польшей и английский и немецкий – торговые. Резолюция по торговым договорам – все договоры с большевиками не могут быть обязательными для будущей России⁷³.

Карцев читает свой доклад, суть которого сводится к тому, что внешняя политика России должна быть подчинена хозяйственным интересам страны. Доклад передается как материал будущему центральному органу. Засядко сообщает о возможностях монархической работы в Финляндии. По его мнению, такая работа возможна лишь конспиративная. Рогович читает доклад религиозно-нравственной комиссии и ее резолюцию. На этом заседании заканчивается, и председатель объявляет об имеющем быть собрании финансово-экономической комиссии с участием представителей немецкой промышленности.

В 4 часа дня это заседание начинается в комнате № 26 гостиницы «Дейче Кайзер». Из немцев присутствует фон Шейбнер-Рихтер и еще один баварец, остальные задержаны срочными делами и смогут прибыть лишь завтра. После приветствия профессора Лагорио Шейбнер говорит как представитель общества «Ауфбау». Он приветствует Съезд и излагает те основные взгляды, которые заставили инициаторов этой группы основать названное общество. Своему изложению он предпосылает краткий обзор трудного положения германской промышленности, которая, стоя перед альтернативой – закрытие предприятий или торговля с большевиками, избирает второй путь, так как он обозначает спасение предприятий. Далее он заверяет, что симпатии немцев на стороне белой России. Коснувшись выгоды близких торговых сношений двух государств, России и Германии, как взаимно пополняющих друг друга в смысле потребностей производства («Роматериал-Русланд», «Техник-Дейтчланд») он переходит к изложению основных мыслей, руководящих работой общества «Ауфбау». Они таковы: политика и промышлен-

ность (хозяйство) страны, взаимно поддерживающие друг друга, должны идти к одной цели. Он считает ошибкой прежнюю точку зрения, когда правительству вменялось в обязанность обеспечение рынков и путей к ним для промышленности, не считаясь с политическими интересами государства. Постройка в России немецкими капиталами заводов военного значения, марокканский инцидент⁷⁴ и прочее являются с точки зрения «Ауфбау» примерами обособленности в своих областях государства и промышленности.

Карцев [неразборчивые три слова на иностранном языке. – С.3.] говорит долго и неясно, желая растолковать немцам необходимость колоссальной поддержки России при первых ее шагах на пути восстановления ее промышленности, эта поддержка должна быть денежная. «Другой немец» мыслит возможность торговых сношений лишь в виде товарообмена («Роматериал геген Техник»).

А.Ф. Трепов думает, что никаких денежных поддержек не требуется, необходимым единственным будет восстановление, в первую очередь транспорта. В своем приветствии представителям «Ауфбау» А.В. Бельгардт подчеркнул необходимость совместной работы двух разоренных народов – русского и германского. Заседание закрывается.

22 мая/4 июня, суббота. После прочтения протокола предыдущего заседания общее собрание выслушивает речь Медведева, который предлагает приветствовать борцов за монархическую идею, по сей день продолжающих свою работу внутри России. Съезд принимает предложенную им резолюцию долгими рукоплесканиями. П. Рогович (младший) от лица Константинопольской группы монархистов делает доклад о положении монархического дела в Турции и указывает на дружеские нам организации, ныне работающие в Константинополе: 1) Народные монархисты, 2) «Кузьма Минин»⁷⁵, 3) Союз спасения России (М. Горемыкин), но главная опора монархической идеи – Армия.

После этого начинается закрытое заседание, относящееся к некоторым вопросам взаимодействия Съезда и отдельных членов Дома Романовых. Баранский прочитывает свой доклад. (Заносу лишь две мысли доклада, ускользнувшие от моего внимания при первом его чтении: «Борьба за монархию стала синонимом борьбы за Россию» и «Мы крайние националисты, а потому мы признаем за окраинными государствами право на самобытное развитие, мало того, мы видим в нем залог их борьбы с интернационалом».)

Далее без прений и возражений принимается резолюция: «Утверждается наименование будущего центрального органа – “Высший Монархический Совет” в отличие могущего в будущем возникнуть “Верховного Совета” с участием лица от Царственного Дома».

Съезд выбирает по предложению председателя посольство к Вдовствующей Императрице в лице Митрополита Антония, А.Ф. Трепова и генерала Безобразова. В связи с этим пишется челобитная, изготовление которой поручается А.Н. Мясоедову, умеющему писать скорописью, принятой в старом дипломатическом обиходе (когда на машинке не писалось) для составления соответствующих документов.

Наступает один из ответственных моментов работы Съезда – выборы, после десятиминутного перерыва, «Высшего Монархического Совета». Вопрос выбора членов ВМС волновал делегатов Съезда чуть ли не с первого дня. Каждый старался отнестись к этому вопросу посерьезнее и дать свой голос за людей, которым он действительно всецело доверяет и руководству которых он мог бы искренне подчиниться. Конечно, недостаточное знакомство членов Съезда между собой затруднило выборы. Единственный человек, на котором все сходились, был Марков 2-й. Его старая деятельность как члена Государственной Думы и неустанная работа с момента революции были всем известны и были лучшим доказательством его пригодности к роли одного из руководителей монархического движения. Но остальные? Все же ко дню выборов окончательно выяснились и созрели в головах делегатов Съезда кандидатуры Маркова 2-го, Масленникова и князя Ширинского-Шихматова. Соответственная пропаганда в этом направлении планомерно велась всей нашей группой. Перед началом выборов А.Ф. Трепов всходит на эстраду и просит Церковь в лице ее здесь присутствующих пастырей благословить членов Съезда на предстоящее важное действие. Затем он просит не вносить его кандидатуру в записки по голосованию. Необходимость продолжать работу в Париже и другие обстоятельства заставляют его отказаться от участия в работе в качестве члена Высшего Совета, но он тут же дает обещание по первому же требованию будущего центрального монархического органа кооптироваться в состав его и заранее отдает себя в распоряжение Высшего Монархического Совета.

Выступает Ефимовский и в кажущейся искренней речи и не без волнения еще раз обращает внимание членов Съезда на важность момента. Он просит разрешения назвать имена кандидатов

в Высший Монархический Совет, которые, быть может, сами напрашиваются на язык каждому: упорный, кипучий и решительный борец с революцией – Марков 2-й; мудрейший, всеми уважаемый и добрый А.М. Масленников; честный, беззаветно преданный России и неизменно чистый в поступках князь А.А. Ширинский-Шихматов. Каждое произносимое им имя вызывает бурю рукоплесканий.

По списку на эстраду вызываются все участники Съезда и при сосредоточенном молчании собравшихся [участников] опускают в урну записку со своим голосом. При начале голосования А.Ф. Трепов еще раз призывает всех к единению. Комиссия, составленная из секретарей Съезда, быстро заканчивает подсчет голосов и А.Н. Крупенский оглашает результаты выборов: Н.Е. Марков получает 105 голосов, А.М. Масленников – 95 и князь А.А. Ширинский-Шихматов – 102. Отдельные голоса получают князь Волконский и А.Н. Крупенский⁷⁶.

Выход Маркова 2-го на эстраду был встречен длительной овацией. Он благодарит членов Съезда за оказанную ему честь, высказывает страх перед огромной ответственностью, на него возложенной, свои надежды, видя патриотический подъем присутствующих, на конечный успех в этом зале зародившегося монархического дела. Для многих присутствующих признание всем Съездом Маркова достойным возглавить монархическое движение было лучшим доказательством того, что они не даром шли и работали с нашим «дядькой» (как мы его звали организационной кличкой) все эти годы и что, выбрав его своим главителем, они предугадали выборы всего монархического движения.

А.М. Масленников говорил серьезно и прочувствованно. Говорил, что, сознав многие ошибки с первых же дней революции, он всю жизнь свою, все свои силы положит на работу по восстановлению старой России. Часто, в критические моменты своей жизни, он задавал себе вопрос, для чего Господь Бог сохраняет его и сейчас, сегодня он получает ответ на этот вопрос: для того, чтобы остаток своих сил отдать монархическому делу. Он при этом надеется, что в будущем монархисты, как истинно русские люди, не будут строй России подгонять под свои взгляды, но на первом месте всегда и повсюду будут видеть интересы русского народа.

(К сожалению, речь князя Ширинского-Шихматова мною не была записана).

Этими выборами одна из самых ответственных частей работы Съезда была окончена. В зале царило радостное возбуждение, чле-

ны нашей группы с улыбкой смотрели друг на друга, сознавая, что благодаря нашей сплоченности и дружной работе Съезд, в нашей среде задуманный и с большим напряжением осуществленный, закончился. Эти выборы показали наглядно, что во имя идеи, всех объединяющей, присутствующие оказались готовыми отказаться от личных самолюбий, поступиться даже мелкими различиями в своих мнениях и подчиниться одному всех объединяющему руководству. Последнее было подтверждено подписью всех членов особой грамоты, подтверждающей готовность беспрекословно подчиняться выбранному Высшему Монархическому Совету. Князь Долгорукий, подписывая эту грамоту, добавил после своего имени слова «Без присяги». К сожалению, этот акт, долгие годы хранившийся у меня, сгорел в Зальцбурге во время налета американцев во время войны 1940–1945 годов⁷⁷.

23 мая/5 июня, воскресенье. Утром присутствующими представителями Русской Православной Церкви была отслужена обедня. Днем был заслушан доклад профессора Пестржецкого об экономическом состоянии подвластной большевикам России. Доклад, весьма интересный, был всеми выслушан без особого внимания. Заметно было известное утомление присутствующих. Известное оживление возбудил доклад лейтенанта Павлова (сына известного «дворянина Павлова»), который говорил о возможности вести монархическую работу в России под лозунгом: «Вся власть монархическим советам». Во многом интересная по новизне мыслей речь Павлова была, как ее охарактеризовал Марков 2-й, «подземным раскатом». Он этим хотел сказать, что некоторые внешне нелепые положения доклада, как, например, только что мною указанный, имеют, быть может, большой смысл, открывающий настроения крестьянских масс. На понятном языке этот лозунг значит: «Царь, но без промежуточной прослойки “бар”, которые заслоняют от Царя народ». Впоследствии в русской эмиграции неоднократно возникали движения среди молодежи под весьма разнообразными и часто нелепыми лозунгами, показывающие искание людьми новых путей и способов борьбы с коммунизмом.

Последним говорил бывший анархист и член «Союза Общин» Ножин.

Днем всем были розданы приглашения от общества «Ауфбау» на имеющий состояться в воскресенье вечером «Байришер бирабенд»⁷⁸ в гостинице «Пост-Гольдене-Кронэ».

Говорили речи Масленников и Бискупский, от баварцев выступал Шейбнер-Рихтер и представитель курорта Рейхенгалль. Выпитое пиво создало дружественное настроение и речи, высказывали искренние симпатии по отношению к приютившей наш Съезд Баварии. Оркестр играл русские и баварские мотивы, потом заиграл танцы, и Шейбнер-Рихтер пригласил одну из немногочисленных присутствующих дам – В.Г. Воронцову-Вельяминову на вальс. Увидав это, владыка Антоний как истый монах немедленно покинул зал. Под конец группа баварцев протанцевала свой национальный танец, сопровождаемый шлепаньем себя и соседа ладонями.

Съезд закончился и назавтра начнется разъезд делегатов. С грустью простились с уютным Рейхенгаллем, и у всех, видно надолго, останется в памяти первый монархический слет в эмиграции.

Часть II

ПОСЛЕ ПЕРВОГО МОНАРХИЧЕСКОГО СЪЕЗДА В РЕЙХЕНГАЛЛЕ В 1921 ГОДУ

Реакция русской печати на Съезде в Рейхенгалле была очень разнообразна. «Голос России» от 15 июня 1921 года перечисляет главные постановления Съезда, весь тон заметки сочувственный, видно, что газета считает решения, легшие в основу положений, принятых в Рейхенгалле, правильными.

«Руль» от 11 июня 1921 года сдержанно, но правдиво сообщает о некоторых постановлениях Съезда, упоминает, правда, неполно о прочтенных докладах и кратко сообщает о принятой декларации⁷⁹. Далее газета говорит: «Предполагавшийся к обсуждению на съезде еврейский вопрос не обсуждался». На Съезде никогда не предполагалось обсуждать еврейский вопрос. Для чего этой еврейской газете понадобилось это ложное сообщение, неясно⁸⁰. 7 июня 1921 года тот же «Руль» пишет: «Съезд по вопросу об экономическом восстановлении России закончился. Он пришел к выводу, что восстановление России без возвращения к духовным корням прошлого и без восстановления монархии – невозможно. Восстановление монархии в России необходимо для экономического возрождения Западной Европы. А без решения этой задачи мирового значения немыслимо политическое успокоение мира. Поэтому русская монархия, являющаяся условием равновесия международных сил, должна увенчать

дело всеобщего мира». Но тут же газета старается скомпрометировать монархистов в глазах бывших наших союзников, утверждая о будто бы состоявшемся постановлении о необходимости войти в «контакт» с представителями немецкой торговли и промышленности «с целью подготовить пути к установлению товарообмена между Россией и Германией». И далее указывает, что баварское правительство считает себя обманутым монархистами, так как оно давало разрешение на Съезд «исключительно хозяйственный, но отнюдь не политический». В дальнейшем газета Гессена уже твердо устанавливает курс на компрометацию русских монархистов. 23 июня 1921 года в заметке о мерах французского правительства по отношению к русским эмигрантам она пишет: «Французское правительство приняло решение не допускать во Франции деятельности крайних левых и правых русских партий. Местным властям предписано воспретить под страхом высылки учреждение во Франции русских монархических обществ, задуманных некоторыми участниками недавнего Съезда в Рейхенгалле». И далее: «На запрос независимых социалистов в (баварском) Ландтаге о русском Съезде в Рейхенгалле в начале июня, будто бы обсуждался вопрос о свержении нынешнего русского правительства и восстановлении царской власти». Представитель правительства оправдывается, говоря, что Съезд занимался чисто экономическими вопросами, не вмешиваясь в политические дела Германии, и не стремился к насильственному изменению нынешней формы правления в России. Меры же, предпринятые польским правительством против русских монархистов, смакуются не без удовлетворения. «Руль» печатает сообщение собственного корреспондента из Ковно: «Философов получил 10 миллионов на продолжение издания савинковской газеты “Свобода” и превращает свою культурно-просветительскую комиссию в отдел пропаганды, но зато монархисты Фабрициус, организовавший вместе с Пермикиным⁸¹, Муравьевым, Гершельманом и другими дело о покушении на Савинкова, высылаются из Польши в Данциг⁸². В Берлине некий Звездич старается скомпрометировать «художественно-кустарную артель», созданную графиней Мусиной-Пушкиной, где нашли заработок многие русские офицеры. Цель этого мерзкого выступления ясна – надо указать, что князь А.А. Ширинский-Шихматов, член Высшего Монархического Совета и один из руководителей артели, злоупотребляет благотворительными деньгами.

Москва в «Известиях» злобно огрызнулась на Съезд, но должна была признаться, что «падение советской власти в России равно-

сильно восстановлению царской власти. В этом отношении мы совершенно согласны с нашими черносотенцами» («Руль», 28 июня 1921; «Русспресс», Рига, 28 июня 1921). Вот этот страх неминуемого восстановления царской власти в случае падения власти Советов объединил всех наших врагов от «Руля» до «Известий». И заставляет советскую власть пытаться внедриться в нашу среду, работать на ее разложение, уничтожать вождей Белого движения (которое они считали ярко монархическим), организовывать широко задуманную провокацию МОЦРа.

Ясно, что нам было уже неуместным скрывать дальше свое истинное лицо⁸³. А потому первоначальное издание от имени Съезда хозяйственного восстановления России «Обращение ко всем русским» и «Основные положения» во втором издании говорили от имени «Всероссийского Монархического Съезда в Рейхенгалле 20 мая (ст. ст.) 1921 года». Мы открыли свое забрало.

Обращение Съезда хозяйственного восстановления России ко всем русским⁸⁴

Четыре страшных, томительных года прошло с тех пор, как в разгар мировой войны, в момент наивысшего напряжения сил народных, дерзновенная кучка предателей и слепых доктринеров, постепенно распалая народ русский, увлекла его на путь разрушения вековых устоев русской государственной жизни. Кучка людей, не имевших ни способностей к строительству государственному, ни авторитета в народе, дерзостно протянула руки к древнему Венцу Мономахову, обманом убедив Государя, что Его отречение от Престола необходимо для блага народного. И Русский Царь, в годину тяжелой войны не желая поднимать междоусобной брани, в святой покорности воле Божией, сошел со своего Престола, предоставив народу русскому, как требовали его самозванные вожаки, самому по-новому перестроить старый родной дом русский, в котором веками жили его деды и прадеды, богатея и ширясь во все стороны, привлекая к себе и чужие народы и превратив в конце концов, под державой Дома Романовых, маленькое и бедное Московское Княжество в мировую Империю Российскую.

Что же вышло из этой перестройки древнего очага дома русского его преступными захватчиками?

Люди, ставшие во главе революции, обещали русскому народу мир, землю и свободу. Во имя этих целей они повели послушные, ослепленные массы народные к уничтожению Царской власти и к устройству России на республиканских началах. Прежде всего, власть стала переходить из рук в руки. За это время революционное Временное правительство сменилось Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а этих последних сменило владычество группы коммунистов.

И со всей справедливостью подводя итог тому, что было раньше и что стало теперь, мы увидим следующее: вместо необъятной Российской Империи, грозной для врагов, оказалась советская республика, раздающая хищным иностранцам исконные русские земли и государственные богатства, вместо доблестной Русской Армии, верной своему Вождю, – полчища красноармейцев, подгоняемые китайскими и латышскими наемниками; вместо обещанного мира – беспрерывная внутренняя и внешняя война, вместо обещанной земли – восстановленное под социалистической личиной крепостное право, во много раз худшее того, что отменил незабвенный Царь-Освободитель Александр II; вместо обещанной свободы гражданской и политической – прямое издевательство над миллионами русских людей с пытками и застенками, каких еще не бывало на Руси; вместо свободы Церкви – осквернение народных святынь и казни служителей Алтаря. Наконец, вместо прирожденного, превыше всех стоящего и потому ко всем беспристрастного единого Русского Царя – шайка жадных до чужого добра, чуждых народу и всеми ненавидимых преступников или фанатиков, держащаяся против народа только штыками и пулеметами своих презренных наймитов.

И вот русский народ увидел, что его обманули. Он начал борьбу с захватчиками воли и счастья России. Постепенно прозревает народная мысль и видит, что спасение может прийти только тогда, когда на обломках старого дома, уцелевших после 4-летней кровавой и голодной смуты, сам народ – но только подлинный, настоящий народ русский – примется вновь, как триста лет тому назад, за восстановление своего дома на твердых и испытанных, сохранившихся незыблемо исторических основах.

А восстановит он свой дом – возвратив ему Державного Хозяина. Ибо единый Царь принесет народу не продолжение кровавой распри, не наказание и не месть, а, беспристрастно и милостиво рассудив правых, заблудших и виновных, вернет ему порядок и мир, хлеб и необходимую землю.

Вот почему со всех сторон необъятной земли Русской уже несутся к нам, невольным изгнанникам, голоса, требующие восстановления России без старых недостатков, но на старых устоях. И идя навстречу этим народным чаяниям и стремлениям, не могущим среди голода и политического террора открыто выразиться в современной России, русские люди, верные своему долгу перед Родиной, хотя и разметанные революционной бурей по всему свету, но не потерявшие духовной связи с Россией, взяли на себя почин – несмотря на все трудности и лишённые средств – поднять открыто старое русское народное знамя. Они стали на этот путь в твердой уверенности, что их почин отвечает желаниям народа и благу государства. Так возникла мысль о созыве первого Съезда хозяйственного восстановления России.

И наш Съезд, собравшийся на далекой, но гостеприимной чужбине и отражающий в своем составе все течения русской государственной мысли, пришел к непреложному заключению, что Хозяйственное Восстановление России немыслимо без возвращения к коренным заветам ее прошлого и восстановления Монархии, что широкая народная толща и лучшая честная часть ее образованного слоя ныне отрезвели от угара, охватившего их четыре года тому назад, и что монархическая идея воскресает уже во всей своей чистоте и величии, стихийной волной постепенно охватывая все круги русского народа. Это настроение должно вылиться в сплоченное, сознательное движение всех русских людей и привести к живой неустанной работе в деле воссоздания разрушенного переживаемой смутой Государства Российского.

Ввиду этого Съезд обращается, прежде всего, ко всем русским людям, не изменившим родному народу, заветам его славного прошлого и идеалам его светлого будущего – обращается и ко всем, искренно покаявшимся в своих старых прегрешениях перед Родиной, с пламенным призывом сплотиться в рядах осуществленного теперь уже на деле Русского Монархического Союза, вокруг избранного на Съезде его Высшего Совета.

Необходимо забыть не только все старые счеты, но и отбросить все последние разномыслия и разногласия. Надо объединиться всем и собрать воедино все русские силы, памятуя одну общую и святую цель и не страшась неизбежных спутников каждой самоотверженной, благородной работы: оскорблений, клеветы, попыток разъединить наши силы, угроз, даже насилия. Ибо враги наши и враги народа русского – свои и чужие – многочисленны, сильны и

не стесняются в средствах. Но мы твердо верим, что все усилия их будут напрасны, если только мы сами будем сплочены, самоотверженны и настойчивы в работе.

Поэтому, во-первых, Съезд призывает все русские патриотические силы к полному единению и подчинению избранному на Съезде Высшему Совету. Вне такого подчинения невозможно и недостижимо осуществление нашей великой цели. Всякое раздробление, всякий раскол в среде русских монархистов пойдет лишь на пользу врагам России.

Во-вторых, Съезд горячо призывает все сочувствующие ему круги также и к самопожертвованию: Пожарских в наших рядах немало, Мининых почти не видать! К стыду многих следует сказать, что есть у нас единомышленники, которые, хотя и исповедуют наши идеи, тем не менее, под влиянием тяжелой разрухи слишком ушли в себя, отошли в сторону от общей работы, не участвуя в ней ни делом, ни материальной помощью. А нужда большая и в том и в другом. Пора опомниться и пойти ей навстречу: бездействия грядущая Россия никому не простит.

Наконец, Родине нужны самоотверженные работники из всех слоев населения, пламенно ее любящие и беззаветно преданные возрождению России.

Только так мы можем победить многоголовую гидру врагов России и достойным образом прийти на помощь нашему народу, утомленному долгой и тяжелой войной, обманутому предателями и фанатиками последних лет и чуть было не ставшему добычей алчного международного капитала, а сейчас страстно ждущему того, кто выведет его из кровавой трясины на старую широкую и прямую дорогу, по которой в течение столетий с верой в его светлое будущее бесстрашно вели его предков старые русские Князья, Цари и Императоры под знаменем Святого Креста и с благословения Святителей Московских. Куда же приведет эта дорога народ русский? Прежде всего, к восстановлению порядка, мира и благоденствия внутри страны.

Кормилец земли – русский хлебопашец, должен быть обеспечен достаточным количеством земли, принадлежащей ему на праве собственности, чтобы не только кормить свою семью и богатеть самому, но, как всегда оно и было, давать источники существования всему Государству Русскому. Право свободного труда, охраняемого законом от всякой эксплуатации, должно стать верным источником благосостояния рабочих. Свободное право промыслов и тор-

говли будет принадлежать каждому желающему. Свобода гражданская и политическая при твердой охране законом нерушимости права собственности, равенство всех перед законом станут основой отношений как между отдельными лицами, так и между различными народностями в государстве. Вероисповедная свобода вернет душевный мир всему населению России. И построенная на этих началах Россия, крепкая внутри, страшная всем нарушителям ее национальных интересов, вновь восстанет во всей своей прежней славе, охраняемая собственной своей народной Армией – не красной и не белой, а Императорской Русской Армией. И в армии этой воскреснет старый боевой завет «За Веру, Царя и Отечество» и безвозвратно минует то время, когда, захваченная демагогами, она стала безопасной для внешнего врага и несла опустошение и гибель собственной Родине.

Но эту сильную возрожденную Россию Съезд не мыслит как угрозу кому бы то ни было в международном обществе государств. Не на мести и не на ненависти будет построена возрожденная Монархическая Россия. Напротив. Умиротворенная внутри Родина наша умиротворит и Европу. Без хозяйственного возрождения России, как теперь всем должно быть ясно, невозможно найти выход из экономической разрухи, переживаемой сейчас всем миром. Русский народ для блага всего мирового хозяйства должен вернуть себе подобающее и принадлежащее ему по праву почетное место среди Великих Держав, место, которое он утратил за время четырехлетней домашней смуты, лишенный участия в международных договорах последнего времени – для него, таким образом, не обязательных. А все это немисливо без прекращения кровавой смуты в России.

Итак, без восстановления в России Монархии, в конце концов, не может быть экономического возрождения и Западной Европы, а без разрешения этой хозяйственной международной задачи – не мыслимо, конечно, и политическое успокоение мира.

Вот почему Русская Монархия, не раз, вплоть до Гаагских конференций⁸⁵ являющаяся носителем идей мира и справедливости между народами, и теперь, в наступающую пору ее восстановления несет собою им мир не только внутренний, но и внешний. Империя Российская, как необходимое условие для равновесия международных сил, знаменует собою всеобщее умиротворение.

Основные положения, принятые Съездом хозяйственного восстановления России в Рейхенгалле (Бавария) с 16 по 24 мая (ст. ст.) 1921 г.⁸⁶

Признавая, что хозяйственное восстановление России невозможно без политического ее оздоровления и возвращения к законному, исторически сложившемуся, строю, [съезд] принял следующие постановления:

1) Съезд признает, что единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России – есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых согласно основным законам Российской Империи.

2) Приветствуя объединение различных течений монархической мысли и не считая себя вправе за рубежом России предопределять будущие формы государственного устройства Империи Российской, Съезд полагает, что вернейший залог благоденствия, силы и самого бытия России заключается в действительном единении Царя со своим народом в лице избранных широких слоев населения для участия в великом деле устроения государственной жизни Российской Империи.

3) Не предпрешая вопроса о том, какие из самоопределившихся окраинных государственных новообразований войдут в состав Империи Российской, Съезд полагает, что государственное устроение России должно быть основано, между прочим, на переходе к местным автономным и иным областным самоуправлениям всех тех не имеющих в отдельности общегосударственного значения предметов, ведения в делах местного законодательства, управления и суда, передача коих означенным самоуправлениям не нарушает полноты общегосударственной связи, образующей из совокупности областей и стран единую Российскую Империю. Для скорейшего восстановления России желательно войти в переговоры и соглашения с политическими группами населения и, по возможности, и с властями создавшихся или имеющих создаться на территории России окраинных государственных новообразований. Тем из окраинных новообразований, которые примут действительное участие в воссоздании Российской Империи, возможно будет, по мнению Съезда, предоставить права автономного в составе Империи существования.

4) Съезд полагает, что религиозно-нравственное возрождение Родины в духе исконной веры Православной есть тот камень, на ос-

нове которого только и возможно восстановление Российского Царского Престола.

5) Приветствуя воссоздание начала соборности и восстановления Патриаршества, Съезд усматривает в этих преобразованиях возвращение к исконной старине Церковной жизни и залог еще большего укрепления исторического союза Церкви и Монарха.

6) Православная Церковь, представляющая собой исповедание подавляющего большинства населения России, имеет значение первенствующей Церкви, причем, однако, сохраняется предоставленная в свое время предшествующими законодательными актами свобода исповедания остальных инославных и иноверных вероучений, признанных государственной властью.

7) Приветствуя возрождение православного русского прихода на началах соборности, по указанию Всероссийского Собора, Съезд горячо призывает русских людей дружно объединиться вокруг своих приходских храмов и под благословением Церкви широко развивать культурно-просветительную, благотворительную и патриотическую деятельность во благо Церкви и Родины.

8) Признавая крайне желательным, чтобы народная церковная сила, олицетворяемая старообрядцами, влилась в единое творческое русло в деле восстановления правды Христовой и Царского Престола, Съезд выражает горячую надежду, что Церковь Православная найдет пути духовного примирения с этими верными сынами Царя и Родины.

9) Считая необходимым и своевременным открытое провозглашение монархической идеи, Съезд постановляет учредить выборный Высший Монархический Совет как центральный орган общего монархического союза и рекомендовать создание на местах монархических объединений.

10) Все усилия русских людей должны быть направлены к сохранению и поддержанию возможно широкими мерами тех основных кадров будущей Императорской Русской Армии, которые представляют собой уцелевшие воинские части этой армии.

11) Весь офицерский состав бывшей и будущей Русской Армии должен быть всемерно поддержан как нравственно, так и материально, а потому признается необходимым организовать на местах офицерские Союзы взаимопомощи.

12) Принимая во внимание, что все мероприятия революционного времени в деле разрешения земельного вопроса не дали удовлетворительных результатов, и признавая, что русскому народу

присуще правовое сознание и в равной степени чужды социалистические формы землепользования, Съезд полагает, что только единоличное владение землей на правах частной собственности приведет земледельческое население к сельскохозяйственному прогрессу. Но, не считая себя вправе намечать в настоящее время исчерпывающее разрешение этого вопроса, Съезд признает, что одним из первейших актов законной и правовой Верховной власти должно быть коренное разрешение этого вопроса в целях государственного блага России и интересов многомиллионной массы земледельческого населения, составляющего основу государственного благосостояния России, согласно с историческими традициями Русского Народа с целью всемерного увеличения мелкого землевладения.

13) Право собственности должно быть признано как незыблемое основание государственного порядка и культуры. Все имущества должны быть денационализированы и свобода торговли восстановлена.

14) Денежное хозяйство должно быть упорядочено созданием твердой валюты, каковая необходима для мирного разрешения земельного вопроса.

15) Съезд считает необходимым немедленное создание за границей большого серьезного органа периодической печати для всестороннего развития монархической идеи, для изучения и развития русского монархического движения, для правильного и полного освещения происходящего в широких массах русского народа процесса возвращения к путям русского национального идеала, для раскрытия перед иностранным общественным мнением правды об истинных чаяниях русского народа и для воспитания среди русской эмиграции людей в духе родных национальных начал и подготовки их к предстоящему государственному строительству.

Съезд хозяйственного восстановления России с чувством глубокого преклонения и братским приветом обращается к тем стойким борцам за Мощь и Славу России, которые, невзирая на гнет народных палачей и ежеминутную смертельную опасность, продолжают **внутри** России самоотверженную борьбу за возрождение и счастье нашей Родины под старым трехцветным знаменем и Скипетром Державного Русского Царя, и, пламенно желая этим героям полного успеха в их титанической борьбе, заверяет, что сплотившиеся ныне под общим знаменем монархисты, живущие за рубежами Родины, несмотря на противодействие чужестранной среды и притеснения тех иностранных правительств, которым страшна и

ненавистна Великая и Могучая Россия, ведут горячую борьбу за общие цели и по первому призыву своих братьев встанут в одни ряды с ними, чтобы вместе бороться и умирать за Святую Идею Великой, Обновленной России!

* * *

Съезд закрылся. Мы не без сожаления покидали уютный баварский городок, где после стольких лет молчания мы снова открыто высказали свою преданность Царскому Стягу и где, как нам казалось, снова расправил свои крылья Русский Державный Орел.

Часть III МОЯ РАБОТА ПРИ ВЫСШЕМ МОНАРХИЧЕСКОМ СОВЕТЕ 1921–1924 гг.

Мы вернулись из Баварии радостные и возбужденные, считая Съезд первой победой монархистов над силами революции, начиная от коммунистов и до всяких демократических мастей. Впервые мы открыто сказали, что мы монархисты, и подняли стяг борьбы за свои убеждения.

В Берлине Высший Монархический Совет (ВМС) ожидала ответственная работа по осуществлению того, что лишь наметил Съезд. Но самой трудной задачей была организация монархистов на местах, налаживание связи с разбросанными по всему свету возникшими монархическими объединениями и руководство монархическим движением. Съезд оставил по себе огромный материал, который весь надо было систематизировать, разобрать и использовать.

Канцелярия ВМС поместилась на квартире Воронцовых-Вельяминовых и Андреевского на Лютцовштрассе, 68, угол Дерфлингерштрассе. Прямо при входе развернулась канцелярия, начальником которой стал А.С. Римский-Корсаков⁸⁷, за ней с фонарем на угол вскоре разместился издательский отдел, куда я после начала издания «Еженедельника Высшего Монархического Совета» и переехал. По коридору вглубь квартиры помещались Н.Е. Скупинский, ведший часть секретарской работы, и А.Н. Рогович, работающий над монархическими изданиями, прямой связи с ВМС не имеющими. Далее с левой стороны находилась узенькая комната,

в которой стояли столы Н.Е. Маркова и Н.Д. Тальберга. Без определенного назначения при канцелярии состоял А.С. Андреевский, на особой пишущей машинке, бравшей до десяти копий, размножавший циркуляры, осведомления и сообщения, которые рассылались по монархическим объединениям, разбросанным по всему земному шару. А.С. Андреевский, имевший хорошие связи с местной полицией и министерствами, исполнял поручения по устройству права жительства, разрешения на въезд.

В канцелярии же происходили заседания, совещания при ВМС, туда же сходились посетители по делам монархического движения, приезжающие из других стран, проезжающие с востока на запад или наоборот. Монархическая деятельность развивалась бурно, возникали новые союзы: офицерский, инвалидов, полковые; молодежь стала создавать свои кружки. Все эти люди приходили на Лютцовштрассе с докладами, за советами, справками.

В первые недели по возвращении делегатов из Рейхенгалля начали устраивать открытые собрания для ознакомления широкой общественности с результатами и постановлениями Съезда. 14 сентября было объявлено «Праздником монархистов», и день Воздвижения Животворящего Креста был отмечен торжественным собранием в зале аэроклуба на Шенеберг уфер, угол Блуменгоф. Посещаемость этих собраний превзошла всякое ожидание.

Через несколько недель по возвращении в Берлин я получил известие о приезде с Дальнего Востока генерала Сахарова, долженствующего участвовать в Съезде как представитель атамана Семенова. Вслед за ним приехал и К.В. Семчевский с теми же полномочиями. К сожалению, оба опоздали на Съезд. У нас были сведения, что Семенов, тесно связанный с японцами, был открыто в контрах с Колчаком, и нас установка Сахарова и Семчевского смущала*. Мы, офицерство, участники Белого Движения, на собственном опыте знали, какое враждебное отношение встречалось со стороны военного руководства, гражданского управления, всяких комиссий и комитетов,

---

* У нас были сведения, что Семенов, тесно связанный с японцами, был открыто в контрах с Колчаком, и нас установка Сахарова и Семчевского смущала. Но вновь приехавшие на это отвечали: Семенов единственный белый вождь, открыто объявивший себя монархистом, а потому они присоединились к нему после поражения Колчака и его смерти и согласились представлять Семенова на Монархическом Съезде. Это было верно (*примеч. А.С. Гершельмана*).

ведующих нашими тылами на проявление с нашей стороны монархических настроений. Я уже касался этого вопроса в своих воспоминаниях о Северо-Западной Армии⁸⁸ и о той работе, что вела наша тайная монархическая офицерская группа, собравшаяся под руководством П.П. Дурново⁸⁹ и привезшая Маркова 2-го в Ямбург⁹⁰.

То же было и на Юге. В 1938 году, в бытность мою в Брюсселе, граф Апраксин (паж выпуска 1896 г.) рассказывал мне о таком же отношении к монархическому офицерству в Добровольческой Армии и, в особенности, со стороны генерала Корнилова. Апраксин, полковник Веденяпин и мой брат Василий⁹¹ решили тогда создать ядро монархически настроенных офицеров. Это расхождение во взглядах было основанием того, что Корнилов отрешил моего брата от командования созданного последним конного дивизиона⁹². Поэтому понятно было наше настроение после Съезда, который, повторяю, мы считали своей победой.

В Берлин съехалось много молодежи по летам, но «стариков» по опыту последних шести лет, людей, не достигших и тридцати лет, но уже командиров эскадронов, полков и батарей, прошедших две войны, тюрьмы, восстания, борьбу в тылах коммунистов. Они все от души отдыхали от всего этого – удивляясь сами, что они еще живы. Встречались люди, считавшие друг друга уже давно мертвыми. Объединялись товарищи по корпусам, батареям и полкам, праздновали свои батарейные и полковые праздники. В трамваях и подземных дорогах (метро) было опасно громко высказывать свои мысли – непременно соседом окажется русский⁹³. Но вся эта молодежь все же не теряла желания по первому зову снова явиться в ряды борцов за Россию. И многие шли по этому зову на опаснейшую работу, шли, не возвращались – гибли на границах СССР, попадались в лапы чекистов. В то время из Берлина ушли Свистунов, Матвеев-Михельсон. Через Берлин проходили Захарченко-Шульц и другие⁹⁴.

До Рейхенгалля я работал, правда недолго, в кустарном складе графини Муслиной-Пушкиной, там несколько офицеров и дам раскрашивали коробки, шкатулки, вазочки и прочие сувениры. Зарабатывали немного, но жили с этого. В то время в Германии было трудно найти работу. Хотя я рисовал недурно, но краски мне не давались, и меня определили в канцелярию, где моим начальством был А.Е. Бибииков. За одним из столов сидел князь К.А. Ширинский-Шихматов, бухгалтером был молодой человек, каждый день приходивший в другом костюме, их у него было, по-видимому, семь, по дням недели. Мы на него косились, имея лишь один на все

случай жизни. Под управлением Бибикова было работать весело, характер у него был хороший и вообще он был обаятельный человек. После Рейхенгалля эта моя работа прекратилась.

Вскоре по приезду в Берлин Семчевский мне сообщил, что он привез от атамана Семенова деньги, которые должны быть истрачены на монархическую работу. По его мнению, эти деньги должны пойти на издание монархической литературы. Мы остановились на издании органа ВМС, и он мне предложил заняться этим изданием. Деньги были небольшие, а потому было решено выпускать еженедельный информационного характера журнал. Мы переговорили с Марковым 2-м, вскоре вышел первый номер под названием «Высший Монархический Совет. Еженедельник». Он состоял из передовой статьи, двух или одной статьи за подписью автора, сообщения с мест и организационной части, где сообщалось об открытии монархических объединений и других материалов.

Для меня эта работа была новой, да и особенных талантов литературных у меня и не было. Кроме немногочисленных статей, я главным образом был занят сбором материала, выпуском очередного номера «Еженедельника», рассылкой его подписчикам и растущим, как грибы, по всем местам русского рассеяния монархическим организациям. С ростом монархического движения я вскоре превратился в заведующего издательским отделом при ВМС и крепко связался с центром монархического движения.

Надо мною был поставлен князь А.А. Ширинский-Шихматов. Он изредка писал отточенные передовые статьи, без единого иностранного слова, требовал этого и в тексте нашего издания и был цензором «Еженедельника». В нашей речи употребляется много иностранных слов, Ширинский их тщательно заменял русскими, а, если это не удавалось, то перестраивал все предложение, сохраняя, конечно, смысл его. Это была для меня хорошая школа.

Передовые статьи Маркова 2-го касались главным образом идеологических вопросов или постановлений ВМС организационного характера. Они были яркие, били на внешний эффект и нравились читателю. Масленников, третий член ВМС, писал чаще. Его манера писать мне мало нравилась – он писал длинными фразами, длинноты были и в изложении мысли. Вообще он лучше говорил, чем писал. Его речи были искренние, мягкие, убедительные, доходчивые. Очень я любил статьи Н.Н. Чебышева. Его работы были исключительно содержательными, он не размазывал, и каждая фраза была законченной мыслью в развитии основной темы статьи. От этого его статьи были

коротки, выпуклы и убедительны. Я любил, когда он, принося статью, садился у меня побеседовать. Эти беседы меня многому научили. Относился он ко мне исключительно тепло, причиной этого была его встреча с моей матерью во время войны у общих знакомых. В 1915 году весной брат Василий лежал раненым в Петербурге⁹⁵, я лежал с сыпным тифом в Олите на Немане⁹⁶, а брат Юрий был убит⁹⁷. Хозяин дома в присутствии Николая Николаевича сказал моей матери, что ей надо выхлопотать отозвания одного из нас в тыл. На это мать наша ответила, что она всей душой этого бы желала, но никогда не будет об этом хлопотать – ей было бы стыдно этого добиваться⁹⁸. Свое отношение ко мне Чебышев доказал в деле МОЦРа. Своими прокурорскими глазами, видящими, как говорится, на три аршина под землю, он первый опознал в Якушеве провокатора, убедив в этом Тальберга, и помог ему расстроить мою поездку в Москву⁹⁹.

Верный и аккуратный сотрудник был барон Фелькерзам (член Государственной Думы). Каждую неделю он давал газетную сводку, умную и не требующую ни сокращения, ни переработки. Такие же сводки давал и С.С. Ольденбург, беря сведения из испанских, португальских и парижских газет. Отец Сергея Сергеевича – академик Ольденбург¹⁰⁰ остался в СССР и в свое время считался человеком левых убеждений, но наш Ольденбург был убежденным монархистом. Талантливый писатель, говорящий на нескольких языках, умный и глубоко порядочный, он был всем сердцем предан памяти покойного Государя Николая Александровича. В то время, кроме основной нашей задачи – поднятия монархического стяга, мы считали своей обязанностью окружить память о покойном Государе тем ореолом, которого Он заслужил своею мученической кончиной. Номер «Еженедельника» от 6 декабря 1921 года был полностью посвящен памяти Царя, на первой странице был помещен Его портрет. Я написал статью о впечатлении на фронте, произведенном принятием Императором командования армиями. Вскоре я выпустил серию «Царских портретов», собрав среди друзей деньги на это издание. Успех был исключительный, и я не только очень скоро отдал деньги друзьям, но у меня образовался «капитал», а потому, когда Ольденбург прочел свой доклад о Государе, я ему предложил издать на имеющиеся у меня деньги этот доклад в форме отдельной книжки. Этот материал вошел впоследствии в составленную Сергеем Сергеевичем историю царствования Императора Николая II¹⁰¹. Это издание и другие выпускались не от имени ВМС, а издательством «Стяг», основанным для этой цели. Ольденбург был болезненный,

щуплый на вид человек, но в нем горело золотое сердце, преданное нашему делу монархии. Вскоре, после выпуска истории царствования, он скончался в Париже, если не ошибаюсь, от чахотки¹⁰². Тогда изданная мною серия «Царских портретов» разошлась в количестве около сорока тысяч, причем требования на них приходили со всех концов земного шара, включая даже Аляску.

Мелкие статьи писал и П.А. Рогович, живший на квартире Воронцовых, его специальностью были масонство и еврейский вопрос, но этого наш «Еженедельник» не касался. Но когда «портфель редакции» был пуст, я отправлялся к Николаю Дмитриевичу Тальбергу, с которым я в это время близко сошелся: «Митрич, – говорил я ему, – пиши статьи для следующего номера». И статья появлялась. Написанные невероятно неразборчивым почерком листки передавались мне, и я их расшифровывал в полном смысле слова, перепечатывая на машинке и сдавая в набор. Тальберг стал с того времени близким мне другом, и дружба наша продолжалась до его смерти 29 мая 1967 года в Джорданвилльском монастыре в Северной Америке¹⁰³. Маленького роста и слабого сложения, он отличался исключительной силой духа и преданности идее монархии. Живя в монастыре, он посвятил себя писанию исторических книг о России и восстановлению правды о Русских Императорах, как и я, он был убежденным поклонником Императора Николая I. Интересно, что Н.Н. Чебышев, человек, которого нельзя было заподозрить в узости или партийности, сходился во мнениях с нами. Он считал, что царствование Николая I очистило Россию и от распушенности времен Великой Екатерины и от масоно-мистических бредней и настроений Александра I. Как-то, сидя у меня в канцелярии, мы заговорили о Пушкине. «Знаете, Александр Сергеевич, – сказал он мне, – мое глубокое убеждение, что не будь Императора Николая Павловича, не было бы у нас и Пушкина, того Пушкина, перед талантом которого преклоняется вся Россия. «Таврилада»¹⁰⁴ многими приписывалась Пушкину, может, это и ложь, но убеждение его современников в том, что он автор этого богохульного и безвкусного сочинения, доказывает, что его считали способным на такую мерзость. Николай Павлович обошелся с ним по-отечески, угадав в нем талант. Своим обаянием он покорила себе Пушкина и уже с уверенностью передал умирающему поэту свою волю, чтобы он умирал бы христианином». Роль Тальберга в истории моей неудавшейся поездки в Москву доказывает, насколько он был проникнут искренними чувствами дружбы ко мне и насколько он готов был принять многие неприятности во имя этой дружбы.

Верным и ценным сотрудником «Еженедельника» был А.Н. Мясоедов, бывший советник Русского посольства в Риме и член Съезда в Рейхенгалле. Его корреспонденции из Италии, которая в то время переживала развитие фашизма, были исключительно интересные и поучительны для желающих обосновать свое отрицательное отношение не только к большевизму, но и ко всяким демократиям. Когда со Съезда посылалось приветствие Государыне Императрице Марии Федоровне, то Мясоедов взял на себя труд написать этот акт*.

Был целый ряд случайных сотрудников, как, например Кузьмин-Караваев, ставший впоследствии католическим священником. Он писал красочно, но с ним надо было быть осторожным. Раз я с ним «влип». В прекрасной статье, касаясь роли будущей Императрицы Екатерины I, он ее окрестил «походной женкой» Петра I. Я как-то, вероятно, при спешности, не сообразил неуместность такой клички по отношению к будущей Императрице Всероссийской. Пришел Чебышев: «Александр Сергеевич! Что вы делаете! Российскую Императрицу называете «походной женкой» в передовой статье от Высшего Монархического Совета. Это ведь позор!» Я был смущен донельзя, краснел, пыхтел, но делать было нечего: «Писаного пером не вырубить топором».

Много места в «Еженедельнике» занимала официальная часть. По постановлению Съезда по всему российскому рассеянию создавались монархические объединения, союзы инвалидов, офицеров. Особенно много их было в Югославии, где энергичный П.В. Скаржинский серьезно принялся за дело и о рождении таковых сообщал в Берлин, а канцелярия ВМС сообщения Скаржинского [передавала] в редакцию «Еженедельника». Труднее обстояло дело со сведениями из пограничных с СССР вновь, после окончания войны, возникшими государствами. Там царил строгая цензура, и наши монархические ячейки боялись проявлять себя, описывая свою монархическую работу. Я как-то пожаловался на это Е.А. Ефимовскому, тоже сотруднику «Еженедельника». «Видно, вы не старый жур-

---

* Как известно, Высочайшим Особам не полагалось писать на машинке. При этом он рассказал, что Министерство иностранных дел лишь сравнительно недавно начало свои официальные акты писать на пишущей машинке, а что раньше все писалось от руки. Поэтому чины министерства, имеющие каллиграфический почерк, особенно ценились. Одним из таких был Мясоедов (*примеч. А.С. Гершельмана*).

налист, Александр Сергеевич», – ответил он мне. – Сейчас у вас будут сведения с мест». Он сел за стол и через несколько минут у меня на столе лежали «сообщения с мест». С границы сообщалось о недовольстве крестьян по ту сторону. Было восстание в одной из деревень, жестоко подавленное красными, через границу бежали зачинщики. Я смеялся, а Ефимовский меня уверял, что сообщение, им сочиненное, так близко к правде, что нет греха его поместить в нашем органе.

Были и писатели, что соглашались писать лишь, если им будет предоставлено место по их размаху, а размах был велик, хотя писатель был малоизвестный. В моей же канцелярии познакомился я и с генералом П.Н. Красновым. Он через нас выпустил два своих обращения к донским казакам, полных преданности Царской России. В то время все зачитывались его только что появившейся книгой «От двуглавого орла к красному знамени»¹⁰⁵. Мир праху этому талантливому и верному России генералу, выданному англичанами советам и повешенному в Москве на Красной площади от руки советских палачей.

Одна из моих статей «Армия и Политика» вызвала инцидент. В ней я подверг критике лозунг «Армия вне политики», утверждая, что если политиканство недопустимо в рядах Армии, то осведомленность офицерского состава в политических вопросах совершенно необходима. Только полная безграмотность в политических вопросах могла объяснить просьбу высших командиров Армии об отречении, обращенную к Императору¹⁰⁶. Участие всех их в заговоре, нити которого сходились у Гучкова, было очевидно, он их объезжал и намечал план переворота. Из книги генерала Данилова, посвященной Великому Князю Николаю Николаевичу¹⁰⁷, из воспоминаний Кефели¹⁰⁸ и других картина становится ясной. Помню, как мне после революции позвонил один знакомый и заявил: «Поздравляю, теперь война выиграна!» На что я ему ответил: «Поздравляю – война проиграна!» Отчего это мне было ясно, что отречение Государя равнялось развалу Армии, развалу всего Государства Российского? Отчего это не понимали генералы? Или по безграмотности, или по предательству. Сколько погибло офицеров, отправившихся на регистрацию в Красную армию, веря по безграмотности, что они могут спасти этим свою Родину, и были расстреляны, как только нужда в них пропала. Вот эту безграмотность я и осуждал в своей статье. ВМС одобрил мою статью, но у меня неожиданно оказался оппонент в лице бывшего военного министра генерала Сухомлинова. Придя к моему тестю А.А. Мосолову,

он мне передал свою рукопись статьи, в которой он разбивал мои положения и доказывал недопустимость введения в Армию политики. Хотя я не сдался, но мне, 28-летнему офицеру, трудно было спорить с бывшим военным министром. На основании моего рассказа Марков 2-й решил собрать заседание из близких к нам офицеров и предложить их обсуждению затронутый мною вопрос.

Статья моя была прочтена, начались прения, большинство высказались в мою пользу. Генерал Бискупский при этом высказал оригинальную мысль: «Политика в Армии нужна, ее надо проводить в Армии, но об этом не надо говорить громко». В эти годы создавался РОВС¹⁰⁹, в одном из приказов по этой организации был высказан лозунг «Политика офицера – это приказ начальника»¹¹⁰. Многие офицеры-монархисты не могли с этим согласиться. ВМС же, опирающийся во многом на этих офицеров, открыто порицал такую постановку дела. К этому времени в Берлин приезжал генерал Лампе и стал проводить точку зрения РОВСа, соблюдая полную корректность, но эти две точки зрения начали борьбу между собою. Нас, офицеров-монархистов, возглавлял генерал Арсеньев, полковник Бибииков и другие. В Берлине жил генерал Рауш фон Траубенберг, который взял на себя работу по лагерям, образовавшимся из бывших в плену офицеров и солдат, а также из целых частей Красной армии, перешедших во время Польско-советской войны границу Восточной Пруссии и не пожелавших вернуться на «Родину». Меня послали в один из лагерей для ознакомления с настроениями людей и возможности вести среди них нашу монархическую пропаганду. Почва оказалась благоприятной, мой доклад об этом был положен в основу работы, которую под руководством генерала Рауша вел А.А. Баумгартен (кирасир Его Величества, выпуск Пажеского корпуса 1909 г.). Между прочим, меня как-то к себе вызвал А.П. Родзянко, командир нашей Северо-Западной Армии, у него сидел Лампе. Родзянко хотел, чтобы мы друг с другом сговорились по мною описанному вопросу. Конечно, это «заседание» кончилось ничем. Как представитель генерала Врангеля, Лампе не мог сойти с точки зрения РОВСа, я же упорно проводил свою точку зрения.

Съезд в Берлине русских эмигрантов продолжался. Приехал и писатель, донской казак Иван Родионов, взволновавший в 1908 году русскую общественность своей книжкой «Наше преступление»¹¹¹. Описывая в ней быт русского крестьянства, пьянство и грубость нравов, он обвинял в этом явлении русскую интеллигенцию, бросившую деревню на произвол судьбы. После Белой борьбы он

написал книгу «Жертвы вечерние»¹¹², дав в ней правдивую картину зверств, дикости и ужасов, сопровождавших Гражданскую войну на Дону. Он начал часто заходить и преподнес мне свою новую книгу с посвящением. На этих двух книгах он себя исчерпал, и на мои предложения написать что-нибудь для «Еженедельника» он всегда отвечал: «Писать я могу только что-нибудь большое, огромное даже, а на малое я не способен». У меня сложилось впечатление, что он был способен описывать, притом ярко и талантливо лишь то, чему он был свидетелем, писательская же фантазия у него отсутствовала. Говорил он как-то в повышенном тоне, всегда с увлечением и преувеличением. Помню его рассказ о двух взводных казаках нашей 6-й Донской Его Величества батарее. Взводный 1-го взвода был белый, 3-го – большевик. Оба имели свои отряды. Они как-то встретились, готовясь атаковать друг друга, но до этого съехались на кургане и долго о чем-то говорили. Наметом они вернулись к своим отрядам и атаковали друг друга. Белые казаки взяли верх и перерубили красных. В передаче Родионова эта встреча принимала характер какого-то средневекового поединка, рыцарской стычки, взводные походили на рыцарей или богатырей. «О чем говорили между собою эти два казака, – закончил свой рассказ Родионов, – никто никогда не узнал». Мои уговоры «размахнуться» для «Еженедельника» не дали результатов, рамки для него были слишком узкими.

В одном из номеров, выпускаемых в особые дни или на Рождество и Пасху, я поместил свой фантастический рассказ «Царский удел». В нем я переносил столицу из Петербурга в излучину Волги, населял ее мыслителями – советниками Царя, запрещал в новой столице постройку фабрик. В тиши и спокойствии государственные люди помогали Императору вести страну Российскую к благоденствию и процветанию.

Мне повезло в смысле сотрудников. Одно время мне помогала отправлять «Еженедельник» княжна Мария Николаевна Крапоткина, а потом барон Владимир Иванович Велию. Несмотря на большую разницу лет (он был выпуска 1896 года Пажеского корпуса) нас с ним связывала большая дружба, твердые монархические убеждения и общность взглядов на обязанности офицера как в строю, так и в эмиграции. Все время эмиграции мы с ним оставались в переписке, до самой его смерти в США.

Не могу не вспомнить о генерале Глобычеве, который как убежденный монархист считал своей обязанностью сотрудничество в «Еженедельнике». Он давал сводки из газет, сведения, полученные

им от своих подопечных инвалидов, председателем Союза которых он был в Германии¹¹³. Рукописи его отличались малой разборчивостью, но сведения были всегда точны и правдивы. Впоследствии, уже после присоединения Австрии к Германии, он меня привлек к работе по инвалидному делу, и благодаря нему я до сих пор работаю на пользу раненых военных. Сначала я отговаривался легкостью моей раны, на что он мне отвечал, что и легкораненые нужны в Союзе инвалидов. «Есть теория, – говорил он, – что лишь тяжелораненые имеют право работать и председательствовать в наших Союзах. Это чепуха. Если идти по этому пути, то председателем должен быть человек, потерявший голову», – заканчивал он, смеясь, свое поучение.

Для привлечения и сближения проживающих в Берлине бывших русских общественных деятелей на Лютцовштрассе устраивались регулярно особые совещания, на которых предполагался обсуждению собравшихся какой-нибудь очередной или животрепещущий вопрос. Он обсуждался, и вынесенное постановление объединяло мнение русской монархической общественности в Берлине. Собирались и бывшие сенаторы и члены Государственной Совета и Государственной Думы, и бывшие министры, генералы, губернаторы, литераторы... Мне часто приходилось присутствовать на этих собраниях для составления отчета, который помещался в «Еженедельнике».

Приезды кого-нибудь из видных монархистов из Парижа, Югославии, Праги, Мюнхена и других стран также влекли за собою совещания и отмечались в «Еженедельнике».

Помню, приехал из Парижа архиепископ Евлогий. Он считался незыблемым монархистом, скалой русскости и стойким хранителем основ Православия. В ожидании прихода князя Ширинаского-Шихматова он беседовал в приемной с Тальбергом и со мною. «Трудно мне в Париже, – говорил он, – там собралась колония другая, чем здесь. Много богатейших людей, желающих играть роль и направлять судьбы Церкви. Но самое страшное то, что среди них много масонов: они предлагают мне деньги, открытие богословских курсов, любые связи. Вы понимаете, как мне трудно, когда скажем, Кривошеин со мною говорит, предлагает заманчивые перспективы, а я знаю, кто за ним кроется. Но я твердыня!» Через несколько лет «твердыня» сдалась, и Евлогий нанес первый удар нашей Церкви за границей, первым расколом мы ему обязаны¹¹⁴.

Раз я присутствовал при редком закрытом совещании. На нем были, кроме Маркова 2-го и князя Ширинаского-Шихматова, Тальберг, барон Велио и я. Пришел русский еврей (фамилию его я не

помню), сказал, что он представляет группу евреев-монархистов, и попросил, чтобы как само заседание, так и сущность переговоров остались тайной. Конечно, все ему это обещали. Повторяю, что, по его словам, он представлял значительную группу русских евреев, которые в случае переворота в России хотели бы видеть ее возрождение лишь под скипетром законного Царя из Дома Романовых. При этом, кроме идеологических убеждений, эта группа считает, что лишь царская власть оградит еврейское население западных губерний Империи от погромов и преследований. Он знает, насколько были преувеличены международной прессой погромы в Белостоке, Кишиневе и Киеве, и не отрицает известную вину в этих событиях еврейской молодежи. Но царское правительство принимало все меры для прекращения этих погромов. Не то можно было наблюдать после революции, когда Петлюра и целый ряд красных «атаманов» сотнями и тысячами уничтожали еврейское население¹¹⁵. Это будет всегда происходить, если не будет налицо царского городского. Доклад еврея-монархиста был нами встречен с большим вниманием и удовлетворением. Как я уже упоминал, орган Гессена «Руль» с нетерпением ожидал, что в Рейхенгалле еврейский вопрос будет «зубрами» включен в программу Съезда, и был разочарован, когда этот вопрос вообще не обсуждался, как впрочем, ни один вопрос, касающийся меньшинств, проживающих в границах Российской Империи.

* * *

После возвращения из Баварии в Берлине начался ряд докладов, касающихся не только Съезда и его постановлений, но и чисто идеологических и организационных. Эти доклады происходили в залах аэроклуба, расположенного на берегу Абвереканала, недалеко от канцелярии ВМС. Особой торжественностью отличалось собрание 14 сентября Дня Воздвижения Животворящего Креста, объявленного праздником Монархического Движения. Отделам во всех странах было предписано отмечать этот день собраниями. Зал был переполнен – монархическое движение росло и распространялось, как лесной пожар. Необходимость поддерживать порядок на этих собраниях вызвало создание небольшой группы офицеров, главным образом членов «Союза верных», созданного Марковым 2-м. Как близко связанному с ВМС мне было поручено руководство этой группой. Так, например, в случае «Лже-Анастасии»¹¹⁶ эта

группа охраняла больницу, в которой она была обнаружена. Марков хотел придать ей характер дисциплинированной организации и руководить ею приказами. У меня сохранился оригинал такого приказа:

«Приказ (по Германии). Ввиду поступающих сведений о том, что враждебные монархическому делу организации принимают усиленные меры для завербования в свои провокаторски-террористические отряды отдельных неуравновешенных и не разбирающихся в политических вопросах русских монархистов, сим предупреждаем, что всякий член монархической организации, дерзнувший вступить в террористическую организацию, как бы она ни называлась и какие бы она цели ни преследовала, явится не только тяжким нарушителем данных им обещаний и долга повиновения, но и сознательным виновником тяжелых и чрезвычайно вредных последствий, каковы, несомненно, произойдут для нашего святого дела при всяком акте террора, произведенном на территории гостеприимно приютившей всех русских Германии. Посему объявляется к безусловному исполнению, что учинение актов террора на территории Германии строжайше запрещается. Нарушители сего запрещения понесут соответствующую их преступлению кару. Приказ этот надлежит секретному распространению среди членов русских монархических организаций. Н. Марков 2-й. День Св. Петра и Павла, 29 Июня 1922 года, Берлин».

Лето 1922 года было в Берлине тревожным. Правые поднимали головы. Подготовлялось выдвижение Гинденбурга, немецкого народного вождя, на котором можно было ожидать собрать большинство голосов на пост президента. Но эта подготовка встречала сопротивление левых, кроме того, в Берлине начали происходить собрания и митинги национал-социалистов, которые после успехов в Мюнхене начали перебрасывать свою деятельность в другие города Германии¹¹⁷. Проявления этих правых течений в Германии невольно заражали и нашу молодежь. Марков боялся, что наши люди будут вовлечены в эту работу. Говорили, что правые немцы хотят добиться своего насильем. Многие русские из Берлина начали перекочевывать в Мюнхен и на Рейн, тогда еще не оккупированный войсками победителей, французов и англичан.

Приходится сознаться, что в эту группу нашей молодежи входили главным образом «головорезы», не израсходовавшие свой порыв в Белом Движении. Бывали случаи, что наша команда, не стесняясь, снимала с кафедры нежелательных нам ораторов во время

монархических собраний. Но этого нам было мало, и мы решили расширить свою деятельность срывами нам враждебных левых собраний. Случай скоро представился. «Руль» объявлял о докладе члена министерства Керенского министра земледелия Черноva. Нас было немного, но мы расселись кучками по залу. Сначала все было тихо, но вот Чернов сообщил, что ему пришлось бежать от преследований большевистской Чека, и тут послышался голос Александра Андреевского: «Тоже в юбке сестры милосердия, как Керенский», – выкрик этот сопровождался не особенно лестными эпитетами¹¹⁸. В зале послышался хохот, крики, ругань и топанье ногами. Далее Чернову уже не удалось говорить. Все попытки продолжать доклад встречались криками «Долой, вон, не хотим слушать, изменник...» Наконец огорошенный Чернов склонился головой на пюпитр и, чуть не рыдая, спешно ушел. Мы торжествовали – доклад был сорван. Попытки нас усмирить не удались. Стоя на стульях, мы кричали, ругались, грозили избить докладчика. Собрание было спешно закрыто. У нас оказалось сверх ожидания в зале много сторонников. К нашей группе подсел какой-то обезьяньего вида субъект с явной целью нас утратить, нам сказали, что это член социалистической группы, находящейся в роли вышибалы.

Вскоре мы узнали, что в Берлин прибывает Милюков и собирается прочесть три доклада. Приезжал он, по нашим сведениям, по приглашению «Руля» Гессена. Упустить такой случай мы, конечно, не могли: решили первый его доклад использовать для разведки, а на втором «набить ему морду». За это взялся Носович, незадолго разбивший зеркальные стекла во вновь открытом книжном магазине советов на Курфюстенштрассе. На разведку пошли Унковский и я. Входили мы, как всегда, без билета, говоря, что наши билеты у нашего друга в зале – не платить же наши деньги левым предателям! Доклад был длинный и скучный, в середине его мы пошли на разведку путей, как бы добраться до кафедры по боковому коридору, минуя залу. Вернувшись, мы увидели, что недалеко за наше отсутствие сидел «обезьяноподобный» знакомый по докладу Черноva. Доклад кончился, и Милюков предложил присутствующим подавать ему письменные вопросы. В этот момент из второго ряда поднялся Таборицкий и рядом с ним Шабельский-Борк. Направив револьвер на Милюкова, Таборицкий дал два выстрела, Милюков упал на пол и за ним Набоков, сидевший за президиумским столом. Поднялась невероятная паника. Ломая в щепки стулья, публика бросилась к выходу, в несколько минут зала покрылась обломками

стульев. Мы быстро отошли в альков двери, наблюдая эту панику и разрушение. Шабельский вскочил на эстраду и кричал, что он мстит Милюкову за Императрицу¹¹⁹. В зале поднялся крик: «Полиция! Полиция! Монархисты стреляют! Спасайтесь!» Другие кричали: «Полиция! Закрывайте двери! Никого не выпускайте! Полиция!» У выходных дверей столпились люди, желающие удрать от всяких неожиданностей. «Нам пора смываться, – шепнул я Унковскому, – видел “обезьяноподобного”, он нас знает». Мы быстрыми шагами пошли к выходу. «Приказано никого не выпускать», – заявили нам молодые люди у входа. «Послано за полицией? – спросили мы. «Да». «Ну и отлично, – с апломбом заявили мы, – мы идем за врачом и санитарной каретой. Там раненые, а может быть, и умирающие лежат без медицинской помощи». Нас пропустили, и мы быстро дошли до угла, а там чуть ли не бегом помчались на Лютцовштрассе.

Там застали Маркова, Тальберга и Воронцовых с Андреевскими за вечерним чаем. «Милюков и Набоков убиты, – заявили мы, – стреляли Шабельский-Борк и Таборицкий». Нам не поверили, пришлось подробно рассказывать об увиденном нами, почему мы были на докладе и как мы выбрались оттуда. Николай Евгеньевич заволновался. Если там кричали, что «монархисты стреляют», то была вероятность, что полиция постарается добиться более точных сведений в Русском Монархическом Центре, а потому можно ожидать обыска. Здесь в канцелярии хранится архив монархической нашей работы, его надо уберечь от обыска. Срочно его роздали присутствующим, и мы быстро разошлись по домам.

Обыска никакого не было. Таборицкого и Шабельского приговорили к 15 годам заключения, но срок этот был сокращен впоследствии на 10 лет. Как известно, убитым оказался лишь Набоков. Милюков не был даже ранен, как он говорил корреспондентам, он знал, как поступать при перестрелке – немедленно бросаться на пол, что он и сделал и тем избег и ранения и смерти.

Очень интересен был доклад Павлова, который был известен под кличкой «Дворянина-Павлова»¹²⁰, еще до войны и революции он часто выступал с докладами и статьями по вопросам землеустройства. Для меня его доклад был и новым и интересным. В нем он излагал свой план снабжения деревни необходимыми для обрабатывания земли машинами. Эти машины являлись собственностью общины и ими пользовались все крестьяне, живущие в данном селе. Многие возражали против плана «Дворянина-Павлова», говоря,

что это начало советских совхозов, но Павлов возражал, что его планом не нарушается право земледельца на владение его земельного участка, а только облегчает каждому обработку земли и поднимает культурный уровень этой обработки. В «Еженедельнике» был помещен отчет этого доклада и его содержание.

* * *

С развитием монархического движения круг моих обязанностей автоматически раздвигался. В двух моих очерках я касался моего участия в деле Лже-Анастасии и МОЦР. Пребывание в Финляндии и командование батареей в рядах Северо-Западной антикоммунистической Армии связывали меня с целым рядом лиц, проживающих в Выборге и Эстонии. Поэтому очень скоро на меня были возложены поддержание связи и переписка с нашими единомышленниками, проживающими в Эстонии и Финляндии. По постановлению Съезда было предположено следующее собрание монархистов – 2-й Монархический съезд – созвать в 1922 году в Париже.

Выступление Великого Князя Кирилла Владимировича и объявление им себя Блжстителем Российского Престола¹²¹ сильно осложняло работу монархического центра, так как очень большое количество, быть может, даже большинство, не желало признать Великого Князя из-за его выступления по время революции и его прибытия в Государственную Думу во главе Гвардейского Экипажа¹²².

Осторожно обойденный на 1-м Съезде вопрос остро стал перед монархистами, и его разрешение повелительно требовалось с мест нашими монархическими организациями. Там, где во главе целых областей стояли люди вроде П.В. Скаржинского (Югославия), вопрос о Великом Князе мог быть разрешен письменно, но были государства, в которых работа наших объединений не имела общего руководства. Такими были Эстония и Финляндия, вот отчего созрело решение послать меня туда для объезда этих объединений и для информации по волнующему всех вопросу. Для того чтобы мнение ВМС восторжествовало на Съезде, необходимо было иметь на нем большинство голосов, а потому было преступлено к мобилизации этих голосов.

При помощи М.О. фон Бреверн, сестры нашего вольноопределяющегося Павлуши Бреверна, мне удалось получить разрешение на въезд в Эстонию. Мой друг барон Р.А. Штакельберг достал мне визу в Финляндию, и я отправился в путь, получив от Тальберга

подробное изложение того, что мне надо «проповедовать» и чего добиваться в обеих странах.

Через Штетин¹²³ я на пароходе прибыл в Ревельскую гавань¹²⁴ и добрался до дома, где жил Колзаков, который меня пригласил остановиться у него. Колзаков был нашим офицером и командовал во время войны 5-й нашей батареей (женат был на Дедюлиной). После договора Гитлера с большевиками и занятия последними Эстонии Колзаков был немедленно арестован и увезен куда-то, также и офицер Семеновского полка Энгельгардт, работавший с Кутеповым по разведке и связи с нашими людьми в Совдепии¹²⁵.

Первый мой визит по приезде в Ревель был к Энгельгардту, к которому у меня была устная передача от наших людей.

Ревель, город, где я родился, меня встретил холодной погодой, в городе была грязь, вне него лежал снег. Программа моей работы сложилась следующим образом: совещание членов нашего монархического объединения на квартире Колзакова, объезд наших ячеек в провинции: в Юрьеве, Нарве и на сланцевых разработках¹²⁶. В Ревеле же мне надо было познакомиться с Артамоновым, он вел самостоятельную конспиративную работу и был связан с нами через Кирилла Ширинского-Шихматова, в дальнейшем через него с нами связался Якушев по линии провокации МОЦР. До заседания у Колзакова я посетил генерала Горбатовского, который меня информировал о настроениях членов объединения.

Собрание монархистов прошло гладко. Я сделал свой доклад, изложил точку зрения ВМС и значение предстоящего съезда. Расхождений во мнениях особых не было. Горбатовский был в курсе дел через Маркова 2-го, другой член объединения, Засядко, был в переписке с А.Ф. Треповым, его товарищем по Пажескому корпусу. Другие присоединились к их мнению и одобрили мой доклад. Мое посещение Артамонова продлилось до поздней ночи. Мне надо было точно выяснить настроение его сотрудников и их возможности в смысле работы за границей. Меня несколько удивила их твердая уверенность в возможности найти в Совдепии наших организованных единомышленников, на которых можно было опереться в случае надобности.

Оставалась провинция. Когда я сел в поезд, первое, что меня поразило, – это знакомая обстановка в вагоне – широкие коридоры, просторные диваны в отделениях, было чувство, будто едешь в России. Не удивительно, все вагоны были русские и пути русской широкой колеи.

Первая моя остановка была на сланцевых разработках, где работало много русских, главным образом бывших чинов Северо-Западной Армии. Плиты сланца были пропитаны бензином высшего качества. Население его употребляло для топки печей, но теперь из сланца вырабатывался бензин особенного ценнейшего качества. На станции меня встретил председатель нашей монархической ячейки, офицер нашей Армии. Ячейка состояла из бывших бойцов Армии, а потому мне с ними было очень легко говорить. Все они смотрели на события и положение моими же глазами. Но сейчас я был для них не только своим человеком, но и источником сведений из «центра» (как они говорили) – человеком, знающим много вещей, о которых писать было нельзя (цензура). Могущего передать в «центр» целый ряд пожеланий с мест, сказать, когда начнется «интервенция» наших бывших союзников, передать, каковы настроения в Европе. Все они верили, что Европа не может долго терпеть гнойный нарыв большевизма на своем теле. И тогда они смогут снова вступить в ряды русских борцов за освобождение нашей Родины.

После моего доклада, ужина с водкой и богатой закуской, председатель мне сказал: «Мы не сидим здесь зря, не бездельничаем. Мы выработали и изложили в виде доклада ВМС нашу точку зрения на то, что происходит, и просим вас выслушать этот наш доклад и, если он вами будет одобрен, взять на себя труд провезти его в Берлин и доставить в собственные руки Николаю Евгеньевичу [Маркову]».

В объемистой записке, обоснованной на выдержках из Апокалипсиса, автор характеризовал переживаемое нами время и делал выводы на ожидаемое нами будущее. Под одобрительные кивки головами своих сотрудников председатель ударами ладони по столу подчеркивал особенно, по его мнению, важные места записки, ища и у меня поддержки. Автор доказывал, что если человечество не опомнится, его ожидает неминуемая гибель. К моему стыду, я все время боролся с усталостью и одолевавшим меня сном. Не отсутствие интереса к записке было тому причиной, а сильная усталость от напряженной работы за последние дни, недосыпание и дорога. Но я твердо держал себя в руках и мои друзья, я уверен, ничего не заметили.

На другой день я отправился в Нарву¹²⁷. Поезд пришел поздно вечером. Кое-как переночевав в ближайшей к станции гостинице, я с утра пошел отыскивать по имеющемуся у меня адресу председателя нашей ячейки в Нарве. Это был инженер, работающий в Нарве, человек интеллигентный и убежденный монархист. По местным условиям собирать членов ячейки в этом близком к границе городе

оказалось невозможным, местные власти могли обратить на это внимание. Пришлось после длительной беседы с председателем посетить на квартирах двух-трех его сотрудников. Таким образом, мне мой доклад и информацию пришлось повторить несколько раз и затем уже сделать в уме сводку настроений, пожеланий и возможностей. Через Нарву шли пути целого ряда разведок, этими же путями проходили и люди Кутепова. Предупрежденный об этом Энгельгардтом, я был очень осторожен и не касался этих вопросов. Близкой связи с Ревелем у Нарвы не было, и ожидать общности взгляда в смысле выбора представителя на съезд было невозможно.

Обошел город и, перейдя мост через реку Нарову, полюбовался массивными стенами древней русской крепости Ивангорода¹²⁸. Разделенные рекой смотрели друг на друга две культуры: готическая Нарвская крепость с ее высокими стрельчатými башнями¹²⁹ и русская, вросшая в землю твердыня Ивангород.

Из Нарвы я поехал в Юрьев¹³⁰, где я, после Северо-Западной Армии, лежал раненый в госпитале, помещавшемся в здании университета. В Юрьеве я должен был повидать Сиверса, работающего с нами и имевшего возможности переправлять нашу литературу через границу в Совдепию. Разговор с ним был короткий, чисто деловой. Установив с ним код, условившись о способе пересылки ему нашей литературы, мы с ним распростились, и я уехал в Ревель. Работать с [такими] людьми, как Сиверс, было легко.

Пароходом я пересек Финский залив, где радостно встретился с моим другом Руа Штакельбергом и его милой семьей. «Старики» мало изменились, зато дети за три года, что мы не виделись, сильно подросли. За свое пребывание в Гельсингфорсе¹³¹ я несколько раз побывал у этих милых друзей, и это было мое с ними последнее свидание.

Уже из Вены я писал Руа, прося его передать генералу барону Маннергейму мой ему долг – деньги, данные генералом для оплаты перехода моей матери через границу при ее бегстве из Петербурга в Финляндию. К сожалению, письмо на имя Штакельберга, в котором Маннергейм подтверждает получение этих денег, сгорело от американской бомбы во время последней войны, в нем Маннергейм в таких трогательных словах вспоминал о брате Василии, которого он знал по Японской войне и во время командования Уланским Его Величества полком.

Центром нашей работы в Финляндии был не Гельсингфорс, а Выборг и Карелия¹³², где трудами Трепова, Сахновского и Марко-

ва 2-го была создана в 1918 году первая монархическая организация¹³³. Через наших людей и монахов Валаамского монастыря нами была проложена связь с советской Карелией и далее до Москвы с Патриархом Тихоном. Энергичный и самоотверженный полковник Григорьев был нашим полномочным представителем в Сердоболе¹³⁴, где он жил, работая в лесорубке. С ним мне надлежало тесно связаться.

По приезде на, мне так хорошо знакомый, вокзал в Выборге я с чемоданом в руке пошел в мастерскую кожаных изделий, в которой работал в 1918 году Андрей Иванович Иевреинов. Вскоре после меня Иевреинов перебрался в Финляндию из Петербурга, где он работал в тайной офицерской организации и где был расстрелян красными его младший брат. Несмотря на это Андрей Иванович продолжал свою работу уже из Выборга и особенно интенсивно во время наступления Северо-Западной Армии на Петербург. Спокойный, умный и осторожный, он держал связь с Выборгским офицерским союзом. Мой первый визит был к нему, так как от него я мог получить точную оценку обстановки в Выборге, где с ним очень считались. По дороге в гостиницу мы с ним установили программу моего пребывания в Выборге, он же взялся предупредить нужных мне лиц о моем прибытии.

Но не успел я еще развязать свой чемодан, как в комнату постучали, и вошел человек восточного типа лица и представился: «Иоселиани». Этот грузин был женат на дочери крупного русского промышленника Нейшеллера, известного в Петербурге, у которого бывала даже Великая Княгиня Мария Павловна Старшая в его особняке на Каменоостровском. В Берлине мне поручили держать с Иоселиани связь, как человеком наших взглядов, богатым и готовым жертвовать на наше дело. Из-за этого я не смог отказать ему провести вечер в замке семьи его жены под Выборгом.

Дом-замок был построен в финском стиле. Внутри стены были расписаны финскими художниками, некоторые двери были заменены кожаными завесами, сшитыми из разноцветной узорчатой кожи. Один из братьев Нейшеллер был женат на смуглой, черноволосой женщине, лицо которой мне показалось знакомым. Ее ярко выраженный цыганский тип привел меня к мысли, что встречал я ее и был знаком по петербургскому хору цыган. Узнав, что моя жена – урожденная Мосолова, она воскликнула: «Да я вас знаю, не были ли вы у нас дома с Шурой Мосоловым, когда он приезжал однажды к нам». Тогда и я вспомнил. Зимой [19]14 года моя жена и ее сест-

ра Ирина уговорили Шуру Мосолова повести их в гости к цыганам Шишковым. Цыгане жили главным образом в Новой Деревне. Семья Шишковых жила в небольшом деревянном доме и состояла из матери и двух сестер, из которых младшая Маша чудесно пела. За ней ухаживал Шура Мосолов. В этой поездке должен был участвовать еще кто-нибудь. Позвонили мне, и я с радостью согласился участвовать в этой эскападе, которая должна была держаться в сугубой тайне. Этот вечер, проведенный в семье Шишковых, оставил у нас четырех самые милые и приятные воспоминания. И вот теперь после войны, революции в эмиграции я снова встретился со старой знакомой Машей Шишковой. Действительно мир мал!

Цыган и отчасти их быт (говорю о цыганах Новой Деревни¹³⁵, составлявших цыганский хор, выступавший в петербургских ресторанах) я узнал за три года до войны 1914 года, когда я начал бывать у них и слушать их пение по ресторанам. По традиции паж, старший и младший специальные классы вместе, вечером в день принесения присяги 14 сентября, собирались в частном доме в Новой Деревне, и туда приглашался цыганский хор. Младших пажей при этом предупреждали о том, что цыганки – не девицы легкого поведения, не кабацкие певички, а потому с ними надо соответственно обращаться.

Если кто-нибудь шумел во время пения и много выпил, его немедленно отправляли домой. Таким образом, это сборище становилось первым уроком, как нужно себя вести будущим офицерам в общественных местах. Цыганки во время таких вечеров вели себя безукоризненно, и вообще хор поражал своей дисциплинированностью и строгими нравами. В моем классе было несколько хороших голосов – Тимашев, Кокольцов, Панчулидзе и я, очень музыкальны были Путятин (на гитаре) и Стороженко (на рояле). Посещение цыган дало толчок к образованию небольшого хора, и уже в ближайшие дни мы пели модные тогда романсы «Мы вышли в сад», «Спи, моя печальная» и другие. «Мы вышли в сад» запевала Маша Шишкова. Несколько раз, дружной кампанией любителей цыганского пения, не имея возможности появляться в ресторанах, мы отправлялись на частные квартиры цыганок. Обе сестры Шишковы пели, их мать тоже басила в хоре, кроме хорошего голоса, Маша была и хороша собой. Мы считались у них в доме гостями, привозили закуску, цветы, сладости и немного вина, которое они почти не пили. Иногда старые цыганки намекали и на подарки, но никогда на деньги.

И вот через столько лет я встретил одну из сестер Шишковых в доме-замке Нейшеллера, женой одного из владельцев.

Через несколько лет из Выборга пришло ошеломившее нас всех известие о том, что Иоселиани уехал в Советский Союз. Со слов Иевреинова я впоследствии узнал, как это случилось. В советское консульство в Выборге приехал новый чиновник грузин, его где-то встретил Иоселиани, и они поужинали вместе. Иоселиани напился, и его земляк в совершенно пьяном виде повел по городу. Иоселиани оказался скомпрометированным. Все от него отвернулись, перестали подавать ему руку, и он оказался в положении затравленного зверя, воспользовавшись этим, его «земляк» уговорил его вернуться на «родину».

Проведя вечер и утро у Нейшеллера, я после обеда следующего дня вернулся в Выборг. Заседание монархического объединения не было особо интересным, приехавший из своего имения Салтыков имел достаточное осведомление из Парижа. Я мог только ближе ознакомить собравшихся с точкою зрения берлинских монархических деятелей.

После этого я снова встретился с Иевреиновым, который у нас в коде имел кличку «Тобольский». Андрей Иванович был один из немногих офицеров, смогших пробраться в Тобольск во время пребывания там Царской Семьи. Вдохновителем этой поездки был Туган-Барановский и Марков 2-й. Спасти Государя и Его Семью из Тобольска было, по моему мнению, невозможно. Лишь при помощи иностранной державы это бы, пожалуй, можно было достигнуть, но наши «союзники» этого не хотели. Хотя по всей России тогда намечались восстания белых, но, как известно, белые начали подходить к месту заключения Царя, к Екатеринбург, когда Царственные Мученики уже были убиты.

Положение в офицерском союзе, куда меня пригласил Андрей Иванович, было довольно сложным, члены его были разделены на, как тогда говорили, «кирилловцев» и «никалаевцев». Первые признавали права на Всероссийский Престол Великого Князя Кирилла Владимировича. Вторые не желали видеть его на Престоле и не только из-за его поведения во время революции, но вообще отрицали его права на Престол, как рожденного от еще не принявшей Православия матери. Как известно, Великая Княгиня Мария Павловна приняла нашу веру лишь после рождения своих детей. Спор этот разгорался, и многие верили, что Съезд в Париже сможет его разрешить. Объединенные в союзе офицеры были в подавляющем большинстве монархисты, но взгляды их на Великого Князя Кирилла Владимировича были различны. Кроме того, еще многие надеялись на возможность во-

возобновления активных действий против Совдепии, и в таком случае возглавление освободительного движения виделось в лице Великого Князя Николая Николаевича. Высший Монархический Совет старался благоразумно не обострять этот вопрос, и он шел по линии наименьшего сопротивления, то есть склонялся в случае возобновления активной борьбы в сторону Великого Князя Николая Николаевича.

В своем докладе я старался объяснить собравшимся, какой вред может причинить спор о правах Великого Князя Кирилла Владимировича и как еще мы далеки от того момента, когда этот вопрос станет актуальным. В общем, мои слова были одобрены, но я был все же далек от мысли, что мои слова помогут уладить спор и устранить расхождение в союзе.

Последние дни моего пребывания в Выборге были посвящены приехавшему из Сердоболя полковнику Григорьеву. Он был нашим вернейшим сотрудником в восточной Финляндии, где издавна, не смешиваясь с карелами, жили чисто русские крестьяне, купцы и промышленники. Григорьев вел свою работу, опираясь на эти элементы, но, и главным образом, на монастырь, расположенный на островах Валаам и Коневец. По преданию, Апостол Андрей Первозванный, проповедуя Евангелие Христа, дошел до этих островов и водрузил на одном из них крест. Слава Валаамского монастыря была древняя и всероссийская. Монастырь отличался строгостью своих правил и образцовым хозяйством. Преданность монахов Росийскому Престолу была всем известна. Через смелых рыбаков, пересекавших в бурные ночи Ладогу, монастырь был связан с монастырями Олонецкого края и далее с Патриархом Тихоном в Москве. Этой связью пользовалась наша Зарубежная Церковь, но и мы благодаря ей имели ответы на многие волновавшие нас церковные вопросы. Большевикам было выгодно доказывать, что эмигрантские церкви продолжают подчиняться Москве. При таком положении они могли делать Патриарха ответственным за деяния наших иерархов за границей, с другой стороны, они надеялись давлением на Патриарха заставить нашу Зарубежную Церковь прекратить призывы к борьбе с безбожной властью в России. Глава нашей Церкви за границей Владыка Антоний был известен как твердый и непреклонный монархист, чего он не скрывал, и в своих посланиях призывал русских людей к борьбе против большевиков¹³⁶. Но и ему надо было совершенно ясно знать точку зрения Патриарха Тихона на положение нашей Церкви вне России. Из всего этого ясно, как важна была для нас связь с Москвой. Патриарх совершенно ясно

высказал свою точку зрения: Зарубежная Церковь должна управляться самостоятельно и ни в коем случае не ссылаться в своих действиях на авторитет и указания Москвы, чем давала бы повод советскому правительству обвинять Патриарха в руководстве борьбы против советов из-за границы и через заграничных иерархов.

Григорьев, как я уже упоминал, работал на лесных разработках около Сердоболя, но все свое свободное время посвящал монархической пропаганде и нашим делам. Я с ним особенно близко сошелся в описываемую мною поездку, хотя я его и раньше знал по Выборгу и во времена Северо-Западной Армии. Прожив с ним несколько дней в весьма скромной выборгской гостинице, мы, работая до поздних часов, подробно разработали схему нашей работы как в Карелии, так и в местностях по всему побережью Ладожского озера. Конечно, в организацию этой работы был привлечен и Валаамский монастырь, а за ним и население православной Карелии, которое ненавидело коммунистов¹³⁷.

Кроме связи с Москвой, монастырь брался пересылать за озеро наши листовки, призывающие население бороться по возможности с коммунистами и поддерживать наших людей в случае необходимости, а в случае возобновления вооруженной борьбы присоединяться к нашим отрядам. Тогда еще все верили, что Европа недолго будет терпеть язву большевизма, и только со временем нам стало ясно, что заправилам международной политики коммунизм в России на руку. Пересылка листовок была задачей нелегкой. Повсюду существовала цензура, и отправка монархических воззваний почтовыми пакетами была вещь рискованная. Поэтому мы решили отправлять нашу литературу, пользуясь посылками старых газет, которые мы прокладывали нашими листками. Мы выработали с Григорьевым свой особый код, не похожий на другие, которыми мы пользовались с другими местами. В большинстве эти коды были довольно наивными, а потому в данном случае, когда в эту линию была втянута связь с Москвой, мы решили быть сугубо осторожными. К сожалению, я не смог лично проехать в Сердоболь и побывать в монастыре. Сердоболь маленький городок и все живущие там люди наперечет, за Григорьевым советские шпионы установили наблюдение, и мое появление могло вызвать осложнения, так как финны хотя и терпели его, но не хотели портить отношения с Советами. Через несколько лет Григорьев все же был выслан из Карелии и перебрался в Париж.

Я был очень огорчен невозможностью проехать в монастырь, тем более что монахи знали о моем приезде и хотели меня повидать.

Теперь Карелия и монастырь захвачены Советами, и монахи частью выселены на север Финляндии, частью доживают свой век на приходах нашей Зарубежной Церкви. Эти стойкие и жертвенные отшельники, полные желания служить Церкви и России, даже ту небольшую помощь, которую я мог им оказать, отметили трогательным письмом, которое я привожу ниже:

В.П.И.
Финляндской Епархии
Первоклассного
Спасо-Преображенского
Валаамского
Монастыря
Канцелярия.
1-го Октября 1924 года
№ 327
г. Сердоболь
Выборгской губернии в Финляндии

Канцелярия Обители свидетельствует, что в монастырских и скитских храмах на Валааме ежедневно возносятся молитвы о здравии и спасении Раба Божия АЛЕКСАНДРА.

Это молитвенное поминовение является выражением самых благожелательных чувств Валаамской Обители к Высокоуважаемому Александру Сергеевичу Гершельман[у] в его подвиге служения нашей Дорогой Родине, в годину постигших ее тягчайших испытаний.

Финляндского Монашеского Совета
Секретарь монах Иувиан

(Печать Валаамского монастыря: о. игумена.)

Недавно где-то читал, что Валаамский монастырь превращен советами в дом отдыха для большевистских чиновников. Кельи монахов, в которых столетия отшельники и иноки молились, сейчас заняты безбожниками, и в них раздается похабная песнь и происходит пьянство служителей дьявола¹³⁸.

Вспомнив Валаамский монастырь, невольно хочется поговорить о церковной работе, происходящей в Берлине, и о тех достижениях, которые нам удалось достигнуть в этой области.

Богослужения начались в церкви здания Российского посольства на Унтер ден Линден. Двери дома были закрыты, но двор и церковь были нам предоставлены. Каждое воскресенье и в большие церковные праздники на богослужения собиралась вся православная колония, а после во дворе оставались многие, чтобы поговорить со знакомыми и друзьями, обменяться мнениями по интересующим всех вопросам; там же сообщалось о предстоящих собраниях и раздавались повестки на доклады и совещания.

Церковь, таким образом, становилась одним из центров российской эмиграции. Офицерство, воспитанное в корпусах и училищах, было приучено к посещению церквей. Гонение на религию в Совдепии сильно подогрело веру у эмигрантов, поэтому нельзя удивляться, что церковь была всегда полна.

Но скоро наша колония лишилась этой церкви, так как все здание посольства было передано немецким правительством большевикам. Этим был сделан первый акт беззакония в пользу большевиков. Дом на Унтер ден Линден был в свое время куплен Императором Николаем I и являлся его собственностью. Император предоставил свое имущество для помещения в нем Российского посольства. Таким образом, законными владельцами этого дома были потомки Государя Николая I, а никак не городские власти города Берлина, незаконно распорядившиеся чужим имуществом*.

В дальнейшем богослужения совершались в нанимаемых залах и при школе на Находштрассе, пока, уже при правительстве Гитлера, русским эмигрантам не было дано место на Фербелинер плац и не дана субсидия для постройки собора.

Пример беззакония с домом на Унтер ден Линден заставил обратить особенное внимание на большое церковное имущество, находящееся в границах города Берлина. Я говорю о большом доме и обширном кладбище, расположенном в части города, называемой Тегель¹³⁹. В свое время покойный священник отец Мальцев купил этот земельный участок и создал для управления построенных на нем зданий, поддержания часовни и кладбища – Владимирское братство. Надо было закрепить за нами это имущество, на которое, конечно, уже пялили глаза Советы. Спешно мы начали записывать

---

* За годы эмиграции мы привыкли к произволу в политике: выдача эмигрантов и политических врагов Советам, передача в Палестине Израилем святых мест безбожным правителям СССР и другие факты (*примеч. А.С. Гершельмана*).

ся в члены братства, и образовавшееся юридическое лицо стало полноправным владельцем этого ценнейшего имущества. Поначалу кладбище в Тегеле было пустынно, но, когда в 1938 году я был в Берлине и посетил могилу моей сестры Лидии¹⁴⁰, длинные ряды могил друзей и знакомых уже заполняли его. В доме Тегеля впоследствии был создан приют для инвалидов и стариков.

Кроме того, по инициативе князя А.А. Ширинского-Шихматова в Берлине началась работа по поддержке Палестинского общества¹⁴¹. Владыка Анастасий был послан нашей Зарубежной Церковью в Святые места для управления русским имуществом в Палестине. Имущество было большое, и в довоенное время Россия денежно поддерживала как монастырь, так и дома для паломников. Теперь денежная помощь из захваченной безбожниками России прекратилась, и Палестинское общество, и монастыри должны были сами изыскивать средства для содержания Святых мест. Начали с того, что воссоздали Палестинское общество, которое потеряло многих своих членов, отрезанных от заграничной советской границы, поэтому Ширинский-Шихматов предложил многим из нас записываться в члены Палестинского общества и устраивать сборы для материальной поддержки палестинских монастырей и домов.

Начатая владыкой Анастасием работа и борьба за русское имущество в Палестине продолжается и по сей день. Наша Церковь в Палестине до сих пор ведет процесс, желая вернуть себе имущество, незаконно переданное Израилем Советам¹⁴².

* * *

2-й Монархический Съезд собрался в Париже в конце 1922 года. Я в нем участвовал как представитель монархических организаций Эстонии и Финляндии. На самом Съезде я помогал Александру Сергеевичу Римскому-Корсакову в его обязанностях секретаря Съезда. Состав Съезда сильно отличался от Рейхенгалля. Всем было ясно, что монархическое движение за рубежом стихийно разрасталось, и что большинство русских, покинувших Родину, хотя и продолжают свою борьбу под стягом Дома Романовых. Но выступление Великого Князя Кирилла Владимировича внесло споры и разделение в среде монархистов. Правда, Великий Князь объявил себя тогда еще лишь Блюстителем Престола, но всем было ясно, что этим он уже предьявляет свои права на коронование Императором Всероссийским. Выступление Великого Князя, с моей точки зре-

ния, было крупной ошибкой, оно разделило русское монархическое движение на два лагеря и раскололо его. А ведь оно было еще только создано и далеко еще не организовано.

В среде монархистов было много ценных и убежденных людей, не допускавших мысли видеть на Российском Престоле Великого Князя, прибывшего во главе Гвардейского Экипажа в Государственную Думу и этим признавшего революцию. Сколько бумаги было потрачено, чтобы доказать, что Великий Князь потерял свои права на наследие Престола, как рожденный от неправославной матери¹⁴³. Сколько людей ссорились и расходились в споре на эту тему. В то же время лишь в объединении монархистов движение могло дать плоды.

Денег у монархистов не было. Те средства, на которые был собран Съезд в Рейхенгалле, Парижский Съезд и велась работа в Берлине, быстро иссякли, несмотря на то, что они тратились чрезвычайно бережно. В эмиграции были еще богатые люди, но их богатство состояло из ценностей, вывезенных из России при бегстве. Постоянных источников дохода у большинства за границей не было. У монархистов не было московских купцов Морозовых, тративших миллионы на поддержание работы революционеров, не было и американских банков, субсидировавших русскую революцию. Эта истина была нами постигнута очень быстро.

Возрождения России никто не хотел, это было ясно. Наоборот, старую Россию боялся и ненавидел почти весь Запад, кроме небольших, незначительных государств. И недаром этот Запад подерживал большевиков всякий раз, когда власть их над Россией начинала шататься.

Мы, офицеры, прошедшие борьбу в Белых армиях, почувяли это на своих головах. А потому сила монархистов находилась в единении, сплоченности и в вере в свое правое дело. Выступление Великого Князя Кирилла Владимировича отвлекало наши силы от главных направлений и дробило их.

Сидевшие на Съезде за длинным поставленным буквою «П» столом иерархи, министры, сенаторы, генералы и офицеры были все верные слуги Престола. Многие участники Белого Движения, люди, знающие старую Россию и искренно убежденные в том, что возрождение России возможно лишь через Монархию.

Но того подъема, который замечался в Рейхенгалле, не было, за всеми речами чувствовалась какая-то тревога – как выйти из положения, созданного выступлением Великого Князя. В кулуарах съезда велась пропаганда сторонников того или другого направления. Меня

поймал генерал Риттих, бывший инспектор классов Пажеского корпуса, он ко мне благоволил. Помню, как он меня в Корпусе раз вызвал и отечески убеждал в том, что мне не надо увлекаться цыганами и много веселиться, а думать о том, что в следующем году в старшем специальном классе [будет] решаться вопрос о занятии той или другой должности – производстве в камер-пажи. Теперь он меня уговаривал подать свой голос за Великого Князя при голосовании вопроса о престолонаследии и очень был удивлен, что я выдвигал свои возражения, считая, что Высший Монархический Совет должен иметь в своей работе развязанные руки и этим самым руководить и влиять обоими образовавшимися течениями монархического движения.

После докладов с мест, изложения проектов о будущей работе монархических объединений и наказов ВМС, Съезд подошел к обсуждению главного вопроса – подчинение Великому Князю всех монархических сил и организаций. Очень осторожно и корректно ораторы высказались за и против этого, но в конце концов Съезд пришел к убеждению, что монархическое движение должно остаться в подчинении ВМС и что последний должен быть свободен в своих решениях и независимо руководить монархическими объединениями. Таким образом, вопрос о том, кто из Царственного Дома взойдет на Престол, остался открытым и отложенным до времени, когда он станет вполне реальным.

Дни, проведенные в Париже, промелькнули очень быстро. Утром и днем заседания, по вечерам мне приходилось помогать Римскому-Корсакову и заниматься составлением протоколов, которые я читал на другой день на собраниях. Но у меня в Париже было много друзей и товарищей, которых надо было повидать. Я посетил Сергея и Николая Горстких, брат которых Александр (мой дядя) недавно скоростижно скончался, едучи в поезде. От них же я узнал подробности о смерти моего друга Павлуши, сына дяди Горсткина. Павлуша бы убит во время атаки на красных в последние дни перед эвакуацией Крыма. Жаль этого милого храброго и верного моего друга.

Уютно я позавтракал с Иваном Мариновичем в маленьком ресторане около Мадлен. Я с ним под командой А.О. Гриппенберга заведовал молодыми солдатами во 2-й батарее. Сколько хороших воспоминаний у нас с ним было об этом чудном времени. Короткое пребывание в Париже не позволило мне перевидать всех друзей и знакомых, но все же провел прекрасный вечер у [имя неразборчиво, Нины?] Мейендорф, конечно, не обошлось в этот вечер без гитары и пения. Кое-кого повидал и в перерывах между заседаниями Съезда,

так как интерес к этому собранию был велик, и многие хотели узнать новости из первоисточника. Гостиница, где я остановился, была, конечно, не первоклассная, но очень типичная для Парижа: полутемная [комната] с одним окном в двор-колодец, красные обои, камин с зеркалом над ним и широкая полутораспальная кровать. В гостинице жил Милорадович, знаменитый своими странностями, анекдоты о нем продолжали веселить и парижскую колонию.

Возвратившись в Берлин, я снова принялся за свою работу при ВМС. Ее стало больше, так как на меня возложили переписку с Эстонией и Финляндией. Эта работа отнимала много времени и требовала серьезного к ней отношения.

Я уже упоминал о своих поездках по лагерям, в которых жили бывшие русские военнопленные офицеры и солдаты, не желающие возвращаться в Совдепию, или борцы с большевизмом в рядах Белых армий. Особенно интересна была поездка в лагерь, в котором жила группа полковника Пороховщикова, перешедшая границу Восточной Пруссии во время наступления советов на Польшу, закончившегося знаменитым «чудом на Висле»¹⁴⁴. Пороховщиков со своим полком сложил оружие, перейдя границу, и попросил убежища у германских властей. Его не выдали большевикам, как это сделали англичане с казаками в 1945 году (во главе с генералами Красновым и Шкуро)¹⁴⁵, а вывезли из Восточной Пруссии и поместили в один из пустующих бывших лагерей для военнопленных. Туда я ездил с одной писательницей (имя ее я забыл), которая недавно выехала из СССР и хотела поговорить с людьми Пороховщикова. Нас эта группа интересовала, так как в письме Пороховщикова намечалась возможность создать в лагере монархическую ячейку. Поездка увенчалась полным успехом.

Однажды мне пришлось съездить с Н.Е. Марковым в Висбаден, где образовалась крупная русская колония. В то время вся Рейнская область была еще оккупирована войсками государств Союзнической¹⁴⁶. Для въезда в Висбаден требовалось особое разрешение, на границе стояли чины оккупации, таможня наблюдалась тоже соответствующими чиновниками. Французы охотно принимали русских эмигрантов на второстепенные должности, как говоривших на языках. В связи с беспокойным настроением в Германии (см. письмо-приказ Маркова 2-го, приведенное мною выше) многие русские из Берлина начали переселяться в Мюнхен и в Рейнскую область. При проезде через границу нас, конечно, встретил один из русских служащих в таможене и облегчил все формальности. В Висбадене

в то время по настоянию А.А. Мосолова жила сестра жены Ирина с нашей дочерью и гостила моя жена. С этого времени начался отлив русских эмигрантов из Германии во Францию, Мосоловы переехали в Ниццу.

Висбаден еще до войны привлекал своей уютной жизнью и чудными окрестностями множество русских туристов. В городе было две русские церкви, одна в здании консульства, другая вне города на холме отличалась красотой своей архитектуры и богатым внутренним убранством¹⁴⁷. Она считалась достопримечательностью Висбадена и мзда, собиравшаяся с туристов всех национальностей, была одним из крупных доходов церковью. Ко времени нашего приезда в Висбаден город был полон русскими эмигрантами. Кроме целого ряда совещаний, предполагалось устройство открытого доклада Маркова 2-го и, после него, ужин по записи для чествования приехавшего председателя ВМС. Я не был очень занят и, исполнив некоторые поручения Николая Евгеньевича, имел еще достаточно времени, чтобы навещать друзей. Между прочим, я по поручению Маркова 2-го зашел к генералу Дубенскому, известному всему военному миру как издатель во время Японской и последней войны с Германией «Летописи» этих двух войн. Через короткое время уже и тогда больной и дряхлый генерал скончался, сбитый с ног велосипедистом при переходе улицы.

Доклад Николая Евгеньевича был чрезвычайно удачный. В этот раз он выступал уже не как председатель ВМС, а как монархический оратор, которого знала вся Россия по его выступлениям в Государственной Думе. Его речь была остроумна и хлестка. Он клеймил левых, в угоду Западу приведших Россию к пропасти революции, не пожалел и наших союзников, продавших Царя и сознательно отдавших Россию безбожной власти большевиков. Он требовал от эмиграции работы и борьбы с поработителями нашей Родины и предупреждал не рассчитывать на Запад, политика которого лишена идеалистических побуждений.

Слушая его, невольно вспоминал доклад профессора международного права барона М.А. Таубе на одном из монархических собраний в Берлине. Описав международное положение всего света, Таубе закончил свою речь утверждением: «С исчезновением Императорской России в международной политике исчезла и нравственность». Сколько раз за эти годы пришлось мне вспоминать слова Таубе.

После доклада состоялось чествование Маркова во время ужина. Я сидел рядом с моим другом В.И. Велио, семья которого уже

перебралась из Берлина в Висбаден. После смерти жены Велио уехал в Бельгию, где я его увидел в последний раз в 1938 году при поездке на мотоциклетную выставку в Брюссель.

Настроение во время ужина было весьма поднятое, многим хотелось высказаться, открыто подтвердить свою преданность монархизму, и настроение, создавшееся под влиянием доклада Маркова 2-го, было прекрасное.

В своем очерке «МОЦР»¹⁴⁸ я коснулся подпольной работы, которая велась людьми, возглавляемыми генералом Кутеповым, и тех агентов, которые высылались чекистами из СССР для подрыва нашей работы и уничтожения наших вождей. Агент ЧК Якушев был не единственным лицом, работающим по указаниям Москвы с целью внести рознь в рядах эмиграции или по разложению нашей Зарубежной Церкви. Как известно, Якушев был расстрелян своими друзьями-чекистами¹⁴⁹, после того, как он стал им не нужен. Та же участь постигла его брата Сергея¹⁵⁰, морского офицера, по приглашению брата уехавшего из Бизерты в Москву и получившего там, по началу, прибыльное место. Одновременно с братом он исчезает в застенках ЧК, жена его вовремя успела смыться из Москвы, о чем она рассказала случайно встретившемуся знакомому в одном из городов Черноморского побережья. Братья Якушевы заплатились жизнью за измену России и подлую провокацию, они были не первые и не последние, верно служившие Советам и уничтоженные Чекой, когда они стали ненужными.

Из целого ряда обличенных агентов Чека особенно хорошо помню некоего по фамилии Крошко (такова ли была его настоящая фамилия я, конечно, утверждать не могу). Он появился в нашей канцелярии и захотел говорить с Тальбергом, последний «сплавил» его мне. Это был молодой человек лет 20, окончивший, по его словам, 3-ю Императора Александра III гимназию, известную в Киеве своими верноподданными убеждениями. Еще мальчишкой он оказался втянутым в работу «белой» контрразведки, где присутствовал при пытках допрашиваемых и активно в них участвовал. Такая практика не могла не отразиться на нем, когда он мне повествовал о приемах пыток, у него глаза как-то странно блистали и жилы на шее надувались, было страшно, что у него может сделаться припадок падучей или истерика. Он откровенно говорил, что познакомился в Берлине с агентами советской разведки, которые дали ему поручение внедриться в среду белогвардейцев. По своим убеждениям он, якобы, ярый антикоммунист и антисемит, а потому предлагает нам свои услуги для

вскрытия работы Советов. Для успеха его работы он просил дать ему какие-нибудь не важные доказательства его близости с нами: записку со штемпелем, образчик листовки нашей и тому подобное.

Когда Тальберг спрашивал меня: «Ну, что твоя “Крошка”?» (а был Крошко очень высокого роста и весьма крепкого сложения), я ругался и отвечал: «Эта сволочь твой протезе и гони его в шею!» Потом через несколько лет Крошко был в Берлине обличен советским агентом. По моему мнению, он не был ни белым, ни красным, а просто развращенный работой в подвалах контрразведки мальчишка, который решил зарабатывать хлеб подлой работой в двух лагерях сразу. Привожу этот пример лишь для того, чтобы осветить, с каким элементом приходилось встречаться при работе в Берлине.

Наравне с этим мне приходилось соприкасаться с героями нашего Белого Дела, которые по указанию генерала Кутепова шли в Москву, устраивали террористические нападения на советские учреждения и гибнувшие со словами «За Царя, за Россию!» Так погибли близко мне знакомый Свистунов и Матвеев.

Эти почти четыре года моей работы при Высшем Монархическом Совете были, думаю, самыми интересными за всю мою эмиграцию. В дальнейшем я продолжал по мере сил и возможностей свою антикоммунистическую работу, но такой интенсивной и разнообразной она никогда уже не была. За эти годы я полностью воспринял нашу монархическую идеологию. Как я всегда говорю, в Москве еще мальчиком на «собственной шкуре» в постоянном страхе за жизнь отца¹⁵¹ я революцию постигал, если можно так сказать, физически, чутьем, теперь я понял всю ее подоплеку, и мне открылись цели и способы, которыми она проводилась во всемирном масштабе материалистами.

До конца жизни мне остались дороги люди, которых я тогда встречал, с которыми работал, думающие так же, как я. У меня закрепилось чувство обязанности для каждого по мере сил бороться со злейшим нашим врагом коммунизмом. Оно привлекло меня к Церкви и укрепило уверенность, что только верою и твердостью убеждений можно победить безбожие и порожденные им падение нравов и материализм.

В середине 1924 года средства ВМС начали явно иссякать. Ширинский-Шихматов приходил ко мне перед выпуском очередного номера «Еженедельника» и говорил: «Ну, Александр Сергеевич, по-видимому, это наш с вами последний номер нашего органа. Жаль, но ничего не поделаешь, денег больше нет!» И действительно

но, выпуск «Еженедельника» прекратился. Из большой квартиры на Лютцовштрассе канцелярия перебралась в более скромную, где одна комната была предоставлена ей Воронцовыми-Вельяминовыми. Сам Николай Николаевич Воронцов-Вельяминов умирал от прогрессивного паралича. Берлин начал пустеть, эмигранты потянулись во Францию. Жизнь в Германии начала дорожать, неправдоподобным кажется, что еще недавно моя семья тратила в месяц всего лишь 2 доллара [так в тексте. – С.З.], а теперь этого не хватало. Борис Кеппен затеял экспорт книг в США, издаваемых в Германии. Там за океаном переселившийся туда генерал Денисов (он в Берлине в свое время открыл книжный магазин «Град Китеж») должен бы их продавать, но дело шло неважно.

Мне стало ясно, что моя работа при ВМС, работа, за которую я получал такую малость, не могла прокормить мою семью, а потому я принужден был искать себе занятие. Я пошел к Семчевскому, который за это время стал директором импортной фирмы «Деко». Одним из владельцев этой фирмы был инженер Лев Владимирович Дегтерев, фирма ввозила мотоциклетные моторы «Джэп», коробки скоростей «Бурман», карбюраторы, масленки, масло «Кастроль» и горючее «Дисколь», все это из Англии. Мотоциклетное строительство в Германии только начинало развиваться, и Дегтерев был один из первых, кто появился в Германии с соответственными артикулами.

Семчевский меня принял и поручил мне подготовку предстоящей автомобильной и мотоциклетной выставки и связанных с этим производством частей. Как представитель иностранных товаров наше предприятие не могло получить стенда на самой выставке и принуждено было нанять временное помещение на улице, ведущей к выставке. Кроме того, по прилегающим к выставке улицам должны были циркулировать трехколесные велосипеды «сэндвичи», а на домах – плакаты с названиями английских фирм, представительство которых имела фирма «Деко». Необходимо также было заказать для раздачи на улице и снабжения заходящих к нам посетителей выставки листовки и рекламный материал, рекомендуемый наш товар. Все это было поручено мне, а потому дела было достаточно.

Параллельно с этим мне поручались некоторые дела по банкам и выкупы коносаментов и присланных в Германию товаров. Ввиду того, что мотор «Джэп» незадолго выиграл несколько гонок, многие интересовались нашими товарами, потому посетителей у нас было много, а, кроме того, интерес к выставке был очень велик, и посетители принуждены были проходить мимо нас, и любопытство влек-

ло в наше помещение. Листовки расходились сотнями, проспекты и каталоги, составленные на немецком языке, рекомендовали наши моторы, ссылаясь на недавние их успехи на гонках.

Конечно, были и некоторые неувязки, нанятые мною русские безработные люди, обеспечивающие нашу рекламу на улицах, исполняли свою работу не особенно аккуратно, один напился, и пришлось его рассчитать. В общем, выставка для нас прошла хорошо, и Дегтерев благодарил и меня за мою работу.

Параллельно с работой в конторе «Деко» я дома принялся за изучение моторов, их систем, работы коробок скоростей, карбюраторов, смазки мотора... Все это было мне совершенно ново и сильно, конечно, отличалось от моей деятельности как издателя монархической литературы. Но я тогда еще был молод и довольно быстро усвоил всю эту науку.

После выставки было решено послать меня в провинцию, в Баварию, как представителя фирмы. У меня очень мало способности к торговле и хождению по мотоциклетным магазинам Мюнхена, Аугсбурга, Нюрнберга, а затем присутствию на гонках в Штутгарте, где мне пришлось распределять между гонщиками горючее «Дисколь», специально изготовляемое в Англии для участников в гонках. Не могу сказать, что моя работа давала много прибыли «Деко», да оно и понятно, фирма новая, цены на заграничный материал высокие, продавец неважнецкий.

Главным образом мои хождения имели характер рекламы новой фирмы. По возвращении в Берлин Семчевский сообщил мне, что Дегтерев решил послать меня в Мюнхен, где было решено создать постоянное представительство фирмы «Деко».

В апреле 1925 года я переехал в Мюнхен и там обосновался с семьей, одновременно продолжая объезжать города Южной Германии.

Во время одного моего пребывания в Нюрнберге, сидя в ресторане, слушал результаты выбора президента. При общем ликования присутствующих жадно сосавших пиво баварцев, по радио было передано сообщение о выборе Гинденбурга. Германия начинала становиться на ноги и не только хозяйственно, но и политически.

В один прекрасный, а может быть, и не прекрасный день, получил телеграмму от Дегтерева, вызывающего меня на вокзал Нюрнберга для срочной встречи с ним. Сидя за столом вокзала этого города, он мне предложил как можно скорее собирать свои вещи и приехать в Вену, где он будет через несколько дней, и приняться

там за создание отделения его фирмы. В Вене, где он только что был, он нашел уже помещение и сговорился с двумя англичанами, владельцами найденного им помещения, согласных стать нашими служащими в открываемом магазине. Я пытался отговориться своей неопытностью в делах, незнанием дела. Но Дегтерев настаивал на своем. Он говорил, что другого человека у него нет, и что он уверен в том, что в Вене можно сделать дело. В результате мне пришлось дать согласие. Через две недели я должен был с ним встретиться в Вене в гостинице «Империял», где он останавливался, и где мы с ним приступим к созданию новой фирмы под названием «Лионель Дегтерев и К°» филиала в Вене.

Я спешно помчался в Берлин, чтобы распрощаться с Семчевским и поблагодарить его за оказанную мне помощь, и 15 июля 1925 года на извозчике, так как на Западном вокзале Вены все такси были разобраны, подъехал к гостинице «Империял», где поселился и ожидал меня Дегтерев.

С этого дня закончился первый период моей эмиграции, и началась жизнь моя в Вене, в Австрии я прожил около 22 лет.

* * *

Я закончил этот очерк, но все новые образы всплывают в памяти, и хочется их запечатлеть в своих воспоминаниях.

Столько новых для меня людей перебивало в нашей канцелярии или заходили ко мне в издательский отдел, дожидаясь приема Маркова или разговора с Ширинским-Шихматовым. Не могу забыть, например, светлейшего князя Михаила Горчакова, его смуглое энергичное лицо, в котором сказывалась примесь румынской крови, его блестящие глаза. А главное, его речь всегда «огневая», решительная и такая полная ненависти не только к большевизму, но и ко всей «левой» нечисти от либералов до социалистов, образовавших точно ступени лестницы, приведшей Россию к большевизму. В то время он жил в Мюнхене, имел деньги и часто помогал монархическому делу изданием книг. Когда началось «евлогиянство»¹⁵², он уже был в Париже и один из первых выявил свою преданность Зарубежной Церкви и участвовал в создании нашей Церкви на рю Одесса¹⁵³. К сожалению, он вскоре потерял свои деньги, но и без них продолжал без стеснения бичевать церковных изменников и левых.

В недавно мне присланной вырезке из парижской газеты «Русская Мысль»¹⁵⁴ прочитал рассказ об отношении Императора Алек-

сандра III к жене Его покойного Отца, к княгине Юрьевской. Рассказ этот записан Аркадием Борманом со слов «ротмистра Баранова». С этим офицером я познакомился тоже в Берлине, когда он явился в ВМС сообщить, что он собирается прочесть ряд докладов. «Ротмистр Баранов» был сын нижегородского губернатора Баранова, проявившегося энергичным и решительным человеком во время бунта в 1905 году при усмирении беспорядков в Нижнем [Новгороде]. Позже генерал Баранов был назначен, если не ошибаюсь, финляндским генерал-губернатором.

К «ротмистру Баранову», вернее к его «деятельности», мы относились с усмешкой, но в душе одобряли его поступки. Прославился он тем, что еще в Крыму не то в Севастополе, не то в Ялте, на улице при всем честном народе влепил пощечину Гучкову. А в Париже, зайдя по паспортному делу на рю Гренель, увидел, что новые представители «свободной» России завесили в залах бывшего императорского посольства все царские портреты холстом. Не стерпев такое хамское отношение к Российским Императорам, «ротмистр Баранов» приказал снять занавески, и когда это было сделано, предупредил, что он зайдет проверить, исполнено ли его приказание. Позже хозяева поняли, что с ротмистром шутить небезопасно.

Невольно вспомнив имя Гучкова, встает в памяти роль, которую этот человек играл в событиях 1917 года. Читая воспоминания целого ряда лиц, видишь, как этот изменник Царю ткал свою преступную сеть и окружал Государя своими заговорщиками. Еще до революции мы в строевых частях слышали рассказы о том, что Гучков по делам Красного Креста делал объезд прифронтовых штабов и частей и нагло критиковал порядки тыла, работу Ставки Государя и передавал сплетни Петербурга. Есть указания на то, что эти свои объезды Гучков использовал и для того, чтобы закреплять свои связи с лицами, согласными с его планом переворота.

Кефели в своем рассказе о посещении Трапезунда Гучковым говорит, что последний имел двухчасовой разговор с глазу на глаз с генералом Шварцем, которому было поручено военное оборудование этого района. После оставления Ивангорода¹⁵⁵ Шварцу было поручено лично Государем создание укрепленной линии в глубоком тылу. Но вскоре Шварц предпочел отбыть на Кавказ под командование Великого Князя Николая Николаевича. В своих воспоминаниях генерал Шварц упоминает холодность к нему Императора и объясняет это своим отъездом на Кавказ вопреки данному ему Государем поручения.

Хитрый Кефели хотел непременно узнать, о чем была речь между Гучковым и Шварцем, и провокационно спросил: «Что, Ваше превосходительство, портфель военного министра за вами обеспечен?» Шварц не вскрыл тайну разговора, но по довольной его улыбке Кефели понял, что его догадка правильна. Шварц уже сидел в сетях Гучкова.

Генерал Данилов в своей книге «Великий Князь Николай Николаевич» прямо пишет о том, что городской глава Тифлиса Хатисов спросил Великого Князя о его взглядах на возможность переворота. Великий Князь на другой день сказал Хатисову, что он не может участвовать в заговоре. Нить эта тоже вела к Гучкову. Тот же генерал Данилов пишет, что прежде чем запросить всех командующих фронтами и армиями об их мнении в связи с возможным отречением от Престола Императора, он послал Государю телеграмму, советующую Царю отречься от Престола. По-видимому, отправка царского поезда в Псков входила в план заговорщиков, в Пскове был штаб генерала Рузского, еще в мирное время известного в армейских кругах как человека политически неблагонадежного. При его ставке был и Бонч-Бруевич, и Данилов, в книге которого все время проявляется его недоброжелательность к Царю. Псков оказался для Императора ловушкой. Свою телеграмму, в которой Великий Князь «коленипреклоненно» молит Государя об отречении, В[еликий] Князь Николай Николаевич начинает словами: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало-роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение...»

Но особенно интересна выдержка из воспоминаний князя А.В. Оболенского «Мои воспоминания и размышления»*. «В 1916 году, будучи по своим делам в Сибирском Торговом банке, с которым я имел давнишние отношения, я разговорился с одним из служащих банка о создавшемся настроении в Петербурге и о положении на фронте. Мой собеседник-еврей, хорошо меня знавший, повторяя избитые сплетни, вдруг начал меня предупреждать о надвигающихся событиях и советовал согласно этому устраивать свои дела¹⁵⁶. Мало-помалу он указал мне день, когда вспыхнет восстание при помощи иностранной державы. С большим знанием всего намеченного он говорил обо всех последствиях революции, уверяя, что за Россией по-

---

* Стокгольм, 1961 г. Издание журнала «Родные перезвоны». Брюссель, С. 95 (примеч. А.С. Гершельмана) От публикатора: Есть и другое название данной книги – «Воспоминания и размышления»

страдает вся Европа и что Англия погибнет последней. Пишу эти строки и, пройдя все революционные мытарства, я теперь вижу, насколько был хорошо осведомлен мой знакомый, посвященный в тайны, может быть, мирового заговора. Призванный на военную службу и часто отлучаясь из Петрограда, я плохо следил за настроениями столицы. Все, что я видел вне Петрограда, было нормально, в напряженной работе на войну. У А.И. Гучкова, члена Государственной Думы и председателя Центрального комитета нашей партии октябристов, умер сын. Я пошел к нему на квартиру, на панихиду. По окончании службы, когда все разошлись, я остался с Александром Ивановичем наедине и начал рассказывать ему все, что слышал от моего знакомого в банке. Удивленный подробностями моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все подробности заговора, называть его главных участников, расписывать те благие результаты, к которым должен будет привести подготовляемый переворот. «Хотите, я вам покажу мою переписку с генералом Алексеевым? Вот тут она», – сказал он, подводя меня к своему письменному столу и вынимая целую кипу мелко написанных писем. Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков, Алексеев были во главе его. Принимали в нем участие и другие лица, как генерал Рузский и даже знал о нем А.А. Столыпин, брат Петра Аркадьевича. Он был журналистом, довольно легкомысленным и несерьезным. «Вдовый брат» – называло его «Новое Время». Мои сведения, однако, обеспокоили Гучкова, ему хотелось, чтобы тайна не была разглашена, и он старался вызвать мое сочувствие, мои возражения не имели успеха. Другим человеком представился мне Гучков, чем я знал его раньше. Умеренный, убежденный конституционный монархист, стал открытым злобным революционером, настроенным больше всего против Государя Императора. Под чьим влиянием действовал он? Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него, а на расходы по революции он выдавал двести тысяч рублей в неделю, через банкирскую контору Юнкера».

Государь имел полное право записать в своем дневнике: «Вокруг измена, трусость и обман»¹⁵⁷, и все попытки обелить участников этого заговора тщетны. Дальнейшая деятельность Гучкова известна. Приказ № 1 вышел в то время, когда он занимал пост военного министра. Сколько офицеров, оставшихся на фронте, были перебиты солдатами вследствие введения в Армии правил, установленных этим приказом. Кровь их на совести Гучкова. Вот отчего

офицерство считало оплеуху, данную «ротмистром Барановым» Гучкову, вполне заслуженной.

В зале одной из гостиниц около Фридрихбанхоф состоялся первый доклад Баранова. Хотя он говорил горячо и связно, но особой глубиной его слова не отличались. Цель доклада была объединить всех истинных русских людей во имя общей борьбы за Россию, причем эта борьба должна была быть активного характера. Слушателей собралось много, но Баранову не удалось привлечь много сторонников. Всем было ясно, что надо бороться с СССР, но каким именно образом, Баранов сформулировать не смог. Для придания собранию духа «народности» в зале сидел человек крестьянского типа. Откуда его достал Баранов, не знаю. Этот мужичок должен был, по-видимому, представлять «голос народа» и задавать оратору вопросы. Но на первых же словах представитель народа запутался, и его мысль пришлось высказать самому ротмистру. Из создания группы сторонников «ротмистра Баранова» ничего не вышло. Куда Баранов потом девался – не знаю, вероятно, он уехал в Париж, где к тому времени образовавшаяся огромная русская колония легко смогла наполнять залы на докладах Баранова.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
К ВОСПОМИНАНИЯМ
О ПЕРВОМ МОНАРХИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ
В РЕЙХЕНГАЛЛЕ,
МАЙ–ИЮНЬ 1921 года¹⁵⁸**

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА:

Австрия: Наживин Иван Федорович (журналист)

Англия: Чаплин Георгий Ермолаевич (капитан I ранга)¹⁵⁹.

Америка: Сахаров Константин Николаевич (генерал-майор, командующий войсками на Дальнем Востоке), барон Кеппен фон Владимир Густавович¹⁶⁰.

Бавария: граф Адлерберг Владимир Николаевич (полковник)¹⁶¹, Винберг Федор Викторович (полковник), Гартман Владимир Васильевич (писатель), князь Масальский Николай Владимирович (корнет, председатель Нового немецко-русского общества

в Мюнхене), Немирович-Данченко Георгий Владимирович (журналист), Попов-Шабельский Петр Николаевич (поручик).

Бельгия: Бэр Николай Алексеевич (статский советник Министерства иностранных дел), князь Оболенский Николай Александрович (студент).

Бессарабия: князь Кантакузен Владимир Георгиевич (генерал-майор), Крупенский Александр Николаевич (помещик, предводитель дворянства).

Бизерта: Павлов Александр Николаевич [старший лейтенант].

Болгария: Патон Петр Иванович (адмирал)¹⁶².

Вост[очная] Пруссия: Гертхен Оскар Оскарович (профессор).

Греция: Андреев Владимир Святославович (ротмистр), Есимонтовский Андрей Васильевич (генерал-майор, председатель монархического объединения в Греции).

Дания: Болдырев Артемий Константинович (действительный статский советник).

Дальний Восток: Фрейберг Эрик Георгиевич (полковник, представитель атамана Семенова).

Италия: герцог Лейхтенбергский Георгий Николаевич, Мясоедов Александр Николаевич (статский советник Министерства иностранных дел).

Латвия: Сергеев Василий Васильевич (полковник, секретарь монархического объединения в Германии).

Литва: Шемякин Александр Александрович (полковник)¹⁶³.

Польша: Гершельман Александр Сергеевич (полковник), Копенхагов Виктор Владимирович (полковник), Поляков Борис Петрович (полковник).

Саксония: княгиня Волконская Анна Николаевна, Лагорио Алексей Евгеньевич (профессор).

Сибирь: Бульгин Павел Петрович (капитан), Толстой-Милославский Петр Александрович (ротмистр).

Турция: Крупенский Павел Михайлович (секретарь посольства в Константинополе)¹⁶⁴, Рогович Петр Алексеевич¹⁶⁵ (ротмистр).

Финляндия: Люцедарский Георгий Ипполитович (действительный статский советник), граф Перовский-Петрово-Соловово Михаил Михайлович.

Франция *Парижская группа:* Голеевский Николай Лаврентьевич (генерал-майор)¹⁶⁶, князь Долгоруков Александр Николаевич (генерал-лейтенант), [светлейший] князь Ливен Анатолий Павлович (ротмистр)¹⁶⁷, граф Нирод Федор Максимилианович (генерал-

майор), граф Ребиндер Владимир, Скаржинский Виктор Викторович (камергер), Толстой-Милославский Павел Сергеевич. *Ниццкая группа*: граф Граббе Михаил Николаевич (генерал-майор, наказной атаман Войска Донского), Крупенский Павел Николаевич (член Государственной Думы), Мрозовский Иосиф [Иванович] (генерал от инфантерии)¹⁶⁸.

Чехословакия: Медведев Сергей Михайлович, Неппенстрем Леонид Карлович¹⁶⁹, Скупинский Евгений Гаспарович (полковник).

Швейцария: [светлейший] князь Ливен Отто Александрович.

Эстляндия: Ордовский-Танаевский Николай Александрович (губернатор).

Югославия: Жемчужников Петр Петрович, Локоть Тимофей Васильевич [профессор], Скаржинский Петр Васильевич (губернатор), Солнцев Петр Петрович (помещик), Изюмов (чиновник Министерства путей сообщения).

Венгрия: Малама Владимир Владимирович (предводитель дворянства).

Духовные лица: митрополит Антоний (Сербия), архиепископ Евлогий (Берлин), архимандрит Сергей (Франция).

Сенаторы: Бельгардт фон Алексей Валерьянович¹⁷⁰, Засядко Дмитрий Иванович, Кистер Владимир Константинович, Пестржецкий Дмитрий Николаевич, барон Таубе Михаил Александрович.

Командующие армиями: Безобразов Владимир Михайлович (генерал от кавалерии, из Дании), барон Рауш фон Траубенберг Евгений Александрович (генерал от кавалерии).

Члены Государственного Совета: Нейдгард Дмитрий Борисович¹⁷¹, Рогович Алексей Петрович, князь Ширинский-Шихматов Алексей Александрович, Римский-Корсаков Александр Александрович, Трепов Александр Федорович.

Члены [Государственной] Думы: князь Волконский Владимир Михайлович (тайный советник Министерства внутренних дел, вице-председатель Государственной Думы), барон Вольф Николай Борисович, Дерюгин Георгий Михайлович, Зарин Александр Дмитриевич, барон фон Крюденер-Струве Александр Амандович, Марков Николай Евгеньевич, Масленников Александр Михайлович, барон Фелькерзам Гамилькар Евгениевич¹⁷².

Офицерские союзы: фон Штейн Александр Федорович (полковник), Шульман Сергей Николаевич (генерал-майор).

Монархическое объединение: Арсеньев Борис Константинович (действительный статский советник, вице-губернатор), [Соколов] Баранский Виктор Павлович, Бискупский Василий¹⁷³ Викторович (генерал-лейтенант), Ефимовский Евгений Амвросиевич (председатель национально-демократической крестьянской партии), Трахтерев Осип Сергеевич¹⁷⁴.

Русский Союз: Арсеньев Евгений Константинович (генерал-лейтенант), Мосолов Александр Александрович (генерал-лейтенант), князь Оболенский Дмитрий Александрович (поручик).

Финансовая и промышленная группа: Мельцер Роман Федорович, князь Шаховской Дмитрий Николаевич (директор банка), Вейсберг Николай Михайлович, барон Кеппен Борис Густавович, Мюллер Бруно Карлович (статский советник), князь Оболенский Николай Сергеевич.

Бюро конгресса¹⁷⁵: Эвальд Федор Федорович (полковник, представитель в Мюнхене бюро по созыву съезда для хозяйственного восстановления России, правитель канцелярии конгресса), Андреевский Степан Сергеевич [ротмистр], Воронцова-Вельяминова Екатерина Гебгардовна, Гаусман [фон] Тимофей Платонович [полковник].

Организация с немецкой стороны: «Ауфбау», хозяйственно-политическое объединение для Востока, местопребывание Мюнхен.

Делопроизводственная директория: Доктор М. ф[он] Шейбнер-Рихтер, хофрат¹⁷⁶, доктор О. Амман.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1** Первый Монархический съезд русской эмиграции официально именовался «Съезд хозяйственного восстановления России» (более известен как Рейхенгалльский съезд). Проходил в курортном городке Бад-Рейхенгалль (Бавария) с 29 мая по 5 июня 1921 г. по инициативе Н.Е. Маркова 2-го. Своими задачами он поставил «объединение всех течений монархической мысли и всех сил монархического действия», а также «возглавление монархического движения и представительство его вовне». В Съезде приняло участие 100 делегатов (по др. данным – 106) из 23 стран русского рассеяния. Итогом Съезда стало создание Высшего Монархического Совета, который объединил и возглавил большинство монархических организаций Русского Зарубежья и инициировал создание новых монархических ячеек.
- 2** Гершельман (урожд. Мосолова) Мария Александровна (1891, С.-Петербург – 1980, Буэнос-Айрес). Дочь ген. А.А. Мосолова и фрейлины Е.Ф. Мосоловой (урожд. Треповой). В 1919 сестра милосердия СЗА. От брака А.С. и М.А. Гершельман родились две дочери: Ирина и Марина, в настоящее время проживающие в Аргентине (Буэнос-Айрес).
- 3** Мосолова Ирина Александровна (1886, С.-Петербург – 1931, Франция). Фрейлина ЕВ. Старшая сестра М.А. Гершельман.
- 4** Высший Монархический Совет (ВМС) учрежден на Рейхенгалльском съезде с благословения Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) как постоянный руководящий орган с неограниченными полномочиями, которому должны были подчиняться все монархические организации. В первый состав ВМС на съезде были избраны три человека: Н.Е. Марков (председатель, 1921–1926), кн. А.А. Ширинский-Шихматов и бывший прогрессист А.М. Масленников, получившие право кооптации новых членов. В состав ВМС ими были выбраны Н.Д. Тальберг (секретарь), А.Н. Крупенский, А.Ф. Трепов, бар. М.А. Таубе, П.Н. Оболенский и др. Руководителем издатель-

ского отдела ВМС стал А.С. Гершельман. Постоянным местом пребывания ВМС был выбран Берлин, печатным органом стал еженедельник «Высший Монархический Совет» (позже «Вестник ВМС», 1921–1926) и журнал «Двуглавый Орел» (1920–1931). Главными задачами ВМС являлась просветительская монархическая деятельность, объединение всех русских монархистов на чужбине и создание единого монархического фронта. К 1922 г. руководство ВМС признали 85 монархических организаций. ВМС состоял из двух крыльев – правого (традиционалистов) и левого (конституционалистов), разногласия которых со временем усугублялись. Уже в 1922 г. ВМС покинул бар. Таубе, вошедший в новую организацию – Русский Народно-Монархический Союз (конституционных монархистов) – РНМС КМ, возглавлявшийся бывшим правым кадетом Е.А. Ефимовским и придерживавшийся в своей программе конституционной монархии и либерального национализма. В 1924 г. все члены РНМС (КМ) были исключены ВМС из рядов монархического движения. После Российского Зарубежного съезда в Париже в апр. 1926 г. Марков, разойдясь по ряду вопросов с остальными членами ВМС, оставил пост председателя Совета, но сохранил в нем свое членство. С 1926 по 1939 г. ВМС возглавлял А.Н. Крупенский. В 1931 г. во время парижского съезда монархистов произошел раскол ВМС по вопросу о престолонаследии. Если первоначально ВМС выдерживал «непредрешенческую» позицию относительно наследования Императорского Престола, то затем ВМС стал поддерживать кандидатуру Вел. Кн. Николая Николаевича, не признавая претензий Вел. Кн. Кирилла Владимировича, провозгласившего себя в 1924 г. Императором Кириллом I. Однако после кончины в 1929 г. Вел. Кн. Николая Николаевича Марков выступил за признание законности притязаний на Престол Вел. Кн. Кирилла Владимировича, но из-за сильного противостояния занятой им позиции был вынужден покинуть ряды ВМС. После смерти Крупенского во главе ВМС с 1940 г. встал последний волынский губернатор, член «Союза верных» П.В. Скаржинский, представлявший ранее ВМС на Балканах (возглавлял ВМС до 1956 г.). В этот период своей деятельности ВМС стал ориентироваться на кн. Владимира Кирилловича. В годы Второй мировой войны ВМС проводилась скрытая политика участия русских монархистов в службе переводчиками

при Вермахте с целью пропаганды монархических идей на оккупированных территориях СССР (справка составлена при участии А.А. Иванова).

5 Второй Монархический съезд состоялся в Париже 16–22 ноября 1922 г., оставил незначительный след в истории, поскольку являлся закрытым. На съезде председательствовал Н.Е. Марков, почетным председателем был избран митр. Антоний (Храповицкий). Одним из главных вопросов съезда являлось обсуждение изданного Вел. Кн. Кириллом Владимировичем манифеста, объявляющим его Местоблюстителем Императорского Престола. В принятой резолюции съезда провозглашалось о праве на блюстительство Престола всего Дома Романовых, а не отдельных его представителей. Также в резолюции указывалось, что вопрос о престолонаследии может решаться только по возвращении в освобожденную от власти большевиков Россию.

6 МОЦР – «Монархическая организация центра России», провокационная акция ГПУ, представитель которой Якушев через Ревель связался с нами. Повесть, описывающая последний эпизод, вышла в Москве в 1965 году, сначала в журнале «Москва» в июньской и июльской книжке, а затем отдельным изданием под заголовком «Мертвая зыбь» (*Примеч. А.С. Гершельмана*). **От публикатора:** Имеется в виду роман-хроника Л.В. Никулина «Мертвая зыбь» (М., 1965). В 1967 г. «Мосфильмом» (реж. С. Колосов) по книге был снят худ. фильм «Операция “Трест”». Данные творения представляют собой типичный образчик советского идеологического творчества (т.н. соцреализм) и почти ничего общего не имеют с реальной действительностью (ВМС – «настоящая школа убийц», монархисты – «изверги» и «нелюди», которым противостоят «доблестные» и «гуманные» чекисты).

«Монархическая организация Центральной России», или «Трест» (чекисты действовали под вывеской Московской гор. кредитной ассоциации, имевшей право вести дела за рубежом), являлась провокацией ГПУ, направленной на внедрение агентов советских спецслужб в политические круги монархической эмиграции с целью контроля над ней, ее раскола и дискредитации. В ходе операции завербованный ГПУ бывший крупный царский чиновник А.А. Якушев («Федоров») был «назначен» чекистами главой якобы существовавшей

в Советской России МОЦР. В 1921 г. он установил связь с правой эмиграцией вплоть до лидера Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркова, который лично «взял под контроль» дело налаживания контактов с «монархистами» внутри Советской России. Якушев уверял монархистов, что в России происходит распад большевизма, местные «монархисты» ориентируются на Г. Пятакова как на человека русского и «ярого антибольшевика», монархические настроения зреют в Красной армии, все «бурлит», и вскоре надо ожидать самых неожиданных поворотов. При этом Якушев убеждал монархистов отказаться от идеи интервенции и активной борьбы, доверившись внутренним «монархическим» силам, для которых требовал лишь финансовой помощи. Эти сведения, умело подготовленные чекистами, во многом были приняты на веру и даже публиковались в «Еженедельнике ВМС». (По свидетельству близкого ген. П.Н. Врангелю члена ВМС Н.Н. Чебышева, под воздействием увещеваний Якушева-Федорова, убеждавшего в укоренении многих институтов, установленных революцией, в еженедельнике стали появляться статьи о необходимости сохранения Советов, но «очищенных от коммунистов и противонародной революционной накипи».) По предложению Якушева было решено направить в Россию на съезд «советских монархистов» представителя ВМС, которым вызвался стать «доблестный офицер гвардии Г.» – т.е. А.С. Гершельман. Ему было сказано, что по плану после его удачного возвращения в Россию поедет сам Марков. Через Якушева к 1924 г. чекистам удалось также выйти на начальника боевой организации РОВС ген. А.П. Кутепова, ведавшего подрывной работой в СССР и Вел. Кн. Николая Николаевича. В 1925–1926 гг. чекисты «нелегально» свозили видного правого деятеля В.В. Шульгина в СССР, ознакомив его с деятельностью подставных «монархических» организаций. Шульгин по возвращении, естественно, не догадываясь о том, что это была провокация (его выпустили обратно, рассчитывая на то, что он будет содействовать сближению «Треста» с Врангелем, а его возвращение даст возможность заманить в СССР более крупные фигуры), описал свои похождения в книге «Три столы» (Берлин, 1927). Однако в мае 1927 г. в рижской газете «Сегодня» было напечатано письмо одного из активных участников провокации Э. Опперпута (наст. фамилия Упе-

ниньш), который признавался, что в течение нескольких лет был секретным агентом ГПУ и как таковой являлся одним из руководителей созданного чекистами МОЦР и сообщал, что псевдомонархическая организация «Трест» была создана в 1921 г. сотрудниками ГПУ В. Менжинским, М. Трилиссером, А. Артузовым, В. Стырне, А. Лонговым и др. Общее количество сотрудников «легенды», по его словам, превышало 50 человек, среди них было несколько бывших царских генералов, офицеров, видных общественных и политических деятелей. «Основное назначение данной легенды, – писал Опперпут, – было ввести в заблуждение иностранные военные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность зарубежных антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло». После разоблачения «Треста» операцию свернули, а практически всех ее действующих лиц, от провокаторов до высокопоставленных чекистов, уничтожили в 1930-е гг. (Подробнее см.: *Иоффе Г.* Смертельная «игра»: Операция «Трест» // Наука и жизнь. 1998. № 3 (справка составлена А.А. Ивановым).)

- 7 А.С. Гершельман не случайно упомянул в 1921 г. Августейшую Семью как Царственных Мучеников. В этом году большевики впервые официально признали «расстрел» – убийство всей Царской Семьи. Почитание русскими монархистами Императора Николая II и его Семьи Мучениками начинается примерно с этого же времени. Так, к примеру, в приложении к статье И.Н. Андрушкевича о своем отце полк. Н.А. Андрушкевиче «Обращение совета съезда представителей несоциалистического населения Дальнего Востока к русским людям» от 9 декабря 1921 г. (Владивосток) написано следующее: «Да воплотится, наконец, в жизнь воля покойного Царя-Мученика, Императора Николая II, завещавшего нам, чтобы сам народ через своих избранных, лучших людей Земли Русской, устроил свою судьбу» (Михайлов День 1-й. Журнал Исторической России. Ямбург, 2005. С. 148). В 1981 г. Архиерейский Синод РПЦЗ причислил Царскую Семью к лику Святых Мучеников, а в 2000 г. они были канонизированы Русской Православной Церковью Московского Патриархата.
- 8 «Двуглавый Орел», русский монархический журнал (имел подзаголовок «Орган русской монархической мысли»), с 14/27.09.1920–1922 гг. издавался в Берлине, в 1926–1931 гг.

- в Париже. Первоначально выходил два раза в мес. Редактировали издание Н.Е. Марков и кн. М.К. Горчаков.
- 9** 27 апр. 1929 г. в эмиграции было создано полковое объединение «Общество взаимопомощи офицеров Лейб-Гвардии Конной артиллерии в Париже». К 1930 г. насчитывало 43 человека, в 1951–1960 гг. – 60 человек, к 1962 г. – 45 членов и 5 кандидатов (потомков офицеров полка).
- 10** Гершельман Сергей Сергеевич (1891, Княжество Финляндское – 1957, Herrching am Ammersee, Бавария). Войсковой старшина РИА, полковник СЗА, военный историк. Участник Первой мировой войны в составе Л.-гв. Конной артиллерии. Участник осеннего Петроградского похода СЗА. В эмиграции проживал в Данциге, Вене, Мюнхене. Выступал с докладами на историческую тему перед русской колонией в Баварии.
- 11** В рукописи фамилия ошибочно указана как Унковской.
- 12** Союз Пажей – создан в 1920 г. в Париже. Первый председатель ген. от кавалерии Ф.Ф. Трепов (1854 – 1938). Отделы Союза действовали в Ницце (генерал-майор, кн. П.Л. Меликов (1862 – после 1931) и в Брюсселе (А.Н. Вельяминов). К 1931 г. председателем Союза состоял ген. от кавалерии А.М. Кауфман-Туркестанский (1861–1934) (позже кн. Н.С. Трубецкой), генеральным секретарем – полк. С.А. Мещеринов (1890–1978), к февр. 1954 г. – казначеем капитан В.А. Каменский (†1974). Впоследствии отделы Союза были созданы (с генеральным правлением в Париже) в других странах Русского Рассеяния. На 12 дек. 1952 г. Союз Пажей состоял из 280 членов: 176 в Европе (в т.ч. 77 в Париже); 11 в Африке; 2 в Азии; 1 в Новой Зеландии; 66 в Северной и 24 в Южной Америке. Союз имел свой машинописный сборник – «Союз Пажей».
- 13** Неточность, правильно: графиня Кейзерлинг Екатерина (Беатриса-Теофилия-Элизабет-София) Гебгардовна (см. Именной указатель).
- 14** В апр. 1921 г. начальник II отдела Генштаба Войска Польского подполковник Матушевский писал военному атташе Польши в Париже: «Главное командование Войска Польского предписывает энергично противодействовать акции здешних антибольшевистских российских группировок...» Власти Польши относились с неприкрытой ненавистью к русским монархическим организациям, действующим в республике, считая их большими врагами, нежели коммунистов, т.к. небезоснова-

тельно видели в их деятельности угрозу собственной независимости. Подробнее см.: *Матвеев Г.* Жертва польского русофобства // *Родина.* 1994. № 12. С. 114–118.

- 15** Верхний (пол. «гурний») Шлезвиг – польское название Шлезвиг-Гольштейна. Спорная земля между Данией и Германией, с 1866 по 1920 г. принадлежавшая Пруссии. В 1920 г., согласно плебисциту (проведенному на основании Версальского мирного договора 1919 г.), северная часть Шлезвига, большинство населения которого составляли датчане, перешла к Дании (с 1949 г. – земля в составе ФРГ). Очевидно, что в связи с перекройкой границ и переходом Шлезвига от Пруссии к Дании германская виза теряла свое действие, и Андро де Ланжерон не мог беспрепятственно проехать из Польши в Баварию через теперь уже датский г. Киль – столицу и порт Шлезвиг-Гольштейна, не имея разрешения (помимо польских и германских) датских властей.
- 16** Данциг – нем. название польского г. Гданьск в Зап. Пруссии. В 1793 г. Гданьск был захвачен Пруссией и до 1918 г. находился под германским господством, получив наименование Данцига. По Версальскому мирному договору (1919) был превращен в вольный город Данциг под управлением Лиги Наций. Ныне г. Гданьск (Польша).
- 17** 3-я Русская Армия в Польше была сформирована в окт. 1920 г., подчинялась ген. П.Н. Врангелю, командующий ген. Б.С. Пермикин. Приняла участие в боях в нояб.-дек. 1920 г. на Украине, понесла потери до 25% личного состава. В дек. 1920 г. отошла на территорию Польши, где чины Армии были интернированы. Расформирована в 1921 г.
- 18** Дембие – лагерь для пленных красноармейцев под Краковом в Польше. 10 февраля 1921 г. сюда был доставлен под вооруженным конвоем весь командный состав 3-й Русской Армии ген. П.Н. Врангеля в Польше в количестве девяти человек. Причем интернированное командование Белой армии было размещено с приставлением часового и полным лишением общения с внешним миром в одной из комнат барака, общей с пленными красноармейцами. Только после вмешательства представителя французской военной миссии в Польше ген. Нисселя белые офицеры были освобождены и получили право покинуть пределы Польши, переехав в вольный город Данциг.

- 19 Вероятно, речь идет о ген. кн. А.Н. Долгорукове, сослуживце А.С. Гершельмана по СЗА, участнике Рейхенгалльского съезда.
- 20 Речь идет о Николае Евгеньевиче Маркове 2-м. Андро де Ланжерон, по всей видимости, сознательно изменил его отчество, опасаясь перлюстрации и повышенного внимания политических противников русской монархической эмиграции и спецслужб к одному из лидеров русских монархистов на чужбине. Характерно, что текст письма изобилует завуалированностью.
- 21 Б.В. Савинков, заручившись в описываемое время поддержкой маршала Ю. Пилсудского, имел в Польше большое влияние на русских эмигрантов, которые были в финансовой зависимости от него, поскольку почти все деньги, поступающие на нужды интернированных белых воинов и русских беженцев, проходили через его руки.
- 22 Имеется в виду родной брат А.С. Гершельмана полк. Сергей Сергеевич Гершельман.
- 23 Архиепископу Евлогию (Георгиевскому). См. Именной указатель.
- 24 16 марта 1921 г. II отдел Генштаба Войска Польского, получив информацию о подготовке покушения на жизнь Б.В. Савинкова, приказал своему Варшавскому отделению арестовать руководителей тайной монархической офицерской организации в Польше ген. Б.С. Пермикина, гр. Муравьева-Амурского, полк. С.С. Гершельмана и других членов организации. Позднее все они были высланы из страны без права въезда на территорию Польши. Вполне возможно, что историю с покушением на себя инспирировал сам Савинков, чтобы избавиться от русской монархической оппозиции.
- 25 А.С. Гершельман имеет в виду выдачу чехами в Сибири адмирала Колчака, антимонархическую сущность политики Северо-Западного правительства, безоговорочное публичное признание Б.В. Савинковым независимости Польши и других российских лимитрофов, активизацию масонских сил в Париже.
- 26 Родовое имение Светлейшего кн. А.П. Ливена «Мезоттен» (совр. Мазмежотне, Латвия) находилось в Лифляндии. После проведения земельной реформы в 1920-е гг. в Латвии («национализация излишков» земли у частных владельцев), князю оставили во владение всего 100 га от его обширных земельных угодий.

- 27** В годы Первой мировой войны неприятие всего германского началось с первых августовских дней 1914 г. с погромов столичных магазинов, владельцами которых являлись носители немецких фамилий (имущественный ущерб был причинен и некоторым скандинавам). Впоследствии это неприятие отражалось в инсинуациях разного рода. Характерный случай, описан А.С. Гершельманом в одной из своих рукописей, касающейся Первой мировой войны. Возвращаясь из отпуска на фронт в купе он неожиданно оказался свидетелем гнусной клеветы, когда один из его попутчиков излагал другому слухи, суть которых сводилась чуть ли не к прогерманскому шпионажу его матери. Подробнее об антигерманских настроениях в годы Первой мировой войны и их сущности см.: *Фомин С.В. Лик Зверя // Фомин С.В. На Царской страже. К 25-летию литературно-публицистической деятельности. Статьи 2001–2005 гг. М., 2006. С. 93–117.*
- 28** А.С. Гершельман упомянул лишь о двух годах Гражданской войны в России применительно к расправам по межрелигиозному признаку в рядах Северо-Западной Армии в 1918–1919 гг. Боевые действия СЗА на Нарвском фронте прекратились в декабре 1919 г. В январе 1920 г. приказом ген. Н.Н. Юденича СЗА была расформирована. Важно заметить, что, несмотря на обоснованные обвинения белогвардейцами инородцев в активном участии в революции в России, в рядах СЗА храбро сражались представители различных национальностей, включая и незначительное число добровольцев евреев, в т.ч. и иудеев. Некоторые из них даже были отмечены ген. Юденичем за храбрость Георгиевскими крестами. Подробнее см.: *Иоктон К.М. История юного военного инвалида еврея Русской Армии. Париж, 1938.*
- 29** Текст доклада А.М. Масленникова см.: Двуглавый Орел (Берлин). 1921. 15 (28) мая. № 8. С. 1–8.
- 30** Ежедневная «политическая, литературная и общественная» демократическая газета, издававшаяся в Варшаве с июля 1920 г. Б.В. Савинковым, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус под ред. Д.В. Философова. С 1921 по 1932 выходила под названием «За свободу!». Газета носила как антикоммунистический, так и антимонархический характер.
- 31** «Тан» («Le Temps» – фр. «Время») – французская республиканская газета, проводник интересов крупных промышленников.

- 32** Русский очаг (Русский клуб), организация в Париже, созданная в дек. 1920 А.Ф. Треповым, который и явился первым его председателем. Имела свой печатный орган «Русская летопись».
- 33** Речь идет о Рижском мирном договоре от 18 марта 1921 г. Подписантами договора явились, с одной стороны, РСФСР и Украина, с другой – Польша. По его условиям к Польше отходили западные земли Белоруссии и Украины, РСФСР и Украина возвращали Польше все культурные и иные ценности, вывезенные из Польши с 1772 г., а также все имущество, захваченное в ходе войны. РСФСР обязывалась выплатить в годичный срок Польше компенсацию в размере 30 млн золотых руб., кроме того, Польша освобождалась от бремени долгов Российской Империи западным кредиторам.
- 34** Имеется в виду неудачное командование кн. А.Н. Долгоруковым в нояб. 1918 г. всеми вооруженными силами гетманской Украины.
- 35** В оригинале фамилия ошибочно указана как Зорин. Правильно – А.Д. Зарин (см. именной указ.).
- 36** В оригинале опечатка в инициалах – И.Н. Крупенский. Речь идет либо о А.Н. либо о его брате П.Н. Крупенском.
- 37** Речь идет об уходе митр. Евлогия (Георгиевского) из лона РПЦЗ. Назначенный в 1921 г. указом Святейшего Патриарха Тихона (Беллавина) управляющим приходами в Западной Европе, архиеп. (с 1922 – митр.) Евлогий после выхода декларации митр. Сергия (Страгородского), признающей сов. власть, перешел в оппозицию Московской Патриархии, за что 28 мая 1930 г. был уволен от управления православными русскими церквями в Западной Европе и запрещен в священнослужении. В февр. 1931 г., не желая подчиняться Синоду РПЦЗ, митр. Евлогий перешел со своими приходами в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, образовав из подчинявшихся ему русских приходов Западной Европы самостоятельный Парижский Экзархат. Отойдя от правых церковных кругов, владыка в это время стал близок либеральным силам в Церкви. В частности, правая эмиграция ставила ему в вину ректорство в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже (1925–1946), в котором преподавали такие церковные либералы (также подозреваемые в принадлежности к масонству), как С.Н. Булгаков, А.В. Карташев и др.

В 1945 г. Митр. Евлогий воссоединился с РПЦ МП с оставлением митрополитом, Экзархом Западной Европы.

- 38 «Мы, монархисты, подобно синей полосе, должны связать и красных и белых. Мы – синие – должны восстановить старый единый бело-сине-красный национальный флаг» (*Марков Н.Е.* Речь при открытии съезда Хозяйственного восстановления России // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. и вступ. ст. М.Б. Смолин. М., 2002 С. 380). Об этом же Марков говорил и на объединительном съезде русской эмиграции в Париже в 1926 г. «Сейчас разорван русский флаг, – заявлял он, выступая на первом заседании съезда. – Остались лохмотья. Белый – здесь, красный – там. Надо выдвинуть синий. Надо связать белый с красным. Надо восстановить бело-сине-красный русский флаг» (Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. М., 2006. С. 474). (Справка сост. А.А. Ивановым).
- 39 “Aufbau” – буквально «восстановление» (*нем.*), монархическое русско-немецкое общество, созданное в Мюнхене при содействии ген. Э. Людендорфа (ставшего казначеем общ-ва) с целью налаживания контактов немецких правых кругов с русскими монархистами. Руководителями общества были русский немец, эмигрант из Прибалтики М.Э. фон Шейбнер-Рихтер и ген.-м. В.В. Бискупский (руководитель русской секции «Ауфбау»), которые были воодушевлены идеей русско-германского национального единения. Вокруг общ-ва, согласно информации члена его правления бар. М.А. Таубе, группировались самые разные монархически настроенные партии и группы эмигрантов из России. «Ауфбау» стало одним из организаторов Рейхенгалльского съезда. В том же году общ-во выпустило пять номеров «русско-немецкого издания Ауфбау–Восстановление» «Сборника по вопросам хозяйственно-политической жизни Восточной Европы» (ред. Г.В. Немирович-Данченко). (Справка сост. А.А. Ивановым).
- 40 В печатном варианте доклада Н.Е. Маркова это место звучит так: «Однажды в III Государственной Думе знаменитый Плевако сказал: “Довольно русскому народу ходить в детской рубашке, пора ему одеть тогу гражданина”. Слова Плевако вызвали тогда бурю восторгов. Но вот вышел на кафедру черносотенец Марков 2-й и сказал: “Тога гражданина прекрасна с виду,

- но по русскому климату не простудиться бы в столь легком одеянии? Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок". Теперь добавлю еще: нужна тугая трехцветная опояска и хорошие ежовые рукавицы. Не римскими гражданами, а хорошими русскими мужиками надлежит быть всем русским людям» (*Марков Н.Е.* Речь при открытии съезда Хозяйственного восстановления России... С. 384). (Справка сост. А.А. Ивановым).
- 41 Правильно "Iampenfieber" (*нем.*), волнение, испытываемое перед выходом на сцену, в спорте – «предстартовая лихорадка» (Справка М.Ю. Катина-Ярцева).
- 42 Вероятно, оратор предложил вести отсчет революционных потрясений в России с 1825 г. – т.е. с восстания декабристов.
- 43 Публичное признание убийства («расстрела») Царской Семьи было сделано большевиками уже после Рейхенгалльского съезда.
- 44 Люцин – совр. г. Лудза в Латвии. С 1772 по 1918 г. находился в составе Российской Империи, в 1918–1940 гг. – в составе Латвийской республики.
- 45 Доклад В.П. Соколова-Баранского см: Двуглавый орел (Берлин). 1921. № 11. 1 (14) июля. С. 14–22.
- 46 Выделив из Армии небоеспособные элементы, командование перевезло части Русской Армии в Галлиполи – свыше 25 тыс. человек (под командованием ген. от инф. А.П. Кутепова), Чаталджи – около 15 тыс. донцов (под командованием ген.-лейт. Ф.Ф. Абрамова), до 15 тысяч кубанцев на о. Лемнос (под начальством ген.-лейт. М.А. Фостикова) (Русская Армия в изгнании 1920–1923 гг. Б.г. (Не позднее 1923), Б.м. // Вече. Независимый русский альманах (Мюнхен). 1998. № 61. С. 242).
- 47 Галлиполи (от греч. Kallipolis), полуостров, также название морского порта и города, расположенного на северо-западе Турции. В 1920 г. чины Русской армии ген. барона П.Н. Врангеля (48 319 человек, из которых половина офицеры) были вынуждены эвакуироваться из Крыма. Наиболее многочисленный 1-й армейский корпус разместился на Галлиполийском полуострове в районе г. Галлиполи (ныне Гелиболу). Оформившись в военное братство, напомилавшее нищенский рыцарский орден, армия ген. Врангеля в крайне тяжелых условиях находилась в Галлиполи более года (последние «галлиполийцы» ушли отсюда в 1923 г.).

- 48** Всего перевезено воинских чинов из военных лагерей и района Константинополя: в Болгарию – 17 тыс. человек; в Королевство СХС – 11,5 тыс. человек; в Чехословакию – 1 тыс. человек (в т.ч. 100 студентов галлиполийцев); в Грецию – 3 тыс. человек; в Венгрию – 300 человек; в Бизерту – 6 тыс. человек. Итого: 38,8 тыс. человек (Вече. 1998. № 61. С. 247–248).
- 49** К сожалению, название организации невозможно определить ввиду неразборчивости рукописной строки на французском языке.
- 50** Имеются в виду завоевания Февральской революции, произошедшей по григорианскому календарю в марте.
- 51** «Голос России», газета леволиберального направления, выходила в Мюнхене и Берлине в 1918–1922 гг. Редакция искала пути сближения с властью большевиков, пытаясь наладить с ней диалог. После смены ряда владельцев газета получила новое название «Дни», главным редактором которой стал А.Ф. Керенский.
- 52** «Руль», либерально-демократическая газета, рупор кадетской партии, выходила в Берлине в 1920–1931 гг. Основана по договору И.В. Гессена с немецким газетным домом Ульштейна. На страницах издания пропагандировалась русская культура, дабы снискать симпатии европейцев к вынужденным русским эмигрантам. Рекорд тиража превышал 20 тыс. экз. Редколлегия: И.В. Гессен, В.Д. Набоков и А.И. Каминка. В 1925 г. издательский дом Ульштейна разорвал отношения с редакцией газеты. До банкротства (1931) издание финансировал Каминка.
- 53** Совещание послов (Совет послов), объединение бывших дипломатических посланников Императорской России и членов Временного правительства. Первое совещание созвано в 1919 г. в Париже. Координировал действия русских дипломатов за границей предс. М.Н. Гирс. Совет провозгласил себя преемником законной власти (по сути своей собственной), располагал крупными финансами, принадлежащими России и хранившимися в банках зарубежных стран. Находился в оппозиции к бар. ген. П.Н. Врангелю, стремясь к расформированию эвакуированной Русской Армии и переводу ее членов на беженское положение.
- 54** Всероссийский Союз городов был образован в авг. 1914 г. для оказания помощи правительству в ведении войны. Действовал в тесном контакте с Всероссийским земским союзом. Состоял

преимущественно из представителей либеральной буржуазии, стремившейся под предлогом помощи фронту сорганизоваться в единую оппозиционную силу. Главноуправляющий М.В. Челноков. Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам был создан в июле 1914 г. Главный комитет состоял из 17 членов во главе с главноуправляющим кн. Г.Е. Львовым. На местах были созданы губернские и уездные земские отделы: врачебно-санитарный, эвакуационный, продовольственный и пр.

На прошедшем в марте 1915 Земском съезде князь Г.Е. Львов в своей вступительной речи призвал к единению монархии с народом. Земский союз получал крупные субсидии из Государственной казны.

- 55 Великий Сибирский («Ледяной») поход – совершенный в к. 1919 – нач. 1920 г. отступающими войсками Восточного фронта Белой армии, беспримерный в военной истории полуторатысячекилометровый пеше-конный поход из-под Красноярска до Читы в условиях сибирской зимы и бездорожья под командованием ген. В.О. Каппеля, умершего вследствие обморожения ног и воспаления легких.
- 56 Минусинск, город (с 1822 г.) в Красноярском крае в 661 км к югу от Красноярска.
- 57 Как пишет современный исследователь, «вождь красных партизан» Сибири П.Е. Щетинкин выпускал воззвания следующего содержания: «Пора кончать с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжавшими дело предателя Керенского... Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над Русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака. Призываю всех православных людей к оружию. За Царя и Советскую власть» (Цит. по: *Елисеев А.* Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 200–201). Любопытно, что в Минусинске и Новосибирске в советское время были открыты памятники атаману Щетинкину, а его именем названы улицы в Абакане, Красноярске, Ачинске, Кызыле и других городах и селах.
- 58 САСШ – Северные Американские Соединенные Штаты, распространенное в то время и более точное наименование совр. США. Совр. название страны – Соединенные Штаты Америки – до сих пор вызывает возмущение в странах Юж-

ной (Латинской) Америки, являющихся независимыми государствами.

- 59** В рукописи число русских беженцев в США указано неразборчиво (размыто), отчего публикатор допустил такую градацию количества русских эмигрантов к 1921 г. В 1923 г. в США переехало около 30 тыс. бывших русских поданных.
- 60** Валаам – главный остров одноименного архипелага (свыше 50 островов) в Ладожском озере, на котором расположен Спасо-Преображенский мужской монастырь, основанный греческими монахами прп. Сергием и Германом в XIV в. Основное строительство монастыря было осуществлено в 1830–1880 гг. В 1917–1944 в составе Финляндии, с перерывом на 1940–1941 гг. (присоединены к СССР после советско-финской войны 1940 г.). С 1944 г. вновь в составе СССР. В 1979–1991 гг. музей-заповедник. В 1991 г. возвращен Русской Православной Церкви.

Коневец, остров (площадь 14 км), расположенный на Северо-Западе Ладожского озера, на котором находится Рождество-Богородичный Коневский (Коневецкий) мужской монастырь. Был основан в 1393 г. иноком Афонского и Новгородского монастыря прп. Арсением Коневским.

- 61** Северо-Западная Армия возникла в 1918 г. из Псковского Добровольческого корпуса под начальством ген.-м. А.Е. Вандама, полк. Г.-К.-Т. фон Нефа, ген.-м. К.К. Дзержинского; с нояб.-дек. 1918 г. под командованием эстонского ген. И.Я. Лайдонера как Северный корпус (фактически же с 25 мая под командованием ген.-м. А.П. Родзянко, с 1 июня утвержденного в должности командующего). С 19 июня Северный корпус вышел из временного подчинения Лайдонеру и был преобразован в Северную Армию под командованием ген.-м. Родзянко, переименованную с 1 июля в Северо-Западную Армию, для отличия от Северной Армии ген. Е.К. Миллера. Расформирована приказом ген. Н.Н. Юденича в янв.–февр. 1920 г. в Эстонии.
- 62** Одним из лучших воинских формирований Северо-Западной Армии (СЗА) являлась 5-я «Ливенская» дивизия, в составе четырех полков, общей численностью около 2-х тыс. воинов. Основной состав дивизии был сформирован весной и летом 1919 г. на территории Латвии в гг. Либаве и Риге, где принимал участие в боях по освобождению Латвии от отрядов Красной

- армии. С июля 1919 г. в составе СЗА. До вхождения в ряды СЗА именовался по имени своего основателя и командира – Русским Добровольческим корпусом Светлейшего князя Ливена. Тяжелые потери «Ливенская» дивизия понесла в октябрьских боях под Петроградом. В вынужденной эмиграции свтл. кн. А.П. Ливен создал Объединение Ливенцев и учредил журнал «Служба Связи Ливенцев», со второго номера (май 1930) – «Служба Связи Ливенцев и Северо-Западников» (все-го вышло 8 номеров: № 1 в 1929 г., № 8 – сент. 1936 г.; ред.-издатель свтл. князь А.П. Ливен, ответственный ред. Ю.Н. Коваленко).
- 63 Так в тексте. Очевидно, перепутаны инициалы. Речь может идти об одном из трех депутатов Съезда – А.Н., П.Н. или П.М. Крупенских.
- 64 «Многая лета, Владыка!» (*греч.*). Церковное песнопение, которым приветствуют архиерея.
- 65 Редко встречающееся наименование Русской Армии генерал-лейтенанта, барона П.Н. Врангеля в Крыму.
- 66 Кемалисты – сторонники Мустафы Кемалья Ататюрка (1881–1938), турецкого паши и генерала (1916), совершившего под влиянием революции в России национально-буржуазную революцию в Турции (кемалистская революция, 1918 г.). Активно поддерживались советским правительством, которое первым признало Турецкую республику (1921).
- 67 Барон М.А. Таубе не точен. В результате Первой мировой войны полному крушению подверглись не две, а три монархии: Российская, Германская и Австро-Венгерская.
- 68 Наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд со своей супругой были убиты в Сараево (Босния) 15/28 июня 1914 г. членом конспиративной группы «Молодая Босния» масоном Г. Принципом. Это убийство стало поводом для объявления Австро-Венгрией войны Сербии, положившей начало Первой мировой войне.
- 69 В 1915 г. российский посол в Сербии кн. С.Н. Трубецкой писал главе МИД С.Д. Сазонову: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных. Если мы потерпим поражение в этом вопросе, вся Россия спросит нас, за что наши братья проливают кровь» (Цит. по: *Уткин А.И. Забытая*

трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 130). Вслед за этим Император Николай II потребовал от союзников прямого ответа на вопрос: Дают ли они определенное согласие на включение Константинополя и черноморских проливов (Босфора и Дарданелл) в состав Российской Империи в случае победы. Вопрос этот был для союзников очень болезненным, т.к. дать согласие России на обладание проливами и Константинополем означало пустить ее в зону своих жизненных интересов, а отказать – было чревато выходом России из войны и крахом Антанты. В итоге Англия согласилась на условия России, но предприняла все возможное, чтобы своих обещаний не выполнять. Подробнее об этом см: *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002 (Глава 7. «Николай II и вопрос о черноморских проливах») (Справка составлена А.А. Ивановым.)

70 Большая или Великая Польша (*фр.*).

71 Подробнее см.: *Платонов С.Ф.* Смутное время. Пг., 1923 и другие издания.

72 Брест-Литовский мирный договор 1918 г. между РСФСР и Германией и ее союзниками предусматривал отторжение русских территорий в Прибалтике, Малороссии и Белоруссии. В результате данного договора обрели суверенность бывшие российские лимитрофы: Польша, Эстония, Литва и Латвия. Версальский мирный договор 1919 г., завершивший Первую мировую войну, содержал устав созданной международной организации «Лига Наций» (1919–1939). Условиями договора предусматривалось отторжение ряда германских территорий, наложение тяжелых репараций и полное разоружение Германии. Вместе с Германией Версальским мирным договором была унижена и Россия. Ее представители (находящиеся как в эмиграции, так и в РСФСР) не были допущены на конференцию. Помимо этого конференция узаконила независимость новообразованных государств (бывших частей Российской Империи), которые были призваны стать кордоном, отделяющим Европу от большевиков.

73 Речь идет о договоре в Рапалло (Италия) между РСФСР и Германией, заключенном 16 апр. 1922 г. на Генуэзской конференции, по условиям которого были урегулированы взаимные претензии и установлены дипломатические отношения. Дан-

ный договор положил начало к налаживанию экономических и торговых отношений между странами-подписантами. Рапалльский договор явился прецедентом, де-юре признавшим власть большевиков. В последующие международные конференции в Гааге, Лозанне и Москве были установлены торговые отношения между РСФСР и Англией и другими странами.

74 Речь идет о Марокканских кризисах 1905 и 1911 гг., возникших из-за пересечения сфер интересов в Марокко Франции и Германии. В 1906 г. первый кризис был разрешен на Альхесирасской конференции, в ходе которой захват Франции Марокко был отсрочен, но Германия из-за сближения Франция и Англии осталась в изоляции. В 1911 г. Франция оккупировала Марокко, предложив Германии взамен часть своих территорий в Конго, в ответ Германия направила канонерскую лодку «Прыжок пантеры», из-за чего едва не разразилась война. Но из-за поддержки Франции Англией и Россией Германии пришлось согласиться на французские условия. (Справка составлена А.А. Ивановым.)

75 Имеется в виду «Всероссийское объединение имени К. Минина» (иногда именовалось обществом или союзом) – константинопольская монархическая организация численностью около 900 человек. Председатель – В.Н. Белевцев (Белевцов), быв. член Союза русского народа и правой фракции IV Гос. Думы. После Рейхенгалльского съезда организация прекратила свое существование, подчинившись ВМС. (Справка составлена А.А. Ивановым.)

76 Не совсем понятно, почему число поданных голосов превысило количество делегатов Рейхенгалльского съезда (100 человек, см. приложение, сост. А.С. Гершельманом). Либо к голосованию были допущены не заявленные в списке делегатов участники съезда, либо некоторые делегаты имели по два голоса, как это было на Российском Зарубежном съезде в Париже (1926). Причем, судя по результатам голосования, некоторые делегаты подали свои голоса одновременно за трех претендентов на пост председателя ВМС.

77 По воспоминаниям младшей дочери А.С. Гершельмана Марины Александровны, при эвакуации из Зальцбурга в 1945 г. часть своих вещей он сдал в камеру хранения железнодорожного вокзала. Вскоре последовал авианалет англо-американских бомбардировщиков, в результате которого вокзал был

- разрушен. При пожаре погибло множество ценных документов и фотографий из архива полк. А.С. Гершельмана.
- 78** *Beirischer Bierabend* – баварская пивная вечеринка (нем.).
- 79** Подробнее об освещении Рейхенгалльского съезда газетой «Руль» см.: *Куликов С.В.* Берлинский «Руль» и Рейхенгалльский съезд (монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // *Русские в Германии (1914–1933): Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.И. Старцев.* СПб., 1995. С. 29–36.
- 80** В эти годы на страницах русских правых изданий, выходящих в Германии, велась острая дискуссия по еврейскому вопросу, поэтому евреи априори считали, что раз Съезд монархический, то значит, непременно на нем должен обсуждаться еврейский вопрос.
- 81** В оригинале фамилия ошибочно указана как Перемыкин.
- 82** Антагонизм во взаимоотношениях между командованием и офицерами 3-й Русской Армии в Польше и комитетом, который возглавлял Б.В. Савинков, возник летом 1920 г. Ген. П.В. Глазенап и генерал Б.С. Пермикин, как и большинство офицеров армии, являлись убежденными монархистами, в отличие от группы Савинкова (сепаратисты и республиканцы), узурпировавших финансы и снабжение русских воинских формирований в Польше. Савинков стремился поставить в полную зависимость командование 3-й Русской Армии, когда ему это не удалось, он стал подчеркнуто вести двойственную политику снабжения армий: улучшенное снабжение Народной Добр. Армии ген. Ю.Н. Булак-Балаховича и отвратительное снабжение 3-й Русской Армии ген. Пермикина («полураздетая армия!»), чтобы добиться отказа командования от каких-либо монархических устремлений и методом измора попытаться подчинить себе руководство 3-й Русской Армии. Ген. Пермикин в конце концов был вынужден обратиться за помощью к польскому командованию. Неудивительно, что отношение к Савинкову со стороны офицеров 3-й Русской Армии было негативным. Подробнее см.: *Петров Н.* Савинков в Польше // *Двуглавый Орел (Берлин).* 1921. 15 Июня. С. 41–48.
- 83** В Рейхенгалль «с разных стран съехались люди различных политических течений и настроений, но объединенные общей горячею любовью к тяжело болеющей их Матери-Родине. Собрались они поразмыслить о том, где корень этой ужасной болезни и каковы способы ее лечения. Корень найден был опреде-

- ленно – это вызванный нашими революционно-либеральными кругами русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”, порождение измены и предательства. Способ лечения один – вернуть Россию к благодетельному историческому строю, восстановить на Престоле Законного Монарха из Дома Романовых, из той Династии, перед которой наше Отечество в неоплатном долгу» – отмечалось в редакционной статье журнала «Двуглавый Орел», вышедшего после Рейхенгалльского съезда (*Тальберг Н.[Д.] Париж и Рейхенгалль // Двуглавый Орел (Берлин). 1921. 1 (14) июня. № 9. С. 2).*
- 84 Текст обращения был опубликован: Двуглавый Орел (Берлин). 1921. 1 (14) июня. № 9. С. 3–7.
- 85 Имеется в виду Гаагская мирная конференция, созванная по почину Императора Николая II и состоявшаяся в Гааге 6–18 мая 1898. Целью конференции было ограничение вооружений и упрочение всеобщего мира. На конференции были приняты конвенции: 1) О мирном разрешении международных споров; 2) О законах и обычаях сухопутной войны; 3) О применении Женевской конвенции о раненых и больных к морской войне.
- 86 Текст обращения был опубликован: Двуглавый Орел (Берлин). 1921. 1 (14) июня. № 9. С. 7–10.
- 87 Так в тексте. Скорее всего, опечатка в инициалах и имеется в виду кн. А.А. Римский-Корсаков.
- 88 Речь идет о воспоминаниях: *Гершельман А.С.* В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III Интернационалом. 1919 год. / Публ. А.С. Кручинин, Н.Д. Егоров, А.Б. Езеев, А.С. Суслов, С.В. Федосюк. Военно-историческая библиотека «Военная Бель» № 3 (20) Части I–II. М., 1997 (Ч. I), 1998 (Ч. II). Переизданы в сб.: *Белая Борьба на Северо-Западе России.* / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 329–440.
- 89 Видимо, речь идет об одном из отделов тайной монархической организации «Союз верных», созданной в 1918 г. Н.Е. Марковым. В частности, организация занималась переправкой офицеров в ряды белых вооруженных формирований. Летом 1919 г. из Выборга на рыбацкой лодке на территорию Ямбургского уезда, подконтрольную Северному корпусу ген. А.П. Родзянко, прибыли братья А.С. и С.С. Гершельман с Н.Е. Марковым, откуда они вскоре благополучно добрались до Ямбурга, где вступили в ряды белых войск.

- 90** Ямбург, уезд. город С.-Петербургской губ. (с 1784 г.) на р. Луге, возникший из крепости Ям, построенной в XIV в. новгородцами (к XV в. военный, ремесленно-торговый и административный центр Северо-Западной Руси). В 1610–1703 гг. крепость находилась под оккупацией шведов. После возвращения, в ходе Северной войны, повелением Царя Петра I была наречена Ямбургом. С 1922 г. по настоящее время – г. Кингисепп, названный так по фамилии вожака эстонских коммунистов В. Кингисеппа, расстрелянного властями Эстонской республики.
- 91** Гершельман Василий Сергеевич (1884–1919). Полковник Л.-гв. Уланского ЕВ полка. С 1917 г. в Добровольческой армии, командир Конного дивизиона. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода. Убит 20 февр. 1919 г. в боях при имении Аскания-Нова.
- 92** Здесь уместно привести извлечение из воспоминаний белого офицера-«дроздовца», характеризующее политические настроения корниловцев: «В Корниловском полку и Корниловском училище долгое время исполнялся во всех официальных случаях так называемый “Корниловский гимн”, в его первоначальной редакции производивший неприятные впечатления на монархически настроенную часть офицеров и солдат. “Мы о прошлом не жалеем, Царь нам не кумир...” Последний раз я слышал гимн в этой редакции 13 апреля [1921] на сеансе “УГ” [«Утренней газеты»], устроенном в день третьей годовщины смерти Корнилова в расположении Корниловского полка. Впоследствии еще в Галлиполи эта фраза была переделана “Русь Великую жалеем, наш она кумир...”, но когда и по чьей инициативе это было сделано, мне неизвестно» (Цит. по: *Раевский Н. Дневник Галлиполийца // Простор (Казахстан). 2002. № 2. С. 46–47*).
- 93** Количество русских эмигрантов в Германии к началу 1921 г. составляло 300 тыс. человек, к концу этого же года их уже насчитывалось 600 тыс. В Берлине в 1922–1923 гг. проживало 360 тыс. эмигрантов из России. Подробнее см.: Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
- 94** Секретные агенты РОВС, члены боевых групп ген. А.П. Кутепова, пробиравшиеся с диверсионными целями в Советскую Россию. Многие из них стали жертвами чекистской провокации (операция «Трест»). Подробнее см.: *Свитков Н. Внутрен-*

- няя линия. (Язва на теле русской эмиграции.). Сан-Пауло, 1964.
- 95 Брат А.С. Гершельмана Василий Сергеевич был ранен в ногу.
- 96 А.С. Гершельман вспоминал: «Приехав в отпуск по болезни в Петербург, я узнал от матери загадку с телеграммой Е.И.В. Принца Александра Петровича Ольденбургского. Известие о моей болезни, посланное Богдашей (сослуживец А.С. Гершельмана по Л.-гв. Конной артиллерии. – С.З.), в тот же день пришло домой. Моя мать пришла в отчаяние – сыпной тиф считался ужасной болезнью с большим процентом смертности. В то время моя мать иногда встречалась в знакомом доме с Н.Н. Чебышевым, который ей посоветовал обратиться к Принцу с просьбой о переводе меня на излечение в Петербург. “Он должен понять, – говорил Николай Николаевич, – что ваша семья слишком уж много дает: один сын убит, другой ранен, третий болен сыпняком, четвертый на фронте. На вашем месте я бы просил о переводе хоть одного из них на тыловую должность”. Мать отвечала (как мне уже в Берлине рассказал Чебышев): “К Принцу я обращаюсь завтра же, но просить о переводе одного из сыновей в тыл не могу, – стыдно о таком просить”. Его Высочество немедленно принял мою мать, но категорически отказался о переводе меня в Петербург. “Я вполне вхожу в ваше положение, понимаю, что вы, как мать, переживаете. Но я как раз на днях отдал распоряжение, запрещающее перевозку заразных больных в глубокий тыл. Допустить такое исключение, в особенности для офицера Гвардии, считаю невозможным” [...] “Я сегодня же пошлю туда телеграмму, требуя справку о его здоровье. Это обеспечит ему лучший уход. Больше ничего не могу сделать”» (Цит. по: *Гершельман А.С.* Воспоминания о войне 1914–1917 гг. Как я болел сыпным тифом весной 1915 года. Копия рукописи, предоставленная И.А. Мухановой и М.А. Гершельман (Буэнос-Айрес), личный архив С.Г. Зирина).
- 97 Старший брат А.С. Гершельмана Юрий (Георгий), офицер батареи Е.В. Л.-гв. Конной артиллерии, погиб в бою под Каушеном 6/19 авг. 1914 г. (посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.). Тело Ю.С. Гершельмана было доставлено в Петроград и погребено с воинскими почестями в склепе рядом с отцом ген. от инф. С.К. Гершельманом и старшей сестрой Евгенией на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В настоящее время их место упокоения утеряно.

- 98** В семье ген. Сергея Константиновича Гершельмана (1854–1910) и его жены Александры Васильевны, урожд. Познанской (1861–1936) было четверо сыновей: Юрий (Георгий) (†1914, Каушен), офицер батареи Е.В. Л.-гв. Конной артиллерии; Василий (1884–1919, Крым), полковник Л.-гв. Уланского Е.В. полка; Сергей (1891–1957, Германия), полковник Л.-гв. Конной артиллерии; Александр (1893–1977, Аргентина), полковник Л.-гв. Конной артиллерии.
- 99** В кон. 1923 г. уже после встреч провокатора ГПУ А.А. Якушева с представителями ВМС А.С. Гершельман вызвался ехать представителем ВМС на якобы собиравшийся МОЦР съезд в Москве, однако «известный правый публицист и богослов Н.Д. Тальберг намеренно сорвал его нелегальную поездку в Совдепию (поскольку с подозрением относился к деятельности пресловутого “Треста”); скрыв от него несколько писем-приглашений от Якушева), приняв на себя шквал горьких упреков молодого, рвущегося в бой монархиста. Уже в 1950-е годы Николай Дмитриевич Тальберг в письме к Александру Сергеевичу признался в своем умышленном недопущении его поездки в Совдепию, чем спас Александра Сергеевича от рук чекистов» (Извлечение из письма М.А. Гершельман (Буэнос-Айрес) – С.Г. Зирину, 2000).
- 100** Речь идет об академике-востоковеде С.Ф. Ольденбурге (см. именной указ.).
- 101** Речь идет о книге: *Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II*. Мюнхен, 1949. В дальнейшем книга многократно переиздавалась как за рубежом, так и в России.
- 102** Профессор С.С. Ольденбург скончался в Пасхальную ночь 28 апреля 1940. Рукопись труда была доставлена при жизни автора в начале 1940 в Белград, и лишь после его смерти началась подготовка рукописи к изданию, которое было осуществлено, но в связи с началом войны между Германией и Югославией в 1941 от первого тиража осталось лишь несколько экземпляров.
- 103** Свято-Троицкий мужской православный монастырь в Джорданвилле (РПЦЗ), штат Нью-Йорк, США. Здесь после войны до самой своей кончины Н.Д. Тальберг преподавал историю России, Русской и Христианской Церкви семинаристам. Составил и написал несколько трудов по истории России и Церкви.

- 104 Кошунственная пародия на Благовещенье, написанная под влиянием французской антирелигиозной литературы XVIII в., авторство которой приписывают А.С. Пушкину.
- 105 См. *Краснов П.Н.* От двуглавого орла к красному знамени, 1894–1921: Роман. Т. 1–4. Берлин, 1921. В дальнейшем роман многократно переиздавался как за рубежом, так и в РФ. По мнению доктора Гарвардского университета Л.А. Фостер (автора двухтомной «Библиографии русской зарубежной литературы 1918–1968 гг.»), основанного на многолетнем анализе этого произведения, роман Краснова можно рассматривать не только как художественное произведение, но и как правдивое отображение исторических событий (См.: *Наша страна* (Буэнос-Айрес, Аргентина). 1995. 7 янв. № 2317. С. 4).
- 106 Речь идет об известном получении телеграмм от командующих фронтами и армиями на имя Государя Императора Николая II с просьбой Его отречения от Престола. Как известно, Государь тогда написал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость и обман».
- 107 См.: *Данилов Ю.Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. Первопубликация воспоминаний ген. Ю.Н. Данилова была осуществлена в Архиве Русской Революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 212–242.
- 108 Видимо, речь идет об одной из следующих публикаций: *Кефели Я.И.* С ген. А.В. Шварцем в Одессе (осень 1918 – весна 1919) // Военно-исторический вестник. № 35–37; Он же. Воспоминания военно-морского врача // ВИВ. № 49–50.
- 109 РОВС – Русский Обще-Воинский Союз был создан последним главнокомандующим Русской Армией ген. бар. П.Н. Врангелем 1 сент. 1924 г. с целью сохранения в вынужденной эмиграции кадров Армии. Объединил большую часть рассеявшихся офицеров и нижних чинов по разным странам в единой организационной воинской структуре. Членам РОВС запрещалось состоять в политических партиях (несогласные с этой политикой покинули организацию, образовав в 1936 г. Русский национальный союз участников войны, предс. – ген. А.В. Туркул). Наибольшую активность РОВС проявлял в 1924–1940 гг. После смерти Врангеля наиболее видными руководителями РОВС были ген. А.П. Кутепов (1928–1930) и ген. Е.К. Миллер (1930–1937) – оба похищены ОГПУ. Печатный орган РОВС – журнал «Часовой».

- 110** В Уставе РОВС указано, что политику определяет председатель Союза. Членам РОВС было запрещено какое-либо участие в партиях и партийных движениях, допускалось лишь присутствие члена РОВС на партийном собрании в качестве наблюдателя с согласия его непосредственного начальника.
- 111** Впервые книга (полное название: Наше преступление (Не бред, а быль): Из современной народной жизни) вышла в С.-Петербурге в 1909 г. и принесла писателю широкую известность – книгу высоко оценил Л.Н.Толстой, отметивший прекрасный народный язык и отсутствие фальши (в 1910 она переиздавалась пять раз, в 1922 г. выходила в Берлине и в 1997 г. – в Москве). В этой книге Родионов ярко показал «разобщение русского культурного класса с народом», которое, как считал писатель, грозило России падением в «бездну, провал, дно». (Справка составлена А.А. Ивановым.)
- 112** Вышедшая в 1922 г. книга «Жертвы вечерние: Не вымысел, а действительность», была посвящена участникам «Ледяного похода».
- 113** Центральный Союз русских увечных воинов в Берлине входил во 2-й Отдел РОВС, председатель ген.-м. Н.И. Глобычев (Глобачев), секретарь – капитан Яковлев. Союз располагал общежитием, заведующий полк. А.А. фон Гоер.
- 114** 16/29 июля 1927 г. заместитель Патриаршего Местоблюстителя Всероссийской Православной Церкви митр. Сергей (Страгородский) издал Декларацию, в которой он признавал советскую власть, чтобы «дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования». В ней, в частности, говорилось, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством»; «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Кроме того, митр. Сергей потребовал от эмигрантского духовенства подписки о лояльности советской власти, обещая исключить несогласных с Декларацией из клира Московской Патриархии. Архиеп. (позже митр.) Евлогий (Георгиевский) со своими викариями, еп. Вениамин (Федченков) и митр. Платон (Рождественский) согласились подчиниться указу митр. Сергея, что привело к первому расколу в РПЦЗ. Однако, архиеп. Евлогий одновре-

менно с подтверждением своей лояльности Московской Патриархии и признании митр. Сергия своим главой, отказался быть лояльным в отношении советской власти. После выступлений архиеп. Евлогия в Англии о гонениях на верующих в СССР и организованных им молений о страждущей в России Церкви митр. Сергей запретил архиеп. Евлогия в священнослужении. Последний, не желая признать свою вину, обратился с просьбой о временном принятии его и своей паствы под омофор Константинопольского Патриархата, после чего была образована Парижская и Западноевропейская епархия Вселенского престола.

- 115** Подробнее об истории еврейских погромов см.: *Кожин В.* «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998 (и др. изд.); *Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795–1995). Т. 1–2. М., 2001–2002; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006.
- 116** Лже-Анастасия – авантюристка. Выловленная в 1920 г. в одном из берлинских каналов, она провозгласила себя за «чудесно спасшуюся младшую дочь Императора Николая II Анастасию». Нашлись «доброхоты», которые поддерживали ее заявления, и лишь в 1958 г. на судебном разбирательстве в Гамбурге Вел. Кн. Ольга Александровна под присягой заявила, что данная особа не имеет никакого отношения к Семье последнего Российского Императора. Сравнительный анализ ДНК останков Лже-Анастасии, сделанный после ее кончины, подтвердил самозванство.
- 117** Речь идет об активности Национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлера.
- 118** На самом деле А.Ф. Керенский скрылся из пригорода Петрограда Гатчины в форме матроса. Нелицеприятная легенда о его побеге в женской одежде, запущенная, по всей видимости, черносотенной газетой «Гроза», уже 5 нояб. 1917 г. сообщавшей о побеге Керенского в платье сестры милосердия (см.: *Стогов Д.И.* Газета «Гроза» – идеологический рупор крайне правых // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук / Отв. ред. В.В. Барабанов, сост. А.Б. Николаев. СПб., 2006. С. 84) имела широкое хождение в СССР и в эмиграции).
- 119** Речь идет о произнесенной П.Н. Милюковым 1 нояб. 1916 г. речи в Государственной Думе, в которой он допустил клеветнический выпад против Государыни Александры Федоровны,

фактически обвинив Ее в измене. Данная речь, запрещенная цензурой, была размножена и широко распространялась оппозиционными кругами в обществе и на фронте, причем машинописные ее копии нередко обрастали дополнительными «сенсационными подробностями», отсутствовавшими в оригинале.

- 120** Речь идет о Н.А. Павлове – одном из лидеров Объединенного дворянства (см. именной указ.).
- 121** В 1922 г. Вел. Кн. Кирилл Владимирович принял звание Блустителя Престола, а в 1924 г. объявил себя Императором Кириллом I. Этот поступок Великого Князя вызвал раскол в монархическом движении русской эмиграции, т.к. его права на Престол были довольно спорными.
- 122** Речь идет об известном демарше, устроенном В.К. Кириллом Владимировичем, во главе Гвардейского Экипажа в февральские дни с красным бантом на груди, промаршировавшим к Таврическому дворцу и предложившим себя и Экипаж в распоряжение Временному комитету Государственной Думы. Позже он пытался объяснить свое столь странное для представителя Дома Романовых поведение боязнью за жизнь членов Императорского Дома.
- 123** Совр. порт и город Щецин в Польше.
- 124** Порт столицы Эстонии Таллин. До 1917 года именовался Ревельским портом по названию губернского центра Эстляндии Ревель (осн. 1154).
- 125** Подробнее о полк. Б.В. Энгельгардте и судьбах русских офицеров в Эстонии после присоединения Эстонской республики к СССР см.: *Бойков В.А.* Союз Северо-Западников // Белое Движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Материалы [Первой] международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2004. С. 96–108; *Исаков С.Г.* Б.В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Белое Движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2005. С. 144–179.
- 126** Сланцевые разработки на территории 1-й Эстонской республики производились в Кивиыли, железнодорожной станции (с 1946 г. – города) на линии Таллин–Нарва, в 15 км от г. Кохтла-Ярве. Здесь в рабочем поселке сосредоточилось большое количество северозападников с семьями, поскольку эта была одна из немногих возможностей прокормить семью.

- 127** Нарва, город на левом берегу р. Нарова (ныне Нарва), напротив Ивангорода в 210 км к от Таллина. В 1220–1346 гг. Нарва принадлежала Дании, затем (до 1558 г.) – Ливонскому ордену. В 1558 г. была взята русскими войсками, а в 1581 г. захвачена Швецией. Вновь взята русскими войсками в 1704 г. и по окончании Северной войны включена в состав Российской Империи. С 1919 по 1940 г. в составе Эстонской республики, затем вместе с Эстонией вошла в СССР. С 1991 г. и по настоящее время в составе Эстонии.
- 128** Ивангородская крепость основана в 1492 Московским Вел. Князем Иоанном III Васильевичем, как крепость 1600 кв. м, на Девичьей горе, на правом берегу р. Нарова (Нарва). Построена в течение 3-4-х месяцев из местного камня-плитняка. Под прикрытием от агрессивных помыслов соседей крепость вскоре стала первым русским портом, по сути «открывшим окно в Европу». В эти годы Ивангородский форштадт являлся частью Шелонской пятины Новгородской земли. Крепость известна также по немецким документам XV в. как «Контр-Нарва».
- 129** Нарвский замок построен в конце XIII в. датчанами. Достоверной датой постройки крепости считается 1277 г., которая была построена из местного камня-плитняка. В 1302 датский король пожаловал Нарве права города. В 1346 он же продал эти земли Тевтонскому ордену, глава которого, в свою очередь, перепродал замок и земли в 1347 Ливонскому ордену. Первое упоминание Нарвы городом обнаружено в документе, датированном 1390. В конце XIV в. Нарва была обнесена каменными стенами и опоясана широкими рвами. К началу XVI в. в Нарве проживало около 800 человек. С этого времени Нарва становится ареной вооруженных схваток за право ее обладанием.
- 130** Юрьев, совр. город Тарту в Эстонии. Известен с 1030 г. как Юрьев; в 1224–1893 гг. – г. Дерпт. С 1625 г. в составе Швеции, в 1721 г. присоединен к Российской Империи. С 1893 по 1919 г. – Юрьев; с 1919 г. – г. Тарту в составе 1-й Эстонской республики.
- 131** Шведское название г. Хельсинки, столицы Финляндии. После присоединения Финляндии к Российской Империи (1809) и создания Великого княжества Финляндского в Гельсингфорс из Турку была перенесена столица Финляндии (1812). С провозглашением независимости Финляндии (дек. 1917 г.) и поныне – столица Финляндской Республики.

- 132** Выборг и часть Карелии в 1917–1940 гг. находились в составе Финляндии.
- 133** По всей видимости, речь идет об организации Н.Е. Маркова «Великая единая Россия», существовавшей с лета 1917 по 1918 г., предтечи «Союза верных».
- 134** Сердоболь, город в Карелии в 287 км к западу от Петрозаводска. С 1617 г. в составе Швеции (г. Сортавала), с 1721 по 1918 г. в составе Российской Империи (г. Сердоболь), в 1918–1940 гг. в составе Финляндии. После советско-финской войны 1940 г. присоединен к СССР.
- 135** Дачное место при С.-Петербурге, на реке Большой Невке (станция Приморской железной дороги). Летом до 10 тыс. жителей.
- 136** В одном из своих посланий к пастве от 20 апр. 1920 г. митр. Антоний (Храповицкий) писал: «Я смиренный Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, старейший из русских архипастырей, находящийся Волею Божией на свободе от красного плена, возвышаю свой голос, дабы возвестить Русскому народу: Православные Христиане! Вставайте все против власти Красного антихриста! Не слушайте ничьих призывов примириться с ним, от которых бы эти призывы ни исходили! Нет мира между Христом и сатанюю. Властью, данной мне от Бога, разрешаю и освобождаю всех верующих от присяги, данной советскому самозваному правительству, ибо христиане сатане не подданные. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие против красной сатанинской власти поднимаемое и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело. Будьте бесстрашны вы все, идущие против антихриста и его приспешников, ибо говорит Святое Писание: “Не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить”. Радость на небе – тем, кто погибнет. Радость на земле – тем, кто уцелеет» (Цит. по: *Антоний (Храповицкий), митр.* Архипастырское послание ко всем православным русским людям в подъяремной России и за рубежом. 20 апр. 1930 г. (Листовка) // Личный архив С.Г. Зирина).
- 137** О борьбе карельских повстанцев против советской власти в 1919–1920 гг. см: *Пюккенен А.Ю.* Георгий Эльвенгрэн. Герой Перешейка. СПб., 2004.
- 138** После окончания Второй мировой войны насильственным образом на остров Валаам были переселены из Ленинграда все

тяжелые военные инвалиды, дабы «не портить настроение» гостям и жителям Северной Пальмиры. Все эти герои-страдальцы, забытые своей Родиной, нашли свой последний приют на монастырском погосте.

- 139** Русское кладбище в Берлине «Тегель» было основано в 1892 г. православным Свято-Владимирским братством, существовавшим при посольской церкви в Берлине на территории приобретенного ее настоятелем, прот. Алексеем Мальцевым, участка земли в пригородной тогда деревне Тегель. Там же был устроен православный храм во имя Св. Царя Константина и Царицы Елены. Храм и кладбище по распоряжению Императора Александра III были возведены на русской земле, которую привезли сюда из 20 российских губерний. Из России также были доставлены саженцы деревьев – липы, дуба, клена, – для того чтобы почившие на чужбине смогли найти покой в родной земле под сенью русских деревьев. Хоронили на кладбище не только русских, но и православных сербов, румын, греков. Со временем на территорию погоста были перенесены останки православных людей с католических и лютеранских берлинских кладбищ. В годы Первой мировой войны здесь были погребены русские воины, умершие в германском плену. В 1937 г. на погосте состоялось открытие памятника в честь русских воинов, украшенного терновым венцом и мечом с надписью: «Верным сынам Великой России». С течением времени кладбище стало мемориалом русской эмиграции в Германии. После Второй мировой войны кладбище, оказавшееся во французской зоне правления, было экспроприровано союзниками и передано во владение г. Берлина.
- 140** Гершельман Лидия Сергеевна (1896, Псков – 1937, Германия).
- 141** Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) – научно-благотворительная организация. Основано в 1882 г. в С.-Петербурге для поддержки Православия на Ближнем Востоке и содействия паломничеству в Святую Землю. Во главе ИППО стояли Вел. Кн. Сергей Александрович, а после его убийства (1905) до 1917 г. – Вел. Кн. Елизавета Федоровна. В Палестине и Сирии ИППО строило православные церкви, школы, больницы, организовывало археологические экспедиции, издавало научные труды. На нач. 1917 г. – 5 тыс. членов. В годы Первой мировой войны прервало свою

- деятельность. С 1918 г. «Российское Палестинское Общество при АН СССР». В 1992 г. восстановлено название ИППО. Общ-во развивает научные, культурные и духовные связи с народами Ближнего Востока и Средиземноморья.
- 142** В 1949 г. правительство Израиля во главе с Давидом Бен-Гурионом (один из лидеров сионистского движения) отобрало у РПЦЗ церковное имущество, находящиеся на Святой Земле, и передало его Московской Патриархии. Отобранное имущество включало не только Русское Подворье в самом центре Иерусалима и дорогие участки в различных районах израильской столицы, но и огромные угодья, приобретенные царским правительством в районе Тивериадского озера. В дальнейшем имущественные споры между РПЦ МП и РПЦЗ неоднократно возникали в отношении святынь, находящихся в Хевроне и Иерихоне.
- 143** Мать Вел. Кн. Кирилла Владимировича – Вел. Кн. Мария Павловна, перешла из лютеранства в Православие лишь в 1908 г., через 34 года замужества. Поэтому, согласно ст. 185 Основных Законов, Вел. Кн. Кирилл мог претендовать на Российский Престол лишь в резервном порядке, если бы в династии не осталось мужчин, рожденных от православных браков.
- 144** «Чудо на Висле» – польское название битвы за Варшаву, решающего сражения Советско-польской войны 1919–1921 гг. Сражение началось 13 авг. 1920 г. под Варшавой при Радзимице (менее чем в 25 км от города) и через 4 дня закончилось полным разгромом красных армий, понесших тяжелые потери. 18 окт. 1920 г. военные действия были прекращены, и 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор между Польшей и РСФСР.
- 145** Речь идет о выдаче англичанами русских казаков, воевавших на стороне Вермахта, и членов их семей советским властям в июне 1945 г. в Лиенце (Австрия). Подробнее об этой трагедии см.: Лиенц – казачья Голгофа. 1945–2005 / Сост. Шипулина Е.Я. Оттава, 2005.
- 146** «Союз согласия», «Тройственное согласие», Антанга (от фр. Entente – согласие), название военно-политического союза Великобритании, Франции и России, направленного против Германии и ее союзников; оформлен рядом соглашений в 1904–1907 гг. В ходе Первой мировой войны объединил свыше 20 государств.

- 147 Храм во имя св. прав. Елизаветы в Висбадене, построенный по проекту Ф. Хофмана в 1855 г. Подробнее см.: *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 55–62.
- 148 Рукопись воспоминаний А.С. Гершельмана, в которой он polemизирует с советским писателем Л.В. Никулиным, автором романа «Мертвая зыбь» (М., 1965), не издана. Копия рукописи и право ее публикации предоставлены С.Г. Зирину дочерьми А.С. Гершельмана И.А. Мухановой и М.А. Гершельман (Буэнос-Айрес).
- 149 А.А. Якушев в 1934 г. был арестован и заключен в лагерь, где в 1937 г. и скончался.
- 150 С.А. Якушев (р. 1880). Капитан 2-го ранга. Командир эскадренного миноносца «Жаркий» Черноморского флота (1914). Эвакуировался из Севастополя в Бизерту (1920), где служил преподавателем навигации в Морском корпусе. По инициативе брата, сотрудничавшего с ОГПУ, ок. 1923 перебрался в Сов. Россию. Дальнейшая судьба неизвестна.
- 151 На отца А.С. Гершельмана, московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана, 21 нояб. 1907 г. было произведено покушение. В сани, в которых он с адъютантом, кн. Оболенским, ехал в Лефортовский военный госпиталь на торжество по случаю его 200-летия, метнула сверток эсерка А. Севастьянова, сидевшая с корзиной, наполненной рыбой, на скамейке у ворот дома в Госпитальном переулке. К счастью, ни Гершельман, ни его адъютант, ни кучер не пострадали. Взрывом поломало сани, убило лошадей и тяжело ранило террористку, которую вскоре повесили.
- 152 Евлогянство, первый раскол в РПЦЗ, получивший название по имени лидера отколовшейся части священников и мирян митр. Евлогия (Георгиевского).
- 153 Рю Одесса (*фр.*) – улица Одессы в Париже.
- 154 «Русская Мысль» – ежемесячное литературно-политическое издание, издавалось в Софии, Праге, Берлине, Париже (1921–1927) под ред. П.Б. Струве и являлось возобновлением одноименного умеренно-либерального издания, выходившего в 1880–1918 гг. (с 1905 по 1918 г. – ред. П.Б. Струве). Возобновлено как еженедельная газета в Париже в 1947 г. и выходит донныне.
- 155 Подробнее см.: *Шварц А.В.* Ивангород в 1914–1915 гг. Из воспоминаний. Париж, 1969.

- 156** Характерно, что подобный совет получил ген. Н.Н. Юденич, прибывший весной 1917 г. с фронта в Петроград и зашедший в Государственный банк снять некоторую сумму со своего личного счета. «Чиновники, горячо его приветствовавшие, посоветовали ему снять все деньги, продать всю недвижимость и держать вырученные средства у себя. Супруги Юденич продали дом в Тифлисе и земли в Кисловодске. Вся ценность совета они поняли уже на чужбине, когда смогли сами нормально устроить быт и помочь многим другим беженцам» (Цит. по: А.Н. Юденич. Воспоминания (Извлечения) / под ред. Л. Грюнвальда // Часовой (Брюссель, Бельгия). 1962. окт. № 10 (437), С. 19–22).
- 157** Неточное цитирование записи из дневника Государя Императора Николая II от 2 марта 1917 г. Правильно: «...В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»
- 158** Список, изданный по-немецки хозяйственно-политическим объединением «Ауфбау»: «Русский Съезд Хозяйственного восстановления России. Курорт Рейхенгалль (29 мая 1921 года)» (перевод с немецкого А.С. Гершельмана).
- 159** В сб. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х гг. Документы и материалы. Т. I. Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. вторая. На чужбине: М., 1998. В списке участников Рейхенгалльского съезда (С. 459) Г.Е. Чаплин ошибочно указан как капитан 2-го ранга.
- 160** У А.С. Гершельмана фамилия ошибочно указана как Кемпен.
- 161** В списке участников съезда, опубликованном в сб. «Русская военная эмиграция» (С. 459) имя графа Адлерберга указано как Федор Викторович.
- 162** Правильно: Паттон-Фантон де Веррайон Петр Иванович, контр-адмирал.
- 163** В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 460) ошибочно указан как Шемакин Алексей Алексеевич.
- 164** В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 460) указан как секретарь посла в Константинополе.
- 165** У А.С. Гершельмана ошибочно указано отчество ротм. Роговича – Александрович, правильно: Алексеевич.
- 166** У А.С. Гершельмана имя и отчество ошибочно написано как Никита Лаврович.
- 167** В 1919 г. ротмистр кн. А.П. Ливен был произведен ген. Н.Н. Юденичем в чин полковника.

- 168** В сб. «Русская военная эмиграция» (С.461) ошибочно указан род войск ген. И.И.Мрозовского как генерала от артиллерии.
- 169** В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 461) указан как Непенштром.
- 170** У Гершельмана ошибочно указан как Бельгард.
- 171** Встречается также написание фамилии как Нейдгарт, и Нейдгардт.
- 172** В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 462) имя указано как Хамильнар.
- 173** У А.С. Гершельмана ошибочно написано Евгений.
- 174** В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 462) в разделе «Монархическое объединение» имя О.С. Трахтерева отсутствует.
- 175** Так в рукописи. Вероятно, буквальный перевод с немецкого языка слова «Съезд». В сб. «Русская военная эмиграция» (С. 458) значит как «Организационное бюро съезда».
- 176** Hofrat (*нем.*) – надворный советник.

часть четвертая

**СПРАВОЧНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ ЛИЦ*

А

АВКСЕНТЬЕВ Николай Дмитриевич (1878, Пенза – 1943, Нью-Йорк). Один из создателей и идеологов партии эсеров. Участник революции 1905–1907; был сослан в Сибирь, откуда бежал во Францию, где издавал и редактировал газ. «Знамя труда» (1907–1917). В годы Первой мировой войны стоял на позициях оборончества, организовывал добр. отряды из русских эмигрантов. После февр. 1917 вернулся в Петроград, пред. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. Министр внутренних дел ВП (июль–сент. 1917). В ходе захвата власти большевиками участ-

---

* Именной ключ составлен А.А.Ивановым и С.Г.Зириным. В него включены лица, упоминаемые только в дневнике и воспоминаниях, опубликованных в настоящей книге. Лица, упомянутые во вступительных статьях, примечаниях и приложении, в справочнике отсутствуют. Все персоналии указаны в алфавитном порядке по фамилиям. Лица, принадлежащие к Императорскому Дому и монашествующие, указаны по именам. Справки не претендуют на полноту и освещают лишь наиболее значимые жизненные вехи упомянутых в книге лиц. Составители указателя признательны всем тем, кто помогал в уточнении биографических справок на упомянутых в книге лиц, прежде всего, выражая благодарность: И.А.Мухановой и М.А.Гершельман, М.А.Кублицкой (Аргентина); С.В.Волкову, М.Ю.Катину-Ярцеву, Г.Б.Кремневу, А.В.Репникову, В.Г.Чичерюкину-Мейнгардту (Москва); А.Б.Николаеву (С.-Петербург).

вовал в организации Комитета спасения Родины и революции. Осенью 1918 в Уфе был избран пред. Временного Всероссийского правительства, арестован и выслан колчаковцами в Китай. С 1919 в Париже, ведущий сотрудник журн. «Современные записки». В 1940 переехал в США, издавал журнал «За свободу».

АДЛЕРБЕРГ Владимир Николаевич, граф. Полковник. Один из лидеров Баварской монархической группы. Также не исключено, что имеется в виду **АДЛЕРБЕРГ Федор Викторович**, граф. Полковник, участник Рейхенгалльского Монархического съезда от русской эмиграции Баварии.

АЛЕКСАНДР II Николаевич (1818, Москва – 1881, С.-Петербург). Царь-Освободитель. Император Всероссийский. (1855–1881).

АЛЕКСАНДР III Александрович (1845, С.-Петербург – 1894, Ливадия). Царь-Миротворец. Император Всероссийский (1881–1894).

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (1872, Дармштадт – 1918, Екатеринбург). Российская Императрица, супруга Императора Николая II. Шеф Лейб-гвардии Уланского полка (1894–1917). Убита большевиками вместе со всей Семьей, канонизирована.

АЛЕКСЕЕВ Михаил Васильевич (1857, Тверская губ. – 1918, Екатеринодар). Генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), проф. Академии Генштаба (1894–1904). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Командующий Северо-Западным фронтом, начальник Штаба Верховного главнокомандующего (1915–1917), Верховный главнокомандующий (май–сент. 1917). Один из организаторов Добровольческой армии, ее Верховный руководитель (авг. – сент. 1918).

АЛЬВЕНСЛЕБЕН, фон Константин, граф. Капитан (по др. данным – майор) германского Генштаба. Активный участник гетманского переворота на Украине, поддерживал связь с русскими монархистами.

АНАСТАСИЙ (в миру **Грибановский Александр Алексеевич**). (1872, Тамбовская губ., – 1965, Нью-Йорк). Митрополит, Первоиерарх РПЦЗ (1936–1964). Активный участник монархического движения, перед революцией (1916) архиеп. Кишиневский и Хотинский. В 1919 выехал в Константинополь, поддерживал тесные связи с ген. П.Н. Врангелем и ген. А.П. Кутеповым.

АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, Великая Княгиня (1867, Черногория – 1935, Франция). Дочь кн. (впоследствии короля) Николая I Черногорского, супруга (во втором браке) Вел. Кн. Николая Николаевича (младшего).

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871, Орел – 1919, Финляндия). Писатель, драматург, публицист. Придерживался революционно-демократических взглядов. После захвата власти большевиками переехал в Финляндию, откуда обличал коммунистическое засилье в России.

АНДРЕЕВСКАЯ (урожд. графиня **Кайзерлинг**) **Екатерина Гебгардовна**. Правильно: **Кейзерлинг Беатриса-Теофилия-Элизабет-София Екатерина Гебгардовна** (1884, Курляндская губ. – 1961, Париж). В первом браке (1909–1916) за Ф. Терещенко, во втором – за Н.Н. Воронцовым-Вельяминовым (1917–1927), корнетом Черниговского гусарского полка. Приняла Православие с именем Екатерины, сотрудница бюро Рейхенгалльского съезда.

АНДРЕЕВСКИЙ Александр Сергеевич (1890–1963), сын С.С. Андреевского, штабс-ротмистр 17-го гусарского Черниговского Вел. Кн. Михаила Александровича полка. Член канцелярии ВМС.

АНДРЕЕВСКИЙ Сергей Сергеевич (1857–1930, Франция). Шталмейстер, сенатор. Воронежский (1902–1906) и Орловский (1906–1915) губернатор. Последние годы жизни прожил в Русском доме Сент-Женевьев де Буа.

АНДРЕЕВСКИЙ Степан Сергеевич (1889–1961, Зальцбург), сын С.С. Андреевского, ротмистр 17-го гусарского Черниговского Вел. Кн. Михаила Александровича полка, в эмиграции сотрудник Н.Е. Маркова.

АНДРО де ЛАНЖЕРОН Димитрий Федорович, сотник Л.-гв. Казачьего полка. Создатель и руководитель Добр. отряда. Помощник по гражданской части ген. А.В. Шварца в Одессе (нач. 1919). Эмигрировал в Польшу.

АНИЧКОВ Дмитрий Иванович (1866 – после 1919). Генерал-лейтенант. Служил в Л.-гв. ЕВ Уланском полку. Участник Русско-японской войны. С 1908 в отставке. Во время Первой мировой войны нач. школы прапорщиков. В 1917 участник подпольной монархической организации В.М. Пуришкевича. В 1918 арестован боль-

шевиками, но вскоре освобожден. Участник Белого движения в составе Добр. армии и ВСЮР. Эмигрировал.

АНТОНИЙ (в миру **Храповицкий Алексей Павлович**) (1863, Новгородская губ. – 1936, Сремски Карловцы, Югославия). Митрополит Киевский и Галицкий. Активный участник монархического движения (почетный пред. Почаевского отдела СРН). В 1917 один из кандидатов в Патриархи на Поместном Церковном соборе. В эмиграции с 1920. Почетный пред. Рейхенгалльского съезда. Глава Высшего церковного управления за границей, один из лидеров правого фланга русской эмиграции.

АНТОНОВ (наст. фамилия **Овсеев**) **Владимир Александрович** (1883, Чернигов – 1938, Москва). Большевик. Организатор вооруженного восстания в Севастополе (1906). С 1910 в эмиграции во Франции, вернулся в Россию в марте 1917. Во время большевистского восстания член бюро и секретарь Петроградского ВРК, один из военных руководителей штурма Зимнего дворца и ареста ВП. Член Комитета СНК по военным и морским делам, нарком. Командовал войсками Петроградского ВО (нояб.–дек. 1917), главком красных войск Юга России (1918), член Высшего военного совета и командующий сов. армией Украины. Член РВС (1918–1919). В 1921 пред. полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с противниками сов. власти в Тамбовской губ., начальник Политуправления РВС (1923–1924). С 1924 на дипломатической работе, в 1934–1936 прокурор РСФСР. В 1937 репрессирован и вскоре расстрелян.

АПРАКСИН Петр Николаевич, граф (1876, Нерви, Италия – 1962, Брюссель). Д.с.с., гофмейстер, воронежский вице-губернатор (1907–1911), таврический губернатор (1911–1913), состоял при Императрице Александре Федоровне (1913–1917). Активный участник монархического движения, член Совета РС. Поддержал Белое движение, пред. Ялтинской городской думы (1920). Эмигрировал в Бельгию, где основал Историко-генеалогическое общество; пред. бельгийского отдела «Союза Пажей».

АПУХТИН Алексей Николаевич (1840 или 1841, Орловская губ. – 1893, С.-Петербург), русский поэт.

АРСЕНЬЕВ Борис Константинович (?) (+1925, Париж). Дипломат, сын академика К.К. Арсеньева (1837–1919).

АРТАМОНОВ Юрий Александрович (ок. 1898–1971, Сан-Паулу). Корнет Л.-гв. Конного полка. Служил в добр. отряде ген. Л.Н. Кирпичева на Украине (1918), затем в 3-м батальоне Русского Добр. корпуса свтл. кн. А.П. Ливена (с мая 1919), в СЗА в 3-м стр. полку 5-й «Ливенской» дивизии (с июля 1919), в 19-м Полтавском полку (с дек. 1919). После в эмиграции в Эстонии, Польше, Бразилии. В Эстонии вел разведывательную и подрывную антисоветскую деятельность, помогая боевым тройкам ген. А.П. Кутепова переправляться через границу.

Б

БАГГОВУТ Иван Карлович (1862–1933, Канны, Франция). Генерал-лейтенант РИА, генерал от артиллерии ВСЮР. Командир Л.-гв. 2-й артилл. бригады, командир 42-го армейского корпуса. В Белом движении в Донской армии. Эмигрировал во Францию.

БАГРАТУНИ Яков (Акоп) Герасимович (1879–1943). Полковник РИА. Генерал-майор (1917). Участник Русско-японской войны, командовал ротой 19-го Восточно-Сибирского стр. полка. Старший адъютант штаба Туркестанского ВО (с 1913). В годы Первой мировой войны и.д. нач. штаба 1-го Туркестанского арм. корпуса (1914–1915). Георгиевский кавалер. С 1916 командир 8-го Туркестанского стр. полка. Нач. штаба Петроградского ВО (июль–окт. 1917) и его главнокомандующий (окт. 1917). Один из организаторов защиты Петрограда во время выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917). Руководитель объединенной военной миссии Республики Армении и национальной делегации в США (1919–1920), посол Армении в Англии (1920). Эмигрировал.

БАРАНОВ Александр Николаевич, ротмистр, сын петербургского градоначальника (1881) и нижегородского губернатора (1882–1897), героя Русско-турецкой войны 1877–1878 ген. Н.М. Баранова (1836–1901). Участник Китайской кампании (награжден солдатским Георгиевским крестом) и Первой мировой войны в составе Ингушского полка Туземной дивизии (награжден офицерским «Георгием»). После революции в рядах Добр. армии, командир особого отряда на Кавказе. Выслан из белого Крыма за границу за то, что дал пощечину приехавшему к ген. П.Н. Врангелю октябристу А.И. Гучкову.

БАРАНОВСКИЙ Николай Александрович (1886–1957, Париж). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Эмигрировал во Францию.

БАРАНСКИЙ, см.: Соколов-Баранский В.П.

БАУМГАРТЕН, фон Александр Александрович (1889, С.-Петербург – 1955, Сан-Паулу). Ротмистр РИА, полковник Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Участник Первой мировой войны, командир эскадрона Л.-гв. Кирасирского ЕВ полка. В Белом движении в Добр. армии, ВСЮР и Русской армии. В эмиграции в Константинополе, Германии, Бразилии (с окт. 1929). Уполномоченный Союза инвалидов в Бразилии, тов. пред. Свято-Владимирского общества.

БАХМЕТЕВ Борис Александрович (1880, Тифлис – 1951, Нью-Йорк). Инженер-гидравлик, проф. С.-Петербургского политехнического ин-та. Меншевик. Тов. министра торговли и промышленности ВП (1917). Посол правительства адмирала А.В. Колчака в США (1919–1922). Организовывал финансовую помощь Русской армии ген. П.Н. Врангеля в Югославии и ряду других русских эмигрантских организаций. Проф. инженерного ф-та Колумбийского ун-та (с 1931), при котором хранится Бахметевский архив, ценное собрание документов и рукописей по истории России.

БЕЗОБРАЗОВ Владимир Михайлович (1857–1932, Ницца). Генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Однополчанин Императора Николая II по службе в Л.-гв. Гусарском полку, командир Л.-гв. Кавалергардского полка (1900–1904). Командующий гвардейским корпусом (1912–1915) и Особым гвардейским отрядом (с 1915). Георгиевский кавалер. В 1919 эмигрировал в Копенгаген. Член полкового объединения Л.-гв. Семеновского полка. Участник Рейнгальского съезда.

БЕЛЕЦКАЯ (урожд. Дуропа) **Ольга Константиновна**. Дочь генерала от инфантерии К.Н. Дуропа (1843–1911), супруга С.П. Белецкого (с 1900). Предпринимала попытки спасения своего мужа из заключения, ездила в Москву на прием к Н.В. Крыленко.

БЕЛЕЦКИЙ Степан Петрович (1873–1918, Москва). Тайный советник, сенатор. Самарский вице-губернатор (1907–1909). И.д. вице-директора (с 1909) и директор Департамента полиции (1912–1913). Тов. министра внутренних дел (1915–1916). После Февраль-

ской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян большевиками.

БЕЛЬДГАРДТ, фон Алексей Валерианович (1861–1942). Сенатор, гофмейстер. Начальник Главного управления по делам печати при МВД (1903–1912), гласный петербургской Городской думы, член Романовского комитета, пред. правления Петроградского общества патроната (1916). Эмигрировал в Германию, глава Центрального бюро русских артелей в Берлине (1920–1925).

БЕНИГСЕН, предположительно **Георгий Павлович**, граф (1879–1962, Нью-Йорк). Ротмистр Л.-гв. Преображенского полка. В плену с 1914. В Белом движении с 1918 в составе войск Северного фронта, доброволец в английских частях в Мурманске в чине капитана. Эмигрировал в Лондон, генеральный секретарь Общества помощи русским беженцам, тов. пред. РНО в Англии.

БИБИКОВ Георгий (Юрий) Евгеньевич (1881–1971, Нью-Йорк). Полковник Л.-гв. Уланского ЕИВ полка. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. С осени 1918 в Псковском добр. корпусе. Сформировал и возглавил Конно-егерский полк СЗА. Командант Ямбурга (май–июль 1919). Член монархической организации «Союз Верных». Эмигрировал в Германию, один из учредителей Союза офицеров Российской Армии и Флота в Берлине. В 1920-х переехал во Францию, позже – в США.

БИСКУПСКИЙ Василий Викторович (1878–1945, Мюнхен). Генерал-майор РИА, генерал от кавалерии от КИАФ. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Георгиевский кавалер. Командующий 3-й кавалерийской дивизией (1917). Командующий войсками гетмана в Одессе (1918). Эмигрировал в Германию, глава Западно-Русского правительства в Берлине (июль–сент. 1919). Участник Рейхенгалльского съезда, один из руководителей русско-немецкого общества «Ауфбау». В 1929 принял участие в Капповском путче. Нач. управления по делам русской эмиграции в Германии (с 1936). По некоторым данным был причастен к заговору против А. Гитлера.

БИСМАРК Отто, фон (1815–1898). Германский государственный деятель, князь. В 1870–1871 осуществил объединение немецких земель, рейхсканцлер Германской империи.

БОБРИЦЕВ-ПУШКИН Александр Владимирович (1875, С.-Петербург – 1937, Ленинград). Адвокат, публицист. Один из основате-

лей Совета Конституционно-монархического союза (1906). Член ЦК «Союза 17 октября». После большевистского переворота вступил в коллегия защитников, выступал в Ревтрибунале защитником В.М. Пуришкевича (январь 1918). С 1919 на белом Юге, в 1920 эмигрировал. В 1920-х стал одним из идеологов сменовеховства, в 1923 вернулся в Сов. Россию. До 1933 занимался адвокатской практикой, затем на пенсии. В 1935 арестован, в 1937 расстрелян.

БОБРИЦЕВ-ПУШКИН Владимир Михайлович. Известный петербургский адвокат, отец А.В. Бобрицева-Пушкина.

БОГРОВ Мордехай (Дмитрий) Гершкович (1887–1911, Киев). Помощник присяжного поверенного. С 1905 в революционном движении. Платный агент киевского охранного отделения (с 1906). Убийца П.А. Столыпина (1911), повешен по приговору суда.

БОДЕ де Николай Николаевич, барон (ок. 1896 – не ранее 1918). Штабс-ротмистр Л.-гв. Гродненского Гусарского полка. Некоторое время служил в Драгунском Псковском полку. Осенью 1917 участник монархической организации В.М. Пуришкевича, нач. ее штаба. Участвовал в юнкерском восстании (октябрь 1917). Арестован, приговорен к трем годам принудительных работ. Амнистирован в мае 1918.

БОЛДЫРЕВ Василий Георгиевич (1875, Сызрань – 1936, под Новосибирском). Генерал-лейтенант. Участник Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны на штабных и командных должностях, с сентября 1917 командовал 5-й армией. Георгиевский кавалер. После Октябрьской революции за неподчинение приказам советского командования арестован, вскоре освобожден. Член Уфимской директории и главком ее войск (1918). Выслан адм. А.В. Колчаком в Японию. В 1920 вернулся в Россию, занимал различные военные посты в белогвардейских правительствах Дальнего Востока. После взятия Владивостока красными арестован (1922), в тюрьме заявил о своем желании служить сов. власти, амнистирован (1926). Служил в советских учреждениях. Репрессирован и расстрелян.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Михаил Дмитриевич (1870, Москва – 1956, там же). Генерал-майор РИА, в годы Первой мировой войны нач. штаба Северного фронта. Одним из первых (октябрь 1917) перешел на службу к большевикам, член Высшего военного совета красных (1918), нач. Полевого штаба РВС (1919), затем на педагогической работе.

БОРМАН Аркадий Альфредович (1891, С-Петербург – 1974, Нью-Йорк). Журналист, сын члена ЦК кадетской партии, писательницы и публицистки А.В. Тырковой-Вильямс. Участник Белого движения во ВСЮР. Эмигрировал в Париж, в 1951 переехал в США. Во Франции сотрудничал в газетах «Возрождение», «Русская Мысль», журнале «Часовой» и др. В США 13 лет работал в редакции русскоязычной радиостанции «Голос Америки». Публиковался в газете «Новое Русское Слово».

БОШЭН, предположительно **БОШЕН** Эдм-Пьер (1748–1824). Французский врач и писатель-моралист.

БРЕВЕРН, фон Павел Оттонович (1891–1955, Аргентина). Прапорщик, произведен из вольноопределяющихся Л.-гв. Конной артиллерии (1917), служил в Конно-мортирном дивизионе в Красном Селе (февр. 1917). В Гражданскую войну служил в Псковском Добр. корпусе (нояб. 1918), в артил. батарее кап. С.С. Гершельмана (июнь 1919). В СЗА в Балтийском полку (Baltenregiment). Эмигрировал в Эстонию, откуда в кон. 1939 эвакуирован немцами в Польшу. Переводчик при Вермахте (1941–1943). С 1945 проживал в беженском лагере в Ганновере. В сент. 1950 переехал в Аргентину.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ (урожд. **Вериго**) Екатерина Константиновна (1844, Витебская губ. – 1934, близ Праги). Одна из организаторов и лидеров партии эсеров. В революционном движении с 1873. С 1874 по 1896 находилась на каторге и в ссылке. В 1903 эмигрировала в Швейцарию, в 1904 – в США. В 1905 вернулась в Россию, работала в эсеровских организациях. Неоднократно избиралась в ЦК партии эсеров. В 1907 вновь арестована и сослана на поселение в Сибирь, откуда вернулась после Февральской революции. Поддерживала ВП (получила «почетное» прозвище «Бабушка русской революции»). К Октябрьской революции отнеслась враждебно, участвовала в деятельности Комуча и Уфимского гос. совещания (1918). В 1919 эмигрировала в США, затем во Францию и в Чехословакию (1924).

БРОДСКИЙ Лев Израилевич (1852, Киевская губ. – после 1917). Купец 1-й гильдии, коммерции советник, крупный сахарозаводчик, меценат. Тов. пред. Киевского биржевого комитета и правления Всероссийского общества сахарозаводчиков.

БРУДЕРЕР Александр Арнольдович. Правый эсер, член военной комиссии при ЦК партии. В дни юнкерского мятежа (окт. 1917) на-

значен «Комитетом спасения Родины и революции» комиссаром Владимирского пех. училища. После поражения восстания бежал из Петрограда. Арестован большевиками, но вскоре освобожден.

БРУСИЛОВ Алексей Алексеевич (1853, Тифлис – 1926, Москва). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. В 1881–1906 служил в Офицерской кавалерийской школе (в 1902–1906 ее начальник). С 1906 командовал кавалерийской дивизией, затем 12-м арм. корпусом. В 1912–1913 помощник командующего войсками Варшавского ВО. В Первую мировую войну командовал 8-й армией, с 1916 главнокомандующий Юго-Западного фронта, провел успешное наступление (Брусилowski прорыв). Георгиевский кавалер. В мае–июле 1917 Верховный главнокомандующий. С 1920 в Красной армии, в 1923–1924 инспектор кавалерии.

БУБЛИКОВ Александр Александрович (1875, С.-Петербург – 1936?). Инженер путей сообщения. Член IV ГД (прогрессист), ма-сон. С начала Февральской революции назначен ВКГД комиссаром в Министерство путей сообщения; в ночь с 27 на 28 февр. использовал железнодорожный телеграф для оповещения начальников всех станций страны о том, что власть перешла к ГД. 28 февр. приказал остановить царский поезд, следовавший из Ставки в Царское Село. 8 марта (в числе 4 комиссаров ГД) прибыл в Могилев для ареста Царя. После Октябрьской революции эмигрировал.

БУЛЫГИН Павел Петрович (1895/1896, Владимир – 1936, Асунсион, Парагвай). Капитан Л.-гв. Петербургского полка. Участник Первой мировой войны. В Белом движении в Добр. армии, участник 1-го Кубанского (Ледяного) Похода. Служил в отряде особого назначения по охране Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и членов Дома Романовых, проживавших в Крыму. Участник комиссии следователя Н.А. Соколова по расследованию убийства в Екатеринбурге Царской Семьи. В 1920-е служил в Абиссинии инструктором в армии Негуса и заведующим правительственной кофейной плантацией. В 1923 издал книгу «Убийство Романовых». В нач. 1930-х приехал в Литву, где собрал колонию старообрядцев-хлеборобов «Балтика», с которой переехал в Парагвай.

БУРЦЕВ Владимир Львович (1862, Форт Перовский – 1942, Париж). Публицист, издатель и политический деятель. Участник народных кружков (1880-е), ссылался в Сибирь, откуда бежал за

границу. Издатель и редактор сборников и журнала «Былое». В 1905 вернулся в Россию, был близок эсерам; в 1907 снова бежал за границу. Приобрел известность разоблачением агентов охраны (в частности, Е.Ф. Азефа и Р.В. Малиновского). В 1911–1914 издавал в Париже газету «Будущее». В 1915 вернулся в Россию, выступал за временное прекращение рев. борьбы до победы над врагом. Октябрьской революции не принял, уже 25 окт. 1917 выступив со страниц газеты «Наше общее дело» с призывом: «Граждане! Спасайте Россию!» Стал первым арестованным сов. властью. После освобождения (февр. 1918) бежал в Финляндию, затем в Швецию. Поддержал Белое движение, тов. пред. «Русского национального комитета». В эмиграции пытался вести борьбу с сов. агентурой.

БУТЕНКО Борис (†1926, Будапешт). Дорожный инженер, создатель и начальник Каменецкой железной дороги. Гетманский министр путей сообщения (1918).

БЬЮКЕНЕН Джордж Уильям (1854–1924). Посол Великобритании в России (1910–1918), был тесно связан с октябристами и кадетами, поддержал Февральскую революцию.

В

ВАКУЛОВСКИЙ, предположительно **Петр Аркадьевич** (†1943, Париж?). Полковник 81-го пех. Апшеронского полка.

ВАННОВСКИЙ Петр Семенович (1822, Киев – 1904, С.-Петербург). Генерал от инфантерии. Участник Крымской и Русско-турецкой войн. Почетный член Петербургской академии наук (1888). Военный министр (1881–1897). Член ГС (1898). Министр народного просвещения (1901–1902).

ВАСКЕВИЧ П.Н., поручик, позже капитан, начальник петроградской тюрьмы «Кресты» с окт. 1917.

ВЕДЕНЯПИН, предположительно **Михаил Александрович** (†1974, Лион, Франция). Полковник, участник Белого движения, служил во ВСЮР и Русской Армии в Сводном гвардейском полку. Эмигрировал во Францию, работал на заводах. Принял французское гражданство.

ВЕЛИО Владимир Иванович, барон (1877, С.-Петербург – 1961, Спринг-Валли, США). Генерал-майор. Участник Первой мировой

войны, командир Л.-гв. Конной артиллерии, командир и сослуживец А.С. Гершельмана. Участник Белого движения в рядах СЗА: нач. штаба 2-го стр. корпуса (1919). В эмиграции в Германии и Бельгии, позже переехал в США.

ВЕНИАМИН (в миру **Казанский Василий Павлович**) (1874, Олонецкая губ. – 1922, Петроград). Митрополит Петроградский, священномученик. Ректор С.-Петербургской духовной семинарии (с 1905). С 1910 епископ Гдовский, викарий С.-Петербургской епархии. С 1918 митрополит Петроградский, священноархимандрит Александро-Невской Лавры, член Св. Синода. Арестован в 1922 по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей и вскоре расстрелян. Канонизирован.

ВЕРДЕРЕВСКИЙ Дмитрий Николаевич (1873, С.-Петербург, – 1946, Париж). Контр-адмирал. Во время Февральской революции нач. дивизии подводных лодок Балтийского флота в Ревельской морской базе. В апр.–мае 1917 нач. штаба Балтийского флота, с июня командующий Балтийским флотом. Морской министр (с сент. 1917). Во время большевистского переворота арестован в Зимнем дворце, но освобожден из-за согласия сотрудничать с новой властью. Позднее эмигрировал, незадолго до смерти принял советское гражданство.

ВИЛЬГЕЛЬМ II Гогенцоллерн (1859–1941). Император Германии, король Пруссии (1888–1918).

ВИНАВЕР Максим Моисеевич (1863, Варшава – 1926, Ментон-Сен-Бернар, Франция). Юрист. Один из основателей партии кадетов, член ее ЦК, ближайший соратник П.Н. Милюкова. Член «Союза для достижения равноправия евреев». Депутат I ГД, один из лидеров кадетской фракции. Подписал Выборгское воззвание (1906), приговорен к 3 мес. заключения в «Крестах». После Февральской революции назначен VII сенатором. Участвовал в выработке закона о выборах в Учредительное собрание; избран в него от кадетов. Арестован большевиками, но вскоре отпущен. С весны 1919 министр внешних сношений Крымского Краевого правительства. Эмигрировал во Францию, где возглавил Комитет кадетов; один из основателей газеты «Последние новости».

ВИНБЕРГ Егор Федорович. Брат генерала от кавалерии В.Ф. Винберга, дядя Ф.В. Винберга.

ВЛАДИМИР (в миру **Богоявленский Василий Никифорович**) (1848, Тамбовская губ. – Киев, 1918). Митрополит Киевский и Галицкий, священномученик. С 1888 епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии, затем епископ Самарский и Ставропольский. С 1892 архиепископ, экзарх Грузии. С 1898 митрополит Московский, с 1912 – Санкт-Петербургский и Ладожский, с 1915 – Киевский. Член Св. Синода. Покровительствовал СРН. Участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора, его почетный пред. 21 нояб. 1917 возглавлял чин интронизации Святейшего Патриарха Тихона. Убит большевиками в Киево-Печерской Лавре (январь 1918). Канонизирован.

ВОЕЙКОВ Владимир Николаевич (1868, Царское Село – 1947, Дандерид, Швейцария). Генерал-майор Свиты. Служил в Л.-гв. Кавалергардском полку (1887–1906). Командир Л.-гв. Гусарского полка (1906–1913). Пред. Российского олимпийского комитета (с 1912), главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской Империи (1913). Дворцовый комендант (1913–1917). После Февральской революции арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Бежал из лечебницы, проживал на Украине и в Крыму. В 1919 эмигрировал в Румынию, к 1920 переехал в Финляндию. Последние годы жил в Швейцарии.

ВОЛКОНСКИЙ Владимир Михайлович, князь (1868–1953). Д.с.с., егермейстер. Член СРН и СРЛ. Депутат III–IV ГД от Тамбовской губ., тов. пред. III ГД. Тов. министра внутренних дел (1915–1917). Петроградский предводитель дворянства (1917). Участвовал в Белом движении, член Особого комитета по делам русских в Финляндии (1918), затем Особого комитета (1919), готовящего наступление на Петроград. Пред. правления совета и пред. постоянного совета монархического объединения в Германии. Участник Рейхенгалльского Монархического съезда, но вскоре отошел от монархического движения из-за несогласия с тактикой ВМС.

ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ Николай Николаевич, граф (†1927, Берлин). Корнет Черниговского гусарского полка, участник монархического движения.

ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич, барон (1878, Ковенская губ. – 1928, Брюссель). Генерал-лейтенант, Георгиевский кавалер. Один из руководителей Белого движения, в 1918–1919 в Добр. армии и

ВСЮР, с 1920 главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше. Основатель и пред. РОВС (1924–1928).

ВЫРУБОВА (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964, Финляндия). Фрейлина Императрицы Александры Федоровны, ее ближайшая подруга (1904–1917). Почитательница Г.Е. Распутина. После Февральской революции арестована и заключена в Петропавловскую крепость. После нового ареста в 1918 бежала из Сов. России в Финляндию, где и прожила последующие годы, приняв монашеский постриг с именем Мария.

Г

ГЕЙМАН Василий Васильевич (1870 – не ранее 1918). Полковник, пред. Военно-цензурного комитета, офицер Туземной («Дикой») дивизии. В авг. 1917 один из петроградских координаторов неудачного выступления ген. Л.Г. Корнилова. В янв. 1918 арестован.

ГЕРБЕЛЬ Сергей Николаевич (1856, С.-Петербургская губ. – после 1919). Статский советник. Пред. Херсонской губ. земской управы (с 1900). Харьковский вице-губернатор (с 1902) и и.д. губернатора (1903–1904). Нач. Главного управления по делам местного хозяйства МВД (1904–1912). Член ГС. Во время Первой мировой войны нач. тыла Юго-Западного фронта (1915–1917). Представитель пред. Совета министров Украинской державы при Главном штабе австро-венгерских войск в Одессе (с мая 1918), министр продовольствия Украины (с июля 1918), пред. Совета министров Украинской державы и министр по земельным делам (нояб.–дек. 1918). Арестован петлюровцами, освобожден в февр. 1919. Главноуполномоченный по продовольственным делам армии А.И. Деникина (1919). Эмигрировал в Германию.

ГЕРШЕЛЬМАН Борис Робертович (1880–1957, США). Помощник прокурора Варшавской судебной палаты. Писатель, монархический деятель.

ГЕСКЕТ С.А., студент. Арестован осенью 1917 по делу В.М. Пуришкевича. После суда (янв. 1918) отдан на поруки родным.

ГЕССЕН Иосиф Владимирович (1865, Одесса – 1943, Нью-Йорк). Юрист. Член Совета «Союза освобождения». Депутат II ГД, тов. пред. кадетской фракции, один из лидеров и бессменный член ЦК партии кадетов. Председатель Всероссийского об-

щества редакторов ежедневных газет. Редактор кадетских газет «Народная свобода», «Речь» (Петербург), «Руль» (Берлин). В 1917 глава Союза редакторов ежедневных газет, член парламента. Входил в Полит. центр при штабе ген. Н.Н. Юденича. В эмиграции в Финляндии (с 1919), Германии, Франции (с 1936), США (с 1942).

ГИНДЕНБУРГ фон, Пауль (1847–1934). Генерал-фельдмаршал, командующий войсками Восточного фронта (1914). С 1916 – нач. германского генштаба. Рейхспрезидент Германии (1925–1933).

ГИРС Алексей Федорович (1871–1918). Д.с.с., камергер. Киевский (1909–1912), минский (1912–1915) и нижегородский (1915–1917) губернатор. В 1917 арестован и вскоре расстрелян большевиками.

ГИРС Михаил Николаевич (1856–1932, Париж). Старейшина русского дипломатического корпуса. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878, Георгиевский кавалер. Посланник в Бразилии (1897), Китае (1899–1902), Баварии (1902), Румынии (1903–1911), Константинополе (1911–1914), Италии (с 1915). При ген. П.Н. Врангеле назначен старшим дип. представителем комитета защиты русских беженцев во Франции. После эвакуации Крыма возглавил в Париже Совещание послов.

ГИТЛЕР Адольф (1889–1945). Лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (1921). Рейхсканцлер (1933).

ГЛИНСКИЙ Борис Борисович (1860, С.-Петербург – 1917, Петроград). Историк-публицист, писатель. В 1900–1911 редактор-издатель «Северного вестника». Многолетний сотрудник (с 1887) и редактор (1913–1917) «Исторического вестника». Русский националист, сторонник концепции земско-народнического самодержавия. В 1915 участвовал в создании общества «Самостоятельная Россия» для борьбы с «немецким засильем»; тов. пред. (В.М. Пуришкевича) «Общества русской государственной карты». В связи с выступлением ген. Л.Г. Корнилова арестован (авг. 1917), но вскоре освобожден (окт. 1917).

ГЛОБЫЧЕВ (Глобачев) Николай Иванович (1869 – после 1939). Генерал-майор. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны командир 6-го Либавского пех. полка (1914) и нач. штаба крепости Новогеоргиевск (1915). В Белом движении в Добр.

армии и ВСЮР. Монархист. Эмигрировал во Францию. Пред. Союза военных инвалидов в Берлине (1931), нач. отдела РОВС в Германии (1935), Берлине (к 1939).

ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1809, Полтавская губ. – 1852, Москва). Великий русский писатель.

ГОЛЕЕВСКИЙ Николай Лаврентьевич (1878–1958). Генерал-майор, военный атташе в США. Участник Рейхенгалльского съезда от Парижской группы.

ГОЛИЦЫН (лит. псевд. **Муравлин**) **Дмитрий Петрович**, князь (1860, Висбаден – 1928, Вышеград, Венгрия). Тайный советник. Поэт и писатель. Служил в Гос. канцелярии. С 1902 член Совета министра народного просвещения. С 1910 главноуправляющий Собственной ЕИВ канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. Пред. Совета РС. С 1912 член ГС (правая группа). В 1920 эмигрировал, жил в Венгрии, где в 1921 был представителем ВМС, а с 1922 представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Публиковался в журнале «Двуглавый орел».

ГОЛЫЦ, фон дер Кольмар Вильгельм Леопольд (Гольц-паша), барон (1843–1916). Германский генерал-фельдмаршал (1911), глава германской военной миссии в Турции (1885–1895), вице-пред. Высшего военного совета Турции (1909–1912), советник и генерал-адъютант турецкого султана (1914), фактически возглавлял руководство военными действиями турецкой армии.

ГОРБАТОВСКИЙ Владимир Николаевич (1851–1924, Ревель). Генерал от инфантерии. Участник Русско-японской войны, герой обороны Порт-Артура. В Белом движении нач. штаба главнокомандующего СЗФ ген. Н.Н. Юденича (январь–февраль 1919). Член Национального комитета в Финляндии, эмигрировал в Эстонию.

ГОРБУНОВ Иван Федорович (1831, Московская губ. – 1895 С.-Петербург). Русский актер, зачинатель отечественного литературно-сценического жанра устного рассказа, писатель-прозаик.

ГОРЕМЫКИН Михаил Иванович (1879–1927, Ницца, Франция). Сын председателя Совета министров И.Л. Горемыкина. Камергер. Тов. управляющего Крестьянским поземельным банком. В Первую мировую войну член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов.

ГОРСТКИН Александр Павлович (1866 или 1868 – ок. 1922). Д.с.с., член IV ГД от Нижегородской губ. (правый, с 1913 – националист). С 1917 состоял в тайной монархической организации Н.Е. Маркова, созданной для спасения Царской Семьи. В 1918 входил в Совет обороны Северо-Западной области (Псков) при генерале гр. Ф.А. Келлере. Скончался в эмиграции.

ГОРСТКИН Николай Павлович (1881–1939, Париж). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. В эмиграции проживал во Франции.

ГОРСТКИН Павел Александрович († осень 1920, Крым). Сын А.П. Горсткина. Офицер Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Погиб в последних боях.

ГОРСТКИН Сергей Павлович (1870–1930, Рабат, Марокко). Полковник, командир Кабардинского конного полка. Д.с.с. В годы Гражданской войны служил во ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля.

ГОРЧАКОВ Михаил Константинович, светлейший князь (1880, Баден-Баден – 1961, Париж). Камер-юнкер. Член Центрального совета Русской монархической партии и Монархического объединения в Германии и Франции. Основатель монархического издательства «Долой зло!». Участник Зарубежного съезда в Париже (1926).

ГОРЬКИЙ Максим (наст. имя **Алексей Максимович Пешков**) (1868, Нижний Новгород – 1936, Горки, под Москвой). Писатель, драматург, публицист, литературный критик. Основатель «соцреализма». С 1905 большевик, оказывал финансовую помощь рев. движению.

ГРАББЕ Михаил Николаевич, граф (1868, С.-Петербург – 1942, Париж). Генерал-лейтенант, адъютант главнокомандующего войсками гвардии Вел. Кн. Владимира Александровича (1902). В годы Первой мировой войны командир Л.-гв. Сводно-казачьего полка (1914), 4-й Донской казачьей дивизии (1915). Георгиевский кавалер. Наказной атаман войска Донского (1916). В эмиграции пред. Союза кавалеров ордена Св. Георгия (Париж, 1934); с 1935 Донской наказной атаман в эмиграции. В 1941 принимал участие в формировании Русского охранного корпуса в Югославии.

ГРАФ Николай Освальдович (1889 или 1890 – не ранее 1918). Кандидат в члены Главной палаты РНСМА (с 1913), пред. студенческого отдела союза (1912–1914). В годы Первой мировой войны

служил офицером (из вольноопределяющихся) 8-го маршевого эскадрона Л.-гв. Гусарского полка. С февр. 1917 в отставке по болезни. Секретарь «Общества русской государственной карты» (1916). С окт. 1917 член монархической организации В.М. Пуришкевича, арестован и приговорен к принудительным работам на 9 мес. В мае 1918 амнистирован.

ГРЕНЕР Вильгельм (1867–1939). Германский генерал-лейтенант (1916). Заместитель военного министра (1916–1917). С авг. 1917 командовал дивизией и корпусом. С марта 1918 нач. штаба группы армий «Киев» ген. Г. Эйхгорна. Руководил отступлением германской армии (1918–1919). Министр путей сообщения (1920–1923), министр рейхсвера (1928–1932).

ГРИГОРЬЕВ Владимир Федорович, подполковник РИА, полковник СЗА (июль 1919). Служил в Псковском Добр. корпусе, командир Нарвского пех. полка СЗА (дек. 1919). В эмиграции проживал в г. Сердоболь (Восточная Карелия), трудился на лесоразработках. Представитель ВМС в Карелии. Под давлением финских властей был вынужден переехать в Париж.

ГРИППЕНБЕРГ Александр Оскарович (1879–1935, Матира, Тунис). Генерал-майор, командир 9-го артил. дивизиона. В Белом движении в Добр. армии и ВСЮР. Эмигрировал в Тунис.

ГРУШЕВСКИЙ Михаил Сергеевич (1866, Холм, Польша – 1934, Кисловодск). Идеолог украинства. В течение 20 лет (с 1894) руководитель кафедры украинской истории во Львовском ун-те (Австро-Венгрия). Один из лидеров либерально-демократического Товарищества украинских прогрессистов (с 1908). В 1914 арестован за сепаратизм и выслан в Симбирск (1915). После Февральской революции пред. Центральной Рады в Киеве, примкнул к местным эсерам. Президент Украинской Народной Республики (апр. 1918). После гетманского переворота отошел от политики. В 1919 выехал за границу, основал Украинский социологический институт (Вена, Прага). В 1924 вернулся на Украину, затем переехал в Москву. Действительный член Академии наук СССР (1929).

ГУРКО (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828, Могилевская губ. – 1901). Генерал-фельдмаршал. В Русско-турецкую войну 1877–1878 командовал передовым отрядом, отрядом гвардии под Плевной, совершил зимний переход через Балканы, занял Софию и разбил турок под Филиппополем. Временный петербургский гене-

рал-губернатор (1879–1880), одесский (1882–1883) и варшавский (1883–1894) генерал-губернатор.

ГУЧКОВ Александр Иванович (1862, Москва – 1936, Париж). Лидер партии «Союз 17 октября», идеолог октябризма. Предприниматель, управляющий Московским учетным банком (1902–1908), член совета страхового общ-ва «Россия». Председатель III ГД (1910–1911), лидер фракции октябристов. В годы Первой мировой войны особоуполномоченный Рос. общ-ва Красного Креста, один из организаторов и пред. Центр. военно-промышленного комитета. Член либерального Прогрессивного блока, вместе с группой генералов и офицеров вынашивал план дворцового переворота. Военный и морской министр ВП. Финансировал Добр. армию, в 1919 направлен ген. А.И. Деникиным для переговоров с французским правительством. Остался во Франции.

Д

ДАЛЬСКИЙ (наст. фамилия **Неелов**) **Мамонт Викторович** (1865, Кантемировка – 1918, Москва). Актер, с 1885 играл в театрах Вильнюса, Ростова, Новочеркасска. В 1890–1900 актер Александрийского театра в Петербурге. С 1900 трагик-гастролер. В 1917 вступил в федерацию анархистов. В янв. 1918 арестован большевиками, но вскоре отпущен. Погиб, попав под трамвай.

ДАНИЛОВ Юрий Никифорович (1866–1937, Булонь на Сене, под Парижем). Генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер, нач. штаба Северного фронта. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения во ВСЮР и Русской армии (нач. военного управления в правительстве П.Н. Врангеля). С кон. 1920 в эмиграции, автор трудов по истории Первой мировой войны.

ДАШКЕВИЧ-ГОРБАЦКИЙ Владислав Владиславович (1879 – после 1920). Генерал-майор. Участник Первой мировой войны, командовал 96-м пех. Омским полком. Награжден Георгиевским оружием. В 1918 в армии П.П. Скоропадского, нач. штаба Вооруженных сил Украинской державы (апр.–июнь). С окт. 1918 возглавлял украинскую дипломатическую миссию в Румынии. После падения гетмана служил в белых войсках Восточного фронта, участник Ледового похода, командир Северной группы. Эмигрировал в Китай, позже проживал в Германии.

ДЕДЮЛИНА, дочь генерал-адъютанта, бывшего петербургского градоначальника (1905) и дворцового коменданта (1906–1913) В.А. Дедюлина (1858–1913), супруга полк. К.А. Колзакова.

ДЕЛЬ Н.И., прапорщик. Осенью 1917 был арестован по делу В.М. Пуришкевича, приговорен к 2 мес. принудительных работ.

ДЕМИДОВ Елим Павлович, князь Сан-Дonato (1868–1943, Италия). Последний русский посланник в Греции. Филолог и поэт. Титул получил по наследству от своего предка, купившего участок земли бывшего княжества у монастыря Сан-Дonato подле Флоренции.

ДЕМЧЕНКО Всеволод Яковлевич (1875, Киевская губ. – 1933, Логастрелло, Италия). Инженер, предприниматель. Почетный мировой судья Киева (с 1900). Пред. Киевской уезд. земской управы и бюджетной и строительно-дорожной комиссий Киевского губ. земского собрания (1911). Один из лидеров Киевского клуба русских националистов. Депутат IV ГД (националист, прогрессивный националист). В 1915–1916 обвинялся в коррупции. В 1917 уездный комиссар ВП. Во время правления гетмана П.П. Скоропадского член Совета Союза промышленников, коммерсантов, финансистов и землевладельцев. В кон. 1919 эмигрировал.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872, около Варшавы – 1947, США), Генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны генерал-квартирмейстер 8-й армии ген. А.А. Брусилова (1914), командующий 4-й стрелковой («Железной») бригадой, позже дивизией (1914–1915). Командир 8-го арм. корпуса (1916). После Февральской революции главнокомандующий армиями Западного фронта. За поддержку выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917) отрешен от должности и заключен в Быховскую тюрьму. Один из организаторов Добр. армии, с апр. 1918 ее командующий. С дек. 1918 главнокомандующий ВСЮР. В 1920 передал командование ген. П.Н. Врангелю и выехал в Англию, затем в Бельгию. С 1926 проживал во Франции, занимался литературным трудом. С 1945 проживал в США.

ДЕНИСОВ Святослав Варламович (1882–1957, Стратфорд, США). Генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны, старший адъютант штаба Уральской казачьей дивизии, затем и.д. нач. штаба 2-й казачьей сводной дивизии (1915–1916). В 1916 командир 11-го Донского казачьего полка. С 1918 командующий Донской армией и управляющий Военным и Морским отделами Всевеликого

Войска Донского. В февр. 1919 отправлен Войсковым кругом в отставку. Покинув Дон, выехал через Батум в Константинополь, затем в Германию и США. Инициатор создания Донской станицы на чужбине, с 1923 ее атаман. Председатель Казачьего союза в США.

ДЕРЮГИН Георгий Михайлович (1871, Псков – 1933, Берлин), чиновник Гос. канцелярии, помощник статс-секретаря ГС. В 1912–1917 депутат IV ГД (националист). С лета 1917 член тайной монархической организации Н.Е. Маркова. В 1918 совместно с А.П. Горсткиным участвовал в переговорах с киевскими монархистами по вопросу созыва монархического съезда в Пскове, входил в Совет обороны Северо-Западной области, созданный при генерале гр. Ф.А. Келлере. Эмигрировал в Стокгольм, затем в Данию и Германию. С июля 1919 член Берлинского Военно-политического совета, ориентированного на ген. В.В. Бискупского. Принимал участие в издании первой монархической эмигрантской газ. «Призыв». Участник Рейхенгалльского съезда.

ДИМИТРИЙ (в миру **Вознесенский Николай Федорович**) (1871, Курская губ. – 1947, Ленинград). Архиепископ Хайларский. До революции протоиерей кафедрального собора в г. Благовещенске (1909). В 1917 выехал в Харбин, где был определен штатным протоиереем Св. Николаевского собора, затем настоятелем Свято-Иверской церкви г. Харбина. В 1934 хиротонисан во епископа Хайларского. В 1944 возведен в сан архиепископа, в 1946 переехал в СССР.

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, Великий Князь (1891, Московская губ. – 1942, Давос, Швейцария). Сын Вел. Кн. Павла Александровича, внук Императора Александра II. Флигель-адъютант, штабс-ротмистр. Участник убийства Г.Е. Распутина (1916). В эмиграции проживал в Англии, Франции, Швейцарии. Пред. Главного совета Младоросской партии (1935–1938), почетный пред. Зарубежного союза рус. инвалидов.

ДОЛГОРУКОВ Александр Николаевич, князь (1872, С.-Петербург – 1948, Рабат, Марокко). Генерал-лейтенант. Участник Русско-японской войны. Командир Кавалергардского полка (1912–1914). В Первую мировую войну командир 3-й Донской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В 1917 командовал 1-м кав. корпусом (апр.–авг.), затем в резерве Петроградского ВО. В 1918 перебрался в Киев. В нояб. 1918 командующий всеми вооруженными силами на Украине. После падения гетманства эмигрировал

в Германию. С авг. 1919 нач. 4-й дивизии СЗА. В эмиграции жил в Эстонии, Франции, Бельгийском Конго и Марокко. Участник Рейхенгалльского монархического съезда. В 1932–1938 нач. отдела РОВС в Марокко.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821, Москва – 1881, С.-Петербург). Великий русский писатель, член-корр. Петербургской академии наук (1877).

ДРАГОМИРОВ Михаил Иванович (1830, близ Конотопа – 1905, Конотоп). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1863–1869 проф. кафедры тактики Николаевской академии Генштаба. В 1869–1873 нач. штаба Киевского ВО. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878, командир 14-й пех. дивизии. С 1878 нач. Академии Генштаба. С 1889 командующий войсками Киевского ВО, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (с 1898). С 1903 член ГС.

ДУБЕНСКИЙ Дмитрий Николаевич (†1923, Висбаден, Германия). Генерал-лейтенант. Издатель «Летописи войны с Японией», «Летописи Великой войны», газеты для армии и народа «Русское чтение», истории России в картинах, иллюстрированной географической карты России, брошюр исторического содержания. В 1915 получил задание описать деятельность Императора Николая II в годы Первой мировой войны. Сопровождал Государя до Его отъезда из Могилева.

ДУБРОВИН Александр Иванович (1855, Кунгур – 1921, Москва). Детский врач. Член РС. Основатель и пред. СРН. Ред.-издатель газ. «Русское знамя». С 1912 пред. Всероссийского Дубровинского СРН. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Выпущен перед большевистским переворотом, уехал в Москву. Работал врачом сов. амбулатории. Арестован в 1920 и вскоре расстрелян.

ДУРНОВО Петр Петрович (ок. 1883 – не ранее 1931). Полковник, старший адъютант штаба Гвардейского кав. корпуса. Летом 1918 был организатором офицерской антибольшевистской организации в Петрограде. В 1919 в Русской Западной армии ген. кн. П.М. Бермондт-Авалова, член финансовой комиссии для нужд армии в Берлине, и.д. генерал-квартирмейстера РЗА (до дек. 1919). Нач. штаба русских войск в Германии (дек. 1919 – янв. 1920). С 1921 проживал в Белграде.

ДУРОП Ольга Константиновна, см.: **Белецкая О.К.**

ДУШКИН Арсений Борисович (ок. 1892 – не ранее 1918). Штабс-капитан Л.-гв. Измайловского полка. Был прикомандирован ко 2-му гв. авиационному отряду. Осенью 1917 участник монархической организации В.М. Пуришкевича. Арестован, приговорен к 9 мес. принудительных работ, в мае 1918 амнистирован.

ДЫБЕНКО Павел Ефимович (1889, Черниговская губ. – 1938). Матрос Балтийского флота, большевик (с 1912). В 1915 один из руководителей восстания на линкоре «Император Павел I». С апр. 1917 пред. Центробалта. Активный участник большевистского переворота. Нарком по морским делам (1917–1918). Наркомвоенмор Крымской республики (1919). В 1921 участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. В 1928–1938 командовал войсками Среднеазиатского, Приволжского, Сибирского и Ленинградского ВО. В 1938 расстрелян.

ДЬЯКОВ Ипполит Николаевич (1865 – не ранее 1919). Д.с.с. Киевский городской голова (1906–1916 и 1918).

ДЮСИМЕТЬЕР Леон (Леонид) Павлович (1883–1930-е, Шанхай). Полковник. В годы Первой мировой войны состоял в штабе 2-й армии, вышел из окружения в Коммусинском лесу (1914). Георгиевский кавалер. С 1915 командир авиационной группы 2-й армии. В 1916 стажировался во Франции. С 1917 в распоряжении ген. Л.Г. Корнилова, затем в белых войсках Восточного фронта. Эмигрировал в Шанхай, секретарь Русско-Азиатского банка (до 1922), пред. Союза военнослужащих.

Е

ЕВЛОГИЙ (в миру **Георгиевский Василий Семенович**) (1868, Тульская губ. – 1946, Париж). Митрополит. Член II (правый) и III (националист) ГД. Активный участник правого движения – член РС и Главного совета ВНС. Перед рев. архиепископ Холмский и Люблинский. Член Св. Синода (1917) и Временного Высшего Церковного Управления Юга России в Новочеркасске (1919). Эмигрировал в Сербию (1920), с 1921 – управ. приходами в Западной Европе. Жил в Берлине и Париже. Из-за оппозиции Патриарху Сергию (Страгородскому) в 1930 уволен от управления западноевропейскими приходами. Перешел в юрисдикцию Константинопольского патриарха (1931), органи-

зовав Парижский Экзархат. В 1945 воссоединился с РПЦ МП с оставлением митрополитом, Экзархом Западной Европы.

ЕКАТЕРИНА I Алексеевна (1684, Литва – 1727, С.-Петербург). Российская Императрица, супруга Императора Петра Великого. Царствовала с 1725 по 1727.

ЕКАТЕРИНА II Алексеевна Великая (1729, Штетин – 1796, С.-Петербург). Российская Императрица, супруга Императора Петра III Федоровича. Царствовала с 1762 по 1796.

ЕСИМОНТОВСКИЙ Андрей Васильевич († после 1947). Генерал-майор. Командир батальона Л.-гв. Измайловского полка (нояб. 1919); нач. отряда войск Новороссийской области (дек. 1919); нач. Гвардейской пех. дивизии (янв. 1920). Эмигрировал в Грецию, пред. монархического объединения. Делегат Рейхенгалльского съезда от Афин. В 1936–1939 служил в Республиканской армии Испании.

ЕФИМОВСКИЙ Евгений Амвросиевич (1885, Елизаветград – 1964, Шелль, под Парижем). Адвокат, кадет. В годы первой мировой войны окончил Александровское военное училище, с 1917 воевал на Румынском фронте. В 1918 возглавлял крыло конституционалистов в составе киевского общемонархического фронта. С 1919 в эмиграции, основал и возглавил Русский народно-монархический союз, редактировал газ. «Славянская заря» (Прага), «Грядущая Россия» (Берлин), «Русская газета» (Париж), «Русское воскресение» (Париж). В 1921 пытался создать «Всероссийский монархическо-демократический союз». В 1922 возглавил «Русский народно-монархический союз (конституционалистов-монархистов)», члены которого решением ВМС были исключены из рядов монархического движения (1924). В годы германской оккупации Франции в заключении (1943–1944).

Ж

ЖЕЛЯБОВ Андрей Иванович (1851–1881, С.-Петербург). Революционер-террорист. Один из создателей и руководителей «Народной воли», организатор ряда покушений на Императора Александра II. Арестован накануне царевубийства 1 марта 1881, повешен.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Петр Петрович. Участник Рейхенгалльского съезда от Сербии (представлял «Союз восстановления Родины»), конституционный монархист.

З

ЗАРИН Александр Дмитриевич (1870, Псков – не ранее 1921), политический и общественный деятель, член умеренно-правых фракций ГД III и IV созывов, член Главного совета ВНС (1908–1916). Участник Рейхенгалльского съезда.

ЗАСЯДКО Дмитрий Иванович (1858 или 1860–1927, Ревель). Д.с.с., сенатор, гофмейстер. Служил в министерстве финансов, гос. имуществ и МВД. Самарский (1904–1905) и радомский (1906–1913) губернатор. Член Совета при министре финансов (1915).

ЗАУСТИНСКИЙ А.П. Штабс-ротмистр, участник монархической организации В.М. Пуришкевича (осень 1917).

ЗАХАРЧЕНКО-ШУЛЬЦ (урожд. **Лысова**) Мария Владимировна (1893, Пензенская губ. – 1927, Белоруссия). Окончив Смольный ин-т благородных девиц, добровольцем (под именем Андрея Михно) участвовала в Первой мировой войне, унтер-офицер из вольноопределяющихся 3-го гусарского Елизаветградского ЕИВ Вел. Кн. Ольги Николаевны полка (1915–1917). Удостоена Георгиевских крестов 3-й и 4-й ст., двух Георгиевских медалей. С 1918 в Добр. армии, затем во ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля в дивизионе 15-го уланского полка. Галлиполиец. В 1920-х в боевой организации ген. А.П. Кутепова, начальник группы боевиков. По одной из версий была смертельно ранена у ст. Дретунь под Борисовом (Белоруссия), по другой – покончила жизнь самоубийством близ с. Ситно (Белоруссия), чтобы не сдаваться в плен чекистам.

ЗЕЛЕНЕВСКИЙ, ротмистр РИА, позже полковник, флигель-адъютант гетмана П.П. Скоропадского.

ЗЕЛИНСКИЙ Евгений Владимирович (ок. 1900 – не ранее 1918). Юнкер Кавказского ударного батальона, прапорщик (с авг. 1917) Черкесского полка «Дикой» дивизии. Член монархической организации В.М. Пуришкевича, которую выдал после своего ареста. Позже от показаний отказался, объявив себя жертвой большевиков. Был признан экспертами невменяемым и по приговору суда (янв. 1918) отправлен на мед. освидетельствование.

ЗОЛОТНИЦКИЙ, прапорщик. Осенью 1917 участвовал на собраниях монархической организации В.М. Пуришкевича.

ЗОРИН Д.Ф. Рабочий, большевик. Председатель Ревтрибунала (1918). Позже комиссар 28-й дивизии и председатель фронтового трибунала.

ЗУБОВ, предположительно **Николай Николаевич** (ок. 1897 – после 1954). Поручик Л.-гв. Конной артиллерии. Инженер. Пажецкий корпус (1917). Участник Белого движения в составе конной батареи СЗА. В эмиграции в Конго и Бельгии. Секретарь отдела Союза Пажей.

И

ИВАНОВ Николай Иудович (1851–1919). Генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Зав. мобилизационной частью Главного арт. управления (1888). Командир Кронштадтской крепостной артиллерии (с 1899). В годы Русско-японской войны нач. Восточного отряда (с 1905 – III Сибирского арт. корпуса). Георгиевский кавалер. Временный Кронштадтский генерал-губернатор (1907). Член Совета гос. обороны. Командующий войсками Киевского ВО (1908–1914). В годы Первой мировой войны главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914–1916). С 1916 член ГС. С началом Февральской революции получил приказ Императора подавить волнения в столице с назначением главнокомандующим войсками Петроградского ВО с чрезвычайными полномочиями. После отречения Государя арестован и доставлен в Петроград. После освобождения (кон. 1917) уехал в Новочеркасск. В окт. 1918 принял предложение ген. П.Н. Краснова возглавить Южную монархическую армию. Умер от тифа.

ИВАНИЦКИЙ Борис Евгеньевич (1855 или 1857–1938, Париж). Сенатор, член ГС, член Главного управления Российского общества Красного креста.

ИГНАТЬЕВ Алексей Павлович, граф (1842–1906, Тверь). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 1871 командир 2-го лейб-уланского Курляндского полка, в 1873–1881 командир Л.-гв. Кавалергардского полка. В 1881–1884 нач. штаба гв. корпуса. Генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Иркутского ВО (1885), в 1889–1897 киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. С 1896 член ГС. Убит эсером С.Н. Ильинским.

ИВРЕИНОВ Андрей Иванович († после 1930). Полковник Л.-гв. Егерского полка. В эмиграции (с 1918) в Финляндии. Монархист.

ИОНА (в миру **Покровский Владимир**) (1888, Калужская губ. – 1925, Маньчжурия, Китай). Епископ Тяньцзинский, викарий Пекинской епархии. В годы Первой мировой войны проповедник при действующей Армии. Арестовывался большевиками. В годы Гражданской войны один из инициаторов создания «Дружин Св. Креста», благочинный 11-го Яицкого армейского корпуса. В 1921 с остатками сибирской Белой армии отступил в Китай. С 1922 епископ Ханькоуский и Тяньцзиньский. Прославлен в лике святых Архиерейским Синодом РПЦЗ (1996).

ИУВИАН (в миру **Красноперов Иван Петрович**) (1880, Пермская губ. – 1957, Новый Валаам, Финляндия). Иеродиакон Валаамского монастыря, письмоводитель (с 1905) и летописец обители, зав. монастырским музеем (1925). Составитель «Монастырской летописи о Великой войне 1914–1918, пережитой Валаамским монастырем, и о последующих событиях». Состоял архивариусом монастыря, сумел сохранить архив обители во время его эвакуации вглубь Финляндии в 1940.

К

КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861, Область Войска Донского – 1918, Новочеркасск). Генерал от кавалерии. Георгиевский кавалер. В Первую мировую войну командовал кав. дивизией, затем 12-м арм. корпусом и 8-й армией Юго-Западного фронта (1916–1917). С июня 1917 атаман Донского казачьего войска и глава войскового правительства. После большевистского переворота возглавил вооруженное выступление против советской власти. Из-за невозможности поднять против большевиков Донское казачество в кон. янв. 1918 сложил свои полномочия Войскового атамана и застрелился.

КАЛЯЕВ Иван Платонович (1877, Варшава – 1905, С.-Петербургская губ.). Революционер-террорист, эсер. В 1904 участвовал в покушении на министра внутренних дел В.К. Плеве. 4 февр. 1905 бомбой убил московского генерал-губернатора Вел. Кн. Сергея Александровича. Казнен в Шлиссельбургской крепости.

КАНТАКУЗЕН Владимир Юрьевич (Георгиевич), князь (1872–1937, Бессарабия). Генерал-майор. Командир Л.-гв. Гусарского полка, Георгиевский кавалер. В Белом движении в войсках Восточного фронта, нач. 2-й Уфимской кав. дивизии (1919–1920).

Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Румынии, участник Рейхенгалльского съезда.

КАПНИСТ Дмитрий Павлович, граф (1879–1926, Франция). Титулярный советник, служил по Министерству юстиции. Член «Союза 17 октября». Депутат IV ГД. В 1915 вошел в либеральный Прогрессивный блок. В Первую мировую войну работал в Красном Кресте. В дни Февральской революции назначен ВКГД комиссаром в МВД, затем комиссар ВКГД и ВП по Главному управлению по делам печати. Участник Гос. совещания в Москве (авг. 1917). После окт. 1917 эмигрировал во Францию.

КАПУСТИН Иван Дмитриевич. Полковник, казначей «Союза воинского долга». Осенью 1917 участвовал на собраниях монархической организации В.М. Пуришкевича.

КАРЕЕВ Николай Иванович (1850, Москва – 1931, Ленинград). Историк, профессор, общественный деятель, член-корр. Петербургской академии наук (1910), почетный член Академии наук СССР (1929). Преподавал в С.-Петербургском ун-те, Александровском лицее и Политехническом институте. Член кадетской партии (1905–1906). Автор научных трудов по всеобщей истории.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ (742–814). Франкский король (с 768) и император (с 800) из династии Каролингов.

КАРЛОВА Наталия Федоровна (урожд. **Вонлярская**), графиня (1858, С.-Петербург – 1927, Ницца). Супруга герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого (с 1890), попечительница нескольких учебных и воспитательных учреждений.

КАРТАШЕВ Антон Владимирович (1875, Китишма, Урал – 1960, Париж). Гос. и общественный деятель, публицист, историк Церкви. Проф. Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге (1906–1917), пред. Религиозно-философского общества (1909), сторонник реформирования церковно-гос. отношений. С 1917 член партии кадетов, вошел в ее ЦК. Обер-прокурор Св. Синода (июль–авг.), министр вероисповеданий ВП (авг.–окт.). Один из инициаторов восстановления патриаршества и созыва Всероссийского Поместного Собора РПЦ. В окт. 1917 арестован, в 1918 освобожден. Один из руководителей «Национального центра». В 1919 выехал в Финляндию, где возглавил Русский комитет. Оказывал помощь армии ген.

Н.Н. Юденича. В 1925–1960 проф. Русского богословского института св. Сергия в Париже.

КАРЦЕВ, предположительно сотрудник разведки ген. кн. П.М. Бермондта-Авалова (1919). В эмиграции в Берлине (1921).

КАШКИН Николай Сергеевич (1829, Калуга – 1914, там же). Сын декабриста, чиновник МИД, участник кружка петрашевцев (1848). В 1849 арестован и сослан рядовым на Кавказ, в 1855 произведен в офицеры. В период подготовки крестьянской реформы 1861 входил в состав либеральной оппозиции в Калужском губ. комитете. С 1870 по 1908 был членом калужского окружного суда.

КЕЛЛЕР Федор Артурович, граф (1857–1918, Киев). Генерал от кавалерии, флигель-адъютант. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Георгиевский кавалер. Адъютант командующего войсками Киевского ВО (1882–1883). Командир Крымского дивизиона (1901–1903), 15-го драгунского Александрийского (1904–1906) и Л.-гв. Драгунского (1906–1910) полков. Командир 1-й бригады Кавказской (1910–1912) и 10-й (1912–1915) кав. дивизий и 3-го кав. корпуса (1915–1917). Отказался присягать ВП. Жил в Харькове и Киеве, в 1918 принял предложение возглавить монархическую Северную армию. В нояб. 1918 командующий всеми вооруженными силами Украинской державы. Убит петлюровцами.

КЕППЕН фон, Борис Густавович, барон. Из семьи промышленников Воронежской губ., участник Рейхенгалльского съезда от финансовой и промышленной группы, член ВМС.

КЕППЕН фон, Владимир Густавович, барон (†1960, Тарб, Франция). Чиновник особых поручений при московском губернаторе. Участник Рейхенгалльского съезда. Видный деятель Монархического объединения в США.

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк). Присяжный поверенный. Член IV ГД, лидер группы трудовиков. С 1912 один из руководителей российского масонства, секретарь «Великого Востока народов России» (1915–1916). Активный деятель Февральской революции. С 1917 эсер. Министр юстиции (март 1917), военный и морской министр (май 1917), министр-председатель ВП (июль 1917), Верховный главнокомандующий (с авг. 1917). С 1918 в эмиграции.

КЕФЕЛИ Яков Иосифович (1876 – после 1919). Надворный советник. Военный (морской) врач, доктор медицины, участник Русско-японской и Первой мировой войны. В 1915 младший врач 2-го Балтийского флотского экипажа. В 1919 находился в Одессе. Автор воспоминаний.

КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, Великий Князь (1876, Царское Село – 1938, Ней, близ Парижа). Внук Императора Александра II. Контр-адмирал. В Первую мировую войну командир Гвардейского экипажа и нач. морских батальонов. С 1917 в Финляндии, в эмиграции проживал в Германии и во Франции. В 1922 издал Акт о принятии блюстительства Императорского Престола, в 1924 – манифест о принятии титула Императора Всероссийского под именем Кирилла I.

КИРПИЧЕВ Лев Нилович (1876, Псковская губ. – не ранее 1920). Генерал-майор. В годы Первой мировой войны командовал 2-й батареей Л.-гв. Конной артиллерии (1914). Георгиевский кавалер. К кон. 1917 командир 3-го дивизиона Л.-гв. Конной артиллерии. С окт. 1918 командир Киевской добровольческой дружины и сводного корпуса в армии гетмана П.П. Скоропадского. Бежал из петлюровского плена. Сведения о дальнейшей судьбе противоречивы.

КИШКИН Николай Михайлович (1864, Москва – 1930, Москва). Врач, директор клиники в Москве. Один из лидеров партии кадетов, член ЦК (с 1905), примыкал к левому крылу партии. Зам. главноуполномоченного и член Главного комитета Всероссийского союза городов (с 1914). После Февральской революции комиссар ВП в Москве. Министр гос. призрения ВП (с сент. 1917). Перед большевистским переворотом получил от ВП полномочия по водворению порядка в столице. Арестован большевиками в Зимнем дворце и посажен в Петропавловскую крепость (вскоре освобожден). В дальнейшем несколько раз подвергался арестам. С 1923 работал в курортном отделе Наркомздрава РСФСР.

КЛЕЙНМИХЕЛЬ (урожд. **Шипова**) **Мария Николаевна** (1877–1960). Сестра Е.Н. Безак.

КЛИМОВИЧ Евгений Константинович (1871–1932, Панчево, Сербия). Генерал-лейтенант, сенатор. Жандармский офицер, и.д. нач. Московского охранного отделения (с 1906), помощник Московского градоначальника (1907–1908), московский градоначальник (1908). В 1908–1909 заведовал особым отделом Департамента поли-

ции. Керчь-Еникальский (с 1909) и ростовский (с 1915) градоначальник. Директор Департамента полиции (1916). После ареста в 1917 бежал на юг, нач. контрразведки и гос. стражи ген. П.Н. Врангеля (1920). После эвакуации из Крыма проживал в Белграде.

КОВАНЬКО Алексей Алексеевич († 1931). Капитан Л.-гв. Измайловского полка. Член контрреволюционной организации В.М. Пურიшкевича (осень 1917). Арестован большевиками (нояб. 1917) и приговорен на 9 мес. к общественным работам. Амнистирован (май 1918). Остался в Сов. России, работал научным сотрудником Академии наук. В 1930 арестован и привлечен по делу «ленинградской контрреволюционной организации», расстрелян.

КОЗЛОВСКИЙ Мечислав Юльевич (1876, Вильно – 1927, Москва). Член РСДРП (с 1900). Деятель польского и российского рев. движения. После Февральской революции член исполкома Петроградского совета, ВЦИК I созыва, пред. Выборгской районной думы. С апр. 1917 член Петербургского комитета РСДРП (б). После большевистского переворота пред. следственной комиссии при ВРК, затем член коллегии Наркомата юстиции. С 1922 на дипломатической работе.

КОКОВЦОВ Владимир Николаевич, граф (1853, Новгородская губ. – 1943, Париж). Д.т.с., сенатор, гос. секретарь. Министр финансов (1904–1905; 1906–1914), Председатель Совета министров (1911–1914). После Февральской революции проживал в Кисловодске, затем эмигрировал. С 1920 пред. правления Лицейского объединения во Франции, с 1929 пред. Комитета русских общественных организаций.

КОКОЛЬЦОВ, вероятно **Александр Александрович**, воспитанник Пажеского корпуса, офицер Л.-гв. Кирасирского Е.И.В. полка, погиб в 1914.

КОКОШКИН Федор Федорович (1871, Холм – 1918, Петроград). Один из основателей партии кадетов и член ее ЦК. Юрист, публицист, депутат I ГД, ее секретарь. После Февральской революции пред. Юридического совещания. Гос. контролер ВП (июль–авг. 1917). После большевистского переворота арестован и заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен на лечение в Мариинскую тюремную больницу, где был убит матросами-анархистами.

КОЛЗАКОВ Константин Яковлевич (ок. 1886 – после 1938). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В Белом

движении в СЗА в штабе 1-го стр. корпуса (дек. 1919). Эмигрировал в Эстонию. Монархист.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (урожд. Домонтович) (1872, С.-Петербург – 1952, Москва). Участница революции 1905–1907, примыкала к меньшевикам (1906–1917). С 1908 в эмиграции С 1915 большевичка. Вернулась в Петроград в марте 1917, сотрудница «Правды». В июле арестована ВП и заключена в тюрьму. Нарком гос. призрения (окт. 1917–1918). Зав. женотделом ЦК партии (1920). С 1922 на дипломатической работе, первая в мире женщина-посол.

КОЛЧАК Александр Васильевич (1874, С.-Петербургская губ. – 1920, Иркутск). Военачальник, полярный исследователь, адмирал. Принимал участие в полярной экспедиции Э.В. Толля (1900–1902). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Георгиевский кавалер. В 1916–1917 командующий Черноморским флотом. С нояб. 1918 Верховный правитель России, установил режим военной диктатуры в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке В янв. 1920 выдан чехословаками большевикам и расстрелян.

КОМИССАРОВ Михаил Степанович (1870–1933). Жандармский генерал-майор. Возглавлял образованное при Департаменте полиции Секретное отделение по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами (с 1904), Нач. Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского главных жандармских управлений (1909–1915). В 1916 градоначальник в Ростове-на-Дону, в том же году уволен в отставку. В 1919 служил в Ростовском контрразведывательном отделении, один из лидеров Национал-либеральной партии, сотрудничал с «Союзом верных». В эмиграции секретный агент ГПУ.

КОНДРАТЬЕВ Александр Михайлович. Чиновник МВД и Министерства земледелия. После большевистского переворота один из организаторов чиновничьего саботажа, пред. Союза Союзов служащих гос. учреждений. Арестован и заключен в тюрьму.

КОНОВАЛОВ Александр Иванович (1875, Москва – 1948, Нью-Йорк). Крупный предприниматель, фабрикант. Один из организаторов Торгово-промышленной партии (1905), основатель (1912) и лидер партии прогрессистов, депутат IV ГД, масон. Финансировал издание газ. «Утро России» (с 1909). Тов. пред. Центрального Военно-промышленного комитета (с 1915), один из организаторов либерального Прогрессивного блока. В дни Февральской революции

член ВКГД. В марте–июле 1917 министр торговли и промышленности, в сент.–окт. зам. министра-председателя ВП. В 1918 эмигрировал во Францию. С 1921 член Республиканско-демократической группы. С 1924 пред. Совета общественных организаций, объединившего левые эмигрантские круги. В 1924–1940 пред. правления редакции газ. «Последние Новости», издававшейся П.Н. Милюковым. С нач. Второй мировой войны переехал в США.

КОПЕНХАГОВ Виктор Владимирович (1877 – не ранее 1921). Полковник армейской кавалерии РИА. В эмиграции в Польше. Участник Рейхенгалльского съезда.

КОРМИЛИЦЫН Николай Дмитриевич. Земский начальник, мировой судья.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870, Семипалатинская обл. – 1918, Екатеринодар). Генерал от инфантерии. В нач. Первой мировой войны командир пех. дивизии, в 1915–1916 в плену, после побега командовал корпусом, затем армией. Георгиевский кавалер. Верховный главнокомандующий (июль–авг. 1917). 25–31 авг. 1917 организовал неудачное вооруженное выступление с целью установления военной диктатуры. Один из основателей Добр. армии. Убит осколками снаряда под Екатеринодаром.

КРАСИКОВ Петр Ананьевич (1870, Красноярск – 1939, Железноводск). Член РСДРП. Во время революции 1905–1907 член исполкома Петербургского совета. После большевистского переворота пред. следственной комиссии «по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» при Петроградском ВРК. Член коллегии Наркомата юстиции, председатель кассационного трибунала при ВЦИК. С 1924 прокурор Верховного суда СССР. В 1933–1938 зам. пред. Верховного суда СССР.

КРАСНОВ Петр Николаевич (1869, С.-Петербург – 1947, Москва). Генерал от кавалерии. Писатель и публицист. Участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Георгиевский кавалер. Атаман Всевеликого Войска Донского (1918), создатель и организатор Донской армии, во главе которой в дек. 1918 вошел в состав ВСЮР ген. А.И. Деникина. Осенью 1919 вышел из состава ВСЮР, перейдя в ряды СЗА. С 1920 в Германии. С 1942 сотрудничал с Вермахтом, создал Управление Дона, Кубани и Терека (1943) и возглавил Главное управление Казачьих войск (1944). В 1945 выдан англичанами СССР и через два года повешен.

КРИВОШЕИН Александр Васильевич (1858, Варшава – 1921, Берлин). Гофмейстер, статс-секретарь, д.с.с. Тов. министра земледелия (1901), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1907–1915), член правой группы ГС. В марте 1918 один из инициаторов создания Правого центра, стремившегося объединить антибольшевистские силы. Организатор и пред. Совета государственного объединения России (1918–1919). Помощник по гражданской части главнокомандующего Русской армии (1919), пред. правительства Юга России (1920). Эмигрировал в Константинополь, затем во Францию и Германию.

КРОПОТКИН, князь, предположительно **Алексей Алексеевич** (1859–1949, Сан-Франциско). Д.с.с. Глава Совета Монархического центра на Дальнем Востоке (1921). Член Приморского правительства и Земской Думы (1922).

КРУПЕНСКИЙ Александр Николаевич (1861 или 1862–1939, Париж). Камергер, выходец из известного старинного молдавского рода, представитель одной из богатейших фамилий Российской Империи. Бессарабский губ. предводитель дворянства (1908–1917), участник съездов Объединенного дворянства. Член ВНК. Пред. Рейхенгалльского съезда, член редколлегии журн. «Двуглавый орел». Пред. парижского клуба «Русский очаг», возглавлял «Русскую монархическую партию», пред. организационного комитета Зарубежного съезда в Париже (1926), член Русского зарубежного патриотического объединения. В 1926–1939 пред. ВМС.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885, Смоленская губ. – 1938). Прапорщик 13-го Финляндского стр. полка 11-й армии Юго-Западного фронта, большевик. Нарком по военным и морским делам, Верховный главнокомандующий (1917–1918). Прокурор РСФСР (с 1928), нарком юстиции РСФСР (с 1931) и СССР (с 1936). В 1938 арестован и расстрелян.

КРЫМОВ Александр Михайлович (1871, Варшавская губ. – 1917, Петроград). Генерал-майор РИА. Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны. Служил в Главном штабе и Главном управлении Генштаба (1906–1911). В Первую мировую войну находился при штабе 2-й армии (1914), командовал Уссурийской конной бригадой (впоследствии дивизией, 1915), 3-м конным корпусом (с апр. 1917). Был тесно связан с А.И. Гучковым. В ходе выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917) направлен Ставкой на

Петроград во главе 3-го конного корпуса. После отказа солдат наступать поехал в Петроград для объяснений с А.Ф. Керенским, после которых застрелился.

КРЮДЕНЕР-СТРУВЕ фон, Александр-Михаэль Амандович, барон (1864, Старовеж – 1953, Нуази ле Гранд, Франция). Камергер, коллежский ассессор. Коломенский предводитель дворянства. Депутат I и III ГД (октябрист). В годы Гражданской войны состоял при СЗА, гражданский губернатор Армейского района Отдельного Псковского Добровольческого корпуса (нояб. 1918); член делегации для переговоров с германскими властями (весна 1919). Псковский губернатор (авг. 1919). Эмигрировал в Германию. Участник Рейхенгалльского съезда, кооптирован в Совет Русского монархического объединения. Участник Зарубежного съезда в Париже (1926) В годы Второй мировой войны жил в Германии, пред. Русского Красного Креста.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ Дмитрий Владимирович (1886, С.-Петербург – 1959, Ватикан). Юрист, поэт, земский деятель. Социал-демократ (меньшевик). Зав. гражданской частью Верховного главнокомандующего (1917). В 1920 принял католичество. В 1922 выслан из СССР. В эмиграции католический священник восточного обряда, с 1927 доктор богословия. Преподавал историю России и Русской Церкви в Руссикуме (Италия). Настоятель русского католического прихода в Берлине. С 1931 домовый священник студенческого общежития в г. Лувен (Бельгия).

КУЛЯБКО Николай Николаевич (1873–1920). Нач. Киевского охранного отделения. Участник Русско-японской войны. Подполковник (1910). После убийства П.А. Столыпина был привлечен к следствию в качестве обвиняемого, уволен со службы без последствий (1913). В Первую мировую войну нач. хоз. части 415-й киевской дружины. С апр. 1917 в отставке, агент по продаже швейных машин в Киеве.

КУРЛОВ Павел Григорьевич (1860, Новгородская губ. – 1923, Берлин). Генерал-лейтенант, шталмейстер. Служил в военно-судебном ведомстве и в Министерстве юстиции. Курский вице-губернатор (1903–1905), минский губернатор (1905–1906). Член Совета министра внутренних дел и управляющий Киевской губ. (1906–1907). И.д. директора Департамента полиции (1907), нач. Главного тюремного управления министерства юстиции

(1907–1909). Тов. министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909–1911). После убийства П.А. Столыпина в отставке. С нач. Первой мировой войны генерал-губернатор Восточной Пруссии (1914), помощник главного начальника Двинского ВО (ведал контрразведкой и военной цензурой). В 1916 тов. министра внутренних дел. В 1917 арестован. С 1918 в эмиграции.

КУРОПАТКИН Алексей Николаевич (1848, Псковская губ. 1925, там же). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник покорения Средней Азии и Русско-турецкой войны 1877–1878. Начштаба ген. М.Д. Скобелева. Георгиевский кавалер. Военный министр (1898–1904). В Русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии. Член ГС. В Первую мировую войну командовал 5-й армией и Северным фронтом (1916). Туркестанский генерал-губернатор (1916–1917). С мая 1917 жил в бывшем своем имении, преподавал в сельской школе.

КУТЕПОВ Александр Павлович (1882, Череповецк – 1930). Полковник Л.-гв. Преображенского полка РИА, генерал от инфантерии Русской армии ген. П.Н. Врангеля (дек. 1920). Георгиевский кавалер. Командующий 1-й Русской армией в Крыму (1920), помощник главнокомандующего Русской армии (1922–1924). В эмиграции организатор боевых групп РОВС, забрасываемых в СССР. Председатель РОВС (1928–1930). Похищен чекистами в Париже, по офиц. данным скончался от сердечного приступа на советском корабле по дороге в Новороссийск.

КЮГЕЛЬХЕН (Кюгельген) фон, Николай Павлович (1873 – после 1921). Полковник РИА. Георгиевский кавалер. В Белом движении в Добр. армии, ВСЮР и Русской армии. Командир партизанского отряда своего имени в Крыму (1920); командир Отдельного Симферопольского конного дивизиона (до июня 1920).

Л

ЛАГОРИО Александр Евгеньевич (1852–1944, Мюнхен). Тайный советник. Проф. минералогии в Варшавском ун-те (с 1885), директор Варшавского политехнического ин-та (с 1898). Член Совета по учебным делам Министерства торговли и промышленности.

ЛАМПЕ фон, Алексей Александрович (1885–1967, Париж). Генерал-майор. Участник Русско-японской, Первой мировой и Граж-

данской войн. Представитель ген. П.Н. Врангеля в Берлине, начальник 2-го отдела РОВС. Председатель РОВС (1957–1967).

ЛАССАЛЬ Фердинанд (1825–1864). Немецкий социалист, философ и публицист. Организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза.

ЛАХОТСКИЙ (Ляхостский) Павел Николаевич (ок. 1865, Ярославская губ. – 1931, Ленинград). Протоиерей, настоятель Троицкого храма на Стремянной улице в С.-Петербурге. Пред. Общества религиозно-нравственного просвещения, активный участник трезвеннического движения. Редактор журн. «Церковный голос», «Православно-русское слово», газ. «Церковные ведомости» и др. Участник Всероссийского Поместного Собора РПЦ (1917–1918). В 1918 арестован. В 1920–1922 служил в Ярославской епархии, затем вернулся в Петроград. Активный борец с обновленчеством.

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКАЯ (урожд. кнж. **Репнина-Волконская**) **Ольга (Леля) Николаевна** (1872–1953), супруга (с 1895) герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского, кн. Романовского (1872–1929), мать Д.Г. Лейхтенбергского.

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ Дмитрий Георгиевич, герцог (1898, С.-Петербург – 1972, Сен-Совер, Канада). Юнкер Николаевского инженерного училища. В нояб. 1917 арестован как участник юнкерского восстания (окт. 1917), также проходил по делу В.М. Пуришкевича. Оправдан и освобожден. В эмиграции проживал в Баварии и Канаде.

ЛЕЛЯВСКИЙ Борис Николаевич (1886, Киев – 1935, Львов, Польша). Чиновник МВД, волынский предводитель дворянства (с 1914), пред. губ. земской управы (с 1915). Член IV ГД (фракция правых). В 1917 комиссар ВКГД в Волынской губ. При гетмане П.П. Скоропадском отказался от предложенных ему постов киевского губернатора и министра земледелия. Эмигрировал в Галичину (Польша). Активный деятель в защиту православной веры в Польше. В 1930 избран представителем от мирян на Всепольский Поместный Собор, генеральный секретарь Предсоборного Собрания Православной Церкви в Польше (1930–1935).

ЛЕНИН (наст. фамилия **Ульянов**) **Владимир Ильич** (1870, Симбирск – 1924, Горки, под Москвой). Теоретик большевизма, создатель большевистской партии и организатор Октябрьского переворота (1917), пред. первого советского правительства Совнаркома

(1918). Проводил политику «красного террора», «военного коммунизма», НЭПа. Инициатор ликвидации оппозиционных партий и репрессий в отношении «социально чуждых элементов».

ЛЖЕ-АНАСТАСИЯ (наст. имя: **Франциска Шницковская**, также известна под именами: Анастасия Чайковская, Анастасия Мэнахен, Анна Андерсен) (1896, Позен, Польша – 1984, США). Авантюристка, лечилась в психиатрической клинике. В 1920 в Берлине, после неудачной попытки покончить с собой, объявила себя «чудом спасшейся» Великой Княжной Анастасией, младшей дочерью Императора Николая II.

ЛИВЕН Анатолий Павлович, светлейший князь (1872, С.-Петербург – 1937, Латвия). Ротмистр Л.-гв. Кавалергардского полка РИА. Полковник СЗА. Георгиевский кавалер. Создатель и командир Русского Добр. корпуса своего имени в Латвии, позже «Ливенской» 5-й дивизии. Участник Рейхенгалльского съезда от русской эмиграции во Франции (Парижская группа) Организатор и глава «Союза Ливенцев» на чужбине.

ЛИЗОГУБ Федор Андреевич (1851, Черниговская губ. – 1928, Белград). Глава Полтавской губ. земской управы (1901–1915). Покровитель развития украинской культуры и искусства. Октябрист. С 1915 нач. канцелярии при наместнике Кавказа Вел. Кн. Николае Николаевиче. С февр. 1917 – зав. отделом иностранных подданных МИДа, тов. министра при ВП. Председатель Совета министров Украинской державы (май–нояб. 1918) и министр внутренних дел (май–июль 1918). Эмигрировал.

ЛИНЕВИЧ Александр Николаевич (1882–1961, Берлин). Флигель-адъютант. Полковник, командир 1-й батареи ЕВ Л.-гв. Конной артиллерии РИА (1916). Генерал-майор (1919). В окт.–дек. 1918 зав. хоз. частью Офицерской дружины ген. Л.Н. Кирпичева в Киеве. Эмигрировал в Германию.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875, Полтава – 1933, Ментон, Франция). Литератор, журналист. Социал-демократ, неоднократно арестовывался, был в ссылке. К 1903 примкнул к большевикам. Жил в Женеве, в 1917 при помощи немцев прибыл в Петроград. Арестован ВП и заключен в «Кресты» по обвинению в гос. измене. С окт. 1917 Нарком просвещения. С 1929 пред. Ученого комитета при ЦИК СССР. С 1933 полпред СССР в Испании.

ЛЮДОВИК XVI (1754–1793). Король Франции (1774–1791), свержен Французской революцией, заключен в замок Тампль, в 1793 обезглавлен.

ЛЮДОВИК XVII (1785–1795). Дофин, наследник французского престола. Второй сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В ходе Французской революции был подвергнут заключению вместе с родителями и сестрами в замке Тампль в Париже. После казни родителей провозглашен роялистами королем, вскоре умер.

ЛЮДОВИК XVIII (1755–1824). Король Франции (1814–1815, 1815–1824). Из династии Бурбонов, один из лидеров французской контрреволюционной эмиграции, занял престол после падения Наполеона I.

ЛЮЦИДАРСКИЙ Анатолий Александрович (1885, Керчь – 1955, Белград). Полковник 3-го Конного пограничного дивизиона. Георгиевский кавалер. В Белом Движении в Добр. армии, ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Эмигрировал в Константинополь, затем в Югославию, заведующий и хранитель Музея русской конницы.

М

МАКАРОВ Александр Александрович (1857–1919, Москва). Д.т.с., сенатор. С 1878 служил по судебному ведомству. Тов. министра (1906–1909) и министр (1911–1912) внутренних дел. Министр юстиции (1916). Член правой группы ГС (1912–1917). После Февральской революции арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Вторично арестован большевиками (1918) и расстрелян.

МАЛЬЦЕВ Алексей Петрович (1854–1915). Протоиерей, настоятель русской посольской Владимирской церкви в Берлине (с 1886). Основатель Православного Свято-Владимирского братства в Берлине. По его инициативе на севере Берлина было заложено русское православное кладбище «Тегель». Издавал журнал «Церковная правда» (1913–1914), прославился переводами православных богослужебных книг на немецкий язык.

МАНИКОВСКИЙ Алексей Алексеевич (1865–1920). Генерал от артиллерии. Участник Русско-японской войны в составе артиллерии 2-й Маньчжурской армии. Командир Усть-Двинской и Кронштадтской крепостной артиллерии (1906). Член арт. комитета Главного арт. управления (1909–1915), с 1915 нач. ГАУ. С марта

1917 помощник военного министра А.И. Гучкова, временно управляющий Военным министерством (апр. 1917), затем тов. военного министра А.Ф. Керенского по снабжению. Арестован большевиками во время штурма Зимнего дворца. Служил в РККА, в 1918–1919 нач. арт. управления.

МАННЕРГЕЙМ Карл-Густав-Эмиль Карлович, барон (1867, близ Турку – 1951, Швейцария). Генерал-адъютант, генерал-лейтенант РИА. Участник Русско-японской, Первой мировой, Советско-финской и Второй мировой войн. Командир Л.-гв. Уланского ЕВ полка, начальник отдельной Гвардейской кав. бригады, командир 6-го кав. корпуса, нач. 12 кав. дивизии. Георгиевский кавалер. Регент Финляндии (1918–1919). Фельдмаршал (1938). Главнокомандующий Финской армией (с 1939). Президент Финляндии (1944–1946).

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883–1959, Киев). Социал-демократ (с 1903). В 1906 один из организаторов Кронштадтского и Свеаборгского восстаний. Затем в эмиграции во Франции. В мае 1917 вернулся в Россию, вступил в партию большевиков. В окт. 1917 член Петроградского ВРК и комиссар Красного Села. С 1918 член Всеукраинского ревкома, наркомзем УССР. С 1922 работал в Коминтерне. С 1944 зам. пред. СНК УССР и наркоминдел УССР. В 1946–1953 зам. пред. Совета Министров УССР.

МАРИНОВИЧ Иван, офицер Л.-гв. Конной артиллерии. В эмиграции в Париже.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (1755–1793). Французская королева, жена Людовика XVI, дочь австрийского императора Франца I и императрицы Марии-Терезии. После свержения монархии (авг. 1792) арестована и гильотинирована.

МАРИЯ ПАВЛОВНА (старшая), Великая Княгиня (1854, Германия – 1920, Франция). Супруга Вел. Кн. Владимира Александровича (брата Императора Александра III), мать Вел. Кн. Кирилла Владимировича, провозгласившего себя Императором в изгнании. Президент Академии художеств (с 1909). В эмиграции с 1920.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (1847, Копенгаген – 1928, Клампенбард, под Копенгагеном, Дания). Российская Императрица, супруга Императора Александра III, мать Императора Николая II. Шеф Л.-гв. Кавалергардского полка (1881–1917). В эмиграции с апр. 1919, проживала в Дании.

МАРКОВ Николай Евгеньевич (1866, Курск – 1945, Висбаден, Германия). Полит. и общественный деятель, один из лидеров монархического движения. Основатель Курской народной партии порядка (1905), вошедшей в СРН. Член Совета СРН (1908), пред. Главного совета СРН (1912–1917), лидер фракции правых III и IV ГД (в Думе получил к фамилии приставку «второй»). Активный участник монархических съездов и совещаний. В дни Февральской революции бежал из Петрограда, скрывался в Финляндии. В мае 1917 арестован. После освобождения руководил рядом подпольных монархических групп и организаций («Великая единая Россия», «Объединенная офицерская организация», Комитет петроградской антибольшевистской организации), ставивших первоочередной целью спасение Царской Семьи. С нояб. 1918 в Финляндии. С мая 1919 в рядах СЗА в качестве обер-офицера для поручений под именем Л.Н. Чернякова. Руководитель монархической организации «Союз верных». Весной 1920 эмигрировал в Германию. Один из организаторов Рейхенгалльского съезда; пред. ВМС (1921–1927). Участник Зарубежного съезда в Париже (1926). В 1931 из-за конфликта вокруг вопроса о престолонаследии покинул ВМС. С 1936 редактировал русский выпуск бюллетеня «Мировая служба. Международная корреспонденция по просвещению в еврейском вопросе».

МАРКС Карл (1818–1883). Немецкий мыслитель-материалист, идеолог коммунизма, основатель и лидер I Интернационала (1846–1876).

МАСАЛЬСКИЙ Владимир Николаевич, князь (1860, Новгородская губ. – 1940, Париж). Генерал от артиллерии, инспектор артиллерии Румынского фронта. Георгиевский кавалер. В Гражданскую войну на Северном фронте. Эмигрировал во Францию, пред. Общества взаимопомощи Л.-гв. Конной артиллерии.

МАСЛЕННИКОВ Александр Михайлович (1858 – до 1950, Париж). Проф. юриспруденции. Член III и IV ГД (прогрессист). В эмиграции в Германии и Франции. Участник Рейхенгалльского съезда, член ВМС (1921 – апр. 1926). Член Комитета по сбору пожертвований в Фонд спасения России (с дек. 1924). Делегат Зарубежного съезда в Париже (1926) от русской колонии в Германии.

МАСЛОВ Семен Леонтьевич (1873 или 1874, Орловская губ. – 1938, Москва). Экономист и публицист. Эсер (с 1902), член редакции нелегальной газ. «Земля и Воля» (1907–1910). С 1914, после

отбытия заключения, работал в сельскохозяйственной кооперации. После Февральской революции член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С апр. 1917 зам. пред. Главного земельного комитета. Министр земледелия ВП. В ходе большевистского переворота арестован в Зимнем дворце, но вскоре освобожден. После повторного ареста в нояб. 1917, отошел от полит. деятельности. До 1929 член правления Центросоюза, преподавал в МГУ. В 1930 арестован и выслан из Москвы; в 1938 вновь арестован и расстрелян.

МАХНО Нестор Иванович (1888, Екатеринославская губ. – 1934, Париж). Анархист. С 1910 по 1917 находился на каторге. В 1918–1921 возглавлял анархо-крестьянское движение на Украине, боровшееся с германской оккупацией и белогвардейцами. Позже (с 1919) вступил в вооруженный конфликт с красными. Эмигрировал, жил в Польше (с 1922) и во Франции (с 1923).

МЕВЕС фон, Юрий (Георгий) Ричардович (1891–1927, Ницца). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. С нояб. 1917 в Добр. армии. В эмиграции проживал во Франции.

МЕДВЕДЕВ Сергей Михайлович. Участник Рейхенгалльского съезда от русской эмиграции Чехословакии. Один из организаторов Русского комитета в Праге.

МЕЙЕНДОРФ, предположительно **Нина Александровна** (урожд. **Асеева**), баронесса (1896, Саратовская губ. – 1971, Зальцбург, Австрия). Вдова полковника Л.-гв. Конной артиллерии барона Н.Б. Мейендорфа.

МЕКЛЕНБУРГСКИЙ (МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКИЙ) Михаил Георгиевич, герцог (1863, Ораниенбаум – 1934, Мекленбург, Германия). Генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. Доктор философских наук. Инспектор артиллерии Гвардейского корпуса (1910–1914). Начальник артиллерии Гвардейского отряда (1916). В эмиграции в Дании и Германии.

МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКИЙ Георгий Георгиевич, герцог (1859, Мекленбург, Германия – 1909, С.-Петербург). Генерал-майор. Доктор философии. Командир 1-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии (1906–1907).

МЕЛЕТИЙ (в миру **Заборовский Михаил Васильевич**) (1869, Тобольская губ. – 1946, Харбин). Митрополит. До революции заве-

дующий Бийским миссионерским катехизаторским училищем (1900). Архимандрит (1904). Ректор Томской духовной семинарии (1906). Епископ Барнаульский, викарий Томской епархии (1908), Якутский и Вилюйский (1912), Забайкальский и Нерчинский (1916). С 1920 в эмиграции в Китае. Епископ Харбинский (1920 или 1929), архиепископ Забайкальский и Нерчинский (1930). С 1931 возглавлял Харбинскую епархию. Митрополит Харбинский и Маньчжурский РПЦЗ (1939).

МЕФОДИЙ (в миру **Герасимов Маврикий Львович**) (1856, Томская губ. – 1931, Харбин, Китай), митрополит Харбинский и Маньчжурский РПЦЗ (1930). Перед революцией епископ Оренбургский и Тургайский (1914). Архиепископ (1918). Участник Всероссийского Церковного Собора в Москве и Сибирского Собора архиереев в Омске. С 1920 в Харбине.

МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА, Великая Княгиня (1866, Черногория – 1951, Александрия, Египет). Дочь кн. (впоследствии короля) Николая I Черногорского, супруга Вел. Кн. Петра Николаевича.

МИЛОРАДОВИЧ Александр Леонидович, граф (1889–1954), эмигрант в Париже.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859, Москва – 1943, Экс-ле-Бен, Франция). Полит. деятель, публицист и историк. Один из создателей (1905), идеолог и лидер Конституционно-демократической партии (кадеты). Депутат III и IV ГД, лидер фракции кадетов. В 1917 член ВКГД, министр иностранных дел ВП (март–май). В 1918 эмигрировал, с 1921 проживал в Париже. Во Франции являлся редактором газ. «Последние известия».

МИНИН Кузьма Минич (†1616). Один из лидеров народно-освободительной борьбы против польской интервенции, руководитель (совместно с кн. Д.М. Пожарским) 2-го Земского ополчения (1612–1613).

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Великий Князь (1878, С.-Петербург – 1918, Пермь). Генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Сын Императора Александра III, брат Императора Николая II. Командующий Туземной конной дивизией (1914–1915), 2-м Кавалерийским корпусом (1916), генерал-инспектор кавалерии (1917). В марте 1917 отказался воспринять Верховную власть, переданную ему Императором Николаем II. Убит большевиками, канонизирован РПЦЗ.

МОРОЗОВЫ, московская династия купцов и промышленников (текстильные предприятия) из старообрядцев. Представитель династии С.Т. Морозов (1862–1905), известный меценат, оказывал финансовую помощь революционерам.

МОСОЛОВ Александр Александрович (1854, Тамбов – 1939, София). Генерал-лейтенант Свиты ЕИВ (1908). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Городской голова Софии (с авг. 1878). Флигель-адъютант князя Болгарского и командир его конвоя (1879). В 1879–1883 служил в рядах Болгарской армии. Начальник канцелярии министерства Двора ЕИВ (1900–1917), помощник министра Двора ЕИВ (1913). Посланник при Румынском королевском дворе (1916–1917). В 1918 предпринимал попытки спасения Царской Семьи. Участник Рейхенгалльского съезда. В эмиграции жил в Германии, Франции, Болгарии.

МОСОЛОВ Александр Александрович (Шура) (1889–1915). Старший сын ген. А.А. Мосолова. Офицер Л.-гв. Казачьего полка. Погиб в Первую мировую войну.

МОСОЛОВ Алексей Иванович, предположительно (ок. 1863–1943, Белград). Д.с.с., тульский гор. голова.

МРОЗОВСКИЙ Иосиф Иванович (1857–1934, Франция). Генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. В 1900 во главе 2-й батареи Гв. арддивизиона участвовал в защите русского посольства в Китае при подавлении «боксерского восстания». В Русско-японскую войну командир 9-й Восточно-Сибирской стр. бригады, в Первую мировую войну – командир гренадерского корпуса. Командующий войсками Московского ВО. Георгиевский кавалер. Член полкового объединения Л.-гв. Семеновского полка.

МУРАВЬЕВ Михаил Артемьевич (1880, Нижегородская губ. – 1918, Симбирск). Подполковник (1917), левый эсер. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После Февральской революции пред. Центрального исполкома по формированию революционной армии из добровольцев тыла для продолжения войны с Германией. После большевистского переворота начальник обороны Петрограда и главнокомандующий столичными войсками. Нач. штаба В.А. Антонова-Овсеенко. В нач. 1918 командовал отрядами РККА на Украине. Главнокомандующий войсками Восточного фронта (июнь 1918). В июле 1918 поднял мятеж против большевиков, убит.

МУРАВЬЕВ Николай Валерианович (1850, Москва – 1908, Рим). Генерал-прокурор. Вел дело об убийстве революционерами-террористами Императора Александра II. Обер-прокурор Сената (1891), гос. секретарь (1892). Министр юстиции (1894–1905). С 1905 посол в Италии.

МУРАВЬЕВ, предположительно **МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ**, граф. Есаул, нач. личного конвоя главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Н.Н. Юденича (1919– 1920). В 1920 в рядах 3-й Русской армии ген. П.Н. Врангеля в Польше.

МУРОМЦЕВ Сергей Андреевич (1850, С.-Петербург – 1910, Москва). Юрист, публицист. Проф. Московского ун-та (1877–1884). Редактор журн. «Юридический вестник» (1879–1892). В 1890–1905 тов. пред. Совета присяжных поверенных Московского округа. Участник земских съездов (1904–1905). Один из создателей Конституционно-демократической партии (1905), член ее ЦК. Председатель I ГД. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к 3 мес. заключения. С 1906 проф. Московского ун-та по кафедре гражданского права, в 1908–1910 лектор Ун-та Шанявского.

МУФФЕЛЬ (Муфель) Борис Михайлович (ок. 1877 – не ранее 1918). Полковник Николаевского инженерного училища, батальонный командир. Арестован большевиками за участие в юнкерском восстании (окт. 1917), после суда (янв. 1918) освобожден.

МЯСОЕДОВ Александр Николаевич (1876–1964, Рим). Камергер. Статский советник. Последний дипломатический представитель Императорской России в Риме. В эмиграции возглавлял отдел по регистрации русских беженцев в Италии. Председатель ВМС и Лицейского объединения в Италии. Делегат Зарубежного съезда в Париже (1926).

Н

НАБОКОВ Владимир Дмитриевич (1869, С.-Петербург – 1922, Берлин). Юрист, публицист, общественный и полит. деятель. Отец русско-американского писателя В.В. Набокова. Гласный Петербургской гор. думы. Член «Союза освобождения» и ЦК кадетской партии с момента ее основания (1905), депутат I ГД. Издатель-ред. газ. «Вестник партии Народной свободы», соредaktor газеты «Речь». За подписание Выборгского воззвания отбыл 3 мес. в «Кре-

стах». 3.03.1917 вместе с бар. Б.Э. Нольде составил акт об отказе воспринять Верховную власть Вел. Кн. Михаила Александровича. Тов. пред. Предпарламента (окт. 1917). После большевистского переворота член Комитета спасения Родины и революции. Министр юстиции краевого правительства Крыма (1918). Эмигрировал в Англию (1919), затем жил в Берлине, редактировал газ. «Руль» (1920). Застрелен во время покушения офицеров-монархистов на П.Н. Милюкова.

НАЖИВИН Иван Федорович (1874, Москва – 1940, Брюссель). Писатель-беллетрист, имел репутацию убежденного монархиста. После 1917 находился при Добр. армии, сотрудник «Освага». Участник Рейхенгалльского съезда. В эмиграции стал критиковать Императора Николая II и РПЦ, возлагая на них вину за революцию. Сблизился со «сменовеховцами», в 1926 обратился к сов. послу в Париже с просьбой о предоставлении сов. гражданства. В 1936 направил письмо И.В. Сталину с просьбой об амнистии и предложением издать в СССР собрание своих сочинений.

НАХАМКИС (наст. фамилия **Стеклов**) **Юрий Михайлович** (1873, Одесса – 1941). Публицист (псевд. Ю. Невзоров), историк революционного движения, большевик. В 1909–1914 сотрудничал в газ. «Социал-демократ», «Звезда», «Правда». В 1917 член Исполкома Петроградского совета, один из авторов «Приказа № 1». Редактор газ. «Известия ВЦИК» (1917–1925). С 1929 зам. пред. Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1938 арестован, умер в тюрьме.

НЕЙДГАРДТ (Нейдгарт) Дмитрий Борисович (1861 или 1862–1942, Париж). Тайный советник, гофмейстер. И.д. Плоцкого губернатора (1902), одесский градоначальник (1903–1905). Сенатор (1907). Член правой группы ГС (1916–1917). В эмиграции пред. комитета общества «Зарубежная казна». Участник Рейхенгалльского съезда от членов ГС. Делегат Зарубежного съезда (1926).

НЕЙШЕЛЛЕР Макс-Иосиф-Отмар (Макс Леопольдович) (1861–?). Гражданин Швейцарии, совладелец торгового дома «Леопольд Нейшеллер». Директор Петроградского отделения Императорского Русского музыкального общества. Председатель Александровского приюта для женщин, учрежденного евангелическим приходом.

НЕКРАСОВ Николай Виссарионович (1879, С.-Петербург – 1940). Проф. Томского технологического ин-та. Член ЦК кадетской партии. Депутат III–IV ГД, масон. С 1915 сторонник сотруд-

ничества либералов с социалистами. В февр. 1917 член ВКГД, затем министр путей сообщения ВП (март–июль). В июле 1917 покинул партию кадетов и возглавил Российскую радикально-демократическую партию. Зам. министра-пред. ВП. С сент. 1917 генерал-губернатор Финляндии. После большевистского переворота статистик в Наркомпроде. Арестован, освобожден Лениным. В 1921–1930 член правления Центросоюза РСФСР и СССР, преподавал в Московском ун-те. В 1930 арестован (освобожден в 1933), в 1939 вновь арестован и вскоре расстрелян.

НЕСТОР (в миру **Анисимов Николай Николаевич**) (1884–1962). Митрополит, церковный и общественный деятель, духовный писатель, участник монархического движения. Миссионер на Камчатке (с 1907), инициатор создания Камчатского Православного братства (1910). Известен своими переводами богослужений на тунгусский, корякский и эвенский языки. В годы Первой мировой войны руководил санитарным отрядом на передовых позициях. За боевые заслуги (участвовал в конных атаках, выносил из огня раненных) награжден наперсным Крестом на Георгиевской ленте и рядом военных орденов. Еп. Камчатский и Петропавловский (1916). Член Священного Собора РПЦ (1917–1918). Участник Приамурского Земского Собора во Владивостоке (1922). В эмиграции – в Харбине, архиепископ (1933). С 1945 Патриархом Алексием I назначен управляющим Харбинской епархией, в 1946 – митр. Харбинским и Маньчжурским, Экзархом по Восточной Азии. Арестован сов. властями, с 1948 по 1956 находился в лагере. С 1959 митр. Кировоградский и Николаевский.

НИКОДИМ (в миру **Кротков Николай Васильевич**) (1868, Костромская губ. – 1938, Ярославль). Архиепископ Костромской и Галичский. С 1911 по 1921 управлял Чигиринской и Петровской епархиями. С 1921 по 1924 занимал Симферопольскую кафедру. Арестован и отправлен в Соловецкий лагерь (1924–1932). С 1932 по 1936 управлял Костромской епархией. В 1936 повторно арестован и сослан в Кандалакшу, где и скончался. Канонизирован.

НИКОЛАЕВСКИЙ К.В. Директор правления «Общества Бессарабской железной дороги» в Петрограде, руководитель «Республиканского центра».

НИКОЛАЙ I Павлович (1796, Царское Село – 1855, С.-Петербург). Император Всероссийский (1825–1855).

НИКОЛАЙ I Петрович Негош (1841–1921). Князь (с 1860) и король (1910) Черногории. Во время Первой мировой войны Главнокомандующий черногорскими войсками. Низложен с престола в нояб. 1918.

НИКОЛАЙ II Александрович (1868, Царское Село – 1918, Екатеринбург). Император Всероссийский (1894–1917). Убит с семьей в Екатеринбурге, канонизирован.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (младший), Великий Князь (1856, С.-Петербург – 1929, Антиб, Франция). Внук Императора Николая I, двоюродный дядя Императора Николая II. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Пред. Совета обороны (1908), командующий гвардией и Петербургским ВО (1905–1914). Верховный главнокомандующий РИА (1914–1915). Наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917). В эмиграции (с 1919) проживал во Франции. Верховный главнокомандующий всеми русскими вооруженными формированиями на чужбине (с 1924).

НОСКЕ Густав (1868–1946). Немецкий политик, деятель правого крыла германской социал-демократии (социал-шовинист). После ноябрьской революции 1918 член буржуазно-демократического правительства. Военный министр (1919–1920).

О

ОБОЛЕНСКИЙ Алексей Васильевич, князь (1877, Москва – 1969, Стокгольм). Сын московского вице-генерал-губернатора кн. В.В. Оболенского. Чиновник для особых поручений при П.А. Столыпине (с 1906). Член ЦК партии октябристов. В эмиграции в Финляндии (с 1917) и Швеции (с 1939).

ОБОЛЕНСКИЙ, предположительно **Дмитрий Алексеевич**, князь (1894–1945, Дрезден). Офицер гвардии, в эмиграции проживал в Германии.

ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА, королева эллинов (1851–1926, Рим). Внучка Императора Николая I, старшая дочь Вел. Кн. Константина Николаевича. Двоюродная тетка Императора Николая II. С 1867 супруга греческого короля Георга I.

ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Сергеевич (1888–1940, Париж). Проф. истории, публицист. Сын академика С.Ф. Ольденбурга. В эмиграции

в Финляндии, Германии и Франции. В Париже работал в редакции газ. «Возрождение», член Парижского Союза освобождения и воссоздания Родины. С 1922 секретарь Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов). Автор труда «Царствование Императора Николая II» (Мюнхен, 1949, многократно переиздавался).

ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Федорович (1863, Забайкальская обл. – 1934, Ленинград). Востоковед, академик (1900), неперемный секретарь Петербургской академии наук (с 1904), Российской АН (с 1917), АН СССР (1925–1929). Член ЦК кадетской партии (1917). Министр народного просвещения ВП (июль–сент. 1917). Один из основателей отечественной индологической школы. Отец С.С. Ольденбурга.

ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ Александр Петрович, принц (1844, С.-Петербург – 1932, Биарриц, Франция). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Командующий Л.-гв. Преображенским полком (1870). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Командир Гвардейского корпуса (с 1889). Член ГС (1896). Верховный нач. санитарной и эвакуационной части (1914–1917).

П

ПАВЛОВ Александр Александрович (1867, Волынская губ. – 1935, Белград). Генерал-лейтенант. Служил в Л.-гв. Гусарском полку (1887–1900). Участник китайской кампании (1900–1901) и Русско-японской войны. Командир Л.-гв. Уланского полка (1907–1910). В 1909–1914 в Свите ЕИВ. С 1914 в распоряжении командующего войсками Киевского ВО. Участник Первой мировой войны, нач. 2-й сводной казачьей дивизии (1914), командир 6-го кав. корпуса (1915). Георгиевский кавалер. С апр. 1917 командир Кавказского кав. корпуса, затем в распоряжении Верховного главнокомандующего. В 1918 командующий сформировавшейся ген. П.Н. Красновым Астраханской армии. В рядах ВСЮР командир 4-го и 2-го Донских казачьих корпусов (1920). Эмигрировал в Константинополь, затем в Югославию. Служил в югославской армии.

ПАВЛОВ Александр Николаевич (1891–1969, под Барселоной, Испания). Старший лейтенант (1917). В Белой борьбе во ВСЮР и Русской армии в составе Черноморского флота. В эмиграции

в Бизерте, Германии (с 1921) и Испании (с 1940–1948). Участник Рейхенгалльского съезда. В 1920-е возглавлял Братство Белого Креста.

ПАВЛОВ Василий, комиссар петроградской тюрьмы «Кресты» с окт. 1917.

ПАВЛОВ Николай Алексеевич (? – 1931, Ванв под Парижем). Видный правый общественный деятель и публицист, один из лидеров Объединенного Дворянства. Автор многочисленных записок по крестьянским делам, член «Союза землевладельцев». Сотрудник «Московских ведомостей» и «Гражданина», свои статьи подписывал «Дворянин Павлов». Участник Рейхенгалльского съезда. Автор книги «Его Величество Государь Николай II» (Париж, 1927).

ПАЛЕН фон дер, граф Алексей-Фридрих-Леонид Петрович (1874, Курляндия – 1938, Латвия). Полковник РИА. Генерал-лейтенант СЗА (1919). Старший офицер Л.-гв. Конного полка, командир стр. полка 1-й Гв. кав. дивизии. Командир 1-го стр. корпуса СЗА (1919), нач. 2-й стр. дивизии 3-й Русской армии в Польше (1920). В эмиграции в Латвии.

ПАЛЕОЛОГ Жорж Морис (1859–1944). Посол Франции в России (с янв. 1914), способствовал вовлечению России в Первую мировую войну, в февр. 1917 поддержал ВП. В 1920–1921 генеральный секретарь МИД Франции, затем в отставке.

ПАЛТОВ Александр Александрович. Директор канцелярии министра путей сообщения, бывший камергер (лишен мундира). В правительстве гетмана П.П. Скоропадского нач. канцелярии и тов. министра иностранных дел. Автор программного документа гетмана «Грамоты ко всему украинскому народу».

ПАЛЬЧИНСКИЙ Петр Иоакимович (1875, Вятская губ. – 1929, Москва). Инженер, экономист, был близок к анархистам, масон. Директор-распорядитель Головинского горнопромышленного товарищества (с 1902), член Русского технического общества (с 1903). Участник революции 1905–1907. Эмигрировал, жил в Лондоне и Италии, руководил горнопромышленным отделом Всемирной промышленной выставки в Турине (1911). В 1913 вернулся в Россию. В Первую мировую войну активный деятель Центрального Военно-промышленного комитета. В дни Февральской революции член Военной комиссии ВКГД, тов. министра торговли

и промышленности (март 1917), генерал-губернатор Петрограда (нач. сент. 1917). В окт. 1917 руководил обороной Зимнего дворца, арестован большевиками (освобожден через 4 мес.). С 1918 пред. Русского технического общества, проф. Петроградского горного института (1920). В 1922 арестован, 2 мес. находился в тюрьме, вновь арестован в 1928 и вскоре расстрелян.

ПАНТЕЛЕЕВ Андрей Андреевич (1880–1918, Киев). Полковник Л.-гв. Кавалергардского полка. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Член «Союза верных», помощник Н.Е. Маркова по военной части. Адьютант гр. Ф.А. Келлера (1918). Арестован петлюровцами и убит вместе с Келлером.

ПАНЧУЛИДЗЕВ Борис Евгеньевич (1891, Пятигорск – 1939?). Участник Первой мировой войны, ротмистр 17-го Драгунского Нижегородского полка. Остался в Сов. России, репрессирован ОГПУ (1933), отсидел три года в концлагере, в 1935 выпущен на свободу. Работал актером в Читинском театре Музкомедии. В 1939 снова репрессирован.

ПАРФЕНОВ Иван Дмитриевич. Петроградский домовладелец, коммерсант, участник монархической организации В.М. Пуришкевича (осень 1917).

ПАТТОН-ФАНТОН де ВЕРРАЙОН Петр Иванович (1866–1941, Франция). Контр-адмирал. Нач. отряда обороны Северо-Западной части Черного моря. С 1918 пред. Русско-Дунайского пароходства, в 1919 эвакуировал его из Одессы. Заведующий коммерческой морской базой в Константинополе. В эмиграции проживал в Болгарии, затем в Германии, где являлся членом Суда чести и ревизионной комиссии Союза взаимопомощи моряков, служивших в РИФ. Позже переехал во Францию.

ПЕРМИКИН Борис Сергеевич (1890–1971, Зальцбург, Австрия). Штабс-ротмистр РИА (1917). Генерал-майор СЗА (1919). Генерал-лейтенант, командующий 3-й Русской армией ген. П.Н. Врангеля в Польше (1920). За годы Первой мировой войны, которую начал вольноопределяющимся, награжден тремя Георгиевскими крестами. В эмиграции проживал в Польше и Германии. Во время Второй мировой войны (1944) служил преподавателем тактики в офицерской школе РОА (КОНР), затем в Зальцбургской группе ген. А.В. Туркула. После окончания войны проживал в Австрии в беженском лагере «Парш».

ПЕРОВСКИЙ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО Михаил Михайлович, граф (†1954, Франция).

ПЕСТРЖЕЦКИЙ Дмитрий Илларионович (†1922, Берлин). Проф. статистики. Сенатор. Монархист. Один из основателей Союза владельцев недвижимости в России.

ПЕТЛЮРА Симон Васильевич (1879, Полтава – 1926, Париж). Член Украинской социал-демократической рабочей партии. В 1917 один из организаторов Центральной Рады (генеральный секретарь военных дел) и Директории (1918, с февр. 1919 ее глава). Убит в Париже из мести за еврейские погромы на Украине.

ПЕТР I Алексеевич Великий (1672, Москва – 1725, С.-Петербург). Русский Царь (1682–1721). Император Всероссийский (1721–1725).

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, Великий Князь (1864, С.-Петербург – 1931, Франция). Генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Внук Императора Николая I, сын Вел. Кн. Николая Николаевича (старшего), брат Вел. Кн. Николая Николаевича (младшего).

ПЕТРАШЕВСКИЙ (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821, С.-Петербург – 1866, Енисейский округ). Чиновник МИД, социалист. Организатор «пятниц», посетители которых позднее именовались петрашевцами. Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой в Забайкалье. С 1856 на поселении в Иркутске.

ПИЛСУДСКИЙ Юзеф (1867, Зулово, Виленщина – 1935, Варшава). Член Польской социалистической партии (ее националистического крыла), создавал террористические боевые группы. В годы Первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии (1914–1918). С 1918 диктатор Польши, военный министр и генеральный инспектор вооруженных сил (с 1926), в 1926–1928 и в 1930-е премьер-министр.

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович (1860, Чернигов – 1933, Самара). Историк, академик Российской академии наук (с 1920) и АН СССР (с 1925), академик-секретарь гуманитарного отделения АН (1929–1930). Автор фундаментального труда «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков». В 1930 арестован по сфабрикованному обвинению, сослан в Самару (1931).

ПЛЕВАКО Федор Никифорович (1842, Троицк Оренбургской губ. – 1908, Москва). Д.с.с. Юрист, адвокат, участник крупных политических и уголовных процессов. Член Московского ЦК «Союза 17 октября», депутат III ГД.

ПОГОДИН Александр Львович (1872, Витебск – 1947, Белград). Историк литературы, филолог-славист. Проф. Варшавского ун-та (1902–1908), лишен кафедры за полонофильство. Проф. Харьковского ун-та (1910–1920). Эмигрировал в Югославию (1919), проф. Белградского ун-та (1920–1944). Основатель Русского археологического общества.

ПОЖАРСКИЙ Дмитрий Михайлович, князь (1578–1642). Гос. и военный деятель, боярин (с 1613). Воевода в Зарайске, участник Первого (1611) и один из руководителей Второго (1611–1612) ополчений и Земского правительства. Руководил военными действиями против польских интервентов (1618).

ПОЛКОВНИКОВ Георгий Петрович (1883–1918). Полковник. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 нач. штаба Уссурийской конной дивизии, затем командир 1-го Амурского казачьего полка в составе 3-го конного корпуса ген. А.М. Крымова. Во время выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917) перешел на сторону ВП. С сент. 1917 командующий войсками Петроградского ВО. Один из организаторов юнкерского восстания в Петрограде (окт. 1917). После его провала бежал на Дон, служил в Добр. армии. В марте 1918 захвачен красными и расстрелян.

ПОЛОВЦЕВ, предположительно **ПОЛОВЦОВ Андрей Петрович**, генерал-майор (1912), помощник управляющего кабинетом ЕИВ (1916), главный нач. войск Петроградского ВО, командир Туземного конного корпуса (1917).

ПОПОВ Петр Николаевич – см.: **Шабельский-Борк П.Н.**

ПОРОХОВЩИКОВ, предположительно **Юрий Сергеевич** (1873 – после 1931, Франция). Полковник инженерных войск.

ПОТОЦКИЙ Александр Александрович (1864 – после 1918). Отставной поручик, тов. пред. Главного совета ВНС (с 1912). Член III–IV ГД (националист). После революции на Украине служил в Державной варте, с падением гетманской власти прорвался со своим отрядом в Румынию.

ПРИСОВСКИЙ Константин Адамович (1878–1966, Мужен, Франция). Генерал-майор. Участник Первой мировой войны, командир 278-го пех. Крымского полка, 10-й Туркестанской дивизии. Георгиевский кавалер. Генеральный хорунжий в войсках гетмана П.П. Скоропадского (1918). Нач. Константиновского военного училища, переведенного из Киева в Крым (1919–1920). Эмигрировал, проживал в Болгарии, Югославии и Франции.

ПРОТОПОПОВ Александр Дмитриевич (1866, Нижегородская губ. – 1918, Москва). Д.с.с., камер-юнкер. Промышленник, пред. Союза суконных фабрикантов. Октябрист, член III–IV ГД, тов. пред. IV ГД (с 1914), член Прогрессивного блока. Предводитель дворянства Симбирской губ. (с февр. 1916). Основатель и редактор газ. «Русская воля» (1916–1917). Министр внутренних дел (1916–1917). После Февральской революции арестован ВП, расстрелян большевиками.

ПУМПЯНСКИЙ Николай Петрович. Эсер. Член Учредительного собрания от Сибири. Глава Читинского совдепа в нояб. 1917. Представитель Временного Дальневосточного правительства, неудачно пытался подчинить Харбин его контролю (март 1920).

ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович (1870, Кишинев – 1920, Новороссийск). Д.с.с. Член Совета РС. Один из организаторов и тов. пред. СРН (1905–1907). Основатель РНСМА и пред. его Главной палаты (1908–1917). Признанный лидер и оратор фракции правых во II–IV ГД. В нояб. 1916 вышел из состава фракции правых, участник убийства Г.Е. Распутина (дек. 1916). После Февральской революции подержал ВП, однако вскоре был арестован и заключен в «Крестах» (сент. 1917). В окт. 1917 создал подпольную монархическую организацию, пытавшуюся выйти на связь с ген. А.М. Калединым. В кон. 1917 арестован петроградской ЧК и приговорен к принудительным работам. В мае 1918 амнистирован, уехал на Юг России. С июня по дек. 1918 жил в Киеве, где основал Общество активной борьбы с большевизмом. С дек. 1918 активно действовал в стане ген. А.И. Деникина. В 1919 пытался основать Всероссийскую народно-государственную партию, издавал газ. «В Москву!» и журн. «Благовест» Скончался от сыпного тифа.

ПУРИШКЕВИЧ Елена Викторовна (ок. 1892–1934, Белград). Супруга М.М. Пуришкевича.

ПУРИШКЕВИЧ Михаил Митрофанович (1883 – после 1919). Брат В.М. Пуришкевича. Чиновник особых поручений при МВД. Член РС и ВНК. В сент. 1917 редактор-издатель газ. «Народный трибун». В годы Гражданской войны член Главного совета Всероссийской народно-государственной партии (1919).

ПУТЯТИН Сергей Михайлович, князь (1893–1966, Чарлстон, США). Капитан Л.-гв. 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. В эмиграции проживал в США. К нояб. 1951 являлся представителем полкового объединения в США. Первым браком был женат на Вел. Кн. Марии Павловне.

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799, Москва – 1837, С.-Петербург). Великий русский поэт.

Р

РАСПУТИН (Новых) Григорий Ефимович (1869, Тобольская губ. – 1916, Петроград). Крестьянин, друг Царской Семьи. Оказывал помощь больному гемофилией наследнику. По широко распространенной легенде, запущенной врагами монархии, имел неограниченное влияние при Дворе. Убит Вел. Кн. Дмитрием Павловичем, кн. Ф.Ф. Юсуповым, В.М. Пуришкевичем и другими заговорщиками, считавшими его влияние губительным для страны.

РАУШ фон ТРАУБЕНБЕРГ Евгений Александрович, барон (1855, Старая Русса – 1923, Мюнхен). Генерал от кавалерии. Командир Л.-гв. Кирасирского ЕВ полка. Командир 23-го армейского корпуса (1910). Главный начальник Минского ВО (1914). В годы Гражданской войны находился при ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Участник Рейхенгалльского съезда.

РЕБИНДЕР Сергей Александрович, граф († после 1938). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. Эмигрировал в Германию.

РЖЕПЕЦКИЙ Антон (Антуан) Карлович. Видный финансист, депутат Киевской гор. думы, правый кадет. Министр финансов гетманского правительства на Украине (1918). Выработал новую налоговую систему, учредил Державный и Земельный банки, создал национальную валюту Украины карбованец. Арестован петлюровцами, затем освобожден.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Александр Александрович (1850–1922, Берлин). Шталмейстер, д.с.с., сенатор, видный деятель монар-

хического движения. Ярославский губернатор (1905–1909). Член Главного совета СРН (с 1909), и.о. его пред. (янв.–апр. 1910). Член Совета РС (1912–1915). Активный участник монархических съездов, организатор влиятельного правого кружка. В годы Первой мировой войны один из инициаторов образования «Российского общества попечения о беженцах православного исповедания». Член правой группы ГС (1915–1917). В 1917–1918 проводил монархические собрания, стремясь помочь Царской Семье. В 1919 участвовал в выступлении ген. Н.Н. Юденича на Петроград. Эмигрировал в Берлин (1920). Пред. Русского общественного собрания (1921), член Совета объединенных русских организаций, пред. Русского Комитета в Берлине. Тов. пред. Рейхенгалльского съезда.

РИТТИХ Александр Александрович (1868, Харьковская губ. – 1930, Лондон). Д.с.с., гофмейстер, сенатор. Служил в МВД и Министерстве финансов. Директор Департамента гос. земельных имуществ (с 1905). Тов. главноуправляющего землеустройством и земледелием (с 1912). Управляющий Министерством земледелия (с нояб. 1916), министр земледелия (1917). После большевистского переворота выехал в Одессу и эмигрировал.

РИТТИХ Федор Александрович (1871–1923, Мюнхен). Генерал-майор, инспектор классов Пажеского корпуса.

РОГОВИЧ Алексей Петрович (1858–1935, Брюссель, Бельгия). Гофмейстер, тайный советник. Ковенский (1899–1902) и ярославский (1902–1905) губернатор. Сенатор (1906). Тов. обер-прокурора Св. Синода (1906–1912). Член правой группы ГС (1912–1917) и Совета РС. Эмигрировал. Участник Рейхенгалльского съезда.

РОГОВИЧ Петр Алексеевич (ок. 1894–1957, Вальдперлах, под Мюнхеном). Корнет Л.-гв. Кавалергардского полка, ротмистр Русской армии ген. П.Н. Врангеля. В эмиграции во Франции и Германии. Участник Рейхенгалльского съезда.

РОДЗЯНКО Александр Павлович (1879, С.-Петербург – 1970, США). Полковник РИА, генерал-лейтенант СЗА. Командир полка Офицерской кавалерийской школы (1916). Командир 1-й бригады, 17-й кавалерийской дивизии (1917). Последовательно занимал должности командующего Северного Корпуса, Северной Армии, СЗА, помощника командующего СЗА ген. Н.Н. Юденича. Откомандирован Юденичем в Лондон с докладом о положении чинов СЗА (нояб. 1919).

РОДЗЯНКО Михаил Владимирович (1859, Екатеринбургская губ. – 1924, Югославия). Камергер. Один из основателей и лидеров «Союза 17 октября» (1905). В 1905–1907 член ГС, депутат III–IV ГД (фракция октябристов), в 1911–1917 ее пред. Один из инициаторов создания и лидеров Прогрессивного блока (авг. 1915). В дни Февральской революции возглавил ВКГД. После большевистского переворота перебрался на Дон, безуспешно пытался воссоздать Соединение членов ГД всех созывов. С 1920 в эмиграции.

РОДИОНОВ Иван Александрович (1866, Донская область – 1940, Берлин). Писатель-монархист. В качестве командира казачьей сотни участвовал в подавлении революции 1905–1907. Автор «Казачьих очерков», повести «Наше преступление» (1909, в 1910 переиздавалась 5 раз), книг «Москва-матушка» (1911), «Тихий дон» (1914) и др. Выступал с докладами в РС, сотрудничал с РНСМА. В годы Первой мировой войны служил при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. А.А. Брусилова, редактор газ. «Армейский вестник». В 1917 член Главного комитета «Союза офицеров армии и флота». Участник выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917) и 1-го Кубанского Ледяного похода. Есаул Всевеликого Войска Донского. Издавал газету «Донской край». Полковник Донской армии ВСЮР. В 1920 по просьбе ген. П.Н. Врангеля был организатором печатного дела на юге России. В эмиграции помощник пред. Берлинского монархического объединения (1923), делегат Зарубежного съезда в Париже (1926). Автор книг «Сыны дьявола» (Белград, 1932) и «Царство сатаны» (Берлин, 1937), в которых в худ. форме изложено содержание «Протоколов сионских мудрецов». Вместе с ген. П.Н. Красновым сотрудничал в журн. «Казачий сборник».

РОЗЕНБАХ Павел Яковлевич (1858–1918, Петроград). Доктор медицины, проф. психиатрии. Зав. отделением для душевнобольных при С.-Петербургском Николаевском военном госпитале (с 1904). Смертельно ранен неизвестными в 1918.

РОЗМИРОВИЧ Елена Федоровна (1886, Петропавловка – 1953, Москва). Большевичка (с 1904), в 1909 арестована, в 1910 выслана из России. Жила во Франции и Австрии, выполняя задания РСДРП. В 1913–1914 секретарь большевистской фракции IV ГД, член редакции газ. «Правда». В 1916 арестована, выслана в Туруханский край. С марта 1917 в Петрограде. В окт. 1917 член Петроградского ревтрибунала, затем пред. следственной комиссии Вер-

ховного трибунала при ВЦИК (1918–1922). Работала в Наркомсвязи, в 1941–1945 ответственный хранитель наследия А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

РУБИНШТЕЙН Антон Григорьевич (1829, Подольская губ. – 1894, Петергоф). Пианист, композитор, дирижер и педагог. Инициатор создания Русского музыкального общества (1859), основатель первой в России консерватории (1862), ее директор (1862–1867).

РУБИНШТЕЙН Вера Александровна (урожд. кн. **Чикюанова**) (1841–1909, Рим). Супруга А.Г. Рубинштейна.

РУДНЕВ Вадим Викторович (1874–1940, По, Франция). Врач, эсер. До революции трижды арестовывался, был в ссылке и эмиграции. С 1917 один из лидеров московских эсеров, сторонник коалиции умеренных социалистов с кадетами. Московский городской голова (июль–нояб. 1917). После большевистского переворота возглавлял Комитет общественной безопасности, осуществлял руководство сопротивлением красногвардейским отрядам (окт.–нояб.). Участник антисоветского движения на Юге России. С 1919 в эмиграции.

РУЗСКИЙ Николай Владимирович (1854–1918, Пятигорск). Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Георгиевский кавалер. В годы Первой мировой войны командовал Северо-Западным (1914–1915) и Северным (1915–1917) фронтами. Участник антимонархического заговора. С апр. 1917 в отставке. В сент. 1918 заарестован красными на Пятигорском кладбище.

РУТЕНБЕРГ Петр (Пинхас) Моисеевич (1878, Ромны, Полтавская губ. – 1942, Иерусалим). Революционер-террорист, лидер сионистского движения. Инженер Путиловского завода. Руководитель военной организации партии эсеров (кличка Мартын). Убийца агента охранки свящ. Г.А. Гапона (1906). С 1906 в эмиграции, жил в Германии и Италии, работал инженером. Проникся идеями сионизма, в годы Первой мировой войны пропагандировал идею создания еврейского легиона для отвоевания Палестины для евреев. В июле 1917 вернулся в Россию, назначен зам. губ. комиссара Петрограда по гражданским делам. В дни большевистского переворота предлагал арестовать и казнить Ленина и Троцкого. Арестован большевиками, ок. 6 мес. провел в Петропавловской крепости. В 1918 бежал на Украину, руководил отделом снабжения во французской военной администрации Одессы. В 1919 эмигрировал, жил

в Палестине, один из создателей еврейской самообороны во время арабских беспорядков в Иерусалиме (апр. 1920). Глава Палестинской электрической компании (1923), возглавлял еврейскую общину Палестины (1929–1931).

С

САВИНКОВ Борис Викторович (1879, Харьков – 1925, Москва). Политический деятель, публицист, писатель (лит. псевдоним В. Ропшин). Член партии эсеров, один из руководителей ее боевой организации, организатор ряда террористических актов (1903–1917). После Февральской революции комиссар при ставке Верховного главнокомандующего; тов. военного министра ВП. После Октябрьской революции организатор антисоветских заговоров и вооруженных выступлений. В 1920, находясь в Польше, готовил вооруженные отряды для рейдов на сов. территорию. Издавал газ. «За свободу». Арестован при переходе советско-польской границы, организованном агентами ОГПУ (1924). По одной из версий был убит в тюрьме чекистами, по другой покончил жизнь самоубийством.

САЛТЫКОВ Сергей Николаевич (1874 или 1875–1937, Бутово). Книгоиздатель и редактор журн. «Русский экономист» (С.-Петербург), член РСДРП. Депутат II ГД (социал-демократическая фракция). После Февральской революции Иркутский генерал-губернатор, затем тов. министра внутренних дел. После октябрьского переворота работал в отделе техпропаганды «Главзолота». Расстрелян.

САХАРОВ Константин Вячеславович (1881–1941, Берлин). Полковник РИА, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Георгиевский кавалер. Принимал участие в выступлении ген. Л.Г. Корнилова (авг. 1917). С 1918 генерал-лейтенант. Командовал Западной армией и Восточным фронтом адмирала А.В. Колчака. За сдачу Омска красным (дек. 1919) арестован и заменен ген. В.О. Каппелем. Служил у атамана Г.М. Семенова, но из-за соперничества с ген. А.Н. Пепеляевым вынужден был уйти. Эмигрировал в Японию, затем в Германию. Участник Рейхенгалльского съезда.

СЕМЕНОВ Григорий Михайлович (1890, Забайкальская обл. – 1946, Москва). Один из руководителей Белого движения в Сибири. До революции есаул Забайкальского Казачьего войска, Георгиевский кавалер. В 1917 организовал антисоветское выступление в За-

байкалье, в 1918 установил военную диктатуру. Генерал-лейтенант (1919). Походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной окраины (1920), Сибири и Урала (1921). В 1945 захвачен советскими войсками в Маньчжурии и через год повешен.

СЕМЧЕВСКИЙ Константин Васильевич (ок. 1893–1978, США). Полковник. До революции офицер Л.-гв. Конной артиллерии. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. В Гражданскую войну в войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник 1-й кав. дивизии (с янв. 1920). В эмиграции в Берлине, основатель и владелец фирмы «Дэко». В 1945 сотрудник Красного Креста. После окончания Второй мировой войны переехал в США.

СЕРАФИМ (в миру **Лукьянов Александр Иванович**) (1879, Саратов – 1959, Кишинев). Митрополит Западноевропейских Православных Церквей. Ректор Таврической (1907–1911) и Саратовской (1911–1914) духовных семинарий. С 1914 викарный епископ Финляндской епархии, с авг. 1917 временно управляющий Финляндской епархией, с 1918 епископ Финляндский и Выборгский. Архиепископ (1920). До 1924 возглавлял Православную Церковь в Финляндии. С 1927 по 1945 г в РПЦЗ. Воссоединился с РПЦ МП, Экзарх Западной Европы. В 1949 уволен на покой, переехал в СССР (1954).

СЕРБИНОВИЧ Константин Иванович (1868–1938, Шанхай). Генерал-майор. Участник Русско-японской войны. Служил нач. штаба ряда стр. дивизий. В годы Первой мировой войны командир 111-го пех. Донского полка (1915), нач. штаба 104-й пех. дивизии. Участник подпольной монархической организации В.М. Пуришкевича (1917), после ее раскрытия уехал в Киев, вступил в армию гетмана П.П. Скоропадского. С 1919 в Добр. армии, позже нач. штаба Амурской отдельной казачьей бригады в войсках адм. А.В. Колчака. Арестован большевиками, заключен в благовещенскую тюрьму. Бежал в Китай. Нач. штаба атамана Г.М. Семенова. Служил на КВЖД (1922–1924), вице-председатель Первого русского военно-научного общества в Китае (с 1930).

СЕРГЕЕВ Василий Васильевич. Полковник. Член «Союза верных». В эмиграции в Берлине. Один из организаторов и казначей «Союза Офицеров бывшей Российской Армии и Флота». Участник Рейхенгалльского съезда. Секретарь правления Совета Монархического объединения в Германии.

СЕРГИЙ (в миру **Дабич Николай Федорович**). Архимандрит. До 1917 служил настоятелем русской посольской церкви в Афинах. В 1919 редактор-издатель «Русской газеты». Продолжил свое служение в эмиграции. Участник Рейхенгалльского съезда. В 1921 был рекомендован для участия в Русском Зарубежном Церковном Соборе в Сремских Карловцах (Югославия), однако получил отказ от руководства Собора и в работе Собора не участвовал. Позже перешел в католичество.

СИБЕРС фон, предположительно **Карл** (†1935, Хаапсалу, Эстония) полковник; или **Арнольд**, поручик Конно-егерского полка СЗА.

СИДОРИН Владимир Ильич (1882–1943, Берлин). Полковник РИА, генерал-лейтенант ВСЮР. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны старший адъютант в штабе 21-й стр. дивизии (1914), и.д. нач. штаба 102-й пех. дивизии. В 1917 зам. пред. Союза офицеров Армии и Флота. С нояб. 1917 на Дону, нач. штаба атаманов А.М. Назарова и П.Х. Попова. Участник Степного похода (1918). С 1919 командующий Донской армией. В 1920 отчислен из ВСЮР за казачий сепаратизм и выслан из Крыма. Жил в Праге, служил в картографическом отделе чешского Генштаба. С нач. Второй мировой войны жил в Германии.

СКАЛЬКОВСКИЙ Константин Аполлонович (1843–1906). Театральный и балетный критик (псевд. «Балетоман»), публицист и ученый. Преподавал в Горном ин-те курс горнозаводской статистики и политической экономии, секретарь горного ученого комитета. Директор горного департамента (1891–1896). Печатался в петербургских газетах со статьями и очерками по различным вопросам.

СКАРЖИНСКИЙ Петр Васильевич († до янв. 1957, Дармштадт, Германия). Камергер, статский советник. Директор канцелярии МВД (1916). Вольнский губернатор (1916–1917). Член «Союза верных». В эмиграции в Югославии. Пред. Общебеженского съезда (1920), окружного Совета объединенных монархических организаций в Югославии (1926–1928) и Бюро беженских организаций. Участник Рейхенгалльского съезда, делегат Зарубежного съезда (1926). Представлял ВМС на Балканах; с 1940 по 1956 пред. ВМС.

СКИПЕТРОВ Петр Иванович (1863, Владимирская губ. – 1918, Петроград). Протоиерей, кандидат богословия. В 1912–1918 настоятель Скорбященской церкви. Смертельно ранен красногвар-

дейцами во время попытки большевиков захватить Александровскую Лавру (январь 1918). Канонизирован Св. Синодом РПЦ (2001).

СКОБЕЛЕВ Михаил Дмитриевич (1843, С.-Петербург – 1882, Москва). Выдающийся русский военачальник. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник Хивинского похода (1873) и подавления Кокандского восстания (1873–1876). Военный губернатор Ферганской области (с 1876). Герой Русско-турецкой войны 1877–1878, успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке–Шейново; занял Сан-Стефано. Руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения (1880–1881).

СКОРОПАДСКИЙ Павел Петрович (1873, Висбаден – 1945, Меттен, Бавария). Генерал-лейтенант. Потомок гетмана Украины И.И. Скоропадского (1708–1722). Участник Русско-японской войны, с 1905 в свите ЕИВ. В годы Первой мировой войны командовал Л.-гв. Конным полком, 1-й бригадой 1-й гв. дивизии, 3-й и 5-й гвардейскими кав. дивизиями. С января 1917 командир 34-го арм. корпуса и 1-го Украинского корпуса (авг.–декабрь 1917). Георгиевский кавалер. С 29 апреля 1918 гетман Украины. После свержения (декабрь 1918) эмигрировал в Германию. Смертельно контужен во время бомбежки.

СКУПИНСКИЙ Евгений Гаспарович (1872–1951, Мюнхен). Полковник. Старший адъютант коменданта Петергофа (1902–1915). Участник Рейхенгалльского съезда.

СМИРНОВ Сергей Алексеевич (1873 – после 1917). Потомственный почетный гражданин, крупный промышленник, банкир. Кадет, масон, председатель Московского Военно-промышленного комитета, член ЦК Всероссийского Союза городов. В 1917 Гос. контролер ВП. В октябре 1917 арестован большевиками, но вскоре освобожден. Участник антибольшевистской борьбы, эмигрировал во Францию.

СОБОЛЕВСКИЙ Михаил Яковлевич (1883–1930, Данциг). Полковник РИА. Генерал-майор СЗА. Георгиевский кавалер. В Белом движении нач. штаба 5-й «Ливенской» дивизии СЗА, затем в 3-й Русской армии ген. П.Н. Врангеля в Польше. Пред. Объединения Ливенцев в Данциге.

СОКОЛОВ Николай Дмитриевич (1870–1928). Известный петербургский адвокат по политическим делам. Беспартийный социал-демократ, интернационалист, масон. Сотрудничал в журн. «Жизнь», «Образование» и др. В 1917 назначен ВП сенатором, один из авторов «Приказа № 1». Член военной секции Исполкома Петросовета. После Октябрьской революции работал юрисконсультом в различных сов. учреждениях.

СОКОЛОВ-БАРАНСКИЙ Виктор Павлович (1880–1937, Германия?). До революции носил фамилию Соколов (из-за физического недостатка имел прозвище «Соколов-Горбатый»). Член-учредитель и тов. пред. Главного совета СРН, занимался организацией боевых дружин для борьбы с революционным террором. Член РС, пред. Устроительного Совета всероссийских съездов, член Совета монархических съездов (1915). Редактор «Вестника СРН» (1914–1915). В годы Гражданской войны член «Союза верных», один из руководителей южной монархической группы. Участник Рейхенгалльского съезда.

СОСНОВСКИЙ Лев Семенович (1886, Оренбург – 1937). Большевик, участник революции 1905–1907. Один из основателей газ. «Правда», писал под фамилией Алексеев. Участник Февральской и Октябрьской революций. Член Уральского обкома РСДРП (б). В 1919–1920 пред. Харьковского губкома КП(б) Украины. В 1921 зав. агитпропом ЦК РКП (б), затем на гос. и журналистской работе. Исключен из партии в 1927, в 1937 расстрелян.

СТААЛЬ, предположительно **Голстейн Вильгельм Рейнгольдович**, барон, уполномоченный Российского общества Красного Креста.

СТОЛЫПИН Александр Аркадьевич (1863–1925, Белград). Журналист, литератор, общественный деятель. Брат П.А. Столыпина. Сотрудник «Нового Времени», редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1903–1904), редактор-издатель «Маленькой газеты» (1906). Гласный Петербургской городской думы. Член ЦК «Союза 17 октября». Возглавлял общество «Русское зерно», занимавшееся изучением зарубежной передовой аграрной практики.

СТОЛЫПИН Петр Аркадьевич (1862, Дрезден – 1911, Киев). Д.с.с., гофмейстер. Служил в МВД, и.д. Гродненского губернатора (1902), саратовский губернатор (1903). Член ГС. Министр внутренних дел и Пред. Совета министров (1906–1911). Разработал ряд крупных законопроектов, в том числе аграрный, по реформе

местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости и др. Убит в Киеве агентом охраны Богровым.

СТОРОЖЕНКО Андрей Владимирович (1857, Полтавская губ. – после 1919). Историк. Один из идеологов русского национализма, член-учредитель и член Комитета Киевского клуба русских националистов, член ВНС. Предводитель дворянства Переяславского уезда Полтавской губ. (1912–1916). С 1919 в эмиграции.

СТОРОЖЕНКО Владимир Александрович (ок. 1893–1942, Белград). Капитан Л.-гв. Преображенского полка. Полковник ВСЮР. Участник Первой мировой войны, инвалид. Начальник отряда Красного Креста. В Гражданскую войну во ВСЮР на штабной работе. В 1920 эвакуировался из Одессы, проживал в Югославии. Представитель полкового объединения.

СУВОРИН Алексей Алексеевич (1862, Москва – 1937, Франция). Журналист, редактор, издатель и общественный деятель. Сын известного издателя А.С. Суворина. Тов. председателя первого Совета РС (1901). Редактировал газ. «Новое время» (до 1901), «Русь» (с 1903–1906), «Новая Русь» (1909–1910), «Новь» (1914). Учредитель издательства «Новый человек». После Февральской революции один из инициаторов создания «Центрального Союза домовых комитетов». После большевистского переворота примкнул к добровольческим формированиям ген. Л.Г. Корнилова, вместе с которым участвовал в Ледяном походе. Работал журналистом в белогвардейских периодических изданиях. В 1920 эвакуировался в Константинополь, переехал в Сербию, затем во Францию.

СУКОВКИН Николай Иосифович (†1918, Киев). Д.с.с., камергер. Смоленский (1905–1912) и киевский (1912–1915) губернатор. Расстрелян большевиками.

СУХОМЛИНОВ Владимир Александрович (1848, Ковенская губ. – 1926, Берлин). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Командующий войсками Киевского ВО (1904–1905). Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (с 1905). Нач. Генерального штаба (1908). Военный министр (1909–1915). Член ГС (с 1911). В 1915 ложно обвинен в гос. измене, отстранен от службы и арестован (1916). Находясь под следствием, содержался в Петропавловской крепости. С окт. 1916 под домашним арестом.

После Февральской революции вновь арестован и приговорен к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге. Амнистирован в мае 1918 в связи с преклонным возрастом, эмигрировал.

СУХОМЛИНОВА Екатерина Викторовна (урожд. Гошкевич, по первому мужу Бутович) (1882–1924/1925). Супруга В.А. Сухомлинова.

Т

ТАБОРИЦКИЙ Сергей Владимирович (1895 – после 1943). Офицер «Дикой дивизии». В годы Гражданской войны ротмистр, служил в Русской Западной армии ген. кн. П.М. Бермондта-Авалова. В эмиграции с дек. 1919 в Германии. Один из редакторов журн. «Луч света». Участник (совместно с П.Н. Шабельским-Борком) неудавшегося покушения на П.Н. Милюкова, в ходе которого был застрелен В.Д. Набоков (1922). Арестован и осужден, в 1927 амнистирован. С 1939 возглавлял Национальную организацию русской молодежи. В 1942 зам. нач. (ген. В.В. Бискупского) Управления делами российской эмиграции в Германии.

ТАЛЬБЕРГ Николай Дмитриевич (1886, под Киевом – 1967, Джорданвилль, США). Публицист, церковный историк, участник монархического движения. До революции чиновник МВД. Член РС. С осени 1915 член совета Общества помощи русским беженцам. По заданию монархической организации Н.Е. Маркова «Союз верных» служил в МВД гетмана П.П. Скоропадского (1918). Участник тайного монархического съезда в Киеве (май 1918). После захвата Киева петлюровцами эмигрировал. С 1920 в Берлине (1920). Участник Рейхенгалльского съезда, избран управляющим делами ВМС (1921–1938). Участник Зарубежного съезда в Париже (1926), член Совета Русского патриотического зарубежного объединения, делегат 2-го Зарубежного Церковного Собора (1938) в Сремских Карловцах (Югославия). В 1941–1944 работал в Управлении по делам русской эмиграции в Югославии, в сент. 1944 переехал в Австрию. С 1950 в США. Жил в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, работая преподавателем. Автор трудов по истории Христианской Церкви и историко-публицистических работ нравственно-патриотического содержания.

ТАРАНОВСКИЙ, предположительно **Виктор Петрович** (1864–1937, Реймс, Франция). Генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер.

Эриванский вице-губернатор (1904). В 1905 состоял при ген. бароне А.Н. Меллере-Закомельском при проведении им карательных экспедиций. В годы Первой мировой войны командир 20-го стр. полка (1910). К 1915 генерал-майор, командир бригады 57-й пех. дивизии, затем командир 5-й стр. дивизии (1916) и командующий 2-й Особой пех. дивизией (1917). Воевал на Салоникском фронте. В эмиграции при его содействии сооружен храм-памятник вблизи Реймса. Председатель Союза русских офицеров – участников войны на французском фронте.

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ Александр Игнатьевич (1885, Астрахань – 1938). По образованию юрист, член РСДРП (с 1905). В годы Первой мировой войны дослужился до подпоручика, после февр. 1917 – поручик. Активный участник Февральской революции в Петрограде, комендант Московского р-на, отвечал за охрану Гос. банка. Член Союза офицеров-республиканцев. После провала наступления П.Н. Краснова на Петроград принимал участие в его аресте. Работал следователем в Верховном трибунале. Сов. писатель, входил в лит. группу «Кузница», один из организаторов РАПП. Автор книг о революции («Февраль», «Июль») и чекистах («Шоколад»). В 1938 арестован и расстрелян.

ТАУБЕ Михаил Александрович, барон (1869–1961, Париж). Тайный советник, дипломат, сенатор. С 1897 служил в Министерстве иностранных дел; одновременно вел научную и преподавательскую деятельность. Проф. С.-Петербургского ун-та (с 1903) и Училища правоведения (с 1910), доктор международного права. Член Гаагского международного трибунала. Вице-директор Второго департамента Министерства иностранных дел (с 1905). С 1911 тов. министра просвещения. В 1917 назначен членом ГС (правая группа). Осенью 1918 член Особого комитета по делам русских в Финляндии. После Гражданской войны в эмиграции, участник Рейхенгалльского съезда. Занимался научной работой, читал лекции в университетах Германии и Бельгии.

ТЕРЕЩЕНКО Михаил Иванович (1886, Киев – 1956, Монако). Финансист, владелец сахарных заводов. Член IV ГД (примыкал к прогрессистам), масон. Во время Первой мировой войны пред. киевского обл. Военно-промышленного комитета (ВПК) и тов. пред. Всероссийского ВПК. Участвовал в подготовке дворцового переворота с целью смещения Императора Николая II. Министр финансов (с марта 1917) и министр иностранных дел (с мая) ВП.

В июне 1917 в составе делегации ВП участвовал в переговорах с украинской Центральной Радой. В ходе большевистского переворота арестован в Зимнем дворце и направлен в Петропавловскую крепость. После освобождения весной 1918 уехал в Норвегию, затем Францию. Поддерживал Белое движение. В 1920–1930-е крупный финансист во Франции и на Мадагаскаре.

ТИМАШЕВ А.А. (ок. 1893–1919, Харьков). Штабс-ротмистр, кавалергард. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну во ВСЮР, осенью 1919 командир 3-го эскадрона в дивизионе Кавалергардского полка.

ТИХОН (в миру Василий Иванович Беллавин) (1865, Псковская губ. – 1925, Москва). Патриарх Московский и Всея Руси. С 1897 епископ Люблинский, викарий Холмской епархии. В 1898–1907 занимал Алеутско-Американскую кафедру (Сан-Франциско). С 1905 архиепископ Алеутский и Северо-Американский, с 1907 архиепископ Ярославский, с 1913 архиепископ Виленский и Литовский. С авг. 1917 митрополит Московский. Возглавил подготовку Поместного собора РПЦ 1917–1918, его пред. 5 нояб. 1917 избран Патриархом. В 1922 под домашним арестом и надзором ГПУ. В мае–июне 1923 арестован, находился в тюрьме ГПУ на Лубянке. Канонизирован.

ТОЛСТОЙ-МИЛОСЛАВСКИЙ предположительно **Павел Сергеевич**, граф (1848–1940, Ницца, Франция). Участник Рейхенгалльского съезда и Областного Русского Церковного Соборания в Сербии. Видный деятель монархического объединения во Франции; или **Петр Александрович**, граф. Ротмистр. Участник Белого движения на Восточном фронте. Был послан адмиралом Колчаком во ВСЮР. В списке участников Рейхенгалльского съезда не значится, но в работе съезда участвовал от русской эмиграции во Франции.

ТРАХТЕРЕВ Осип Сергеевич. Юрист, адвокат. Служил в С.-Петербургской присяжной адвокатуре (с 1900). В эмиграции проживал в Берлине и Париже. Председатель Союза русских адвокатов за границей. Один из деятелей Российского торгово-промышленного и финансового союза (1919–1930-е). Погиб в Освенциме.

ТРЕПОВ Александр Федорович (1863, Киев – 1928, Ницца, Франция). Д.с.с. егермейстер, сенатор, статс-секретарь. Служил в МВД. Министр путей сообщения и Пред. Совета министров

(1916). Член ГС (с 1914). В 1918 выехал в Финляндию, участвовал в работе «Русского комитета», оказывал помощь ген. Н.Н. Юденичу в обеспечении нужд вооруженных сил СЗФ. Участник Рейхенгалльского съезда, член ВМС. Лидер русского монархического движения во Франции. Участник Зарубежного съезда (1926).

ТРЕПОВ Борис Владимирович (†1964, Нью-Йорк). Полковник Л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения в Добр. Армии, ВСЮР (1919), в войсках Восточного фронта (1920). В эмиграции проживал во Франции, Бельгии и США.

ТРЕПОВ Федор Федорович (1854–1938, Ницца). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, сенатор. Брат А.Ф. Трепова. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Вице-губернатор Уральской обл. (1892–1894). Вятский (1894–1896), волынский (1896–1898) и киевский (1898–1903) губернатор. Во время Русско-японской войны главноуполномоченный Российского общества Красного Креста и нач. санитарной части Маньчжурской армии. Член ГС (с 1905). Киевский, волынский и подольский генерал-губернатор (1908–1914). После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Михайлович (1834, Москва – 1892, Петергоф). Д.с.с. Предприниматель, общественный деятель, коллекционер, меценат. Московский городской голова (1877–1881). Занимался благотворительностью, щедро жертвуя на приюты, больницы, училища; покровительствовал искусству.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Николаевич (1882, Москва – 1943). Фабрикант, один из крупнейших предпринимателей льняной отрасли. Член ЦК партии прогрессистов. С 1915 тов. пред. Московского и член Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции примыкал к кадетам, тов. пред. исполкома Комитета общественных организаций Москвы и тов. пред. Всероссийского союза торговли и промышленности. Пред. Экономического совета ВП (с сент. 1917). В окт. 1917 арестован большевиками, заключен в Петропавловскую крепость. В конце февр. 1918 освобожден. Заместитель пред. Совета министров в Омском правительстве (1919). В 1920 эмигрировал во Францию. С 1929 сотрудничал с чекистами, содействовал похищению руководителя РОВС ген. Е.К. Миллера (1937). Арестован немцами в 1942 и казнен как сов. агент.

ТРОЦКИЙ (наст. фамилия **Бронштейн**) **Лев (Лейба) Давидович** (1879, Херсонская губ. – 1940, Мексика). Социал-демократ, с 1904 выступал за объединение большевиков и меньшевиков. В революцию 1905–1907 лидер Петербургского совета рабочих депутатов. В 1908–1912 редактор газ. «Правда». В 1917 пред. Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского переворота. В окт. 1917 и в 1919–1926 член Политбюро ЦК. Нарком по иностранным (1917–1918) и военным (1918–1925) делам. Пред. Реввоенсовета Республики, один из создателей Красной армии. Автор теории «перманентной мировой революции». В 1927 исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 – за границу. Инициатор создания т.н. IV Интернационала (1938). Убит в Мексике агентом НКВД.

ТРОЦКИЙ Владимир Иоанникович (1847 – не ранее 1917). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Командир Л.-гв. Павловского пех. полка (1900–1903). Командир 2-й гв. пех. дивизии (1904–1914). С.-Петербургский комендант (1905–1914). Во время Первой мировой войны гл. нач. Киевского ВО (1914–1916). Член Военного совета (1917).

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ Николай Иванович (1870–1935, Варшава). Гофмейстер, сенатор, директор канцелярии Министерства путей сообщения. Участник попытки освобождения Императора Николая II. Эмигрировал в Польшу, перешел в католичество.

ТЮТЧЕВ Федор Иванович (1803, Орловская губ. – 1873, Царское Село). Русский поэт и мыслитель.

У

УНКОВСКИЙ Иван Семенович (ок. 1897–1975, Зальцбург, Австрия). Штабс-капитан Л.-гв. Конной артиллерии. В годы Гражданской войны служил в конной батарее СЗА (1919). В эмиграции проживал в Австрии, представитель начальника 2-го отдела РОВС в Вене (1930).

УРУСОВ Николай Петрович, князь (1863–1918, Пятигорск). Тайный советник, сенатор, шталмейстер. Гродненский (1901–1902) и полтавский (с 1902) губернатор. Екатеринославский губ. предводитель дворянства (1908–1917). В годы Первой мировой войны глав-

ноуполномоченный по делам беженцев по Юго-Западному фронту. Убит большевиками.

УСТИМОВИЧ (Сахно-Устимович) Николай Николаевич (1863–1918). Инженер-технолог, полтавский землевладелец. И.о. Председателя Совета министров в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (апр. 1918).

Ф

ФАБРИЦИУС Николай Федорович († после 16.05.1954, Германия?). Монархический деятель в Польше и Германии. Муж сестры А.С. Гершельмана Лидии (1896, Псков – 1937, Германия)

ФАЛЬЦ-ФЕЙН Владимир Эдуардович (1877–1946). Гласный Днепропетровского уездного и Таврического губ. земств. Почетный мировой судья. Член «Союза 17 октября». Депутат III ГД (октябрист).

ФЕДОРОВ Сергей Петрович (1869–1936, Ленинград). Доктор медицины. Лейб-хирург Императора Николая II. С 1903 проф. и зав. кафедрой госпитальной хирургии Военно-медицинской академии. Основатель советской хирургической школы.

ФЕЛЬКЕРЗАМ Гамилькар (Амилькар) Евгеньевич, барон (1854 – 1929, Германия). Юрист, публицист. Советник правления Курляндского кредитного общества. Депутат III–IV ГД (октябрист). Участник Рейхенгалльского съезда и Зарубежного съезда в Париже (1926). Журналист германской периодической печати.

ФЕОФАН (в миру **Быстров Василий Дмитриевич**) (1873, Новгородская губ. – 1940, Лимерэ). Архиепископ Полтавский и Переяславский (с 1913). Ректор С.-Петербургской Духовной академии (1909), епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии. Духовник Царской Семьи. Содействовал знакомству Их Величеств с Г.Е. Распутиным, позже резко выступил против него. Епископ Таврический и Симферопольский (с 1910) и Астраханский (с 1912). В 1919 эмигрировал в Константинополь, затем в Сербию и Болгарию (1925). Член Заграничного Синода (до 1926). С 1931 жил затворником во Франции.

ФИЛОСОФОВ Дмитрий Владимирович (1872, С.-Петербург – 1940, Отвоцк, под Варшавой). Публицист, худ. и лит. критик, религиозно-общественный и политический деятель. Руководитель от-

дела художественной критики «Мир искусства», редактор журнала «Новый путь». Вместе с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским составил «триумvirат», влиявший на художественную интеллигенцию России. Сторонник христианского социализма. Эмигрировал в 1920. Сподвижник Б.В. Савинкова. В эмиграции в Варшаве издавал и редактировал газ. «Свобода» (позже «За свободу!») и «Молва».

ФИНИСОВ П.Н. Управляющий делами «Общества Бессарабской железной дороги» в Петрограде, один из руководителей «Республиканского центра».

ФРЕЙБЕРГ, предположительно **Эрих Генрихович** (†1944, Германия). Полковник Ябургского уланского полка.

Х

ХАРУЗИН Алексей Николаевич (1864, Москва – 1933, там же). Гос. деятель и ученый. Тайный советник, гофмейстер, сенатор. Чиновник особых поручений при Эстляндском генерал-губернаторе (1891). Бессарабский губернатор (1904). Товарищ министра внутренних дел (1911–1913). Член первого Совета РС. Крупный ученый: антрополог, этнограф, зоолог и ботаник. Умер в больнице при Бутырской тюрьме.

ХАТИСОВ (Хатисян) Александр Иванович (1874–1945). Городской голова Тифлиса (1910–1917). Член кадетской партии, масон. Был близок к Вел. Кн. Николаю Николаевичу. В нач. 1917 по поручению участников заговора против Императора Николая II вел переговоры с Вел. Кн. Николаем Николаевичем о возможности восприятия им престола в случае успеха заговора. В эмиграции проживал в Париже. Председатель комитета армян-беженцев при Лиге Наций.

ХВОСТОВ Алексей Николаевич (1872–1918, Москва). Д.с.с., камергер. С 1893 служил чиновником Министерства юстиции. Минский и тульский вице-губернатор (1904), вологодский (с 1906) и нижегородский губернатор (с 1910). Депутат IV ГД, пред. фракции правых (1912–1913), с 1915 в беспартийной группе. Тов. пред. РС (1913–1915), член Главного совета СРН (1912–1915). Министр внутренних дел (1915–1916), уволен в связи с подготовкой заговора против Г.Е. Распутина. После февральского переворота арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После захвата власти большевиками расстрелян.

Ц

ЦЕЙДЛЕР Герман Федорович (1861–1929). Д.с.с. Доктор медицины, проф., известный хирург, основоположник нейрохирургии.

Ч

ЧАПЛИН Георгий Ермолаевич (1886, С.-Петербург – 1950, Лондон). Капитан 2-го ранга РИФ. Капитан 1-го ранга Северного фронта (1919). Георгиевский кавалер. Участник антибольшевистского восстания в Архангельске (1918). Командующий флотом Белого моря и Двинской речной флотилией. Участник Рейхенгалльского съезда. В 1939–1947 служил в Британской армии, полковник.

ЧЕБЫШЕВ Николай Николаевич (1865, Варшава – 1937, Париж). Юрист, публицист, критик, мемуарист. Сенатор. Прокурор Киевской (с 1914) и Московской (1916–1917) судебной палаты. В 1918 участвовал в деятельности «Правого центра». Управляющий отделом внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции проживал в Турции, Болгарии, Югославии, Франции. Руководил Русским бюро прессы в Константинополе и Софии, издавал журн. «Зарницы». Нач. канцелярии ген. П.Н. Врангеля и представитель ВМС в Белграде. Делегат Зарубежного съезда в Париже (1926). Председатель Парижского союза деятелей судебного ведомства, член Союза русских адвокатов.

ЧЕРЕМИСОВ Владимир Андреевич (1871, Бакинская губ. – после 1937). Генерал-майор РИА. Генерал от инфантерии (с авг. 1917). Штатный преподаватель военных наук Николаевской Академии Генерального штаба (1911). В годы Первой мировой войны прошел путь от командира полка до командира 159-й пех. дивизии (1917). Георгиевский кавалер. Командующий Юго-Западным (июль 1917) и Северным (сент.–нояб. 1917) фронтами. Отстранен от командования большевиками и арестован. Вскоре освобожден и эмигрировал. Жил в Дании и во Франции.

ЧЕРНОВ Виктор Михайлович (1873, Камышин – 1952, Нью-Йорк). Политический деятель, один из основателей и лидер партии эсеров. В 1917 министр земледелия ВП. 5 янв. 1918 избран пред. Учредительного собрания. С 1920 в эмиграции в Чехословакии, из-

давал журн. «Революционная Россия». С 1931 во Франции, редактировал газ. «Воля России». Во время Второй мировой войны участник французского сопротивления во Франции. После войны переехал в США.

ЧИХАЧЕВ Николай Николаевич (1860, Тамбовская губ. – после 1917). Чиновник МВД. Черниговский (с 1905) и киевский вице-губернатор (1906–1910). Прокурор и председатель областного суда (1906–1910) Член ВНС и Киевского клуба русских националистов (с 1912 его председатель). Депутат IV ГД (националист, прогрессивный националист, беспартийный). Киевский уезд. пред. дворянства (1912). После Февральской революции член Совета рабочих и крестьянских депутатов, посадил под домашний арест ген. Н.И. Иванова.

Ш

ШАБЕЛЬСКАЯ-БОРК Елизавета Александровна (1855, Екатеринославская губ. – 1917, Петроград). Писательница, публицистка (псевд. Proteus, Н. Деларю), театральная актриса. Корреспондент газ. «Новое время» в Берлине. В 1896 открыла свой театр в Петербурге. Член СРН, сотрудничала в монархических газ. «Русское знамя» и «Колокол». Автор романов «Сатанисты XX века» (1911), «Красные и черные» (1913).

ШАБЕЛЬСКИЙ-БОРК (наст. фамилия **ПОПОВ**) **Петр Николаевич** (1893, Кисловодск – 1952, Кордоба, Аргентина). Публицист, поэт и писатель, монархический деятель. Крестник Е.А. Шабельской-Борк. Член СРН и РНСМА. В годы Первой мировой войны корнет Ингушского полка Туземной («Дикой») дивизии. Георгиевский кавалер. В нояб. 1917 арестован по делу В.М. Пуришкевича, находился в заключении до мая 1918. Участник попытки спасения Царской Семьи (1918). В эмиграции проживал в Берлине и Мюнхене. Принимал участие в издании газ. «Призыв», редактировал (совместно с Ф.В. Винбергом и С.В. Таборицким) журн. «Луч света», печатался в журн. «Двуглавый орел». Автор ряда историко-литературных очерков и стихов (под псевд. «Старый Кирибей»). Участник (совместно с Таборицким) неудавшегося покушения на П.Н. Милюкова, в ходе которого был застрелен В.Д. Набоков (1922). Арестован и осужден, в 1927 амнистирован. Служил секретарем начальника Управления по де-

лам русской эмиграции в Берлине ген. В.В. Бискупского. В 1945 переехал в Аргентину.

ШАХОВСКОЙ Дмитрий Николаевич, князь (1871–1930, Франция). Подполковник в отставке (с 1910). Директор Торгово-промышленного банка, пред. и член советов нескольких акционерных обществ и товариществ. Участник Рейхенгалльского съезда от Финансовой и промышленной группы русской эмиграции.

ШВАРЦ фон, Алексей Владимирович (1874–1953, Буэнос-Айрес). Генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. Преподаватель Инженерной академии. Участник обороны Порт-Артура во время Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны комендант крепостей Ивангород (1914) и Карс (1915), начальник Трапезундского укрепленного района Кавказского фронта (1916). Генерал-губернатор Одессы во время ее оккупации французскими войсками (1919). В эмиграции с 1919 в Италии и Аргентине. Проф., преподавал в аргентинской Академии Генштаба и Высшей технической академии. Автор трудов по фортификации.

ШЕЙБНЕР-РИХТЕР, фон Макс Эрвин, урожд. **РИХТЕР Люд-жвик Максимилиан Эрвин** (1884, Рига – 1923, Мюнхен). Германский политический деятель, бывший офицер РИА. В конце Первой мировой войны переехал в Мюнхен. В 1918–1919 член Добровольческого корпуса. Стремясь к объединению русских и немецких национально-патриотических сил, в кон. 1920 организовал русско-германское монархическое общество «Ауфбау». Один из главных организаторов Рейхенгалльского съезда. Сподвижник А. Гитлера, один из инициаторов «Пивного путча» (1923), в ходе которого был смертельно ранен полицей.

ШЕЛЬКИНГ Е.Н., барон. Российский консул в Берлине. Член совета Баварской монархической группы.

ШИНГАРЕВ Андрей Иванович (1869, Воронежская губ. – 1918, Петроград), общественный и политический деятель, публицист, врач. Участник земского движения конца XIX – нач. XX в., один из создателей Конституционно-демократической партии (1905), член ее ЦК. Депутат II–IV ГД (кадет). В марте–апр. 1917 министр земледелия, в мае–июле министр финансов и заведующий продовольствием ВП. После октябрьского переворота арестован большевиками, убит анархистами в тюремной Мариинской больнице.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Алексей Александрович, князь (1862, Вильно – 1930, Севр, Франция). Гофмейстер, д.с.с., сенатор. Прокурор Московской Синодальной конторы (1894–1903), один из руководителей торжеств по прославлению прп. Серафима Саровского. Тверской губернатор (1903–1904). Тов. обер-прокурора (1905) и обер-прокурор (1906) Св. Синода. Член правой группы ГС (1907–1917), пред. Осведомительного бюро из представителей правых ГД и ГС. Член РС. Вице-председатель (с 1918 по 1930 – пред.) Императорского Православного Палестинского Общества, основатель Общества возрождения художественной Руси (1915). После большевистского переворота вел тайную монархическую работу в Москве, пытался организовать спасение Царской Семьи. Эмигрировал, обосновался в Германии (1921–1924). Участник Рейхенгалльского съезда, избран членом ВМС (1921). С 1924 во Франции. Член Центрального совета Русской монархической партии, участник совещаний русских патриотических деятелей в Париже.

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Кирилл Алексеевич, князь (1894–1972). Сын А.А. Ширинского-Шихматова. Штабс-ротмистр Л.-гв. Конного полка.

ШИФФ Яков (Якоб) Генри (1847–1920). Американский банкир еврейского происхождения (родственник Ротшильда). Владелец банкирского дома «Кюн, Леб и Компания». В годы Русско-японской войны предоставлял Японии неограниченные военные займы, финансировал российских революционеров. Организатор и финансист «Общества друзей русской свободы», нацеленного на свержение русской монархии. Поддержал Февральскую революцию 1917, затем финансировал большевиков.

ШКУРО (Шкура) Андрей Григорьевич (1886–1947, Москва). Полковник Кубанского казачьего войска. Генерал-лейтенант ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля. В годы Первой мировой войны сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на германском фронте (1915), в 1917 командир отряда в конном корпусе генерала Н.Н. Баратова в Персии. В 1918 сформировал на Кубани партизанскую дивизию, которая соединилась с Добр. армией. Командующий Кубанской армией (1920). В эмиграции жил в Париже; работал наездником в цирке. В годы Второй Мировой войны формировал казачьи добровольческие части в составе Вермахта. В 1945 выдан англичанами сов. войскам, после повешен.

ШМИТ Вадим Петрович, начальник Юго-Западной железной дороги (1913–1917).

ШТАКЕЛЬБЕРГ фон, Рудольф Александрович, барон (ок. 1883 – после 1937, Швеция). Церемониймейстер. Служил в Канцелярии Министерства Двора, сопровождал Императора во всех его поездках по время Первой мировой войны вплоть до отречения в Пскове. В эмиграции проживал в Финляндии и Швеции. Принимал деятельное участие в культурной и общественной жизни русской колонии в Финляндии. Пред., затем почетный член (с 1936) Совета русской колонии в Финляндии.

ШТЕЙН фон, Александр Федорович (1873–1960, Германия). Полковник Л.-гв. Семеновского полка. Летом 1918 состоял в тайной монархической организации в Петрограде. Командир отряда внутренней охраны Пскова (СЗА, 1918). Член полкового объединения, участник Рейхенгалльского съезда.

ШУБЕРСКИЙ Эраст Петрович (ок. 1882–1932). Инженер путей сообщения, начальник Юго-западных железных дорог, в 1917 – нач. Управления железных дорог.

ШУВАЕВ Дмитрий Савельевич (1854, Уфа – 1937). Генерал от инфантерии. Участник Хивинской кампании и взятия Коканда. Начальник Киевского военного училища (1899–1905). Участник Русско-японской войны, командир 5-й дивизии. Главный интендант Военного министерства (с 1909). Военный министр и пред. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (1916–1917). Член ГС (1917). С 1918 служил в Красной армии. Нач. штаба и командующий 4-й советской армией (1920), нач. штаба Петроградского ВО. С кон. 1920-х персональный пенсионер. Арестован в 1937 органами НКВД и расстрелян.

Щ

ЩЕГЛОВИТОВ Иван Григорьевич (1861, Черниговская губ. – 1918, Москва). Д.т.с., статс-секретарь, сенатор. С 1881 служил по Министерству юстиции. Прокурор Петербургского окружного суда (1894), тов. прокурора столичной судебной палаты (1895). Обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (1903). Министр юстиции (1906–1915). Член РС, покровительствовал

СРН. Пред. Совета монархических съездов (с 1915). Член ГС (1907), один из лидеров правой группы; с янв. 1917 пред. ГС. В дни февральского переворота арестован и заключен в Петропавловскую крепость, затем в «Кресты». Расстрелян большевиками.

ЩЕТИНКИН Петр Ефимович (1884/1885, Рязанская губ. – 1927, Улан-Батор). Штабс-капитан (1917), полный Георгиевский кавалер. С 1918 краском, руководил партизанскими отрядами Сибири, с марта 1919 командующий Северо-Ачинской партизанской армией. Член Чрезвычайного ревтрибунала, судившего министров правительства адм. А.В. Колчака (1920). В 1921 был направлен в Монголию для борьбы с ген. бар. Р.Ф. Унгерном фон Штернбергом. В 1922–1926 нач. штаба войск ОГПУ Сибирского пограничного округа. С 1927 работал военным инструктором в Монголии, убит.

Э

ЭБЕРТ Фридрих (1871–1925). Германский политик, ген. секретарь социал-демократической партии (1905–1913), с 1913 ее председатель. Канцлер (нояб. 1918), первый президент Германской Республики (1919–1925).

ЭВАЛЬД Федор Федорович (†1942, Берлин). Офицер Л.-гв. Кирасирского полка. Полковник, командир 15-го гусарского полка. В эмиграции в Германии. Член организационного бюро Рейхенгалльского Монархического съезда (1921).

ЭЙХГОРН, фон Герман (1848–1918). Германский генерал-фельдмаршал. Главнокомандующий группой армий «Эйхгорн», действовавшей в кон. 1917 – нач. 1918 в Прибалтике и Белоруссии. С марта 1918 главнокомандующий группы армий «Киев». Руководил оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России. Возглавил администрацию оккупированных немцами областей Украины. Убит левым эсером Б.М. Донским.

ЭНГЕЛЬГАРТ Борис Вадимович (1889, Смоленск – 1941, Ленинград). Капитан, командир батальона Л.-гв. Семеновского полка (РИА), позже полковник. В Белом движении в Добр. армии, ВСЮР и Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Командир бригады (1920). Галлиполиец. В 1921 переехал в Эстонию. Руководил разведкой и контрразведкой РОВС в Эстонии, занимался переброской

в РСФСР агентов ген. А.П. Кутепова. Арестован эстонской политической полицией по указанию НКВД (1940). Расстрелян.

ЭННО Эмиль. Вице-консул Франции в Одессе (1918–1919), в прошлом резидент французской разведки.

ЭРДШ, майор, начальник оперативного отделения германских войск в Киеве.

Ю

ЮРЬЕВСКАЯ Екатерина Михайловна, Светлейшая княгиня (урожд. кнж. **Долгорукова**) (1847, Москва – 1922, Ницца). Морганатическая супруга Императора Александра II (с 1880).

Я

ЯКУШЕВ Александр Александрович (1876–1937). Д.с.с. Нештатный наблюдатель вечерних занятий в Императорском Александровском лицее. Управляющий департаментом Министерства путей сообщения. Консультант в Наркомате путей сообщения. Провокатор ВЧК–ГПУ (псевд. Федоров), один из главных участников операции «Трест» (возглавил созданную чекистами «Монархическую организацию Центральной России»), направленной на контроль и нейтрализацию русской антибольшевистской эмиграции. В 1922 установил контакт с ВМС. В 1934 арестован, умер в лагере.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Ф.Ф. – 602
Авксентьев Н.Д. – 209, 215, 290, 293, 494
Адлерберг В.Н. – 501, 503, 511, 587
Адлерберг Ф.В. – 623
Азеф Е.Ф. – 169
Алекаев А.Н. – 43, 340
Александр I – 444
Александр II – 458, 541
Александр III – 206, 313, 316, 317, 436, 458, 462, 579, 584
Александр Македонский – 263, 305
Александра Федоровна – 15, 17, 20, 21, 31, 35, 46, 47, 206, 313, 317, 319, 324, 333, 475, 616
Александров К.М. – 488
Алексеев М.В. – 185, 190, 300, 368, 585, 586
Алексеев С.А. – 344
Алексеевский – 123
Алексей Николаевич – 437
Альвенслебен К., фон – 324, 329, 330, 331, 332, 333, 393, 394, 396, 398
Аматуни – 364, 365, 367
Амбразанцев (Амброжанцев) – 68, 287
Анастасий (Грибановский) – 574
Анастасия Николаевна – 204, 206, 361, 369, 475
Анатолий (Каменский) – 283
Андреев Л.Н. – 506
Андреевская Е.Г. – 596
Андреевский А.С. – 548, 549, 561, 562
Андреевский С.С. 491, 562, 590
Андрей Владимирович – 335, 486
Андро де Ланжерон Д.Ф. – 490, 492, 495, 496, 499, 514, 597, 598
Андроников В.М. – 32, 39, 48
Андрушкевич А.И. – 482, 595
Андрушкевич Н.А. – 595
Аничков Д.И. – 68
Антипов – 134, 135, 137
Антоний (Храповицкий) – 289, 316, 343, 413, 449, 501, 524, 526, 535, 538, 570, 589, 593, 619
Антонов (Овсенко) В.А. – 95
Апраксин П.Н. – 550
Апухтин А.Н. – 245, 304, 305
Арсеньев Б.К. – 503, 511, 513, 556, 590
Арсеньев Е.К. – 327
Артамонов Ю.А. – 476, 564
Артузов А. – 595
Ататюрк М.-К. – 606
Багговут И.К. – 490
Багратион П.И. – 310
Багратуни Я.Г. – 72
Балашев П.Н. – 320, 321, 435

- Балмасов С.С. – 344, 345
 Бальфур А.-Д. – 302
 Баранов А.Н. – 584, 587
 Баранов Н.М. – 584
 Баранов П.П. – 16
 Барановский Н.А. – 490, 514
 Баранский В.П., см.: Соколов-
 Баранский В.П.
 Баумгартен А.А., фон – 556
 Бахметев Б.А. – 516, 517
 Безак А.Н. – 309, 315
 Безак А.П. – 311, 449
 Безак Е.Н. – 322, 328, 329, 332,
 333, 335, 337–339, 344, 345,
 451
 Безак К.Ф. – 336–342, 345, 446,
 453
 Безак М. – 340
 Безак Н.А. – 311, 312
 Безак Н.Н. – 316
 Безак П.Х. – 310
 Безак Ф.Н. – 309, 314–345, 435–
 438, 444, 446, 448–450, 453
 Безак Х.Х. – 310
 Безакс, де – 309
 Безобразов В.М. – 498, 500, 501,
 503, 505, 511, 513, 526, 535, 589
 Безобразовы – 335
 Белевцев (Белевцов) В.Н. – 608
 Белецкая О.К. – см. Дуроп О.К.
 Белецкий С.П. – 30, 86, 87, 88,
 89, 153, 154, 161, 214, 225, 276
 Бельдгардт А.А., фон – 490, 503,
 522, 524, 532, 534, 589, 624
 Бен-Гурион Д. – 621
 Бенигсен – 514
 Бенкендорф А.Х. – 287
 Бенуа – 430, 454
 Бердяев Н.А. – 289
 Бермонт-Авалов П.М. – 33
 Бернов М.М. – 67
 Бехтеев С.С. – 34, 35, 39, 49, 336,
 337, 345
 Бехтеевы – 335, 337
 Бибииков А.Е. – 550, 551
 Бибииков Г.Е. – 475, 556
 Бискупский В.В. – 403, 515, 527,
 538, 556, 590, 601
 Бисмарк О., фон – 301, 408
 Бнинский Г.Р. – 357
 Бобринский В.А. – 327, 446
 Бобрищев-Пушкин А.В. – 30,
 85, 125, 128, 139, 148, 149, 297
 Бобрищев-Пушкин В.М. – 85,
 125, 128, 131, 139
 Богров М.Г. – 320, 348–350
 Боде Н.Н., де – 68, 83, 85, 150,
 222, 296, 297
 Бойков В.А. – 617
 Болдырев А.К. – 588
 Болдырев В.Г. – 80, 89, 90, 167,
 171, 196, 199, 214, 215, 298
 Бондаренко Д.Я. – 440
 Бонч-Бруевич В.Д. – 472
 Бонч-Бруевич М.Д. – 585
 Борман А.А. – 584
 Боровский П.О. – 46, 47
 Борятинская А.П. – 21
 Бошэн – 217, 218
 Брасова Н.С. – 332
 Брачев В.С. – 290
 Бреверн М.О., фон – 563
 Бреверн П.О., фон – 563
 Брешко-Брешковская Е.К. – 79,
 282
 Бродский Л.И. – 378
 Брудерер А.А. – 127, 128
 Брусилов А.А. – 104–106, 468
 Бубликов А.А. – 382
 Будницкий О.В. – 616

- Булак-Балахович Ю.Н. – 609
 Булацель П.Ф. – 283
 Булгак М.М. – 460
 Булгаков М.А. – 448
 Булгаков С.Н. – 600
 Булыгин П.П. – 503, 588
 Бунин И.А. – 293, 486
 Бурцев В.Л. – 30, 72, 86, 87, 155, 199, 208, 215, 225, 275–279, 280, 306, 438
 Бутенко Б. – 395
 Буткевич Т.И. – 283
 Бьюкенен Дж. – 228, 236, 247, 531, 586
- Вакуловский – 82
 Вандам А.Е. – 605
 Ванновский П.С. – 206
 Васильев – 13, 46, 124
 Васильев А.Т. – 13, 46
 Васильчикова Л.Л. – 331, 332, 345
 Васкевич П.Н. – 169
 Веденяпин – 550
 Велио В.И. – 475, 490, 496, 557, 558, 578, 579
 Вельц И.А. – 10
 Вельц О.И. – 10
 Вельяминов А.Н. – 596
 Вениамин (Казанский) – 116, 151, 156, 297, 298
 Вениамин (Федченков) – 294, 337, 344, 615
 Вердеревский Д.Н. – 94
 Верн Ж. – 315
 Вернер Э.Л. – 50
 Вильгельм II – 150, 256, 297, 329, 330, 333, 334, 412, 454, 518
 Винавер М.М. – 232, 235
 Винберг А.П. – 299
- Винберг А.Ф. – 299
 Винберг В.Ф. – 9, 10, 11, 15
 Винберг Е.Ф. – 68
 Винберг Ф.В. – 9, 10–49, 52, 79, 112, 148, 150, 160, 163, 165, 187, 209, 212, 214, 220, 225, 226, 251, 283, 284, 286–290, 293, 296–303, 306, 327, 501, 503, 516, 587
 Винниченко В.К. – 439, 440, 442
 Владимир (Богоявленский) – 190, 191, 413
 Власов А.А. – 488
 Воейков В.Н. – 318, 366–371, 377, 437, 453
 Волков С.В. – 483, 610, 627
 Волконский В.М. – 501, 506, 508, 523, 536, 589
 Воронцов-Вельяминов Н.Н. – 474, 538, 548, 581, 590
 Восторгов И.И. – 283
 Врангель П.Н. – 466, 468, 474, 516, 526, 556, 594, 597, 602, 603
 Вырубова А.А. – 370
 Вязигин А.С. – 283
- Гагкуев Р.Г. – 43, 44, 344, 345
 Гагрины – 335
 Гейден Д.Ф. – 446
 Гейман В.В. – 172, 177, 181–184
 Георгиевский Л.А. – 284
 Гербель С.Н. – 403, 417
 Герцль Т. – 302
 Гершельман (Муханова) И.А. – 469, 481–483, 485, 487, 488, 591, 612, 622, 627
 Гершельман (Познанская) А.В. – 457, 612
 Гершельман А.С. – 327, 457–488, 493, 494, 497, 518, 539, 549, 554, 572, 573, 585, 588, 591–596,

- 598, 599, 608–610, 612, 622–624
 Гершельман Б.Р. – 457
 Гершельман В.С. – 470, 611, 612
 Гершельман Г.С. – 466, 484, 485, 612
 Гершельман Е.С. – 460, 461, 464, 483, 484
 Гершельман К.И. – 458, 461
 Гершельман Л.С. – 620
 Гершельман М.А. – 474, 477, 480–488, 591, 612, 622, 627
 Гершельман (Мосолова) М.А. – 567, 591, 469, 472
 Гершельман С.К. – 457–459, 461, 463, 464, 467, 483, 484, 612, 613, 622
 Гершельман С.С. – 463, 468, 486, 596, 598, 610, 612
 Гершельман Ф.К. – 461
 Гескет С.А. – 84, 85, 128, 296
 Гессен И.В. – 539, 559, 561, 603
 Гете И. – 150, 297
 Гижицкий А.С. – 326, 327, 446, 447
 Гилленшмидт Я.Ф. – 466
 Гинденбург П., фон – 560, 582
 Гиппиус З.Н. – 282, 487
 Гирс – 335
 Гирс А.Ф. – 350
 Гирс М.Н. – 516, 603
 Гитлер А. – 564, 573, 616
 Гладкий В.Н. – 509, 515
 Глазенап П.В. – 609
 Глебовы Е.В. и И.В. – 482
 Глинка-Янчевский С.К. – 283, 303
 Глинский Б.Б. – 67, 277
 Глобачев К.И. – 437, 438
 Глобычев (Глобачев) Н.И. – 477, 615
 Говорухо-Отрок М.Я. – 283
 Гоголь Н.В. – 263, 305, 352
 Гоер А.А., фон – 615
 Голеевский Н.Л. – 500, 501, 524, 588
 Голинков Д. – 285, 295
 Голицын-Муравлин Д.П. – 51, 284
 Голубятникова Н.Д. – 43
 Гольц-Паша (Гольц К., фон дер) – 101
 Горбатовский В.Н. – 474, 564
 Горбунов И.Ф. – 94
 Горемыкин М.И. – 534
 Горсткин А.П. – 465, 576
 Горсткин Н.П. – 576
 Горсткин П.А. – 576
 Горсткин С.П. – 576
 Горчаков А.М. – 13
 Горчаков М.К. – 583, 596
 Горчакова – 322
 Горький М. – 160, 162, 165
 Гоц А.Р. – 284, 290
 Граббе М.Н. – 501, 524, 589
 Граббе П.А. – 309, 312, 316, 318, 326, 341
 Граббе-Никитин А.Н. – 309
 Граф Г.К. – 35, 49
 Граф Н.О. – 83, 85, 128, 285
 Гренер В. – 390, 407
 Греч Н.И. – 310, 341
 Григорьев А.А. – 311
 Григорьев В.Ф. – 415, 567, 570, 571
 Григорьев С.М. – 43, 340
 Гриппенберг А.О. – 576
 Громов – 80, 472
 Громов А.С. – 482
 Грушевский М.С. – 323, 385, 439, 440, 447

- Грюнвальд Л. – 623
 Гуль Р.Б. – 32, 48, 450
 Гурко (Ромейко-Гурко) И.В. – 404
 Гурко Владимир И. – 326
 Гурков Василий И. – 327
 Гучков А.И. – 65, 120, 227, 236, 247, 386, 481, 555, 584, 585, 586, 587
 Даль В.И. – 448
 Дальский (Неелов) М.В. – 121
 Данилов Ю.Н. – 555, 585, 614
 Дашкевич-Горбачкий В.В. – 395
 Дегтерев Л.В. – 581–583
 Дедюлин В.А. – 437
 Дедюлина – 564
 Делль Н.И. – 128
 Демидов Е.П. – 335, 526
 Демченко В.Я. – 379
 Денасий (Юшков) – 12
 Деникин А.И. – 153, 328, 330, 344, 425, 426, 452, 526, 604
 Денисов С.В. – 581
 Дерюгин Г.М. – 327, 420, 503, 589
 Дзержинский К.К. – 605
 Дикий А. – 325, 343, 441, 452
 Димитрий (Вознесенский) – 517
 Диоген – 60
 Дмитрий Павлович – 518
 Добровольский К. – 318
 Добрынский И.А. – 328
 Долгорукие – 463
 Долгоруков А.Н. – 327, 328, 332, 345, 423, 452, 502, 588, 598, 600
 Домнин И.В. – 601
 Донской Б.М. – 449
 Достоевский Ф.М. – 69, 70, 287
 Драгомиров М.И. – 88
 Дребязин – 46
 Дубасов Ф.В. – 463
 Дубенский Д.Н. – 578
 Дубровин А.И. – 91, 285, 290
 Думова Н.Г. – 343
 Дурново П.П. – 472, 550
 Дуруп (Белецкая) О.К. – 89, 289
 Душкин А.Б. – 83, 85
 Дыбенко П.Е. – 237
 Дьяков И.Н. – 366
 Дюсиметьер Л.П. – 174–176, 178, 181, 184, 299
 Евдокимов – 124, 138, 139, 145, 146
 Евлогий (Георгиевский) – 335, 345, 499, 503, 508, 516, 520, 521, 535, 554, 555, 590, 592, 598, 600, 601, 615, 616, 622
 Еврибиад – 303
 Егоров Н.Д. – 610
 Езеев А.Б. – 610
 Екатерина I – 312, 554
 Екатерина II – 285, 310, 553
 Елизавета Федоровна – 294, 620
 Елисеев А.В. – 282, 604
 Енакиев – 490
 Есаулов – 348, 349
 Есимонтовский А.В. – 513, 526, 588
 Ефимовский Е.А. – 499, 503, 508, 516, 520, 521, 535, 554, 555, 590, 592
 Ефремов С.А. – 439
 Жевахов Н.Д. – 34, 39, 45, 46, 49, 443, 444
 Жеденов Н.Н. – 298

- Желябов А.И. – 274, 280
 Жемчужников П.П. – 527, 529, 589
 Жуков И.П. – 123–125, 131
 Жуковский В.А. – 301

 Закс – 517
 Замысловский Г.Г. – 283, 328
 Зарин А.Д. – 503, 589, 600
 Засядко Д.И. – 476, 500, 501, 503, 509, 516, 519, 523, 530, 533, 564, 589
 Заустинский А.П. – 80
 Захарченко-Шульц М.В. – 550
 Зеленевский – 394
 Зелинский – 123
 Зелинский Е.В. – 83, 123, 128, 150, 295, 296
 Зеньковский В.В. – 343, 440, 442, 444–446
 Зирин Н.Г. – 482
 Зирин С.Г. – 481–485, 488, 612, 617, 622
 Золотницкий – 68, 71
 Золя Э. – 305
 Зорин Д.Ф. – 297
 Зубов – 490

 Иваницкий Б.Е. – 359, 360, 361
 Иванов А.А. – 43, 44, 285, 340–342, 344–346, 482, 488, 593, 595, 601, 602, 607, 608, 615
 Иванов Н.И. – 68, 190, 191, 357–359, 451, 453
 Игнатъев А.А. – 314, 341
 Игнатъев А.П. – 88
 Иевреинов А.И. – 567, 569
 Ильина (Баратынская) О.А. – 339
 Иоанн III – 617
 Иоанн Кронштадтский – 317
 Иоанн Сан-Францисский – 337
 Иоасаф Белгородский – 12, 45
 Иоктон К.М. – 599
 Иона (Покровский) – 517
 Ионцев В.А. – 344, 446
 Иоселиани – 567, 569
 Иоффе Г.З. – 595
 Исаков С.Г. – 617
 Иувиан (Красноперов) – 572

 Кайзерлинг (Кейзерлинг) Е.Г. – 491, 596
 Каледин А.М. – 77, 102, 126, 133, 141, 185, 190, 292, 296, 468
 Кальченко Т.В. – 43
 Каляев И.П. – 278
 Каменский В.А. – 596
 Каминка А.И. – 603
 Кантакузен В.Ю. – 518, 588
 Канторович В. – 452
 Капнист Д.П. – 402
 Каппель В.О. – 604
 Капустин И.В. – 68
 Карангозов – 330, 331
 Кареев Н.И. – 217
 Карл Великий – 229, 230
 Карлова Н.Ф. – 191
 Карташев А.В. – 92, 97, 98, 152, 170, 198, 294, 600
 Катенин А.А. – 328
 Катин-Ярцев М.Ю. – 482, 602, 627
 Кауфман-Туркестанский А.М. – 596
 Карцев – 506, 508, 509, 523, 533, 534
 Кашкин Н.С. – 69
 Келлер Ф.А. – 12, 31, 44, 92, 97, 98, 152, 170, 198, 294, 327, 328,

- 341, 343, 344, 420–425, 436, 451–453
 Кеппен Б.Г., фон – 581, 590
 Кеппен В.Г., фон – 587
 Керенский А.Ф. – 25, 30, 62, 63, 65, 80, 86, 93, 94, 98, 104, 108, 115, 116, 118, 122, 127, 140, 142, 155, 159, 161, 167, 169, 172, 174–176, 181, 183, 184, 187, 194, 200, 207, 208, 224, 225, 237, 246, 255, 271–273, 278, 285, 291, 293, 294, 299, 369, 385, 398, 433, 440, 518, 561, 603, 604, 616
 Кефели Я.И. – 555, 584, 585, 614
 Кингисепп В. – 611
 Кир – 302
 Кирбах, фон – 329
 Кирилл Владимирович – 35, 335, 563, 564, 569, 570, 574, 575, 592, 593, 617, 621
 Кирпичев Л.Н. – 32, 417, 419, 450
 Киселева – 329
 Кишкин Н.М. – 208, 209, 215
 Клейнмихель (Шипова) М.Н. – 430
 Климович Е.К. – 279
 Князев Г.А. – 487
 Ковалевский Е. – 337
 Коваленко Ю.Н. – 606
 Кованько А.А. – 80, 83, 85, 88, 89, 128, 154, 171, 225
 Жожинов В.В. – 616
 Козловский М.Ю. – 123
 Коковцов В.Н. – 348, 350
 Кокольников – 568
 Кокошкин Ф.Ф. – 92, 99, 100, 290
 Колеров М.А. – 343
 Колзаков К.Я. – 476, 564
 Коллонтай А.М. – 237, 297, 298
 Колоницкий Б.И. – 286
 Колосов С. – 593
 Колчак А.В. – 549, 598, 604
 Комаров – 330, 331
 Коммиссаров М.С. – 68
 Кондратьев А.М. – 89, 90, 165–167, 196, 215
 Коновалов А.И. – 30, 92, 93, 97, 152, 162, 185, 198, 237
 Коновницын А.И. – 283
 Коновницын С.Н. – 463
 Концевич Е. – 345
 Копенхагов В.В. – 493, 504, 588
 Кормилицын Н.Д. – 88, 154, 255
 Корнилов Л.Г. – 27, 65, 86, 153, 175, 181, 285, 286, 299, 300, 550, 611
 Котенко М.А. – 601
 Котляревский С.А. – 294
 Котов-Коношенко Е.Е. – 326, 327, 446
 Коцюбинский Д.А. – 342
 Кочубей В.С. – 331
 Красиков П.А. – 123
 Краснов П.Н. – 327, 458, 475, 555, 577, 614
 Кремнев Г.Б. – 43, 340, 627
 Крестовская Н.Н. – 440
 Кривошеин А.В. – 558
 Кропоткин – 517
 Кропоткины – 335
 Крошко – 579, 580
 Крупенский А.Н. – 496, 501, 503, 504, 506–508, 516, 518, 522, 528, 536, 588, 591, 592, 606
 Крупенский П.М. – 588, 606
 Крупенский П.Н. – 589, 600, 606
 Крупенский П.П. – 521
 Кручинин А.С. – 483, 610

- Крыжановский С.Е. – 326
 Крыленко Н.В. – 80, 159, 169, 185
 Крылов И.А. – 295
 Крымов А.М. – 27, 175, 177, 178, 181, 184, 285, 286
 Крюденер-Струве А.-М. А., фон – 509
 Кублицкая М.А. – 482, 627
 Кудрина Ю.В. – 345
 Кузьмин Ю.А. – 341
 Кузьмин-Караваев Д.В. – 554
 Кузьмин-Караваев Д.Д. – 480, 488
 Куликов С.В. – 609
 Кульчицкий – 337
 Кулябко Н.Н. – 348
 Куприн А.И. – 487
 Курлов П.Г. – 349
 Куропаткин А.Н. – 207
 Кутепов А.П. – 476, 513, 526, 564, 566, 579, 580, 594, 602, 611, 614
 Кучер – 336
 Кюгельхен (Кюгельген) Н.П., фон – 490

 Лавриновский Н.Н. – 327
 Лагорио А.Е. – 501, 503, 533, 588
 Лайдонер И.Я. – 605
 Лампе А.А., фон – 556
 Ланская Н.Н. – 317
 Ланская С.П. – 317
 Лассаль Ф. – 266
 Лахотский (Лахостский) П.Н. – 110, 151
 Лебедева Н.М. – 344, 446
 Левашев С.В. – 283
 Левитский В.М. – 447

 Лейхтенбергская (Репнина) О.Н. – 84, 288
 Лейхтенбергский Г.Н. – 588
 Лейхтенбергский Д.Г. – 84, 85, 126–129, 296
 Леляевский Б.Н. – 492
 Ленин В.И. – 28, 176, 186, 199, 212, 217, 237, 257, 304, 401
 Лесков Н.С. – 36
 Лечицкий П.А. – 467
 Лже-Анастасия – 475, 481, 488, 559, 563, 616
 Ливен А.П. – 498, 500, 514, 519, 588, 598, 606, 623
 Ливен О.А. – 589
 Лизогуб Ф.А. – 402
 Линевич А.Н. – 490
 Лихачева А.И. – 110
 Лихачева А.П. – 21
 Лонговой А. – 595
 Лугинин В.Ф. – 318
 Лугинина М.Ф. – 312
 Луначарский А.В. – 237, 257
 Лыкова Л.А. – 345
 Львов Г.Е. – 604
 Людендорф Э. – 601
 Людовик XVI – 217, 240
 Людовик XVII – 217
 Людовик XVIII – 194
 Люцидарский А.А. – 503

 Мазепа И. – 446
 Макаров А.А. – 350
 Малинин – 318
 Мальцев А.П. – 573, 620
 Маляревский М.И. – 186
 Маниковский А.А. – 94
 Маннергейм К. – 335, 475, 566
 Мануильский Д.З. – 124, 146, 150

- Манухин И.И. – 282
 Манухина Т. – 345
 Марат Ж. – 306
 Маринович И. – 576
 Мария-Антуанетта – 35, 217
 Мария Павловна – 567, 569, 621
 Мария Федоровна – 309, 310, 312, 313, 317, 331, 333, 335, 336, 341, 342, 345, 361, 376, 439, 508, 510, 522, 523, 554
 Марков Н.Е. – 39, 49, 283, 326–328, 334, 434, 435, 438, 446, 450, 451, 454, 472, 474, 476, 491, 492, 494, 495–498, 500–506, 515, 516, 520–524, 528, 532, 535–537, 549–551, 556, 558–560, 562, 564, 565, 567, 569, 577–579, 583, 589, 591–594, 596, 598, 599, 601, 602, 610, 619
 Маркс К. – 265, 266
 Масальский В.Н. – 490, 587
 Масленников А.М. – 454, 499, 501, 509, 515, 516, 521, 527, 528, 535, 536, 538, 551, 589, 591, 599
 Маслов С.Л. – 96, 161
 Матвеев Г. – 597
 Матвеев-Михельсон – 550
 Матковский – 467
 Маттео А.О. – 67
 Матушевский – 596–597
 Махно Н.И. – 411, 412
 Мевес Ю.Р., фон – 490
 Медведев С.М. – 523, 525, 526, 529, 534, 589
 Мейендорф – 576
 Мекленбургский (Мекленбург-Стрелицкий) М.Г. – 498
 Мекленбург-Стрелицкий Г.Г. – 191
 Мелетий (Заборовский) – 517
 Меликов П.Л. – 596
 Мельгунов С.П. – 345, 438
 Менжинский В.Р. – 595
 Мердер – 366
 Мережковский Д.С. – 599
 Мефодий (Герасимов) – 517
 Мешеринов С.А. – 596
 Миклашевские – 333
 Милица Николаевна – 300, 361, 369
 Миллер Е.К. – 317, 339, 605, 614
 Миллер Н.Е. – 339
 Милорадович А.Л. – 577
 Милюков П.Н. – 39, 228, 231–236, 247, 249, 275, 290, 303, 343, 438, 463, 475, 561, 562, 616
 Минин К.М. – 35, 203, 534, 543, 608
 Мирабо О. – 306
 Мирбах В. – 330, 333
 Михаил Александрович – 109, 288, 331, 332, 379, 485
 Михаил Федорович – 283
 Могилянский Н.М. – 445, 447
 Модль – 169, 170, 186, 187, 188
 Мольер – 283
 Морозовы – 575
 Мосолов А.А. (младший) – 567, 568
 Мосолов А.А. (старший) – 469, 470, 472, 486, 496, 499, 500, 511, 518, 520, 528, 555, 578, 590, 591
 Мосолов А.И. – 501
 Мосолов Д.А. – 469, 486
 Мосолова Е.Ф. – 469, 591
 Мосолова И.А. – 591
 Мосолова М.А. – см. Гершельман М.А.
 Мрозовский И.И. – 501, 503, 511, 525, 589, 624

- Мультагули П.В. – 333, 345, 607
 Мункачи – 436
 Муравьев (Муравьев-Амурский) – 539, 598
 Муравьев М.А. – 387, 389, 390
 Муравьев Н.В. – 274
 Муромцев С.А. – 263, 264, 290, 305
 Мусина-Пушкина – 539, 550
 Муффель (Муфель) Б.М. – 80, 83, 126–128
 Муханова М.А. – см. Гершельман М.А.
 Мясоедов А.Н. – 511, 533, 554, 588
- Набоков В.Д. – 39, 290, 561, 562, 603
 Наживин И.Ф. – 501, 518, 519, 587
 Назаров М.Н. – 344, 446
 Наполеон I – 444
 Наполеон III – 301
 Нахамкис (Стеклов) Ю.М. – 227
 Невярович В.К. – 340
 Нейдгарт (Нейдгарт) А.Б. – 321, 342
 Нейдгарт (Нейдгарт) Д.Б. – 333, 501, 502, 503, 589, 624
 Нейшеллер М.Л. – 567–569
 Некрасов Н.В. – 181, 237, 440
 Немирович-Данченко Г.В. – 601
 Нестор (Анисимов) – 328, 451, 517
 Неф Г.-К.-Т. – 605
 Нечаев А. – 337
 Нечволодов А.Д. – 11, 44, 46
- Никодим (Кротков) – 325, 397
 Николаев – 342
 Николаев А.Б. – 342, 616, 627
 Николаевский К.В. – 173, 175, 176
 Николай I – 306, 313, 458, 553, 573
 Николай I (Негош) – 300
 Николай II – 15, 21, 35, 172, 275, 317, 322, 329, 331, 333, 334, 345, 437, 438, 467, 474, 552, 595, 607, 610, 613, 614, 616, 623)
 Николай Михайлович – 436
 Николай Николаевич – 83, 103, 149, 204, 300, 316, 369, 377, 438, 461, 464, 517, 522, 524, 552, 555, 570, 584, 585, 592, 594, 604, 614
 Никулин Л.В. – 481, 593, 622
 Нилус С.А. – 34
 Ниссель – 597
 Ножин – 537
 Носке Г. – 433, 454
 Носович – 561
- Оберучев К.М. – 442
 Оболенский – 463, 622
 Оболенский А.В. – 585
 Оболенский Д.А. – 503, 590
 Оболенский Н.А. – 588
 Оболенский Н.С. – 590
 Оболенский П.Н. – 591
 Окороков А.В. – 344, 446
 Ольга Александровна – 616
 Ольга Константиновна – 87, 526
 Ольденбург С.С. – 474, 552, 613
 Ольденбург С.Ф. – 552, 613
 Ольденбургский А.П. («Ольден») – 371, 372, 612
 Ольшанский Н.Н. – 342

- Опперпут (Упениньш) Э. – 594,
 595
 Отман С.А. – 337

 Павлинов Н.Я. – 486
 Павлов А.А. – 68
 Павлов А.Н. – 537, 588
 Павлов В. – 169, 170, 171, 187,
 188, 198, 210
 Павлов Н.А. – 537, 562, 563, 617
 Пален А.П., фон дер – 493
 Палеолог Ж.М. – 217
 Палеолог М. – 247
 Палтов А.А. – 395
 Пальчинский П.И. – 208, 209,
 215, 220, 222, 226
 Пантелеев А.А. – 328, 344, 424,
 453
 Панчулидзе Б.Е. – 568
 Панчулидзе С. – 342
 Папакин Г.В. – 343
 Парфенов И.Д. – 66, 68, 80, 83,
 88, 89, 122, 125, 128, 171, 225, 296
 Пастернак Б.Л. – 282
 Пасхалов К.Н. – 283
 Патгон-Фантон де Веррай-
 он П.И. – 527, 623
 Пеликан Б.А. – 326, 327
 Пермикин Б.С. – 539, 597, 598,
 609
 Перовский-Петрово-Солово-
 во М.М. – 516, 588
 Пестржецкий Д.И. – 499, 537,
 589
 Петлюра С.В. – 32, 334, 400, 416,
 417, 419, 425–427, 442, 443, 559
 Петр I – 229, 230, 312, 393, 446,
 554, 611
 Петр Николаевич – 300, 361
 Петрашевский (Бугашевич-
 Петрашевский) М.В. – 68, 69,
 70, 287
 Петров Н. – 609
 Пилсудский Ю. – 495, 598
 Платон (Рождественский) – 615
 Платонов О.А. – 44, 47
 Платонов С.Ф. – 532, 607
 Плевако Ф.Н. – 506, 601
 Плешко Н. – 445
 Победоносцев К.П. – 318
 Погодин А.Л. – 501
 Пожарский Д.М. – 203, 543
 Познанская А.В. – см. Гершель-
 ман А.В.
 Познанский В.В. – 470
 Полевой Н.А. – 282
 Поливанов А.А. – 437
 Полковников Г.П. – 29, 127, 142
 Половцев (Половцов) – 513
 Полтавин – 394
 Полуботок П. – 441
 Попов Н.Н. – 344
 Попов П.Н. – см.: Шабельский-
 Борк П.Н.
 Пороховщиков – 577
 Поспеловский Д.В. – 449
 Потоцкий А.А. – 404
 Принцип Г. – 606
 Присовский К.А. – 418
 Прозоровский А.А. – 310
 Прокопий (Семенович) – 297
 Протопопов А.Д. – 239, 292, 293
 Пумпянский Н.П. – 127, 128,
 142, 143
 Пуришкевич В.М. – 19, 27, 28,
 30, 56, 59, 62–66, 68, 70–72, 80,
 83, 85, 122–126, 128–131, 133,
 139, 140, 141, 148, 171, 186, 187,
 191, 222, 223, 226, 283–287,
 295–297, 302, 370, 437

- Пуришкевич Е.В. – 67
 Пуришкевич М.М. – 286
 Путятин С.М. – 568
 Пученков А.С. – 324, 343, 447
 Пушкин А.С. – 13, 311, 317, 553, 614
 Пчилка О. – 440
 Пюккенен А.Ю. – 619
 Пятаков Г.Л. – 594

 Рабле Ф. – 305
 Раевский Н. – 611
 Распутин (Новых) Г.Е. – 27, 130, 148, 369, 370
 Рауш фон Траубенберг Е.А. – 490, 501, 503, 509, 523, 529, 556, 589
 Ребиндер В. – 589
 Ребиндер С.А. – 490
 Редигер А.Ф. – 9
 Рейн Г.Е. – 438
 Ренненкамф П.К, фон – 12
 Репников А.В. – 340, 627
 Репнин В.Н. – 288
 Репнин Н.В. – 288
 Ржепецкий А.К. – 395, 447
 Римский-Корсаков А.А. – 283, 327, 500, 501, 504, 506, 589, 610
 Римский-Корсаков А.С. – 548, 574
 Риттих А.А. – 378, 381
 Риттих Ф.А. – 576
 Робеспьер М. – 306
 Рогович А.Н. – 548
 Рогович А.П. – 501, 503, 533, 589
 Рогович П.А. – 534, 553, 588, 623
 Родзевич Н.Н. – 326, 327, 446
 Родзянко – 490
 Родзянко А.П. – 473, 488, 556, 605, 610
 Родзянко М.В. – 120, 227, 236, 247, 275, 321, 586
 Родионов И.А. – 556, 557, 615
 Родичев Ф.И. – 463
 Родэ А.С. – 300
 Розенбах П.Я. – 123, 125
 Розенталь И.С. – 297
 Розмирович Е.Ф. – 185, 237, 300
 Розмитальский В.Э. – 327, 446
 Рубинштейн А.Г. – 94
 Рубинштейн В.А. – 94
 Руднев В.В. – 115
 Рузский Н.В. – 167, 207, 239, 298, 299, 585, 586
 Румянцев – 285
 Рутенберг П.М. – 30, 208, 214, 215, 220–222, 226, 301, 302

 Савенко А.И. – 435
 Савинков Б.В. – 141, 275, 409, 410, 463, 494–496, 499, 539, 598, 599, 609
 Сазонов С.Д. – 606
 Салогуб – 207
 Салтыков С.Н. – 89, 152, 163–165, 171, 198
 Самсонов А.В. – 304
 Сахаров К.В. – 509, 511, 512, 516, 518, 519, 549, 587
 Сахновский – 566
 Свистунов – 550, 580
 Свитков Н. – 611
 Севастьянова А. – 622
 Семенов В.Г. – 341
 Семенов Г.М. – 474, 516, 519, 549, 551, 564, 588
 Семенова В.П. – 341

- Семчевский К.В. – 477, 490, 549, 551, 581–583
 Серафим (Лукьянов) – 477, 519
 Серафим (Лядэ) – 477
 Сербинович К.И. – 68, 71
 Сергеев В.В. – 503, 588
 Сергей Александрович – 620
 Сергей (Дабич) – 508, 520, 589, 605
 Сергей (Страгородский) – 336, 337, 338, 600, 615, 616
 Сиверс, фон – 566
 Сидорин В.И. – 175–177, 184
 Скальковский К.А. – 61
 Скаржинский В.В. – 589
 Скаржинский П.В. – 328, 501, 520, 523, 526, 527, 528, 554, 563, 589, 592
 Скипетров П.И. – 151, 298
 Скобелев М.Д. – 63, 237
 Скоропадский И.И. – 446
 Скоропадский П.П. – 42, 324–326, 328, 331, 334, 343, 344, 392–394, 396–399, 402, 412, 426, 440, 446–448, 451, 452, 471
 Скупинский Е.Г. – 504, 548, 589
 Смирнов С.А. – 92, 93, 97, 152, 185, 198, 237
 Смолин А.В. – 451, 487
 Смолин М.Б. – 601
 Соболевский М.Я. – 495
 Соколов Б. – 291
 Соколов Е.И. – 289
 Соколов Н.А. – 329, 345
 Соколов Н.Д. – 92, 227
 Соколов-Баранский В.П. – 327, 334, 450, 498, 509, 528, 529, 590, 602
 Сократ – 283
 Солженицын А.И. – 616
 Соллогуб – 179
 Соломон – 256, 306
 Сосновский Л.С. – 124
 Стааль – 361
 Сталин И.В. – 488
 Старцев В.И. – 609
 Стенге Ю.Х. – 72, 73
 Степанов А.Д. – 43, 44, 340, 344, 488
 Стогов Д.И. – 616
 Столыпин А.А. – 586
 Столыпин П.А. – 63, 320, 321, 347–350, 368, 393, 461
 Стороженко А.В. – 376, 377
 Стороженко В.А. – 568
 Страхов Н.Н. – 311
 Струве П.Б. – 622
 Стырне В. – 595
 Суворин А.А. – 133, 282
 Суворин А.С. – 282
 Суворов А.В. – 285
 Суковкин М.А. – 440
 Суковкин Н.И. – 365, 366, 430, 440
 Суслов А.С. – 610
 Сухомлинов В.А. – 30, 35, 195, 196, 198, 199, 203–206, 225, 220, 348, 555
 Сухомлинова Е.В. – 215
 Таборицкий С.В. – 39, 475, 561, 562
 Таисия – 343
 Талейран Ш. – 300
 Тальберг Н.Д. – 327, 446, 476, 497, 498, 502, 508, 528, 529, 549, 552, 553, 558, 562, 563, 579, 580, 591, 610, 613
 Тарановский – 494

- Тарасов-Родионов А.И. – 122, 133, 295
 Таубе М.А. – 499, 501, 531–533, 578, 589, 591, 592, 601, 606
 Таухниц Б. – 282
 Терещенко М.И. – 72, 208, 237, 385, 440
 Тимашев А.А. – 568
 Тиханович-Савицкий Н.Н. – 283
 Тихон (Беллавин) – 328, 449, 451, 567, 570, 600
 Тоболин И. – 285
 Толмачев – 172
 Толстой А.К. – 460
 Толстой Л.Н. – 472, 615
 Толстой-Милославский – 498, 503, 588, 589
 Томилин М.И. – 92, 98
 Трахтерев О.С. – 503, 514, 533, 590, 624
 Трепов А.Ф. – 496, 498–504, 506, 507, 515, 516, 519, 523, 524, 526, 533–536, 564, 566, 589, 591, 600
 Трепов Б.В. – 490
 Трепов Ф.Ф. (младший) – 358, 365, 596
 Трепов Ф.Ф. (старший) – 469
 Третьяков С.М. – 93
 Третьяков С.Н. – 30, 93, 94–97, 152, 160, 162, 185, 198, 237
 Трилиссер М.А. – 595
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. – 119, 212, 237, 295, 300, 443, 468
 Троцкий В.И. – 365
 Трубецкие – 463
 Трубецкой В.С. – 15, 46, 313, 341
 Трубецкой Н.С. – 596
 Трубецкой С.Н. – 606
 Туган-Барановский Н.И. – 569
 Тур Н.И. – 133
 Туркул А.В. – 614
 Тутомлин И.Ф. – 47
 Тырш М. – 436
 Тышкевич – 357, 358
 Тютчев Ф.И. – 59, 283
 Унковский И.С. – 475, 490, 561, 562, 596
 Урицкий М.С. – 331
 Урусов Н.П. – 322, 362, 363
 Урусова Н.В. – 294
 Устимович (Сахно-Устимович) Н.Н. – 395, 396, 402
 Уткин А.И. – 606
 Фабрициус Н.Ф. – 495, 539
 Файбисович В.М. – 340, 342, 446
 Фальц-Фейн В.Э. – 368
 Федоров Н.Н. – 16, 18, 46, 47
 Федоров С.П. – 369
 Федорченко В.И. – 44
 Федосюк С.В.
 Фелькерзам Г.Е. – 552, 589
 Фемистокл – 233, 303
 Феодор (Текучев) – 337
 Феофан (Быстров) – 369
 Феофания (Готовцова) – 317
 Фигнер В.Н. – 306
 Филарет (Романов) – 283
 Философов Д.В. – 539, 599
 Фильденкрейц – 127
 Финисов П.Н. – 175, 176
 Финк – 279
 Фомин С.В. – 31, 44, 46, 48, 49, 294, 313, 325, 328, 341–344, 436, 445, 450–453, 598
 Фостер Л.А. – 614

- Фостиков М.А. – 602
 Франц-Фердинанд – 606
 Фрейберг – 512, 519, 588
 Фрейденберг – 452
 Фрид – 124
 Фурье Ш. – 287
- Харузин А.Н. – 351
 Хатисов А.Н. – 585
 Хвостов А.Н. – 30, 86, 89, 154, 161, 199, 214, 225
 Хершельманн фон Эпихнеллен Э.А.В. – 457
 Хитрово В.С. – 450
 Хмельницкий Б. – 441
 Ходорович Н.А. – 438
 Хомутов А.Д. – 327, 328
 Худияр-Хан – 375, 376
- Цейдлер Г.Ф. – 349
 Церетели И.Г. – 440
- Чаплин Г.Е. – 512, 514, 519, 587, 623
 Чебышев Н.Н. – 551, 552–554, 594, 612
 Челноков М.В. – 604
 Черемисов В.А. – 85, 90, 152–154, 159, 160, 167, 171, 172, 184, 214
 Черкасов-Георгиевский В. – 622
 Черкасский Н.Н. – 46
 Чернов В.М. – 162, 237, 246, 273, 275, 290, 291, 400, 463, 516, 561
 Чертков В.Г. – 472
 Черячукин А.В. – 452
 Чихачев Н.М. – 439
 Чихачев Н.Н. – 383, 435, 436, 439
 Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. – 482, 627
 Чхеидзе Н.С. – 463
- Шабельская-Борк Е.А. – 28, 91, 218
 Шабельский-Борк (Попов) П.Н. – 28, 33, 35, 38, 39, 46, 48, 49, 80, 82, 83, 85, 88, 89, 91, 128, 129, 148, 171, 196, 220, 225, 475, 488, 561, 562, 588
 Шатилов Д.В. – 68
 Шаховской – 222, 226
 Шаховской Д.Н. – 503, 508
 Шварц А.В., фон – 584, 585, 614, 622
 Шварценштайн, фон – 324
 Швецов – 490
 Шебеко – 21
 Шейбнер-Рихтер М.-Э., фон – 506, 533, 538, 590, 601
 Шелохаев В.В. – 342
 Шелькинг Е.Н. – 515
 Шестова О.Н. – 462
 Шечков Г.А. – 283
 Шиллер И. – 297
 Шилов Д.Н. – 341
 Шингарев А.И. – 92, 99, 100, 290, 516
 Шипов – 80
 Шипов Н.Н. – 317
 Шипова – 333
 Шипова Н.Н. – 317
 Шипулина Е.Я. – 621
 Ширинский-Шихматов А.А. – 327, 454, 499, 502, 504, 519, 535, 536, 539, 551, 558, 574, 580, 583, 589, 591
 Ширинский-Шихматов К.А. – 550, 564
 Шифф Я. – 517
 Шишковы – 568
 Шкот П.П. – 71
 Шкуро А.Г. – 577

- Шмаков А.С. – 34
Шмит В.П. – 379, 382
Шнейдер – 92
Штакельберг Р.А., фон – 475, 563, 566
Штейн А.Ф., фон – 503, 589
Шуберский Э.П. – 382
Шуваев Д.С. – 205, 373, 437
Шульгин А.В. – 442
Шульгин В.В. – 324, 325, 343, 344, 438, 452, 594

Щегловитов И.Г. – 30, 211, 220, 222, 225
Щербачев – 490
Щетинкин П.Е. – 517, 604

Эберт Ф. – 433, 454
Эвальд Ф.Ф. – 497, 515, 590

Эйхгорн Г., фон – 324, 329, 332, 398, 407, 409, 430, 449
Энгельгардт Б.В. – 476, 564, 566, 617
Энно Э. – 423, 424, 452
Эрдш – 423
Эрнст-Людвиг Гессенский и Рейнский – 324, 333

Юденич А.Н. – 623
Юденич Н.Н. – 327, 599, 605, 623
Юрьевская Е.М. – 584

Яковлев – 615
Якушев А.А. – 476, 552, 564, 579, 593, 594, 613, 622
Якушев С.А. – 622
Яновский М.К. – 209, 210

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

арм.	– армейский
арт.	– артиллерии, артиллерийский
Вел. Кн.	– Великий Князь, Великая Княгиня
ВКГД	– Временный комитет Государственной Думы
ВМС	– Высший Монархический Совет
ВНК	– Всероссийский национальный клуб
ВНС	– Всероссийский национальный союз
ВО	– Военный округ
ВП	– Временное правительство
ВСЮР	– Вооруженные силы Юга России
газ.	– газета
ГД	– Государственная Дума
ГС	– Государственный Совет
д.с.с.	– действительный статский советник
д.т.с.	– действительный тайный советник
ЕВ	– Его Величества, Ее Величества
ЕИВ	– Его Императорского Величества, Ее Императорского Величества
журн.	– журнал
ин-та	– института
кав.	– кавалерии, кавалерийский

КИАФ	– Корпус Императорской Армии и Флота
кнж.	– княжна
КОНР	– Комитет Освобождения Народов России
Л.-гв.	– Лейб-гвардия, Лейб-гвардии
МВД	– Министерство внутренних дел
ОКСА	– Отдельный корпус Северной армии
проф.	– профессор
РИА	– Русская Императорская Армия
РИФ	– Русский Императорский Флот
РНО	– Российское Национальное объединение
РНСМА	– Русский народный союз им. Михаила Архангела
РПЦ	– Русская Православная Церковь (Православная Российская Церковь)
РПЦЗ	– Русская Православная Церковь Заграницей
РС	– Русское собрание
СЗА	– Северо-Западная Армия
СЗФ	– Северо-Западный фронт
сов.	– советский, советского
СРЛ	– Союз русских людей
СРН	– Союз русского народа
стр.	– стрелковый, стрелкового
тов.	– товарищ
ун-т, ун-та	– университет, университета

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Армия и Флот. Военный справочник / Под ред. В.В. Орехова, Е. Тарусского. [Париж, 1931].
2. *Барышников М.Н.* Деловой мир Петербурга. Исторический справочник. СПб., 2000.
3. *Волков С.В.* Белое Движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.–М., 2003.
4. *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.
5. *Волков С.В.* Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.
6. *Волков С.В.* Офицеры флота и Морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004.
7. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 годы) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2006. Т. 1.
8. *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
9. *Кузьмин Ю.А.* Российская Императорская Фамилия. 1797–1917. Библиографический справочник. СПб., 2005.
10. Материалы семейного архива И.А. Мухановой и М.А. Гершельман (Аргентина).
11. Михайлов День 1-й. Журнал Исторической России (ред. С.Г. Зирин). Ямбург, 2005.
12. Незабываемые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2006. Т. 1–6.

13. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994–2000. Т. 1–3.
14. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993.
15. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
16. Российский Зарубежный съезд. 1926 год, Париж. Документы и материалы / Сост. М.А. Котенко и И.В. Домнин; под общей ред. А.И. Солженицына. (Указатель имен – сост. А.В. Ломоносов, С.А. Сапожников, С.В. Волков). М., 2006.
17. *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
18. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002.
19. *Степанов А.Д., Иванов А.А.* Руководители и активные участники русского монархического движения (1901–1922) // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006.
20. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001.

ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»

«КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ». ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло уже больше года с тех пор, как 14 декабря 2006 года были обнаружены останки генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920), вывезенные за пределы России осенью 1920 года при оставлении белыми войсками Читы и перезахороненные у северной стены Свято-Иверской церкви в городе Харбине (Китай). После трехгодичной подготовительной работы инициативной группы, в которую вошли протоиерей Дмитрий Смирнов, китаевед Дмитрий Напара, судмедэксперт Сергей Никитин, продюсер первого канала Андрей Кирисенко и руководитель Информационного агентства «Белые воины» Александр Алекаев, удалось благополучно завершить начатое дело.

13 января 2007 года прах генерала В.О. Каппеля был погребен в Москве в третий раз (первый и второй – в 1920 году, сначала в Чите, а затем Харбине) и покоится ныне у южной стены Донско-

Памятник на могиле
генерала В.О. Каппеля
в Донском монастыре в Москве,
установленный 1 сентября 2007 года
Фото А. Гаспаряна

го монастыря, рядом с могилами русского философа И.А. Ильина и генерала А.И. Деникина. 1 сентября того же года состоялось торжественное открытие памятника на могиле Владимира Оскаровича.

К этому же времени Информационным агентством «Белые воины» и Некоммерческим партнерством «Посев» было выпущено в свет второе, дополненное и исправленное издание «Каппель и каппелевцы». С 2003 года, когда на прилавках впервые появилась эта книга, появилось много новых сведений о судьбе как самого генерала В.О. Каппеля, так и его семьи, удалось найти новые, неизвестные ранее фотографии. Работа, безусловно, будет интересна не только тем читателям, которым впервые предстоит познакомиться с личностью Владимира Оскаровича, но и тем, кто ранее уже приобрел первое издание.

Несмотря на то, что во второе издание были включены почти все найденные на момент подготовки книги материалы, благодаря исследовательской работе в архивах и библиотеках удалось найти и новые сведения. К их числу относится впервые публикуемая фотография молодого корнета Владимира Каппеля в форме 54-го драгунского Новомиргородского полка. Кроме нее, вниманию читателей предлагаются архивные материалы и газетные публикации периода Гражданской войны.

Наиболее интересные из них – небольшие воспоминания о В.О. Каппеле, принадлежащие перу протоиерея Петра Рождественского и рассказывающие нам о «Каппеле-солдате», таком, каким знали его очевидцы событий 1918–1919 годов, а также небольшая беседа генерала с корреспондентом Российского телеграфного агентства, состоявшаяся осенью 1919 года, в период наивысшего напряжения на фронте. О нелегком положении 1-го Волжского корпуса на фронте рассказывает и архивный документ – телеграмма В.О. Каппеля начальнику штаба

Памятник на могиле Каппеля в Харбине. 1946 г.
 Фото из книги Г.В. Мелихова
 «Белый Харбин: середина 20-х».
 М.: Русский путь, 2003

Западной армии. Заслуживает внимания и выдержка из обращения Владимира Оскаровича к крестьянам, показывающая его отношение к советской власти и характеризующая его как политика.

Публикуемые ниже материалы, конечно, не исчерпывающие. Появляются и будут появляться новые интересные свидетельства о жизни как самого Владимира Оскаровича Каппеля, так и других его соратников по Белой борьбе, воевавших на разных фронтах Гражданской войны. Новые документы и воспоминания, в сборе которых большую помощь оказали нам читатели, будут публиковаться в следующих изданиях и переизданиях серии «Белые воины».

Руслан Гагкуев,
координатор проекта «Белые воины»
Василий Цветков,
научный редактор серии «Белые воины»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.О. КАППЕЛЕ

Протоиерей Петр Рождественский

ГЕНЕРАЛ КАППЕЛЬ*

Из записной книжки

1

Мы, симбирцы, как и вся Россия, несмотря на кратковременное еще тогда господство большевизма, задыхались под его властью, живя в постоянном страхе за свою жизнь. Никто из нас, по терминологии большевиков «буржуев», ни на минуту не мог считать себя вне опасности быть обысканным, арестованным или даже расстрелянным. Каждый день приносили нам новые вести, что сегодня обыскан-ограблен один, что арестован другой, что расстрелян третий...

Так безотрадно тянулось время до весны 1918 года, когда вместе с теплом солнца повеяло на нас теплом надежды на освобождение. До нас стали доходить радостные вести о выступлении чехословаков, об их успехах в борьбе с большевиками, вести об организации добровольческих частей или так называемой «Народной армии», о свержении советской власти то там, то сям, вести, правда,

* Русское дело. Иркутск. 1919. 18 декабря. № 31.

неопределенные, но, во всяком случае – радостные, волнующие, поднимающие дух, окрыляющие надеждой близкого освобождения. В июне месяце были освобождены Самара, Сызрань, Ставрополь и другие города Поволжья, а за Волгой – Бугульма, Мелекес и др. Чувствовалось, что близится очередь Симбирска... И какую радостью забились наши сердца, когда 20 июля мы впервые услышали отдаленный гул канонады к западу от города... А местные большевики забились тревогой: они начали метаться, как угорелые... Действительно, утром 8/21 наши освободители были не далее 15–20 верст от города, а к полудню мы слышали уже не только пушечные выстрелы, но и ружейную и пулеметную трескотню... Не было сомнений, что красных теснят сильно, что не сегодня-завтра город будет свободен... Вечером наступающие были у самого Симбирска, и если бы не наступила темнота – взяли бы его тогда же...

Нервность заправил – большевиков и красноармейцев достигла необычайного напряжения: первые – кто на автомобилях,

Корнет Владимир Каппель
в форме 54-го драгунского
Новомиргородского полка.

Выпуск Николаевского
кавалерийского училища 1903 г.
(частная коллекция)

кто на лошадях, ринулись из города с чадами, домочадцами и добром, а красноармейцы толпами бежали в город, чтобы под покровом ночи ухватить и для себя что-либо из буржуйского добра... Часов с 10 вечера началось разбивание и грабеж вагонов с сахаром, шоколадом, табаком, мукой, обмундированием и т.п. Солдаты тащили все массажи: к ним скоро присоединились жители привокзальной слободы... Добра было много, всем хватило... Было жутко... На улицах города стоял шум и гомон, изредка раздавались выстрелы.

Но вот ночь прошла. Солнце бросило из-за горизонта свои первые лучи... Наши освободители вместе с ними бросили в город свои первые снаряды... А вслед за ними затакали пулеметы, засветили и запели пули...

К 9 часам утра 22/9 июля Симбирск был освобожден... Освободителями нашими оказались немногочисленные добровольцы отряда Каппеля... Симбирск впервые увидел этих орлов и впервые же услышал имя ставшего потом легендарным их вождя, полковника по чину и солдата по душе – Каппеля.

Едва ли нужно говорить, с каким восторгом, с каким энтузиазмом мы встретили своих освободителей каппелевцев. Их осыпали цветами, обнимали, целовали со слезами радости, как самых близких, самых родных.

Около 12 часов дня со стороны Волги вошли в город чехословаки, а назавтра вечером приведены были сюда 800 пленных красноармейцев, захваченных преследовавшими их после взятия Симбирска каппелевцами.

Надо сказать, что каппелевцев под Симбирском было не более 300 человек, а красных – не менее 3000 человек.

2

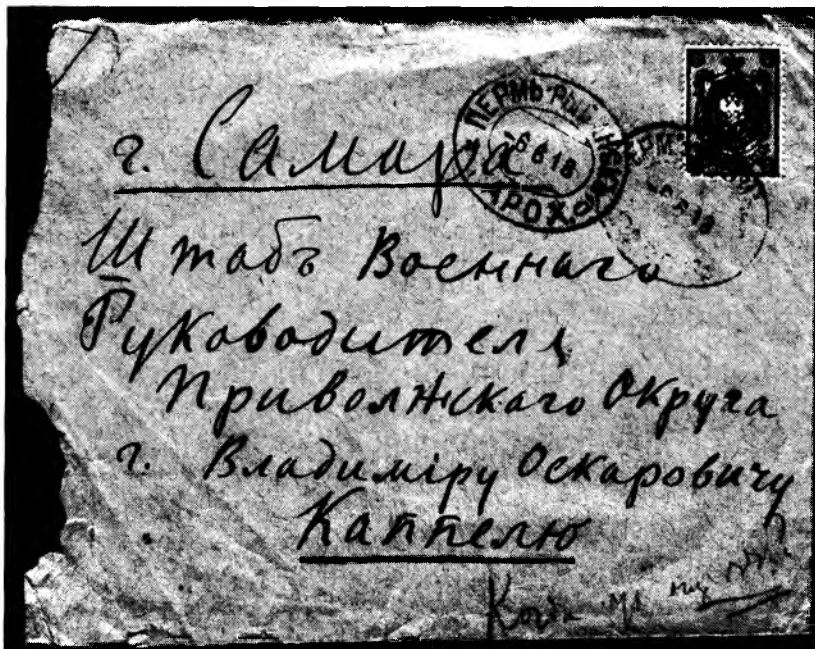
В освобожденном Симбирске началась новая жизнь, жизнь оригинальная, жизнь какая-то приподнятая... Понаехали из других городов партийные лидеры, по преимуществу социалистических толков; объявились и свои – доморощенные... Среди них оказались избранные в Учредительное собрание... Замитинговал Симбирск... Полились бесконечные речи... А Каппель и каппелевцы не говорили: они делали свое важное дело... Они снова были в походе, снова шли на врага...

В освобожденном Симбирске стали организовываться добровольческие части. Скоро были сформированы два полка. В один из них я был приглашен на должность священника. Этот полк вошел в отряд Каппеля, который потом стал корпусом Каппеля. И, таким образом, мне выпало счастье лично познакомиться с Каппелем, быть непосредственным свидетелем и даже участником в его блестящих делах, видеть его отношение к солдату, чтобы понять все, всю очаровательность его личности и чтобы убедиться в совершенной справедливости характеристики его, слышанной мною от сослуживцев.

3 декабря 1918 года в деревне Измайлове близ Белебея... Скромный тесный домик сельского обывателя в две комнаты. Это – квартира генерала Каппеля с его штабом. 7 часов утра, а генерал уже на ногах. Дверь ежеминутно отворяется... Входят офицеры, солдаты. Кто за распоряжениями, кто за справками... Обязательно генерал сам удовлетворит всех... Вот входит священник с сыном

добровольцем. Благословляет... Их он усаживает, угощает чаем... На улице трескучий мороз... Генералу нужно ехать на позицию... Он одевается... Но что это за одежда? Легкая шубейка, картуз на голове, кожаные сапоги на ногах... «Ваше Превосходительство, как Вы поедете в такой одежде, Вы замерзнете... На улице страшный мороз», – говорит ему священник. «Ничего, – отвечает генерал, – озябну – так отогреюсь потом. Солдат – в шинели на позициях, да не зябнет и не жалуется».

17 декабря 1918 года. Я еду с позиции у деревни Хлебодаровки. Холодище невероятный... Я зябну в шубе и валенках, в шарфе... Навстречу группа всадников – лошади покрыты инеем... Впереди генерал в своем обычном наряде: легкая шубенка, картуз, кожаные сапоги... Впрочем, теперь есть особенность – башлык... «Ваше Превосходительство, что Вы делаете! – восклицаю я, поздоровавшись. – Вы губите себя!..» Смеется. «Ничего, – говорит, – я привык... Я солдат, да к тому же молодой. Вы другое дело, Вы человек пожилой. Берегите себя». И поехал дальше.

Конверт письма О.С. Каппель к мужу
РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. Л. 8. 1918 г.

В том же декабре – бой у деревень Николаевки, Знаменки и Константиновки... Штаб генерала в деревне Тукаеве в двух верстах от Николаевки, также в резерве и наш полк. Идет ожесточенная оружейная и ружейная стрельба... Генерал совершенно спокоен. Спрашиваю: «Как дела, Ваше Превосходительство?..» «Отлично, – отвечает. – Скоро возьмем Константиновку...» «Дай Бог, – присовокупляю я, – там завтра послужим» (дело было в субботу). «Послужим». Но вот обстановка меняется. Выстрелы слышны ближе и ожесточеннее. Снова спрашиваю генерала: «А теперь как дела?» И он совершенно спокойный, как и прежде – отвечает: «Да, стало хуже – но ничего... В войне успех рядом с неудачами живет. Особенно смущаться не приходится». И мы не смущались, мы заражались его спокойствием и чувствовали себя за ним, как за каменной горой, и даже при неудачах думали: «А все же красных мы побьем». И били, много и жестоко били... Красные боялись Каппеля и против каппелевцев шли тогда, когда их было пять–восемь против нашего одного.

Корпус Каппеля на отдыхе, на пополнении. В него влились новые люди из красных, взятых в свое время в плен в Перми. Ожидался смотр. Обыкновенно начальство ожидается со страхом и трепе-

В.О. Каппель с семьей
Фото времен Великой войны из архива Е.Д. Харитоновой

том, и даже с тайным желанием, чтобы оно не приехало. А мы, можно сказать, считали минуты, когда же, наконец, наш любимый генерал Каппель доставит нам радость видеть его. И так все офицеры, и солдаты, даже и новые, и те заразились желанием видеть «корпусного», имя которого было у всех на устах и произносилось с гордостью. Наконец он приехал. Это было 6 апреля (25 марта) 1919 года. Устроил смотр, всех обласкав, многим раздав Георгиевские кресты и медали за славные, молодецкие дела... А для него устроили в одном полку обед, в другом – ужин... И сколько тостов самых сердечных, искренних и душевных было сказано в его честь, сопровождавшихся стихийным могучим, прямо-таки неистовым «ура». Генерал был, как всегда, весел, жизнерадостен, обаятелен, обворожителен. И если обычно начальство провожают радостно, мы провожали своего генерала с неподдельными огорчением и печалью.

Таков генерал Каппель, генерал-солдат или, как говорят сами солдаты, – «солдатский генерал», заботящийся о солдате, как о брате, болящий о нем, если он не обут, не одет...

В.О. Каппель
с дочерью Татьяной
*Фото времен Великой войны
из архива Е.Д. Харитоновой*

И надо ли удивляться, что солдаты гордятся честно служить у Каппеля, и название «каппелевец» считают самым почетным.

Припоминается мне такая картина. Небольшая железнодорожная станция Юргамыш. На перроне группа солдат. Двое из них о чем-то громко разговаривают, спорят. Подхожу, но застаю только конец спора, слышу только последнюю фразу одного из солдат: «Я, брат, у Каппеля служу». Надо было слышать тон, которым была произнесена эта фраза, и видеть физиономию ее автора. И в тоне, и в выражении лица звучала гордость и светилась радость.

И солдат-каппелевец, высокий в своих собственных глазах, сразу вырос в глазах собеседников.

ПРИКАЗЫ, ТЕЛЕГРАММЫ И ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Крайняя запись в службе
Генерального штаба Российской Республики

1. Мил, адресован в записке Российскому ведомству Юстиции
2. Прошения генерала Станислава Нарановича
на должность лейтенанта штаба
Тюльчинского полка артиллерии
16 августа 188 года
3. Копия приказа
4. На место лейтенанта
записки Штабу артиллерии в штабе
Александровской дивизии.
5. Временное
6. Прошения
в 2 кадетском корпусе
в Николаевском Кавказском
французском (подпись)
в Академии Генерального
штаба (подпись)
по должности Кавказского артиллерийского
7. Прошения о службе. Купеческий В. В. Федот. Нобельский
в 1880 г. в артиллерийском корпусе
Ступинском в 1880 г.
Штаб Восточного фронта в 1880 г.
Российского в артиллерийском
в артиллерийском в 1880 г. в
артиллерийском в 1880 г.

Краткая записка о службе подполковника Генерального штаба
В.О. Каппеля [Конец 1917 – начало 1918 г.]
(частная коллекция)

Староинженерскому в 1916 году
 со Староинженерским в 15 аб. 1916 года.

Женщинам генерального штаба
 в 25 (или 1916 году) была выдана
 (копиями) эти документы года...

в 1916 году (Сколько было выдано документов
 5 ген. штаба в 2 года 1916 года
 Скольким было выдано 14 лет. выдано
 в 1916 году 1916 года

Выданы документы по документам
 Ген. штаба, Тех. Класиф. Мет. Третья

Ген. штаба в 16 месяцев 1916 года
 Выданы документы по документам
 Чертежи Ген. штаба в 15 лет 1916 года
 Ген. штаба, Тех. Класиф. Мет. Третья
 Мет. Третья Ген. штаба в 1916 году
 в 1916 году 1916 года

Техническим документам

Архивному материалу.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ НАРОДНОЙ АРМИИ

23 июля 1918 года, Самара

В согласии с главным Военным штабом командующий отрядом войск Народной армии Генерального штаба полковник Каптель назначается командующим всеми действующими войсками Народной армии.

Справка: Постановление Комитета членов Временного всероссийского Учредительного собрания от 22 июля 1918 года.

Председатель комитета – В. Вольский

Члены комитета – И. Брушвит,

И. Нестеров, И. Климушкин

Управляющий делами – Я. Дворжец

ТЕЛЕГРАММА В.О. КАПТЕЛЯ О ВЗЯТИИ СИМБИРСКА

[22 июля 1918 года]

Сегодня в восемь часов утра, после боя в районе Киндяковской рощи, части 1-го Самарского отряда вошли в город. Захвачено гражданное интендантское и артиллерийское имущество, много паровозов, бронированный поезд и различное имущество, неподдающееся сейчас учету.

[В.О.] Каптель

**ТЕЛЕГРАММА В.О. КАППЕЛЯ
НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ЗАПАДНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ К.В. САХАРОВУ
О ПОЛОЖЕНИИ 1-го ВОЛЖСКОГО КОРПУСА***

*Срочно
Секретно
9 июня 1919 года*

Положение корпуса [в] вопросе питания огнеприпасами, не говоря уже о снабжении интендантством и эвакуации, беспомощное. Сегодня от частей, ведущих бой в районе Усбекова, получил донесение, что патроны на исходе, а некоторые батареи не могут работать ввиду отсутствия снарядов. Я предвидел возможность такого положения, когда просил Вас в Уфе о подаче снарядов корпусу. Благодаря сложившимся условиям при эвакуации железнодорожных составов вагонный парк корпуса угнан неизвестно куда. Убедительно прошу распоряжения подать снаряды на разъезд Улу-Теляк, где их примет высланный туда транспорт. Туда же прошу направить санитарную летучку для эвакуации раненых и больных и о последующем прошу телеграфировать. Крайне необходимо усилить корпус транспортами, так как [он] не успел закончить формирование своих обозов и, имея таковые лишь в самом ограниченном количестве, в связи с оторванностью от железной дороги и наличием [в] районе действий неудовлетворительных кружных путей, поставлен в крайне тяжелое положение.

Генерал-майор [В.О.] Каппель

---

* РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 49. Лл.169–169 об.

**ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 12-й УРАЛЬСКОЙ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
Р.К. БАНГЕРСКОГО О ПОЛОЖЕНИИ
46-го ИСЕТСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА В ХОДЕ
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ КОМАНДИРУ
ВОЛЖСКОЙ ГРУППЫ В.О. КАПНЕЛЮ
С РЕЗОЛЮЦИЕЙ ПОСЛЕДНЕГО***

Комгруппы Волжской
1919 г., 26 июля
№ 556 из д. Шибаетово

В 46-м полку всего 158 штыков, притом измученных, усталых, весьма плохо одетых. Эти 158 человек составляют последний кадр полка – все то, что могло бы еще возродить полк, если влить пополнение. Боевой же силы эти 158 человек не составляют. Из 120 человек учебной команды в полку осталось 20 человек. Таким образом, и унтер-офицеров не будет. Испрашиваю спешных указаний, в какой именно район отвести эти остатки полка на формирование. Этот вопрос в настоящее время немного сложен, потому что вещевое довольствие, очевидно, будет давать одна группа, другие виды довольствия – другая группа.

*Начдив 12-й Уральской
Генерал-майор [Р.К.] Бангерский*

Резолюция В.О. Капеля:

В настоящие дни ведется решительная операция, в которой должны участвовать все. По ее окончании разрешаю отвести полк в глубокий тыл. Пункт будет указан дополнительно. Измучены и устали одинаково все, но должны напрячь последние усилия, использовать все средства. На время полк может быть отведен в резерв дивизии.

*Генерал-майор Капель
26 июля 1919 г.*

---

* РГВА. 39500. Оп. 1. Д. 36. Л. 399. Документ предоставлен И.В. Купцовым.

Резолюция начальника штаба:

Сообщить начдиву Уральской резолюцию командира корпуса.

Полковник [С.Н.] Барышников

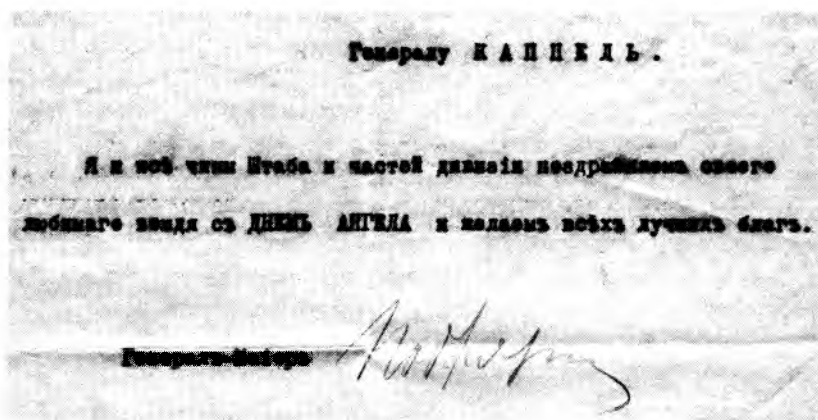
31 июля 1919 г.

ГЕНЕРАЛ КАППЕЛЬ. БЕСЕДА*

[Октябрь 1919 года]

В беседе с сотрудником Российского телеграфного агентства посетивший Омск генерал Каппель сказал:

«Я только что прибыл с фронта со специальной целью выяснить ряд вопросов, связанных с работой и с жизнью корпуса. Настроение нашей армии в настоящее время твердое, дающее надежду и уверенность в успехе борьбы с большевиками. Что касается настроения моего корпуса, то ему пришлось все время вести операции в трудных условиях. Несмотря на это он по-прежнему стоек и уверен в своем конечном успехе. Для полного торжества дела надо, чтобы фронт был обеспечен возможно полнее всем необходимым и прежде всего людьми, особенно же добровольцами, как наиболее сознательными бойцами. Их убыль за полтора года бое-

Поздравительная телеграмма В.О. Каппелю с днем ангела от начальника 3-й Симбирской дивизии генерал-майора К.Т. Подрядчика
РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

* Русское дело. Омск. 1919. 16 октября. № 9.

вой деятельности корпуса сильно заметна. Тыл должен приложить все силы к снабжению фронта всем необходимым: теплыми вещами и бельем. Большой частью добровольцы из дружин Святого Креста слиты с другими частями, но есть отдельные формирования, в которых добровольчество составляет значительный процент. Так как добровольческий элемент самый сознательный, настоятельно необходимо, чтобы в тылу была развита самая усиленная агитация в пользу добровольчества. Больше сознания, больше гражданского долга со стороны всех кругов общества, и дело возрождения Родины пойдет быстрее. Общество должно возможно шире организовать дело помощи больным и раненым войнам, семействам убитых и находящихся на фронте. В корпусе моем уже существует особый фонд помощи раненым и больным, но средства еще не вполне достаточны. Долг общества прийти на помощь в самых широких размерах. Я очень тронут теплым приемом, оказанным Омским обществом, откликнувшимся горячо на День каппелевцев».

ПРИКАЗ ВОЛЖСКОЙ АРМЕЙСКОЙ ГРУППЕ*

5 ноября 1919 года, станция Булаево

§1

Приказом Верховного правителя я назначен командующим войсками Московской группы армий.

Расставаясь с родным мне Волжским корпусом и всеми войсками группы, я приношу Вам, доблестные войска, глубокую благодарность за дружную совместную боевую работу со мною в течение минувшего периода тяжелой борьбы.

Я уверен, что твердая вера в наше святое дело и Ваш бодрый дух никогда не покинут Вас и будут служить Вам залогом конечного успеха в борьбе с врагами русского народа.

Сохраняя навсегда тесную связь с Вами, желаю Вам боевого счастья и боевых успехов для скорейшего освобождения нашей истерзанной Родины.

---

* РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 63. Лл. 1-1 об.

§2

Во временное исполнение должности командующего Волжской армейской группы вступить начальнику Самарской дивизии генерал-майору [А.С.] Имшенецкому.

*Командующий Волжской армейской группы
Генерального штаба генерал-майор
[В.О.] Каппель
Начальник штаба
Генерального штаба генерал-майор
[С.М.] Барышников*

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ В.О. КАППЕЛЯ К КРЕСТЬЯНАМ*

[1919 год]

[...] Там, где утверждается советская власть, там не будет трудовой крестьянской собственности, там в каждой деревне небольшая кучка бездельников, образовав комитеты бедноты, получит право отнимать у каждого все, что им захочется.

Большевики отвергают Бога, и, заменив Божью любовь ненавистью, вы будете беспощадно истреблять друг друга. Большевики несут к вам завет ненависти к Христу, новое красное евангелие, изданное коммунистами в Петрограде в 1918 году. [...]

НА СМЕРТЬ КАППЕЛЯ**

Вместо венка на могилу героя

*Тише!.. С молитвой склоняем колени...
Пред вами героя родимого прах...
С безмолвной улыбкой на мертвых устах
Он полон нездешних, святых сновидений...
Ты умер!.. Нет!... Верю я верой поэта:
Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста,
И нам не ответят улыбкой привета,
И пусть недвижима могучая грудь...
Но подвигов славных жива красота...
Наш символ бессмертный – твой жизненный путь.*

* РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 6.

** Забайкальская новь. 1920. 25 февраля.

*«За Родину! В бой» – ты кликнешь призывом,
Орлов-добровольцев к себе созовешь...
Но верю – своим беспримерным порывом,
Как пламенем, русское сердце зажжешь ..*

*Ты бился за волжские дивные дали,
И песнь тебе сложит волгарь...
И Камы привольной угрюмый косарь
В тех песнях забудет о прошлой печали. .*

*И эхом ответным Уральские горы
Откликнутся Волге... Тайга загудит...
И братья забудут кровавые споры,
И песню про Капеля сложит народ..*

*И Капеля имя, и подвиг без меры,
Средь славных героев вовек не умрет...
Склони же колени пред символом веры,
И встать за Отчизну, Родимый Народ...*

*А. Котомкин-Савинский
Чита. 22 февраля 1920 года*

ВОСПОМИНАНИЯ О СВЯТО-ИВЕРСКОЙ ЦЕРКВИ В ХАРБИНЕ

Последние несколько лет работы проекта «Белые войны» по поиску и перезахоронению останков генерала В.О. Капеля неизменно были связаны со Свято-Иверской церковью в Харбине, в ограде которой в 1920 г. был во второй раз похоронен один из вождей Белого движения. К сожалению, в храме уже не одно десятилетие не ведутся богослужения, а сам он пришел в полное запустение. Намеченная властями города реконструкция грозит и вовсе до неузнаваемости изменить его облик. Тем важнее для нас знать историю этого храма-памятника, игравшего большую роль в жизни русского Китая и русской эмиграции 1920–1940 гг.

Н.Н. Устьянцев (Австралия) – внук первого настоятеля Свято-Иверского храма в Харбине, протоиерея Сергея Брадучана (1874–1940). Никита Николаевич поделился своими личными воспоминаниями об Иверском храме, а также прислал некоторые материалы о нем из своего семейного архива.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье.

– Мой дед, Сергей Димитриевич Брадучан был родом из Бессарабии, в 1897 году он окончил Одесскую духовную семинарию, был рукоположен в 1898 г. Служил военным священником; с 1906 г. – в Заамурском округе Пограничной стражи, сначала был настоятелем Свято-Николаевской походной церкви в Старом Харбине. В 1907 г. отец Сергей стал одним из инициаторов строительства Свято-Иверского храма – церкви Заамурского пограничного округа. Решено было строить ее на Офицерской улице – в том районе Харбина, где размещались военные казармы. Новый храм был освящен в июне 1908 г., и о. Сергей стал его первым настоятелем. Через несколько лет стены внутри храма были расписаны. На стенах и внутренних сводах были увековечены фамилии погибших воинов Русской армии, а после Гражданской войны – также фамилии некоторых павших белых воинов. Это был, можно сказать, во-

енный храм-памятник. Видимо, поэтому осенью 1920 г. останки генерала В.О. Каппеля были перезахоронены именно у стены Свято-Иверской церкви.

Отец Сергей служил в Иверском храме вплоть до своей кончины в 1940 г., с перерывом в пять лет (1923–1928), когда он служил в Свято-Николаевском соборе. Много лет он преподавал Закон Божий: в школе-приюте имени Наследника Цесаревича для детей офицеров Заамурского пограничного округа и в женской гимназии М.А. Оксаковской, где училась и его дочь Галина (моя мать). Отец Сергей был похоронен у южной стены Иверской церкви. Моя бабушка, Анастасия Минична, скончалась в 1942 г. и была похоронена в склепе рядом с ним.

Мой отец, Николай Петрович Устьянцев, был участником Первой мировой войны, Георгиевским кавалером. В Гражданскую служил офицером в армии адмирала А.В. Колчака, затем жил в Харбине, женился на дочери о. Сергия Галине, был предпринимателем: владел концессиями по заготовке леса, конным заводом, пекарней и др. В 1945 г., незадолго до моего рождения, родители находились на своей отдаленной заимке в окрестностях селения Зямусы, недалеко от границы с СССР. По территории заимки в это время проходили вступившие в Маньчжурию советские войска, и отец, как ее владелец и бывший белый офицер, был арестован и сразу отправлен в СССР (где провел восемь лет в ГУЛАГе). Матери удалось бежать, и она вместе со своей подругой (моей будущей крестной) окольными путями добиралась до Харбина. Я родился в дороге, в городке Тоген, в октябре 1945 г.

– Какие воспоминания у Вас остались об Иверской церкви?

С Иверской церковью было связано все мое детство. Мы

Протоиерей
Сергий Дмитриевич Брадучан.
1927 г.

с матерью жили в квартире в двухэтажном церковном доме рядом с храмом. Вокруг были и другие здания, в том числе построенные на средства Иверского прихода: ясли (которые я посещал в раннем детстве) и Серафимовская церковная столовая, а также бывшие военные казармы, построенные еще в начале XX в. С западной и северной сторон от храма был расположен красивый парк.

Жили мы скромно (владения отца были конфискованы или разграблены), мать была вынуждена распродавать оставшееся имущество, подрабатывала надомным шитьем.

Прихожане Иверского храма сохраняли память об отце Сергие. Одна знакомая рассказывала мне, что на одной из фресок внутри храма в лике ангела были заметны черты лица моей бабушки, матушки Анастасии, а в лике другого ангела – моей матери. Я храню портрет бабушки, написанный художником В. Казаковым. Мать говорила, что он участвовал в росписи Иверской церкви.

С шести лет я постоянно прислуживал в алтаре. В эти годы настоятелями Иверского храма были митрофорный протоиерей Аристарх Пономарев, протоиерей Антоний Галушко и последний настоятель – протоиерей Валентин Барышников (кстати, именно он крестил меня в 1945 г.). Все это время дьяконом служил о. Валентин Кормилов, который был прекраснейшим человеком, всегда помогал в обучении прислужников. Помню, как на Радоницу всегда

Свято-Иверская церковь.
1970 г.

доставали объемистые поминальники, в которых были записаны многочисленные имена погибших русских воинов. Из-за контроля со стороны советских органов в Харбине в эти годы было уже невозможно открыто помянуть на службе убиенную Царскую семью, поэтому священники в Иверском храме поминали их как «воина Николая с семьей».

Школа, которую я посещал с семи лет, называлась, подобно всем харбинским школам в то время, «4-я советская средняя школа». Занятия в ней проходили в две смены. Сначала она рас-

полагалась в розовом здании на Пристани (называли ее «Розовая школа»), затем переехала в помещение Охотничьего клуба. Учились мы по учебникам советского образца. Хорошо помню, что в самые первые годы в учебниках часто упоминался Сталин, а затем были внесены изменения, имя его «вычеркивалось».

По пути в школу я всегда проходил мимо могилы генерала В.О. Каппеля, находившейся у северной стены Иверского храма. Однажды, когда мне было лет десять (то есть примерно в 1955 г.) утром я, как всегда, прошел мимо памятника на могиле генерала, а, возвращаясь из школы, не поверил своим глазам – на этом месте уже ничего не было! От памятника не осталось и следа, у стены храма было ровное место...

Я заметил, что вскоре после этого события на стенах внутри храма около фамилий тех, кто погиб в Гражданскую войну, были замазаны годы их смерти. Видимо, это сделал кто-то из приходского совета, боясь продолжения надругательства над памятью погибших.

Примерно в 1956–1957 гг. китайцы начали строить новое здание с северной стороны от храма, устроив при этом с южной стороны склад стройматериалов, куда постоянно подъезжали грузовики. Стена склепа, в котором был похоронен о. Сергей, была повреждена, и мне пришлось засыпать образовавшееся отверстие землей. Думаю, что в связи с этим строительством поднялся уровень мостовой – как я заметил по фотографиям, наперть храма теперь находится гораздо ниже, чем 50 лет назад. Неудивительно, что останки Каппеля оказались лежащими так глубоко под землей.

– Когда Ваша семья уехала из Харбина?

– Мой отец был освобожден в 1953 или 1954 г., затем жил в Магадане и долго добивался разрешения вернуться в Маньчжурию. В 1956 г. его выпустили, и он приехал в Харбин (тогда я

Свято-Иверская церковь.
1990-е гг.

впервые увиделся с ним), но был уже психически и физически сломленным человеком. Как и многие другие русские, мы вынуждены были уехать из Харбина. В сентябре 1957 г. мы с матерью выехали в Гонконг, а отец должен был ехать следом за нами. Однако в Гонконге нас уже ждала телеграмма с известием о его смерти в Харбине... Мы с матерью пробыли в Гонконге семь месяцев и затем получили возможность уехать в Австралию. Моя мать Галина Сергеевна скончалась в г. Брисбен в 1993 г.

– Что Вам было известно о дальнейшей судьбе Иверской церкви?

Как нам рассказывали знакомые, после смерти о. Валентина Барышникова в 1962 г. службы в Иверском храме прекратились, а через несколько лет, во время «культурной революции», алтарь и все внутреннее убранство были сожжены. Мне говорили, что тогда же был разрушен гранитный памятник на могиле о. Сергия. Внутренние росписи стен были позже покрашены краской. Такова печальная участь храма, в котором, можно сказать, я вырос.

– И в заключение, что бы Вы хотели пожелать проекту «Белые войны»?

Хочу пожелать агентству «Белые войны» и лично Александру Николаевичу Алекаеву успехов в их будущих проектах. Эта группа энтузиастов не только оказала должные почести героям Белого движения – в процессе поисков, подготовки раскопок и перезахоронения останков генерала В.О. Каппеля им удалось найти новые материалы о нем и его соратниках, открыть новые страницы русской истории XX в. Памятники, воздвигнутые белым войнам, увековечивают для будущих поколений память об этих патриотах России.

Еще раз сердечно благодарю Александра Николаевича и его коллег за значительный вклад в сохранение русской истории. Желаю им больших успехов в этом благороднейшем деле!

Мне хотелось бы также выразить благодарность Л.Ю. Тремсиной за подготовку этой публикации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Ж. Цветков
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА
5

часть первая
Ф.В. ВИНБЕРГ
7

А.А. Иванов
УЛАН ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ПОЛКОВНИК ФЕДОР ВИКТОРОВИЧ ВИНБЕРГ
9

Ф.В. Винберг
В ПЛЕНУ У «ОБЕЗЬЯН»
(ЗАПИСКИ «КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА»)
50

часть вторая
Ф.Н. БЕЗАК
307

А.А. Иванов
КАВАЛЕРГАРД ИМПЕРАТРИЦЫ
ПОЛКОВНИК ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ БЕЗАК
309

Ф.Н. Безак
ВОСПОМИНАНИЯ О КИЕВЕ
И О ГЕТМАНСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ
346

часть третья

А.С. ГЕРШЕЛЬМАН

455

С.Г. Зирин

ВЕРНЫЙ ПАЖЕСКИМ ЗАВЕТАМ

ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГЕРШЕЛЬМАН

457

А.С. Гершельман

ЭМИГРАЦИЯ

489

часть четвертая

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

625

А.А. Иванов, С.Г. Зирин

**КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК,
УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ ЛИЦ**

627

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

705

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

721

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

723

**ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»
«КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ».**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

725

**ВОСПОМИНАНИЯ
О СВЯТО-ИВЕРСКОЙ ЦЕРКВИ В ХАРБИНЕ**

742

Военно-историческая серия «Белые Воины»

МАРКОВ и марковцы

Первая книга серии представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широкому кругу российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это – дневник С.Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало – в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917–1920 годах.

Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

КАППЕЛЬ и каппелевцы

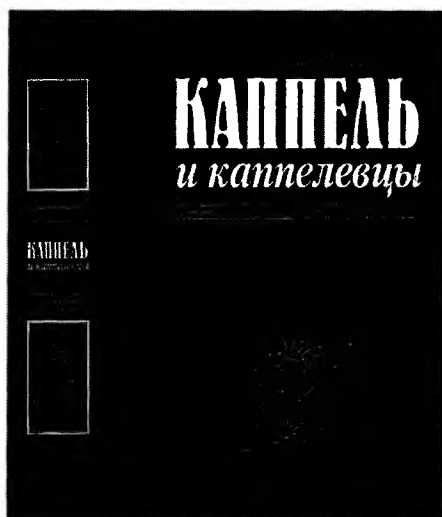

Вторая книга серии «Белые воины», выдержавшая уже два издания, посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков, посвященные истории Народной армии Самарского Комуча, частей 1-го Волжского корпуса армии Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и др. Приведены данные о социальном составе каппелевцев, специфике комплектования белых армий, особенностях боевых действий на Восточном фронте Гражданской войны.

Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного военного архива, а также из частных коллекций.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

Генерал ДИТЕРИХС

Третья книга серии «Белые Воины» посвящена судьбе последнего белого правителя и Главнокомандующего белой армии в России – генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса. Глава Приамурского Земского края осенью 1922 года предпринял попытку возрождения Русской Монархической государственности и Православной традиции на Дальнем Востоке. Основу книги составили документы из российских и зарубежных архивов, личного архива наследника генерала Дитерихса А.А. Васильева (Дания), воспоминания его современников и друзей.

Издание рассказывает об основных этапах жизни и боевой биографии генерала Дитерихса. Отдельно представлены отрывки из его исследования «Гибель Царской Семьи», приведены решения Приамурского Земского Собора. Большой интерес представляют и документы, отражающие эмигрантский период жизни генерала Дитерихса. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов и личного архива А.А. Васильева.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

ДРОЗДОВСКИЙ И ДРОЗДОВЦЫ

Четвертая книга серии «Белые Воины» рассказывает об истории одной из самых доблестных частей Добровольческой армии – Дроздовской стрелковой дивизии и ее легендарном шефе – генерал-майоре Михаиле Гордеевиче Дроздовском. В книге опубликованы материалы о формировании и начале боевого пути 1-й бригады русских добровольцев, ее героическом переходе с Румынского фронта на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Приведены воспоминания об участии дроздовцев во 2-м Кубанском походе, боях 1919–1920 гг. Биографический очерк о генерале Дроздовском показывает непростую судьбу русского офицера, не изменившего присяге и Отечеству в годы тяжелых испытаний русской смуты. Интересны материалы о судьбах дроздовцев в Зарубежье. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также из коллекций А. Соколовского (Париж) и В. Чичерюкина-Мейнгардта.

Научный редактор
серии – кандидат исторических наук
В.Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

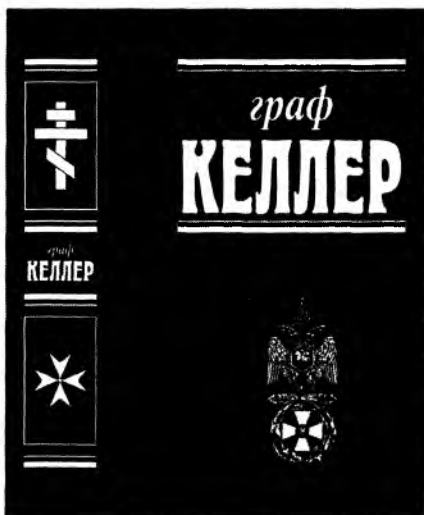
Граф КЕЛЛЕР

Пятая книга серии «Белые воины» посвящена судьбе генерала от кавалерии графа Ф.А. Келлера (1857–1918). Участник русско-турецкой и Великой войн, один из наиболее известных кавалерийских начальников Русской Императорской армии, Федор Артурович Келлер оказался одним из немногих офицеров, сохранивших в феврале 1917 года верность данной Государю присяге. Жизнь его трагически оборвалась в 1918 году во время Гражданской войны в Киеве.

Историко-художественная книга православного историка и писателя С.В. Фомина – первое подробное исследование, посвященное этой выдающейся личности. Жизнеописание графа Ф.А. Келлера дано на широком фоне эпохи, начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 годов и заканчивая начальным периодом второй русской смуты. Документальный очерк историков Р.Г. Гагкуева и С.С. Балмасова посвящен последним годам жизни блестящего кавалерийского офицера и рассказывает о его участии в Великой и Гражданской войнах. Основу исследования составили впервые публикующиеся документы 10-й кавалерийской дивизии и 3-го кавалерийского корпуса, которыми командовал Федор Артурович в годы Мировой войны, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, а также частных коллекций.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В.Ж. Цветков.

Верная гвардия
Русская смута глазами офицеров-монархистов

Верстка текстовой части

В Н Карпухин

Компьютерные работы для иллюстративной части

В Н Карпухин

Корректор

Л Б Казьмина

Формат 60x90/16 Объем 47 усл печ л + 15 усл печ л цв вкл Гарнитура «Петербург» Тираж 2000 экз

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005 Москва ул Фр Энгельса 46